

**Исторический очерк состояния
православной церкви в Литовской
епархии за время 1839–1889 годов
протоиерей Николай Извеков**

Глава I. Епархиальное Управление

Пределы Литовской епархии. Епархиальные архиереи. Преосвященные викарии. Духовная консистория. Благочинные. Съезды благочиннические, училищные и епархиальные. Литовские епархиальные ведомости, как официальный орган епархии.

В год воссоединения униатов, т.е. в 1839 году, в состав Литовской епархии входили, кроме тех частей, которые находятся в оном в настоящее время, еще части нынешних епархий – Минской, Волынской, Киевской и Каменец-Подольской, которые были приписаны от униатской Белорусской епархии к униатской же Литовской епархии, по представлению обер-прокурора Св. Синода, Протасова, в видах подготовки их, под руководством пр. Иосифа Семашки, к воссоединению с православною церковью. Впрочем, уже в следующем году, после воссоединения униатов, т.е. в 1840 году, произошла перемена в составе Литовской епархии, вызванная местными удобствами, а именно: воссоединенные церкви Минской губернии, принадлежавшие прежде к униатской Литовской епархии, перешли к Минской, а древле-православные церкви последней, расположенные по Гродненской губернии и Белостокской области, были причислены к Литовской епархии. Древле-православные церкви, состоявшие в Виленской губернии, были перечислены от Полоцкой к Литовской епархии, и последняя была поставлена во второй класс, после Херсонской, и пр. архиепископу Иосифу, получившему сей титул в день официального утверждения Императором Николаем Павловичем акта о воссоединении униатов, т.е. 25 марта 1839 года, было назначено 6 апреля 1840 года именоваться Литовским и Виленским и священно архимандритом Троицкого Виленского монастыря, а с 14 марта 1845 год – Св. Духовского, викарию же его, «Брестским», вместо «Пинского». Между тем в 1842 году произошли новые перемены в составе Литовской епархии. 18 декабря сего года, по Высочайшему повелению, в видах уравниения северо-западных губерний в пространстве и

населении, была составлена из северных уездов нынешней Виленской губернии – Тельшевского, Шавельского, Россиенского, Ново-Александровского, Вилкомирского и части Ковенского, новая губерния, под названием Ковенской, с назначением г. Ковны губернским городом. При сем разделении, границы уездов, Тельшевского, Шавельского и Упитского, которому повелело впредь именоваться по названию уездного города – Поневежским, равно как Ново-Александровского и Вилкомирского, оставлены были без всякого изменения, а от Россиенского отделено все пространство между рекой «Дубиссою» и границею Шавельского уезда в состав Поневежского уезда, с прибавлением с другой стороны не большего пространства земли до перешейка, на котором стоит местечко «Румшишки». Южная половина нынешней губернии Виленской, т.е. уезды: Виленский, Ошмянский и Завилейский (переименованный в тоже время в Свенцянский) были оставлены по-прежнему в составе сей губернии. Взамен же отошедших от неё северных уездов, отделены были к ней от Гродненской губернии – Лидский уезд, а от Минской – Дисненский и Вилейский уезды. Вместо же города Ковны, отошедшего от Виленской губернии, был восстановлен упраздненный город Троки, к уезду которого было приписано все пространство нынешнего Ковенского уезда до черты местечка Румшишек или до юго-западной оконечности вновь учрежденной Ковенской губернии. От Гродненской губернии был отделен к Минской Новогрудский уезд. Гродненская же губерния составила из остальных уездов сей губернии, т.е. Гродненского, Волковысского, Слонимского, Брестского, Бобринского и трех уездов упраздненной Белостокской области, а именно: Белостокского, Сокольского и Пружанского, при чем Дрогиченский уезд был присоединен к Бельскому, и губернским городом в сей губернии был назначен г. Гродна.

С того времени и по настоящее Литовская епархия состоит из трех губерний – Литовской, Ковенской и Гродненской и с теми же уездами. В скором же времени, после нового распределения состава Литовской и сопредельной епархии Минской, состоялась передача дел, касающихся церквей и духовенства,

отчисленных от одной епархии к другой, причем число церквей осталось по Виленской губернии 130, Ковенской 13 и Гродненской – 304.⁶ Во главе Литовской епархии в течении пятидесятилетия со времени воссоединения униатов стояло четыре иерарха: архиепископ, а с 1852 митрополит Иосиф по 23 ноября 1868; архиепископы Макарий, с 10 декабря 1868 по 8 апреля 1879; Александр, с 22 мая 1879 по 28 апреля 1885 и Алексей с 11 мая 1885 по 10 ноября 1890 Митрополит Иосиф Семашко был сын⁷ греко-униатского священника из села Павловки, Липовецкого уезда, Киевской губернии, и первоначально обучался в Немировской гимназии, а затем с 16 июня 1816 в главной семинарии при Виленском университете, в которой и окончил курс в 1820 со степенью магистра богословия. По возвращении в епархию, он был определен к должностям: кафедрального проповедника, ассесора Луцкой Греко-униатской консистории и профессора богословия в епархиальной семинарии. 26 декабря 1820 рукоположен во диакона, а 28 декабря 1821 во священника. 7 января 1822 назначен Луцким протопресвитером, а 30 июня сего же года избран в ассесоры римско-католической, а после греко-униатской духовной коллегии. 23 марта 1823 произведен в сан каноника, и 8 октября 1825 в сан прелата-схоластика Луцкого униатского кафедрального капитула; в марте 1828 назначен старшим соборным протоиереем, а 4 августа 1829 посвящен во епископа Мстиславского, викария и председателя консистории Белорусской греко-униатской епархии, с правом присутствия в коллегии, когда будет в Санкт-Петербурге. В 1833 назначен епархиальным архиереем Литовской греко-униатской епархии, при чем с 2 марта 1838 по 14 августа 1843 года состоял председателем греко-униатской духовной коллегии. 25 марта 1839 года по Высочайше утвержденному определению Св. Синода, был принят в общение с православною церковью и возведен в сан архиепископа. 1 апреля 1847 назначен членом Св. Синода, а 30 марта 1852 года возведен в сан митрополита. Скончался 23 ноября 1868

Как известно, пр. Иосиф был одним из главнейших помощников Императора Николая Павловича в деле

воссоединения униатов. После сего воссоединения, пр. Иосиф, как сам воссоединенный архиерей, обязанный ответственностью пред воссоединенными и за воссоединенных, старался, по мере возможности, поставить дело православия и русской народности в северо-западном крае на твердую почву и оберегать его от внутренних и внешних врагов. Тем не менее митрополит Иосиф, между прочим, вследствие ослабления своего здоровья, с 1856 года постепенно увеличивавшегося, оставил своему преемнику епархию в довольно расстроенном положении почти по всем частям епархиального управления.⁸ По при всем том, личность митрополита Иосифа должна занимать видное место в истории, как церковной, так и гражданской, по тому выдающемуся значению, которое он имел в деле воссоединения униатов с православною церковью. Вследствие сего и св. Синод, приняв во внимание, между прочим, ходатайства епархиальных преосвященных северо и юго-западного края, воздал должную честь заслугам митрополита Иосифа, постановив в начале 1870, чтобы в день его кончины, 23 ноября, во всех церквах северо и юго-западного края совершалось заупокойное молитвенное поминовение его.

Преемником митрополита Иосифа был известный в истории отечественной церкви, но своей учености, архиепископ Макарий⁹ Булгаков, в мире Михаил Петрович. Родился он 19 сентября 1816 в селе Суркове, Ново-Оскольского уезда, Курской губернии. 14 июля 1837 окончил курс в Курской семинарии, в 1841 окончил курс в Киевской духовной академии, в которой 15 февраля сего же года пострижен в монашество, 25 марта посвящен в сан иеродиакона, а 29 июня – в иеромонаха. Состоя в должности бакалавра с 27 августа 1841 по 12 июля 1842 Киевской академии, а после – Санкт-Петербургской, он был утвержден 9 декабря 1842 в степени магистра богословия, а 16 октября 1844 назначен инспектором сей академии, с возведением 20 декабря в сан архимандрита. 31 октября 1847 удостоен степени доктора богословия и 20 декабря 1850 назначен ректором Санкт-Петербургской духовной академии. 28 января 1851 рукоположен во епископа Винницкого, викария Подольской епархии, с оставлением в должности ректора

академии. 1 мая 1857 назначен епископом Тамбовским; апреля 18 1859 переведен на Харьковскую кафедру, а в 1862 г, апреля 8 возведен в сан архиепископа. 10 декабря 1868 назначен архиепископом Литовским и Виленским и 8 апреля 1879 – митрополитом Московским. Скончался 9 июня 1882 года.

Служение на Литовской кафедре не могло не представляться для пр. Макария затруднительным, особенно в первое время, по незнакомству его с положением дела в северо-западном крае и при той запущенности в делах епархиальн. управления, которую он, между прочим, констатировал в своем отчете св. Синоду о состоянии Литовской епархии за 1869 год.¹⁰ В первые годы своего служения в Вильне, пр. Макарий, достаточно ознакомившись с делами и лицами, с энергией стал было бороться с различными недостатками, замеченными им в церковной жизни в Литовской епархии, и сделал не мало распоряжений, более или менее целесообразных и направленных к устранению сих недостатков. К сожалению, десятилетнее служение пр. Макария в Литовской епархии в результате своем не принесло той пользы, которой можно было ожидать от него, судя по первым шагам его, по вступлении на кафедру Литовскую. Это в значительной степени объясняется тем, что пр. Макарий был скорее гостем в своей епархии, чем хозяином, так как большую часть года он проводил в Санкт-Петербурге по обязанности члена св. Синода и исполняя в то же время другие возлагавшиеся на него поручения, как-то: ревизии духовных академий, председательство в комитете по вопросу о реформе церковного суда и прочее.

Впрочем, и проживая в Вильне, в своей епархии, пр. Макарий мало занимался епархиальными делами, с одной стороны, вследствие естественного желания отдохнуть после многосложных занятий в Санкт-Петербурге, а с другой, вследствие привязанности к научным занятиям, результатом которых явился составленный им в Вильне IX том его истории церковной, изображающий историю западно-русской или Литовской митрополии и возникновение церковной унии в Литве.¹¹ Будучи уже митрополитом Московским, почивший

архипастырь вспоминал с наилучшей стороны время своего служения в Вильне, именно за то, что ему здесь удалось устроиться в своем вкусе, почти в совершенном уединении, в такой прекрасной местности, как Тринополь, загородная дача Литовских архиепископов. Богослужение совершалось им только по праздничным и воскресным дням, и то не всегда, а для приема просителей было назначено только два часа от 10 до 12, и лишь в случаях особенной важности он принимал от 5 до 6 часов вечера.

Сам пр. Макарий обозрел только некоторую часть своей епархии, преимущественно монастыри и городские церкви. Вообще же значительная часть бремени управления епархией была возложена им на своего первого викария. Между тем викарии менялись и при том нередко (первых викариев с 1869 по 1879 было 3) а с переменою их, изменялись более или менее и взгляды сих преосвященных на положение дел в епархии, с которым они, впрочем, и не всегда могли ознакомиться надлежащим образом, за кратковременностью своего служения. Нельзя скрыть и того, что самое мнение преосвященных викариев, как видно из дел консистории Литовской, далеко не всегда имело то авторитетное значение, какое могло бы иметь мнение по известному делу самого епархиального начальника.¹² И в существе дела, управление епархией исходило из консистории, как то было и при митрополите Иосифе. При всем том, пр. Макарий оставил по себе добрую память в Литовской епархии, как за дарование ей выборного начала, которое, после тяжелого режима, замечавшегося наиболее всего в последние годы жизни митрополита Иосифа, вследствие преобладавшего значения консистории и особенно первенствующего члена её – зятя митрополита, кафедрального протоиерея Гомолицкого, казалось для духовенства сей епархии величайшим благом, так и за свое благородное обращение со всеми, при неизменном желании держаться справедливости в решении дел.

После перевода пр. Макария на Московскую митрополию, его место занял архиепископ Донской – Александр. В миру он назывался Андрей Васильевич Добрынин и был сын священника Ярославской губернии, Мологского уезда. По окончании курса в

Ярославской семинарии, он поступил в Санкт-Петербургскую академию, в которой окончил образование в 1843, с удостоением в 1845 степени магистра богословия. 17 ноября 1846 пострижен в монашество, 20 – посвящен в иеродиакона и 21 – в иеромонаха и проходил должности сперва преподавателя, помощника инспектора и эконома в Новгородской семинарии; 31 октября 1847 назначен инспектором Пермской семинарии, а 30 марта 1849 перемещен на ту же должность в Новгородскую семинарию. С 31 августа 1851 по 17 октября 1860 состоял ректором Литовской духовной семинарии и благочинным монастырей. 21 ноября 1860 хиротонисан в церкви Виленского Свято-Троицкого монастыря во епископа Ковенского, первого викария Литовской епархии, в каковой должности состоял по 14 августа 1868, когда был назначен епископом Минским. 27 марта 1877 возведен в сан архиепископа, 25 апреля того же года переведен на Донскую кафедру; 22 мая 1879 назначен архиепископом Литовским и скончался в Вильне 28 апреля 1885. Таким образом из послужного списка сего архипастыря можно было бы вывести то заключение, что назначение пр. Александра на Литовскую епархию, с которой он был так хорошо знаком, было весьма удачно.

Но действительность не оправдала тех надежд, которые соединялись с его назначением в Вильну. Главною причиною того было то, что он с Дона прибыл с надломленным здоровьем, которое еще более ослабело после перенесенного им ревматизма в Санкт-Петербурге и сильного нравственного потрясения, вызванного злодейским убиением Императора Александра Николаевича. В Вильну из Санкт-Петербурга, где он пребывал от 23 мая 1880 по 2 мая 1881 для присутствия в св. Синоде, архипастырь явился уже совершенно больной. И хотя после того, несколько оправившись от недуга, пр. Александр продолжал управлять епархией и делать даже объезды по епархии, но ослабление у него энергии и по временам забывчивость явно сказывались в делах епархиального управления. Пред своею кончиною, владыка, страдая водянкой, более полугода не мог выходить даже из своих покоев, хотя

продолжал подписывать все бумаги. Неудивительно, что при таких обстоятельствах, управление епархией также сосредоточилось в консистории, и своему преемнику пр. Александр оставил епархию также неблагоустроенною.

Преемником архиепископа Александра был пр. Алексей Лавров – Платонов,¹³ в мире Александр Феодорович, сын священника Пошехонского уезда, Ярославской губернии. По окончании курса в Ярославской семинарии, он поступил в Московскую духовную академию, где и окончил курс в 1854 со степенью магистра богословия. С 9 октября сего года по 6 апреля 1878 состоял бакалавром и затем профессором Московской духовной академии; 9 января 1878 пострижен в монашество, 10 – посвящен в иеродиаконы; 12 – в иеромонахи, 17 марта возведен в сан архимандрита и 30 апреля хиротонисан во епископа Можайского, второго vicария Московской митрополии. 22 января 1883 назначен епископом Дмитровским, первым vicарием той же митрополии; 9 марта 1885 епископом Таврическим и Симферопольским, а 11 мая того же года – епископом Литовским и Виленским, при чем 13 апреля 1886 возведен в сан архиепископа. Скончался 10 ноября 1890. В лице сего святителя Литовская кафедра удостоилась видеть образец благоговейнейшего служителя церкви, опытного и мудрого администратора, в короткое время хорошо сумевшего узнать местные условия края, познакомиться с делами и лицами, попечительного о бедных и сирых отца, щедрого благотворителя и вполне доступного для всех, имевших в нем нужду, начальника. Вообще это был образцовый правитель епархии, который зорко следил за всем и твердо держал в своих руках все нити епархиального управления, так что консистория, имевшая такое преобладающее значение в управлении Литовской епархией при трех его предшественниках, при пр. Алексии заняла, как и следовало, второстепенное положение, служа для него только вспомогательным органом епархиального управления. Выслушивая охотно советы людей сведущих по известному делу, пр. Алексей принимал эти советы только к сведению, а дело решал самостоятельно, по долгу и тщательном

размышлении, от чего может быть и происходило некоторое замедление в делах, но только во благо самому делу. Эта самостоятельность владыки отнимала всякий повод к предположениям, что он в том или другом случае поступил под чьим-либо влиянием. Вообще, если бы не преждевременная кончина пр. Алексия, вызванная в значительной степени непосильными для него трудами, выпавшими на его долю на новом поприще его служения, и церковь и отечество увидели бы самые благотворные последствия от его архипастырской деятельности в северо-западном крае.¹⁴

Преосвященные викарии Литовской епархии были ближайшими помощниками епархиальных преосвященных по управлению епархией, если далеко не всегда в действительности, то, по крайней мере, по идее. До времени открытия Ковенской губернии в 1843 был только один викарий Литовской кафедры, именовавшийся до 1840 епископом Пинским, а с 1843 и по настоящее время их два, из коих первым именуется епископ Ковенский, а вторым – Брестский.

Впрочем, и по времени открытия Ковенского викариатства и по малому числу церквей, находящихся в Ковенской губернии, епископу Ковенскому следовало бы, по-видимому, именоваться вторым викарием, тогда как епископу Брестскому и по времени существования сего викариатства еще до воссоединения униатов, только под другим названием, и по числу церквей, находящихся в сем викариатстве,¹⁵ превышающем число оных в Ковенской и Виленской губернии вместе взятых, надлежало бы иметь титул первого викария. Впрочем, для такого предпочтения Ковенского викариатства пред Гродненским некоторым основанием может служить отчасти то обстоятельство, что викарий Ковенский, и за малочисленностью церквей, находящихся в его ведении, и по близости большей к Вильне г. Ковны, в сравнении с г. Гродною, где проживает Брестский викарий, является иногда заместителем епархиального Литовского архиерея, во время ли его отсутствия, или за болезнью. Еще митрополиту Иосифу в 1843 году было разрешено св. Синодом вызывать в Вильну, по мере надобности, как для совершения богослужения, так и для

участия в рассмотрении важнейших дел, того или другого викарии. С этого времени пр. викарии Ковенские сделались уже постоянными заместителями епархиальных преосвященных за отсутствием их из епархии или за болезнью, и проживали в Вильне в Свято-Духовском монастыре, в так называемых настоятельских покоях, тогда как в Ковне в зимнее время помещение они имеют в самом городе, в здании, где помещается причт Ковенского собора, а в летнее время, в 10 верстах от города, в Пожайском монастыре.

Так было при митрополите Иосифе, когда он находился в Санкт-Петербурге для присутствия в св. Синоде, и особенно за последние 12–13 лет его жизни, когда он, за болезнью, мог только редко совершать богослужение и должен был сложить не малую часть бремени управления епархией на первого викария. Так было и при архиепископе Макарии, который, как уже мы говорили раньше, большую часть года проводил в Санкт-Петербурге, так было и при архиепископе Александре даже в то время, когда он еще мог сам совершать богослужение. Но со вступлением пр. Алексия на Литовскую кафедру, Ковенские преосвященные викарии стали уже почти безотлучно проживать в Ковне, за исключением того времени, когда архиепископ Алексей с 24 ноября 1888 по 18 мая 1889 года находился в Санкт-Петербурге для присутствия в св. Синоде,¹⁶ а после того пр. викарий приезжал в Вильну лишь на несколько дней по неотложным делам. Что касается до степени пользы, которую приносили церкви своею деятельностью пр. викарии в Литовской епархии, то она обуславливалась, с одной стороны, личностью того или другого пр. викария, разумея большую или меньшую энергию его и способность ориентироваться среди разнообразных условий местной церковной жизни, а с другой – долговременностью служения в здешней епархии и обширностью того круга епархиальных дел, который предоставлялся им епархиальными преосвященными. Во всяком случае частая перемена викариев, при не долговременности служения после митрополита Иосифа и самих епархиальных преосвященных, Александра и Алексия и ежегодном продолжительном пребывании в Санкт-Петербурге

пр. Макария, не могла не отзываться со вредом на церковной жизни в Литовской епархии. Со времени открытия Ковенского викариатства в 1843 и до 1893 переменялось 14 викариев, а в Брестском викариатстве с 1840 по 1893 – 10. Особенно частая перемена пр. викариев заметна в Ковенском викариатстве с 1885, когда в течение 10 лет – по 1895 переменялось их 6.

Вред от такой частой перемены пр. викариев, состоит в том, что они не в состоянии надлежащим образом ознакомиться со всеми недостатками в церковной жизни епархии и настоять на устранении их. Дело в том, что иной пр. викарий, обзрев известную часть епархии, составив даже весьма обстоятельный отчет о своей ревизии и сдав его в консисторию, иногда не мог дожидаться, что будет постановлено ею относительно устранения замеченных им недостатков в церковной жизни, потому что получал перевод на другое место. Между тем новый пр. викарий, не всегда справляясь с отчетами своего предшественника, при обзоре епархии находил уже другие недостатки в церковной жизни и по тому самому не настаивал над непременно устранением раньше замеченных. Этим, конечно, объясняется то обстоятельство, что в отчетах викариев очень часто указываются такие недостатки в церковной жизни, которые не должны были бы и существовать, принимая во внимание то, что прошло уже 50 лет со времени воссоединения, период времени достаточный для того, чтобы разные нелепые униатские обычаи были искоренены, если бы только епархиальное начальство настойчиво требовало того от духовенства.

Что касается до круга дел, предоставленных пр. викариям епархиальными преосвященными, то он был не одинаков. Согласно общему порядку, все дела по Виленской и Ковенской губернии, требовавшие в консистории резолюции, кроме текущих дел, посылались на предварительное, после консисторского распоряжения, рассмотрение Ковенского викария, и Гродненской губернии – викария Брестского, после чего поступали уже на окончательное рассмотрение епархиального преосвященного. Иногда епархиальные преосвященные находили необходимым расширить круг дел,

подлежавших рассмотрению пр. викария. Так митрополит Иосиф, отъезжая в 1841 в Санкт-Петербург для присутствия в Белорусско-Литовской духовной коллегии, поручил своему викарию, пр. Михаилу, кроме рукоположения ставленников и вообще совершения богослужения, утверждать все протоколы и журналы консисторские по делам, предоставленным его власти, тогда как до этого распоряжения пр. Иосифа в Литовской епархии еще не было установлено такого порядка, по которому бы все постановления консистории утверждались местным преосвященным. Постановления же консистории по другим делам, не предоставленным разрешению пр. Михаила, должны были по прежнему посылаться архиепископу в Санкт-Петербург на утверждение.¹⁷

Отъезжая же в сей город для присутствия в Св. Синоде в 1859, митрополит поручил пр. Филарету, епископу Ковенскому, иметь общий надзор за епархией и представлять на его утверждение только важнейшие дела и, между прочим, о назначении должностных лиц, определении и рукоположении, и увольнении от места всех священнослужителей, определении причетников к городским церквам и разрешении экстренного употребления всех сумм, свыше 100 рублей. В случаях сомнения относительно какого-либо дела, пр. Филарет также должен был представлять его на разрешение самому митрополиту, а равно уведомлять его, в случае необходимости отлучиться из Вильны не на короткое время, чтобы он мог поручить надзор за епархией на это время Брестскому викарию, пр. Игнатию.¹⁸

Несравненно больший круг епархиальных дел был предоставлен архиепископом Макарием ведению первого своего викария. Так отъезжая в 1869 для присутствия в Св. Синоде, пр. Макарий поручил пр. Иосифу, епископу Ковенскому, иметь местопребывание в Вильне и иметь общий надзор за духовенством и ходом дел по епархии и следующие дела решать окончательно: 1) определение на места, перемещение и удаление от мест причетников, 2) определение и увольнение просфорней и церковных старост, 3) разрешение браков в известной степени родства, 4) все вообще консисторские

журналы, составляемые по 321 ст. устава духовных консисторий. К нему же надлежало пересылать только те журналы или статьи журналов, которые показались бы пр. викарию особенно важными, или возбудили бы его недоумение, и окончательное разрешение которых он не решился бы принять на себя, 2) все протоколы консистории, составляемые по 32 ст. устава духовных консисторий и, наконец, препровождать к нему без предварительного рассмотрения, но только с изложением справок, какие окажутся нужными, дела относительно: 1) определения на места, перемещения и удаления от места всех вообще священнослужителей; 2) определения, перемещения или увольнения от должности причетников, просфорней и церковных старост по Вильне.

И такой порядок вещей соблюдался во все время управления пр. Макария Литовской епархией. Преемник его, архиепископ Александр, уезжая в 1880 для присутствия в св. Синоде, предоставил своему первому викарию такой же круг деятельности, как и пр. Макарий. Несравненно меньший круг дел по епархиальному управлению был предоставлен Ковенскому викарию, пр. Антонину, архиепископом Алексием, при его отъезде в Санкт-Петербург для присутствия в св. Синоде, в ноябре 1888. Архипастырь официально обратился тогда к пр. Антонину с просьбою только о том, чтобы он «по прежним примерам, во время его отсутствия, жил в Вильне, в настоятельских покоях Св. Духовского монастыря, и имел наблюдение по делам епархии, в частности: 1) рукополагал назначенных на священнические и диаконские места, рассматривал проповеди духовных лиц и делал распоряжения о церковной службе в Вильне; 2) вскрывал все пакеты, адресованные на имя архиепископа, и давал содержащимся в них бумагам надлежащее течение, кроме тех, на которых написано: «секретно» и «в собственные руки», каковые препровождать ему в Санкт-Петербург нераспечатанными; 3) из поступающих по почте или другим образом бумаг и дел консистории – окончательно и непосредственно разрешал дела по просьбам о вступлении в брак в родстве и при не достижении узаконенного возраста, а также дела об утверждении церковных

старост и удалении их от должности и все журнальные постановления консистории, исключая тех, которые признал бы нужным, по важности их, представить ему на разрешение».

По в то время, как Ковенские преосвященные викарии по временам являлись заместителями епархиальных архиереев и должны были проживать в Вильне, преосвященные викарии Брестские безотлучно жили в Гродне, приезжая в Вильну только в редких случаях, для личной беседы с епархиальным преосвященным относительно положения церковных дел по Гродненской губернии.¹⁹

В течении пятидесятилетнего периода времени, исполнившегося со дня воссоединения униатов с православною церковью, Брестское викариатство²⁰ занимали следующие епископы:

1) Антоний Зубко, уроженец Витебской губернии, магистр богословия. С 1809–16 учился в Полоцкой греко-униатской духовной семинарии, 1816–18 – в Полоцкой иезуитской академии, а 1818–22 – в Виленской главной семинарии. 1822–25 состоял преподавателем Полоцкой семинарии, по рукоположении в 1824 во священника, и с прохождением одновременно должности члена Полоцкой консистории. В 1825 назначен ассессором униатской коллегии, а в 1828 – ректором Литовской духовной семинарии, каковую должность проходил с 1828–34 в сане протоиерея, а с 1834–36 в сане уже епископа Пинского, викария Литовской греко-униатской епархии. В последней должности состоял и после воссоединения униатов до 28 января 1840, когда был назначен епископом Минским. 6 апреля 1841 возведен в сан архиепископа, а 1 марта 1848 уволен на покой и скончался 15 февраля 1884 в Пожайском монастыре, Ковенской губернии, спустя несколько дней, после празднования своего пятидесятилетнего юбилея. Как ректор Литовской духовной семинарии, пр. Антоний оказал большие услуги для церкви, потому что был вполне предан мысли о необходимости воссоединения униатов с православною церковью и старался самое преподавание наук в семинарии поставить в такое положение, чтобы оно облегчало путь к этому воссоединению.²¹

2) Преемником пр. Антония по Брестскому викариатству и после по Минской кафедре был Михаил Голубович, уроженец Гродненской губернии, доктор богословия и церковного права. По окончании курса в Виленской главной семинарии, он с 1828–29 состоял инспектором новооткрытой Литовской духовной семинарии. С назначением его ассесором Литовской духовной консистории, остался при одной должности преподавателя семинарии и проходил оную до 1831. 8 сентября 1839 рукоположен во епископа Пинского, с переименованием 28 января 1840 во епископа Брестского. 1848–68 состоял епархиальным начальником Минской епархии, с возведением в 1853 в сан архиепископа. 23 января 1868 уволен на покой в Жировицкий монастырь, где и скончался 6 марта 1881 года.

3) На место пр. Михаила был назначен епископам Брестским архимандрит Игнатий Железовский, уроженец Гродненской губернии, кандидат главной Виленской семинарии, в которой окончил курс в 1829. После того занимал должность учителя в духовных училищах, с 1832 по 4 марта 1839 – смотрителя в оных, а затем состоял инспектором Литовской духовной семинарии. 20 апреля 1848 назначен епископом Брестским, в каковой должности состоял по 27 июня 1870, когда был уволен на покой в Гродненский Борисоглебский монастырь, где и скончался 31 марта 1872. Об административных способностях пр. Игнатия митрополит Иосиф был невысокого мнения, но ценил его скромность и набожность.²²

Надо думать, что это последнее обстоятельство и было причиною скорого увольнения пр. Антония на покой.

После пр. Игнатия уже не было викариев Брестских из воссоединившихся униатов.

4) Евгений Шершило, в мире Николай, уроженец г. Чернигова. В 1853 окончил курс Киевской духовной академии со степенью магистра; 5 июня пострижен в монашество и состоял преподавателем Киевской духовной семинарии; 1858–61 – инспектором Ярославской дух. семинарии; 1861–68 – ректором Черниговской дух. семинарии, а 1868–70 – Литовской и настоятелем Виленского Св. Троицкого монастыря. 9 августа 1870 хиротонисан во епископа Брестского; 10 февраля 1875

назначен епископом Ковенским, а 16 мая 1877 – епископом Минским и Туровским; 26 июля 1880 – епископом Астраханским; 16 декабря 1889 – Ставропольским, а 17 июля 1893 – Могилевским. В 1896 уволен на покой. Скончался 22 марта 1897. При той огромной силе воли, твердости характера и справедливости, какими отличался сей архипастырь, он был одним из лучших викариев Литовской епархии.

5) Владимир Никольский, в мире Василий, сын священника Курской епархии. В 1851 окончил курс местной семинарии и в сане священника состоял законоучителем Бобринецкого уездного училища Херсонской епархии. 1857 декабря 21 пострижен в монашество. В 1859 поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. По окончании курса в оной в 1863 со степенью магистра, состоял в должности с 18 июля 1864 инспектора и профессора Казанской духовной семинарии по 25 мая 1867, когда был назначен инспектором Казанской духовной академии. 10 июля 1869 определен ректором Самарской духовной семинарии. 16 марта 1875 хиротонисан во епископа Брестского. 16 мая 1877 назначен епископом Ковенским; 14 мая 1881 – Калужским; 21 мая 1888 – Пермским и 1892 мая 7 – Нижегородским.

6) Ианнуарий Вознесенский, сын причетника Курской епархии, в мире Иоанн. В 1849, по окончании курса в Киевской духов. академии, пострижен 7 ноября в монашество. В 1852 удостоен степени магистра; в 29 октября 1856 назначен инспектором Подольской семинарии; 4 октября 1862 – ректором Астраханской семинарии; 8 апреля 1868 – Минской семинарии. 1877 июня 5 хиротонисан во епископа Брестского. 17 февраля 1879 назначен епископом Балтским, викарием Подольской епархии. Скончался 5 сентября 1883.

7) Донат Бабинский, сын священника Смоленской епархии, в мире Николай Ильич. По окончании курса в семинарии, поступил во священники 14 декабря 1852 и, овдовев, в 1853 в Санкт-Петербургскую духовную академию. 23 апреля 1855 пострижен в монашество. По окончании курса академии в 1857, с получением в 1860 степени магистра, 17 декабря назначен преподавателем Архангельской семинарии; 12 февраля 1858 –

инспектором той же семинарии; 12 августа 1866 – ректором семинарии и настоятелем Архангельского монастыря. 27 мая 1879 хиротонисан во епископа Брестского. 14 мая 1881 назначен епископом Ковенским; 6 марта 1882 – Рижским; 28 марта 1887 – Подольским; 13 декабря 1890 – архиепископом Литовским; 30 апреля 1894 – Донским. 12 ноября – того же года уволен на покой и скончался 16 апреля 1896 в Николо-Угрешском монастыре, около Москвы. В продолжение своего трехлетнего служения в Литовской епархии, в звании викария оной, пр. Донат оставил по себе добрую память. Его речь, сказанная в Гродненском соборе, по случаю 1 марта 1881, распространилась в сотнях тысячах экземпляров. Устройство причтовых помещений в Литовской епархии, благодаря пр. Донату, значительно подвинулось вперед, особенно по Гродненской губернии, так что в этом отношении им была оказана большая польза духовенству епархии.

8) Авраамий Летницкий, в мире Александр Иванович, сын диакона Астраханской губернии. В 1862 окончил курс в Казанской духовной академии, с присвоением в 1865 степени магистра. 14 января 1863 назначен помощником инспектора Смоленской духовной семинарии; 4 мая пострижен и 9 – рукоположен в иеромонаха. 9 октября 1865 назначен инспектором Тверской семинарии; 30 октября 1868 – ректором Вологодской духовной семинарии; 20 октября 1874 – Тифлисской и 23 октября 1879 – Калужской. 2 ноября 1880 – хиротонисан во епископа Михайловского. 27 июня 1881 назначен епископом Брестским; 9 марта 1885 – Tobольским; 16 декабря 1889 – Саратовским. Скончался 24 октября 1893 года.

9) Анастасий Опоцкий, сын протоиерея Псковской губернии, в мире Василий Андреевич. По окончании курса в местной семинарии в 1851 году, 8 ноября 1852 поступил в С. Петербургское земледельческое училище, где и окончил курс в 1855 году. 29 октября сего года рукоположен во священника. Овдовев, в 1857 поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, где и окончил курс в 1861 со степенью кандидата. 14 ноября сего года пострижен в монашество и назначен учителем Виленского духовного училища. 1862–65 состоял

преподавателем Литовской духовной семинарии и вместе с тем помощником инспектора. Затем 9 октября 1865г. назначен инспектором Минской духовной семинарии и 20 июля 1881 – ректором Литовской духовной семинарии и настоятелем Виленского Св.-Троицкого монастыря. 15 мая 1885 хиротонисан во епископа Брестского. 17 ноября 1891 назначен епископом Сарапульским, а 15 мая 1893 г, – Чебоксарским, викарием Казанской кафедры; в мае 1897 – епископом Туркестанским, но, через месяц, уволен был по болезни на покой.²³ Ныне состоит епископом Балахненским, викарием в Нижнем Новгороде.

Ковенское викариатство со времени учреждения его 19 июня 1843 года по 1890 занимали следующие лица:

1) Платон Городецкий, в мире Николай Иванович, сын священника Тверской губернии. По окончании курса в Санкт-Петербургской духовной академии в 1827 со степенью магистра, с 25 сентября 1829 состоял бакалавром академии. 17 мая 1830 пострижен в монашество. 5 октября 1831 назначен инспектором той же академии; 20 декабря 1837 – ректором Костромской духовной семинарии и настоятелем Костромского Богоявленского монастыря; 28 апреля 1839 – настоятелем Виленского Свято-Духовского монастыря. 8 сентября 1843 хиротонисан в Виленском кафедральном соборе во епископа Ковенского. 6 ноября 1848 назначен епископом Рижским; 27 июня 1849 – управляющим Псковской епархией; 11 марта 1850 – епископом вновь учрежденной самостоятельной Рижской епархии, с возведением 21 апреля того же года в сан архиепископа. 1867 марта 9 назначен архиепископом Донским; 1877 апреля 25 – Херсонским; 4 февраля 1882 – митрополитом Киевским. Скончался 1 октября 1891.

Личность пр. Платона вообще выделяется из ряда других викариев Литовской епархии. Еще когда он был заместителем Св. Духовского монастыря, архиепископ Иосиф Семашко отзывался о нем с наилучшей стороны пред графом Протасовым. «Архимандрит Платон, писал он,²⁴ человек дельный и усердный. Он может быть здесь очень полезен. Я все люблю мысль, которую сказал вашему сиятельству пред выездом, т.е. чтобы сделать его вторым викарием по Литовской

епархии. Пробыв здесь года два–три, он был бы отличным архипастырем для всякой из западных епархий». ²⁵ Действительно, пр. Платон явился украшением всех епархий, которые он занимал, потому что везде сумел снискать своею величественною наружностью и любвеобильностью всеобщее расположение не только со стороны православных, но и иноверцев. ²⁶

2) Евсевий Ильинский, в мире Алексей Алексеевич, уроженец Курской губернии, магистр Киевской духовной академии 1835 года, за год пред тем принявший монашество; 1836–39 – бакалавр Киевской академии; с 30 марта сего года – член Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета; 27 сентября 1839 – ректор Киевской духовной семинарии и настоятель Киевского Никольского монастыря; с 31 декабря 1844 по 4 декабря 1848 – ректор «Титовской духовной семинарии и настоятель Виленского Св. Троицкого монастыря. 1 января 1849 хиротонисан в Вильне во епископа Ковенского. 29 марта 1851 назначен епископом Подольским; 1 марта 1858 – экзархом Грузии; 8 декабря 1877 – архиепископом Тверским. Скончался 12 марта 1879. ²⁷

3) Филарет Малишевский, в мире Фома Феодорович, сын униатского священника Могилевской губернии. Первоначально учился в Полоцкой семинарии, а затем в Виленской главной семинарии, в которой 17 июня 1830 окончил курс магистром. 1 сентября назначен учителем Полоцкой семинарии. 8 ноября рукоположен во священника; с 1831–33 слушал курс словесных наук в Санкт-Петербургском университете. 14 июня 1833 определен профессором Литовской духовной семинарии. В 1837 в сане протоиерея назначен инспектором Полоцкой семинарии. 1840–49 – ректор Полоцкой семинарии и председатель консистории. 10 августа 1840 принял монашество. В 1843 назначен благочинным монастырей. С 15 апреля 1849 по 30 апреля 1851 – ректор «Титовской духовной семинарии. 28 мая хиротонисан во епископа Ковенского. С 13 сентября 1860 по 28 февраля 1869 – епископ Уфимский, а затем Нижегородский. Скончался 7 февраля 1873.

4) Александр Добрынин с 17 октября 1860 по 14 августа 1868 (о нем см. в списке литовских епархиальных архиереев).

5) Иосиф Дроздов, в мире Иоанн Михайлович, сын диакона Тверской губернии. По окончании курса в местной духовной семинарии, поступил в 1847 в Санкт-Петербургскую духовную академию, где 4 апреля 1851 пострижен в монашество. По окончании курса академии со степенью магистра, с 21 сентября 1852 состоял инспектором Рижской духовной семинарии. 23 июля 1856 назначен ректором Симбирской духовной семинарии; 24 ноября 1860 – Литовской и настоятелем Виленского Св. Троицкого монастыря. 14 сентября 1868 хиротонисан во епископа Ковенского. 7 декабря 1874 назначен епископом Смоленским. Скончался 28 сентября 1881.

6) Евгений Шершилло – из викариев Брестских, с 10 февраля 1875 по 16 мая 1877.

7) Владимир Никольский, тоже из викариев Брестских, с 16 мая 1877 по 14 мая 1881.

8) Донат Бабинский – из викариев Брестских, с 14 мая 1881 по 6 марта 1882.

9) Сергий Спасский, в мире Иоанн, сын священника Костромской губернии. По окончании курса в Киевской духовной академии в 1853 со степенью магистра богословия, 9 декабря сего же года назначен учителем Костромской духовной семинарии. 5 июля 1858 пострижен; 15 – рукоположен в иеромонаха. 8 декабря сего же года назначен инспектором Вифанской духовной семинарии, а 25 сентября 1861 возведен в сан архимандрита. 30 декабря назначен инспектором Московской духовной семинарии; 25 октября 1863 – настоятелем Московского Знаменского монастыря; 1866 августа 12 – ректором Вифанской духовной семинарии. 15 июля 1872 уволен от сей должности. 29 октября 1876 удостоен степени доктора богословия. 28 октября 1880 назначен настоятелем Московского Спасо-Андроникова монастыря. 30 мая 1882 хиротонисан во епископа Ковенского. 7 июня 1885 назначен епископом Могилевским; 2 ноября 1892 – архиепископом Владимирским.

10) Смарагд Троицкий, в мире Стефан Михайлович, сын диакона Рязанской губернии. По окончании курса в местной семинарии в 1858, рукоположен был во священника. Овдовев, в 1861 поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. 17 марта 1863 пострижен в монашество. по окончании курса в академии со степенью кандидата, 7 ноября 1865 назначен инспектором Виленского духовного училища, а 9 января 1867 – смотрителем оного; 17 июля 1868 – помощником настоятеля посольской церкви в Константинополе. 19 апреля 1871 возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем той же церкви. 15 сентября 1885 хиротонисан во епископа Ковенского. Скончался 1 октября 1886 года.

11) Антонин Державин, в мире Иоанн, сын священника Калужской губернии. В 1854 окончил курс в Московской духовной академии со степенью кандидата. 26 февраля 1855 рукоположен во священники. 24 октября 1861 назначен инспектором Белевского духовного училища. 28 февраля 1875 пострижен и 4 марта назначен настоятелем Белевского Спасо-Преображенского монастыря. 1 апреля 1878 возведен в сан архимандрита. 5 июня 1881 назначен инспектором Вифанской духовной семинарии. 23 апреля 1883 уволен от должности инспектора и назначен настоятелем Московского Сретенского монастыря. 15 октября сего года назначен епископом Старицким и 27 ноября хиротонисан. 18 октября 1886 назначен епископом Ковенским; 14 марта 1889 – Полоцким и 3 сентября 1893 – Псковским.

12) Кирилл Орлов, в мире Александр Александрович, сын диакона Московской губернии. По окончании курса в Московской духовной академии со степенью кандидата в 1862, назначен смотрителем Звенигородского духовного училища. 8 июня сего года пострижен. 14 ноября 1863 назначен инспектором Вифанской духовной семинарии. 23 апреля 1872 возведен в сан архимандрита. 30 октября 1880 назначен настоятелем Московского Знаменского монастыря, а 14 декабря сего года хиротонисан во епископа Острогжского, викария Воронежской епархии. 24 апреля 1882 назначен епископом Чебоксарским, викарием Казанской епархии и 13 февраля 1888 –

самостоятельным епископом Екатеринбургским. По слабости зрения, апреля 2 того же года уволен на покой. 13 мая 1889 назначен епископом Ковенским. Скончался внезапно 26 декабря 1890.²⁸

После пр. викариев, как ближайших помощников епархиального преосвященного Литовского, следует сказать о Литовской духовной консистории, как о том присутственном месте, через которое, под непосредственным начальством епархиальн. архиерея, производится управление и духовный суд в епархии.

До 1845 все епархиальное управление Литовской епархии сосредоточивалось в м. Жировицах, Гродненской губернии. Архиепископ Иосиф долго колебался относительно того, оставить ли епархиальное управление в Жировицах, или же перевести его в Вильну. Так в 1840 он писал графу Протасову, «сколько ни думаю, а все останавливаюсь на той мысли, что нужно оставить в Жировицах и семинарию и консисторию. Здесь настоящий центр епархии и место сие почти не подвержено влиянию латинян. В Вильне, напротив того, как юношество, так и духовенство, подвергнется важным искушениям нравственным, религиозным и политическим, да при том и духовенство будет вынуждено отправляться с детьми и по делам в Вильну, за 200, 300 и 400 верст, так сказать, вне епархии. По моим соображениям, лучше, всего учредить в Вильне другое присутствие консистории, по примеру консисторий в обеих столицах, и между обеими разделить дела по местному удобству».²⁹ Но спустя два месяца, после освящения в Вильне кафедрального собора и ознакомления с местными обстоятельствами, пр. Иосиф в письме к графу Протасову уже склонился к мысли о необходимости перенесения в Вильну епархиального управления и духовной семинарии, и, если можно, и устройства в ней духовной академии, так как «сим только образом, по его мнению, можно было здесь твердо основаться православным и взять перевес над римлянами».³⁰ По прибытии же своем в Санкт-Петербург в 1840 и после личных объяснений по этому вопросу с Протасовым, пр. Иосиф уже окончательно склонился к мысли о

необходимости перенесения в Вильну епархиального управления и духовной семинарии. Вследствие сего, им были сделаны в начале 1845 распоряжения об устройстве при Виленском архиерейском доме временной церкви, об очищении домов, назначенных для помещения духовенства, о приготовлении консисторских дел к отправке в Вильну, об окончательном замещении должностей по кафедральному собору и консистории и о временном помещении её в архиерейском доме, о приписке от Троицкого монастыря трех домов к собору для помещения в них соборного духовенства и консисторских чиновников, и, наконец, о выдаче пособия всем переселившимся в Вильну чиновникам и служащим.

8 мая 1845 состоялось переселение в Вильну всех лиц, составлявших штат архиерейского дома, кафедрального собора и консистории. За всеобщим бдением пр. Иосиф сказал прекрасное слово,³¹ по поводу перенесения епархиального управления «из смиренного уголка – Жировиц» в Вильну, город, «украшенный для церкви Литовской многими священными воспоминаниями». А на другой день, после литургии в соборе, состоялось освящение помещения, назначенного под консисторию, внизу архиерейского дома³² со стороны соборной площади, и затем собственно архиерейских покоев.

По перенесении епархиального управления в Вильну, пр. Иосиф вошел с ходатайством к обер-прокурору св. Синода относительно того, чтобы не было изменено название «Литовская» епархия в «Виленская», равно также название консистории и семинарии, как в виду важности этого названия для здешней православной церкви, так и в виду того практического соображения, что в Вильне есть епархиальная семинария и консистория католические, которые именуются «Виленскими», так что, при одинаковости названий православной и католической консистории и семинарии, могли возникать на каждом шагу недоразумения. И это ходатайство было уважено.

Говоря о Литовской духовной консистории, должно заметить прежде всего то, что пр. Иосиф в том же году, когда состоялось воссоединение униатов, позаботился о том, чтобы придать сему

важному органу епархиального управления независимое положение в отношении к гражданскому начальству, вследствие чего исходатайствовал отмену прежнего указа об утверждении гражданского властью в должностях членов консистории и также приходских священников.

Что касается числа членов Литовской консистории, то оно большею частью состояло из четырех, как положено вообще по уставу духовных консисторий. До введения устава духовно учебных заведений 1867 сверхштатным членом консистории состоял ректор духовной семинарии, но близкого участия в делах епархиального управления он не принимал.³³

В последующее время, когда ректоры семинарии были освобождены и от номинального, несения обязанности членов консистории,³⁴ литовские архиепископы иногда назначали в консисторию сверхштатных членов, без содержания от казны, как, например, это сделал архиепископ Александр, назначивший в 1884, конечно, с разрешения св. Синода, таковым членом заштатного архимандрита Лаврентия. Впрочем, он недолго занимал эту должность члена консистории, потому что пр. Алексей не нашел нужным существование сверхштатного члена консистории и потребовал только от наличных штатных членов оной более усердного отношения к делу.³⁵

Между членами Литовской духовной консистории за пятидесятилетний период времени существования оной, после воссоединения униатов, особого слова заслуживают два члена по их долголетней службе и особенному положению, какое они занимали, это старший соборный протоиерей, а потом протопресвитер кафедрального собора Антоний Тупальский и Виленский кафедральный протоиерей Виктор Гомолицкий. Тупальский родился в 1769 и умер в 1848. Окончил курс в Виленском папском алуьмнате в 1796 году. По принятии священного сана, занимал различные должности в консистории униатской и кафедральном соборе в Жировицах. По замечанию М. О. Кояловича, Тупальский отличался податливостью в разные стороны.³⁶ В деле воссоединения униатов он примкнул к сильнейшей стороне, т.е. сделался сторонником воссоединения,

более, конечно, по личным расчетам, нежели по убеждению, как и некоторые другие выдающиеся духовные лица того времени в Литовской униатской епархии. Но как бы то ни было, по своему положению кафедрального протоиерея и первенствующего члена в униатской консистории, Тупальский имел большое значение среди духовенства и его пример в готовности дать согласие письменное на воссоединение не мог не иметь влияния и на других лиц из униатского духовенства. Сам пр. Иосиф смотрел на него, как на одного из своих главных сотрудников в деле воссоединения униатов и опытного советника в деле епархиального управления. До конца своей жизни он оставался председателем консистории, имел ордена: Св. Владимира 3-й степени – награду весьма редкую для того времени, 2 креста из Императорского кабинета и богатую усыпанную жемчугом митру, за что носил в Литовской епархии усвоенный ему духовенством оный титул «митрат». В 1844 году он был назначен сверхштатным протопресвитером Виленского кафедрального собора.³⁷

Еще более влиятельное положение занимал в течение пятидесятилетнего периода времени член Литовской духовной консистории, кафедральный протоиерей Виктор Гомолицкий. При всем своем уме и других способностях, Гомолицкий едва ли когда-либо достиг сего влиятельного положения, если бы не был женат на родной сестре митрополита Иосифа. По окончании курса в недавно открытой Литовской духовной семинарии, в 1836 году, и после двухлетнего пребывания учителем в Борунском духовном училище, Гомолицкий вступил 10 января 1839 в брак с сестрою пр. Иосифа. 30 апреля был рукоположен в Жировицком кафедральном соборе епископом Антонием во священники, а 17 мая того же года уже был определен заседателем Литовской духовной консистории, с переименованием в 1841 году³⁸ в члены консистории. Прося о назначении его членом консистории, пр. Иосиф в своем письме к графу Протасову упомянув, что Гомолицкий, его зять, заметил о нем, что это «отличный молодой человек, 25 лет, и что он считает полезным иметь сей глаз с его стороны в консистории».³⁹ В 1847 Гомолицкий, помимо академистов, был

назначен кафедральным протоиереем Виленского собора и благочинным церквей Виленских и Виленского уезда, каковую должность занимал 22 года. Кроме того, на него пр. Иосиф возлагал и разные другие поручения, и сторонние обязанности. Так ему поручалось, наравне с преосвященными викариями, многократное обозрение церквей Литовской епархии. Уже в 1840, когда Гомолицкий пробыл в священном сане только год, пр. Иосиф поручил ему обозреть Слонимское и Коссовское благочиние, с правом лично исправлять на месте наставлениями и указаниями замеченные недостатки и погрешности, а о важнейших доносить самому архиепископу. В консистории голос Гомолицкого был всевластный, как и вообще по всему епархиальному управлению, что, конечно, вытекало главным образом из его близкого положения к епархиальному преосвященному.⁴⁰

Архиепископ Макарий и последующие архипастыри Литовской епархии в делах епархиального управления нередко прибегали к советам сего опытного и умного члена консистории, но того значения, каким он пользовался при митрополите Иосифе, Гомолицкий уже не мог возратить. В течение своего пятидесятилетнего служения, Гомолицкий, кроме двух крестов, пожалованных ему из Императорского кабинета, получил еще ордена св. Анны 1-й степени и св. Владимира 2-й степени. Скончался он 7 сентября 1889 года, отпраздновав в сем году как пятидесятилетие своей служебной деятельности, так и воссоединения униатов с православною церковью в 1839 году. К сожалению, с достоинствами ума сего протоиерея далеко не гармонировали свойства его характера, отличавшегося жесткостью и надменностью, конечно, значительно развившейся, вследствие того исключительного положения, какое он занимал при митрополите Иосифе. И последний, называя Гомолицкого «одним из отличнейших, усерднейших и честнейших служителей церкви и способным кафедральным протоиереем»,⁴¹ однако заметил о Гомолицком, что он «не был любим по жесткости своего характера и настойчивости» и что он всегда бы желал иметь его кафедральным протоиереем, но только иногда думал, что лучше было не быть ему его зятем».⁴²

Пр. архиепископ Алексей, после его смерти, в отчете о состоянии Литовской епархии за 1889 сделал такой справедливый отзыв о значении Гомолицкого для епархии.⁴³ «Для духовенства Литовской епархии имя его и многие годы после кончины митрополита Иосифа отождествлялось с консисторией. Все доброе и недоброе, по воззрениям личным, исходившее из консистории, во мнении духовенства приписывалось ему, если не исключительно, то главным образом. Кроме полувекового предания, личных опытов и образовавшейся привычки видеть его во главе духовной администрации, такой взгляд духовенства оправдывался и свойством личного характера покойного, крайне настойчивого и неподатливого, при естественно укоренившейся привычке повелевать. Мир душе почившего!»⁴⁴

Переходя теперь к изображению деятельности Литовской духовной консистории, укажем прежде всего распределение дел между членами оной, которое было сделано архиепископом Иосифом в 1842, в видах аккуратности в ведении оных, и которое почти без изменения соблюдалось до последнего времени. Согласно его предложению, консистория распределила дела по четырем столам, под наблюдением четырех членов, и следовательно, за их ответственностью, в таком виде: к первому столу были отнесены дела:

1) определение канцелярских чиновников в консистории и представление к наградам;

2) определение церковных старост, приобретение и раздача св. мира, назначение проповедей, законоучителей, заведение школ при монастырях и церквях приходских, выписка для церквей богослужебных книг, наблюдение над своевременным представлением клировых ведомостей и исправным ведением оных, сохранение и раздача денег на вдов и сирот.⁴⁵

Членом этого стола был назначен председатель консистории, протоиерей Тупальский. Ко второму столу, членом которого был определен протоиерей Янковский, были отнесены дела: строительные, отчетные ведомости и прочие дела, не относящиеся прямо к другим столам; также дела о дозволении строить иноверческие храмы и преследовании самовольного

строения оных; об имуществе архиерейского дома, консистории, монастырей и церквей, землях и домах церковных и вообще обо всем, относящемся к оному; распределение приходов, и, наконец, дела о пожертвованиях на церкви и представлении к награждению лиц за таковые, получении и расходовании сумм на содержание духовных мест и лиц епархии и т.п. 3-й стол был поручен протоиерею Куцевичу,⁴⁶ и к сему столу были причислены судебные дела всякого рода, выдача метрических свидетельств и справок, из оных, ежегодная выдача по церквам метрических и обыскных книг и наблюдение за своевременным представлением оных в консисторию и составление из них общего экстракта, наложение церковной эпитимий, разбор частных претензий светских лиц к духовным, и наоборот, и споров между духовными лицами; а также дела о хищении из церквей, о взыскании недоимок с фундушевых⁴⁷ крестьян и вообще о понуждении духовных к выполнению должных повинностей по владению имениями. Членом 4-го стола был назначен протоиерей Гомолицкий, и к сему столу были отнесены дела: о получении и рассылке всех указов из св. Синода и передача в стол копий с указов, относящихся к производящимся делам; выдача прихода-расходных книг по монастырям и церквам, составление расписаний на жалование, наблюдение за своевременным представлением в консисторию оных, а также исповедных росписей и составление из них общих экстрактов; проверка отчетов и книг по штатному жалованию сельских церквей и всего епархиального управления и срочное представление отчетов в хозяйственное управление при св. Синоде; дела относительно обозрения архиереем епархии и присоединении к православию и совращении из одного; об архиве, о выписке пробельных листов на разные предметы церкви, также венчиков и разрешительных молитв, и ведение расчета по сему предмету. Так как срочные сведения по делопроизводству должны были сосредоточиваться по делам всех столов именно в 4 столе, то на обязанность члена консистории при оном, а равно и столоначальника, было возложено наблюдение за тем, чтобы по столам таковые

сведения были своевременно составляемы и передаваемы в IV отделение для совместной отправки оных по принадлежности.

Нисколько не удивительно, что, при таком распределении дел по столам, когда однородные дела, например, ведение церковных документов и наблюдение за исправностью оного, была разделены между несколькими столами, а равно также дела по ведению отчетности по церковному хозяйству и выдаче духовенству жалования, волокита в ведении консисторских дел не прекращалась и составляла большой недостаток в деле управления епархией. Не мог не видеть сего и пр. Иосиф, который 15 ноября 1843 года был вынужден поставить на вид консистории то обстоятельство, что, несмотря на увеличение содержания консисторской канцелярии и числа чиновников в оной, а также на распределение дел по 4 столам, он замечает медленность и небрежность в ходе дел, так что вынужден каждый день посылать почти по всякому делу подтвердительные предложения, между тем как консистория на эти предложения отвечает, что или дело готово, но не доложено присутствию, или чаще всего, что не получено донесений от подчиненного духовенства и ответов от других мест по предписаниям и отношениям, посланным за несколько месяцев назад, тогда как в подобных случаях должны были последовать повторительные требования.

Причину такой медлительности в делах пр. Иосиф приписывал недостатку бдительности секретаря и присутствующих, тогда как при бывшем раньше секретаре Захаровиче замечалась большая исправность в делах, несмотря на то, что канцелярские средства были более ограничены. Посему он предписал, чтобы каждый столоначальник, не менее раза в месяц, просматривал дела по своему столу и о тех из них, которые требовали движения, заготовлял присутствию доклады для нужных подтвердительных распоряжений, готовые же представлял к окончательному слушанию и решению; 2) чтобы, в сем случае, секретарь имел за столоначальниками возможно строгий надзор; 3) чтобы присутствующие, каждый на своей части, ему порученной, наблюдали за безостановочном ходом дел и, в

случае замеченных опущений со стороны столоначальников, докладывали о том присутствию для взыскания, первый раз выговором, во второй – денежным штрафом, а в случае дальнейшего нерадения – удалением от должности. За сим же, в случае неисправности или замеченной медлительности, должен был отвечать секретарь консистории и присутствующие оной, каждый по своей части. Но через три года пр. Иосиф снова заметил консистории относительно медлительности в ходе дел оной и несвоевременном исполнении даже распоряжений высшего начальства, так что он нашел себя вынужденным самому наблюдать за ходом дел и давать консистории многочисленные подтверждения. И на сей раз он предложил секретарю и членам консистории исполнять то его предложение, которое им было сделано в 1843 году относительно ежемесячного пересмотра дел по каждому столу и взысканий с нерадивых канцелярских чиновников.

Впрочем, митрополит Иосиф оправдывал эту неисправность консистории пред обер-прокурором св. Синода в 1853 году, как недостатком канцелярских средств консистории, так и особенно – исключительным положением епархии, духовенство которой, почти все состоявшее из воссоединенных, отступало более, нежели в других местах, от коренных правил восточной церкви и русской народности и не знало самых обыкновенных правил нового устройства и, по большей части, даже русского языка, а также, соприкосновением литовской паствы, на пространстве трех губерний, с преобладающим иноверным и инородным населением и необходимой через то перепиской по самым разнородным и запутанным делам с тремя губернаторами и двумя римско-католическими управлениями, которая (будто бы) поглощала и время и средства консистории. Само местопребывание епархиального начальства в Вильне, вне центра православного населения, по мнению пр. Иосифа, также затрудняло действия сего начальства в непосредственных сношениях с подчиненным духовенством и увеличивало напрасную переписку. «И вот посему, писал он графу Протасову, действия литовского епархиального начальства не могут быть, кажется, сравнены с

действиями других епархиальных начальств. Для дальнейшего образования или преобразования самый вернейший путь – прежняя постепенность и время, терпение, да снисхождение к необходимым недостаткам».⁴⁸

По нашему мнению, это объяснение митрополита Иосифа имеет за собою только известную долю основательности. Он как будто бы не замечал, судя по письму его к Протасову, того, что члены консистории были неаккуратны, вследствие несения ими других обязанностей, как-то: законоучительских и по приходу, и, главным образом, того, что консистория Литовская очень часто ставила на очередь дела маловажные, касавшиеся только личных интересов как самих членов, так и их родственников, или же бралась за ведение таких дел, которые совершенно не входили в круг её обязанностей и даже роняли достоинство епархиального управления.

В самом деле, какое, например, отношение к консистории имело рассмотрение ею в 1867 году прошения еврея, портного, Янкеля Брехэса о взыскании с станового пристава Мозырского уезда, Ковалевского, за сшитое для него платье, кроме, разве того, что Брехэс жертвовал из сей суммы, в случае взыскания долга, 20 руб. 10 коп. в пользу попечительства о бедных духовного звания. Консистория, действительно, выиграла это дело и получила следуемый процент. И таких дел было немало, хотя они и не всегда сопровождались успехом для консистории. Так, например, это было по делу крестьянина Радзиванского, подавшего в 1867 прошение на имя митрополита Иосифа, в коем он выражал свою готовность пожертвовать в пользу попечительства о бедных духовного звания 100 рублей из той суммы, какая ему следует от покойного его родственника-ксендза Радзиванского, по недоимочному долгу от еврея Рубана, образовавшемуся от невзноса им поземельного платежа. Но в дело это вмешалась католическая консистория, которая доказывала, что эта поземельная плата следует не ксендзу лично, а Рафаиловскому костелу, при котором он служил. После продолжительной переписки по сему делу, оно было прекращено в 1870, и Литовская духовная консистория ничего не выиграла от ведения сего тяжёлого дела.⁴⁹

Между тем, когда дело касалось интересов известной церкви или причта оной, консистория далеко не всегда спешила на защиту оных. Так, например, в 1853 возникло дело, по поводу захвата графом Адамом Плятером церковной земли и строений у диакона Григоровической церкви, под предлогом обеспечения причта выгоднейшими угодьями, с открытием здесь самостоятельного прихода. Однако в 1854 Плятер, владея сею церковною землею, от своего предложения отказался, а консистория 27 ноября сего года сделала было окончательное постановление о сдаче этого дела в архив, оставив, таким образом, церковную землю во владении Плятера, к крайней обиде местного причта. Но в 1856 дело это снова возобновилось, вследствие донесения Друйского благочинного консистории относительно того, что Плятер и не возвращает церковную землю и не платит причту дохода с оной, по крайней мере, по 30 рублей в год. Консистория же с отношением по сему делу вошла в Виленское губернское правление только 22 апреля 1858 года. Затем это дело стало странствовать из одного стола консистории в другой. До 3 июля 1859 оно производилось во втором столе, а с 18 ноября сего же года перешло в третий, и, по состоявшемуся по сему делу постановлению консистории, от Плятера требовалось не возвращение самовольно забранной им церковной земли, а только отвода земли из имения графа под помещения диакона и без взыскания с него за пользование церковною землею по 30 рублей ежегодного дохода с 1849 года.

Преосв. Филарет, епископ Ковенский, управлявший в то время Литовской епархией, за отбытием митрополита Иосифа в Санкт-Петербург, был возмущен ходом сего дела и нашел себя вынужденным предложить консистории к точному и неременному исполнению: 1) чтобы секретарь строго наблюдал за тем, чтобы поступающие бумаги, после пометок и внесения в общий входящий реестр, были передаваемы непременно в стол, по содержанию их; 2) чтобы столоначальник в составляемых им для доклада записках излагал обстоятельство дела со всею подробностью и точностью, под руководством и наблюдением секретаря; 3) чтобы

столона начальники приготавливали своевременно исполнение по журналам и протоколам и вместе с тем наблюдали за отправлением бумаг; 4) чтобы по делопроизводству секретарь и члены, заведующие столами, под своею ответственностью, наблюдали за действиями столон начальников; и 5) чтобы в архив сдавались только окончательно решенные дела».

Между тем Плятер убедил настоятеля Григоровической церкви, протоиерея Стукалича, согласиться на замену земли, без всяких формальностей, со взносом 30 рублей за каждый год пользования оной, коих он не отдал до 1857 года. Тогда консистория, находясь еще под страхом ответственности за неправильное ведение сего дела, отказала в своей согласии на эту сделку и вошла в сношение с Виленским губернатором относительно побуждения Плятера удовлетворить претензии причта Григоровической церкви, а о самовольном поступке Стукалича не входила в суждение, так как он в это время состоял под началом. Это пресловутое дело окончилось только в 1877 тем, что причту церкви было дозволено поменяться с наследниками графа Плятера на ферму Химерово. Таким образом, дело это тянулось, благодаря, главным образом, консисторской волоките, более 20 лет. Много, впрочем, замечается неправильных действий в сем деле и со стороны гражданской власти, в лице землемеров и депутатов, которые вместе с консисторией почему-то старались действовать в угоду графу Плятеру.

Чтобы прикрыть свою медлительность, консисторская канцелярия при митрополите Иосифе часто прибегала к такой уловке, как писание журналов задним числом и при том, не смотря на неоднократные замечания за это от митрополита, который, между прочим, в 1851 году, по поводу сего, велел консистории ввести для употребления, при писании журналов, разграфленную в типографии бумагу для скорейшего писания и возложил на члена консистории Пщолко обязанность смотреть за составлением сих журналов.

Между тем, во время продолжительной болезни митрополита Иосифа, неисправность консистории в отношении делопроизводства, конечно, еще более увеличилась, так что

новый архипастырь Литовской епархии, архиепископ Макарий, остался совершенно недоволен консисторией и в своем отчете св. Синоду о состоянии епархии за 1869 указал на то, что действие консистории было неудовлетворительно в отношении быстроты делопроизводства. Хотя причину тому он полагал болезнь секретаря консистории в первой половине отчетного года и совершенное отсутствие его во вторую половину года, за выходом в отставку, равным образом и недостаток в образованных столоначальниках, однако он не преминул указать и на то, что мало успешность действий консистории началась еще не с прошлого года, и что занятия самих членов консистории, за исключением кафедрального протоиерея Гомолицкого, не были надлежаще регулярны и внимательны, вследствие недостатка у них времени, по сложности других занятий.⁵⁰

Вследствие такого положения дел в консистории, пр. Макарий с настойчивостью потребовал усиления деятельности членов консистории. Это видно, например, из дела о протоиерее А. коп., по жалобе на него прихожан Ч. прихода в 1871 за вымогательство.⁵¹ Когда первое следствие, произведенное по сему делу, оказалось неполным, по вине духовного следователя, и оказалось нужным произвести дополнительное, в консистории произошло замедление в отдаче распоряжения относительно оногo, и до самого 1874 года происходила одна переписка между консисторией и губернским Гродненским правлением о побуждении полицейского чиновника прибыть на следствие. Так как дело было не маловажное и, надо думать, громкое, то пр. Макарий, обратив внимание на не совсем понятное замедление в производстве оногo, сделал строгое замечание члену консистории, протоиерею Дмитревскому, в столе которого это дело находилось, и потребовал от столоначальника объяснения причины замедления в производстве дела, а следователю сделал надлежащее внушение и поручил вторичное производство следствия уже другому лицу. Пока дело велось, протоиерей коп. поспешил поменяться приходом с своим сыном, а когда дело пошло, благодаря пр. Макарию, быстрее и стало склоняться не

в пользу его, вышел за штат, и дело в консистории о нем было прекращено в 1874 году с обычной консисторской отпиской: «за выходом его за штат и за не уличением его в вымогательстве».⁵²

В другом случае, когда консистория замедлила дать заключение по отзыву Виленского генерал-губернатора относительно устройства приходских церквей, пр. Макарий 23 сентября 1870 сделал следующее далеко нелестное замечание всей консистории вообще и главным образом члену, по столу которого велось дело: «крайне прискорбно, что консистория так невнимательно занимается делами такой важности. Особенно это поставляется на вид тому члену консистории, в столе которого залежалось это дело без всякого движения. Предлагаю консистории заняться окончанием оного безотлагательно». Благодаря такому внимательному отношению пр. Макария к занятиям консистории, в первые годы его служения в Вильне, некоторые члены консистории и чиновники сочли за лучшее удалиться, по прошению, из оной.

Впрочем, и с поступлением новых членов и чиновников, хотя дела консисторские и пошли быстрее в общем, однако не в такой степени, чтобы можно было назвать течение дел вполне удовлетворительным. Так, например, дело, начавшееся в консистории в 1871 году о священнике Беницкой церкви Т., продавшем самовольно побернардинские строения, предоставленные причту сей церкви, окончилось только в 1888 году, и то, благодаря пр. Алексею, который вникнул в это дело и поручил произвести следствие о том благонадежному следователю, и виновный священник был уволен за штат. Вообще этот, преосвященный был враг консисторской волокиты в делах и требовал скорейшего исполнения оных. Так на докладе секретаря консистории в 1890 году с ведомостью о нерешенных делах по 3-му столу за 1889 он написал: «под № 3, нельзя ли привести к какому-нибудь концу. Под № 11 необходимо приступить к печатанию без дальнейшего промедления. Если ждать последнего из остальных, то конца делу не будет».

Но, кроме промедления, в деятельности Литовской консистории замечалась еще небрежность канцелярии. Так еще митрополит Иосиф, по поводу сей небрежности, от 2 февраля 1843 сделал запрос консистории из Санкт-Петербурга, где находился в то время, почему на посланном ему из консистории конверте с бумагами был поставлен № 19, тогда как, по вскрытии его, оказался № 16. Консистория в свое оправдание сослалась на то, что предполагалось ему послать в означенном конверте три бумаги и с тремя номерами от 16-го, но, при запечатании конверта, случайным образом, эти бумаги были повреждены и переписывались вновь на бело. Конверт же, уже подписанный, остался тот же, по неосмотрительности канцеляриста, которому за то сделано строгое замечание. В 1851 году в консистории даже пропал конверт с бумагой на имя пр. Иосифа. Подозрение пало на вольнонаемного писца Люткевича, которого и удалили из консистории, как неблагонадежного. В предупреждение же на будущее время повторения подобных случаев, консистория обязала столоначальников, на которых лежало дежурство, и канцеляристов, которые вели дневальство, чтобы никто из последних, кроме дневального, не получал пакетов на имя митрополита, и чтобы всякий полученный пакет немедленно был доставляем в присутствие секретарю для проверки одного с книгою.

При всей указанной нами снисходительности пр. Иосифа к консисторской канцелярии и даже оправдании её, как мы указали в своем месте, пред обер-прокурором св. Синода, он не мог не возмутиться тем обстоятельством, что протокол, утвержденный им еще 15 июня 1853 года, по небрежности консисторской канцелярии, в течение трех лет, не был исполнен ею, так что, только, после получения повторительного указа св. Синода по сему делу от 18 сентября 1856, ему был представлен секретарем консистории для подписи рапорт св. Синоду по означенному протокол.⁵³ По сему поводу пр. Иосиф сделал строгое замечание секретарю и членам консистории и предложил ей приостановить всякое представление к чинам и другим наградам виновных в указанном упущении секретаря

консistorии и столоначальника Кульчицкого впредь, до усмотрения совершенной рачительности оных по делам, и, таким образом, поступать и на будущее время относительно других столоначальников, виновных в подобном нерадении. О членах же консистории он заметил, что нерадение их будет иметься им в виду при оценке их заслуг. Вместе с тем он предложил консистории представить ему свое заключение относительно того, какие меры следует принять к предупреждению на будущее время подобных беспорядков.⁵⁴

Во время управления Литовской епархией, за отбытием арх. Макария в Санкт-Петербург, пр. Иосифом, епископом Ковенским, им в 1869 году сделано было замечание консисторской канцелярии за то, что отношение от его имени к Ковенскому губернатору было написано на серой бумаге и, когда отношение было переписано на несколько лучшей бумаге, он приказал переписать еще на лучшей. Серьезного рода небрежность консистории в отношении справок по делам замечаем и при пр. Макарии и Алексии. Благодаря представлению архиепископа Макария в 1871 году, был оставлен св. Синодом в силе брак крестьянина Ковганки с сестрою жены старшего его брата, которые, при венчании их в 1861 году, вместе с поручителями не предупредили причт о своем свойстве, не по намерению скрыть препятствия к браку, а по прежним, еще не отжившим, униатским понятиям.⁵⁵ В одно и то же время, по сему же представлению пр. Макария, было оставлено в силе еще пять подобных браков, при чем священники, повенчавшие их, остались совершенно безнаказанными со стороны епархиального начальства. Между тем, при составлении журнального определения относительно незаконности вышеуказанного брака крестьянина Ковганки, консисторская канцелярия допустила ту небрежность в справках, что показала священника, повенчавшего этот брак в 1861 году, поступившим в г. П., где был повенчан сей брак, незадолго до совершения одного, на основании только того предположения, что он поступил после священника коп., повенчавшего в 1857 брата Ковганки, тогда как, по клировым ведомостям, оказалось, что священник Ж. уже 11 лет до

венчания им вышеозначенного неправильного брака состоял при П. церкви. Консистория, сознав свою ошибку, вынуждена была в 1873 году просить пр. Макария о дозволении исправить ее в представлении, сделанном от имени его св. Синоду.

Далеко не так снисходительно отнесся пр. Алексей, к подобной же ошибке в справках консисторской канцелярии в 1889 году, но по поводу доклада оной о прекращении дела о священнике. Г., по поводу венчания им крестьян, состоявших якобы в родстве. Усмотрев в сем докладе невнимательное отношение к делу, как со стороны канцелярии консисторской, так и её членов, пр. Алексей написал на оном такую резолюцию: «утверждается. Г. столоначальнику поставляется на вид небрежное составление им докладной части протокола. По его изложению, все дело происходит в текущем году и относится к священнику коп. Г. Между тем священник сей в текущем году не состоял при сей церкви, а состоит настоятелем Плисской церкви. Ужели только архиерей обязан читать и исправлять глупость безграмотных писарей, а ни столоначальнику, ни секретарю, ни члену нет до этого дела. Следует еще обратить внимание на бессмыслицу в конце 8 страницы и в начале 9-й. Для чести канцелярии настоящий протокол следовало бы совсем уничтожить, а вместо него написать другой осмысленный, а не бессмысленный. Предлагаю г. столоначальнику прочесть вслух, в присутствии всех членов и г. секретаря, докладную часть сего протокола в общее назидание».⁵⁶

Достаточно богата летопись Литовской консистории фактами, свидетельствующими о недостатке беспристрастия оной, и даже допущении прямой незаконности в постановлениях. И замечательно, что во всех делах первого рода очевидно становится та роль, которую играл в консистории первоприсутствующий член оной, протоиерей Гомолицкий, симпатии и антипатии которого имели значение тяжелых гирь на весах консисторской фемиды и не только при митрополите Иосифе, но и при архиепископах Макарии и Александре.

Для примера укажем на громкое дело, доходившее до св. Синода, о священнике Крониковском, по обвинению его ревизором по епархии, протоиереем Гомолицким, в разных злоупотреблениях по управлению Мядзиольским женским монастырем. Самое дело о нем возникло без письменного доноса и начиналось так: «дошло до сведения духовного начальства, что по управлению Мядзиольским монастырем допущены разные злоупотребления». Далее в деле следовало изложение по пунктам всех вин, которые были выставлены против Крониковского, как-то: получение столовых денег и в тоже время пользование припасами от монастыря, безотчетное распоряжение (в смысле действия, по своему усмотрению), монастырским имуществом и частые отлучки в Минскую губернию для свидания с родственниками, отчего, де, монахини оставались без службы.

Между тем консистория по такому важному делу почему-то не сочла нужным назначить формальное следствие и требовать от обвиняемого объяснения, а прямо отрешила Крониковского от места и присудила к уплате некоторой части имущества в пользу монастыря. Митрополит Иосиф смягчил это наказание и велел только вызвать его к кафедральному собору, чтобы удостовериться «в его раскаянии и решимости воздерживаться на будущее время от подобных своевольных поступков и злоупотреблений».⁵⁷ После того консистория предоставила ему место на диаконской вакансии при Лысковской церкви, Волковысского уезда, обратив, таким образом, милость пр. Иосифа к Крониковскому в еще большее наказание, так как, кроме того, что он все-таки лишился прежнего места, еще вынужден был претерпеть в Вильне, во время нахождения при кафедральном соборе, разные притеснения от Гомолицкого. Когда же Крониковский, по справедливости, возмущенный действиями Литовского епархиального начальства, уехал к своему сыну и прислал свидетельство о своей болезни, препятствующей ему принять новое место, Гомолицкий заявил консистории, что, по его мнению, Крониковский не болен, и предложил отнести в медицинское управление о

командировании врача для освидетельствования Крониковского.

Между тем последний подал прошение в св. Синод, в котором жаловался на консисторию за то, что она, получив его прошение, поданное им первый раз в сентябре, вместо «ожидаемой милости оказала по отношению к нему новое не благоволение», и ему пришлось претерпеть притеснение от Гомолицкого,⁵⁸ который, принуждая его сознаться в злоупотреблениях, продержал его в Вильне с 13 марта по 25 апреля, не дозволив ему поместиться в квартире, отводимой при соборе для эпитимистов, вследствие чего он вынужден был терпеть во дни св. Пасхи в наемной квартире холод и голод, и не допускал его до священнодействия. Сверх того, притеснения Гомолицкого простерлись и на его семейство, так как указом консистории от 22 марта велено было лишить его квартиры в Мядзиольском монастыре, и притом со взысканием за прожитие в ней со дня отрешения от должности 30 рублей в пользу монастыря; сын же его был лишен казенного содержания в духовном училище, со взысканием за содержание 22 рубля 90 копеек серебром, а сам он был определен на диаконскую вакансию, к занятию которой прибыть не мог по болезни. Посему Крониковский просил св. Синод освободить его от уплаты 30 рублей за помещение его семейства и оправдать его окончательно по делу о взведенном на него по монастырю начете и дозволить ему переместиться в Минскую епархию. Высшее духовное начальство, имея в виду, что уже сам пр. Иосиф освободил его от денежного взыскания, также освободило его от оногo и позволило ему переместиться в Минскую епархию, сделав только внушение, чтобы он кротостью и приличным сану его смирением старался заслуживать внимание своего начальства. Пр. Минский Михаил дал Крониковскому место священническое в г. Слуцке. Но пр. Иосиф, как и следовало ожидать, был очень недоволен⁵⁹ этим справедливым решением св. Синода по делу о Крониковском, которое, между прочим, показало, что дела по епархиальному управлению в Литовской епархии не всегда находились в должном порядке.

Совсем иначе консистория отнеслась в 1866 году к делу, возбужденному прихожанами Б. прихода, жаловавшимися на своего священника коп. за неприличные его поступки с ними и вымогательство и просившими о переводе его к другому месту. Так как обвиняемый находился в родстве с Гомолицким, то консистория оставила жалобу крестьян без последствий, и они должны были жаловаться на консисторию в св. Синод. По требованию его, было назначено консисторией следствие с духовной стороны, но оно было ведено так, что оказывалось, будто прошение на священника было подано одним крестьянином, по наущению волостного писаря, а другие крестьяне о том ничего не знали. Тогда консистория обратилась в Виленское губернское правление с требованием, чтобы означенные лица были наказаны. Между тем по следствию, произведенному Вплснской палатою уголовного суда, оказалось, что, как на следствии, произведенном благочинным, так и на следствии – со стороны гражданской власти, 49 крестьян под присягою показали, что прошение на священника было писано, с их ведома, хотя между прихожанами нашлись и такие лица, которые показывали, что они не давали своего согласия на подачу прошения на священника и ничего о том не знали. Палата уголовного суда оправдала тех, на кого жаловалась консистория; но остался на месте и священник, которому даже не было сделано замечания за то, что подает повода к таким жалобам на него со стороны прихожан.

Ни сколько не удивительно, что, после таких пристрастных решений консистории, действовавшей по воле и желанию Гомолицкого, было подано не мало жалоб в св. Синод на действия консистории со стороны духовенства уже при пр. Макарии, когда оно почувствовало себя в большей безопасности от преследований со стороны первенствующего члена консистории.⁶⁰

Несправедливые действия консистории видим, впрочем, и при архиепископе Макарии, например, по отношению к священнику М., который указом консистории от 10 декабря 1876 года был устранен от прихода, без суда и следствия, якобы за порубку и продажу церковного леса, со взысканием, кроме того,

с него денежной лени. Но в св. Синоде, куда обратился М. с жалобой на консисторию, он был признан невиновным и взыскание с него в количестве 400 рублей за сей лес было снято, и он получил снова священническое место, пробыв без оного с женою и 5 детьми 5 месяцев. Между тем консистория за оскорбительные выражения, допущенные М. в отношении оной в прошении на имя архиепископа Макария, в котором между прочим говорилось, что, «если Литовская духовная консистория так явно и недобросовестно нарушает государственные законы, то мудрый архипастырь не допустит истине страдать без вины и торжествовать иезуитской лжи», предала его гражданскому суду Санкт-Петербургского окружного суда, послав туда уполномоченным истцом от себя секретаря консистории. И сей суд приговорил его к денежному штрафу за оскорбление консистории в 5 рублей.⁶¹

При архиепископе Александре св. Синодом было признано, например, не вполне правильным отрешение от места, с запрещением священнослужения, в 1881 года, священника И. К., виновного в столкновении с полицией, причем преп. Александр ходатайствовал пред св. Синодом еще об удалении оного из Гродненской губернии в Великороссию. Между тем св. Синод, в виду жалобы священника коп. на то, что он отрешен от места только по одному доносу полиции, а равно также и в виду того, что прихожане в поданном прошении епархиальному начальству свидетельствовали о политической благонадежности своего священника и что Гродненским губернатором не было возбуждено в гражданском ведомстве преследования против коп., признал его виновным только за неуместный разговор с полицейским урядником и крайне неприличное по его сану суждение о действиях полиции, а потому предписал оставить его только в запрещении и на эпитимии в монастыре впредь, до усмотрения епархиального преосвященного, не переводя в Великороссию.⁶²

При пр. Алексии подобного рода примеров быть не могло, так как необоснованность консисторских решений не могла укрыться от его проницательного взора. Так, по поводу дела о священнике коп., который обвинялся в нетрезвой жизни, и

относительно которого уже было состоялся обвинительный приговор, архипастырь в своей резолюции на этом протоколе указал консистории на то, что она постановила определение, не имея пред собою самой существенной части в настоящем деле – отзыва подсудимого, без которого нет возможности постановить правильный приговор. Кроме того, он указал еще на неполноту следствия по сему делу и предписал консистории потребовать от обвиняемого священника отзыва по взведенным на него обвинениям в месячный срок, а следователю – дополнить следствие указанными им обстоятельствами и «за тем уже, не переписывая докладной части, постановить определение, которое окажется справедливым, согласно со вновь доставленными данными и свидетельскими показаниями, на которые в настоящем мнении консистории совсем не было обращено внимание».

В другом случае, когда консистория, по доносу благочинного, постановила было оштрафовать священника Н. 15 рублями в пользу епархиального попечительства за невнимательность к служебным обязанностям, пр. Алексей предложил консистории сперва потребовать от сего священника объяснения по содержанию донесения благочинного в недельный, со дня получения им указа, срок и, уже по получении объяснения, постановить определение, которое окажется справедливым. Иначе он отнесся к постановлению консистории относительно освобождения от ответственности не явившихся, по требованию судебного следователя для привода к присяге, священников, предписавши консистории оштрафовать их 3 рублями каждого в пользу попечительства о бедных духовного звания, как не явившихся без уважительной причины к приводу к присяге.

Таким образом, уже из сказанного нами о деятельности Литовской духовной консистории видно, что она не всегда стояла на высоте своего назначения быть аккуратным, основательным и беспристрастным органом епархиального управления, служа ближайшим помощником в этом своему епархиальному архиерею.⁶³

В виду того важного значения, какое представляет собою консисторский архив в разных отношениях, говоря о Литовской консистории, хотя кратко, скажем о состоянии одного. До поступления на должность секретаря консистории Смирнова в 1869, архив консистории сохранялся не в надлежащем порядке. Об этом свидетельствует донесение сего секретаря, последовавшее по поводу указа св. Синода о разборе консисторского архива особо назначенными для того комиссиями, в коем он говорил, что 1) копии указов св. Синода за 1843, 1865–1868 годы не имели описей или оглавлений и в них были переплетены не все указы св. Синода. 2) Описи дел для сдачи в архив от столоначальников отступали от узаконенной уставом формы в том отношении, что писались не по родам дел, и отдельных описаний секретных дел не было ни у столоначальников, ни в архиве. 3) Дела в столах не были сданы в архив более чем за три года. 4) Распорядок дел, актов и книг в архиве отступал от узаконенного уставом консистории порядка, на таковое отступление не было испрашиваемо разрешения архиепископа, с донесением о том св. Синоду, причем, кроме того, не было в архиве особого, за замком и печатью консистории, шкафа для секретных дел и бумаг. 5) реестр дел, принятых в архив, веден был не в хронологическом порядке и не по родам дел; но и в этом виде был доведен только до 1863 года (вместо 1866); алфавитный же указатель делам вовсе не соответствовал своему названию и узаконенной форме. 6) Не было шнуровой, по уставу, книги, а была только черновая тетрадь для записи как выдачи для справок столоначальникам дел, так и возвращения их с распиской. 7) В архиве оказалось не малое количество дел и отдельных бумаг, не внесенных в архив и архивариусу, по его словам, неизвестных по содержанию.

По поводу сего доклада секретаря, консистория определила назначить комиссию из казначея консистории, архивариуса и еще одного или двух канцелярских чиновников, по усмотрению и избранию секретаря, с тем, чтобы эти чиновники немедленно занялись, насколько позволяли другие текущие занятия их, под руководством секретаря, приведением в порядок архива. В сем

же году часть консисторского архива была перенесена в помещение при кафедральном соборе. Для разбора же и описания части оногo, секретарь обратился с просьбою к преподавателям семинарии о помощи в этом деле, заявив при том, что комиссия не будет стеснена никаким сроком относительно окончания разбора. За образец описания дел секретарь предложил описание синодального архива – первый выпуск, указанный самим св. Синодом. По резолюции архиепископа Макария, была составлена для означенной цели комиссия, председателем которой был назначен священник Дмитревский, а членами – преподаватели семинарии А. Д. и И. Щ., коим было разрешено брать дела и на дом. Впрочем, никаких следов деятельности сей комиссии по упорядочению консисторского архива не сохранилось.⁶⁴

После духовной консистории, ближайшими и главнейшими помощниками епархиального преосвященного в деле управления епархией были благочинные. В Литовской епархии они свое важное значение унаследовали еще от времен унии, когда они являлись на своих ежегодных съездах или конгрегациях в каждом благочинии в роли экзаменаторов малограмотных священников, раздавали миро священникам и объявляли им указы епархиального начальства. В их заведывании иногда находилось до полусотни церквей, и они занимали лучшие приходы в епархии.⁶⁵

Подготавливая воссоединение униатов, пр. Иосиф обратил особенное внимание на благочинных, как своих ближайших помощников, почему и велел вызывать их для испытания в консисторию в Жировицы. Насколько благочинные могли оказать противодействие делу воссоединения, можно видеть из того примера, который имел место в Новогрудке, где 60 священников, во главе с своим благочинным, подали было пр. Иосифу прошение относительно того, чтобы их не снабжали новыми служебниками Московской печати. Пр. Иосиф, не вступая по сему поводу в рассуждения с священниками, ограничился строгим выговором благочинному, которому при этом заметил, что, если он через 3 дня не привезет письменного отречения от сего прошения подавших оное священников, то

будет отрешен от места и отправлен в монастырь. Угроза настолько повлияла на благочинного, что в назначенный срок он привез письменное отречение от поданного прошения подведомственным ему духовенством.⁶⁶ И после воссоединения униатов, когда районы благочиний сократились, благочинные продолжали сохранять, хотя и не в такой значительной степени, как прежде, свое влиятельное положение в среде подведомственных им причтов и доверие в себе епархиального начальства, которое, не только при митрополите Иосифе, но и при приемниках его по Литовской кафедре, свои отчеты по состоянию епархии за тот или другой год составляло, главным образом, на основании данных, доставленных благочинными епархии.⁶⁷

Что касается до числа благочиний Литовской епархии, то оно не всегда было одинаково, то увеличиваясь, то уменьшаясь, по усмотрению епархиального преосвященного.

Так в 1840 году по Гродненской губернии было 16 благочиний;⁶⁸ по Белостокской области – всего 3 благочиния,⁶⁹ в Виленской губернии – 5 благочиний;⁷⁰ в Волынской губернии – 10 благочиний;⁷¹ в Киевской губернии – 4 благочиния⁷² и в Подольской губернии – одно благочиние – с благочинным священником Виктором Лабейковским. Между тем, в том же 1840 Высочайше повелено было в бывших пределах Виленской губернии 5 благочиний распределить так: три благочиния – для уездов Виленского, Ошмянского и Завилейского, одно – для Ковенского и Россиенского уездов и одно – для Вилкомирского, Понсвежского, Ново-Александровского, Шавельского и Тельшевского уездов, причем благочинным последних трех округов в вознаграждение за исполнение сей обязанности было положено по 50 рублей серебром, а прочие благочинные имели пользоваться таковым вознаграждением из особых источников.⁷³ До сего же времени все древле-православные церкви в Виленской губернии, находившиеся в зависимости от Полоцкого епархиального управления,⁷⁴ состояли под ведением одного Виленского благочинного, архимандрита Св. Духовского монастыря Платона, что, конечно, стало для него обременительным, после воссоединения униатов.⁷⁵ Между тем,

в 1841, за отчислением от Литовской епархии части воссоединенных церквей и духовенства к древле-православным епархиям, в ней осталось только 24 благочиния.

С течением времени, число благочиний по Литовской епархии увеличилось. Так в 1847 году по распоряжению пр. Иосифа, Виленское благочиние было разделено на два – Виленское и Троцкое, причем благочинным Виленским был назначен протоиерей Гомолицкий, а Троцким – священник Стоянович. В 1856 в Виленской губернии число благочинных было 9, в Гродненской – 18 и Ковенской – 3 и 3 благочинных монастыря. В 1857 году, по поводу замеченных ревизией многих неисправностей по Дисненскому уезду и другим благочиниям, что происходило, с одной стороны, от нерадения благочинных, которые часто не исполняли даже те распоряжения, которые были сделаны ревизорами в предшествующие ревизии, а с другой – и от обременения их множеством дел, превышавшем их силы, митрополит Иосиф, согласно с мнением пр. викария Филарета, церкви Дисненского уезда разделил на 4 благочиния: Дисненское – с 10 церквами, Друйское – с 9, Глубокское также с 9 и Поставское – с 11; церкви Слонимского уезда – на 5 благочиний: Слонимское, Дзенциольское, Деречинское, Коссовское и Бытенское, а церкви Гродненского уезда – на 3 благочиния: Гродненское, Скидельское и Лашанское; церкви Кобринского уезда – на 5 благочиний: Кобринское, Черевачицкое, Антопольское, Бездежское и Яновское; церкви Пружанского уезда – на 3: Пружанское, Шерешевское и Селецкое; церкви Волковысского уезда – на три: Волковысское, Подоросское и Свислочское; церкви Лидского уезда – на 2: Лидское и Щучинское; церкви Ошмянского уезда – также на 2: Ошмянское и Волошинское; церкви Бельского уезда – на 3: Бельское, Дрогочинское и Клецельское; церкви Вилейского уезда – на 4: Вилейское, Молодечненское, Мядзиольское и Радошковичское и церкви Брестского уезда – на 5 благочиний: Брестское, Влодавское, Чересское, Каменец-Литовское и Высоколитовское.

Впрочем, изменения как в числе, так и составе благочиний, происходили и в последующее время. Так в 1872 было

составлено новое расписание благочиний, а именно: по Виленской губернии были благочиния – Виленское, из 12 церквей; Шумское – из 5; Троцкое – из 6; Ошмянское – 14; Воложинское – 12; Вилейское – 15, Мядельское – 10; Молодечненское – 18; Дисненское – 12; Глубокское – 14; Друйское – 14; Свенцянское – 9; Лидское – 12; Шучинское – 10, итого 14 благочиний.

По Гродненской губернии – Гродненское, из 14 церквей; Велико-Берестовицкое – 10; Брестское – 20; Влодавское – 14; Высоколитовское – 18; Каменец-Литовское – 15; Кобринское – 12; Черевачицкое – 12; Антопольское – 11; Ивановское – 14; Бездежское – 12; Слонимское – 13; Дятловское – 13; Коссовское – 14; Бытенское – 11; Волковысское – 18; Подоросское – 14; Пружанское – 10; Селецкое – 8; Шерешевское – 10; Белостокское – 12; Бельское – 14; Дорогичинское – 12; Клецельское – 10; Сокольское – 9.

И по Ковенской губернии – Ковенское, с 9 церквами; Шавельское – 5; Вилкомирское – 5; Ново-Александровское – 6, и единоверческое – 44-ое благочиние – из единоверческих церквей – Ковенской, Каролишской и Ново-Александровской. При этом, в 1880, по предписанию архиепископа Александра, причты женских монастырей Литовской епархии были подчинены ведению общих благочинных белого духовенства, а не благочинного монастырей, как то было прежде.⁷⁶

И по настоящее время все эти благочиния, за исключением особого – для единоверческих церквей, остаются без перемены названий, с изменением только количества церквей, принадлежащих к известному благочинию, так как единоверческие церкви приписаны к ближайшим благочиниям и, кроме того, открылось несколько новых приходов.

Что касается до перечисления церквей от одного благочиния к другому, то оно, хотя и допускалось иногда, но только по уважительным причинам. Так в 1849 пр. Иосиф перечислил Дзенциольскую церковь к Свислочскому благочинию из Волковысского, на основании донесения пр. Игнатия о том, что эта церковь, находясь между церквами Свислочской и Белавицкой – Свислочского благочиния, отстояла в большом

расстоянии от церквей Волновысского благочиния и потому, при пересылке циркулярных предписаний по благочиниям, упомянутые церкви, находящиеся на пути, приходилось миновать для передачи бумаг в следующую церковь своего благочиния.

Между тем, когда в 1841 священник Юрбургской церкви Смолич с своим причтом, по неудовольствию на своего Ковенского благочинного протоиерея Мироновича, просил о перечислении этой церкви к другому благочинию, и когда консистория положила было перечислить ее, хотя временно, к Виленскому благочинию, пр. Иосиф не только не согласился с этим мнением, но даже положил такую строгую резолюцию: «священники подчиняются тому или другому благочинному не по их желанию и прошению, но по усмотрению епархиального начальства, и потому просьба причта Юрбургской церкви о перечислении оной к Виленскому благочинию заслуживает скорее взыскания, нежели удовлетворения, тем более, что церкви Ковенского и Россиенского уездов назначены в состав Ковенского благочиния по Высочайше утвержденному положению св. Синода».

Точно также было отказано священнику Старокрасносельской церкви Радошковичского благочиния Клодницкому в 1841 в его просьбе о перечислении его церкви к Молодечненскому благочинию, вследствие якобы притеснений от местного благочинного Сцепуры, на том основании, что дело это касается его самого лично, а не церкви и прихожан.

Избрание благочинных во все время управления Литовской епархией пр. Иосифа принадлежало епархиальному начальству. Но пр. Макарий в скором времени, по вступлении на Литовскую кафедру, признавая, с одной стороны, на основании опыта в его прежней епархии, выборное начало на должность благочинных, их помощников и депутатов, наиболее благонадежным,⁷⁷ а с другой стороны – принимая во внимание желание самого духовенства Литовской епархии, не раз уже выраженное ему при обозрении им епархии,⁷⁸ предоставил избрание благочинных, их помощников и депутатов, самому духовенству, посредством закрытой баллотировки, через каждые 4 года.

Для избрания сих лиц в каждом благочинии должны были собираться все священно-церковнослужители, без всякого исключения, а те из них, которые не могли по какой-либо уважительной причине явиться лично в общее собрание, имели право уполномочивать других лиц, одного ними сана, для подачи их голоса. Распорядителем такого общего собрания духовенства в каждом благочинническом округе являлся местный духовник, который определял, по предварительном соглашении с духовенством своего округа, и извещал, где и в какое число первой половины октября месяца быть общему собранию духовенства и заправлял самым ходом выборов, рапортуя о том епархиальному преосвященному и представляя ему самые выборные листы. Общее собрание духовенства должно было для каждой должности избрать не менее двух кандидатов, причем самые выборы должны были непременно совершаться в церкви и пред началом их отправляться молебствие. При самых выборах, посредством тайной баллотировки, сперва должны были подавать свои голоса протоиереи и священники, а потом диаконы и, наконец, причетники. О каждом баллотированном должно было показываться в выборных листах, подписанных всеми участвовавшими в выборах, особо, сколько он получил голосов избирательных и неизбирательных от протоиереев и священников, и сколько от других. Архиепископ Александр в 1879 году, без нужды, еще более осложнил избирательный процесс по благочиниям должностных лиц, предписав, чтобы духовенство подвергало баллотировке при выборах не двух только кандидатов, а всех священников, имеющих право на известную должность по своему образованию и не состоящих под судом.

Насколько выборные благочинные оправдали доверие к ним пр. Макария, об этом скажем ниже. Теперь же отметим тот факт, что вообще многие благочинные Литовской епархии оказывались не удовлетворявшими своему назначению. К общим служебным их недостаткам должно отнести медлительность в доставлении нужных сведений епархиальному начальству, или представление сведений и

донесений неправильных, и даже допущение неправильных действий по отношению к подведомому им духовенству, хотя, впрочем, нельзя не заметить, что епархиальное начальство иногда взыскивало с одних благочинных за то, в чем они не были повинны, и в то же время снисходительно относилось к важным проступкам других благочинных.

Вообще не благоволением епархиального начальства, особенно в лице протоиерея Гомолицкого, пользовались благочинные из древле-православных священников. В числе таковых, например, был Ковенский благочинный Миронович, который, получая частые выговоры от консистории, однако, несмотря на все свои просьбы, не получил увольнения от должности благочинного.⁷⁹ Так, когда он в 1847 подал просьбу об увольнении его от сей должности, ссылаясь на слабость своего здоровья и старость, то получил предложение от пр. Иосифа, если его здоровье, действительно, так расстроено, уволиться и от всех других занимаемых им должностей, как-то: настоятеля Ковенского собора и законоучителя. Когда же Миронович подал объяснение, в котором указал на то, что, по долговременному своему служению церкви, он, действительно, расстроил свое здоровье, в доказательство чего представил медицинское свидетельство, пояснив при том, что управление Ковенским благочинием не тяготит его по малому числу церквей, но тяготят его расстояния оных по 4 уездам, составляющие круговой объезд в 455 верст, и просил не лишать его других должностей, как доставляющих содержание ему с семейством, а по должности благочинного – дать ему помощь назначением письмоводителя из членов соборного причта для отписки дел и назначением ему помощника по должности благочинного не священника Смолича, жившего в Юрбурге, а Шавельского-Страшкевича, как жительствовавшего в центральном пункте Ковенской губернии, консистория Литовская, несмотря на всю видимую основательность просьбы Мироновича, отказала ему и временно оставила его при занимаемых должностях, «делая ему то снисхождение, что он, в случае невозможности, за болезнью, продолжать дальнейшее служение по должности благочинного, может представить

епархиальному начальству новое прошение об увольнении его, как от должности благочинного, так и от протоиерейской должности при Ковенском соборе».⁸⁰ Конечно, Мироновичу не оставалось ничего более, как воспользоваться предложенным ему с такой злою иронией со стороны консистории снисхождением, т.е. остаться при всех занимаемых им должностях, из опасения лишиться куска хлеба.

Совсем иначе отнесся пр. Макарий к преемнику Мироновича по должности, как настоятеля Ковенского собора, так и благочинного, протоиерею Суханову, подавшему прошение в 1871 об увольнении его от должности благочинного, по слабости здоровья, написав на оном: «уволить почтенного протоиерея, согласно его просьбе от должности благочинного, которую он проходил столько лет (30 лет и 5 месяцев) и с постоянной ревностью», причем не нашел никаких препятствий к оставлению Суханова при одной должности настоятеля собора и к возложению обязанности благочинного на второго священника Ковенского собора В. Попова. И уже только после смерти протоиерея Суханова, снова соединились в одном лице протоиерея Попова обе должности, настоятеля Ковенского собора и благочинного Ковенского.

Несравненно большею снисходительностью епархиального начальства при пр. Иосифе пользовались благочинные из воссоединенного духовенства. Это видно из того, например, что в 1844 благочинному Довилейскому – Окуличу, заподозренному неоднократно в лихоимстве и в несправедливом отношении к подведомому ему духовенству, пр. Иосиф только дал предостережение, что, в случае дальнейших проступков против должности, будет отрешен от оной.⁸¹ И только в 1853, заметив, что но управлению Довилейским благочинием оказываются постоянные неисправности и запутанности в делах, и приписывая это пожилым летам Окулича и его образованию, пр. Иосиф уволил его от должности, объявив ему однако признательность за долговременную и усердную (!) службу и даже сделал представление в св. Синод об оставлении за Окуличем пособия, в виде пенсии, из получавшегося им доселе оклада в 50 руб. серебром по должности благочинного.

Довилейское же благочиние переименовал в Молодечненское и на место Окулича благочинным назначил священника Молодечненской церкви И. Ивановского.⁸²

Другой пример: в 1848 Коссовский благочинный протоиерей Центковский за растрату 160 руб. 44 коп. из сумм, отпущенных на жалование причтам, был только отрешен от должности благочинного,⁸³ причем сам пр. Иосиф уплатил за него из своих сумм 100 руб. 44 коп., не пожелав подвергать его законному взысканию, во внимание к его долговременному служению и стеснительному семейному положению.⁸⁴

Третий благочинный – Шостаковский в 1847 растратил 2555 руб. остаточных сумм от не замещения некоторых приходов членами причта, а консистория ограничилась только тем, что уволила его от должности благочинного и произвела опись и продажу его имущества, причем не достававшие 478 руб. взяла заимообразно из сумм, оставшихся от продажи разных пробельных листов, печатанных до 1854 в Виленских типографиях. Еще более неблагоприятен был поступок Антопольского благочинного протоиерея Горбачевича, который, при обзрении церковей в 1840, приняв находившуюся в Мотольской церкви древнюю монстрацию стоимостью в 150 руб. для отсылки в консисторию, обнадежил прихожан, что они за это получают для церкви что-нибудь другое. Между тем, когда они просили Горбачевича о снабжении церкви фелонью и богослужебными книгами, Горбачевич ответил им, что он эту монстрацию представил в консисторию. Но здесь её не оказалось, и консистория, вместо того, чтобы отрешить от должности такого нечестного благочинного, ограничилась одним вычетом из его жалования 105 руб., которые и передала в Мотольскую церковь.

К числу негодных благочинных относился и Друйский протоиерей Стукалич, который, между прочим, занимался корчемничеством, так как из дел консисторских видно, что он в 1844 получил разрешение от губернского правления на постройку на фундушевой земле Чересской церкви корчмы для продажи горячих напитков. За медлительность и неправильность в донесениях епархиальному начальству и за

многие другие проступки Стукалич в 1852 был уволен от должности благочинного и переведен к другому месту, а в 1870 году, между прочим, за незаконное венчание браков, был лишен священства и определен причетником.

Недовольный вообще действиями благочинных своей епархии, пр. Иосиф в 1850 предложил консистории строже следить за благочинными, так как они небрежно смотрели за духовенством не только в отношении поддержки церквей и церковных домов, но и в других отношениях, – как-то, за правильным ведением метрических книг и других ведомостей, за соблюдением порядка и чистоты в храмах Божиих и в домах, занимаемых церковными причтами, за правильным совершением богослужения, за поведением священников, за наставлением прихожан в истинах веры и изучением необходимых молитв, словом, за точным исполнением обязанностей, лежащих на каждом из лиц духовного ведомства, предупредив благочинных, что они сами за слабое смотрение или небрежение подвергнутся ответственности, по силе благочиннической инструкции.

Для избежания же всяких недоумений относительно того, с кого следует взыскивать в том или другом случае за допущенные беспорядки или небрежение, пр. Иосиф поставил в обязанность консистории сделать распоряжение о том, чтобы при каждой приходской церкви была заведена книга для записывания в оной официальных предписаний и распоряжений начальства и чтобы, при осмотре благочинными церквей, они записывали в эту книгу замеченные ими недостатки, с отметкой там же, что они именно приказали священникам исправить или восполнить.⁸⁵ Впрочем, многие благочинные, и после сего предписания пр. Иосифа, продолжали оставаться теми же нерадивыми и медлительными духовными чиновниками, как и прежде, так что пр. Иосиф вынужден был в 1852 оштрафовать 9 благочинных и 9 духовников за непредставление в срок – первыми клировых ведомостей, а последними – исповедных росписей.

Как на образцового благочинного при пр. Иосифе должно указать на Брестского благочинного из древле-православных

священников, протоиерея Соловьевича, который не только исполнял добросовестно все распоряжения епархиального начальства, но даже входил к оному с такими представлениями, доставление которых это начальство, сочло полезным сделать обязательным и для остальных благочинных Литовской епархии. Так он первый, по собственному почину, представил в 1841 году пр. Иосифу донесение о том, как совершалось в течение сего года богослужение по церквам его благочиния, и он же первый доставил ему ведомость об учениках Брестского дворянского училища, обучающихся закону Божию православного исповедания, с аттестацией их успехов. По поводу сего донесения, пр. Иосиф предложил консистории доставить ему справки о бывших по сему предмету распоряжениях, из которых выяснилось, что подобные сведения представлялись только в Минской епархии, по распоряжению бывшего Минского преосвященного Евгения; и пр. Иосиф нашел полезным, чтобы эти сведения доставлялись и всеми благочинными Литовской епархии. Этот же благочинный в 1841 доставил сведение о том, что в его благочинии за вторую половину года священники, при всяком благоприятном случае, наставляли своих прихожан в повиновении власти, и что во всем благочинии не оказалось ни одного противящегося власти.⁸⁶ И на основании его рапорта, пр. Иосиф обязал всех благочинных представлять своевременно подобного же рода рапорты.

Соловьевич же счел своим долгом обратить внимание епархиального начальства в 1840 на то, что в Гершоновичском приходе его благочиния значилось по метрическим ведомостям умерших от оспы за 2 месяца 25 детей и просил его войти в сношение с врачебною управою относительно распространения в народе прививания оспы. Консистория одобрила его предложение и просила Гродненское врачебное управление о принятии деятельных мер против распространения этой болезни.

Говоря вообще о неисправности благочинных при митрополите Иосифе, состоявшей всего чаще в несвоевременном представлении отчетностей, а также неверной аттестации подведомого им духовенства, нельзя

умолчать и о том, что Литовское епархиальное начальство, в лице консистории, иногда ставило благочинным в вину то, за что они заслуживали бы одобрения. Так в 1847, по поводу жалобы Дисненского благочинного Соловьевича на священника Турцевича за не доставление ему годовых отчетов, что произошло, по объяснению сего священника, по болезни дьячка, обязанного переписывать отчетные ведомости, консистория, хотя и сделала выговор Турцевичу за то, что он не переписал сам отчет, но не оставила без замечания ни в чем неповинного благочинного, поставив ему в вину то, что он «доносил о Турцевиче, не узнав причины не доставления им ведомостей отчетных». Еще несправедливее поступила консистория с благочинным священником Можайским,⁸⁷ который в 1847 донес консистории на Свислочского священника Гомолицкого⁸⁸ за вымогательство им платы за исповедь, под предлогом якобы на постройку колокольни.

После двукратных объяснений со стороны благочинного и Гомолицкого, консистория признала последнего правым, не поставив даже на вид ему всю неуместность сбора на постройку колокольни при исповеди, так как это прихожанам могло показаться вымогательством за исповедь, хотя и под благовидным предлогом, и тем более, что св. Синодом было строжайше воспрещено духовенству Литовской епархии вымогать плату за требы, на что указывал в своем объяснении консистории и благочинный Можайский. По этого еще мало: консистория сама аттестовала священника Гомолицкого в клировых ведомостях за 1847 за «его похвальную ревность ко храму Божию домостроительным и ревностным в благоустройстве своей церкви», а благочинного Можайского за его «якобы ложный донос по каким то проискам» на священника Гомолицкого и «за заведение напрасной и обременительной переписки для епархиального начальства» оштрафовала 5 руб. и при том не в пользу попечительства о бедных духовного звания, как обыкновенно, а в пользу Свислочской церкви.

Пр. Макарий в скором же времени, по вступлении на Литовскую кафедру, потребовал от консистории список благочинных, с показанием 1) времени назначения каждого из

них на эту должность, лет от роду и степени образования; 2) числа церквей каждого благочиния; 3) все ли они исправны по должности и представляют ли в срок требуемые от них бумаги, а в отношении неисправных – были ли приняты епархиальным начальством меры взыскания и какие именно; 4) все ли благочинные благонадежны к прохождению этой должности и, если есть неблагонадежные, то кто именно. Когда же консистория представила, как неисправных, троих благочинных: Бельского – протоиерея Маркевича, Друйского – священника Бирюковича и Дзенциольского – священника Паньковского, пр. Макарий велел объявить им, что, если они и впредь не будут исправны, то будут отрешены от должности. И в своем отчете св. Синоду за 1869 пр. Макарий указал на то, что он уволил двух благочинных от должности за неисправность.

В сем же году, как мы говорили раньше, пр. Макарий ввел выборное начало благочинных, при чем из 45 прежних благочинных осталось на своих местах только 23. Но как известно, выборное начало благочинных далеко не оправдало тех надежд, которые возлагались на него пр. Макарием. Эти выборные благочинные не только не были лучше прежних, избравшихся самим епархиальным начальством, в отношении, например, аккуратности по службе,⁸⁹ но даже гораздо хуже, как служившие игрушкой в руках избравшего их духовенства, с одной стороны, а с другой – по малоопытности в делах правления, которая происходила часто вследствие того, что не понравившийся духовенству его избранник, по своей настойчивости в отношении требования от него должного, или по другим причинам, чаще всего личного характера, подвергался ostracismu на следующих выборах, и на его место выбирали другого, более покладистого человека, причем, при самом выборе, происходили очень часто бурные сцены между партиями, выставлявшими каждая, своего кандидата.

Постоянные жалобы пр. викариев, после каждого обозрения епархии, на выборных благочинных за их неаккуратность и слабое смотрение за духовенством, служили достаточным подтверждением того, что выборные благочинные не оправдали тех надежд, которые на них возлагались сторонниками

выборного начала, и что глубоко был прав Московский митрополит Филарет, который высказался положительно против выборного начала благочинных, находя, что подобные благочинные, созданные балотировкой, и которых благочинническая жизнь ограничена только 3 или 5 годами, не будут иметь сильного влияния на усовершенствование подведомых в дисциплине, нравственности и усердии к делам службы, в сравнении с теми, которые избирались самим архиереем из лиц благонадежных, о которых составилось доброе понятие, видя их усердие по делам службы и во время обозрения епархии и, сверх того, принимая в рассуждение и мнение консистории.⁹⁰

Как известно, в 1881 году св. Синодом было отменено выборное начало благочинных, причем некоторые из них, как, например, Т. благочинный священник П. и В, – священник Р. были уволены от сей должности за слабое смотрение за своим благочинием, и на место выборных благочинных были избраны и утверждены епархиальным начальством благочинные, исключительно по его усмотрению. Конечно, и при таком назначении благочинных, некоторые из них оказывались недостойными того доверия, которое им было оказано епархиальным начальством, и потому устранялись от должности.

Особенно строгим, хотя и вполне справедливым, отношением к благочинным отличался архиепископ Алексей, который требовал от них, чтобы они знали все, что надлежало им знать относительно поведения подведомых им причтов и состояния церквей и безотлагательно и правдиво доводили до сведения его обо всем, заслуживающем внимания. Посему, отличая одних благочинных за исправность их по службе, архипастырь неаккуратным делал строгое внушение и даже отрешал от должности. Так, по поводу возникшего дела о якобы необыкновенном явлении крови на иконе распятия Спасителя в П. Христо-рождественской церкви, пр. Алексей, справедливо недовольный действиями местного благочинного в сем деле, на первый раз ограничился⁹¹ только строгим замечанием ему и внушением, чтобы обязанности, возлагаемые на него доверием епархиального начальства, исполнял строго и в донесениях на

непроверенных слухах не основывался, под опасением увольнения от должности. Когда же этот благочинный оказался виновным по делу о крестьянине Т., искавшем освобождения его от православия, показав его не присоединившимся, то пр. Алексей удалил его от должности.

Другой благочинный получил сперва только замечание за небрежное обращение к своему начальству в формальной бумаге. Когда же он оказался виновным и вторично, по поводу представления клировой ведомости одной церкви, тогда владыка предложил консистории дать свое мнение, возможно ли принимать ведомости, наполненные укоризненными и бранными выражениями против епархиального начальства, против лиц высшей светской администрации и других, а вместе дать мнение и о том, возможен ли благочинный, без рассмотрения препровождающий таковые ведомости епархиальному начальству, и не в первый раз, а составителя сих бранных писаний рекомендуя с наилучшей стороны. И благочинный этот, конечно, был удален от должности. Относительно третьего благочинного пр. Алексей предложил консистории потребовать от него объяснения, почему он в клировых ведомостях не показал судимости священника коп., которого он должен был удалить от места, поручив особому надзору благочинного.⁹²

Но говоря о недостатках в деятельности многих благочинных Литовской епархии за обозреваемый нами период времени, особенно их неаккуратности в доставлении отчетностей, нельзя умолчать о том, что это происходило отчасти, вследствие недостатка материального вознаграждения и даже полного отсутствия оно у некоторых благочинных. Как мы уже ранее указали, лишь немногие благочинные и то в первое время, после воссоединения, получали назначенный еще униатским благочинным оклад жалования за исполнение сей обязанности в 50 рублей серебром. Между тем, от благочинных требовали, чтобы они, по крайней мере, 2 раза в год обозревали свое благочиние и доставляли разные рапорты и бумаги. Понятно, что объехать хотя раз в год, например, такое благочиние, как Ковенское, обнимавшее при благочинном

Мироновиче 455 верст, сопряжено было с большими личными расходами благочинного. и вопрос о вознаграждении благочинным поднимался неоднократно в Литовской епархии, разнообразясь только во взглядах на способ и источник дарования оного. Не получая жалования, благочинные, пока жалование духовенству выдавалось через них, самовольно делали вычет из оного в свою пользу и даже облагали духовенство другими налогами, как, например, это делал Антопольский благочинный Горбачевич, который требовал от священников на пересылку метрических книг в каждом году и при выдаче их по 1 руб., а иногда 2–3 руб., а если священник, по бедности, не мог дать, то брал из церковной суммы и при том обязывал, чтобы священники, даже по маловажным делам, являлись к нему лично.

Сам пр. Иосиф в 1843 должен был сделать предписание всем благочинным, чтобы они не вымогали денег от священников, при раздаче им жалования, под опасением строгого взыскания.⁹³ Не получая вознаграждения за свою должность, некоторые благочинные выражали желание пользоваться хотя правом бесплатного перевоза через реку, а иные – определения бесплатных писцов в их канцелярию. Так в 1840 Гродненский благочинный обратился с просьбою к Гродненскому губернатору о не взимании с него платы за перевоз через все мосты, когда он проезжает по служебной надобности, и Гродненское губернское правление разрешило ему это под тем, впрочем, условием, чтобы он каждый раз представлял перевозчикам надлежащее удостоверение. Между тем, когда благочинные обращались с подобными просьбами в консисторию, прося ходатайства её в сем случае пред гражданским начальством, они получали отказ от епархиального начальства в просимом, как это было в 1847 с Свенцяньским благочинным, просившим консисторию снести, с кем следует, о том, чтобы все духовные лица, отправляющиеся по казенной надобности, были освобождены от платы за перевоз, и получившим от консистории отказ не только в своем ходатайстве, «якобы за отсутствием на счет сего законоположений», но и даже замечание за самое

представление, якобы неуместное, по тому соображению, что «всякое исполнение поручения по службе с самопожертвованием остается во внимании начальства»,⁹⁴ и при том с предупреждением, «чтобы он впредь был разборчивее в представлениях своему начальству».

Точно также отказала консистории в 1850 Скидельскому вице-благочинному в выдаче ему подорожной для разъезда по казенной надобности. Относительно назначения писца в канцелярию просил в 1840 году Бельский благочинный Маркевич, который, ссылаясь на то, что он все поручения и предписания начальства почитает «за святость», предлагал консистории самой обдумать средства для содержания при нем писца из священнических сыновей. Консистории указала Маркевичу, как на кандидата в писцы в его канцелярию, на сына покойного священника Андроновской церкви, Иосифа Тиминского, который не приносил никакой пользы духовному ведомству, так как занимался частным образом письмоводством у станового пристава, и предложила ему самому условиться с ним на счет содержания, указав на то, что в консистории никаких средств на этот предмет не имелось. Маркевич так и поступил. Пружанскому же благочинному Кургановичу, просившему в 1847 году консисторию относительно платы по 15 руб. в год состоявшим при нем рассыльным из сумм или попечительства о бедных духовного звания, или же из сумм, остающихся от не замещения штатных должностей по духовному ведомству Литовской епархии, было отказано в его просьбе.

Точно также не нашла возможным консистория утвердить в 1867 представление Яновского благочинного о вычете 3,5% из жалования причтов его благочиния, якобы согласившихся на выделение одного процента на покрытие канцелярских расходов благочинного, в виду того, что он не представил письменного согласия на это со стороны сих причтов. Из очевидных желаний духовенства прийти на помощь благочинным отчислением известного процента на вознаграждение оных за труды следует указать на таковое желание духовенства Ошмянского благочиния, которое на своем съезде 14 октября 1869 года для

выбора кандидатов на должность благочинного и его помощника и депутатов, положило назначить благочинному на неизбежные расходы, несомые им, при исполнении лежащей на нем обязанности, и на канцелярские расходы, из получаемого ими жалования,⁹⁵ как штатного, так и дополнительного, по 2 коп. с рубля, и таковые деньги ежегодно доставлять благочинному, при получении жалования, т.е. в первых числах января и июля, и уплату сих денег производить с 1 января 1870 года.

В случае же исполнения должности благочинного по чему-либо его помощником временно, благочинный обязывался сам, по расчету, отдавать ему из полученного им жалования от духовенства следуемое количество денег. По-видимому, окончательное свое разрешение получил вопрос о жаловании благочинным в 1893 году, когда на епархиальном съезде, состоявшем почти из одних благочинных, или их помощников, было положено вносить на благочинническую канцелярию из личных средств каждого причта по 10 руб. в начале каждого года, при сдаче благочинному годичной отчетности, что и было утверждено епархиальным начальством.⁹⁶

В связи с выборным началом благочинных, депутатов и духовников,⁹⁷ а так же новыми уставами в духовных семинариях и училищах, явились в Литовской епархии съезды духовенства: епархиальные, окружные училищные и благочиннические.

Ближайшим поводом⁹⁸ к учреждению сих съездов послужило, с одной стороны, ходатайство о том духовенства, а с другой – желание самого епархиального начальства облегчить себя от рассмотрения множества таких дел, которые ближе и удобнее могли быть разрешены самим духовенством. Собравшись в 1869 году для выбора благочинных и других должностных лиц, духовенство Сокольского и Щучинского благочиний пришло к тому заключению, что учреждение сих съездов было бы полезно, как в виду того, что в среде духовенства, особенно в бытовой и служебной его жизни, встречаются очень часто такие дела и недоразумения, которые могли бы быть решены на месте, без всякого вреда и без лишней переписки, при представлении всякий раз таковых

недоразумений на разрешение епархиального начальства, так и в виду полезного единения и общения между собою духовенства в служебной и пастырской деятельности.

Пр. Макарий согласился с ходатайством духовенства об учреждении съездов, но предварительно предложил консистории составить нужные для этих съездов правила. Консистория в своем заключении о пользе учреждения благочиннических съездов и советов пошла еще дальше духовенства означенных двух благочиний. По её мнению, эти съезды послужили бы, с одной стороны, к сокращению переписки и числа дел и к скорейшему производству оных. С другой стороны, полагала консистория, в виду того, что Литовская епархия, по своему географическому положению, прилежала к Курляндии и Пруссии и Царству Польскому «и постоянно подвергалась разным злонамеренным действиям, преимущественно направляемым в православную среду, в которой разнородность элементов и шаткость убеждений ставили духовенство в самое затруднительное положение и в невозможность единичными силами противодействовать означенному злу, съезды облегчили бы эту борьбу, при коллективном обсуждении мер, какие, на основании сгруппированных сведений и наблюдений, могли бы быть приняты при всякой случайности».

Указав за тем на то, что «духовенство в настоящее время возводилось на высшую степень порядка, получало другое положение в общественной сфере, почему и со стороны оно необходимо было соответствующее устройство и забота о приобретении новейших (?) данных, способствующих деятельности духовенства в исполнении своего долга, и что уставами семинарий и училищ требуется участие духовенства в деле воспитания и образования будущих служителей алтаря, для чего уже учреждены окружные училищные съезды», – консистория нашла полезным учредить съезды – для решения споров и маловажных дел на местах событий, по примеру третейского суда, – съезды третейские; для обсуждения дел по благочиниям – съезды благочиннические и для рассмотрения дел общих по епархии и учебной части – съезды епархиальные;

окружные же училищные съезды – оставить в действии, как учрежденные еще в 1867 году, вследствие указа св. Синода и распоряжения епархиального начальства.

Правила для сих съездов были составлены первоначально самим протоиереем Гомолицким, неожиданно, при либеральном веянии в епархии, превратившимся в либерала из прежнего консерватора, каким заявил себя при митрополите Иосифе; и правила эти консистория предположила было ввести в действие с 1870 года. Но пр. Макарий, поблагодарив в своей резолюции на постановлении о сем консистории Гомолицкого за составление правил и желая знать мнение о них всего духовенства епархии, предложил консистории созвать епархиальный съезд и назначить для одного в январе или феврале следующего года такое время, какое будет признано наиболее удобным для духовенства, с утверждения пр. викария, епископа Иосифа.

По распоряжению пр. Макария, на этот съезд должны были явиться депутаты, избранные по одному от каждых 10 причтов или члены всех окружных училищных съездов епархии, если они так избраны; но могли прибыть и благочинные, и другие священники, по их желанию, но с правом только совещательного голоса. Для обсуждения должны были быть предложены съезду вопросы относительно правил о съездах и предметах, касавшихся местной семинарии и лиц, указанные в приложенной им бумаге, за подписью ректора семинарии, о чем консистория имела заблаговременно известить духовенство епархии.⁹⁹

Открытие первого епархиального съезда началось молебном, который было совершен пр. Иосифом, первым викарием Литовской кафедры, в сослужении ректора духовной семинарии, кафедрального протоиерея и всех депутатов съезда, причем, пред началом заседания, была послана пр. Макарию в Санкт-Петербург благодарственная телеграмма за даруемое духовенству право. При обсуждении же правил для третейского и благочиннического съездов, которые были составлены Гомолицким, правила последнего съезда, с незначительными изменениями и дополнениями, были приняты

собранием; правила же третейского съезда, переименованного в третейский суд, были значительно изменены, причем суд сей был допущен только для желающих, а не должен был иметь обязательной силы для всего духовенства. Но так как третейский суд не мог быть приложим ко всем случаям общественной и церковной жизни духовенства, а для благочиннического съезда были назначены свои сроки, и потому он не мог во всякое время разбирать подлежавшие его рассмотрению дела, и в благочинническом округе он должен был составлять как бы высшее в юридическом отношении учреждение, то депутаты съезда признали необходимым учредить в каждом благочинии постоянный благочиннический совет, состоявший из благочинного округа и двух выборных священников на 4 года.

Рассмотрению благочиннических советов вообще подлежали все проступки духовных лиц против должности, благочиния и благоповедения, которые не требовали формального исследования и за которые, по закону, определялось замечание, внушение и выговор, без внесения в формулярные списки, а также просьбы о вознаграждении за ущербы и убытки, жалобы о неуплате бесспорных долгов и нарушении бесспорных обязательств на сумму до 100 руб., иски о личных обидах и оскорблениях, не соединенных с проступками, противными достоинству духовного сана, и которые, по закону, могли быть прекращаемы взаимным примирением. Не менее важная обязанность возлагалась на благочиннические советы это представление аттестации священно-церковнослужителей по клировым ведомостям и доставление епархиальному попечительству, по предписаниям оною, точных сведений о вдовах и сиротах и заштатных священно-церковнослужителях, нуждающихся в пособии от епархии, а также содействие в сборе благотворительных пожертвований в пользу вдов и сирот духовного звания и засвидетельствование о том, в какой мере члены причтов нуждаются в пособии, назначаемом от попечительства.

Еще более доверия оказывалось епархиальным начальством благочинническим съездам, на которые

возлагались следующие чрезвычайно важные в церковной жизни обязанности:

1) исследование, посредством взаимных объяснений, правильно ли и согласно ли уставу православной церкви совершается богослужение и не лишено ли оно святости и благолепия неприличною обстановкой, нестройным пением, небрежением и бесчинством, и употребление всех средств к возвышению богослужения;

2) приискание приличных мер к искоренению в прихожанах предосудительных и вредных пороков, предрассудков, суеверий и обычаев, противных духу православной церкви;

3) утверждение народа в вере и нравственности посредством не опустительного проповедания Слова Божия, распространение добрых и святых обычаев православной церкви, приискание способов к усовершенствованию народа к познанию истин православной веры, обучение прихожан катехизису и нужнейшим молитвам и церковному пению, выбор книг для церковных библиотек и для пособия в деле проповеди;

4) приискание мер к возможным успехам православия, охранение прихожан от действия пропаганды, от увлечений и соращений в иноверие и утверждение присоединившихся к православию и развитие в народе образования, учреждение школ в местах, более населенных и применение лучших способов обучения и прочее;

5) обсуждение проектов по устройству и украшению церквей, поддержка и ремонт их и изыскание местных средств к устройству и поддержанию строений, принадлежащих причтам;

6) суждение по неоспоримым фактам о проступках священно-церковнослужителей против должности, восстановление нарушенных хороших отношений лиц из состава причтов к прихожанам;

7) решение жалоб, поступающих во время присутствия съезда, если таковые требовали местного дознания, а также жалоб за убытки и ущербы по долговым обязательствам и по претензиям за посевы и строения и жалоб прихожан на вымогательство причтов за требоисправление, или за несвоевременное удовлетворение их духовных потребностей;

8) представление начальству о награждении лиц из состава причтов, отличающихся особенною ревностью в образовании прихожан, благоустройстве церкви, школ и другими заслугами, выходящими из круга обязанностей;

9) выборы духовных должностных лиц по благочинию и депутатов на съезды;

10) попечение о вдовах и сиротах священно-церковнослужителей;

11) рассуждения по заявлениям депутата училищного округа о состоянии и нуждах училища и воспитывающихся в нем;

12) проверка, правильно ли и своевременно ли исполнены распоряжения начальства и удовлетворены ли требования ононого, к кому они относятся; и

13) принятие апелляций на решения третейского суда и благочиннического совета, причем, в случаях, особенно важных и имеющих отношение к духовенству всего благочиния.

Съезду было предоставлено право делать представления епархиальному начальству, с просьбою защиты или наставления, и усвоилась обязательная сила в исполнении всех рассмотренных и решенных дел на съезде благочинническом для всех лиц известного благочиния. Самые постановления съезда безотлагательно должны были приводиться в исполнение благочинным, а в консисторию представлялась только копия с оных, так что епархиальное начальство как бы лишалось права не соглашаться с съездом.

Что касается окружных съездов, которые, как мы уже раньше говорили, были учреждены, по распоряжению св. Синода, еще в 1867 году, причем Литовское епархиальное начальство разделило было всю епархию по числу имевшихся в ней в то время духовных училищ на 4 округа: Виленский, Гродненский, Жировицкий и Кобринский, то местом для этих съездов были назначены те пункты, в которых помещалось училище, а временем, хотя и назначено было в 1867 году – 1 октября и в следующие года – 12 июля, но, при этом, духовенству было предоставлено право, если оно, с течением времени, найдет нужным составить другой съезд в году,

определять сроки для сего, по своему усмотрению и по соглашению с училищным или семинарским правлением. А так как предметы занятий сих съездов определялись предложениями епархиальной власти, уставами семинарии и духовных училищ и заявлениями правлений оных, поэтому епархиальный съезд, при рассмотрении правил для съездов других, не стал устанавливать специальных правил для окружных и только дополнил оные тем правилом, чтобы избранные депутаты на эти съезды состояли в этой должности три года, а председатель съезда избирался всякий раз, и чтобы окружной съезд принимал для обсуждения заявления и благочиннических съездов, сделанные через депутатов – членов окружного съезда, причем последние обязывались сообщать благочинническому съезду копии журналов, состоявшихся на окружных съездах.

Указание времени открытия епархиального съезда предоставлялось епархиальному архиерею, и для присутствия на сем съезде, кроме депутатов, избранных духовенством, могли являться и другие священники с правом совещательного голоса. Председатель, избранный на епархиальном съезде, должен был оставаться в этом звании до закрытия съезда и обязывался все протоколы, составленные, на съезде, представить на рассмотрение и утверждение епархиальному архиерею, а бывшие у него бумаги и заявления, при описи, передать в консисторию для хранения. Что касается до занятий съезда епархиального, то оные должны были состоять в обсуждении предметов, изложенных в предложениях епархиального начальства и в заявлениях семинарского и училищных правлений, а равно окружного и благочиннического съездов, переданных начальством.

Предусматривая возможность того, что некоторые депутаты всех трех родов съездов могли иногда не являться на оные, епархиальный съезд установил штраф с них в пользу попечительства о бедных духовного звания, если объяснения их о причине неприбытия на съезд не будут признаны уважительными целым съездом. В случае же возникновения на съезде каких-либо беспорядков, председатель обязывался

составить протокол, и, за общею подписью членов съезда, представить оный епархиальному архиерею.

Все означенные правила для съездов, составленные на первом епархиальном съезде, положено было, по утверждении их архиепископом, ввести в немедленное действие по всей епархии, и при том, в виде опыта, на три года,¹⁰⁰ а потом, по указанию оного и обстоятельств, пересмотреть на последнем епархиальном съезде.¹⁰¹

Между тем, на втором епархиальном съезде, согласно указу консистории, было произведено разделение всех причтов епархии по десяткам для выбора депутатов на съезды, считая эти десятки по числу самостоятельных церквей и сопричисляя к ним, как причты городских соборов и женских монастырей, так и причты церквей домовых, учебных и благотворительных учреждений. При этом священнику первой церкви каждого десятка было вменено в обязанность, в случае надобности, собирать свой десяток. Так как, при составлении сего расписания десятков, принималось во внимание, главным образом, только одна численность церквей, то неудивительно, что были допущены несообразности в нем. Так, например, в 17 десятке были поставлены такие церкви, как Евьевская и Кронская – Тройского уезда; Дукштанская, Подберезская и Интурская – Виленского уезда; Козачизненская, Видзская и Каролишская единоверческая – Вилкомирского уезда; Ново Александровская – городская единоверческая и таковая же – Ковенская, т.е. церкви пяти разных уездов и двух губерний, отстоявшие друг от друга на очень значительном расстоянии и состоявшие в разных благочиниях. Станным представляется и то, что в 19 десятке была поставлена первою церковь Подубисская, Шавельского уезда, тогда как Ковенская соборная церковь была зачислена осьмою, несмотря на очевидное преимущество настоятеля сей церкви и вместе с тем благочинного пред священником Подубисской церкви в отношении имени большей возможности собрать, в случае нужды, священников своего десятка в губернский г. Ковну.

Входить в оценку целесообразности и практичности всех тех правил, которые были составлены на первом епархиальном

съезде для всякого рода съездов в Литовской епархии, мы не будем. Если даже согласиться с тем мнением, которое было высказано относительно указанных правил для съездов председателем 1-го епархиального съезда, следовательно, лицом, принимавшим близкое и непосредственное участие в составлении оных, а именно: что они, по своей удачности, некоторыми епархиями были приняты почти в целости, а для других послужили образцом и вошли в некоторые сборники, претендующие на юридическое значение, нельзя, однако, умолчать о том, что правила эти мало имели приложимости в жизни, так как на съездах вообще мало думали о соблюдении установленных для них правил. Представляемая нами далее характеристика деятельности съездов, основанная на фактах, показывает со всею наглядностью, что выборное, начало, дарованное пр. Макарием духовенству Литовской епархии, не оправдало тех надежд, которые возлагал на него, как сам архипастырь, так и духовенство.

Начнем с благочиннических советов. Согласно правилам, установленным для съездов, этим советам, между прочим, было предоставлено право аттестации членов духовенства своего благочиния и определения степени нужды и права на получение стипендии того или другого из учащих в духовно-учебных заведениях Литовской епархии. Между тем, когда еще только что было даровано пр. Макарием духовенству право выбора благочинных, по клировым ведомостям оказалось, что многие лица, по сим ведомостям, за 1868 год, значившиеся штрафованными и даже состоявшими под судом, за 1869 год отмечены не состоявшими. Не лучше пошло дело и после 1869 года, когда по клировым ведомостям 1875 года оказалось, что благочиннические советы скрыли подсудимость большинства священников, состоявших под следствием и судом за время с 1870 года, не говоря уже о тех лицах, которые были под судом и штрафованы за прежнее время по 1869 год. Даже из псаломщиков, которых в 1875 значилось 540, отмечено было состоявшими под судом и в штрафах 3–5 человек.

Вследствие сего, епархиальное начальство оштрафовало на 5 руб. в пользу попечительства о бедных духовного звания

13 благочинных «за произвольное и умышленное показание неподсудности священников». Это наказание мало помогло делу, потому что в 1876 году, по поводу тех же ведомостей, было замечено, что благочиннические советы, в состав которых входили три лица, ни мало не заботились о пересмотре клировых ведомостей, имея возможность в 2–3 часа пересмотреть до 18 оных ведомостей, и что, всего хуже, – упуская из вида лежащую на них обязанность делать отметки о подсудности тех или других лиц, не делали того, и потому справедливо писал столоначальник консистории Гацкевич в 1877 году что, «после рассмотрения клировых ведомостей на сей год, нельзя не прийти к тому заключению, что все распоряжения епархиального начальства, а равно и предостережения о том, что лица, провинившиеся в неправильном и не точном, составлении клировых ведомостей, будут подвергнуты наказанию, духовенством Литовской епархии не были приняты к сведению и должному исполнению, или по нежеланию, или же вследствие небрежного отношения к делу».

И вина в том, как мы видим, главным образом, лежала на членах благочиннического совета, которые не только не заботились о пересмотре клировых ведомостей и возвращении их священникам для устранения замеченных в них недосмотров и недостатков, кои встречались в таковых ведомостях даже и тех церквей, при которых настоятелями состояли сами благочинные, но и вводили в обман епархиальное начальство, допуская подлоги, в виде намеренного скрывания подсудности духовных лиц благочиния. Вследствие такой недобросовестности сих советов в указанном отношении, указом епархиального начальства от 1 ноября 1886 года было разъяснено духовенству, что на будущее время право аттестации членов клира по клировым ведомостям предоставляется одним благочинным, без участия членов благочиннического совета, в видах, конечно, большей возможности возложить ответственность за неправильную аттестацию на одно лицо, нежели на трех, из коих каждое могло слагать, при случае, вину в том на другое.

А на сколько эти же советы неправильно и, при том, конечно, намеренно, показывали степень нужды того или другого из священно церковнослужителей епархии, желавшего определить кого-либо из обучавшихся в духовно-учебных заведениях епархии своих детей на казенную стипендию, видно из того, что они удостоверяли такие прошения о принятии детей на казенное содержание, в которых в состав семьи включались лица, уже давно вышедшие из неё, например, дочери, выданные замуж даже за священников, причем показывалось, если где упоминалось об этом, что «они не обходятся без помощи родителей». Это обстоятельство обратило на себя внимание пр. Алексия, по распоряжению которого, правление Литовской духовной семинарии, чтобы иметь возможность более справедливо предоставлять ученикам казеннокоштные вакансии, объявило духовенству через епархиальные ведомости о том, что сведения, прилагаемые при прошении об определении на эти места, должны быть составлены с возможною точностью и определенностью, с точным поименованием всех членов семейства, с указанием их местонахождения, а относительно обучающихся в училищах, с пояснением, на каком содержании состоят они; и что те прошения, в которых не будут приложены сведения, подобным образом, составленные и надлежаще удостоверенные, будут оставляемы без последствий». ¹⁰²

Таким образом, благочиннические советы, даже и в последнее время, когда члены его стали назначаться епархиальным начальством, не вполне оправдывают свое назначение, и тем более это должно сказать о тех членах сих советов, которые состояли оными, по выбору самого духовенства, и которые, иногда, вместо того, чтобы умиротворять враждующих между собою членов причтов и через то облегчать епархиальное начальство в отношении разбора подобных дел, сами заводили кляузные дела. ¹⁰³

Что касается действий благочиннических съездов, то, не отрицая того, что их обсуждению подлежало не мало очень важных вопросов, из которых по некоторым епархиальное начальство нашло нужным сделать соответствующие

распоряжения, относительно значительного большинства их справедливость требует сказать, что они также не оправдали своего назначения и подали повод к недовольству вообще выборным началом, введенным в Литовской епархии пр. Макарием. Уже одно обозрение деятельности благочиннических съездов за 1870 год подало повод к тому опасению, что, вместо возможного облегчения трудности громадной переписки епархиального начальства, какая дотоле велась по делам, легко разрешимым на месте общим советом самого духовенства, что и было поставлено одним из мотивов учреждения благочиннических съездов и советов, – съезды эти пойдут к совсем противоположной цели – умножению переписки.

Оставалась, впрочем, еще надежда на то, что «просвещенное духовенство Литовской епархии» на будущих съездах будет строже и точнее держаться в пределах данных правил съездов, точно определивших предметы их деятельности и полномочие;¹⁰⁴ но и эта надежда, как увидим, не оправдалась. Не говоря уже о том, что на благочиннических съездах много времени тратилось на пустые разговоры, возникло не мало жалоб, уже после открытия первых из сих съездов, на действия оных, по причине явно несправедливого решения некоторых дел, причем эти жалобы доходили до сведения самого архиепископа Макария. Такова, например, была жалоба священника Гутовской церкви Гапоновича на действия Ивановского благочиннического съезда, на котором образовавшаяся сильная партия составила неправильные протоколы и произвела неправильно выборы, причем дело дошло чуть не до драки. И жаловавшийся на это священник, не без основания, сравнил способ баллотировки на сем съезде со способом, употреблявшимся во Франции. И хотя консистория оставила было эту жалобу без последствий, однако, когда обратился с жалобой к преосвященному Макарию на действия сего же съезда священник Шеметилло, консистория вынуждена была, по предписанию архиепископа, потребовать донесений от Ивановского благочинного относительно того, какие могли быть причины у священника Ш. к жалобе и рассмотреть, насколько справедливы находящиеся в сей жалобе показания.

В сем же году несколько священников Подоросского благочиния также заявили протест против протоколов, составленных на съезде сего благочиния.¹⁰⁵ Между тем, и само епархиальное начальство, в виду замеченной резкости тона суждений и самого изложения протокола одного из благочиннических съездов, бывшего в мае месяце 1870 года, относительно предложенного епархиальным начальством для обсуждения вопроса о разделе земли между членами причтов, вынуждено было напомнить через Литовские епархиальные ведомости всему духовенству епархии об ответственности председателей съездов не только за правильность совещаний и сообразность их с законами и постановлениями, но и за редакцию журналов и протоколов в отношении к строгому приличию тона суждений и выражений вообще, и тем более относительно начальственных распоряжений и постановлений.¹⁰⁶

А как смотрело само духовенство на эти съезды, видно из сообщений некоторых священников, помещенных в Литовских епархиальных ведомостях,¹⁰⁷ из коих следовало то, что, по мнению одного священника, близко стоявшего к благочинническим съездам, эти съезды вообще не достигали своей цели, так как собиравшиеся на них со своими домочадцами и лошадьми отцы только наносили ущерб хозяину, обедая и опивая его, и в тоже время занимались на съездах неважными делами, причем, хотя в протоколах благочиннических собраний за прежние годы и встречалось много добрых суждений и постановлений,¹⁰⁸ но одни из них оказались мало осуществимыми в жизни, а другие остались только на бумаге. По мнению сего священника, следовало съезды если не совсем закрыть, то, по крайней мере, сократить до одного раза в год.

Другой священник, указывая с иронией на то, что в его благочинии духовенство не может пожаловаться на ущерб, приносимый хозяину благочинническими съездами, причину того поставлял в том, что на благочиннические съезды не приезжали даже и те отцы, которые обязаны быть, если не для совещаний, то, по крайней мере, для выборов должностных лиц. «Они,

пишет этот священник, конечно, как и везде избираются. Но как? начало, разумеется, обычное, хорошее: рассылаются всегда заблаговременно по благочинию повестки, что на такое-то число причты должны явиться туда-то на съезд, на коих члены причтов расписываются. Между тем, к назначенному числу из всего благочиния прибыли только причты двух церквей, да и то, вероятно, по оплошности, а знай они, что их соседи не поедут, надо думать, и они также бы поступили, как и оставшиеся, т.е. вручили бы доверенности один другому, а оба вместе – третьему лицу. Но при этом случилось, что и эти уполномоченные лица также не являлись, причем одни из них или вовсе не считали нужным представить причины своего отсутствия при выборах, или же указывали причины, не заслуживающие внимания, например, вследствие заказной обедни, или просто, как один выразился, по причине дальнего расстояния. Между тем, выборы не состоялись, вследствие этого, и прибывшим на оные своевременно приходилось, по получении повестки, готовиться вторично в путь, а с ним вместе и к путевым расходам, приносящим пользу только содержателю корчмы. А с появившимися ничего не делали, о них даже и помину не бывало; доверенности представили – и довольно, хотя, по долгу справедливости, следовало бы составлять акт о появившихся и поступать с ними по существующим правилам».¹⁰⁹

Впрочем, и сами выборы должностных лиц по многим благочиниям происходили весьма неправильно, причем избирателями допускались иногда прямо школьнические проделки. По местам оказалось, что духовники, которые должны были быть руководителями духовенства при выборах благочинных, вяло относились к своим обязанностям, а потому подпадали под влияние лиц, особенно заинтересованных выборами, или же, видимо, прочили в благочинные то свата, то брата и т.д., прерывая и сбивая баллотировку, то вновь требуя оной, под разными мелочными предлогами, если видели, что их клиенты прокатываются на вороных, или же снабжаются минусами и черными бобами. (Способ баллотировки).

При этом выборы, вопреки постановленным правилам, часто, после молебствия в церкви, производились на дому, что, конечно, было не одно и тоже для среды, разделенной по своим стремлениям на партии. В самом избрании места и времени для выборов нередко принимали участие сильные благочинные, иногда сопровождавшие циркулярные отношения к духовенству по делу о выборах своеобразными и самоизмышленными предложениями, не имевшими основания в существовавших правилах, и, таким образом, предварительно подготавливали пререкания.

Злоупотребления относительно выборов продолжались и во все время существования выборного начала. Правда, в № 26 Литовских епархиальных ведомостей за 1879 год, который был посвящен обзору деятельности преосвященного Макария, по поводу перевода его на Московскую кафедру, было замечено, очевидно, для похвалы сему архипастырю якобы за то благо, которое даровал он Литовской епархии в виде выборного начала, что это начало, «после некоторых колебаний, выделения партий и т.п., стало прочною ногою в епархии и почти все выборные лица соответствовали своему назначению», но это заявление должно считать несправедливым, потому что уже в 1880 году на страницах тех же епархиальных ведомостей была помещена жалобная заметка одного священника Литовской епархии, по поводу благочиннических съездов, в которой он писал, что эти съезды – нередко пустой звук, одно лишь название, без всякого внутреннего смысла и значения, пустая трата времени дорогого, по мнению» одних, разорение хозяина, по мнению других, и повод к жгучим спорам и ссорам, по мнению третьих. «Ведь известны факты, писал этот священник, даже официально неопроверженные, что некоторые съезды позволяли себе своего рода шутку: открыв съезд молитвою, тут же заявляли, что все благополучно, а потому следует закрыть съезд, и он закрывался. На одном из сих съездов священник, возбудивший вопрос о возможно лучшем способе преподавания закона Божия в народных школах в благочинии, был встречен смехом. Другому священнику, наскучившему пустым время

препровождением членов съезда и предложившему заняться делом, было сказано: «так занимайтесь, коли хотите». И виновниками такой постановки дела на благочиннических съездах этот священник считал благочинных выборных.¹¹⁰

Что касается действий окружных училищных съездов то, не отрицая известной доли пользы, которую принесли они духовно-учебным заведениям своими рассуждениями и постановлениями, направленными ко благу оных, однако, нельзя умолчать о том, что главным недостатком сих съездов было отсутствие спокойной рассудительности в обсуждении вопросов, касавшихся училищной жизни, и часто весьма резкий и неприязненный тон по отношению к училищному начальству. Таково, например, было отношение депутатов Жировицкого училищного округа к училищному начальству, выразившееся в ходатайстве их через первый епархиальный съезд пред архиепископом Макарием о дозволении им подвергнуть баллотировке смотрителя сего училища, его помощника и членов училищного правления от духовенства, на том якобы основании, что состояние сего училища представлялось депутатам училищного округа неудовлетворительным. И, несмотря на видимую голословность заявления сего, епархиальный съезд «единодушно и единогласно» возбудил о том ходатайство пред пр. Макарием, и последний не только согласился на оное, но и, умаляя свой авторитет, как начальника епархии, пред мнением выборных депутатов съезда, положил такую резолюцию, которая ставила всю администрацию училища в положительную зависимость от училищного съезда: «по § 24 нового училищного устава, окружной Жировицкий училищный съезд может и без моего предварительного разрешения производить избрание, посредством закрытой баллотировки, кандидатов на должность смотрителя училища, а также членов училищного правления от духовенства, если признает настоящего смотрителя и членов правления от духовенства несоответствующими своему назначению». Жировицкий же училищный съезд, бывший в 1870 году, снова превысив свои права по отношению к училищу, между прочим, положил было обязать поступающих на место

учителей прослужить не менее 4 лет, во избежание от частых перемен учителей расстройств в занятиях учеников, но пр. Макарий на сей раз, хотя и согласился с этим мнением, однако, отказался сделать по оному желаемое распоряжение, в виду неимения в законе на то оснований.

Впрочем, еще более обостренные отношения между окружными училищными съездами и администрацией училища существовали до последнего времени по округу Виленского духовного училища и которые послужили ближайшим поводом к оставлению своих должностей несколькими смотрителями сего училища, хотя, впрочем, и не без вины со стороны их. Всего чаще нежелательные отношения между училищной администрацией и училищными съездами возникали на почве экономической, когда училищное начальство требовало, по тем или другим основаниям, увеличения училищного бюджета, а духовенство округа не хотело соглашаться на это, или же, если и соглашалось, то с тем, чтобы суммы на эти расходы были даны св. Синодом.¹¹¹

Так, при обсуждении сметы в 11444 руб. на содержание Виленского духовного училища в 1872 году депутаты съезда сего округа согласились внести от себя только 2 тыс. руб. и отвечать за них, если не из местных каких-либо средств, то из собственного жалования, отказываясь в то же время от взноса остальных денег, на том основании, что якобы условия быта собственно духовенства, в течение последних 10 лет, заметно, изменились к худшему, по причине чрезмерного возвышения цен на рабочие руки, разорительно влияющего на хозяйство, главную статью обеспечения духовенства, особенно и – с отменой отработки причтовых участков земли прихожанами и отнесением ремонта и снабжения отоплением причтовых домов и строений на обязанность самих причтов, а также с увеличением взносов и пожертвований на разные предметы и нужды, вызываемые обстоятельствами епархии, падающими, по преимуществу, на личные средства священников.¹¹²

Ссылаясь в то же время на другие епархии, духовенство указывало на то, что взнос в них на училища, по новым уставам и штатам, возложен почти всецело на церковные капиталы,

достигающие значительных размеров, тогда как в Литовской епархии, особенно по Виленской и Ковенской губернии, церковные капиталы весьма незначительны, иной раз до 10 руб., и нет, де, возможности увеличить их при грошовых взносах.

Вообще духовенство Виленского округа находило, что, с одной стороны, нельзя было ожидать прямого содействия народа такому полезному учреждению, как содержание духовных училищ, так как в пределах Виленского училищного округа многие благотворительные операции, как, например, свечная прибыль отчасти не привилась к народу надлежащим образом, отчасти же парализовалась свечной операцией церковных братств, и особенно потому, что в народе заметно индифферентное отношение к религии и её благочестивым обычаям, а с тем вместе, и охлаждение к пожертвованиям»,¹¹³ а с другой стороны, не нашло в то же время возможным делать и какие-либо косвенные прибавки к ценам при продаже крестиков и венчиков, при совершении некоторых треб и т. п. Посему депутаты сего съезда просили пр. Макария ходатайствовать пред св. Синодом о пополнении недостающей суммы для покрытия сметных расходов по Виленскому училищу на 2-е полугодие 1872, а на будущее время, об отпуске ежегодно-исчисленной выше суммы на целый год, т.е. по 8 тыс. руб. сер., а недостающие по смете 2444 руб. возложить на духовенство.

Но, хотя пр. Макарий и возбудил это ходатайство, однако, св. Синод, в виду закрытия училищ Гродненского и Жировицкого, определил отпускать из синодальных сумм ежегодно только по 4020 руб. на каждое училище в Литовской епархии, в виду сбережения этой суммы от жалования по личному составу всех училищ, предоставив вместе с тем духовенству самому изыскать местные средства на покрытие остальных расходов по училищам, какие окажутся, по его усмотрению, существенно необходимыми, и притом поставил на вид духовенству епархии Литовской, что в его распоряжении остаются доходы с оброчных статей училищных и сбор от продажи венчиков и листов разрешительной молитвы, увеличение которого зависит от самого духовенства. Между

тем, самое сокращение училищных округов в Литовской епархии из 4-х на 2, образовавшееся через закрытие Гродненского училища и соединение Кобринского с Жировицким, не обошлось без возражений со стороны духовенства, принадлежавшего прежде к Кобринскому училищному округу. Это видно из того, что в 1871 году на училищном съезде депутатов Жировицкого училищного округа от депутатов бывшего Кобринского округа было сделано заявление о необходимости восстановить Кобринское училище. В своем прошении об этом на имя архиепископа Макария эти депутаты, выставляя разные доводы в пользу восстановления самостоятельного Кобринского училищного округа, между прочим, указали на то, что «перенесение училища из Кобрин в Жировицы состоялось, вследствие необдуманности депутатов округа, так как самый вопрос об этом был предложен на епархиальном съезде неожиданно для всех, между тем как таковой вопрос, по своей важности, должен был бы быть объявлен духовенству заблаговременно, дабы оно имело возможность обсудить зрело инструкцию своим депутатам». В крайнем случае, они просили, чтобы вопрос этот снова был подвергнут обсуждению на епархиальном съезде, и пр. Макарий согласился с этим.

III епархиальный съезд постановил не только оставить Кобринское училище в Жировицах, но даже впредь не возбуждать и вопроса об этом переводе, без существенной надобности, так как толки о сем не выгодно отражались на материальном благосостоянии училища. А для того, чтобы удалить дурное влияние на учеников сего училища со стороны эпитимистов, посылавшихся в Жировицкий монастырь, что и было одною из причин, по которой депутаты Кобринского округа требовали перевода своего училища из Жировиц, этот же съезд обратился к архиепископу Макарию с просьбою о том, чтобы в сей монастырь не посылали провинившихся из духовенства на эпитимию. В связи с вопросом о соединении Кобринского училища с Жировицким возникла в 1873 году жалоба правления Жировицкого духовного училища епархиальному начальству на то, что, хотя этим последним, вследствие перемен, происшедших в положении Жировицкого и Кобринского училищ,

и было назначено несколько известных сроков для окружного училищного съезда по делам сих училищ, но оный не мог состояться, за неявкой депутатов, причем правление справедливо находило, что такой порядок вещей был неблагоприятен для училища, особенно в то время, когда набралось немало дел, касающихся довольно важных вопросов по училищу и требующих безотлагательного обсуждения окружного училищного съезда.

Благодаря архиепископу Алексию, самые отношения училищных съездов к администрации училищ заметно изменились к лучшему в сравнении с тем, что было при его предшественниках, и осязательным результатом сего было то, что в 1886 году съезд Виленского училищного округа, после неоднократных раньше отказов, согласился назначить от себя по 200 руб. ежегодного пособия смотрителю училища, его помощнику и учителям, и пр. Алексей, утверждая это постановление съезда, написал, между прочим: «благодарю духовенство за внимание к трудящимся в деле воспитания и обучения его детей и питаю уверенность, что оказанное пособие получающими оное лицами будет принято, как побуждение к усугублению ревности и усердия».¹¹⁴

Что касается деятельности епархиальных съездов, которые по идее являлись выразителями мнения по известному вопросу всего духовенства епархии и обсуждению которых подлежали вопросы, касавшиеся интересов духовенства целой епархии, то, к сожалению, приходится сказать, что и они далеко не оправдали возлагаемых на них надежд, как со стороны самого духовенства, так и со стороны епархиального начальства – в лице пр. Макария. Весьма много поднималось и обсуждалось на этих съездах вопросов большой важности для целой епархии, как, например, об учреждении эмеритальной¹¹⁵ кассы для духовенства, епархиального свечного завода, об устройстве другого женского духовного училища, или же расширении прежнего; но все эти вопросы, кроме вопроса об учреждении эмеритальной кассы, остались и доселе неразрешенными, благодаря, между прочим, отсутствию солидарности во мнениях относительно известного вопроса депутатов одного

епархиального съезда с депутатами другого, самой неподготовленности депутатов к разрешению оных, так как эти вопросы иногда ставились неожиданно, да и сами депутаты, по мало опытности своей, как избравшиеся большею частью из молодых священников, оказывались неспособными к разрешению сих вопросов. Притом же они часто уклонялись в сторону от разрешения оных, или же обсуждали те вопросы, которые не подлежали их ведению.¹¹⁶

Особенно резко эти недостатки в действиях замечались на первых съездах. Так, на первом епархиальном съезде, по поводу голословного, хотя и письменного, заявления депутата от Белостокского благочиния относительно необходимости дать ученикам всех духовных училищ возможность учиться в семинарии в большем, против положенного по штату, количестве, епархиальный съезд, ничтоже сумняся, сделал постановление о том, чтобы просить через пр. Макария св. Синод об увеличении числа сверхштатных учеников в Литовской духов, семинарии, без открытия, однако, параллельных классов. Впрочем, пр. Макарий отклонил это ходатайство, нашедши указанное постановление съезда лишенным всякого основания, в виду хотя бы того, что, по новому уставу в Литовской семинарии, кроме положенных по штату 115 человек воспитанников, могли быть допускаемы в нее самим епархиальным начальством, и без открытия параллельных классов, еще 200 сверхштатных воспитанников из детей местного духовенства, число, слишком достаточное для духовенства Литовской епархии. Точно также отказался пр. Макарий утвердить другое постановление этого же съезда относительно того, чтобы члены семинарского правления от духовенства были избираемы на три года, вместо шестилетнего срока, указав на то, что он не имеет права разрешать и утверждать изменение в каком-либо параграфе Высочайше утвержденного устава. Между тем, как бы не довольствуясь указанными двумя постановлениями, хотя и лишенными основания, тот же съезд посвятил целое заседание рассуждению о таком предмете, который совершенно не входил в круг его задач и превышал его компетенцию, а именно, о

приноровлении духовно училищного курса к гимназическому. Съезд находил, что духовные училища того времени, по своему положению, до чрезвычайности стесняли воспитание детей духовенства, так как не давали им прямого выхода, кроме семинарии, где штат был, по мнению депутатов, весьма ограничен, в другие учебные заведения, а при ограниченности училищной программы нельзя же было ожидать того, чтобы эти училища привлекали к себе детей из других сословий, как это вообще желательно.¹¹⁷

Кроме того, съезд находил, что, при недостаточном содержании духовных училищ, даже по новым штатам, и при отсутствии в них учителей с высшим образованием, преуспевание оных немыслимо, и что, если они останутся в настоящем положении и впредь, то воспитанники оных, при ограниченности приема в семинарию по штату, не найдут себе приличного куска хлеба, и (потому де) единственно возможная мера, для устранения неправильной якобы постановки учебного дела в духовных училищах, есть преобразование их в епархиальные прогимназии, с полным введением в оные курса классических прогимназий. Таким образом, I епархиальный съезд в одном заседании решил дело такой величайшей важности и не затруднился просить архиепископа Макария, «из внимания к местным потребностям и условиям епархии» (?), ходатайствовать о преобразовании духовных училищ в епархиальные прогимназии, в числе, по крайней мере, двух, с тем, чтобы это преобразование совершено было, при пособии от правительства, так как местное духовенство не в состоянии на свои средства поддерживать и покрывать расходы по приведению сего в осуществление, и чтобы суммы на содержание казеннокоштных воспитанников были и впредь отпускаемы, в виде стипендий, с целью поощрения и вспомоществования детям недостаточных родителей.

Что съезд мог возбудить подобное совершенно неосновательное представление, удивляться этому не приходится, принимая во внимание то, о чем рассуждалось, и каким скороспелым образом разрешались на первых епархиальных съездах самые важные вопросы, но приходится

удивляться тому, что пр. Макарий согласился со съездом в этом вопросе и предложил изготовить от его имени представление св. Синоду по сему делу. Конечно, никаких результатов от сего представления не могло быть. Этот же съезд не затруднился поставить пр. Макария в неловкое положение своею просьбою о перемене начальницы женского духовного училища Неумоинной в виду заявления якобы многих депутатов съезда о неудовлетворительном состоянии сего училища. И пр. Макарий, согласившись удовлетворить это незаконное ходатайство съезда о перемене начальницы, так как это лицо в Виленском женском духовном училище назначается и увольняется самою Государынею Императрицею, по представлению г. обер-прокурора св. Синода, без всякого участия в том духовенства, получил замечание относительно незаконности указанного ходатайства духовенства Литовской епархии, хотя, впрочем, начальница и была уволена. Как на противоречивое постановление одного епархиального съезда с другим по одному и тому же вопросу, можно указать: 1) на то, что в то время, как первый епархиальный съезд в 1870 году отказался отпускать деньги на содержание надзирателей в семинарии, рекомендовав вести надзор за учениками младших классов через учеников старших классов, что было утверждено и пр. Макарием, III епархиальный съезд должен был отменить постановление I съезда, когда правлением семинарии было ему выяснено, что институт старших отменен высшим начальством, и когда опять, вопреки мнению депутатов I съезда, признал, что старшие из учеников не могут заменить собою инспекторского надзора и нередко содействуют к развитию дурных сторон в семинарской жизни.

Не распространяясь более о деятельности епархиальных съездов, достаточно сказать для суждения о степени пользы, принесенной ими духовенству епархии, на то, что из многих вопросов, подлежавших их обсуждению, получили осуществление в жизни лишь вопросы,¹¹⁸ об изменении летних каникул для учащихся в духовно-учебных заведениях Литовской епархии, применительно к сроку заведений светского ведомства, о выдаче жалования духовенству помесечно, об

учреждении стипендий имени Императора Александра II и митрополита Иосифа в том или другом духовно учебном заведении епархии, о некотором увеличении из местных средств содержания наставникам в духовных училищах и в самое последнее время, относительно учреждения эмеритальной кассы.

Таким образом, из обозрения того, что было сделано для блага Литовской епархии, при существовании выборного начала в оной, всякого рода учреждениями и лицами по духовному ведомству, стоявшими в зависимости от сего начала, приходится вывести то заключение, что выборное начало не оправдало тех надежд, которые возлагались на него. И глубоко прав был митрополит Филарет, который, по поводу стремлений ко введению выборного начала в разных ведомствах и, между прочим, по духовному, писал: «в России усилена способность и склонность перенимать чужое, для себя новое, прельщающее; не останавливаются подумать, годится ли это для них и как надежнее может быть исполнено, поспешно приступают к делу и производят только призрак без содержания, без силы, без плодов.»¹¹⁹ И как известно, выборное начало в отношении благочинных было совершенно отменено св. Синодом в 1881 году, в виду узнанной на опыте нецелесообразности оногo, причем подверглись ограничению и права епархиальных и других съездов духовенства.

В виду того важного значения, какое имеет для епархии орган печати оной, как служащий, с одной стороны, указателем распоряжений высшего духовного начальства и местного епархиального, а с другой – по тем статьям и сообщениям, которые, хотя помещаются в неофициальной части епархиальных ведомостей, но, в некоторых случаях, служат руководством для духовенства епархии в его служебной деятельности, считаем нужным сказать в общих чертах об официальном органе Литовской епархии – Литовских епархиальных ведомостях. Основанием своим эти ведомости были обязаны митрополиту Иосифу, который в 1861 пришел к мысли о необходимости иметь свой литературный орган для Литовской епархии. По утверждении св. Синодом в 1862

программы сих ведомостей, редакция оных была возложена на ректора семинарии архимандрита Иосифа, кафедрального протоиерея Виктора Гомолицкого и члена консистории протоиерея Антония Пщолко, причем митрополит пожертвовал от себя на первоначальное ведение дела 300 руб. Самую выписку ведомостей пр. Иосиф сделал обязательною для духовенства епархии, причем издержки по приобретению оных возложил на самих священников потому именно, что сии ведомости, представляя собою журнал, должны были уменьшить труды священников по письмоводству. Принимая же во внимание бедность некоторых священников, митрополит Иосиф предоставил благочинным разрешать употребление на означенный предмет церковных денег, если их имелось свыше 30 руб., доводя о том до сведения консистории. По расчету редакции, доходу было предположено с 450 подписчиков по 5 руб. – 2250 руб., а расходу – 1257 руб., причем было предположено остальную сумму дохода распределить на вознаграждение редакции за труды по составлению статей и официальной части, авторов за статьи неофициального содержания, корректоров и письмоводителей и на вспомогательные средства при редакции. Цензура епархиальных ведомостей была возложена на ректора семинарии.

Находясь под редакцией архимандрита Иосифа и пользуясь сотрудничеством преподавателей Литовской духовной семинарии и других известных лиц в литературном отношении, Литовские епархиальные ведомости на своих страницах дали духовенству, кроме официальных сообщений, множество интересных и полезных статей, особенно исторического содержания, главным образом, относящихся к истории западно-русского края, держась в тоже время, как официальный орган, строго объективного тона суждений, по тому или другому случаю из епархиальной жизни.

Между тем, с переходом в 1869 году редакции епархиальных ведомостей из семинарии¹²⁰ в новые руки, направление ведомостей изменилось к худшему. В официальном органе печати появлялись иногда, и притом

нередко, такие мнения и суждения по поводу известного лица или события, которые имели оттенок личности и носили отпечаток субъективизма самого редактора, что замечалось и самим епархиальным начальствам. Мы уже говорили о том, что пр. Иосиф, епископ Ковенский, в 1873 году отнесся неодобрительно к тому, что редактор Литовских епархиальных ведомостей, в звании председателя окружного училищного съезда, в том году поместил в сих ведомостях оскорбительные, чисто субъективные, свои суждения относительно мотивов, по которым кафедральный протоиерей Гомолицкий отказался от принятия возложенной на него сим съездом должности члена строительной комиссии по Виленскому духовному училищу. При архиепископе Алексии целое Коссовское благочиние вошло в консисторию с ходатайством о воспреещении печатания в епархиальных ведомостях корреспонденций задевающего характера и при том несправедливых; и пр. Алексей, утвердив постановление консистории, по поводу сего прошения, написал еще: «и посему¹²¹ и вследствие отношения генерал-губернатора от 12 мая 1887 года, предлагаю о. редактору каждую корреспонденцию, предполагаемую к напечатанию в епархиальных ведомостях, представлять на просмотр мне и без такового не печатать ни одной, о чем сообщить и о. цензору, который, со своей стороны, усугубит внимание при просмотре других статей». Иногда в Литовских епархиальных ведомостях печатались такие сообщения, без всякой оговорки со стороны редактора и как бы в назидание всему духовенству Литовской епархии, которые заслуживали полного осуждения за проводимую в них мораль: «цель оправдывает средства», и положительно, не имели права на помещение их в официальном органе епархии.¹²²

Самое заведывание редактированием Литовских епархиальных ведомостей одним лицом, обремененным другими разнообразными и сложными занятиями, не могло, конечно, не отразиться неблагоприятно, хотя бы, например, в отношении к делу такой великой важности, как печатания в епархиальных ведомостях историко-статистического описания церквей и приходов Литовской епархии, первая мысль о

составлении коего принадлежала митрополиту Иосифу, поручившему это дело ректору Литовской семинарии архимандриту Филарету. Когда же последний, сделавшись викарием, отказался от возложенного на него поручения, пр. Иосиф пришел к такому убеждению, что неудобно возлагать такое важное дело на одно лице, по изменчивости положения оно, и потому поручил оное правлению семинарии, под непосредственным руководством и распоряжением ректора семинарии.¹²³ И пока редакция епархиальных ведомостей находилась при семинарии, на страницах Литовских епархиальных ведомостей появилось много ценных исторических материалов, относящихся к описанию монастырей и церквей епархии. Когда же редакция перешла к единоличному редактору, то оказалось, что уже составленное в 1886 году, по предписанию архиепископа Алексия, по указанному плану, духовенством Литовской епархии подробное историко-статистическое описание своих церквей и приходов, в видах издания оно к предстоявшему в 1889 году пятидесятилетнему юбилею со времени воссоединения униатов с православною церковью, и по настоящее время лежит без движения, так как о. редактор, принявший на себя труд посему изданию, не приступил к оному, за неимением, конечно, даже одного времени, и рукописные описания церквей и приходов епархии продолжают храниться в консисторском шкафу.¹²⁴

Глава II. Белое духовенство

Состав его. Образовательный ценз. Вопрос об учреждении духовной академии в Вильне. Порядок назначения на места. Общая характеристика духовенства.

Главнейшею задачею Литовского епархиального начальства, после воссоединения униатов с православною церковью в 1839 году, должно было служить преуспевание дела православия и русской народности в крае. Мы намеренно ставим вместе понятия «православие и русская народность» потому, что они особенно тесно связаны между собою в северо-западном крае, где еще с давнего времени, со времени Брестской унии, имевшей целью вместе, с навязанием религиозной унии с Римом, уничтожить и тяготение русского народа в сем крае к сердцу России – Москве православной и её православному царю, идет постоянная борьба духовная и политическая, борьба православия с воинствующим римско-католицизмом, с одной стороны, и русской народности с полонизмом – с другой. Эта тесная связь элемента национально-политического с религиозным настолько сильна здесь, что понятия «православный» и «католик» стали синонимами понятий «русский» и «поляк». И в народном обычном словоупотреблении почти совсем исчезли названия «православная вера» и «католицизм», и заменились словами «русская вера» и «польская».¹²⁵ И сама история – эта «*magistra vitae*»¹²⁶ неопровержимо свидетельствует о тесной связи между собою в северо-западном крае понятий «православие и русская народность», указывая, например, на то, что, при поднятии русского самосознания в крае при Муравьеве и Кауфмане, замечалось здесь и оживление церковной жизни и, наоборот, при Потапове и Альбединском, погружение церковной жизни в прежнее полу-дремотное состояние.

В виду же того, что главная роль в служении делу преуспевания в крае православия и русской народности лежала и лежит на православном духовенстве, которое, по своему положению, является ближайшим и непосредственным

проводником в жизнь распоряжений, как высшего духовного начальства, так и местного епархиального, которые направлены к пользе церкви православной и отечества, то мы прежде всего должны сказать о сем духовенстве, так как ближайшее ознакомление с ним отчасти поможет нам выяснить себе вопрос о причине настоящего недостаточно высокого положения дела православия в северо-западном крае.

Впрочем, относительно сего предмета в печати находим до противоположности различные мнения. В то время, как один находят, что западно-русское духовенство очень мало сделало за пятьдесят лет для проведения в жизнь народа национально-православных начал,¹²⁷ другие, напротив, говорят, что духовенство проявило очень большую заботливость о перевоспитании воссоединенного народа в духе православия и русской народности.¹²⁸ Нам кажется, что ближайшею причиною таких различных мнений об одном и том же предмете служит, с одной стороны, недостаточное знакомство¹²⁹ с теми фактами, на основании которых можно было бы авторитетно составить такое или иное представление о положении русского дела в северо-западном крае вообще и православия, в особенности, а с другой – намеренное старание преимущественно местных некоторых писателей по означенному вопросу¹³⁰ представить дело в несравненно лучшем виде, чем оно есть в действительности. В этом случае писателям о положении дел в северо-западном крае всегда нужно твердо помнить золотые слова, сказанные обер-прокурором св. Синода коп. П. Победоносцевым в 1898 году, при открытии в Санкт-Петербурге съезда по училищным делам, что «не враги внешние страшны, а страшны враги внутренние», равнодушие, а формализм и ложь, выражающиеся в стремлении скрывать правду, хотя и горькую, и представлять дело в преукрашенном виде, что будто все всегда обстоит благополучно».

Что касается настоящего нашего труда, то мы намерены в нем, на основании архивных данных и появлявшихся в печати сообщений, дать читателю возможность составить достаточно определенное представление о положении дела православия и

русской народности в северо-западном крае вообще и о духовенстве оного – в частности.

После воссоединения униатов в 1839 году, духовенство Литовской епархии, за небольшим исключением, в лице древле-православных священников,¹³¹ находившихся при таковых же церквях, состояло из воссоединенных из унии. Пр. Иосиф относился вообще неблагоприятно к принятию в епархию даже на причетнические места из других епархий, особенно из великороссийских, за исключением разве монашествующих, и притом в такое время, когда было немалое число незамещенных вакансий, как священнических, так и особенно псаломщицких. И лишь только крайняя нужда в причетниках побудила его в 1842 году просить архиепископа Волынского Никанора о присылке ему от 50–100 хороших причетников из его епархии, как более других сходной с Литовской по своему местному характеру, в возрасте не моложе 15 и не старше 30 лет, по своему поведению благонравных и совершенно приготовленных к сей должности. Желавшие поступить на причетнические места в Литовскую епархию должны были обращаться с просьбами о том к члену Волынской духовной консистории архимандриту Леонтию, который, после надлежащего испытания их и объявления им, что они будут получать по 40 руб. серебром в год жалования, сверх земли и других случайных доходов, и на путевые расходы по перемещению в Литовскую епархию до 40 руб. сер., должен был доводить о всех достойных кандидатах до сведения архиепископа Иосифа.¹³² Впрочем, желавших перейти в Литовскую епархию на должность причетников из Волынской не оказалось, и потому число сих вакантных мест оказалось в 1843 году – 380, в 1845 году – 259, а в 1850 – 98.

Когда же в сем году св. Синод, обратив внимание на то, что в Литовской епархии состояло вакантных священнических мест – 21, диаконских – 12, дьячковских – 38 и пономарских – 60, предложил пр. Иосифу заместить оные кандидатами из великороссийских епархий, архиепископ отклонил это предложение, указав на то, что священнические и диаконские места будут замещены окончившими курс Литовской духовной

семинарии, и еще останется не пристроенных из них 21, а причетнические частью прежними безграмотными униатскими причетниками, образованными постепенно, по его распоряжению, при монастырях, частью, воспитанниками духовных училищ, не поступившими в семинарию, или уволенными из оной, каковых могло быть до 373.¹³³ Между тем, и в последующее время много причетнических мест оставалось незанятыми,¹³⁴ на что обратил внимание, по своем вступлении на Литовскую кафедру, архиепископ Макарий, вследствие чего консистория предложила настоятелям церквей самим озаботиться приискыванием кандидатов для занятия сих мест.

При Муравьеве положение вещей несколько изменяется. По прибытии своем в край и ближайшем ознакомлении с местным духовенством, он не мог не заметить в нем духа исключительности, нередко переходившего во враждебность к русскому и пристрастность ко всему польскому. Посему, чтобы парализовать его, он предложил митрополиту Иисифу на открывшиеся священнические места, в известной доле, приглашать окончивших курс семинарии из уроженцев великороссийских епархий. Митрополит не мог отказать Муравьеву в его требовании, и уже в 1864 году было вызвано из Новгородской и Тверской губернии 10 окончивших курс семинарии для занятия священнических и учительских должностей. С течением времени, особенно в семидесятых и в начале восьмидесятых годов, число кандидатов священства из воспитанников великороссийских семинарий значительно увеличилось, вследствие малочисленности окончивших курс в Литовской семинарии, причем эти кандидаты или прямо поступали из своих епархий в Литовскую на священнические места, или же, предварительно, занимали здесь должности учителей приходских и народных училищ, или же служили чиновниками.

Недостаток в кандидатах священства из окончивших курс в Литовской семинарии сказался даже в 1889 году, когда к 1890 году оставалось незанятыми 12 священнических мест, сравнительно беднейших, по отсутствию просителей на эти места, хотя было несколько десятков псаломщиков,

надзирателей духовных училищ и учителей из окончивших курс в Литовской семинарии.¹³⁵ В виду сего обстоятельства,¹³⁶ архиепископ Алексей, отвергши неумный совет некоторых лиц, стоявших близко к епархиальному управлению, определять во священники диаконов из местных уроженцев, хотя и не окончивших курса, а потому, по своему образовательному цензу, далеко не соответствовавших должности священника, стал определять на сии места просителей из великороссийских губерний, окончивших курс семинарии, пока не увидел, что число последних, вышедших в 1890 году из Литовской семинарии и желавших получить место священническое, было настолько велико, что ими можно было заместить все вакантные места священнические.

Вообще число священников в Литовской епархии уроженцев из других и преимущественно средних губерний в 1863–1890 году доходило до 140. Впрочем, до 10 таковых священников пожелали вернуться из Литовской епархии обратно на службу преимущественно на родину, по разным, большею частью, неблагоприятно сложившимся для них здесь обстоятельствам.

Что касается образовательного ценза воссоединенного духовенства,¹³⁷ то относительно значительной части одного приходится сказать, что он был очень невысок. Это объясняется отчасти тем, что униатские ставленнические семинарии, в которых получили образование многие из священников униатских, были настолько плохо поставлены, что носили только название семинарий. Для Виленской греко-униатской епархии такая семинария была основана в Сверженском монастыре, а для Брестской – существовало две семинарии Лавришевская и Жировицкая. Курс учения в них ограничивался церковным пением, обрядо-словием, польским и славянским языками и нравственным богословием, по казуистическому учебнику иезуита Каранчевского. Все эти науки преподавались по-польски. Самое число учеников редко превышало 5–6 человек, тогда как число приходов в одной Брестской епархии доходило до 700. Да и вышедшие из сих семинарий имели самую посредственную подготовку к занятию священнических мест. А это много зависело от того, что, вместо двухгодичного

курса, ученики часто являлись для учения только на два или три месяца, особенно женатые, и в середине курса уезжали к своим семьям и оставались при них до тех пор, пока епархиальное начальство не заставляло их вернуться в семинарию. Самое учение велось бесконтрольно эмеритами базилианского ордена, которые часто давали аттестаты таким лицам, которые были с весьма слабыми познаниями в науках, но аккуратно посещали церковь. Иногда всей той мудрости, которая преподавалась в ставленнических семинариях, будущие униатские священники научались и домашним образом у какого-либо опытного священника.

После сего, нисколько неудивительно, что некоторые из униатских священников едва умели кое-как подписать свое имя и фамилию и с трудом могли прочесть из богослужебных книг что-либо такое, чего читать еще прежде не доводилось. В виду такого низкого уровня образования, которое доставляли униатские ставленнические семинарии, богатые униатские священники помещали для обучения детей своих в светские гимназии, которых было много, и где дело обучения шло сравнительно лучше. Сам митрополит Иосиф первоначальное и среднее образование получил в одной из таких гимназий (Немировской). Но за то из этих гимназий выходили такие священники, которые совершенно не знали церковной обрядности и славянского языка, или же не хотели служить на нем и с народом обращались весьма презрительно, «попански».

Что касается Виленской главной семинарии, этого высшего учебного заведения, в котором предметами обучения служили не одни только специальные богословские науки, но и общеобразовательные, и самое преподавание велось профессорами Виленского университета, и которая дала униатской церкви таких образованных лиц, как митрополит Иосиф Семашко, архиепископы Антоний Зубко, Михаил Голубович, Василий Лужинский и протоиереи Янковский, Бобровский и другие, то, не отрицая важного значения её, как источника просвещения для униатского духовного юношества, нельзя однако же не заметить, что это значение, с одной

стороны, было ограниченное, так как здесь могла получить образование лишь незначительная часть униатских юношей, а с другой – и положительно неблагоприятное для них, при господствовавшем в заведении направлении в воспитании и образовании юношества известного князя Адама Чарторыйского. И лишь только счастливая случайность, в лице нескольких профессоров парализовала вредное влияние даваемого главной семинарией воспитания на пр. Иосифа и Антония.

Открытие Литовской духовной семинарии в 1828 году в м. Жировицах, с курсом православных семинарий, должно было иметь очень важное значение в истории образования и воспитания духовного юношества епархии. Не говоря уже об общеобразовательном значении этой семинарии, как выпускавшей достаточное количество и достаточно для своего времени образованных будущих пастырей Литовской епархии, семинария эта имела еще большее значение во время воссоединения униатов в том отношении, что способствовала проведению среди духовенства Литовской епархии, если не убеждений, то мыслей об истине восточной церкви. А эти мысли преподаватели сей семинарии проводили трояким образом: 1) через преподавание богословских наук в семинарии, 2) в звании епархиальных экзаменаторов духовенства и 3) через участие в сличении униатских служебников с служебниками православной церкви.

Известно, что в числе лиц, назначенных пр. Иосифом, в то время еще униатским епископом Литовской епархии, для производства испытаний, вызываемых в Жировицы священников униатских, были и некоторые наставники семинарии. Собираясь вместе с членами консистории, наставники эти испытывали священников в знаниях, духовному сану необходимых вообще, а в особенности, в знании православного богослужения. Кроме того, эта мера оказалась полезною не только к благому направлению умов и распространению в епархии здравых понятий, но также к восстановлению без крутых мер чрезвычайно ослабевшей между духовенством дисциплины, так как довольно было

какого-либо беспокойного священника подвергнуть испытанию и обличить в невежестве, чтобы сделать его смиренным и лишить влияния на духовенство. Сверяя же, по предписанию греко-униатской духовной коллегии, служебники Московской печати и униатские с греческими, наставники семинарии, конечно, находили, что московские служебники вполне сходны с греческими, тогда как униатские были искажены и в молитвословиях и обрядах. Все эти открытия они сообщали ученикам своим и производили изменение в их мыслях, а через них действовали и на родителей. Точно также, по мнению пр. Иосифа, и догматическому убеждению воспитанников, а через них и их родителей, относительно православия греко-российской церкви всего более способствовала Литовская семинария, замещенная усердными и благонадежными наставниками, которые не довольствовались хладнокровным историческим прохождением спорных вопросов, разделяющих восточную и западную церковь, но разбирали их добросовестно, поверяли тщательно и с торжественностью утверждали верование восточной церкви.¹³⁸

Таким образом, после воссоединения униатов, весьма значительное большинство священников, не говоря уже о дьячках, было весьма мало образовано и потому мало соответствовало своему назначению быть учителем воссоединенного народа и утверждать его в духе православия и русской народности. С течением времени, число таких малообразованных священников, конечно, значительно уменьшилось, по мере поступления воспитанников в Литовскую семинарию, которая, в продолжении шестидесяти лет с 1830 по 1891 годы, дала до 1130 учеников, из коих значительное большинство заняли священнические места в епархии.¹³⁹

К сожалению, духовенство Литовской епархии, по выходе своем из семинарии, в большинстве, не только не заботилось о дальнейшем своем самообразовании, но очень часто забывало и то, чему училось в семинарии. Это прискорбное обстоятельство засвидетельствовано преосвященными викариями, ревизовавшими церкви Литовской епархии. Так в отчете о ревизии церквей в 1850 году указывалось на то, что

духовенство, как прежнего образования, так и недавно окончившее семинарский курс, будучи предоставлено самому себе, не заботилось о поддержании приобретенных им познаний, чему немало способствовало как то, что благочинные, при посещении церквей и в других случаях, оставляли это обстоятельство без внимания и не делали внушений и побуждений и без надлежащего дознания аттестовывали духовенство в клировых ведомостях, так и то, что духовенство не имело учебных книг, которыми могло бы пользоваться в сем отношении. Даже библию имели только некоторые священники.¹⁴⁰

Так было при митрополите Иосифе. Не лучше стало и при его преемниках. В ревизорском отчете пр. викариев за 1871 снова указывалось на то, что священники, получившие образование в семинарии, остаются без всякого дальнейшего усовершенствования, ни один не имеет библиотеки, и вообще везде замечалось полное равнодушие к чтению серьезных книг. К сожалению, несмотря на эти замечания преосвященных ревизоров, указанный недостаток был замечен даже и в последнее время, о чем свидетельствует отчет пр. Сергия, епископа Ковенского, за 1883 год, в котором отмечался тот прискорбный факт, что духовенство вообще не заботится о поддержании своего образования и что священники не имеют у себя никаких книг, которые бы могли служить к возобновлению в памяти того, чему они учились в семинарии.¹⁴¹ В своем месте мы укажем, насколько вредила успеху дела православия и русской народности эта незаботливом духовенства о своем самообразовании.

Но в то время, как большинство священников, поступивших на места уже после открытия Литовской духовной семинарии, были из окончивших курс в оной, громадное большинство причетников были мало образованы и малоспособны к прохождению своей должности. Правда, пр. Иосиф Семашко, подготовляя воссоединение униатов с православною церковью и вводя разные преобразования в униатской церкви, с целью сближения её с православною, не оставил без внимания вопроса о том, откуда взять дьячков, которые бы, хотя немного,

были способны к прохождению своей должности, и потому в 1834 году учредил в Жировицах, при семинарии, дьячковское училище.¹⁴²

В виду того, что многие из детей священнослужителей Литовской епархии, пользуясь правами духовного звания, не исполняли никаких обязанностей по духовному ведомству, но или проживали празднично в домах своих родителей и родственников, или занимались посторонними делами, а, между тем, большая часть церквей епархии не имела церковнослужителей, пр. Иосиф объявил духовенству, что 1) никто из священно-церковно-служительских детей не будет допущен, в противность законам, пользоваться правами и преимуществами духовного звания, не будучи определен к действительной службе по духовному ведомству; 2) те из сих детей, которые не поступят во священники или диаконы, будут определены церковнослужителями к тем церквам, которые их не имеют, причем сие определение последует не иначе, как по предварительному удостоверению в хорошем поведении их и по испытании в умении хорошо читать и писать по-русски и по-славянски, а также в достаточных познаниях по краткой священной истории, краткому и пространному катехизису, церковному пению и богослужению, по обряду греко-российской церкви, и, наконец, в знании первых правил счисления.

На основании сих положений, и было открыто училище для приготовления церковнослужителей ежегодно на 30 вакансий, причем не успевшие достаточно в познании предметов, указанных выше, могли оставаться на другой год для большего усовершенствования. Впрочем, дьячковское училище не могло привести существенной пользы для того дела, для которого было учреждено, потому что, если уже священники, воссоединенные из унии, были малограмотны и не знали русского языка, то тем более нельзя было думать, чтобы безграмотные дьячки в один год могли усвоить те познания, какие на бумаге требовал от них пр. Иосиф.¹⁴³ При этом нередко случалось, что поступившие в училище дьячки, тяготясь наукою, бегали из него, как это, например, было в 1837 году, когда дьячок Шадловский, пробыв всего в училище 4 дня,

убежал, и правление семинарии должно было просить о высылке беглеца в училище через полицию.¹⁴⁴ Как и следовало ожидать, это училище не долго существовало и, по своей малоплодности, было закрыто еще до перенесения семинарии из Жировиц в Вильну.

Между тем, недостаток в лицах, способных к занятию причетнических мест в епархии побудил пр. Иосифа в 1844 году принять другие меры к устранению одного. С сею целью, он предписал благочинным о доставлении ими ведомости о всех находящихся в их благочинии церковно-служительских детях, свыше 14 лет, не учившихся в училище и не занимающих штатных мест, с показанием о летах каждого, а равно о знании ими грамоты, имея намерение имевших не более 25 лет отправлять в монастыри или в приходские духовные училища, для приобретения сведений, необходимых дьячку, определив предварительно на вакантные пономарские места, и, таким же образом, поступать и с теми причетниками, имевшими более 25 лет, которые не пожелали «самообразоваться» во дьячки. Содержание находившихся в обучении причетников в монастыре или в училище должно было идти из пономарского жалования обучавшегося, причем самое обучение должно было состоять из обучения чтению, чистописанию, арифметике, катехизису, церковному пению и уставу – в приходских училищах обыкновенным порядком, а в монастырях – через назначенных для того иеромонахов.¹⁴⁵ Срок же учения был положен от полугода до 2 лет, смотря по способностям и успехам.

Между тем, в 1856 году пр. Иосиф, по своему нерасположению к древле-православному духовенству, отказавшись от предложения св. Синода относительно вызова кандидатов на причетнические места из великороссийских губерний, при имени якобы в виду множества кандидатов из своей епархии, в конце того же года, в виду недостатка способных причетников даже на таковые важнейшие места,¹⁴⁶ как при кафедральном соборе и других соборах и городских церквях, вынужден был предписать консистории вызывать, по её усмотрению, к кафедральному собору по несколько

неженатых причетников, впрочем не более шести одновременно, для определения их способностей, и, сообразно тому, или назначать на другие места, или же возвращать на прежние, и с заменю их, поочередно, вызовом к кафедральному собору других причетников.¹⁴⁷

Но и эта мера по принесла желаемого результата, и потому недостаток в причетниках замечался и в последующее время, так что епархиальное начальство должно было, с одной стороны, принимать на эти должности из другого сословия и отказывать, с другой стороны, в увольнении от занимаемой должности тем из дьячков, которые хотели перейти на другую службу.¹⁴⁸

Как известно, со введением устава духовных семинарий 1867 года, высшая духовная власть потребовала, чтобы окончившие курс семинарии, до определения своего во священники, служили некоторое время псаломщиками.¹⁴⁹ Но, несмотря на всю основательность сего распоряжения, для Литовской епархии оно оказалось почти неосуществимым, при очень малом количестве оканчивавших курс в семинарии Литовской в семидесятых и начале восьмидесятых годов, когда, как мы уже говорили, недоставало местных кандидатов из окончивших курс семинарии и для определения на места священников. Причина этого печального явления заключалась в образовавшемся тогда повсеместно каком-то, далеко не всегда разумном, стремлении семинаристов бежать из духовного ведомства в другое. При всем том, мы не считаем возможным вполне согласиться с мнением покойного профессора Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича, который, отмечая непохвальную черту в духовенстве Литовской епархии – отдавать своих детей в светские учебные заведения, одною из причин того находил новую постановку звания псаломщиков, которая якобы, при непонимании дела в Западной России, причинила громадный вред. «Нужно знать, писал он, что в старые времена в Западной России не было звания дьячков, и дьячки были вольнонаемными. Поэтому положение дьячка в Западной России было еще более угнетенное, чем в восточной. Стоило большего труда завести в этой стране сословие

дьячков, или, вообще, причетников. Стоило это многих слез западно-русскому духовенству. До последнего времени, поступление во дьячки сына священника считалось ужасным позором и несчастьем для семьи». По мнению М. О. К., следовало, по крайней мере, чтобы окончившие курсы семинарии, будучи псаломщиками, прежде всего и необходимее всего связали псаломщичество с церковною проповедью и обучением в церкви народа молитвам и с приходским училищем, а, за тем и меньше всего, с обычными обязанностями дьячка.

Таким образом, М. О. К., упуская из виду то, что служение св. церкви в должности чтецов считали для себя великой честью такие светила церкви православной, как св. И. Златоуст, и что прохождение должности псаломщика, предварительно, для кандидата во священника было полезною подготовкой для будущего пастырского служения, (что имел в виду и св. Синод), из угождения неправильно сложившемуся в духовенстве сей епархии горделивому взгляду на низших служителей церкви Христовой, находил эту меру прямо вредною.¹⁵⁰

Вообще же, число окончивших курс в Литовской семинарии, занимавших места псаломщиков, было всегда очень незначительное; большинство их и в настоящее время состоит или из уволенных из низших классов духовной семинарии и духовных училищ, или же из получивших кое-какое образование в школах приходских и народных, или же, наконец, из послушников монастырских. И общий отзыв, как относительно образовательного ценза псаломщиков Литовской епархии даже последнего времени, так и соответствия их занимаемым ими местам, должен быть дан скорее не в пользу их.¹⁵¹

В связи с вопросом об образовательном цензе духовенства Литовской епархии должен быть рассмотрен и вопрос об открытии в Вильне духовной академии. Еще в 1828 пр. Иосиф проектировал учреждение особой духовной академии в г. Полоцке, в видах более успешного приготовления униатов к воссоединению с православною церковью. Но, по разным причинам, сам пр. Иосиф признал неудобным открывать эту академию. После воссоединения униатов, у пр. Иосифа в

первое время была еще мысль об академии духовной уже в Вильне, как это видно из его письма к графу Протасову, но затем он ее оставил. По мнению г. Кояловича, причиною сего были отказы от православия и протесты против воссоединения с православною церковью видных униатов, в роде Бобровского и Сосновского, получивших высшее образование. «Без сомнения, пишет Коялович, из-за этого, главным образом, погиб проект в 1828 основания в Полоцке духовной академии, без сомнения, из-за этого же такой проект не находил и потом опоры в Вильне. Достоверно известно, что Иосиф после того всегда питал недоверие к новым людям с высшим образованием, поступившим к нему на службу, внимательно присматривался к ним и, при первом вызове, сурово относился к провинившемуся». «Из-за этого, справедливо замечает Коялович, Литовская епархия жестоко обедняла людьми высшего духовного образования, пошли в ход так называемые исполнители, и последствия всего этого сказываются даже теперь и в научной, и в общественной русской православной среде той страны».¹⁵²

Между тем, Муравьев, по прибытии своем в край и по ознакомлении с местным духовенством, находя, что «возвышение нравственного значения духовенства составляет вообще главную основу преуспевания религии в народе и особенно в северо-западном крае, где православное духовенство должно было постоянно выдерживать борьбу с чуждой религиозной пропагандой, усиливавшейся покорить себе народ», полагал полезным учредить в Вильне духовную академию.

Митрополит Иосиф, с которым снесся Муравьев по сему вопросу от 13 ноября 1863 года, ответил полным согласием, оговорившись, впрочем, относительно того, что он не может положительно сказать о действительной потребности сей академии в общих видах русской православной церкви, в которой имеются уже 4 академии духовных, и особенно при тогдашней скудости средств духовного ведомства. Получив согласие митрополита, Муравьев предположения свои относительно устройства в Вильне высшего духовного училища

внес в западный комитет, из которого этот проект, удостоившийся Высочайшего одобрения, был передан обер-прокурору св. Синода с тем, чтобы делу сему был дан дальнейший ход. По предложению обер-прокурора св. Синода, митрополит Иосиф, по соглашению с Муравьевым, образовал комитет, под председательством пр. викария епископа Александра, из двух духовных лиц и 4 светских, для составления проекта высшего учебного заведения в Вильне. Комитет этот, по мысли Муравьева, поставил целью сего заведения – приготовление истинно-русских деятелей в духе православия на поприще духовном и гражданском для борьбы в здешнем крае с католицизмом и полонизмом, т.е. с фанатической пропагандой религиозною и политическою, могшею иметь успех только при равнодушии и недостаточном научном образовании богословском и историческом со стороны их противников. В виду сей цели, комитет счел необходимым открыть в Вильне высшее духовное училище, в виде добавочных классов семинарии, с допущением в оные и светских учеников, лучших по успехам и поведению.

Впрочем, сам проект устройства учебной и экономической части, хотя был составлен с большою подробностью и основательностью, но не был осуществлен, с одной стороны, потому, что Муравьев оставил управление краем, а с другой – и, главным образом, вследствие того, что митрополит Московский Филарет, мнения которого потребовали по сему вопросу, не нашел нужды в открытии в Вильне академии. В своем мнении об этих «Литовских предположениях» он указывал как на то, что духовно-учебное ведомство не так богато людьми, чтобы составить комплект начальствующих и наставников для целой новой академии, сильных знанием, испытанных и твердых, так и на то, что едва ли найдутся хозяйственные средства, достаточные для устройства и содержания новой академии. Вообще он находил, что для сельских церквей Литовской епархии преимущественно нужны образованные и верные священники, какими могут быть не одни доктора и магистры, а и хорошо наставленные и руководствованные студенты семинарии. Указывая же на то, что академия не скоро может

принести свои плоды, тогда как настоящая нужда требовала скорого удовлетворения, и что от академии можно ожидать того, что в начале студенты с жаром ринутся в нее, и недостаток кандидатов в священство окажется в еще большей силе, митрополит Филарет находил нужным и достаточным только «улучшение и усиление местной семинарии».¹⁵³ В частном же письме от 10 января 1864 к обер-прокурору св. Синода Ахматову высоко-преосвященнейший Филарет уже прямо писал, что «устройство академии в Вильне было бы сомнительно и тогда, когда митрополит Иосиф сохранял полные силы и энергию.»¹⁵⁴

Преемник Муравьева, генерал губернатор коп. П. Кауфман, хотя и признавал необходимым для усиления в крае обрусения его посылать возможно большее число воспитанников Литовской духовной семинарии в духовные академии и потому просил в 1865 году митрополита Иосифа о посылке, сверх назначенных в Санкт-Петербургскую духовную академию, еще нескольких воспитанников и преимущественно в Московскую академию, обещая дать им денежное пособие, как для проезда в столицу, так и на содержание там впредь, до принятия по экзамену в академию, но не видно, чтобы поддерживал проект своего предшественника об открытии в Вильне академии, и потому в 1868 году от 28 июня св. Синод уведомил митрополита Иосифа, что, по изменившимся обстоятельствам, к учреждению такого училища, какое проектировал граф Муравьев, не предвидится ни средств, ни настоятельной необходимости. Но на этом дело пока не остановилось.

В том же 1868 от 29 августа последовал новый указ св. Синода на имя митрополита Иосифа относительно открытия высшего учебного заведения в Вильне, вызванный тем обстоятельством, что управляющий делами комитета министров сообщил обер-прокурору св. Синода выписку из отчета Виленского губернатора, в котором последний, отстаивая проект Муравьева, выражал свое мнение о необходимости открытия в Вильне духовной академии с юридическим факультетом и немногими другими дополнениями, сообразно местным потребностям, а в случае затруднения или признания

почему-либо неудобным открытия здесь академии, то, но крайней мере, увеличения числа стипендиатов в Санкт-Петербургской и Московской академиях для воспитанников Литовской семинарии с обязательством, чтобы они, по окончании курса, прослужили известное число лет в северо-западном крае и непременно в духовном сане. «Эта мера могла бы, по мнению губернатора, принести несомненную пользу для возбуждения здешнего духовенства из того апатического состояния, в котором оно находится так долго и из которого не может еще выйти без посторонней помощи, несмотря даже на материальное обеспечение».

В силу сего указа св. Синода, митрополит Иосиф отнесся к генерал-губернатору Потапову с просьбою уведомить его, 1) разделяет ли он означенные предположения графа Муравьева об учреждении в Вильне духовной академии; 2) одобряет ли предположения о сем духовного комитета, представленные Муравьеву епископом Александром от 9 сентября 1864, и 3) на какие средства признает возможным отнести потребные на сей предмет расходы, в случае одобрения им означенных предположений. Ответ Потапова последовал уже на имя нового архиепископа Макария от 4 марта 1869, в котором он указывал на то, что, хотя и вполне разделяет предположения Муравьева об учреждении в Вильне православной духовной академии и даже признает такое заведение совершенно необходимым, как одну из радикальных мер к укреплению в крае православной церкви и к распространению здесь образования в чисто православном и русском направлении, но полагает, впрочем, более полезным для дела дать вид сему заведению общеобразовательного училища, через учреждение при сей академии отделения, в котором могли бы готовиться наставники не только для семинарий, но и для гимназий, по предметам историческим и филологическим, и, кроме того, хотя бы неполного курса юридических наук и, по преимуществу, отечественного законоведения, с целью образования чиновников для средних инстанций. Но указав свой взгляд на постановку учебного дела в проектированном заведении, Потапов отказался от всякого материального пособия оному,

сославшись на то, что для удовлетворения расходов, потребных на содержание означенного заведения, он не имеет в виду никаких других источников, кроме сумм государственного казначейства. Об этом ответе Потапова пр. Макарий донес св. Синоду.¹⁵⁵

На сем и остановилось дело об открытии в Вильне духовной академии, хотя, впрочем, вопрос этот и после часто поднимался, но только в печати, причем сторонники открытия академии здесь от неё ожидают всевозможных благ для края. Так священник Фудель в № 249 из Московских ведомостей за 1893 год, писал, что «учреждение Виленской духовной академии будет для северо-западного края началом его обновления, оживит деятельность духовенства, привлечет к этой деятельности новые силы даже издалека, объединит и направит к одной цели все разрозненные доселе местные силы и повысит уровень местной русской жизни. Недаром все местные деятели ждут этого, как манны небесной». Но против этого мнения о. Фуделя говорит уже то одно, что почивший мудрый архипастырь Литовский Алексей находил совершенно не нужным открытие в Вильне духовной академии, что заявил и публично 8 июня 1889 года на торжественном собрании, по случаю праздновавшегося пятидесятилетнего юбилея со времени воссоединения униатов. На предложение, обращенное к нему ныне покойным профессором Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Кояловичем, ходатайствовать пред высшим начальством об открытии в Вильне академии, пр. Алексей ответил, что он не находит нужным быть в Вильне особой академией, потому что и четыре существующие академии с избытком доставляют кандидатов священства, которые могли бы получить места в Литовской епархии, а, между тем, предпочитают идти в чиновники и учителя.

В самом деле, если бы даже одни только воспитанники Литовской семинарии, поступившие в академию, по окончании курса в оной, поступали во священники в свою епархию, то давно бы многие места священнические¹⁵⁶ не только в городах, но и во многих селах, были бы заняты академиками. И тогда бы не было повода Кояловичу жаловаться на то обстоятельство,

что воспитанники духовной академии из западно-руссков, по окончании курса в академии, разбрасываются по таким местам, где не могут найти приложения своим западно-русским знаниям. Между тем, многие из таковых лиц предпочли уйти в другое ведомство, например, занять места чиновников по разным канцеляриям в Санкт-Петербурге. Таким образом, при отсутствии в большинстве воспитанников академии желания занимать места священнические разумеется, главным образом, уроженцев Литовской епархии, на своей родине, новооткрытая академия в Вильне не принесла бы желаемой пользы и только требовала бы от правительства больших затрат. Даже, если бы учредить в Вильне высшее учебное заведение в том виде, в каком проектировал это сделать Муравьев, т.е. не только с кругом богословских наук, но и хотя с неполным курсом юридических, с целью образования чиновников для средних инстанций, то, и в таком случае, это заведение не принесло бы большой пользы, так как число чиновников в северо-западном крае с высшим университетским образованием в настоящее время несравненно увеличилось против шестидесятых и семидесятых годов и всегда может еще более увеличиться, при том избытке лиц, которые получают образование в университетах и часто нуждаются в местах, по выходе из них.

Что касается до определений на места священников¹⁵⁷ и псаломщиков в Литовской епархии, то выбор кандидата на вакантное место зависел, конечно, всецело от епархиальных преосвященных, которые, впрочем, при сих определениях руководствовались не одинаковыми соображениями и далеко не всегда держались даже официально объявленного ими принципа, что особенно должно сказать о митрополите Иосифе. Последний в предложении, данном консистории в 1841 году, указал на то, что он, в видах соблюдения духовной пользы многолюднейших приходов, а с тем вместе и воздаяния должной справедливости заслугам и отличным достоинствам духовенства, на будущее время будет определять 1) к приходам 1, 2 и 3 классов воспитанников духовных академий, а также и семинарий, которые проходили отлично должности учителей в духовных училищах, равно как и перемещать на эти места

священников, отличавшихся служением на приходах низших классов; 2) к приходам 4 и 5 классов – только окончивших курс по 1 разряду, а также священников, отличившихся служением на низших приходах, и, наконец, к приходам 6 и 7 классов – окончивших по 2 разряду, или диаконов, прослуживших 8 лет отлично на этой должности, с отступлением от сих правил только по причинам, заслуживающим особого уважения.¹⁵⁸

Эта последняя оговорка чаще всего применялась к делу, при определении на места, вопреки ранее объявленному принципу. Так, с течением времени, по мере того, как лица из воссоединенного духовенства становились, по старости и другим причинам, неспособными к служению, пр. Иосиф, не увольняя их за штат, замещал их места еще при их жизни,¹⁵⁹ давая им в качестве помощников тех из окончивших курс в семинарии, которые были согласны жениться на дочерях или близких родственницах старцев и пользоваться содержанием, по соглашению с ними. Конечно, при таком замещении, уже мало обращалось внимания на соответствие назначаемого в помощники настоятеля церкви тому месту, которое он имел после занять, как уже настоятель.

Кроме того, такое замещение мест сопровождалось и другими неблагоприятными для дела последствиями. Между старым и новым священниками происходили нередко большие неприятности, иногда из-за материальных расчетов, которые служили соблазном для народа и поводом к увеличению кляузных дел в консистории. Так, в 1846 году Влодовский благочинный донес пр. Иосифу, что священник Великорытской церкви Фаддей Плескацевич, принявши к себе в помощники сына своего Викентия и отдав ему все хозяйство, с условием пользоваться только третьего частью штатного жалования и надлежащим содержанием в пропитании, и поссорившись с сыном, отделился от него и проживает в пономарском доме, не давая ему с 1 мая 1845 года ни одной копейки из штатного жалования, что вообще служило соблазном для тамошних прихожан. После того, как они, несмотря на увещания самого пр. Иосифа, продолжали ссориться, отец был отправлен на 4 недели, а сын – на 2 в Гродненский Борисоглебский монастырь

на эпитимию. Но так как они и после сего, не перестали ссориться между собою, то отец был отрешен от должности, и только, по усиленной просьбе, ему было дозволено жить в качестве заштатного при Луконицкой церкви, под надзором местного благочинного и с обязательством никуда не отлучаться от сего места, без ведома начальства.

Подобного рода случаи послужили поводом к тому, что другие священники, даже отцы, вынуждены были более или менее подробно и обстоятельно составлять условие с своими помощниками – сыновьями. Это, например, видно из того, что в 1861 окончивший курс семинарии Иван Пашкевич был определен помощником к своему отцу в Чернавчицы на следующих условиях: он обязывался исполнять в точности и аккуратно должность приходского священника по сему приходу, равно также вести письмоводство по оному и, кроме того, быть законоучителем при здешнем приходском училище. Отец же, со своей стороны, обязывался уступать ему ежегодно половину получаемого штатного жалования и половину хозяйства со всеми фундушевыми и собственными строениями, рухлядью и прочим, и давать от себя пропитание и половину кружки. В случае же, если другой его сын, состоявший в низшем отделении семинарии, был бы принят на казенное содержание, отец уступал сыну, своему помощнику, уже целую кружку и две части хозяйства.

Что касается пр. Макария, то он, при определении на места священнические, старался быть справедливым и самостоятельным и оставления мест за сиротами или родственниками умерших не допускал вообще.¹⁶⁰ Обыкновенно, старший по образованию, летам службы и вообще по заслугам, из просившихся на известное место и был им определяем. Посему, когда в 1870 настоятель Покрской церкви, священник Будилович, обратился к пр. Макарию с просьбою об увольнении его за штат и об определении на его место его помощника и зятя, священника Страшкевича, пр. Макарий обусловил свое согласие на это только отсутствием других, более достойных, просителей в замещении ими сего «очень выгодного» места. Иногда, впрочем, пр. Макарий предоставлял хорошие приходы

эпитимистам-священникам, но это было для них, по его мнению, побуждением и мерою к испытанию и исправлению.

Пр. Александр, при определении на места, вообще не руководился каким-либо определенным принципом и, по доброте своего сердца, предоставлял часто известное место кандидату, сумевшему подействовать на эту черту характера владыки. Особенным расположением его пользовались те из священников, которые были его учениками по Литовской семинарии, и просьбы их архипастырь всегда уважал.¹⁶¹

Пр. Алексей был очень осторожен, при определении на места. Проходил месяц, а иногда и более времени, в продолжение которого в Литовских епархиальных ведомостях делались публикации об открывшемся месте. И только, после достаточного числа поступивших прошений на известное место, он предоставлял оное наиболее заслуживающему, если не представлялось нужды оставить оное за сиротами, или близкими родственниками того, за смертью которого место сделалось вакантным. Впрочем, это оставление мест за сиротами, со времени митрополита Иосифа очень редко практиковавшееся в Литовской епархии, не всем нравилось, так как бывали случаи, когда лучший приход получал только что сошедший с семинарской скамьи воспитанник, женившийся на сироте. При выборе кандидатов, владыка строго соображал нравственное достоинство их. Посему он не считал благонадежными для сей должности тех лиц, которые еще на семинарской скамье заявили себя с невыгодной стороны относительно своего поведения. Так, случилось, что, еще при архиепископе Александре, несколько учеников семинарии высших классов запятнали себя таким проступком, который сей архиепископ в резолюции по сему делу назвал «гнусным и скотским». Между тем, пр. Алексей, не зная ничего о том, предоставил одному из этих лиц священническое место. Когда же он узнал об этом, уже после посвящения сего кандидата, то немедленно отправил его на эпитимию в Духовский монастырь, а относительно других лиц, принимавших участие в гнусном поступке и уже занимавших священнические места, сделал распоряжение, чтобы их «не двигать с занимаемых ими мест». И

после этого случая, прежде чем предоставить священническое место тому или другому из окончивших курс семинарии, владыка осведомлялся об его нравственной благонадежности у семинарского начальства.¹⁶²

То обстоятельство, что получившие места священников очень нередко являлись к посвящению, спустя продолжительное время, после женитьбы, и, таким образом, ставили прихожан в затруднительное положение в отношении удовлетворения их духовных нужд, побудило пр. Макария издать распоряжение о том, чтобы семинаристы давали подписку с заявлением, какое им время нужно для женитьбы. Для тех же, которые не могли определить срока, владыка назначил 3 месяца, предоставив еще ту льготу, что, в течение сего времени, не женившийся кандидат священства, указав благочинному причину сего, мог просить об отсрочке, а благочинный обязывался о сем представить в консисторию с своим мнением, насколько эта причина заслуживает уважения и какое время требуется для женитьбы. Впрочем, едва ли можно назвать это распоряжение пр. Макария целесообразным, так как оно предоставляло, с одной стороны, слишком много произвола и кандидатам священства, и благочинным, и самой консистории в определении времени, нужного для женитьбы, а с другой – по причине весьма медлительной процедуры одной переписки, происходившей, по сему поводу, между благочинными и консисторией.

Другое злоупотребление со стороны кандидатов священства состояло в том, что они, после своего посвящения, спешили, как можно скорее уехать на место, на что обратил внимание архиепископ Александр, который, заметив, что многие ставленники, после своего посвящения, хлопотали об увольнении в свой приход уже на третий день, после оно, и, следовательно, очень мало подготовившись к службе, сделал в 1880 году распоряжение, чтобы дела об увольнении ставленников в свои приходы были ему представляемы только тогда, когда они отслужат 7 литургий.

Самая выдача ставленнических грамот производилась при митрополите Иосифе безденежно, причем эти грамоты

выписывались на канцелярские суммы митрополита. Это же вошло в силу и при архиепископе Макарии, который, на предложение консистории разрешить взимать с каждого священника по 57 коп., а с дьячка по 28 коп. за означенные грамоты, ответил отказом, написав в своей резолюции: «как прежде не бралось никакой платы со ставленников за эти грамоты и поучения, так и впредь не брать, а небольшую сумму, употребленную на покупку их, взять, по прежним примерам, из сумм архиерейского дома».¹⁶³ Так это дело велось и после него.

Очень много неудовольствий доставляли преосвященным Литовским частые просьбы священников и причетников о перемещении на другие места, и притом без уважительных причин, что вынуждало их делать соответственные распоряжения к устранению этого печального явления. Так еще митрополит Иосиф в 1853 издал распоряжение, чтобы священно-церковнослужители просили о переводе на новые приходы не иначе, как по выслуге 10 лет кряду на одном и том же месте. Пр. Макарий, со своей стороны, велел объявить духовенству, что, в виду неоднократно повторяющихся случаев, когда духовные лица, будучи переведены на другие места, по собственному желанию, утруждали епархиальное начальство прошениями об оставлении их на прежних местах, на будущее время все подобные просьбы будут оставлены без последствий, и подавшие эти прошения лица подвергнутся ответственности, положенной по закону, за неисполнение распоряжений начальства. Между тем, духовенство, пользуясь переменами епархиальных архиереев, не обращало внимания на это распоряжение, так что пр. Александр, при всей своей снисходительности, вынужден был в 1884 году поставить на вид духовенству через консисторию поступление к нему в последнее время многочисленных прошений о перемещении на другие места, часто для просителей мало известные и оказавшиеся впоследствии гораздо хуже занимаемых ими прежде мест, причем в прошениях об оставлении их на прежних местах выдумывались разные, иногда даже неблагоприятные мотивы, и, что еще хуже, поступление просьб от ставленников, явившихся к рукоположению, иногда даже не успевших

осмотреть назначенное им место и уже желавших перевода на другие места. Пр. Александр, по сему поводу, справедливо заметил, что перемещение вошло вообще у духовенства Литовской епархии в привычку¹⁶⁴ и в то же время объявил, что все прошения о перемещении не будут удовлетворяемы ранее прослужения пяти лет на одном и том же месте, исключая лишь тех случаев, когда таковые прошения будут вызваны особенно уважительными причинами и настоятельной необходимостью.

На основании сего предостережения, 23 февраля 1885 священник С., перемещенный, согласно прошению, из села Збураж на прежнее место, в село Чижи, был лишен права, в течение 10 лет, проситься на другое место. Но лишь только пр. Алексей вступил на Литовскую кафедру, как все распоряжения епархиального начальства, сделанные при архиепископе Александре по означенному предмету, снова были забыты, и к новому архиерею поступило много прошений о перемещении с одних мест на другие. Но пр. Алексей не только не поощрял этих перемещений, но и чувствительно карал за оные, когда находил причины к тому. Посему, переместивши псаломщика Н., уже много раз прежде перемещенного, в виду исключительных его семейных обстоятельств и, притом, в последний раз к Белостокскому собору, пр. Алексей в другом случае, когда консистория постановила определение о перемещении состоявшего на должности псаломщика З. церкви, диакона Х., к другому месту, не только не согласился на это перемещение, но и написал такую строгую резолюцию: «псаломщику Х, бывшему уже на 12 местах, не переводя на тринадцатое, объявить, что, если он не исправит своего поведения, не будет вести жизнь трезвую и не перестанет беспокоить всех своими ябедами и кляузами, будет лишен сана и исключен из духовного звания». Тем более не могло ему нравиться, когда подавший прошение на известное место и уже определенный на оное отказывался от сего места и перепрашивался на прежнее, или на другое. Таких лиц пр. Алексей чувствительно карал денежными штрафами, справедливо считая их людьми легкомысленными. Так, например, священник С., не прослуживший еще ни одного дня при церкви, к которой был назначен, и уже просивший о

переводе к другой, был оштрафован пр. Алексием ста рублями, с воспрещением, притом, проситься на другое место, в течение 10 лет. И это был не единственный случай штрафования за легкомысленную подачу прошений о перемещениях по службе.

Что касается участия прихожан в выборе тех или других членов причта, то в Литовской епархии они вообще очень редко заявляли свое желание о назначении к ним того или другого из священно и церковнослужителей, а если и заявляли, то редко получали удовлетворение своей просьбы и, всего чаще, по неосновательности её, быв при сем подговорены к тому лицами, заинтересованными в получении известного места. Так, например, при пр. Алексия, прихожане З. церкви подавали ему прошение об оставлении на месте псаломщика Г., переведенного к другому месту, по владыка отказал им. Точно также, когда прихожане Б. церкви подали прошение о назначении в их приход священника Г., несомненно, не без участия его самого, пр. Алексей отказал им, написав на прошении их, что, «за последовавшим уже назначением священника села Б. и за недавним назначением в это село священника Р.», прошение прихожан Б. церкви не может быть удовлетворено. Выдающимся примером назойливости прихожан и не основательности их прошения об определении к ним священника может служить поступок прихожан Лясковичской церкви, которые, в 1879 году имели дерзость подать прошение самому Государю о назначении к ним приходским священником иеромонаха Х., о чем они просили неоднократно, хотя и безуспешно, епархиальное начальство, между тем как их церковь, по бедности, часто оставалась без священника. И св. Синод, в который было передано это прошение, получив надлежащее разъяснение, по поводу сего прошения, от епархиальн. начальства, оставил просьбу сих прихожан без последствий.¹⁶⁵

Говоря вообще об определении на места священно-церковнослужителей в Литовской епархии, мы не можем не заметить, что места или приходы раздавались нередко, без надлежащего разбора, или, говоря точнее, хотя и с разбором, но несоответствующим той цели, которую сама местная жизнь с

её особенностями указывала для деятельности православного духовенства, тогда как назначение ксендзов, по большей части, делается искусно, умело и опытной рукою. Особенно неудачны были назначения псаломщиков,¹⁶⁶ о которых во многих отчетах пр. викариев говорилось, что они, в большинстве своем, ни по своим познаниям, ни по голосовым средствам, не соответствовали занимаемым ими местам.

Нужно заметить, что на недостаточно внимательное отношение епархиального начальства к определению на места священнослужителей в Литовской епархии было обращено однажды внимание самого Государя Императора Александра II, который, по поводу выраженной в отчете Виленского генерал-губернатора Потапова за 1868, 69 и 70 годы мысли, что места священнослужителей в северо-западном крае должны быть замещаемы лицами, вполне соответствующими своему назначению, и, чтобы те из них, которые подадут повод к нареканиям, были удаляемы, написал: «необходимо». Об этой резолюции Государя Потапов довел до сведения архиепископа Макария и, на основании её, потребовал смещения с занимаемых мест 6 священников, что и было исполнено.

Причину такого явления, т.е. назначения на известное место неподходящего кандидата, конечно, могла служить, с одной стороны, частая перемена епархиальных архиереев в Литовской епархии, а с другой стороны – необходимость принимать во внимание, при определении на места, и семейное положение просителя, от чего свободны ксендзы.

Переходя теперь к общей характеристике духовенства Литовской епархии, сперва скажем о том, что оно представляло из себя пред воссоединением униатов, так как, только при такой постановке вопроса, легче и яснее будет составить себе понятие об отличительных чертах местного православного духовенства северо-западного края.

В записке, составленной в 1827 году Иосифом Семашкою, по предложению директора департамента духовных дел иностранных исповеданий Карташевского, о состоянии униатской церкви в России, униатское духовенство представляется скорее низшим разрядом Римского, нежели

самостоятельным сословием. Получая первоначальное воспитание в Римских и базилианских училищах, будучи соединено с римско-католиками в главном своем учебном заведении, руководствуясь одними законами, одними учебными сочинениями, оно было напоено одними и теми же правилами, и предрассудками. Завися же в получении приходов от помещиков римско-католического исповедания, получая от совместного богослужения значительные доходы по римскому исповеданию, к которому по большей части принадлежали помещики, занимая при римских костелах многие места в звании викариев, капелланов и прочих, считая часто верхом своего честолюбия видеть детей своих в числе римского духовенства, если не именем, то силою мнения и своим богатством, словом, будучи обязано римлянам своим уважением и довольством, униатское духовенство как бы необходимо участвовало в одних и тех же мнениях, в одном и том же умонаправлении. Большинство униатских священников даже в поучениях к простому народу и в учении его молитвам употребляло язык польский, а некоторые священники даже просили своих епископов позволить им служить на польском языке и обедню... Вообще, по словам Семашки, все различие между римско-католическим и униатским духовенством в том только почти и состояло, что последнее было женато. Но и это обстоятельство, со своей стороны, принесло еще больше зла вследствие того, что большая часть жен униатских священников принадлежала к католическому исповеданию и в таком же духе воспитывала молодое поколение, будущих пастырей униатского народа.¹⁶⁷

Посему, нисколько не удивительно, что, после воссоединения униатов, которое совершилось через отобрание подписок от духовенства в согласии их соединиться с православною церковью, большинство бывшего униатского духовенства дало оные только из страха лишиться занимаемых ими мест и потому оказалось православным только формально. Священники остались теми же людьми, воспитанными в чисто польском духе и от колыбели с польским языком на устах, а потому продолжали говорить по-польски с народом и в своей

семье, совершать обряды по прежним униатским служебникам и давать католические имена новорожденным. С большим трудом усваивался ими и внешний облик православных пастырей – нестриженные волосы¹⁶⁸ и небритые бороды, и русский язык считался ими, как и панамы польскими, языком вульгарным, хлопским. Даже и такие лица, облеченные доверием епархиального начальства, как благочинные и помощники благочинных, и те только наружно показывали свое расположение к православию, а некоторые и явно оставались прежними читателями папы римского. Таков, например, был Друйский вице-благочинный Малишевский, который, по донесению благочинного, оставался и после воссоединения таким же двуличным, каким был в 1838 году, когда собирал по помещикам пожертвования якобы для тех, кого отослали в Иркутск за нежелание воссоединиться с православною церковью. Свою расположенность к католицизму Малишевский обнаруживал тем, что посещал католические праздники, присутствуя в костелах во время обедни. После неоднократных взысканий с него, как по сему обвинению, так и по разным другим делам, Малишевский (доводившийся родственником ректору Литовской духовной семинарии, впоследствии, викарию Литовской епархии, епископу Филарету) был переведен из Друй в Вилкомир, под надзор другого священника, хотя прихожане и просили об оставлении его на месте, «как красноречивого проповедника». После того, он перешел в Полоцкую епархию.

Некоторые священники, низведенные за отказ дать подписку в согласии на воссоединение в дьячки, в 1842 году, по предписанию пр. Иосифа, были низведены в пономари, между прочим, за то, что «из своего положения и лицемерства (?) сделали для себя род низкого промысла и, шатаясь повсеместно, выманивали от легковверных обильные подаяния». Кроме того, пр. Иосиф отнесся к губернатору с просьбою об учреждении над ними местного полицейского надзора для воспрепятствования их скитанию за милостынею, а местному благочинному было предписано, по истечении 6 месяцев, донести об их поведении, чтобы, в случае безнадежности в

отношении исправления их, (т.е. согласия дать подписку на воссоединение) переместить в великороссийские монастыри.¹⁶⁹

Особенным упорством в нежелании присоединиться отличались заштатные священники, которых, по донесению пр. Иосифа в 1839 графу Протасову, насчитывалось до 120, как сомнительных, и которые не могли не иметь дурного влияния на народ, в смысле порицания пред ним православия и убеждения его твердо держаться прежней своей веры. Таков был, например, священник Лопушинский, который в течение 9 лет не был на исповеди и, несмотря на то, что консистория семь раз поручала увещевать его к принятию православия, так и умер униатом. Но воле жены его, погребение Лопушинского состоялось, без участия православного духовенства, костельными служителями, между тем как местный священник Чайковский не только устранился от похорон, но и не донес о том благочинному и не принял никаких мер к отклонению погребения его костельными служителями, за что консистория наказала его месячной эпитимией в Жировицком монастыре.

Другой священник, также заштатный, Гереминевич в 1862 году, так сказать, уже накануне польского мятежа, на вопрос епархиального начальства о причине небытия его у исповеди в 1861 году, объявил, что он и наперед останется в униатском исповедании, так как, пробыв священником 30 лет и с усердием управляя вверенным ему приходом, очутился за штатом и без всякого презрения от начальства. Вследствие сего, не имея никаких средств к содержанию себя и своего семейства, и, по причине преклонных лет и продолжительной тяжкой болезни, не будучи в состоянии собственным трудом снискивать себе пропитание, он решился оставить православие, ибо, только объявивши себя униатом нашел себе сочувствие у сострадательных к нему лиц, помещиков латинского исповедания. Консистория положила было запретить ему священнодействие и поместить в Супрасльский монастырь на послушническую вакансию. Но так как Гереминевич оказался, по донесению благочинного, тяжело больным, то и был оставлен на попечение своей дочери.

Гораздо труднее было бороться епархиальному начальству с женами и дочерьми священников, которые держались римско-католичества и не хотели отречься от него. Таковых, по донесениям благочинных в 1844 году оказалось 27 жен и 31 дочерей. Всем им было предложено присоединиться, под угрозой отрешения их мужей и отцов от должности, и, хотя большинство их и вынуждено было изъявить согласие на присоединение, в виду опасности, угрожавшей всей семье через отрешение от места главы оной, но некоторые из них решительно отказались подчиниться требованию епархиального начальства. Таковы были дочери священника Бедрицкого, относительно которых консистория распорядилась было в 1845 году, чтобы их приглашали, хотя через полицию, к священникам для увещания, а от отца потребовала объяснения, почему он допустил дочерям своим оставаться в католичестве. Последний объяснил, что дочери его привержены к католичеству с детства, и, несмотря на все увещания его и угрозы, не намерены оставить католичество, о чем подали прошение и в св. Синод. Дело о них прекратилось только в 1867 году, когда две дочери уже умерли, а третью св. Синод оставил в римско-католичестве, находя, что «принуждения не согласны с достоинством господствующей религии».

Много хлопот доставил епархиальному начальству священник Скабалланович, который, несмотря на неоднократные напоминания епархиального начальства о доставлении ему сведений относительно присоединения к православию его жены и двух дочерей, отвечал молчанием. После отправления его на эпитимию за это в Березвецкий монастырь, жена его дала требуемую от неё подписку о присоединении, но дочери его, обучавшиеся в Виленском пансионе, отказались от присоединения. После того, сам Скабалланович, по подозрению в приверженности к католицизму и за несогласие его дочерей к присоединению, был на некоторое время отрешен от должности. Между тем, после, состоя священником при Нарочской церкви, Скабаллович и две его дочери были заподозрены в 1863 году в сношениях с польскими мятежниками и в доставлении им продовольствия; и,

хотя это обвинение не было подтверждено полными юридическими доказательствами, но, во внимание к тогдашним обстоятельствам, Муравьев признал неудобным оставлять его на месте и даже намеревался выслать его с двумя дочерьми из края. Но пр. Иосиф не нашел возможным согласиться на это, с одной стороны, потому, что удаление священника из Литовской епархии в другую по такому делу могло состояться только с разрешения св. Синода, а с другой – и потому, что на сего священника только падало подозрение в сношениях с мятежниками, и не было против него прямых улик. Дело окончилось тем, что Скабалланович был отправлен с жандармами в Жировицкий монастырь, под строгий надзор настоятеля,¹⁷⁰ а дочери его были высланы в г. Гомель.¹⁷¹

Как доказательство более чем индифферентного отношения семейств священников, особенно лиц женского пола, к православию и тяготения к католицизму и, притом, уже спустя долгое время, после воссоединения униатов, а именно в 1860 году, видим, например, в том, что жена и дочери Клещельского протоиерея и благочинного Гоголевского ходили к богослужению в костел, за что митрополит Иосиф, в виду открывшегося совращения воссоединенных в сем приходе в католичество, перевел Гоголевского к другому приходу, с лишением должности благочинного.

Но если такие соблазнительные примеры для народа наблюдались в семье самих благочинных, обязанных подавать во всем пример подведомому им духовенству, то, тем более, эти соблазнительные для народа посещения костелов членами священнических семейств замечались в семьях рядовых священников и особенно церковнослужителей.

Посему совершенно справедливо полагал митрополит Филарет, что епископы, служившие в северо-западном крае, должны были настоять на том, чтобы жены православных священников не были соблазном в вере для прихожан, так как церковные правила осуждают священника, который небрежет утвердить православие в своем семействе.¹⁷² «Да будет позволено усомниться в мысли, писал он, что ожидать от священника перевоспитания жены было бы неосновательно.

Должно сего требовать от него и ожидать можно. Его образование и взаимная любовь и всегдашняя близость должны благоприятствовать сему. Зачем доброй супруге священника идти в помещичий дом, где мужа её не принимают и где она услышит насмешки над всем русским».¹⁷³

Конечно, владыка так рассуждал на основании своих идеальных представлений о пастырском служении. Ему, как не жившему в западной России, вероятно, и не было вполне известно действительное положение вещей, которое состояло в том, что воссоединенное духовенство само не могло еще отрешиться от тяготения к прежней унии и польщизне,¹⁷⁴ к которым оно так было привязано, по словам самого митрополита Иосифа, пред воссоединением униатов.

М. О. Коялович в 1863 году, пред самым польским восстанием, также отметил эту несимпатичную черту в жизни духовенства северо-западного края, т.е. влечение его к польщизне. «Если вы заглянете в дом литовского священника, писал он, как бы в назидание духовенства сего края, узнаете кружок его знакомых, то здесь вас сразу поразит, что западно-русский священник состоит под сильным влиянием польского элемента. Образованная западнорусская семья силою своего исторического влияния, благодаря разным посторонним обстоятельствам, притянула его к себе неодолимо и наложила на весь почти его домашний быт свою печать; он и семья его говорят большею частью по-польски, связаны узами знакомства и дружбой с людьми польскими,¹⁷⁵ устройство их домашней жизни, обстановка, приемы – те же, что и польские». По справедливому мнению М. О., это обстоятельство имело очень неблагоприятные последствия, потому что отдалило народ от пастырей. «Благодаря сему двучию православного священника, замечал он, народ, видя в нем русское, но не полное, ставил его в этом отношении в один ряд с чиновниками, а видя в нем польское, ставил его в ряд с панами. А так как народ не считает своими братьями ни чиновников, ни панов, то не мог он считать своими братьями также и священников». Коялович находил, что до 19 февраля 1861 года большинство западнорусских священников не замечало сего отчуждения.

После же 19 февраля многие из пастырей стали ближе к народу. Но большинство, хотя тоже чувствовало на себе влияние народной жизни, но немало страдало отчуждением от народа, которое для него стало более, чем когда-либо, мучительно».¹⁷⁶

Как мы уже раньше говорили, особенно был виновен женский пол в семье священника в его тяготении к польщизне. Посему митрополит Иосиф совершенно справедливо думал, что для окончательного преобразования духовенства необходимо было, чтобы и женский пол духовного сословия был воспитан в духе православия и русской народности. А между тем, поступившие во священники семинаристы, получившие полное образование и искавшие себе жен, несколько образованных, брали их из получивших воспитание в пансионах, учрежденных для иноверных девиц светского звания, и в которых воспитывавшиеся дочери священников еще более отступали от понятий, необходимых дочерям и женам православного духовенства. После долгой переписки, зависевшей частью от неимения подходящего места для училища для дочерей духовенства, а частью – по причине отсутствия материальных средств, только в 1861 году состоялось Высочайшее соизволение относительно устройства в Вильне училища на 60 штатных воспитанниц и 30 пансионеров, по образцу и уставу Царскосельского училища девиц духовного звания. Само училище было открыто 8 сентября 1861 года. Конечно, вышедшие из сего училища девицы, получившие воспитание в духе православия и русской народности, далеко не могут быть сравниваемы с теми, которые раньше получали образование в польских пансионах, в отношении соответствия их своему назначению, быть женами православных священников. Но училище это, во всяком случае, не могло принести скоро ожидаемых от него добрых плодов, и потому Муравьеву, прибывшему в край в 1863 году, пришлось засвидетельствовать факт влечения к римско-католицизму и польщизне в семействе воссоединенного духовенства и обратить на то внимание митрополита Иосифа, тем более, что это обстоятельство сильно бросалось в глаза прибывшим из Великороссии в большом

количестве служилым людям, которые не могли, естественно, примириться с тем, чтобы в семье священников употреблялись польские молитвенники и слышалась польская речь.

Получив, по сему поводу, отношение от генерал-губернатора, митрополит Иосиф в конце 1863 года издал распоряжение, чтобы духовенство приложило самое тщательное старание к изучению всеми членами его семейств русского языка и, затем, к ежедневному употреблению оно, причем благочинным поручено было наблюдать за этим и о нерадивых доносить епархиальному начальству. Указав же при сем на то, что употребление польского языка поддерживается в духовенстве, главным образом, женским полом через воспитание многих дочерей священников в пансионах, совместно с девицами польского происхождения, митрополит Иосиф обратил внимание духовенства и на то, что употребление им польского языка может уронить его в мнении собственных его прихожан,¹⁷⁷ через возбуждение в них чувства недоразумения и недовольства... Консистории же было предложено пр. Иосифом напомнить духовенству, чтобы оно старалось воспитывать дочерей своих в новооткрытом женском духовном училище, так как через несколько лет священнослужительский места будут отдаваться преимущественно тем кандидатам, которые женятся на воспитанницах этого училища.

Между тем, в начале 1864 года митрополит Иосиф, в виду новых случаев, заставлявших обращать внимание епархиального начальства на печальное положение тех священнических семейств, в которых матери не могли дать детям своим первоначального русского православного воспитания, для предупреждения случаев вступления в брак кандидатов священства с девицами, чуждыми русскому православному образованию, дал консистории предложение, которое, впрочем, мало могло принести пользы, по причине формальной и сложной постановки дела, а именно, при решении вопроса о допущении к рукоположению кандидатов во священники и диаконы, требовать от таковых письменное свидетельство благочинного и двух надежных местных

священников о том, умеет ли жена кандидата во священники читать правильно по-славянски и по-русски, говорить и писать по-русски, а также знает ли она важнейшие церковный православные молитвы и катехизис; причем, в случае сомнения, консистории предоставлялось право поверять выданные благочинными свидетельства о сем через других благонадежных духовных.

Достойно сожаления и то обстоятельство, что пр. Иосиф отклонил предложение Муравьева, имевшего в виду, в целях перевоспитания молодого поколения – из дочерей не только священников, но и псаломщиков, учредить для них трехклассные училища в Слодине и м. Глубоком, полагая по 60 воспитанниц в каждом, и с поручением этих школ надзору благонадежного семейства священника. Самое содержание училищ Муравьев предполагал обеспечить доходами с 203 десятин земли, принадлежавшей по-Кармелитскому монастырю, и со строений оного, с незначительным прибавлением из суммы, ассигнованной на улучшение содержания духовенства Литовской епархии. По нашему мнению, доводы, выставленные митрополитом Иосифом против, например, учреждения училища женского в м. Глубоким, в Дисненском уезде, едва ли были основательны. По его мнению, учреждение здесь училища и содержание оного требовали бы до 5 тыс. руб., тогда как дохода с указанных имений получалось бы только 1 тыс. руб. Но, как мы уже раньше говорили, Муравьев недостающую сумму имел в виду покрыть из значительной ассигнованной суммы на улучшение содержания духовенства епархии.

Еще менее основательны были другие возражения м. Иосифа против открытия сего училища и состоявшие в том, что, по его мнению, самое училище в Глубоком было бы, с одной стороны, излишним для родителей состоятельных, имевших (якобы) возможность дать первоначальное обучение своим дочерям в приходских и народных училищах, а с другой стороны, не безвредно для сиротствующих, имевших нужду не только в обучении, но и в призрении, и которые, после трехлетнего обучения, должны были оставить училище в самом опасном их возрасте.

Но, прежде всего должно сказать, что приходских и народных школ было очень немного в епархии, а при той горделивости, какая существовала вообще в духовенстве Литовской епархии, положительно трудно допустить мысль о том, чтобы дочери священнические посылались для обучения в школы, где сидели бы с детьми крестьян. Следовательно, они должны были оставаться или без образования, или же получать оное, как и раньше, в светских пансионах, так как число воспитанниц Виленского женского духовного училища было очень ограничено. О дочерях причетников м. Иосиф даже и не упомянул, как бы считая совершенно ненужным для них образование. Что же касается до опасности для девиц остаться без призрения, после получения воспитания в училище, на каковую, между прочим, указывал м. Иосиф, как на предлог против открытия училища в Глубоком, то едва ли ее можно считать основательною, так как большинство девиц, за окончанием курса, могли найти призрение или у своих родителей, или же у родственников, не говоря уже о том, что они представляли бы из себя для кандидатов на священно-церковно-служительские места самых подходящих невест по своему воспитанию. Точно также едва ли можно признать сильным то возражение пр. Иосифа против училища в Глубоком, что было бы весьма затруднительно подобрать состав лиц управления оного, а также учебного, воспитательного и хозяйственного, таким образом, чтобы они представляли среду чисто русскую, православную. Из того множества русских людей, которые при Муравьеве прибыли в северо-западный край для служения в нем на разных поприщах, всегда можно было подобрать небольшой состав лиц для Глубокского училища.

По мнению пр. Иосифа, цель учреждения в Глубоком училища для девиц духовного звания, равно как и других подобных училищ, имевшихся в виду, могла бы быть достигнута и легче и вернее учреждением нескольких приютов для сирот священно и церковно-служителей на том основании, как предположено было устроить подобный сиротский приют в Виленском монастыре.

Правда, этот приют был устроен в 1868 году приблизительно на 40 человек, из коих лишь некоторое число воспитанниц могло пользоваться содержанием от монастыря, а остальные должны были платить за оное. Но, так как в число воспитанниц сего приюта поступало наибольшее число дочерей священников, не принятых в Виленское женское духовное училище, а также – чиновников и вообще разночинцев, то не только дочери псаломщиков, но и многих священников, не могли все воспользоваться образованием, предоставляемым училищами духовными, и потому многие священники, по прежнему, отдавали своих дочерей в светские учебные заведения, а псаломщики, за неимением средств, ограничивались лишь самым элементарным обучением своих дочерей, частью в народных училищах, а частью – дома.

Нельзя сказать, чтобы духовенство Литовской епархии не сознавало необходимости увеличения числа училищ для его дочерей, испытывая иногда горькое чувство, когда дочь священника, даже и выдержавшая приемный экзамен, не могла быть принята в женское духовное училище, за неимением вакансий. А между тем, в то время, как в Минской епархии существуют два училища женских, из коих одно епархиальное, духовенство Литовской епархии с 1870 года и доселе все еще только проектирует или устройство Виленского женского училища духовного ведомства на другом месте, с большим количеством вакансий для его дочерей, или же расширения настоящего, причем главнейшею причиною этого промедления служит надежда на то, что правительство духовное само построить желаемое училище.

Правда, пр. Алексею пришло на мысль¹⁷⁸ устроить новое женское духовное училище в Кобрине, в зданиях бывшего мужского духовного училища, дав ему устройство и программу учебных занятий, во всем подобную Виленскому женскому духовному училищу, только без иностранных языков, на 30 воспитанниц в каждом классе, в том числе и дочерей псаломщиков Литовской епархии, но преждевременная кончина архипастыря воспрепятствовала осуществлению его мысли, которая, при его энергии, перешла бы и в дело. Между тем,

если бы в Слониме и Глубоком были открыты, по мысли Муравьева, училища для дочерей духовенства Литовской епархии, последнему, и особенно псаломщикам, не пришлось бы задумываться над вопросом относительно места для образования своих дочерей.

Но, как бы то ни было, недостаток духовно-учебных заведений, в которых могли бы получить здоровое воспитание в духе православия и русской народности дочери духовенства епархии, отражается неблагоприятно на семейном быте оногo, поддерживая в нем пристрастие к польщизне и излишнюю любовь к светскости, на что обратил внимание в 1883 году пр. Авраамий, который в своем отчете отметил тот печальный факт, что священники в некоторых приходах Гродненской губернии, осмотренных им, а именно, в уездах Гродненском, Сокольском и Белостокском употребляли в своем домашнем кругу польский язык «к стыду всего духовенства, ко вреду и соблазну меньших братий и духовных чад», для которых священник должен быть, по справедливому замечанию сего преосвященного,¹⁷⁹ добрым образцом во всем, руководителем во всех обстоятельствах его жизни, врачом его нравственных недугов и надежную опору правительства. Таким образом, несмотря на то, что почти все местные священники получили образование в Литовской духовной семинарии, как видно из указанного свидетельства пр. Авраамия, в семье некоторых священников и доселе существует еще какое-то неестественное влечение к употреблению в разговоре языка, бывших угнетателей русского народа и православной веры в западной России, языка польского, который для неё представляется, по-видимому, как и до воссоединения униатов в 1839 года, языком общества высшего тона, своего рода, языком французским.¹⁸⁰

Пр. Евгений в одном из своих отчетов в семидесятых годах о духовенстве осмотренных им уездов отмечает другую черту в характере западно-русского духовенства, которая, конечно, находится в тесной связи с указанным уже влечением к польщизне, это стремление духовенства быть возможно современнее, начиная от внешней обстановки в доме, до воззрений на разного рода предметы и вопросы, при малом

выказывании того религиозно-нравственного чувства, благочестивых обычаев и достоуважаемых преданий,¹⁸¹ которое могло бы служить примером для прихожан и выражением характера его (т.е. духовенства) пастырского на них влияния.¹⁸² Эту же черту домашнего быта духовенства, т.е. старание усвоить себе светский тон в обращении и устроить домашнюю обстановку в таком же духе отметил и архиепископ Александр в своем отчете св. Синоду о состоянии Литовской епархии за 1879 год,¹⁸³ но только с похвальной стороны. Основываясь на донесениях благочинных, он писал, что «семейный быт и хозяйство старших членов причта вообще производят приятное впечатление. Общее благодушие, приличная непринужденность в обращении и в разговоре всех членов духовного семейства свидетельствуют об усвоении ими приемов светского образованного общества, а детьми – данного им образования в разнообразных учебных заведениях. В хозяйстве духовенства по всюду видно довольство и во многих домах предметы для эстетического развлечения, как-то рояли и фортепиано были значительной цены и новых конструкций».

Но М. О. Коялович также, как и пр. Евгений, очень не сочувственно относился к этому увлечению духовенства светскостью, справедливо полагая, что оно может привести к нежелательным для дела православия и русской народности последствиям. «Большинство духовенства (разумеется духовенство северо-западного края), писал Коялович, будучи обеспечено, погрузилось в материализм, заводило фазтоны, задавало пиры чуть не на весь уезд, пробовало даже перебивать гешефты у жидов. Нравственное же умаление западне русского духовенства повело к умалению его и в смысле сословия. Забвение пастырства, господство материальных интересов усилило в нем светскость, между прочим, в том смысле, что дети его стали больше и больше стремиться в светские заведения, в светское звание».

Указывая дальше на то, что до него дошли жалобы на духовенство Литовской епархии из оной же за пристрастие духовенства к удобствам светской жизни, за изменение по этому началу обычаев, обстановки своего дома, даже до некоторой

степени духовной одежды, М. О. пишет далее:¹⁸⁴ «но, что еще хуже, в одном показании обличаются невероятные вещи, прорывающееся будто по местам объединение православия и латинства в том смысле, что признаются неважными и обсуждаются различия между православием и латинством, и говорится в этом показании, что все это делается ради выгод жизни в дружбе с панами. Зло идет, будто бы, еще дальше. Говорят, есть уже и такие священники, которые относятся иронически и ко всем этим религиозным и национальным спорам и вообще ко всем, так называемым, высшим стремлениям и заявляют прямо, что их дело устроить получше свое материальное положение.¹⁸⁵ Мы должны сказать, что, по имеющимся у нас данным, прибавляет М. О., в этой крайней испорченности, обвиняются, главным образом, молодые священники, и что об этом нам пишут и говорят с самыми безотрадными чувствами».¹⁸⁶

В тесной связи с этим стремлением к возможно большему комфорту в домашней обстановке стоит преклонение многих священников пред богатством и погоня за ним, причем для достижения его иногда употреблялся незаконный образ действий. Уже пр. Макарий в своем отчете св. Синоду о состоянии Литовской епархии за 1869 году, указав на то, что духовенство оной, в большинстве своем, в сравнении с великоросским, отличается практическим направлением, (это он объяснял положением его среди иноверия и разноплеменности), отметил, как темную черту в характере сего духовенства, его увлечение материальными стремлениями. Это он заметил, между прочим, как по многим делам о вымогательстве священников с прихожан, так и из того, что некоторые из них, без особой нужды, оставляли жительство в своих приходских домах и, единственно, для хозяйственных целей проживали на фермах или фольварках, не близко от своей церкви, которую посещали только в воскресные и праздничные дни, так что церковь была заперта целую неделю, тогда как латинские костелы были открыты ежедневно. Это обстоятельство вызвало со стороны пр. Макария соответствующее распоряжение о дозволении священникам

проживать на фермах только в том случае, когда они отстояли не далее 3 верст от их приходской церкви.¹⁸⁷

И пр. Алексей в своем последнем отчете св. Синоду о состоянии Литовской епархии за 1889 год, при всей своей сдержанности и осторожности в разного рода обобщениях, не мог не упомянуть об указанной черте характера немалого числа священников епархии и о том зле, которое происходило вследствие сего. «Относительно вообще нравственного состояния и настроения духовенства, писал он в сем отчете, нельзя не пожелать, чтобы оно менее забывало идеальную сторону своего служения из-за забот и хлопот материальных, тем более, что оно, сравнительно с духовенством других епархий, менее вынуждается к последним – необходимостью, имея, кроме крупных в большинстве приходов, и двойные, тройные и более земельные наделы и нередко другие оброчные статьи и жалование от казны». «Не в том дело, замечал владыка, что оно не должно заботиться о материальном обеспечении, особенно ради семьи, но в том, чтобы эта забота не обращалась в общую болезнь века, погоню за наживою, особенно не разбирая средств. А в лицах духовных это особенно непристойно, ибо вызывает укоризны и вредит доброму влиянию пастырей на пасомых, а иногда и добрым житейским отношениям. В среде же разноплеменников и разноверцев вред от сего направления увеличивается, хотя бы по одному числу порицателей, при том уже с прибавкой злобной. Правда, жалобы в этом смысле редки, а порицание слышать непосредственно и нельзя, но направление, о котором идет речь, иногда очень явственно отражается на ослаблении истинно пастырской деятельности и заботливости, особенно относительно просвещения и вообще назидания прихожан и иногда и очень печальными последствиями, как, например, отступлением от православия почти целой деревни в штундизм в приходе священника, который, по материальным средствам и обстановке, как отзывались о нем в официальных бумагах светские власти, походит более на средней руки помещика».¹⁸⁸

Долговременное пребывание в унии и зависимость от польщизны и иезуитизма не могло не отразиться и другими

несветлыми чертами, кроме указанных, на характере духовенства северо-западного края, как-то: отсутствием простоты и искренности во взаимных отношениях, притворством, хитростью, изворотливостью, причем хитрость стала считаться признаком ума и талантливости, а прямота и откровенность признаком глупости, и, наконец, раболепством пред высшими и горделивостью пред низшими. Эта последняя черта, по справедливому замечанию г. Шутаевского,¹⁸⁹ отразилась прежде всего на жизни уездного и сельского духовенства, как наиболее подвергшегося влиянию польскому, в том, что духовенство это образовало из себя длиннейшую лестницу с бесконечным числом ступеней, причем самая незначительная разница в служебном и общественном, или просто, материальном положении все двигает человека на особую ступень. Каждая выше стоящая группа относится к низшей, если не с надменностью и гордостью, то, во всяком случае, с чувством нескрываемого превосходства своего; низшая же группа относится к высшей с почтением, доходящим до самоуничтожения,¹⁹⁰ и в свою очередь обнаруживает явное высокомерие относительно группы, еще ниже стоящей.¹⁹¹ Посему здесь диаконы и псаломщики, за редкими исключениями, стоят совершенно особняком от священника, и их взаимные отношения ограничиваются чисто служебной сферой.

Конечно, причиной таких ненормальных отношений священника к низшим членам причта, особенно же к псаломщикам, служил установившийся еще во времена унии презрительный взгляд на них, так как причетники были вольнонаемными и, как забитые нуждою, невежеством и нередко безнравственностью, состояли в доме священника в должности служек и даже кучеров и пользовались лишь тою частью доходов или земли церковной, которую выделяли им священники. Между тем, при пр. Макарии¹⁹² является новый тип псаломщиков в епархии, которые не желали быть в том отношении к священникам, в каком находились раньше причетники, и неоднократно жаловались епархиальному начальству на те несправедливости, которые они терпели от

священников при разделе доходов. Конечно, священники очень недружелюбно отнеслись к новому типу псаломщиков и обвиняли их в разных недостатках, присущих даже им самим, как, например, в увлечении светкостью в костюмах.¹⁹³

Но, порицая псаломщиков нового типа, священники отзывались вообще с похвалой о псаломщиках старого времени, которые, по их мнению, состояли в надлежащем отношении к настоятелям церквей и были люди, умудренные долговременным житейским опытом, знающие свою службу, в костюмах и манерах соблюдающие простоту и безыскусственность, трудящиеся, по мере сил и возможности, вообще люди почтенные. Насколько далеко от истины такое восхваление полуграмотных причетников униатского типа, которых единственная заслуга состояла только в том, что они были служками в доме священников, это видно из того, что нами было раньше сказано о причетниках. Виною подавления псаломщика нового типа автор вышеприведенной заметки считал, как выборное начало, когда псаломщики получили якобы преувеличенное понятие о своем достоинстве и значении, и когда они открыто говорили и заявляли, что именно они выбирают тех или других благочинных и не на шутку вообразили, что в руках их находятся чуть ли не бразды правления в благочиниях, так и разлад в самом духовенстве и дробление его на группы, причем, по необходимости, должно было поколебаться его влияние и, наконец, ложный либерализм некоторых благочинных в обращении с псаломщиками.¹⁹⁴

Обвиняя, таким образом, псаломщиков в ненадлежащих отношениях их к священникам, автор заметки совершенно умолчал о том, что это явление было естественным результатом тех неправильных отношений, которые, как мы говорили, со времен унии установились между священниками и причетниками. Между тем, новое поколение этих дьячков почувствовало себя свободнее при архиепископе Макарии, обратившем внимание на их жалкое положение, которое состояло в обделении их землею и доходами, и пожелало занять более правильное юридическое положение в клире, нежели какое имели их деды и отцы.

Впрочем, говоря об отношениях между членами клира в Литовской епархии, нельзя отрицать и того, что было немало случаев, когда низшие члены клира позволяли себе разные непозволительные выходки против священников лично и в отношении исполнения обязанностей по службе, что и подало повод к составлению для них в 1885 году подробной инструкции.

К числу других наиболее неблагоприятных влияний полонизма на жизнь православного духовенства в северо-западном крае должно отнести отдаленность пастырей от пасомых. О существовании оной до 1863 года мы уже приводили в своем месте свидетельство М. О. Кояловича. А вот и свидетельство уже из последующего времени. В отчете пр. Евгения за 1872 года относительно состояния осмотренных им церквей говорилось, что «священники большею частью держат себя слишком по-пански по отношению «к мужикам», недоступно, презрительно», а между тем, замечает сей преосвященный, простолюдин, несмотря на свою неразвитость, чувствует, что священник – не отец снисходительный, не пастырь внимательный и заботливый, а властелин грозный».¹⁹⁵ Наглядной иллюстрацией к приведенному замечанию пр. Евгения может служить отмеченный в 1880 году «Современными Известиями» факт жалобы священника Ч. церкви, Дисненского уезда, мировому судии через поверенного своего еврея на своих прихожан за клевету, так как они осмелились подать на него жалобу в консисторию за разорение приписной церкви. По сему поводу, редактор «Современных Известий» не без основания писал: «в северо-западном крае, где пропагандирует польский ксендз, немецкий пастор и еврейский раввин, может ли быть представителем православной веры и русской народности такой священник, который, наругавшись над православным храмом и его святынею, издевается с помощью еврея-адвоката над бедными неграмотными крестьянами прихожанами, вздумавшими защищать православную веру и храм. Что же? – в добрый час окатоличивать и ополячивать. Римский первосвященник знает, куда посылать свои брошюры». Далее газета привела целиком

протокол заседания по сему делу у мирового судьи. И сам редактор Литовских епархиальных ведомостей и вместе с тем член духовной консистории, перепечатав из «Современных Известий» это сообщение» «ради указания на то, какой деятельности ожидает ныне общество от священников, и как, даже в своих законных правах и требованиях, духовенство должно быть осторожно, чтобы не навлечь на себя нарекания и не попасть на страницы газет», не отрицал действительности указанного факта, но только ограничился замечанием, что говорить о деле священника С. не следует, так как оно слишком нежелательно и неудобно для священника, хотя он всего меньше виноват в том, в чем его обвиняли прихожане, так как церковь Пестунская была закрыта раньше поступления его на приход.¹⁹⁶

Некоторые, впрочем, священники не только сами сознавали всю нежелательность горделивого отношения пастырей к пасомым, но старались обращать на это обстоятельство и внимание своих собратий, даже путем печатного слова. Так, по поводу выборных благочинных и благочиннических съездов, один священник, отмечая тот бесспорный факт, что, по местам, заметна и доселе некоторая сановитая спесивость священника пред прихожанами и даже причтом, что в северо-западном крае особенно вредно, советовал «для устранения этой польщизны и сближения с прихожанами» поставить правилом для благочиннических съездов приглашать и попечителей, крестьян и мещан на оные, при рассуждениях о состоянии народной нравственности и благотворительности А указывая, далее, на необходимость борьбы с латинством и польщизною, священник этот справедливо замечал, что для успешной борьбы «с этою вражий силою нужно сбросить с себя и польские лохмотья, польский полу-варварский язык и польскую спесь в обращении с прихожанами и причтом, стать русскими и душою и телом, и делом, и словом».

Кроме высокомерного отношения не малого числа священников к своим прихожанам, одною из важнейших причин ненадлежащих отношений между ними, была, как замечал в своем отчете по ревизии за 1873 год пр. Евгений, нескрываемая

духовенством и не всегда умеренная заботливость об умножении доходов, которая не могла внушить прихожанам чувство уважения к нему.¹⁹⁷ «Редко прихожанин, писал в отчете преосвященный, решится жаловаться на священника, но еще реже прихожанин окажется правым по суду. Это, конечно, раздражает прихожан и внушает им боязнь к причту и окончательно истребляет доверие к духовенству, так что прихожане за советом и помощью идут не к духовенству, а к еврею».

Между тем, как грубое обращение священников с прихожанами, так и вымогательство, нередко доходило до сведения гражданской власти и давало ей повод жаловаться на духовенство епархиальному начальству. Так, например, в 1868 году гродненский губернатор жаловался на одного священника за крайне грубое обращение с прихожанами, которое выразилось в том, что, при венчании одного крестьянина с католичкою, когда следовало идти около анаоя, и молодая стала просить идти налево, по своему обряду, священник, вместо разъяснения, схватил ее за головной убор с такой силой, что шпильки воткнулись в голову её, причем ругал ее и грозил, что, если она не пойдет, то велит сорвать с нее одежду и нагую гнать до дома. А так как в это время венчалась и другая пара, то в церкви вышел полный скандал. Кроме сего, губернатор жаловался на сего священника еще за то, что он требовал большую плату за требы, как, например, за свадьбу 15 руб., если молодая не хотела переменять религии. «Вообще, заключал свое отношение по сему делу в консисторию губернатор, в Бельском уезде, в противность указу св. Синода¹⁹⁸ не вымогать у прихожан за требы, назначается высокая плата за них. Так в Пасынках, Пухле, в Клещелаях за обедню 4–6 руб.; за крестный ход 50 руб. и за похороны 3–10 руб.». ¹⁹⁹ По сему делу производилось следствие два раза и настолько пристрастно, что, когда консистория в первый раз оправдала священника, пр. Игнатий нашел нужным произвести новое следствие. Дело окончилось в 1874 тем, что священник снова был оправдан, и это обстоятельство подало пр. Евгению

справедливый повод заметить, что по всем подобным делам редко жалующиеся оказывались правыми по суду.²⁰⁰

Не желая умножать числа иллюстраций по сего рода делам, укажем только на следующий случай, имевший место в последнее время и свидетельствовавший о крайне возмутительном отношении некоторых священников к своим прихожанам: из объяснения священника С., по обвинению его крестьянином Д. за вымогательство, выяснилось, что он требовал, пока готовится к службе, приноса платы (4 руб. 80 коп.) за обедню и угрожал отказом служить обедню, если сии деньги не будут уплачены вперед. Плату в этом размере он называл таксою, иногда ему давали только 1 руб. за погребение, а за литургию обещались уплатить после, то, уже подготовившись служить, объявил, что он отказывается служить задаром, приказал запереть церковь и, обещав совершить погребение вечером, сам ушел на урок. Когда же ребенка умершего принесли к дому священника, последний, соглашаясь похоронить его немедленно, под условием платы 1 руб. 80 коп., завел новое препирательство с прихожанами, возбуждая сомнение, действительно ли прошло трое суток после смерти ребенка. Между тем, возмущенные и выведенные из терпения, родственники и соседи покойника оставили гроб в помещении священника и сами ушли, и когда священник стал звать их на погребение, со слезами отказались явиться, так что он хоронил одиноко. «Возмутительность сего действия священника С., писал пр. Алексей в своей резолюции по сему делу, цинизм и нахальство его объяснения требовали бы примерного наказания его по всей строгости 184 статьи Устава Духовной Консисторий, но, принимая во внимание его молодость и неопытность, сделать ему строгий выговор, со внесением его в послужной список и с предупреждением, что, в случае повторения подобных действий, к нему будет применено наказание, назначенное в вышеуказанной статье». А так как это возмутительное действие священника С. послужило поводом к жалобе на него епархиальному начальству со стороны самого генерал-губернатора, то об этом наказании С. было сообщено и ему.

Представляя общую характеристику духовенства Литовской епархии, необходимо сказать и об его отношениях к помещикам и чиновникам, с которыми ему приходилось так часто соприкасаться, как в своей служебной деятельности, так и по собственным делам, тем более, что эти отношения представляли нередко случаи, служившие подтверждением к уже сделанной нами общей характеристике сего духовенства.

До польского восстания 1863 года, православное духовенство епархии находилось в значительной зависимости от помещиков в экономическом отношении, а потому старалось, в большинстве своем, жить с ними в мире и согласии, хотя это не мешало помещикам относиться к православному духовенству недоброжелательно и даже презрительно. Следующий случай наглядно рисует подобное отношение помещиков к православному духовенству. В 1849 года помощник Ошмянского благочинного Зенкович донес консистории, что дьячок Городокской церкви Когачевский, за не позволение двум крестьянам возить сено с их лугов в день воскресный, по приказанию местного помещика, князя Пузины, был взят насильно его людьми и приведен на двор и здесь якобы за ругательство и угрозы был окован цепями и посажен под арест. По приказанию же князя, он был приведен связанный крестообразно к повозке, где его били, а сам князь, стоя на крыльце с своими гостями, ругался и насмехался над ним. Когда же Когачевский стал угрожать князю вечным огнем и пропастью за такую обиду, то Пузина приказал сечь его пятью пучками розог в квартире приказчика. И здесь, в присутствии других лиц, его, связанного ремнями, бил по щекам и топтал ногами, а когда дьячку стало дурно, велел принести холодной воды и лить ему на голову, а потом посадить его на цепь на три дня. При следствии, князь и двор его отказались от обвинения в том, что били дьячка, и сознались только в аресте его. Консистория, уже по смерти Когачевского, определила сообщить о действии Пузины и его дворовых людей гражданскому начальству. Но чем дело окончилось, неизвестно.

Нередко бывали случаи, когда помещики, недовольные священником, при поддержке чиновников, состоявших в

большинстве также из поляков (разумею чиновников до Муравьевского времени), под разными благовидными предлогами, требовали перемещения священника. Наиболее частым из таких предлогов было то, что он якобы волнует крестьян против помещиков. Подобного рода донос последовал, например, в 1854 на священника Я., который в своем объяснении показал, что это ложный донос выдуман потому, что он требовал от жены помещика, православной по вероисповеданию, не бывшей несколько лет на исповеди и посещавшей, вместо церкви, костел, чтобы она исполнила свой долг, а также и за то, что он требовал от помещика Стравинского отпуска своих крестьян, согласно закону, на три дня для говения и в церковь, по праздничным дням, для обучения необходимым молитвам и, наконец, за обличение его за то, что его крестьяне обременяются работами в воскресные и праздничные дни. Местный благочинный Соловьевич также утверждал, что этот донос, сделанный исправником, несправедлив, и указывал на то, что помещики вообще, по недоброжелательности своей к православному духовенству, при всякой возможности, стараются вредить оному. И митрополит Иосиф в данном случае имел полное основание писать генерал-губернатору Бибикову, что, если бы удалять по подобным доносам священников, то, в короткое время, не осталось бы на месте ни одного усердного к православной церкви священника. А так как следствие по сему делу произведено было, без ведома духовного начальства, по распоряжению только уездного предводителя дворянства и даже без духовного депутата, то пр. Иосиф, не без иронии, заметил, что после сего остается только назначать православных благочинных производить следствия о неблаговидных поступках помещиков относительно пастырей и их паствы». Обращал он также внимания Бибикова и на ту сторону дела по обвинению священника Я., что это есть попытка со стороны помещиков к устранению всякого влияния православного духовенства по делу введения новых инвентарей, между тем как прежние инвентари объявлялись крестьянам при их священниках.

К сожалению, священники и сами не всегда были правы в своих отношениях к помещикам. Это видно, например, из жалобы, последовавшей в 1856 году от помещика Кобринского уезда Скимунта на священника Молодовской церкви Кочановского, делавшего ему, в течении 3 лет, разные личные оскорбления²⁰¹ не только в присутствии крестьян, но и в церкви, где, например, 24 февраля принуждал всех войтов его имения лежать в церкви крестом в продолжение целой литургии, в наказание дворовому управлению, и вообще запрещал им исполнять приказания помещика, а крестьянам внушал неповиновение; после же литургии, в означенный выше день, говорил речь к народу в весьма неприличных и оскорбительных выражениях для него, Скимунта. Митрополит Иосиф, получив эту жалобу и приняв во внимание то обстоятельство, с одной стороны, что священник коп. еще прежде был обвинен в неприличных поступках, за что и получил строгое замечание с предупреждением, что будет лишен места, если подаст снова повод к жалобам на него, а с другой стороны, что помещик Скимунт известен по своему особенному усердию и заботливости о местной церкви и потребностях её причта, устранил коп. от места и отправил на пятидневную эпитимию, под надзором местного благочинного, и за тем перевел к другому месту.

Еще строже было поступлено со священником П.,²⁰² который написал прошение от имени крестьян 6 деревень, Лидского уезда, Б. прихода, на арендатора имения князя Витгенштейна, поручика Годачевского, за его притеснения, якобы причиняемые сим крестьянам. Жалоба эта на священника П. последовала в 1860 году от Виленского генерал-губернатора на имя пр. Филарета, епископа Ковенского, в которой он, между прочим, просил, чтобы сего священника за возбуждение крестьян к неповиновению дворовому управлению удалить из прихода и вовсе не давать ему места в помещичьих имениях, причем указывал на то, что он еще раньше просил самого митрополита Иосифа о строжайшем наблюдении за духовенством в сих имениях и заблаговременной замене, для общей пользы, тех лиц из духовного звания, которые оказались

не соответствующими своему назначению. И священник П. был переведен к другому приходу, как оказавшийся, по отзыву местного благочинного, неисправным по службе и приходу и, кроме того, за повод, поданный им к жалобе на него со стороны генерал-губернатора, наказан еще эпитимией при Виленском Троицком монастыре.

Когда же, недовольный сим наказанием священника, генерал-губернатор обратился с жалобой по сему делу к обер-прокурору св. Синода, и последний потребовал от Литовского епархиального начальства обстоятельных сведений по делу, то консистория донесла, что П. вообще не изобличен в подстрекательстве означенных крестьян к неповиновению и в ложных жалобах на владельца, но только оказался виновным в составлении и подписании крестьянских прошений и помещении в них укорительных отзывов о помещике с подложными при том подписями за некоторых лиц, которые его на то не уполномачивали. Следствием сего донесения консистории было то, что св. Синод не нашел возможным согласиться с желанием генерал-губернатора Назимова относительно того, чтобы священника П., сверх вышеозначенного наказания, подвергнуть еще уголовному суду, а также признал уважительными и те причины, по которым епархиальное начальство не хотело снова подтверждать духовенству северо-западного края, чтобы оно действовало в отношении крестьян и вотчинников в духе своего призвания, так как таковые внушения были неоднократно делаемы и раньше.²⁰³

Между тем, уничтожение крепостного права послужило новым поводом к частым недоразумениям и жалобам со стороны помещиков и гражданской власти на священников, с одной стороны, за то, что они вмешиваются в дела крестьян по отношению их к помещикам, а с другой, что они уклоняются от разъяснения им дела, так что сами священники и епархиальное начальство поставлены были в затруднительное положение, как поступить в одном случае и как в другом, подобном ему, чтобы не возбудить жалобы на себя. Наглядной иллюстрацией подобного ненормального положения вещей может служить дело, возникшее в 1862 году по отношению в Литовскую

духовную консисторию Гродненского губернатора, по поводу отказа одного приходского священника от подписи поверочных актов за неграмотных крестьян. В ответ на это отношение консистория справедливо отзывалась, что «по делу об освобождении крестьян от крепостной зависимости неоднократно поступали жалобы на приходских священников за якобы неправильные толкования ими нового положения для крестьян и даже требования со стороны губернаторов о строгом внушении духовенству не принимать на себя разъяснения крестьянам оного положения, а потому неудивительно, что теперь тоже сельское духовенство, запуганное строгою ответственностью за вмешательство в дела крестьян, отказывается от подписи поверочных актов».

С другой же стороны, консистория находила, что обязать официально сельское духовенство к подписи поверочных актов, по приглашению и, хотя бы, с согласия крестьян и мирового посредника, значило бы «дать сему обстоятельству такой вид, как бы священники особенно обязаны быть миротворцами и помогать благу делу по новому устройству участи крестьян». Вследствие сих соображений, консистория предписала духовенству, чтобы оно, «в удовлетворение доверия к ним крестьян, вообще не отказывалось от подписи, за неграмотностью их, поверочных актов, коль скоро к сему приглашают их сами крестьяне и коль скоро, по прочтении пред ними сих актов, окажется, что содержание оных вполне для них понятно, и что на все изъясненные в них условия они добровольно соглашаются, принимают и нимало не прекословят». Впрочем, и после сего продолжали поступать в консисторию жалобы на священников за подстрекательство прихожан к неповиновению в делах, по поводу взаимных отношений между ними и помещиками.

По усмирении польского мятежа, освободившего крестьян от всякой зависимости от помещиков, последние, особенно в первое время после восстания, стали уже сами заискивать расположения православного духовенства, с целью получить от него, так сказать, «свидетельство о благонадежности в политическом отношении», которое было для них очень важно,

так как администрация, следившая за настроением помещиков, нередко собирала о них сведения от православного духовенства, а значительно улучшенный быт духовенства почти окончательно освободил его от экономической зависимости от владельцев, и духовенство вполне почувствовало себя свободным в отношении помещиков-поляков.²⁰⁴

Теперь мы скажем о взаимных отношениях между чиновниками и православным духовенством. До Муравьева гражданская администрация, начиная от низшей, вроде, например, волостного правления и кончая высшей, в лице даже некоторых генерал-губернаторов, по большей части стояла на стороне помещиков, особенно магнатов и готова была исполнять все их требования, даже незаконные. Указанное нами выше требование Назимова, чтобы священника, помимо наказания, наложенного на него епархиальным начальством, предать еще уголовному суду, нужно полагать, возникло под сильным влиянием на него помещиков-поляков, которые, заслышав о намерении правительства освободить крестьян от крепостной зависимости, старались всеми мерами скрыть от крестьян оное а когда уже невозможно было сделать этого, то старались скрыть от них, по крайней мере, настоящий смысл и значение сего события, чтобы, насколько возможно, долее продержат их в рабстве у себя. Неудивительно, что, если в Великороссии, то тем более в северо-западном крае, священники, читавшие в церкви манифесты о воле и разъяснявшие крестьянам, по желанию их, смысл нового закона, перетолковываемого помещиками-поляками в свою пользу, выставлялись чуть не бунтовщиками пред гражданской администрацией, и последняя иногда требовала от епархиального начальства строгой кары сим священникам.²⁰⁵ Сама администрация, в большинстве своем, состояла из поляков, а если между чиновниками и находились православные, то или женатые на поляках, или же и сами настолько ополячившиеся, что держались с поляками одного взгляда и относились к духовенству свысока, и тем более, что последнее, в большинстве своем, держалось пред ними приниженно, с низкопоклонством.

В записке митрополита Иосифа, написанной в 1855 году на имя обер-прокурора св. Синода, графа Протасова, и дошедшей²⁰⁶ до сведения Государя Императора Александра II, добытые секретным путем сим митрополитом сведения о составе администрации по двум только губерниям, а именно Гродненской и Виленской, указывали, что в управлении генерал-губернатора и двух губернаторов было 84 старших чиновника из иноверцев и только 27 православных. Высшая исполнительная власть в уездах находилась в руках 165 иноверцев и только 47 православных, и судебная – 144 иноверцев и 10 православных. Посему митрополит Иосиф справедливо указывал на то, что, при таком положении дела, «православное население Виленской и Гродненской губернии, почти в семьсот тысяч народа, зависело почти совершенно от произвола римлян, господствовавших над ним посредством помещиков и местных правительственных и судебных властей, а равно также и православное духовенство, и через своих прихожан и по необходимым житейским потребностям, так что даже дело, выигранное официально, обращалось, обыкновенно, не в пользу православных».²⁰⁷

А какие противозаконные действия допускали по отношению к православному духовенству чиновники, видно, например, из того, что в 1849 году Виленское губернское правление должно было подвергнуть, по жалобе консистории, взысканию станового пристава Лидского уезда за его распоряжение на счет побуждения экзекуцией священника Жоснянской церкви к уплате за крестьян той церкви, переданных в казенное ведомство в 1845 году, податей за первую половину 1850 года, и в то же время подтвердить всему земскому суду, чтобы земская полиция не осмеливалась, без предварительного сношения с ближайшим духовным начальством, подвергать священников экзекуции в делах подобного рода, под опасением строжайшей ответственности. Между тем, в 1855 году консистория снова должна была обратиться в Виленское губернское правление с жалобой на другого станового пристава, который взял на себя производство следствия по делу о краже дьячком Новоельнянской церкви

лошадей у врача, тогда как, на основании закона, дело о дьячке должно было производиться первоначально духовным ведомством, при гражданском чиновнике. Поступок станового пристава был не извинителен тем более, что генерал-губернатором еще в 1852 году было предписано гражданским губернаторам трех губерний северо-западного края поставить всем гражданским властям в неперемнную обязанность строго наблюдать порядок подсудности по проступкам лиц православного духовного ведомства. Посему консистория просила губернское правление со своей стороны подтвердить зависящим от него лицам, чтобы они, на будущее время, строго соблюдали это предписание.

В другом случае, когда возникла жалоба со стороны Виленского губернатора Панютина в 1861 году на священника Хруцкого, по рапорту Дисненского заседателя, за превратное толкование им крестьянам нового положения, и когда консистория, нашедши сего священника невиновным и обвиненным только, вследствие неприязненного отношения к нему заседателя, обратилась с просьбою в губернское правление о производстве следствия по сему делу, это правление, несмотря на трехкратное отношение к нему консистории, даже и не удостоило ее ответом.

Неудивительно, что, при таких отношениях, существовавших между губернским начальством и епархиальным, низшие власти позволяли себе разного рода оскорбления и даже притеснения особенно низшим лицам из клира. Так, в 1852 году Виленское губернское правление должно было сделать замечание Войстомскому волостному правлению и взять подписку с волостного старшины и писаря в том, что они не будут в сношениях с духовными сановниками употреблять какие-либо неприличные выражения. Это замечание сему волостному правлению от губернского присутствия последовало вследствие отношения в оное Литовской духовной консистории, по жалобе священника Русско-сельской церкви Филипповича.

А вот еще более наглядный пример возмутительного отношения чиновника к низшему члену клира. В 1853 году

возникло дело в консистории, по жалобе пономаря Маркевича на городничего Можарова, который, явившись к нему в дом и не обращая внимания на его мать и сестру, ругал его последними словами и бил его в грудь кулаком за собаку, которую он будто бы не отдавал евреям, и даже угрожал отдать его в солдаты. При сем местный благочинный, через которого принесена была эта жалоба Маркевича в консисторию, доносил, что вообще весь причт терпит притеснения от сего городничего, который, между прочим, задолжал в церковь 2 руб. 25 коп. за свечи, оставил жалобу причта на евреев, потравивших церковный луг, без последствий, самовольно занял церковный огород и не только не заплатил за это чинша, но и ограду уничтожил. Когда же в 1851 году Гродненское губернское правление распорядилось об отводе причту приличной квартиры, городничий, по своей не расположенности к духовенству, завел по сему делу переписку и поставил благочинного в крайность нанять квартиру на свой счет. Мало того: когда в 1853 году сей же благочинный просил Можарова воспретить рыть яму для добывания песку при почтовой дороге, на церковной земле, а также заставить пойманного на месте мещанина-порубщика церковного леса доставить вырубленные им жерди, городничий и сих требований не исполнил.

В добавление к сей характеристике Можарова благочинный присоединил еще и то, что городничий с семейством ходит в костел, не исповедуется также, как и зять его, письмоводитель с семейством, и отправляет свое семейство для поклонения Антонию Падуанскому в Порозовский костел или Русский. По поводу сей жалобы, консистория просила Гродненского губернатора о защите причта, но чем дело окончилось, – неизвестно.²⁰⁸

По говоря о ненадлежащих отношениях между духовенством и чиновниками до Муравьевского времени, не можем скрыть и того, что духовенство и само не всегда было право по отношению к чиновникам. Так, например, в 1843 году пр. Платоном, епископом Ковенским, был сделан строгий выговор Ново-Александровскому протоиерею Концевичу, по жалобе на него Ковенского губернатора, за противодействие

полицейским распоряжениям относительно недержания у себя беспаспортной прислуги, причем, кроме того, пр. Платон сделал ему еще внушение, чтобы в своих бумагах всячески остерегался таких выражений, которые могли показаться оскорбительными для других.²⁰⁹ Между тем, этот же протоиерей, не вразумившись сделанным ему замечанием, подал кляузную жалобу на городничего г. Ново-Александровска своему благочинному за то, что сей чиновник посылал к нему в высокочтенные дни десятского с требованием – осветить дом, чего де он «не может сделать, без разрешения своего начальства, и не имея на то средств». Консистория справедливо нашла жалобу Концевича, равно как и принятие её благочинным, неосновательными, указав на то, что это освещение есть долг верноподданнического усердия, пример которого преимущественно должен быть являем духовенством. В 1846 году священник Янковский, подавший жалобу на местного станового пристава за его будто бы враждебное отношение к нему и оказавшийся, по следствию, виновным в жестоком обращении с крестьянами своего прихода, был наказан двухнедельной эпитимией при кафедральном соборе и перемещен к другому приходу. В 1850 году Клещельский священник Сосновский, жаловавшийся на чиновников сего города за непосещение ими церкви в царские дни и оказавшийся сам виновным в том, что служил литургии в эти дни в 6–30 часов утра, вследствие чего чиновники не могли посещать церкви и должны были идти в костел, получил от консистории внушение, чтобы в праздничные и царские дни начинал обедни не ранее 10 часов и накануне сообщал гражданскому начальству об имеющем быть на другой день молебствии. Даже в то время, когда, по случаю польского восстания, было объявлено военное положение, некоторые из священников, несмотря на распоряжение военного начальства о том, чтобы никто не отлучался из места своего жительства, без его ведома, ни мало не обращая внимания на это распоряжение, позволяли себе выдавать отпускные билеты церковному причту даже в другие губернии, а отпущенные, при расспросах их на сельских караулах, считая себя

неподчиненными военно-полицейскому управлению, позволяли себе разные дерзости.²¹⁰

После вступления Муравьева в управление северо-западным краем, взаимные отношения между чиновниками и духовенством изменились, по-видимому, к лучшему. Устранив прежних чиновников, Муравьев заменил их, в значительном большинстве, вызванными из Великороссии, которые, следовательно, не имели никакой связи с папами и ксендзами, так опозорившими себя изменою и смутой, тогда как среди православного духовенства новые чиновники видели немалое число лиц, не только поплатившихся своим имуществом и разного рода истязаниями от повстанцев за верность правительству, но и самую жизнью, каковы были священники Суражской церкви, Прокопович и Котранской – Рапакский. И тем более эти муравьевские чиновники должны были искать сближения с духовенством, что сего требовал от них Муравьев. Так, в своем циркуляре от 15 марта 1864 года мировым посредникам он, указывая на то, что некоторые из них, стоя на высоте своего призвания, сблизилась с крестьянским населением, дело коего приняли близко к сердцу, в тоже время требовал от них, чтобы они действовали в согласии с достойными представителями православного духовенства, которое долгое время оставалось единственным руководителем народа и с полным правом может рассчитывать на содействие и уважение к себе военных и других начальств, тем более, что предстоящее всем им дело в здешнем крае может только потерпеть от разрозненности взглядов или расчетов мелкого самолюбия.

И это сближение между духовенством и чиновниками, во время управления краем Муравьева, доходило в некоторых местах до того, что, например, священник Васильковской церкви Сосновский в 1864 году дозволил участковому заседателю, штабс-капитану Крамарову, надеть стихарь и говорить проповедь народу с церковной кафедры. Впрочем, непризванный проповедник поплатился за это в 1869 году тем, что был уволен Потаповым от должности, а священнику сделано было пр. Игнатием надлежащее внушение.

При Кауфмане, действовавшем в духе Муравьева, надлежащее отношение между духовенством и чиновниками еще поддерживалось, хотя уже замечались признаки непрочности сближения между ними, которое было скорее наружным, вынужденным. Это можно заключать, например, из того отзыва, который сделал о взаимных отношениях между духовенством и муравьевскими чиновниками в 1869 году Волковысский благочинный Куцевич в своем рапорте на имя архиепископа Макария, где он жаловался на этих чиновников за то, что «они поселили разлад между духовенством и прихожанами, тогда как прежде между ними (якобы) существовали самые лучшие отношения, и священник для народа был верным советником, наставником, защитником и под час судьей его порочной жизни».²¹¹ «За прибытием в наш край, писал сей благочинный, не видя того у нас, что видели на своей родине, считая страшными и предосудительными некоторые обычаи, веками установившиеся, эти чиновники стали заподозревать наше усердие и любовь к православной церкви, укоряли нас в равнодушии и холодности в выполнении нашего долга и возводили на нас тяжелое обвинение в неверности правительству и подчас не таили и пред народом таких ужасных и несправедливых мыслей».

Под этими, веками установившимися, обычаями, которые, по словам Куцевича, так претили чиновникам, прибывшим из Великороссии, очевидно, нужно разуместь установившийся домашний быт и язык в семействе священника, быт и язык польской шляхты, с восстанием которой прибыли бороться они в северо-западный край. А видя нерадение многих священников о своих церквях и самой пастве, которая представлялась им, по своим религиозным убеждениям, сильно тяготевшей к католицизму, эти чиновники еще менее могли питать за это чувство уважения к пастырям оной и, к сожалению, не всегда скрывали сего и пред народом.

В свою очередь и священники отвечали сим чиновникам нерасположением к ним и, если поддерживали с ними, по крайней мере, наружно приличные отношения, то, только ради политики, опасаясь недобрых для себя последствий, в случае

нарушения означенных отношений, от строгого начальника края, а через него, и от своего ближайшего начальства.

Со вступлением же в управление краем Потапова, отношения между чиновниками и духовенством значительно ухудшились. «С 1868 года, писал благочинный Куцевич, обстоятельства изменились, и новые чиновники, заменившие прежних, много порадевших о св. церкви, стали относиться к нам совсем иначе, и мы стали предметом какого-то нечаянного гонения и неприязни; от нас они тщательно сторонились, предпочитая общество ксендзов и панов, и в стараниях духовенства защитить невинного, вразумить преследуемого и бедного, они видели вмешательство наше не в свои дела, так что и пастырские вразумления прихожан стали для нас делом, не вполне безопасным».

Причина такого, уже явного, переворота в отношениях чиновников к православному духовенству заключалась отчасти в том, что сам генерал-губернатор Потапов повел вообще антинациональную политику в управлении северо-западным краем, держась космополитических воззрений²¹² и не скрывал того, что он более был расположен к римско-католическому духовенству, нежели к православному.

Неудивительно после сего, что и некоторые новые чиновники, заменившие собою бывших при Муравьеве и Кауфмане, оказались и на словах, и на деле антагонистами своих предшественников, между прочим, и в отношении к православному духовенству.

На это обстоятельство не мог не обратить внимание новый Литовский архипастырь пр. Макарий, который в отношении своем от 4 сентября 1869 года к Потапову указывал на то, что, как из своего наблюдения, вынесенного из обозрения епархии, так и из донесений благочинных и священников, он усмотрел, что отношение гг. посредников, исправников и других низших гражданских властей к православному духовенству не вполне благоприятное, так как гораздо больше внимания и вежливости оказывалось со стороны означенных властей латинскому духовенству, нежели православному, а в иных случаях бывало и прямо небрежное обращение с православными священникам и,

так что последние выражали опасение даже за личную свою безопасность от оскорблений и ругательств со стороны фанатичных крестьян-латинян, которые легко могли увлекаться примером высших.

Кроме того, жаловался пр. Макарий и на то, что со стороны означенных властей мало прилагалось усердия и энергии к удовлетворению просьб духовенства о починках церквей, домов для помещения причтов, об отводе земель и необходимых угодий, в виду часто с избытком обеспеченного латинского духовенства, причем дела, по просьбам обо всем этом, откладывались на неопределенное время, и что, как справедливо замечал владыка, иногда бывало хуже прямого отказа. Конечно, Потапов, защищая своих чиновников, не мог согласиться с этим заявлением архиепископа, и в своем ответе сослался на то, что воздавание православным священникам подобающего им, как пастырям господствующей церкви, уважения и внимания, поставлено было им неременным условием для каждого служащего в крае, и что до настоящего времени он не получал заявлений, чтобы кто-либо из них был невежлив или небрежен в обращении с священниками православными. Тем не менее генерал-губернатор, в виду официального отношения к нему архиепископа, не мог не прибавить в своем таковом же отношении к нему о том, что вследствие его, т.е. пр. Макария, отзыва, им предложено губернаторам подтвердить всем служащим оказывать должное внимание и уважение православному духовенству и содействие всем его законным требованиям, а также ограждать и поддерживать подобающее ему уважение и со стороны латинского населения.

Но, во всяком случае, трудно было ожидать, чтобы это официальное распоряжение генерал-губернатора могло существенным образом повлиять на установление надлежащих отношений между чиновниками и духовенством, и потому взаимные неудовольствия между ними продолжались и после. Так, уже в том же 1869 году, в котором происходила указанная переписка между представителем православного духовенства в Литовской епархии и генерал-губернатором, последовало

неприятное и соблазнительное пререкание между Виленским полицейским управлением и Литовской консисторией. Дело состояло в том, что полицейское управление препроводило в консисторию для увещания некоего дворянина Иванова, обвинявшегося в покушении на самоубийство, причем, как причину, по которой он хотел лишиться себя жизни, выставило то, что он принял православие. Но консистория не осталась в долгу пред полицейским управлением. Возвратив Иванова в это управление с препроводительной бумагой, в которой указывалось на то, что сей дворянин, по выслушивании в присутствии консистории духовных увещаний и вразумлений, обнаружил причину своего злого намерения лишиться себя жизни, проявившегося не вследствие того, что он пришел в сознание превосходства латинского исповедания пред православием, которое он принял, но вследствие крайней нищеты, превратностей житейских и не спокойствий от столкновения с полицейской властью, в руках которой он в настоящее время находится.

Как на доказательство ненадлежащих отношений между чиновниками и духовенством, можно указать еще на следующие случаи. В 1871 году судебный следователь совершенно неосновательно жаловался на священника Пашкевича благочинному за уклонение его от привода к присяге католиков, по православному обряду, упуская из виду, что, по каноническому праву римской церкви, таковая присяга не считается важною, и консистория оправдала священника.²¹³ Не признала также консистория виновным Долгиновского священника Калинового, по жалобе на него самого генерал губернатора Потапова, за то, что он, во время пожара в местечке, не оказал никакой помощи погорельцам и неохотно принял участие в комитете, образованном для помощи погорельцам чиновником генерал губернатора.²¹⁴

По, при всей виновности многих чиновников Потаповского времени за ненадлежащее отношение к православному духовенству, справедливость требует сказать, что само духовенство очень часто подавало повод к немиролюбивому и даже враждебному отношению к нему сих чиновников.

Освободившись от экономической зависимости от помещиков-поляков, и, получив от Муравьева вполне достаточное материальное обеспечение, духовенство из прежней крайности, раболепства пред сими чиновниками перешло в другую, а именно (выражаясь словами пр. Макария) – в заносчивость, сменившую, как реакция, прежнее приниженное положение, и в стремление подчас простереть свое влияние на неподлежащую ему область дел, и через то подало повод к столкновениям с местными земскими властями. В доказательство сего, укажем на несколько фактов. Уже в 1868 году, когда вступил в управление краем Потапов, по поводу жалобы его в Св. Синод, на частые случаи вмешательства священников в дела крестьянского самоуправления и возбуждении крестьян к подаче неправильных жалоб, митрополит Иосиф должен был удалить от занимаемого места священника Ч., который, в видах упрочения своего влияния на прихожан, старался уронить значение и влияние на них мирового посредника и вселить в них недоверие и неуважение к мировым учреждениям, причем справедливость сего обвинения была подтверждена письменными документами.

Как бы «в пику» чиновникам, духовенство очень часто отказывалось исполнять их законные требования, почему в 1870 году, в виду частых жалоб судебных следователей на священников за отказ являться для привода к присяге свидетелей, пр. Макарий нашел необходимым «строжайше» подтвердить всем священникам, чтобы они безотлагательно и в точности исполняли законные требования следственных комиссий и судебных следователей относительно привода подсудимых и свидетелей к присяге, хотя бы и вне церкви. Мало того: духовенство, забывая свой сан, позволяло себе даже оскорбление чиновников словами и на бумаге, как это видно из возникшего в 1876 году дела о священнике Ч., оскорбив тем мирового посредника в церкви дерзкими словами, и при том держа крест в руках, а в 1871 году – о священнике Ш., оскорбившем также мирового посредника на бумаге к предводителю дворянства. Особенно резкий случай открытого антагонизма между духовенством и чиновниками имел место в

1870 году, когда целый Сокольский благочиннический съезд вступил в пререкания с гражданской властью из-за того, что епархиальное начальство вменило духовенству сего благочиния в обязанность усилить по церквам произношение проповедей и катехизических поучений, по предмету ознакомления прихожан с высокаторжественными днями и уяснения им обязанности в отношении сих дней. Так как это внушение последовало вследствие доноса Сокольского исправника Гродненскому губернатору о том, что в царские дни почти во всех православных церквах не бывает народа, главным образом, по причине не достаточного ознакомления народа с сими днями, то означенный съезд, вместо того, чтобы сознать немалую долю вины, лежавшей за это на священниках, и принять это внушение епархиального начальства к сведению и исполнению, написал от себя целое отношение в консисторию, в котором, оправдывая во всем священников, обвинял во всем чиновников, указывая на то, что успеху их проповедей сильно противодействует пример начальствующих над народом и других, находящихся на государственной службе лиц, которые, круглый год, не только в воскресные и праздничные дни, но и в высокаторжественные и даже в Светлое Христово Воскресение, не бывают в церкви и не исполняют никаких христианских обязанностей, и потому просил епархиальное начальство довести о сем до сведения Гродненского губернатора, что консисторией и было исполнено.

Немаловажною причиною недоброжелательности и неуважения чиновников к духовенству православному во времена Потапова и в последующее время служило, между прочим, и неодобрительное поведение некоторых лиц из духовенства Литовской епархии. Приводить эти примеры мы не станем, так как это неодобрительное поведение, разумея случаи нетрезвости, нарушения седьмой заповеди²¹⁵ и другие, не относится к общей характеристике духовенства означенной епархии и может иметь место и в других епархиях, хотя нельзя не заметить того, что, если где, то именно в среде иноверия и разноплеменности, православному духовенству всего более следует помнить слова Верховного Пастыреначальника: «так

да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже есть на небесех»,²¹⁶ так как всякий проступок, допущенный лицом из среды православного духовенства, подает здесь повод к нареканиям на все православное духовенство и даже на самую веру православную, и потому отзывается самым неблагоприятным образом на успехах православия в крае.

При тех, можно сказать, обостренных отношениях, в каких вообще находилось православное духовенство и чиновники при Потапове, и при тех довольно частых и разнообразных поводах, которые духовенство Литовской епархии подавало к нареканиям на себя, не особенно должно представляться удивительным, что сей генерал-губернатор, как бы в противовес тому, что пр. Макарий жаловался ему на светских чиновников за их придирчивость и вообще ненадлежащее отношение к духовенству, поставил ему на вид, что и некоторые священники не стояли на высоте своего положения, и потому, ссылаясь на резолюцию Государя Императора относительно того, чтобы места священнослужителей в северо-западном крае занимались лицами, вполне соответствующими своему назначению, и чтобы, подавшие повод к нареканиям на себя, были удаляемы, потребовал от архиепископа удаления от занимаемых мест 6 священников из Гродненской губернии, из коих один – З., по отзыву Потапова, был своекорыстен и незаботлив о своей церкви и прихожанах, другой – коп. не пользовался уважением и доверием своих прихожан, как помощник по недобросовестности действовавшего ранее мирового посредника Щербова, третий – Н., но своей скупости и грубости, отвлекал от себя всех, так что редко имел у себя прислугу и о благолепии церкви не радел; четвертый – Л., частью по расстроенному здоровью, частью – по недостатку ревности и усердия и умения обращаться с новоприсоединенными, не мог иметь доброго влияния на прихожан; пятый – Ш. не имел достаточной заботливости о духовных нуждах прихожан, терпеливости, и предпочитал свои выгоды выгодам церкви, между тем как народ, состоявший из новообращенных, находился в небрежении, и, наконец, шестой

– священник Р., доброй и мягкой души мало сознавал свое положение среди католиков и ново присоединившихся и очень был неловок в приемах.²¹⁷ По замечанию Потапова, этот священник в другом месте, не так бойком, как Ружаны, мог бы быть хорошим священником. Так как указанные Потаповым вины могли быть, конечно, и за многими другими священниками, так что пр. Макарию сей генерал-губернатор мог указать и на них, то предстояла вообще неприятная перспектива перемещения многих священников на другие места. Посему, получив такое требование от генерал-губернатора, пр. Макарий не сразу привел его в исполнение, а, предварительно, запросил мнения пр. Евгения, Брестского викария, относительно указанных Потаповым священников. Последний отозвался, что они вообще аттестованы генерал-губернатором верно, хотя счел нужным допустить ту оговорку, что эти священники не могут быть признаны соответствующими своим местам только, в виду мероприятий высшей власти²¹⁸ по отношению к здешнему краю... Консистория в свою очередь выступила на защиту сих священников и, указав на то, что, хотя некоторые из них имели означенные недостатки, но в тоже время имели за собою и достоинства, как, например, коп., увеличивший свой приход 570 душ прихожан, Л. – 283, а равно и священники Ш. и Р., охранявшие от совращения и утверждавшие в вере своих прихожан, постоянно волновавшихся до поступления их на эти места. Тем не менее, требование высшего начальника края было исполнено: коп. поменяли местом со Слонимским священником С., бывшим в распре с благочинным Соловьевичем; Р., перевели к Раковичской церкви, Лидского уезда, З. – к Самогрудской, а остальным было предложено в скором времени поменяться местами с другими священниками.²¹⁹

Это перемещение произвело глубокое впечатление на духовенство Литовской епархии, так как внушало опасение чуть не каждому священнику быть переведенным к другому месту, под каким-либо благовидным предлогом, по требованию гражданской власти. Это же, между прочим, перемещение послужило причиной того, что духовенство сей епархии с

именем Потапова и доселе сохраняет воспоминание, как о своем гонителе, хотя, как мы сказали, само духовенство отчасти было не без вины в таком недружелюбном отношении к нему сего генерал-губернатора.

К сожалению, и в последующее время, уже после времен управления северо-западным краем Потапова, при его преемниках, взаимные отношения между чиновниками и духовенством не могут быть названы надлежащими, и опять, по вине, как чиновников, так и духовенства. Чиновники, например, иногда допускали себе вторжение в область дел, подлежавших епархиальному начальству, как это было в 1876 году, когда сам св. Синод, нашедши, что Гродненский губернский прокурор, сделавший от себя предложение консистории Литовской, по поводу дела о взаимных неудовольствиях между священником Ральцевичем и учителем народного училища Кубаркою, поступил вопреки ст. 2 Устава духовных консисторий, по которой консистория подведомственна одному Синоду, и не подлежаще принял на себя надзор за учреждением духовного ведомства, поручил обер-прокурору св. Синода сообщить министру юстиции об указанных неправильных действиях Гродненского губернского прокурора.²²⁰

С другой стороны, уже в последние годы, пр. Алексею приходилось то отклонять ходатайство, по просьбе духовных лиц, пред светской властью относительно предметов, ведению духовной власти не подлежавших, как, например, просьбу Виленского благочинного и священника сего благочиния Д. относительно содействия епархиального начальства к приостановлению перепродажи русскими поселенцами своих земельных участков крестьянам-католикам Ширвинской, Мусникской и других волостей,²²¹ то подвергать штрафу денежному тех священников, которые не хотели исполнять законных распоряжений светской власти, например, явки к судебному следователю для привода к присяге свидетелей, то, наконец, требовать объяснения от священника М. по жалобе на него прихожан за вмешательство в их дела по разделу земли и содержании сельской почты, содержанием которой состоял сей священник, а равно и по другим подобным делам, которые

говорили вообще не в пользу духовенства епархии, простиравшего свое влияние на чуждую ему область дел. Таким образом, из всего сказанного об отношениях между духовенством и чиновниками очевидно, что эти отношения вообще были ненадлежащие, и это обстоятельство не могло, естественно, не иметь неблагоприятных результатов для дела православия и русской народности в крае.

Продолжая характеристику православного духовенства северо-западного края не можем не сказать о явлении великой важности, хотя и весьма прискорбном, и также вредно отзывающемся на успехах дела православия и русской народности в северо-западном крае – это внутреннем разладе и антагонизме даже среди самого духовенства. «На всем пространстве края, писал покойный М. О. Коялович в «Церковном вестнике» за 1886 год, развивается теперь двойной сепаратизм, западнорусский и великорусский. Один из них – западнорусский вступает или насильно вгоняется в союз с поляками, а в другом – великоросском, хорошие русские люди, даже москвичи, вступают в неестественный союз с русскими космополитами. Русские люди западной России сильно теперь разбираются, кто откуда происходит и как оканчивается его фамилия, на «ов» или «ович». Одни говорят: «кто с востока России – тот носитель русских православных начал; кто с запада – тот полурусский, полякующий, униатствующий». Другая сторона за это оплачивает равную монетою и говорит: «кто с запада – тот порядочный человек и ревнует о благе западной России, а кто с востока – тот разнуздан в жизни, не хочет знать никаких преданий страны и больший друг поляков и жидов, чем местных русских».

Начало этого антагонизма среди духовенства некоторые знатоки истории северо-западного края, как, например, г. Владимиров, относят ко временам Муравьева, при котором последовал наплыв великороссов для замещения должностей, как по гражданскому, так и по духовному ведомству. Но это мнение справедливо лишь отчасти, потому что антагонизм существовал в Литовской епархии уже после воссоединения униатов, хотя и не между теми элементами, из которых

составилось духовенство после муравьевского времени, т.е. между местными уроженцами северо-западного края и великороссами, а среди самого западно-русского духовенства, одна часть которого принадлежала к потомкам воссоединившихся с православною церковью униатов в конце прошедшего столетия и именовалась «древле-православным духовенством», а другая – большая часть составила из воссоединившихся в 1839 году.

Причиною такого антагонизма служило, конечно, то, что первая часть представляла из себя тип священников, уже близкий к великоросскому духовенству, а потому пользовалась большим доверием и расположением гражданской власти в крае, состоявшей отчасти из чиновников-великороссов, тогда как воссоединившиеся из унии в 1839 году, как мы уже говорили в своем месте, и чертами своего характера и образа жизни,²²² и даже по внешности своей, мало походили на православных священников, а потому далеко не пользовались симпатией её. Но, так как Литовское епархиальное начальство, во главе с пр. Иосифом, принадлежало к преобладающей части духовенства, то, неудивительно, что оно недружелюбно относилось к древле-православному духовенству. Свой неблагоприятный взгляд на последнее духовенство пр. Иосиф высказывал неоднократно. Так, уже в 1840 он жаловался на то,²²³ что поставленные им почти над третью воссоединенного духовенства благочинные из древле-православных священников, перечисленных из Минской и Волынской епархии, «немало обманули его, так как, вместо ожидаемого скорейшего слияния, отдаляли оное неуместными претензиями к смиренному воссоединенному духовенству», почему он сменил нескольких из них.²²⁴ А в 1842, по поводу того, что среди древле-православного духовенства Литовской епархии²²⁵ нашлись некоторые лица, не соответствовавшие своему назначению, сей же преосвященный, обобщая это явление, ставил себе в заслугу то, что он не последовал совету некоторых лиц назначать к воссоединенным приходам древле-православных священников, «так как последние, кроме вреда, наделали бы только гадостей».²²⁶

Неудивительно, после сего, что пр. Иосиф негодовал сильно на то, что гражданское начальство относилось покровительственно к сему духовенству. Так, жалуюсь графу Протасову на Виленского генерал-губернатора Бибикова за то, что он, «с целью поддержать за собою славу ревностного православного и в тоже время заслужить любовь и доверенность польской партии, подобно многим великороссам, покровительствует некоторым древле-православным попам и порицает воссоединенное духовенство», архиепископ находил это покровительство не только неосновательным, но и вредным. «Никому не придет на мысль, писал он, на чем основывается это мнимое предпочтение. В трех губерниях не найдется и сотни чиновников из великороссов. Некоторых из них можно задобрить лестью, других – деньгами, а всех обмануть, как здесь новых, гораздо легче, нежели духовенство воссоединенное, которое, приведя свою паству на лоно православной церкви, честью и совестью обязано заботится об утверждении оной в единении и охранении против вражды и посягательства преобладающих в здешней стране иноверцев».²²⁷ И в другом письме к тому же Протасову, от 24 июля 1854 года, по поводу дела о священнике Стояновиче, пр. Иосиф указывал на то, что, «пора бы, кажется, забывать о различии между древле-православным и воссоединенным духовенством, так как, со времени воссоединения униатов, прошло уже 15 лет и, по крайней мере, три четверти здешних священников воспитаны и рукоположены на лоне православной церкви, а, между тем, есть и доньне люди неблагонамеренные, которые сеют плевелы в этом смысле».²²⁸

Но, хотя при сем пр. Иосиф и заявлял о том, что он по преимуществу возвышал и награждал древле-православных священников, а виновным из них оказывал более снисхождения, чем строгости, однако, если об отношениях Литовского епархиального начальства к древле-православию духовенству судить по тому, как оно поступило с священником Крониневским, за которого, некоторым образом, вступился сам св. Синод, то это заявление пр. Иосифа о снисходительности его по отношению к древле-православным священникам едва

ли может быть признано справедливым, равно как и его уверение в том, что между древле-православным и воссоединенным в 1839 году духовенством нельзя было находить никакого различия.²²⁹

Между тем, унижая древле-православное духовенство и стараясь возвысить достоинство воссоединенного в 1839 году, пр. Иосиф в письме своем к графу Протасову в 1851 году относительно воспреещения священникам военного ведомства преподавать духовные требы лицам, принадлежавшим к епархиальному ведомству, говорил: «мы стараемся завести порядок в пастве воссоединенной и указываем на паствы древле-православные. Но какие последствия произойдут от моих внушений, когда именно древле-православные священники дают первый пример беспорядка и самоуправства, а гражданские власти, хвалящиеся, что они древле-православные в здешней стране, осуждают воссоединенное духовенство и именно потому, что оно не умеет или не желает потворствовать частым их противозакониям и самоуправству, подобно священникам древле-православным. Здесь, т.е. в Литве, не удивляются тому, что великоросскому населению столь присуща склонность к расколам, когда видят в самих начальствующих великороссах потворство и поощрение любимым их попам против иерархической власти, хотя едва ли православная церковь выиграет этим во мнении духовенства, к ней присоединившегося, и во мнении господствующих в здешней стране иноверцев».²³⁰

Между тем, вопреки слишком оптимистическому воззрению пр. Иосифа на свое воссоединенное духовенство, все более и более обнаруживавшиеся недостатки в нем и, вследствие того, слабость его влияния на народ послужили поводом к предположениям в высших сферах о необходимости замещения части священнических вакансий в крае священниками-великороссами. Так, в 1859 году св. Синод потребовал мнения митрополита Иосифа относительно предложенных сенатором Щербининым²³¹ мер касательно воссоединенного духовенства и народа и, между прочим о том, не будет ли признано полезным распространить на все вообще западные губернии

предполагаемую сим сенатором меру – командирование в означенный край православных священников, известных своим поведением и ученостью, в виде миссионеров для укрепления в православии присоединенных к восточной церкви. Конечно, как и следовало ожидать, пр. Иосиф и в сем случае не изменил себе и решительно восстал против приведения в исполнение этой меры, находя, что самая мысль о том идет от латино-польской партии.

В доказательство сего он ссылался на тот якобы факт, что, когда, после воссоединения униатов, некоторые из униатских священников Дисненского и Дризненского уездов, возмущенные ксендзами и помещиками, были частью устранены и частью присоединены к церкви православной, помещики Дисненского уезда подали просьбу местному губернатору, в которой с целью доказать, что они не враги православия, а только презирают отступивших священников, просили о назначении во все бывшие униатские приходы настоящих православных священников. По мнению митрополита Иосифа, это был искусно придуманный удар для православия, так как прибывшие издали православные священники, не зная местного наречия, обычаев и местных соотношений, и, наконец, самих прихожан и состава приходов, не могли бы удержать в православии воссоединенный народ, так что половина его совертилась бы затем в латинство.

Указывая, затем, самый источник предубеждения против воссоединенного духовенства и вред, происходящий вследствие антагонизма среди духовенства древле-православного и воссоединенного, пр. Иосиф находил, что предубеждение против последнего духовенства имело некоторое естественное основание только в прежних отношениях между православными и униатами и в некоторых, даже начальством допущенных разностях, необходимо существующих и долженствующих существовать между древле-православным и воссоединенными, и в столкновении некоторых взаимных интересов.

Но главною причиною указанного предубеждения он считал искусство неприязненной православию латино-польской партии,

которая (якобы) приняла за правило льстить малочисленным здесь древле-православным, превозносить их пред воссоединившимися и, таким образом, сеять полезный для партии раздор, причем на эту приманку (будто бы) весьма часто попадали в западном крае древле-православные, в том числе и чиновники, которые поддерживали своим авторитетом вредные предубеждения против воссоединенных. Восставая даже против всякой мысли о посылке в северо-западный край особых миссионеров, митрополит Иосиф указывал на то, что воссоединенные перешли в православие не из какой-нибудь ереси и что, будучи униатами, они имели тот же иерархический порядок, тоже богослужение, те же догматы, что и в православной церкви, кроме двух разностей – в исповедании исхождения св. Духа и от Сына и в подчинении папе, каковые разности уже отвергнуты, и что народ (якобы) уже 20 лет состоит в беспрекословном повиновении православной церкви и её пастырям, пользуясь должным уважением народа.

По мнению его, самое стремление к тому, чтобы искоренить существующие в крае разности в церковной жизни, которые, притом, по его взгляду, были несущественны, значило бы трудиться не для церковного единения, но для раскола, не на пользу церкви православной, а на пользу её врагов. В крайнем случае, митрополит Иосиф предлагал употребить в качестве миссионеров древле-православных священников из Полоцкой и Литовской епархии, как могших принести большую пользу для дела, по знанию местности и наречия, а самый вызов из Великороссии священников, в виде миссионеров, был бы скорее вреден, нежели полезен, скорее поколебал бы, нежели утвердил в православии воссоединенный народ, так как породил бы сомнение в нем, поколебал бы его доверие к воссоединенному духовенству, уронил бы оное в глазах иноверцев и ободрил бы латинское духовенство к большей предприимчивости против воссоединенных.²³²

А самую спасительною мерою для предотвращения совращений в католицизм, которые митрополит Иосиф считал случайными, как бы упуская из виду совращение целых приходов и почти повсеместное тяготение народа к костелу, по

его мнению, могло послужить отправление совращенных и упорствующих, по усмотрению начальства, в великороссийские монастыри для убеждения и утверждения в православии.

Далеко не так оптимистически смотрел на положение православия в северо-западном крае митрополит Московский Филарет, который, прочитав в 1859 году записку о латинской пропаганде на западе России, составленную, надо думать, именно, по поводу поездки сенатора Щербинина в Полоцкую епархию для производства следствия по делу о совращениях, находил, что местное духовенство было немало виновно в сих совращениях, подавая народу примеры соблазна через небрежение об утверждении православия в собственной семье. Указав, затем, на то, что в 20-летний период времени, протекший со времени Полоцкого акта в 1839 году, совершилось много событий и сделано немало ошибок, которыми воспользовалась латинская пропаганда, митрополит Филарет нашел, вопреки мнению митрополита Иосифа, что связь воссоединенного духовенства с его паствою, которая оказалась довольно удовлетворительною во время воссоединения и которая должна была бы укрепляться временем, оказалась, напротив, недовольно крепкою, почему считал необходимым, чтобы на это обстоятельство было обращено особенное внимание. Правильным представляется и то мнение митрополита Филарета о положении дела православия в западном крае, что одни преследования и наказания совратителей не могут укрепить в православии бывших униатов, хотя он и не отрицал того, что оные меры не должны были совсем пренебрегаться, так как, быв употреблены не часто, при особенно явном нарушении существующих законов, они должны удерживать дерзость покушающихся на совращение.

Что касается самой мысли относительно того, чтобы по воссоединенным церквам посылать дознанного достоинства священников для наблюдения за правильным совершением богослужения, для советов к усовершенствованию его, для проповедывания, для возвышения усердия к православию в семействах священников, то, по мнению пр. Филарета, «она была достойна обдуманного исполнения». Вообще, замечает

сей святитель, по поводу прочитанной им записки, «виды неутешительны. Много потеряно тем, что не возбуждено благовременно. Бог да благословит возбуждающуюся ревность к православию».²³³ Впрочем, как известно, указанное предположение о посылке миссионеров в западный край не осуществилось.

Однако, как ни был не расположен митрополит Иосиф к самой мысли об обновлении духовенства Литовской епархии через допущение в среду его священников из Великороссии, тем не менее, уже на закате дней своих, ему пришлось принять в число священников своей епархии немалое количество великороссов. Это произошло вследствие того, что Муравьев, как мы уже говорили раньше, прибывши в Вильну в 1863 году для усмирения польского мятежа и заметивши в местном духовенстве нехороший дух исключительности, очень нередко переходившей во враждебность к русскому и пристрастие ко всему польскому, в видах парализовать зло, происходившее от сего явления, предложил Литовскому епархиальному начальству на открывшиеся священнические места приглашать частью и великороссов. В своей записке, представленной государю, М. Н. Муравьев прямо предлагал «выписать из России несколько благонадежных священников и заменить ими бывших униатских, из которых некоторые не должны были оставаться на своих местах». И западный комитет, рассматривавший записку Муравьева, одобрил это предположение и положил привести его в исполнение в административном порядке, по соглашению местных епархиальных начальств с главным начальником края.²³⁴

Митрополит Филарет, отвергнув необходимость учреждения в Вильне духовной академии, также находил, что привлечение сюда священников изнутри России могло быть нужно и полезно, хотя, впрочем, при том условии, чтобы епархиальным архиереям были сделаны сильные убеждения относительно доставления людей с энергией и самоотвержением, а не таких, которые, видя себя не значащими дома, мечтали, бы получить значение вдали.²³⁵

Равным образом, как и Муравьев, Московский архипастырь был далек от той мысли, которая особенно вооружала местных священников против прибытия в край священников-великороссов, а именно – о замещении последними всех, вакансий священнических в епархии. В письме своем к Могилевскому епископу Евсевию от 1 января 1865 года митрополит Филарет, между прочим, писал: неужели требуете, чтобы воссоединенных священников совсем не было на службе? Куда девать тех, которые есть? Воссоединенного священника, любимого прихожанами за честную службу и жизнь, отрешать от прихода неудобно и сие значило бы не успокаивать, а раздражать. Такого, а через него приход, надобно советом и надзором соблюдать от ветхого кваса унии.²³⁶

Но, как бы то ни было, местное духовенство отнеслось враждебно к пришлому из Великороссии, причем эта враждебность усиливалась, по мере увеличения притока кандидатов священства, особенно в семидесятых и начале восьмидесятых годов, когда местных кандидатов священства было слишком недостаточно для замещения всех вакантных мест. На всех великороссов местные смотрели, как на людей низшей культуры, и называли их вместе с поляками «наездом», так как смотрели на северо-западный край, как на свой собственный, исключительно им принадлежащий. Вследствие сего они старались препятствовать прибытию в край великороссов для занятия мест священнических, а прибывших выживать из края, в чем и успевали иногда.²³⁷

К сожалению, это нерасположение и предубеждение против великоросского элемента в духовенстве Литовской епархии долгое время разделял и печатно защищал покойный профессор Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Коялович, уроженец Гродненской губернии, к словам которого прислушивались в северо-западном крае, и мнения которого по вопросам, касавшимся сего края, считались почти непогрешимыми. И вот он-то в 1882 году, говоря о необходимости открытия в Вильне духовной академии, проводил ту мысль, что священники в Литовской епархии из

великороссов скорее вредны, чем полезны. «В большинстве случаев, писал он: 1) из других губерний идут сюда только те, кто не нашел себе места в своей губернии, следовательно, это уже не лучшие деятели; 2) они не так известны местной власти, как здешние уроженцы, следовательно, ошибки, при назначении на места, могут случаться чаще; 3) пришельцы из других губерний не знают местного наречия и быта,²³⁸ следовательно, не могут в такой мере действовать на народные массы, как деятели, здесь подготовленные для служения в известной среде; 4) в большинстве случаев, местное население предпочтительнее смотрит на своих, чем на пришельцев; 5) а главное, всякому известно, что местное население, преимущественно же духовенство, сослужило великую службу в свое время. Оно выполнило великую историческую страду, вынесло на плечах многое. На такое население и духовенство можно положиться твердо; не только нет никакой надобности устранять его от деятельности, но именно к нему-то прежде всего и следует обращаться за силами и содействием. Не для обрусения и ассимиляции западно-русских православных, но для взаимного обмена и восполнения сил, нужно отчасти присылать к нам великороссов и отчасти вызывать их во внутренние губернии. Не зачем их делать православнее и хозяйничать у тех, кто сами у себя должны быть хозяевами, распорядителями. Вообще пришельцы не в состоянии заменить собою туземных русских деятелей с высшим образованием».²³⁹

Само собою понятно, какое влияние, не примиряющее, а более возбуждающее, должны были произвести на местное духовенство эти мысли почтенного профессора, помещенные на страницах Литовского епархиального органа печати, как бы во всеобщее назидание и поощрение к усилению антагонизма между местным и пришлым духовенством и в порицание самим епархиальным Литовским преосвященным, которые, после митрополита Иосифа, считая правильно политику графа Муравьева относительно ослабления духа исключительности в Литовском духовенстве, пополняли оное великоросским элементом.

В другом случае, М. О. Коялович уже открыто заявлял, что причиною принятия в епархию священников-великороссов было то обстоятельство, что в западной России не стало ни одного архиерея из местных уроженцев, о которых было известно, что они неохотно принимали в свои епархии чужих людей. Особенно он выражал недовольство бывшим викарием Литовской епархии, пр. Иосифом, епископом Ковенским, впоследствии Смоленским, который, по словам его, принимал и даже вызывал своих земляков по принципу, успешнее обрусить страну. Не отрицая на сей раз того факта, что некоторые из этих новоприбывших священников оказались прекрасными людьми, успешно строящими дело Божие и внесшими некоторые прекрасные оттенки пастырства, отсутствие панства, заметного во многих местных священниках, особенно разбогатевших, близость к крестьянину, спокойное отношение к иноверцам и в тоже время неодолимую твердость в исполнении уставов церкви, М. О., однако же, вопреки действительности, считал таковых священников только единицами, а большинство – лицами негодными, заслужившими более или менее продолжительное заключение в монастырях.²⁴⁰

Не вдаваясь в пространную полемику по сему поводу с М. О. Кояловичем, мы укажем лишь на то, что он сам своим замечанием о далеком отношении пастырей из местного духовенства к пасомым решительно ниспровергает почти все, что он говорил раньше в защиту сих священников. В самом деле, может ли быть успешна деятельность тех пастырей, которые далеки от своей паствы и не пользуются её доверием, как о том нами было уже немало сказано в своем месте. Не в этом ли лежит одна из многих причин мало успешности дела православия и русской народности в крае? Не отрицая того, что были недостойные священники в епархии Литовской из великороссов, мы должны, однако, сказать, что, во всяком случае, среди их было более людей достойных во всех отношениях. Наибольшим пороком этих недобрых пастырей была нетрезвость, очень часто вызванная разными несчастными обстоятельствами и, между прочим, легким поведением своих жен, местных уроженок. Кроме того, вне всякого сомнения, что

число недостойных пастырей из великороссов, известное по официальным данным, было бы гораздо меньше, если бы, при существующем недружелюбном отношении к великороссам, им не ставилось «всякое лыко в строку». Не имея себе, по большей части, родственников ни в консистории, ни среди благочинных, великороссы лишены, вообще, надежды на то, что сделанный кем-либо из них проступок обойдется ему также дешево, как и священнику из местного духовенства, имеющему связи с влиятельными лицами.²⁴¹

Зато, достойные пастыри из великороссов, благодаря своему отеческому отношению к народу²⁴² и пользуясь его любовью и доверием, достигали значительного успеха в своей пастырской деятельности, хотя заслуги их и не всегда ценились надлежащим образом. Вот пред нами воскресает светлый образ почившего в 1896 году и лично знакомого нам по Вильне священника Петра Орлова, уроженца Тверской епархии, о котором в отчете пр. Алексия св. Синоду о состоянии епархии за 1885 год говорилось, что он, «как своею примерною назидательною домашнею жизнью, так и в особенности простотой в обращении с прихожанами, сердечною отзывчивостью на все их нужды и идеальным бескорыстием в исполнении своих пастырских обязанностей, приобрел такое нравственное влияние, любовь, уважение и безграничное доверие своих прихожан, что слова его были для пасомых законом, так что и иноверцы указывали на него, как на крайне желательный всем образец христианского пастыря, и весьма сожалели об его уходе в Вильну».²⁴³ И этот идеальный пастырь, не найдя себе духовного удовлетворения в узком районе деятельности монастырского священника, по своему желанию, снова возвратился к сельскому приходу. Здесь он завел все почти доброе из великороссийских губерний, как-то: свечи в церкви толстые, крещение всех через погружение, исповедь с предварительным говением, похороны с проводами до могилы и молебны в домах и на святой неделе.

В виду такого примера, а их можно было бы представить немало, нам представляются лишенными справедливости те мысли М. О. Кояловича, которые у него явились в кабинетной

тиши в Санкт-Петербурге, и которые мы раньше встречали уже у митрополита Иосифа, а именно, что поляки бывают рады всякому священнику из великороссов, хотя бы то и заведомо дурному человеку, так как он им не опасен, ибо он не знает преданий старины и многого не понимает, и, если станет себя дурно вести и оттолкнет от себя народ, то тем лучше и, наконец, что, в случае новой смуты, он, вероятно, уйдет из страны, и народ останется без поддержки православного священника. Точно также ни на чем не основанным является и то утверждение М. О. К., что священнику великороссу бывают рады²⁴⁴ многие новые русские помещики в западной России и особенно чиновники, так называемого потаповского направления, и именно рады, потому, что местный западнорусский священник не будет таким податливым на их прихоти и незаконные требования, как священник из великороссов.

Впрочем, к чести почтенного профессора должно отнести то, что он, после своего путешествия в 1886 году по Литовской епархии и после ближайшего и непосредственного знакомства с положением дел в оной, и с самими людьми, отрекся от всего того, что прежде писал против наплыва великороссов в северо-западный край, и нашел большую пользу, какую они приносили своим служением здесь церкви и отечеству. В самом деле, разве возможно понимать в другом смысле следующие слова М. О. Кояловича: «Выделяются приезжие семейные люди из провинций внутренних губерний, особенно семьи небольших помещиков, священников и учителей. Тут вы видите отчеканенный до мелочей русский семейный строй, не уступающий разлагающим влияниям, но без фанатизма и утрировки. И в церкви, и в обществе и дома вы видите часто один и тот же отчеканенный строй. Я видел такие семьи на разных ступенях жизни, сохраняю во всей свежести воспоминание о часах, проведенных в таких домах и уверен, что такие семьи приносят великую пользу стране уже тем самым, что существуют там, потому что представляют образец прочно установившейся русской жизни. Это потому важно, что исторические бури слишком часто сносили в западной России и

вершины и основания тамошней русской жизни. И до сих пор там очень трудно русскому человеку запясть устойчивое положение. Наконец, в новейшее время более и более выступает новый слой русских людей – это москвичи действительные, или так сказать омосковившиеся, но известные у всех там под именем москвичей, или по-старому – просто Москвы. Сколько я ни видал москвичей на моем веку, меня всегда поражала в них следующая особенность. Это, с одной стороны, широта и цепкость воззрений, а с другой – неодолимое благодушие. Это качество особенно поражает в западной России, где так часто бросаются в глаза и узкость народных воззрений, и страстная борьба... Попались мне 2–3 случая, в которых было совершенно ясно, что поляки и жида поймали москвича на его широте воззрений и его благодушии и забрали в свои руки. Но это были особые случаи, настоящего же москвича, я думаю, никак не одолеет поляк даже в союзе с жидом, потому что действительная московская широта воззрений и действительное московское благодушие – это вовсе равнодушие и безразличие. У каждого настоящего москвича тот же отчеканенный строй жизни, о котором говорилось выше. Настоящий москвич, действительно, верный выразитель той старой Москвы, которая со своей царственной высоты, спокойно смотрела на все племена, наполняющие русскую землю, делала свое дело и терпеливо, но крепко притягивала их к себе. Я не сомневаюсь, что настоящие москвичи сделают и в западной России тоже дело».²⁴⁵

После такой похвалы великороссам, служащим в западном крае, уже, естественно, было ожидать от М. О. Кояловича, что указанный антагонизм²⁴⁶ между местным и пришлым духовенством будет ему не по сердцу. И действительно. Он с великим сожалением говорит об этом ненормальном явлении в жизни Литовского православного духовенства и о том великом вреде, какой является необходимым результатом сего антагонизма. «Такое разделение, пишет он, крайне вредно для успеха русской деятельности в западной России и крайне приятно и полезно жидам и полякам, особенно, когда при этом антагонизме нередко одна сторона питает упование, а другая –

опасение, не будет ли старое западнорусское духовенство совсем заменено новым, пришлым из восточной России, не будут ли также заменены и светские чиновники из местных русских». «Все эти опасения и упования, замечает М. О., хотя они одинаково неразумны, но они иногда идут еще дальше, в самую глубь народной жизни, и прилагаются к вопросу о колонизации западной России крестьянами из восточной России».²⁴⁷

И нельзя не согласиться, но поводу сего печального явления в жизни западно-русского духовенства, с мнением г. Владимирова, что долг всякого истинно русского человека стараться всеми мерами об устранении этого внутреннего разлада, твердо держа в уме, что Великая Русь, Малая Русь, Белая Русь, Красная Русь есть все – Русь, единая Русь,²⁴⁸ и что забвение сей истины ведет необходимо ко вреду дела православия и русской народности в северо-западном крае.

Глава III. Материальный быт белого духовенства

Обеспечение его жалованием, помещениями и другими статьями содержания на основании разных положений. Раздел земли и доходов между членами причтов. Разные проекты относительно обеспечения заштатных священно-церковно-служителей и сиротствующих семейств оных. Епархиальное попечительство.

Выходя из того положения, что нравственность человека в значительной степени обуславливается, кроме степени его умственного развития, и его внешним положением в жизни, считаем нужным посвятить изображению материального положения белого духовенства Литовской епархии особую главу, так как рассмотрение сего предмета должно послужить к составлению более основательного и верного понятия о духовенстве означенной епархии.

До воссоединения униатов и в первые годы, после воссоединения, духовенство Литовской епархии, кроме доходов от своих прихожан, пользовалось еще доходами с недвижимых имуществ и капиталов, а также землею, десятиною и аннуатою,²⁴⁹ и имело фундушевых крестьян для работ. Впрочем, указанные источники содержания духовенства не везде были одинаковы. Из статистической ведомости о церквях Литовской епархии за 1839 год мы узнаем, что в то время, как духовенство Брестского благочиния имело 8498 руб. дохода с недвижимых имуществ, капиталов, аннуаты и десятину, духовенство Волковысского благочиния имело дохода от сих статей только 22 руб. Также велика была разница по благочиниям и относительно числа фундушевых крестьян. Из той же ведомости узнаем, что в Брестском благочинии было только 6 душ фундушевых крестьян, в Волковысоком – 109 муж. пола и 89 – женского; а в Слонимском – 982 души муж. пола и 372 женского. В некоторых благочиниях, как, например, Пинском и Ушанском и других, и совсем не было таковых крестьян.

Между тем, у правительства явилось предположение отобрать у духовенства западных губерний имения и крестьян и, взамен сего, выдавать определенные оклады жалования. Правительство имело при сем в виду поставить материальный быт духовенства в такие условия, при которых оно не находилось бы в зависимости от иноверных помещиков, враждебно относившихся к православному духовенству, как по религиозному антагонизму, так и вследствие сложившихся исторических предубеждений.²⁵⁰ Но пр. Иосиф, архиепископ Литовский, не разделял этих предположений правительства. В письме своем к Протасову,²⁵¹ высказывая одобрение намерению правительства отобрать имения у римско-католического духовенства, он высказался, однако, против сего отобрания имений у православного духовенства, ссылаясь: 1) на то, что небольшие имения в руках трудолюбивых и знающих хозяев, каковыми были, по большей части, женатые священники, имеющие приходы с фундушевыми крестьянами, могут им приносить несравненно больше доходов, чем те, которые им будут определены от казны, посредством иллюстрации, и 2) что по фундушевым имениям белые священники обзавелись уже строениями и всеми хозяйственными принадлежностями на свой счет, вложив на это дело свои и жен своих капиталы.

Особенно не одобрял пр. Иосиф указанное предположение в виду того, что, с отнятием у духовенства фундушевых крестьян, священники оказались бы в отношении домашней прислуги в зависимости от польских помещиков, которые вообще препятствовали священникам иметь прислугу из их крестьян. По мнению пр. Иосифа, от этой меры наиболее всего должны были пострадать воссоединенные монастыри, которые, находясь, по большей части, среди своих фундушевых имений, вдали от городов и местечек, а иногда и деревень, с отобранием у них фольварков, совершенно были бы стеснены в своем содержании, особенно, если монастырские имения поступят от казны в арендное содержание полякам. По всем сим соображениям, пр. Иосиф предлагал Протасову предстоящую меру, т.е. взятие в казну имений римско-

католического духовенства, не распространять на православное духовенство, по крайней мере, до времени, и при том постепенно, по усмотрению св. Синода.²⁵² Впрочем, это мнение пр. Иосифа не было уважено, и в 1842 году последовало введение штатов содержания духовенства в Литовской епархии.

По новым штатам было положено жалование в приходах 1-го класса двум священникам по 180 руб. сер., диакону 80 руб. в двум дьячкам по 40 руб.; пономарю 32 руб. и просфорне 24 руб.; в приходах 2-го класса – двум священникам по 180 руб., диакону – 80 руб., 2 дьячкам по 40 руб. и просфорне 24 руб.; в приходах 3-го класса – священнику 180 руб., диакону 80 руб., дьячку 40 руб. и просфорне 24 руб.; в приходах 4-го класса – священнику 160 руб., дьячку 40 руб., пономарю 32 руб. и просфорне 24 руб.; в приходах 5-го класса – священнику 140 руб., дьячку 40 руб., пономарю 32 руб. и просфорне 24 руб.; в приходах 6-го класса – священнику 120 руб. и дьячку 40 руб.; в приходах 7-го класса – священнику 100 руб. и дьячку 40 руб. Мерилом для определения класса известного прихода служило количество душ прихожан, коих в первом классе полагалось 2 тыс.–3 тыс., а в приходах 7-го класса – 100–300. Через два года, после введения новых штатов по сельским приходам, пр. Иосиф вошел с ходатайством об издании таких же штатов и для городских приходов Литовской епархии, на которые прежде отпускалось 11372 руб., а по новому штату следовало бы – 17110 руб. При составлении своих предположений относительно новых штатов для городских церквей, пр. Иосиф принял во внимание местную дороговизну, необходимость иметь среди иноверцев отличнейших против других мест священно церковнослужителей, неимение по сим городам зажиточных православных прихожан и, наконец, обширность приходов, часто простиравшихся на целый уезд, а потому и необходимость расходов на разъезды. Во многих штатных причтах он полагал вакансии второго священника, частью потому, что там соединялись два прежние причта, частью – по важности положения города и, наконец, потому, что городские священники предполагались на должности благочинных и депутатов,

вследствие чего, при их отлучках и при неимении другого священника, могло бы остановиться само богослужение.

Вместе со введением штатов 1842 году, было положено, чтобы причты сельских приходов были наделены 33-х десятинною пропорцией земли, а, за недостатком оной, прихожане обязывались назначать причту соразмерное содержание, причем земельный участок священника, в размере 10 десятин, прихожане должны были обрабатывать своими орудиями, получая от него только семена для посева, или, по взаимному соглашению, удовлетворять его, вместо собственных трудов, деньгами или продуктами. Прочие же лица, составлявшие причт, должны были сами обрабатывать свои участки земли. Кроме того, при каждой сельской церкви должны были быть построены на усадебной земле дома, или особые для каждого члена причта, или один для нескольких, даже для всех членов причта, смотря по местному удобству, с дворами и службами, с тем условием, чтобы священник имел дом с трех комнатах с кухней, а дьячок, пономарь и просфорня – обыкновенные избы, с разделением на две половины и одною комнатою. В случае отсутствия причтовых помещений, прихожане обязывались построить их на свой счет. Сими помещениями причты могли пользоваться только на правах временного владения, причем мелкие повреждения в них должны были исправляться на счет занимающих известное помещение членов причта, а капитальные повреждения на счет прихожан. Последние же обязывались еще доставлять причтам топливо и выдавать вновь назначаемым священникам и штатным диаконам, по прибытии их на место, пособие хлебом из запасных сельских магазинов по полутора пуда муки в месяц на каждое лицо в семействе безвозвратно, впредь до нового хлеба, и семена ярового и озимого хлеба для засева полей заимообразно.²⁵³

Для наблюдения за точным исполнением введенных штатных положений от 20 июля 1842 года были учреждены по губернским городам западного края губернские комитеты из губернатора, преосвященного, губернского предводителя дворянства и управляющего палатою государственных

имуществ. В этот комитет должны были поступать все проекты и необходимые местные сведения, причем ему было предоставлено право утверждать эти проекты или отвергать, а также наблюдать за правильностью действий местных исполнителей и вообще принимать меры к скорейшему окончанию дела. Святейший же Синод, со своей стороны, предписал епархиальным архиереям, чтобы они, по мере введения положения 1842 года, отменяли в сельском духовенстве взимание с прихожан платы за важнейшие и самые необходимые требы.²⁵⁴ Вместе с дарованием новых штатов для духовенства западного края, заведывание принадлежащим ему капиталом было сосредоточено в хозяйственном управлении при святейшем Синоде.²⁵⁵

К сожалению, проекты 1842 года относительно обеспечения православного духовенства западного края, по-видимому, так хорошо составленные на бумаге, не имели вообще практических результатов, благоприятных для духовенства. Так как в помещичьих имениях прихожанами были исключительно крепостные крестьяне, не имевшие никаких гражданских прав, то все возложенные положением на приходы обязанности в отношении православных сельских причтов, относились, в действительности, к помещикам, которые, благодаря сильному значению их в то время в среде местной администрации, далеко не везде делали все, нужное к исполнению положения. Но этого мало: положение 1842 года создавало нежелательные отношения между духовенством и прихожанами, возложив на них несение новой барщины в пользу одного, неизвестной для них до времени воссоединения с православною церковью, а именно: обработку священнической земли, постройку для причта домов, доставления топлива, строения церквей, каковой барщины не несли католики в отношении своего духовенства.

Нисколько не удивительно, после сего, что воссоединенная паства уже по одному этому не могла питать надлежащее уважение к духовенству, а через него и к самой православной вере. Это обстоятельство побудило пр. Иосифа в 1848 году возбудить ходатайство о назначении добавочного жалования для 19 причтов тех сельских церквей, прихожане которых были

разбросаны между католиками, и где положенное обеспечение священников от прихожан помещением и обработкой земли было почти невозможно, по малому числу прихожан и поселению их на больших пространствах, и где эта повинность производила весьма вредное впечатление, так как римско-католическое население не несло оной. А в 1859 году пр. Иосиф, находясь, для присутствия, в св. Синоде, возбудил ходатайство о прибавке священникам уже 259 приходов в некоторых местностях Литовской епархии к получаемому ими жалованию еще 150 руб. в год, в виде временной меры, впредь до окончательного обеспечения духовенства западных губерний. Правда, ходатайство это не было удовлетворено, по недостатку средств, но самая причина, вызвавшая это ходатайство, а именно, охлаждение между духовенством и прихожанами уже из-за обязанности последних в отношении обеспечения духовенства, заслуживала большего внимания.

Впрочем, и самое положение 1842 года относительно обеспечения православного духовенства в западных губерниях далеко не везде приводилось в исполнение надлежащим образом, на что указывал архиепископ Иосиф в 1848 году в своем отчете св. Синоду, жалуясь на то, что духовенство не обеспечено церковными домами, а священники – и обработкой земли и другими угодиями, положенными духовенству, взамен платы за требы. Наиболее неисправностей в сем отношении, по мнению пр. Иосифа, происходило по казенным имениям, следственно, по вине палат государственных имуществ,²⁵⁶ которые поощряли к подобному небрежению и частных владельцев, тем более, что весьма многие приходы были составлены из казенных и помещичьих крестьян, почему и наибольшего внимания и уважения заслуживала жалоба пр. Иосифа на это же Министерство Государственных Имуществ, по поводу вознаграждения духовенства за отобранные у него имения. Дело состояло в том, что, хотя, при передаче сих имений, в виде особой милости, те духовные, которые, при переводе на штатное положение, оказались обиженными против прежнего содержания от имений, и получили соответственное ежегодное вознаграждение, причем, в виде такой же милости,

священникам было предоставлено пользоваться лично небольшими имениями, принадлежащими их церквям, однако же, за пользование ими излишнею землею, согласно штатам 1842 года, из жалования их вычиталось от одной трети до половины.

Между тем, Литовское епархиальное начальство, передав постепенно, с разрешения св. Синода, с 1845 по 1856 годы в ведение палат государственных имуществ Виленской, Ковенской и Гродненской населенные имения 87 церквей епархии с числом ревизских душ 1570 мужского пола и 1435 женского, причем исчисленный от сих имений доход палаты были обязаны вносить через местные казначейства в Литовскую духовную консисторию, а сия последняя должна была из таковых, денег производить назначенное св. Синодом личное вознаграждение некоторым духовным, а также дополнительное многим причтам, а иным и полное жалование, всего 5425 руб. 22 коп. серебром в год, получило дохода от переданных земель и по той пропорции, в которой палаты сами исчислили оный за 11 лет по 1856 год, всего 3652 руб. 26,5 коп. сер., так что духовенство, в течение 11 лет, не получило более трети принадлежащего ему содержания, а именно 22318 руб. 87,5 коп. серебром. И несмотря на то, что Литовское епархиальное начальство неоднократно относилось в палаты государственных имуществ о присылке следуемых от них доходов, эта переписка не имела желаемого успеха, а с того времени, как эти доходы предписано было палатам вносить в местные казначейства, епархиальное начальство лишилось даже возможности следить за самым ходом этого производства, которое стало зависеть совершенно от произвола палат.

Представления самого пр. Иосифа относительно устранения подобного беспорядка, сделанные им неоднократно и обер-прокурорам св. Синода и самому Синоду, также не имели удовлетворительных последствий, так что к 1 июля 1859 года числилось недоимок на Министерстве Государственных Имуществ за отошедшие в казну от духовенства имения 20.567 руб. 57,5 коп.²⁵⁷ Еще менее, конечно, исполнялся на деле тот пункт положения 1842 года, по которому духовенству

предоставлено было право на обработку помещичьими крестьянами земли священника и пользования или причтовыми помещениями, выстроенными на счет, прихожан, или же получения, в замен оных, квартирных денег. Это обстоятельство, между прочим, побудило Виленского генерал-губернатора в 1850 году поставить на вид губернаторам необходимость убедить помещиков и особенно предводителей дворянства, чтобы они приняли самые действительные меры на счет безотлагательной постройки причтовых помещений и отвода земель в тех приходах, где этого еще не было сделано. По сведениям, доставленным по сему предмету духовенством, оказалось, что к 1851 году вовсе не было построено домов для священников – 205, диаконов – 36, дьячков – 223, пономарей – 123 и просфорней – 225, и что, кроме того, за приторгованные дома для священно-церковно-служителей не уплачено было – священникам за 134 дома, диаконам за два, дьячкам за 16, пономарям за 4 и просфорням за 4, так что нанимали квартиры на собственный счет 14 священников, 7 диаконов, 74 дьячка, 25 пономарей и 29 просфорней. Кроме того, 43 причта не получили еще надела земли, а 457 причтов не вполне воспользовались обработкой земли и дровами. Министерство Внутренних Дел, со своей стороны, обратилось с просьбою к пр. Иосифу об оказании с его стороны, сверх прежних настояний, деятельного содействия к возможно скорому окончанию дела относительно обеспечения сельских причтов следуемыми, по положению, принадлежностями, доставлением о сем сведений за 1851 год, с подразделением на приходы и с подробным обозначением, сколько в каждом из них и чего не достает, сколько, именно, и в каком уезде и под каким наименованием состоит сельских причтов, подлежащих обеспечению от прихожан.

Между тем, по поводу сего отношения Министерства Внутренних Дел к Литовскому епархиальному начальству, выяснилось, что наиболее всего бездействовали в отношении обеспечения духовенства следуемым ему, по положению 1842 года, содержанием те самые губернские комитеты, которые и были учреждены, именно, за тем, чтобы следить за надлежащим исполнением сего положения. Несмотря на то, что

Литовская духовная консистория неоднократно просила эти комитеты о принятии с их стороны мер к постройке и починке причтовых помещений и о вознаграждении квартирными деньгами тех из священно-церковнослужителей, которые нанимали квартиры на собственный счет, комитеты эти не оказали своего содействия. Мало того, даже вышеуказанное предложение генерал-губернатора губернаторам относительно безотлагательного принятия мер к обеспечению причтов следуемым им, по положению 1842 года, содержанием, как доносили благочинные, не имело никаких последствий, и местные исполнители проектов – предводители дворянства и окружные начальники, по многократным отзывам об ускорении исполнения проекта обеспечения духовенства, по большей части, отвечали заявлениями, что они не имеют на это от своего начальства предписания.

И пр. Иосиф, донося св. Синоду о неаккуратном приведении в исполнение положения 1842 года относительно обеспечения причтов помещениями, землею и обработкой оной и подтверждая это донесение вышеприведенными фактическими данными, справедливо замечал, что указанное число причтов, нуждающихся в помещениях, следовало бы еще значительно увеличить, в виду прихода в ветхость, по обыкновенному порядку вещей, уже имеющихся у них сих домов. По мнению пр. Иосифа, наилучшим средством к устранению неудобств, встречающихся при наделении причтов церковными домами, могло быть назначение определенной ежегодной уплаты, под названием квартирных или другим, для не имеющих церковных домов дьячков, пономарей и просфорней по 10 руб., диаконов по 20, а для священников не менее 30 руб., причем издержки на квартирное пособие должны были быть отнесены на земские повинности тех губерний, в которых состоят православные церкви. Пр. Иосиф, справедливо полагая, что увеличение земского сбора несколькими копейками не составило бы для платящих большой тягости, а между тем, способствовало бы устранению нареканий со стороны православных прихожан и злонамеренных попреков недоброжелателей православной церкви, находил в тоже время весьма желательным, чтобы к

сему же источнику отнесена была и уплата за обработку земли священников, так как назначение всем безразлично священникам по 50 руб. серебром из земского сбора освободило бы их от ненавистных ежедневных мелочных расчетов со всеми их прихожанами.²⁵⁸

Между тем, Виленский генерал-губернатор в 1853 году, согласившись в принципе с означенным мнением пр. Иосифа и имея в виду определение Минского губернского комитета о выдаче священникам, для которых не построены еще дома, или временно отведены невыгодные помещения, квартирных денег по 30 руб., диаконам по 15 руб., дьячкам и пономарям по 10 руб. в год на счет владельцев имений, обязанных постройкой тех помещений, предложил Виленскому губернскому предводителю дворянства Пусловскому распорядиться таким же порядком, как и по Минской губернии, на счет производства в указанном размере квартирных денег тем причтам по Виленской губернии, для коих не устроены еще или отведены невыгодные помещения. Так как большинство уездных предводителей дворянства Виленской губернии высказалось по сему вопросу за предположения Минского комитета, то и было положено:

1) поручить предводителям дворянства, пригласив депутатов со стороны духовенства, привести в известность все приходы в каждом уезде, где еще не построены, или отведены невыгодные помещения для причтов, и назначить ежегодно, впредь до постройки для них зданий, квартирные деньги священникам по 30 руб., диаконам по 15, а дьячкам и пономарям по 10 руб. и сей расход отнести на владельцев имений, обязанных постройкой помещений для причтов;

2) причитающиеся деньги на уплату членам причтов предоставить предводителям дворянства распределять, согласно составленному ими же проекту, и обязать помещиков, или их управителей, вносить таковые деньги предводителю дворянства в назначенный для того срок, с тем, чтобы предводители деньги эти выдавали, по назначению, на обеспечение причтов; и

3) чтобы сведения, как о всех причтах, которым будут назначены предводителем дворянства квартирные деньги, так и о тех владельцах, на которых уплата таковых будет возложена предводителем дворянства, представлялись от них губернатору не позже 1 июля.

Но, несмотря на это определение, составленное предводителями дворянства, трудно было ожидать, чтобы оно предположение исполнялось аккуратно, хотя бы уже по тому одному, что, как помещики, на которых лежала обязанность обеспечения православного духовенства, так и сами предводители дворянства, которые были обязаны следить за этим, были почти все поляки-католики и потому неблагосклонно относились к духовенству. Об этом свидетельствовал, между прочим, кафедральный протоиерей Гомолицкий, который, при обозрении церквей Ошмянского уезда в 1853 году, заметил, что нерасположение помещиков-католиков к православному духовенству выражалось и в том, что они не всегда аккуратно удовлетворяли священников всем следуемым, по положению. Даже и от тех причтов, которым были построены помещения, епархиальное начальство получило немало жалоб на то, что эти постройки были или тесны, или непрочны, или не имели других каких-либо выгод, почему это начальство сочло нужным вменить в обязанность, как благочинным, так и причтам тех церквей, где еще или не были построены дома, или, по проекту, должны были чиниться старые, чтобы они имели наблюдение за сими постройками, или починками, и, в случае отступления от проекта, или непрочности материала, или допущенных каких-либо неудобств, доносили благочинным; а последние обязывались безотлагательно снести в помещичьих имениях с местным предводителем дворянства, и в казенных – с окружными начальниками на счет устранения замеченных неправильностей, а, в случае не успешности их сношений, доносить в консисторию. В виду же того, что ревизорами, обзоревавшими церкви епархии, была замечена небрежность со стороны духовенства в отношении починки маловажных повреждений в церковных домах, часто достигавших стоимости 2–3 руб., которые, между тем, постепенно влекли за собою

значительную порчу церковных домов, пр. Иосиф предложил консистории вменить благочинным в неременную обязанность, под их личную ответственностью, наблюдать за сим и побуждать к тому же и священников, а последним, кроме того, напомнить, что поддержка церковных домов, после их постройки, принадлежат уже тем священно-церковно-служителям, которые в оных проживают, и, следовательно, на них лежит ответственность за исправное содержание тех домов и служб.

Но, сказав о неаккуратном удовлетворении духовенства причтовыми помещениями со стороны помещиков, нельзя не указать и на то, что и по казенным имениям обеспечение духовенства этими постройками далеко не везде было исправно. Это можно заключать, между прочим, из переписки митрополита Иосифа в 1855 году с Виленским генерал-губернатором, в которой он указывал на невозможность принять самим священникам постройку домов для 21 прихода в казенных имениях Гродненской губернии. Между тем, с 1859 года постройка причтовых помещений и совсем было приостановилась вследствие того, что начался пересмотр положений и правил 1842 года относительно обеспечения содержанием сельского духовенства. Но, так как сей пересмотр мог замедлиться, а некоторые причты имели нужду в помещениях, то Министерство Государственных Имуществ, во главе которого в это время стоял М. Н. Муравьев, распорядилось производить постройки помещений по казенным имениям на прежних основаниях, предложив управляющим палатами государственных имуществ удостоверяться лично, где и какие, именно, нужны постройки для причтов, во что они обойдутся, и какими, по местным условиям, средствами можно достигнуть, без излишних для казны издержек, устройства сих помещений. Таким образом, из всего сказанного относительно обеспечения духовенства помещениями за все время действия положения 1842 года видно, что забота об исполнении сего далеко нередко проявлялась только на бумаге, в переписке разных ведомств между собою, а не осуществлялась на деле.

Не менее часты были случаи, когда духовенство не получало должного обеспечения и по другим статьям положения 1842 года, как то: отоплением и обработкой земли.²⁵⁹ По одному из пунктов означенного положения, как уже было замечено раньше, священно-церковно-служителям западных губерний было предоставлено право получать для отопления церковных домов дрова и другие материалы, какие где употребляются местными жителями, от прихожан, если эти материалы находятся в их дачах, по расчислению старшин, или управляющих имений, с благочинными.

Между тем, в течение 10 лет, прошедших со времени действия положения 1842 года, определенных правил пользования причтами отоплением, даже по казенным имениям, не было, и только в 1852 году состоялось Высочайшее повеление относительно того, чтобы во всех имениях, как помещичьих, так и казенных, духовенству было предоставлено право, наравне с крестьянами, получать дрова из отведенных помещиками лесных дач, с вывозом на свой счет, и по казенным имениям пользоваться правом бесплатного отпуска леса казенного на домашние потребности – в имениях, переведенных на оброк, по временным инвентарям, до люстрации сих имений; а в переведенных, по люстрации, только в течение трех лет, вообще на одинаковых правах с государственными крестьянами.

Что касается до повинности крестьян относительно обработки земли священников, то, кроме того, что эта повинность возбуждала неудовольствие прихожан против духовенства, она давала еще помещикам возможность эксплуатировать своих крестьян на счет его. Так, из донесения протоиерея Гомолицкого в 1852 году, например, узнаем, что в Словенском приходе, Ошмянского уезда, и Русско-Сельском – Свенцянского обработочная сумма целиком взыскивалась только с одних православных прихожан, причем в последнем приходе послабление в этом отношении для католиков доведено было до того, что были совершенно освобождены от взноса обработочных денег те дома, где было хотя одно лицо римско-католического исповедания. В приходах Воложинском и

Бакштанском обработочная сумма не только взыскивалась с одних православных прихожан, но и в таком размере, что превосходила собою сумму, подлежащую взысканию. Так, Воложинское дворовое управление требовало со всякой души православного исповедания, без различия пола и возраста, по 7,5 коп. сер., так что при 4727 душах обоего пола взыскивалось 354 руб. 32,5 коп. сер., а из них уплачивалось священнику только 128 руб. 50 коп. В Бакштанском приходе взыскивалось с каждой души по 4,5 коп. и по такой раскладке получалось с 2890 душ 130 руб., а священнику выдавалось обработочных денег только 64 руб. 25 коп. По донесению сего же протоиерея, обработка земли и выдача дров священнику Залесского прихода, состоявшего в имении князя Огинского, производилась весьма неисправно, а священнику Ганутской церкви и совсем ничего не выдавалось. И пр. Иосиф, донося Протасову от 22 сентября 1852 года относительно того, что некоторые помещики Дисненского уезда взыскивают обработочные деньги, вопреки Высочайше утвержденному положению 1842 года, коим определено, чтобы сия обработка производилась по равной части на счет дней крестьян и помещиков, справедливо указывал, что такое угнетение, при крайней бедности крестьян сего уезда, вызывало нарекания со стороны православных, ослабляло при приверженность их к вере и поселяло нерасположение к причтам и решительно отклоняло иноверцев от православия.²⁶⁰

Невидно также, чтобы и по казенным имениям причты были вполне удовлетворены положением 1842 года относительно обработки земли. И в то время, как Виленская палата государственных имуществ в 1849 года находила наиболее целесообразным заменить обработку земли священников крестьянами натурою, через выдачу священникам денежного вознаграждения за то, и потому вошла в соглашение с консисторией относительно того, чтобы сельские управления составили вместе с приходским духовенством акты о своем согласии обрабатывать священнические участки натурою, или же уплачивать за то деньги, предоставив на собственную волю прихожан доставку в натуре рабочих, по каждому

востребованию священника, или же плату за каждый год вперед, священники Гродненского благочиния, через своего благочинного, просили в 1851 году пр. Иосифа ходатайствовать пред министром государственных имуществ о беспрепятственном отпуске сельскими управлениями им государственных крестьян для прислуги, прежде удовлетворения оными содержателей казенных ферм и других частных лиц, указывая на то, что земледельческое хозяйство составляет главный источник содержания сельского духовенства, и потому производство оно требует безотлучной домашней прислуги для полевых работ. Таким образом, из сего ходатайства духовенства Гродненского благочиния видно, что оно считало для себя выгоднее обработку земли натурою, через рабочих людей, а не через получение обработочных денег.

Но епархиальное начальство, хотя и признавало, что нужды духовенства Гродненского благочиния относительно найма прислуги за условную годовичную плату для обработки земли, а равно и домашней прислуги, уважительны, однако, отказалось, за отсутствием законного основания, входить в прямые сношения, с кем следовало, об отпуске сельским священникам прислуги из казенных крестьян хотя по 2 лица мужского пола и по 2 женского для каждого священника и по одному лицу обоего пола для каждого диакона, и полагало достаточным для успеха в достижении просимого употребить Гродненскому благочинному, по его местожительству в г. Гродне, свое личное благоразумное ходатайство пред тамошним начальством об устранении тех злоупотреблений, которыми сельские управления лишали возможности и права духовенство иметь прислугу от казенных крестьян, увольняя их для прислуживания единственно фермерам и некоторым частным лицам.

Кроме указанных статей содержания, духовенство некоторых приходов пользовалось также десятиною и аннуатою. Еще 30 июля 1828 года состоялось Высочайше утвержденное определение Государственного Совета относительно того, чтобы греко-униатскому духовенству, в виду скудости и даже совершенного отсутствия при церквях фундуша, отделялась, по числу прихожан греко-униатского исповедания, десятина и все

сборы, учрежденные, в замен оной, в пользу сего духовенства, причем этот источник содержания в тех приходах, где крестьяне все принадлежали к греко-униатскому исповеданию, должен был обращаться исключительно греко-униатскому духовенству. После воссоединения с православною церковью, бывшее униатское духовенство продолжало пользоваться десятиною, согласно указанному положению. Между тем, в 1842 году министр внутренних дел граф Строганов высказался за то, чтобы десятинный сбор, где он, по записям, выдавался снопами и зерном с помещичьих и крестьянских полей, выдавался и римско-католическому духовенству, хотя бы сии крестьяне принадлежали к православной церкви. Но пр. Иосиф не согласился с сим мнением и находил необходимым поддерживать, без всякого изъятия, существующий закон о распределении десятинного сбора между православным и латинским духовенством, по числу крестьян имения, обложенного десятиною, принадлежащих к тому и другому исповеданию, особенно в виду того, что допущение правила, предложенного графом Строгановым, могло повлечь за собою и лишнее обременение, как имений, так и крестьян, так как могли бы найтись помещики, которые, по пристрастью, или по другим политическим видам, стали бы делать записи в пользу латинского духовенства, несоразмерные по средствам имений и действительным потребностям того духовенства.²⁶¹ И мнение пр. Иосифа одержало верх.

Между тем, само Литовское епархиальное начальство долгое время не имело сведений относительно того, какие церкви и какую получают десятину и аннуату, в каком размере и по каким актам, какие из церквей и духовенства пользовались сею десятиною в какие перестали пользоваться оною и во каком основаниям. Сии сведения были доставлены Литовской духовной консистории, по её требованию, только в 1855 году. Всех церквей, имевших право на десятину, оказалось 111.

Что касается самого размера десятины и состава оной, то они были вообще неодинаковы. Так, например, в Мостовлянском приходе десятина отпускалась в размере 6 бочек ржи, 3 бочек овса, 11,5 бочек ячменя, 1 бочка гречихи, 2

осьмин пшеницы и столько же гороху, 4 баранов, 20 гарнцев водки, 10 ф. воску, свечного сала 20 ф. и 80 возов дров, за каковую десятину из положенного священнику сей церкви жалования – 140 руб. вычиталось 40 руб. В Щарском приходе на вино и свечи и другие потребности церкви десятины отпускалось 30 руб. и, кроме того, в пользу священника: 5 бочек ржи, 3 ячменя, 1,5 пшеницы, 5 овса, 1 гороха, пол бочки гречихи, 12 возов сена, 1 корова, 2 кабана и 4 барана. В селе Озорницах выдавались с 120 руб. проценты и, сверх того, разного хлеба в зерне 21 четверть и 18 возов дров, с обязанностью священника в каждую неделю служить по 3 обедни. В с. Заблудове церковь имела право на получение по документу гетмана Григория Ходкевича с каждого двора крестьянского десятины по 6 гарнцев ржи и по 6 ячменя. В селе Рогове по документу Володкевича от 20 марта 1814 года назначалась аннуата в 75 руб., из коих священнику полагалось 30 руб., на вино и свечи в церковь 15 руб. и дьячку 30 руб. с тем, чтобы он содержал у себя училище для обучения крестьянских детей того же имения. Впрочем, с 1852 года эта аннуата прекратилась.

В селе Голдове десятина состояла из 7 бочек ржи, 4 бочек ячменя, 5 овса, одну озимой пшеницы, 3 осьмин гороху и столько же бобу, одну бочку и 2 осьмин гречихи, 24 гарнцев соли, 2 кабанов, 2 четвертей говядины, 24 гарнцев²⁶² горячего вина, 1 фаска²⁶³ коровьего масла, 2 коп²⁶⁴ сыров, 3 коп сельдей, 5 гарнцев постного масла, 6 штук поросят, 4 гусей, 4 уток, 8 куриц, 15 возов соломы, 18 возов сена, 4 гарнцев маку, 13 ф. свечей, 5 гарнцев красного вина, 1 п. воску и деньгами священнику – 37 руб. 50 коп.

В Бобровском приходе выдавалось 60 руб. священнику и в церковь на вино, воск и просфоры 15 руб., и, кроме того, десятина в натуре 8 четвертей озимого хлеба, 1 четверть пшеницы, 2 гороху, 1 гречихи, 1 корова, 2 свиньи, 4 овцы, 5 бочек пива, 15 гарнцев горячего вина, столько же соли, лою²⁶⁵ на свечи 1 пуд, 13 возов сена и 8 соломы. Что касается дьячка сей церкви, то, по положению Виленского губернского комитета, ему была назначена в 1845 года ссыпка хлеба от прихожан, по

числу душ мужского пола, а именно: озимого хлеба 4 четверти и 4 четвертки и столько же ярового, 80 пуд. сена, 4 воза соломы и 3,33 сажени дров.

Впрочем, получение десятины духовенством, с одной стороны, было далеко не всегда исправно, что видно по собранным консисторией в 1855 году сведениям, по которым значились 35 церквей, не получавших десятины уже с давнего времени, а с другой – еще более увеличивало между духовенством и прихожанами не желательные отношения и подавало лишний повод к жалобам крестьян на вымогательство со стороны духовенства. Это, например, видно из того, что митрополит Иосиф должен был защищать в 1860 году пред генерал-губернатором Назимовым, по поводу совращения массы прихожан Клецельского прихода в католичество, настоятеля церкви сего прихода, протоиерея Гоголевского, обвинявшегося в вымогательстве платы у прихожан и, между прочим, в вымогательстве, при собирании десятины.²⁶⁶ А в 1862 уже сами прихожане означенной церкви обратились с просьбою к митрополиту Иосифу об освобождении их от уплаты десятины своему священнику, вследствие того, что между ними часто происходили не согласие относительно количества оной и качества доставляемой ими ржи и, в виду того, что их священнику, по штату, положено 180 руб. жалования, из коих половина дотеле удерживалась за десятину и аннуату, получаемую от прихожан. И пр. Иосиф согласился с сего просьбою и отнесся в св. Синод с представлением об увеличении, до положенного оклада, жалованья настоятелю Церкви в Клецелях, взамен десятины, особенно, в виду того, что произошло совращение Клецельских прихожан, между прочим, вследствие сбора десятины.

Между тем, постепенно уменьшаясь по своему количеству, десятинный сбор просуществовал, впрочем, но некоторым церквам до 1885 года, когда от 3 июня последовала отмена оного по всем губерниям западного края, как по отношению к православному, так и католическому духовенству.

В заключение трактата о материальном обеспечении духовенства Литовской епархии за время действия положения

1842 года, необходимо упомянуть о порядке получения духовенством жалования, выдававшегося по третям, а также о доходах от прихожан и, наконец, о разделе оных и земли между членами причтов. Вопрос о порядке получения жалования был возбужден обер-прокурором св. Синода графом Протасовым в 1845 года, в виду того, что благочинные, выдававшие раньше это жалование причтам, делали из него нередко произвольные вычеты в свою пользу и, кроме того, причты испытывали и другого рода неудобства, при получке жалования от благочинных, которые жили далеко и которых очень часто они не могли застать дома. Посему Протасов высказался за то, чтобы жалование свое причты получали из уездных казначейств. Но пр. Иосиф стоял за прежний порядок получения жалования и в своем отношении к обер-прокурору указывал на то, что духовенству удобнее получать жалование через благочинных, потому что священники иногда по несколько раз собираются в назначенные благочинным места для разных надобностей, где и получают жалование, и местожительство благочинного ближе, чем уездный город, иногда отстоящий на сто верст.

Кроме того, по мнению пр. Иосифа, новый порядок получения жалования, с одной стороны, не мог устранить возможности злоупотреблений со стороны благочинных по отношению к причтам, так как недобросовестные благочинные могли требовать подачек от них и при других случаях, а с другой – подвергал бы священников опасности быть удержанными в уездном городе казначейством, или по собственной неопытности их, или же по умышленным маневрам выдающих жалование, что было бы очень чувствительно для духовенства, судя по его скудным третним окладам.²⁶⁷

В другом случае, пр. Иосиф в своем отношении к Протасову восставал против получения жалования причтами из казначейств, заметно, под сильным влиянием консистории, не сочувствовавшей также предложению графа Протасова, так как оно должно было потребовать от неё новой работы по составлению ведомостей о составах причтов и постоянной переписки с казенными палатами и казначействами, а также с

местным духовенством. Пр. Иосифу представлялось, что самая раздача причтам печатных бланков для получения жалования и сведений об их употреблении, а иногда и растрате, принесло бы консистории и благочинным более затруднения, чем сама раздача сего жалования сими последними, так как, по неопытности или неумения причтов, могли происходить постоянные ошибки в доверенностях и расписках на бланках, а, следовательно, новые затруднения казначействам, благочинным и консисториям. «Можно сказать, без преувеличения, так заключал он свое отношение к Протасову, что, со введением нового порядка производства причтам жалования, делопроизводство увеличится в таком размере, что потребуется в консисториях учреждение нового стола, да и благочинные едва ли будут в состоянии нести уже усилившуюся о том переписку служебную».²⁶⁸

Между тем, действительность не оправдала опасения пр. Иосифа относительно нового порядка получения жалования причтами, каковой порядок уже был введен в Литовской епархии в 1845 году. И сам он в письме к графу Протасову, впоследствии, указывал на то, что жалование для сельских причтов, выдаваемое из казначейств, получается с большею, против прежнего времени, исправностью и меньше имеется поводов подозревать благочинных в притеснениях духовенства, при раздаче жалования, хотя и на сей раз жаловался на обременение благочинных лишнею перепиской, по поводу производства жалования из казначейств.²⁶⁹

Что касается доходов, которые духовенство получало от прихожан за требы, то они составляли постоянный источник содержания духовенства, так как последнее, как мы уже неоднократно замечали, никогда и нигде не отказывалось от вознаграждения за требы и даже за такие, за которые было запрещено брать. Конечно, доходы эти не везде были одинаковы. Так, из одного дела, производившегося в консистории, видно, что священники в некоторых приходах брали за тоекратное оглашение в церкви по 30 коп. серебром и кварту водки, за совершение брака 1 руб. 80 коп. серебром и 5 кружков водки. Последняя приносилась вообще при всех

требах, кроме похорон, которые вообще совершались без участия причта. В других местах такса на требы стоила выше. Кроме денег и водки, приношения прихожан причту состояли из печеного хлеба, льна, холста, воска, елей для лампы, овечьей шерсти, яиц, поросят, колбасы, сыров, коровьего масла, говядины и прочее.

В виду возникавших по разделу сих продуктов споров между членами причтов, консистория в 1846 году предписала, чтобы в дележе оных имели свою часть и низшие члены клира, а не один священник, и в той пропорции, в какой получается жалование из казны, а именно: священник – 35/53 доли, дьячок – 10/53, и пономарь – 8/53. Водка была предоставлена одному священнику, сало – на церковное освещение, а пшеница – просфорне, в виду того, что ей из других продуктов ничего не достается, причем ей было поставлено в обязанность, после того, печь просфоры безвозмездно. В другом случае, консистория в 1850 году предписала, чтобы приносимый прихожанами елей шел в лампы, воск – на церковные свечи, деньги – на церковные потребности и потому записывать их по церковным книгам, а также оставлять в пользу церкви лен, овечью шерсть и холст, и потом, по мере накопления сих вещей, продавать их желающим, в присутствии всего причта, церковного старосты и почетных прихожан, соблюдая всевозможную для церкви прибыль и вырученные деньги тогда же записывать в церковные книги. Прочие же приношения было дозволено делить между членами причта с тем, чтобы, если кого из членов причта не было на лицо при церкви, часть его делилась между наличным причтом. При сем консистория снова напомнила духовенству указ св. Синода, воспрещающий брать плату за важнейшие христианские требы.

Относительно раздела доходов между членами трех и двухклирных причтов в 1850 году состоялось такое определение консистории, чтобы те причты, которые завели у себя очередное богослужение и требоисправление, устроили в церкви кружку, за ключом одного и за печатью другого священника, и в нее опускали все получаемые за требы деньги и такой доход, в присутствии тех членов, которые находились при требах,

записывать тогда же в особую тетрадь и после, по мере накопления денег, делить между собою в пропорции получаемого каждым членом причта жалования, под собственноручную расписку в той же тетради. Но к сему общему доходу не должны были принадлежать такие поручные доходы, как, например, вознаграждение священника от прихожанина за исповедь, или псаломщика – за чтение псалтири по умершему. Впрочем, несмотря на эти и подобные им распоряжения консистории относительно безобидного раздела доходов, по большей части, существовал полный произвол священника в отношении выдачи дохода низшим членам причта.

Что касается раздела земли и угодий, то св. Синод в 1843 году, признав неудобным в то время постановить определенные правила относительно оного, предоставил пр. Иосифу, впредь до времени, употреблять в Литовской епархии тот порядок раздела церковной земли между членами причтов, какой был дотоле. Между тем, из донесения пр. Иосифа оказалось, что порядка в сем отношении в Литовской епархии вовсе не было прежде, и что причетники, получая землю от священников, вошли почти в положение священнических служителей, и что это ненадежное положение причетников имело решительное влияние на их число по епархии, так что при половине церквей не имелось дьячков. Посему пр. Иосиф, признав необходимым обеспечить самостоятельное положение причетников точным распределением земли между членами причта каждой церкви, полагал справедливым разделить землю так, чтобы из 33 десятин пропорции выделить пономарям дьячкам и просфорням при всех церквах, в виду одинаковости их обязанностей и жалования, ими получаемого, просфорне – 3 десятины, пономарю – 6, а дьячку – 8 десятин земли усадебной, покосной и пахатной; диакону – 10 десятин, с прибавкой и большего количества, по усмотрению епархиального начальства, там, где при церкви имеется земли более узаконенной пропорции,²⁷⁰ а остальную землю отдавать священнику, производя уже с него одного и вычет из жалования, положенный там, где церковной земли имелось более против узаконенной пропорции.

По мнению пр. Иосифа, такое распределение земли не было бы несправедливым и по отношению к священникам тех церквей, где были диаконы, пономари и просфорни и где, следовательно, количество земли для священника приходилось менее против тех священников, в причте которых не было означенных лиц, так как сии последние священники, получая по штату 60 или даже 80 руб. серебром менее против других, вовсе не были бы свободны от несения сторонних должностей, как-то: благочинных, духовных депутатов, вице-благочинных, учителей по приходским училищам и прочее. Выделение же дьячкам при тех церквях, где не положено было пономарей и просфорней, земли более 7 десятин, должно было повести, по мнению пр. Иосифа, к тому нежелательному явлению, что самые лучший церкви и приходы имели бы самых худых дьячков, так как всякий из них старался бы получить место при ничтожных приходах, где дьячкам было бы отведено более земли против других церквей, а жалование положено одинаковое.²⁷¹

В 1845 году было приступлено к самому разделу земли между членами причтов,²⁷² причем этот раздел имел производиться по предложению пр. Иосифа, в каждом благочинии благочинным с двумя достойнейшими священниками, по его выбору, в числе коих должен был находиться и местный духовник. Соблюдения математической точности, при наделении причетников землями, пр. Иосиф не нашел нужным требовать, так как надеялся, что благочинные и священники, по любви христианской и иерейской совести, не пожелают обидеть бедных причетников ничтожными клочками земли, почему самый раздел земли должен был производиться без землемеров, при одном руководственном правиле, что одна десятина земли соответствует полутора моргам известной всюду меры. При разделе земли, было поставлено в обязанность благочинным, чтобы они выделяемую землю немедленно передавали во владение причетникам, где они находились в наличности; там же, где места их были еще не заняты, выделяемые земли, до замещения вакансий, оставлять в пользование священников, по-прежнему, со внесением ими за

это в церковный доход справедливого вознаграждения, но соглашению с благочинным. А для того, чтобы не стеснять в хозяйственном отношении ни священников, ни причетников, последним было предоставлено право оставлять в ведении священников выделенные им земли за справедливое вознаграждение деньгами или хозяйственными продуктами, по взаимному соглашению, утвержденному благочинным. Последним было также вменено в обязанность, чтобы, при наделении причетников землею, они наблюдали справедливость относительно доброты и местоположения оной.

Но это распоряжение пр. Иосифа, как увидим ниже, не было в точности приведено в исполнение, так как благочинные и священники, не взирая на обращение своего архипастыря к их иерейской совести, не перестали обижать причетников произвольным выделом им земли, и при том худого качества.²⁷³

Между тем, и время и опыт указали правительству на многие недостатки в положении 1842 года относительно обеспечения духовенства западного края, вследствие чего в конце 50-х годов возникло предположение о пересмотре сего положения, что и было возложено первоначально на особый комитет при св. Синоде, состоявший из духовных и светских лиц, а за тем на Высочайше утвержденное в 1859 году присутствие по делам православного духовенства. Но, пока это присутствие рассматривало разные проекты относительно обеспечения православного духовенства в западном крае, и, надо думать, не скоро покончило бы с этим вопросом, за неимением в распоряжении его необходимых сумм, в замену натуральных повинностей прихожан в пользу духовенства, установленных положением 1842 года, освобождение крестьян в 1861 году от крепостной зависимости, с чем вместе и помещики приобретали свободу от всяких обязательств за крестьян, проистекавших из отмененного крепостного права, а через два года возникшее польское восстание, естественно, обратили внимание правительства на православное духовенство в западном крае. Нельзя было, конечно, требовать от крестьян, получивших свободу от крепостной зависимости по отношению к помещикам, чтобы они исполняли те обязанности

по отношению к духовенству, какие были возложены на них положением 1842 года и которые, до самого освобождения их, почти всецело относились к помещикам, и тем более потому, что крестьяне, только что вышедшие из крепостной зависимости, не были в состоянии выполнять все эти обязанности и за себя, и за помещиков.

При таком положении дел, правительству оставалось только одно освободить крестьян от перешедших на них с 1861 года повинностей в отношении православного сельского духовенства и вместе с тем озаботиться изысканием способа к вознаграждению последнего за те лишения, которые оно должно было потерпеть от прекращения сих повинностей. В силу этого, Высочайше утвержденное присутствие по обеспечению православного духовенства, за неимением возможности улучшить положение одного на средства Министерства Финансов, затребовало мнение от 26 июня 1863 года от Литовского епархиального начальства относительно того, не лучше, ли будет для духовенства получить вспомоществование из Министерства Государственных Имуществ, в виде отпуска леса строевого из некоторых казенных дач бесплатно, или по уменьшенным таксам, а также, в виде отвода земельных наделов причтам в увеличенных против 33 десятинной нормы размерах, и, наконец, преимущественно в западном крае, в виде передачи в постоянное пользование приходских священников большего или меньшего числа казенных арендных статей, (ферм, земель, мельниц и рыбных ловлей) в тех местностях, где, по размерам и доходности этих статей, по их расстоянию от местожительства священников и другим условиям, таковая передача будет признана возможною.

Как и следовало ожидать, духовенство Литовской епархии далеко не везде сочувственно отнеслось к предполагаемой мере улучшения его материального положения, находя наделение духовенства фермами и разными оброчными статьями, далеко несоответствующим числу церквей и вообще не достигающим предполагаемой цели, особенно ввиду того, что оно отвлекало бы его от надлежащего исполнения своих

прямых священнических обязанностей и поставило бы в некоторую зависимость от крестьян нуждой в их работе. Посему, например, Гродненский комитет полагал, что самым действительным средством к улучшению материального положения духовенства могло бы послужить увеличение ему денежного содержания, но крайней мере, в тройной пропорции против получаемого им по штату, с разделением для сего всех церквей Гродненской губернии, смотря по числу прихожан, на 3 класса.

Но, пока шла эта переписка относительно способов обеспечения православного духовенства Литовской епархии, последнее получило скорую и щедрую помощь, благодаря явившемуся в северо-западном крае для усмирения польского мятежа М. Н. Муравьеву. Последний, выходя из того соображения, что необходимость увеличения содержания сему духовенству составляла в ту пору один из самых важных вопросов, подлежавших разрешению, так как, без содействия православного духовенства,²⁷⁴ по его мнению, нельзя было надеяться на прочное водворение русской народности в крае, прежде всего исходатайствовал в 1863 году ежегодное пособие из государственного казначейства, в количестве 42 тыс. руб. серебром, духовенству епархии, преимущественно тем, кто пострадал во время мятежа. Из этих денег митрополит Иосиф оказал пособие 328 более нуждающимся духовным лицам, по рекомендации пр. викариев и кафедрального протоиерея. В первый раз пособие было назначено на Виленскую губернию 5400 руб., Ковенскую – 1495 руб. и Гродненскую – 16740 руб.

Между тем, в следующем, 1864 году состоялось Высочайшее повеление об ежегодном отпуске уже по 400 тыс. руб. на прибавку к жалованию духовенства северо-западного края, благодаря чему жалование его почти удвоилось, так как городской священник стал получать по 400 руб. в год, а сельский не менее 220 руб. В сем же году Виленское губернское особое присутствие об улучшении быта православного духовенства, на основании Высочайше утвержденного 14 апреля журнала присутствия по делам православного духовенства и согласно ходатайства священников, постановило

наделить каждой причт, не имеющий узаконенной пропорции земли, где только окажется возможным, 33–60 десятин, где же два клира вдвое, и, во избежание чересполосности, в одном обрубе. Правда, управляющий Виленскою палатою государственных имуществ не нашел возможным удовлетворить желание духовенства сей губернии о наделении его теми оброчными статьями, какие были указаны в ведомостях благочинных, сославшись на необходимость предварительно удовлетворить крестьян, вследствие жалоб их на недостаток земли против нормального надела, а также – надела землею 1300 безземельных бобылей, огородников и отставных солдат, но, в замен того, он указал на такого рода оброчные статьи, как мельницы, рыбные ловли, сады и прочее. И таковыми были наделены в непродолжительном времени многие причты в Литовской епархии, особенно в Ковенской губернии, где, при множестве конфискованных имений у помещиков и католического духовенства за принятие участия в мятеже, и, при малочисленности приходских церквей, это было особенно легко сделать.

Точно также были более или менее удовлетворительно разрешены и другие вопросы касательно обеспечения православного духовенства. Так, относительно отопления причтовых помещений Виленское губернское по улучшению быта православного духовенства присутствие в 1864 году вошло с ходатайством об отпуске нужного количества дров из казенных лесов для всех вообще причтов, без различия, находились ли они при церквях в казенных или частных имениях и, притом, с выдачею денег на отопление для причтов тех приходов, которые не могли быть почему-либо удовлетворены отпуском дров натурою.

Вследствие сего ходатайства, было положено отпускать дрова по Виленской губернии, священнику 6 кубических саженьей²⁷⁵ в год, диакону – 4 а дьячку, пономарю и просфорне по 3 сажени. Тоже присутствие в общем заседании с губернским по крестьянским делам присутствием в 1863 году определило устройство и починку церковных домов со службами для каждого члена причта и удовлетворение священников

обработочными деньгами, по назначению губернского комитета, если эта повинность не исполнялась натурою, возложить на волостные и сельские управления, наблюдение же за точным и успешным исполнением сей обязанности — на мировых посредников, при содействии земских исправников, а в смешанных приходах — требовать такового содействия от палаты государственных имуществ. В виду же того, что помещики, за освобождением крестьян, стали отказываться от отпуска причту из своих дач дров, это же присутствие положило, впредь, до получения разрешения о замене натуральной повинности денежною для причтов, просить уездных предводителей дворянства обязать помещиков продолжать отпуск дров для священно-церковно-служителей из своих дач. Но, так как трудно было ожидать, чтобы помещики добровольно согласились исполнять это определение комитета, то М. Н. Муравьев в 1864 году испросил разрешение Министерства Внутренних Дел, в случае уклонения помещиков от исполнения лежащих на них, на основании закона от 20 июля 1842 года повинностей в пользу православного духовенства, производить с них это взыскание в порядке, установленном для казенных взысканий. Правда, эти меры взыскания, за последовавшим, в непродолжительном времени, удалением Муравьева от должности генерал-губернатора, едва ли энергично приводились в исполнение, тем не менее, уже одно исходатайствование сей меры взыскания свидетельствует о том, что Муравьев, со своей стороны, сделал все, возможное к улучшению материального положения духовенства Литовской епархии, надеясь найти в нем надежного помощника в борьбе против врагов церкви и отчизны.

Управление краем Кауфмана и Баранова было очень непродолжительно, хотя они старались действовать в духе муравьевской политики в отношении к православному духовенству. При новом же генерал-губернаторе Потапове, в 1870 году 16 марта состоялось новое положение об обеспечении православного духовенства епархии, в силу которого крестьяне, освободившиеся от крепостной зависимости, были освобождены и от несения повинностей,

возложенных на них в пользу сего духовенства в 1842 году, кроме только отвода земли в натуре, а на вознаграждение духовенства с 1 января 1871 года был установлен ежегодный поземельный сбор для Виленской губернии в 54460 руб., Ковенской – 40460 руб., а Гродненской – 49160 руб. со взиманием его со всех тех земель, которые были уже обложены сбором на губернские земские повинности. Из поименованных сумм, впредь, до составления раскладок земских повинностей на будущее с 1872 года трехлетие, было назначено, соразмерно народонаселению разных христианских вероисповеданий, для православного духовенства шести губерний сего края 184 тыс. руб., а на духовные нужды других христианских исповеданий 125702 руб. Из сих сумм было положено отпускать 10 протоиереям Литовской епархии, занимавшим штатные места, по 600 руб., 29 священникам по 500 руб., 5 соборным диаконам по 300 руб., прочим 17 диаконам по 200 руб., 51 причетнику по 150 руб., 23 просфорням по 50 руб., в сельских церквях священникам по 400 руб., 47 диаконам по 120 руб., причетникам по 96 руб. и 253 просфорням по 24 руб.

Состоявшееся же в некоторых православных приходах в северо-западных губерниях соглашение между причтом и прихожанами относительно замены натуральных повинностей денежным платежом положено было впредь не считать обязательным для прихожан. Между тем, в видах улучшения материального положения духовенства, во всей России последовало сокращение штатов оногo, коснувшееся и Литовской епархии. По штату в 1875 году было положено оставить в Литовской епархии штатным протоиереям, соборным диаконам, так же священникам городских церквей производившиеся им оклады, с возвышением оклада насчет освобождающихся остатков от жалования, по случаю упразднения вакансий в сельских причтах епархии, сельским священникам по 408 руб., городским псаломщикам по 155 руб., а сельским по 122 руб. 40 коп. При этом епархиальному преосвященному было предоставлено право, на счет освобождающихся от закрытия вакансий в причтах, усиливать оклады жалования до одной трети части городских и сельских

священников тем из городских и сельских псаломщиков, которые в это звание поступили из окончивших курс семинарии. На обязательство же духовенства было возложено отчисление некоторого процента на образование особого фонда на исправление и возобновление церковных домов в селениях.

Однако, духовенство Литовской епархии на съездах 1871 года, несмотря на значительно увеличившееся жалование, признало для себя тягостным отчислять хотя какой-либо процент из оно́го для образования строительного капитала, ссылаясь на то, что, с отменой натуральных повинностей и с заменою их денежным вознаграждением, положение духовенства ухудшилось. Литовская же консистория, изложив свод мнений разных съездов по сему вопросу, предоставила разрешение его будущему епархиальному съезду. Когда же сей съезд в 1872 году согласился с мнениями благочиннических съездов, обер-прокурор св. Синода не мог не обратить внимания на этот отказ и посему, когда духовенство на одном из епархиальных съездов составило было предположение установить обязательный сбор в размере 2,5% с получаемого им содержания в пользу местного попечительства о бедных духовного звания, он, не без иронии, указал в своем ответе от 16 февраля 1873 года²⁷⁶ пр. Макарию на его вышеозначенное представление, что, если духовенство Литовской епархии, «при скудости средств содержания и при существующей в крае дороговизне», затрудняется личным пожертвованием на содержание 2-х духовных училищ и в то же время уклоняется от обязательного для него отчисления от получаемого содержания процента на составление ремонтно-строительного капитала, то установление нового, обязательного для него отчисления из получаемого содержания 2,5% в пользу местного попечительства о бедных духовного звания, может поставить это духовенство в еще большие затруднения. В виду сего, он отклонил это ходатайство епархиального съезда, впредь до того времени, когда определится окончательно размер обязательного для духовенства процента сбора с получаемого им содержания на составление ремонтно-строительного капитала и когда выяснится окончательно, какая,

действительно, сумма потребуется из местных средств на содержание двух духовных училищ, в дополнение к пособию, оказываемому св. Синодом, и достаточны ли имеющиеся местные средства для их удовлетворения.²⁷⁷ После сего духовенство на епархиальном съезде *volens-nolens*²⁷⁸ положило отчислять по 1% из получаемого жалования на образование ремонтного капитала, начав это отчисление с 1 января 1875 года.²⁷⁹

Впрочем, св. Синод определил сумму процента сбора на означенный предмет в размере 2% с окладов жалования сельского духовенства, как штатного, так и сверхштатного, за исключением только просфорней, положив начать это отчисление с 1 января 1876 года.

Между тем, для облегчения лиц, обязанных постройкой помещений для духовенства по Высочайше утвержденным 11 апреля 1872 года правилам, относившимся одинаково ко всем сельским приходам, в состав которых входили, как бывшие помещичьи и государственные крестьяне, так и бывшие военные поселяне, было положено устроить оные или починять только для штатных членов причта на усадебной земле каждой самостоятельной приходской церкви, с принятием во внимание местных условий и по соглашению с церковным причтом. В случае же отсутствия такового соглашения, мировой съезд сам должен был определять, какие должны быть сооружены здания, каких размеров и из какого материала. В инструкции для действия сих съездов, при приведении в исполнение правил относительно обеспечения помещениями сельских причтов, было, между прочим, сказано, что для приходского священника дом должен был состоять не менее, как из трех комнат с кухней, для псаломщиков – помещения должны были устраиваться такие, какие определены были по 42 пункту положения 20 июля 1842 года для диаконов, в виду того, что псаломщики могли быть возводимы в сан диаконов, оставаясь в то же время при своих должностях. Из хозяйственных служб при доме священника должны были состоять амбар, гумно, погреб и ледник, конюшня с сараем для экипажа, хлевы для скота и одна общая для всего причта баня; при домах псаломщиков – общий

с перегородками амбар, погреб или ледник, сарай, гумно и хлев для скота.

Что касается до выбора фасадов для жилых строений, расположения и самых материалов²⁸⁰ для постройки оных, то это было предоставлено взаимному соглашению священно-церковнослужителей с выборными от прихожан и владельцами имений или их представителями, присутствующими при составлении акта. После же отстройки причтовых помещений, мировой съезд обязан был осмотреть произведенные работы и, удостоверяя в их прочности и благовидности строений, передать оные в ведение причта и церковного старосты, в присутствии, между прочим, благочинного.

В видах того же облегчения по исполнению положения 20 июля 1842 года по устройству причтовых помещений, было допущено, вместо постройки новых домов и хозяйственных служб, приобретать, с согласия духовенства, покупкой, где представится возможность, существующие на церковной земле собственные постройки членов причта, по добровольному с ними относительно цены соглашению, или же обращать под помещение причта находящиеся в казенных имениях и при упраздненных римско-католических костелах свободные строения.

Вторую инстанцию по делу приведения в исполнение Высочайше утвержденных правил 1872 года относительно обеспечения духовенства помещениями и наделами земли составляло «губернское присутствие по обеспечению духовенства» отдельно и в соединении с губернским по крестьянским делам присутствием, причем единогласно постановленное определение соединенного присутствия не подлежало обжалованию ни со стороны владельцев имений, ни со стороны прихожан – крестьян-собственников, ни со стороны, наконец, церковных причтов, и губернское по обеспечению духовенства присутствие должно было делать немедленное распоряжение о приведении этого определения в исполнение. Ближайший же надзор за делами по обеспечению духовенства постройками и земельными наделами был возложен на генерал-губернатора, причем главное наблюдение за ходом и единством

направления сего дела принадлежало министру внутренних дел.²⁸¹

К сожалению, и новые правила относительно обеспечения духовенства постройками оказались недостаточно приложимыми к жизни на практике, так как применение их оказалось крайне отяготительным для землевладельцев, которые постоянно жаловались на тяжесть повинности – нести расходы по постройке причтовых помещений. В последнее же время, вследствие усиленной деятельности мировых съездов по осмотру причтовых помещений и составлению актов о том, жалобы эти стали так часты и, в некоторых случаях, так основательны, что нередко ставили администрацию в затруднение относительно соглашения интересов землевладельцев с требованиями закона. При обременительности для землевладельцев, правила 1872 года в то же время и не приводили к обеспечению причтовых помещениями, вследствие крайней медленности в поступлении следующих на сей предмет сумм и трудности их взыскания. Насколько неуспешно шло дело постройки причтовых помещений, видно из отчета пр. Александра о состоянии Литовской епархии за 1879 год, в котором он указывал на то, что с 1872 года было утверждено актов по сим делам 95; оставалось же не составленных 207.

Но, не без вины, было и само духовенство Литовской епархии в деле обеспечения его помещениями. Прежде всего, оно нередко само затягивало дела о постройке известных причтовых помещений, как это видно из жалобы в 1879 году Волковысского и Гродненского съезда мировых посредников на то, что составление проекта относительно обеспечения землею и помещениями причта Песковской церкви было приостановлено, за не явкою, по вызову, на съезд, как благочинного, так и местного священника, причем этими съездами замечалось, что повторяющиеся неоднократно подобные не явки означенных лиц лишали съезд возможности успешно вести дела по обеспечению духовенства. И Литовское епархиальное начальство нашло эту жалобу справедливою и предписало, чтобы благочинные и священники в этих случаях

немедленно являлись на вызов. Но особенно заслуживала осуждения небрежность духовенства относительно поддержки причтовых зданий. Несмотря на то, что еще положением 20 июля 1842 года на духовенство возлагалась обязанность производить незначительные починки в причтовых зданиях немедленно и на свой счет, духовенство не исполняло сего. Преосвященные викарии Литовской епархии Евгений и Владимир, при обзрении церквей в 1876 году, нашли, что причтовые помещения нисколько не поддерживаются, и живущие в них не считают своею обязанностью поддерживать их, а стараются из них, как и из земель, извлечь что-либо «в свою исключительно личную пользу». И, по общему убеждению, всех священников осмотренных уездов, никто из них не был обязан тратить свои деньги на починку чужого дома, а потому-де причтовые постройки должны быть воздвигаемы и поддерживаемы прихожанами и правительством. Мало того, недобросовестность некоторых членов причта, даже по заявлению одного из депутатов 5-го епархиального съезда, доходила до такой степени, что они допускали себе, при перемещениях из одного прихода в другой, умышленные повреждения причтовых зданий, разрушение оград, порубку вековых фруктовых деревьев, что, кроме постановки преемников в затруднительное положение по восстановлению разрушенного, производило крайне невыгодное впечатление и на прихожан, которым казалось странным видеть в состоянии разрушения то, что незадолго пред сим имело вид приличия, порядка и благоустройства. А еще более таковое поведение членов причта возмущало прихожан, когда разрушением затрагивались прямые интересы прихожан, участвовавших в сих постройках, или же, когда оно проявлялось в форме истребления вековых фруктовых деревьев, возвращенных и унаследованных от далеких предшественников.

Так как этот порядок, или вернее, беспорядок вещей вызывал официальные жалобы начальству и на нем останавливали внимание некоторые благочиннические съезды, хотя и не могшие прекратить злоупотреблений, то епархиальный съезд обратился к пр. Макарию с просьбою поручить

консistorии составить точные правила для описи причтовых имуществ и указать меры к устранению сих явлений.²⁸² Между тем, и Министерство Внутренних Дел возбудило переписку относительно принятия со стороны епархиального начальства надлежащих мер относительно обеспечения на будущее время исправного содержания сооруженных и возобновленных церковных зданий, переданных, после постройки, в епархиальное ведомство. На сей раз Литовская духовная консистория ограничилась одним только напоминанием духовенству, чтобы оно постоянно и тщательно осматривало церковные здания, в холодное время там, где устроено отопление, аккуратно отапливало, а в теплое – проветривало, по возможности, чаще, и немедленно исправляло местными средствами каждое повреждение, которое обнаружится в постройке, прежде, чем оно примет значительные размеры, а также деятельными мерами предупреждало повреждения, происходящие от влияния погоды, возобновляло масляную краску стен и внутреннюю побелку, по крайней мере, через 3–4 года и, наконец, всеми мерами обеспечивало приходские здания от пожаров, и, если возможно, страховало их, хотя бы не в полной стоимости.

Но в 1878 году, приняв во внимание, как указанное выше замечание преосвященных викариев, так и заявление некоторых депутатов 5-го епархиального съезда относительно злоупотреблений, допускаемых по отношению к причтовым постройкам некоторыми членами причтов, особенно при перемещениях с одного прихода на другой, причем замечались еще случаи посягательств прихожан на движимую и недвижимую собственность священно церковнослужителей, консистория от 5 марта предписала причтам всех церквей Литовской епархии составить подробные описи всем причтовым строениям, с показанием их размеров, годности материалов, из которых они построены, и приблизительной их стоимости, и таковые описи, подписанные членами причтов, церковными старостами, членами приходских попечительств, после проверки их благочинным, хранить, за его подписью, при церквях, причем в эти описи имели быть включены и сады, с обозначением

количества фруктовых и не фруктовых деревьев, а также пруды, с определением их обширности, и колодези. По сим описям вновь определяющийся на приход член причта должен был принимать строения, а выбывающий – сдавать их, кому следовало. Принявшие же в свое ведение причтовые постройки обязывались иметь заботливость о поддержании их в том, по крайней мере, виде, в каком приняли их в свое ведение, и производить на свой счет незначительные починки, а к более значительным – привлекать прихожан и, в крайних случаях, там, где имелись достаточные церковные суммы и где все нужды церквей были удовлетворены, испрашивать разрешение употребить на какую-либо необходимую капитальную починку нужное количество денег из церковных сумм или у епархиального начальства через благочинного, или же у сего последнего, смотря по количеству нужной на исправление суммы денег. После того, такого рода поделки и улучшения, произведенные в причтовых домах членами причтов, как-то: устроенные ограды, вновь посаженные в садах или выращенные ими на других местах, на церковной земле, фруктовые и простые деревья и ягодные кустарники должны были считаться собственностью церковного фондуша и не могли быть забираемы или продаваемы другим. Вместе с тем на обязанность благочинных было возложено, каждый раз, при посещении церкви, обращать внимание и на содержание членами причтов причтовых строений в должном порядке и об оказавшемся прописывать в своих полугодичных рапортах. Но, так как духовенство мало исполняло это предписание епархиального начальства, то последнее, в дополнение к приведенному указу 1878 года об охранении причтовых имуществ, в 1883 году сделало новое распоряжение, а именно: 1) чтобы, при каждой перемене в составе членов причта, благочинный или его помощник осматривал строения иди усадьбу члена причта, выбывающего или уже выбывшего из оногo, например, за смертью, и, до прибытия его преемника, передавал эти строения с усадьбою, по описи, под присмотр остальных членов причта и церковного старосты и, в случае каких-либо повреждений в строениях, или опустошения в

усадьбе, происшедших по вине выбывшего члена причта, заставлял виновного исправить это повреждение. Кроме того, консистория выразила требование, чтобы члены причтов, ищущие перемещения, при прошениях своих о переводе на другой приход доставляли от местного благочинного удостоверение в том, что они на занимаемых ими до подачи прошения, местах были домостроительны, сделали известные улучшения по церкви и вообще по приходу и что они, по крайней мере, никаких разорений в строениях и опустошений в усадьбах не произвели до перехода на другое место и не произведут (?!).

Конечно, это предписание консистории не могло иметь каких-либо благоприятных результатов для дела, по своей неприложимости к жизни, так как сопряжено было с продолжительной и сложной процедурой поездки каждый раз благочинного для местного осмотра и с выдачей нужного доказательства, тогда как лучшие места в епархии, обыкновенно, скоро замещались епархиальными преосвященными. И консистория, подтверждая в 1889 году это свое распоряжение, тем самым доказала, что оное доселе мало, или даже и совсем, не пополнялось духовенством.²⁸³ Еще менее можно было ожидать заботливости духовенства о поддержке тех зданий, которые находились на принадлежащих ему фермах. Это видно из предписания самой консистории, состоявшегося в 1882 году, по поводу ходатайства одного из священников епархии о возмещении его издержек на починку и устройство зданий в принадлежащих причту фермах, в котором она указала на то, что из дел, производящихся в оной, усматривалось стремление причтов к одному лишь извлечению доходов из наделенных им ферм и редкое рачение об улучшении оных. Вследствие сего, она предписала всем причтам, владеющим фермами, кроме составления им подробных описей, чтобы они, на счет ферменных же доходов, как для собственной пользы, так и их преемников, не только поддерживали имеющиеся на фермах здания, но и строили, в случае нужды, новые, отчисляя для того ежегодно часть доходов от фермы не менее 10% и сохраняя их вместе с

церковными суммами и записывая по книге в число причтовых капиталов, под наименованием причтового строительного капитала.

В связи с вопросом о причтовых помещениях по Литовской епархии, неоднократно возникал вопрос о страховании их, как об одном из главнейших средств для сохранения их в целости. Авторитетное разрешение этот вопрос получил лишь в 1886 году, когда св. Синод, по поводу истребления пожаром строений причта Тростяницкой церкви, отстроенных, по правилам 11 апреля 1872 года, и сданных в духовное ведомство, и просьбы Виленского генерал-губернатора относительно разъяснения ему Министерством Внутренних Дел, на какой счет должны быть возобновлены сгоревшие строения, дал знать Литовскому епархиальному начальству, что сельские приходские церкви и церковные строения не могут быть привлекаемы к обязательному страхованию, хотя к добровольному страхованию тех церквей и зданий, по желанию церковных причтов и прихожан, не встретил препятствий, относя страховые расходы в сих случаях, смотря по местным условиям, или на счет церковных кошелековых сумм, или на счет добровольных на этот предмет приношений, или же, наконец, на другие средства, по усмотрению епархиального начальства.

Окончательное свое разрешение вопрос относительно обеспечения причтов помещениями получил 14 июня 1888 года, когда правительство, приняв во внимание жалобы со стороны как землевладельцев, так и самого духовенства, на закон 1872 года от 11 апреля, заменило существовавшую дотоле в 9 губерниях западного края повинность по устройству причтовых помещений в сельских приходах временным поземельным сбором, передав все дело по устройству оных в исключительное и непосредственное ведение духовного начальства и с предоставлением в его распоряжение установленного на этот предмет со всего населения западного края с 1 января 1889 года временного поземельного сбора. Вся сумма сего сбора исчислена была на основании данных, собранных на месте мировыми съездами и, затем, проверенных соединенными губернскими по обеспечению духовенства и по крестьянским

делам присутствиями, губернаторами, генерал-губернаторами и Министерством Внутренних Дел. Исчисленная таким путем сумма поземельного сбора была распределена по губерниям, входящим в состав Литовской епархии, так: по Виленской – 420 тыс. руб., Ковенской 50 тыс руб. и Гродненской – 820 тыс. руб. Самое взимание этой суммы сбора, в видах облегчения плательщиков, было разложено по Ковенской губернии на два года, а по остальным на 20 лет.²⁸⁴ Таким образом, с 1889 года успех устройства причтовых помещений в западном крае будет всего более зависеть от доброй воли и распорядительности, как самого духовенства, так и особенно епархиальных начальств.²⁸⁵

Другим пунктом Высочайше утвержденного 11 апреля 1872 года положения относительно обеспечения духовенства православного в западных губерниях указывалось на обязательность наделения оною во всех сельских приходах, в состав которых входили, как бывшие помещичьи, так и государственные крестьяне и бывшие военные поселяне, землею в том количестве, какое недоставало до 33 десятин на каждый наличный причт. В приходах же, состоявших исключительно, или частью, из бывших государственных крестьян или военных поселян, надел земли из свободных казенных земель, проводящийся чинами Министерства Финансов, независимо от 33 десятин на каждый причт, мог быть увеличен, где для сего оказывались свободные казенные земли, а равно и передача в постоянное пользование причтам, без права отчуждения и обременения долгами и иными обязательствами, казенных оброчных статей (мельниц, рыбных ловлей и прочих) в тех местностях, где, по незначительности этих статей и по другим условиям, таковая передача была бы признана Министерством Государственных Имуществ возможною. И духовенство Литовской епархии широко воспользовалось этим законом и, кроме нормального надела земли, получило по многим местам, особенно в Ковенской губернии, и значительную прибавку земельного надела и разного рода арендные статьи.²⁸⁶

Не так благоприятно поставлено было дело относительно обеспечения православного духовенства отпуском дров на

отопление из казенных дач. Так как в 1881 году Министерство Государственных Имуществ на ходатайство архиепископа Александра о безденежном отпуске леса духовенству Литовской епархии на домашние потребности, производившемся раньше наравне с казенными крестьянами западных губерний, ответило отказом, в виду отсутствия окончательного разрешения сего вопроса законодательным путем. Как бы в дополнение к сему ответу, в 1888 году обер-прокурор св. Синода сообщил Литовскому епархиальному начальству, что причты не могут рассчитывать на получение леса из казенных дач, как на общее правило, а потому должны входить с ходатайством о том лишь в особо уважительных случаях и при том настолько заблаговременно, чтобы, в случае отказа в получении леса, можно было бы духовенству изыскивать другой путь для удовлетворения своих потребностей.²⁸⁷

Впрочем, само духовенство, как оказывается, далеко не всегда было право в своих жалобах на неполучение дров на отопление и леса – на поддержку причтовых строений. Так, из переписки, возникшей в 1878 году между Виленской палатой государственных имуществ и Литовской духовной консисторией, видно, что церковные причты Виленской губернии часто входили с прошениями о выдаче им назначенных, по положению, дров за истекший год и при том, по большей части, в такое время, когда вырубка и вывозка леса была сопряжена с неудобствами для самих получателей и вместе с затруднением для контроля за правильностью заготовки леса и самого свидетельствования вырубленного материала. Мало того, духовенство нередко допускало большие злоупотребления относительно пользования лесом, из принадлежащих ему дач. Это видно из того, что в 1882 году Литовское епархиальное начальство, по поводу допущенной одним причтом сплошной вырубки леса отчасти на хозяйственные надобности, а отчасти на продажу, и совершенного таким образом уничтожения церковного леса на пространстве свыше 20 десятин, без разрешения и ведома начальства, и имея в виду другие дела подобного же рода, предписало духовенству, чтобы оно крайне оберегало церковные леса и чтобы рубка старого дровяного

леса на отопление причтовых домов производилась ими не иначе, как с ведома местного благочинного, а вырубка корней строевого леса на хозяйственные надобности и сплошная вырубка молодого леса и кустарников для очистки под пахатное поле или сенокос, допускалась не иначе, как с разрешения епархиального начальства, и чтобы местные благочинные тщательно наблюдали за охранением причтами церковных лесов и, при обычном осмотре церквей и причтовых строений, осматривали и церковные леса.²⁸⁸

Но это предписание консистории, как и другие, мало имело успеха и, главным образом, потому, что она не всегда одинаково строго относилась к злоупотреблениям причтов, как, например, это видно из того, что Литовская консистория, по поводу самовольной порубки в 1887 году священником В. церковного леса, ограничилась было одним переводом его к другому приходу. И только пр. Алексей усилил это наказание, приказав, чтобы о причинах перемещения сего священника к другому приходу было показываемо в клировых ведомостях. В другом случае, консистория, вместо заботы об охране церковного леса, даже сделала было постановление о предоставлении причту С. церкви права продать 30 десятин лесу с тем, чтобы половину вырученного капитала обратить на ремонт причтовых строений, а другую половину – в процентные бумаги в пользу причта. Но пр. Алексей и на этот раз не согласился утвердить это определение консистории, указав на то, что правительство предоставило леса причтам не для сплошного единовременного уничтожения их и выручки денег, а для бережного пользования ими на необходимые нужды причта по отоплению и ремонту причтовых помещений, и что оно в настоящее время само озабочено изысканием мер к сбережению лесов.²⁸⁹

О величине окладов жалования духовенству Литовской епархии, по новому положению 1875 года, мы уже говорили. Следует теперь только упомянуть о том, что с 1873 года получка сего жалования, производившаяся прежде из уездных казначейств по полугодиям, согласно ходатайству пр. Макария пред министром финансов, стала ежемесячною.

В числе других мер обеспечения православного духовенства в семидесятых годах было, как известно, сокращение числа приходов через приписывание одного к другому и сокращение самого состава членов причта.

Число приходских церквей в Литовской епархии и всегда было не велико. Так, в 1843 году на 649675 душ сих церквей было 455. Виновником такой малочисленности приходских церквей был отчасти сам митрополит Иосиф, который, при подготовке воссоединения униатов, желая устранить неблагонадежных священников от занимаемых ими мест, воспользовавшись Высочайшим соизволением, из 800 приходских церквей закрыл более 130, приписав их к соседним приходам. По словам самого пр. Иосифа, через это закрытие церквей приходских он предоставил достойным священникам и более деятельности и более выгод. Но, с другой стороны, очевидно, что интересы прихожан вовсе не были приняты во внимание, при сокращении приходов. Впоследствии, митрополит Иосиф, конечно, сам сознал свою ошибку и потому сделался противником нового проекта о сокращении числа приходов, как это видно из того, что он в 1857 году решительно отклонил проектированное в Санкт-Петербурге увеличение приходов в Литовской епархии посредством закрытия и присоединения к ним других малолюдных, справедливо указав на то, что на 700 тыс. православного народонаселения, разбросанного по трем губерниям, в которых 2/3 населения составляли католики, число церквей а именно 459, было очень незначительно, и потому, с уменьшением еще более числа оных, прихожанам было бы трудно посещать отдаленные церкви. Это же обстоятельство, конечно, послужило бы поводом к соблазну и искушению православных прихожан со стороны окружавших их иноверцев.²⁹⁰

И пока митрополит Иосиф был жив, Литовская епархия не видела сокращения числа приходских церквей.

Высочайше утвержденное мнение присутствии по обеспечению православного духовенства от 16 апреля 1869 года относительно соединения малолюдных приходов и приписки церквей одних к другим стало проводиться в сей

епархии окончательно в действие только с 1876 года, когда Литовской консисторией был указан и сам порядок перечисления прихожан, согласно расписанию приходов, от одного прихода к другому, причем, для вразумления недовольных прихожан, рекомендовалось священникам обращаться в нужных случаях к мировым посредникам за их содействием к приведению в исполнение нового расписания приходов.²⁹¹

По новому расписанию приходов, было закрыто приходских церквей 7, и упразднено 7 диаконских мест и 37 псаломщических, причем открылись и новые приходы в числе 6, за отчислением от других. По новому же расписанию, было положено по Виленской губернии – в городах 2 протоиерея, 11 настоятелей с помощниками, два диакона и 17 псаломщиков; в селах – 157 священников и 168 псаломщиков; по Гродненской губернии – в городах 7 протоиереев, 18 священников, 7 диаконов и 29 псаломщиков; в селах – 337 священников и 364 псаломщика; по Ковенской губернии – в городах 2 протоиерея, 8 священников, 2 диакона и 17 псаломщиков, а в селах – 18 священников и столько же псаломщиков. За тем, Литовское епархиальное начальство распределило по всей епархии, где и кого считать настоятелем и кото помощником, а священников, оказавшихся за штатом, по случаю закрытия приходов, разместило по другим местам. Не имея же достаточных сведений для определения местожительства священникам и псаломщикам и для распределения между ними приходского населения в тех приходах, где было более одной церкви, а также для распределения между ними и церковных угодий, консистория предписала благочинническим советам, в возможной скорости, войти с настоятелями таковых приходов в рассмотрение и по каждой церкви особыми актами определить местожительство священников и псаломщиков, а также указать, где и в каком количестве каждому из членов причта выделен, или же имеет быть выделен земельный надел, где его нет, а там, где назначен настоятель и его помощник и где имеется более одной церкви, какое число приходского населения и в каких деревнях вверяется особому попечению настоятеля и

отдельно особому попечению его помощника. Всем излишним псаломщикам было предоставлено право, в течение 2-х месяцев, со дня пропечатания сего определения, просить о переводе на другие вакантные места.

Между тем, сокращение приходов по Литовской епархии и перечисление прихожан от одной церкви к другой, совершавшееся, по местам, далеко не беспристрастно и с явным радением духовенства о своих материальных интересах, а не о духовных нуждах паствы, вызывало немало жалоб и со стороны гражданской власти и самих прихожан на неосновательные и несправедливые действия духовенства и особенно благочинных в отношении распределения прихожан по приходам и приписки одних церквей к другим. Так, уже в 1870 году, следовательно, еще до окончательного приведения в исполнение проекта сокращения приходских церквей, Гродненский губернатор, князь Крапоткин, от имени губернского по делам православного духовенства присутствия вынужден был обратиться к местным благочинным с предложением,²⁹² в котором указывал на то, что пр. Игнатий, рассмотрев доставленные в губернское особое присутствие об улучшении быта православного духовенства расписания приходских церквей, причтов при них и прихожан, нашел их составленными не только не по форме, на сей предмет установленной, но и с неполными сведениями, нужными для составления общей по губернии ведомости, а посему просил губернское присутствие потребовать циркулярно от благочинных доставления новых расписаний, составленных на месте и после надлежащих соображений с соседними благочинными, местным причтом и почетнейшими прихожанами относительно возможности и удобства приписания к самостоятельным приходам предполагаемых к присоединению некоторых церквей, равно как и отдельных деревень, присоединяемых к ближайшим самостоятельным приходам. Вообще, по справедливому мнению князя Крапоткина, прибегать к сокращению приходских церквей следовало не иначе, как по предварительном ближайшем соображении местных условий касательно количества народонаселения каждого прихода, числа

приходских деревень, расстояния их от своей церкви, удобства в сообщении с нею, вместительности храма, к которому предположено будет приписать прихожан другой церкви, и религиозно-нравственного состояния прихода. В доказательство справедливости своего мнения Крапоткин ссылался на то, что Высочайше утвержденное 16 апреля 1869 года постановление присутствия по делам православного духовенства не только не представляло основания к тому, чтобы приступить к упразднению приходов, хотя бы и малолюдных, но, по местным условиям, необходимых, а напротив, предписывало принимать во внимание, кроме других местных обстоятельств, и самое усердие прихожан к своей церкви. С одинаковою справедливостью находил означенный губернатор также необходимым, чтобы, при составлении расписания самостоятельных приходов, обращалось внимание на расстояние деревень, принадлежащих к приходу.

К сожалению, при составлении расписания приходов, на эти указания князя Крапоткина не было обращено должного внимания, и потому по многим местам раздался ропот прихожан на закрытие их церквей, или перечисление деревень из одного прихода к другому.²⁹³ Это засвидетельствовал, между прочим, пр. Ианнуарий в своем отчете по ревизии церквей некоторых уездов Гродненской губернии в 1878 году, где он писал, что совесть многих прихожан во многих местах возмущена перечислением их от одной церкви к другой, или обращением их церкви из самостоятельной в приписную, или же совсем закрытием оной. И пр. Ианнуарий «во имя веры и христианской совести» счел долгом просить пр. Макария, чтобы Литовская духовная консистория не оставляла без надлежащего расследования прошений крестьян по сему предмету и не стеснялась тем, что перечисление тех или других деревень уже утверждено высшею властью. В доказательство того, какие неправильности допускались духовенством при сем, преосвященный указывал на то, что многие деревни были перечислены:

1) без надлежащего законного согласия прихожан и без отношения к их религиозному состоянию;

2) без точного показания расстояний, или же, хотя и с точным показанием оных, но с опущением из виду тех препятствий, в силу которых расстояния удваиваются, или даже утраиваются и, наконец,

3) с затаенною мыслью заинтересованных лиц относительно материальных выгод.

Что же касается до церквей, обращенных из самостоятельных в приписные, или наоборот, то, по мнению пр. Ианнуария, здесь господствовало полнейшее недоразумение со стороны прихожан и со стороны священников, из коих последние, хотя некоторые церкви были приписаны, просто игнорировали их, почитая как бы несуществующими или закрытыми. В доказательство сего, он указывал на священника м. Дивина, который в своем отчете говорил только об одной церкви, хотя их почти рядом стояли две и притом обе прочные, починяемые и отчасти благо-украшенные прихожанами, и на священника Доропиевичской церкви (он же и благочинный), который также ничего не говорил о церкви в селе Новоселках, хотя прихожане готовы были устроить новую, вместо прежней ветхой, лишь бы она была самостоятельною и при ней был особый причт. Прихожане же, перечисленные к другой церкви, отказывались не только от участия в починке её, но и от посещения оной, говоря, что у них есть своя церковь и они ее готовы поддерживать. И пр. Ианнуарий справедливо замечал по сему поводу, что дела подобного рода следует вести с большею осмотрительностью и уважением к слабой совести добрых и религиозных прихожан.

К сожалению, консистория отнеслась к сему заявлению пр. викария с чисто формальной стороны, постановив это мнение пр. Ианнуария передать во второй стол консистории для сведения, так как-де *«обо всех сих делах известно уже епархиальному начальству из жалоб»*.

Далеко не с одной формальной стороны относился к делу сокращения приходов и перечисления деревень из одного прихода к другому в Литовской епархии архиепископ Алексей, который, по поводу отказа в просьбе прихожан деревень Ц. и К. о перечислении их из Наройского прихода к Семятическому, к

которому они принадлежали до 1875 года, в своей совершенно основательной резолюции, по поводу прошения сих прихожан, указал на то, что в Литовской епархии, при положенном для обеспечения причтов жаловании, в довольно значительном размере и в равном количестве на каждый приход сельский, не взирая на численность прихода, не существует главной причины, для которой предпринято уравнивание приходов, именно: причины равномерного обеспечения причтов, и оставалась только причина – арифметическое уравнивание, при достижении которого, однако, оставались без внимания весьма важные причины исторические и нравственно-религиозные и даже действовало с великим в сем отношении вредом. Посему, вопреки мнению консистории, владыка, приняв во внимание еще и то, что настоятельный, многократный, в течение многих лет повторенный и даже до верховной власти доведенный вопль прихожан деревень Ц. и К. показывает всю силу и крайность их желания молиться в той церкви, при которой погребены их отцы и праотцы, и что, за продолжительным оставлением без внимания вопля сих прихожан, было не малое опасение, как бы не ослабело и не извратилось их религиозное чувство, положил ходатайствовать пред св. Синодом об удовлетворении желания означенных прихожан.

Само сокращение членов причта, особенно священников, в некоторых бывших раньше двух-штатных и более приходах, сделанное также ради материальных выгод духовенства Литовской епархии, в свою очередь, не могло не отразиться неблагоприятно на интересах церкви православной. В доказательство сего можно указать на сообщение²⁹⁴ одного лица, близко знавшего положение дела в крае, относительно крайне недостаточного числа священников в Гродненской губернии и происходивший от того вред. Так, например, в местечке Деречине, Слонимского уезда, при 7926 душ обоего пола было только 2 священника, в Дмитровицком, раскинувшемся на два уезда Брестский и Пружанский, на 4745 душ один священник.²⁹⁵ Конечно, вследствие такого большего числа прихожан и при других обязательных занятиях

священника, кроме прихода, как-то: законоучительстве, ведении церковного хозяйства и прочем, являлась неизбежно небрежность в отправлении треб и незнание пастырем своих овец.

Не мог не обратить и на это печальное явление своего внимания благопечительный архипастырь Алексей и, по его представлению, с 1885 года постепенно стали открываться закрытые и приписанные к другим приходы и церкви и увеличиваться штаты наличных членов причта в многолюдных приходах, хотя, конечно, трудно было поправить в короткое время все то зло, которое принесло за собою сокращение приходов и штатов причтов и перечисление прихожан из одного прихода к другому, и которое выразилось в отчуждении народа от своих пастырей и самой церкви.

Последним, хотя и не везде одинаково обильным, источником содержания духовенства и после введения нового положения служили доходы, получаемые с прихожан за требоисправления и разного рода вещественные приношения. Несмотря на то, что в 1867 году св. Синодом было предписано духовенству не требовать денег с прихожан за важнейшие требы, из дел, производившихся в консистории, по неудовольствию прихожан на священников, да и по другим сведениям, знаем, что в большей части приходов существовала такса за разного рода, требы и не в одинаковом размере, причем, как мы указывали в своем месте, это обстоятельство не мало способствовало к установлению, по местам, между духовенством и прихожанами недобрых отношений.²⁹⁶ Да и самые приношения, называвшиеся на официальном языке «добровольными», не всегда были таковыми в действительности. Пр. Евгений в одном из своих отчетов прямо указывал на то, что посещение «матушками» прихожан великим постом за сбором молочных и других продуктов производило на последних далеко неблагоприятное впечатление.²⁹⁷

Что касается до самого раздела земли и доходов между членами причтов, то он составлял самое больное место во взаимных отношениях между членами причтов, так как низшие члены причта являлись в этом случае страдательною стороною.

Вопрос о разделе земли и доходов поднялся в Литовской епархии в 1869 года, вследствие неоднократных жалоб архиепископу Макарию от псаломщиков на неправильное разделение между членами причтов, как земли, так и доходов, практиковавшееся при митрополите Иосифе. Эта жалоба вынудила пр. Макария предложить консистории немедленно составить подробные правила о справедливейшем распределении, как земли, так и доходов между членами причтов всей епархии, особенно, в виду того, что отселе причетниками или псаломщиками приходских церквей имели быть, согласно новому положению, окончившие полный курс семинарского учения.

Консистория, рассмотрев жалобы причетников одного только Сокольского благочиния, на обделение их землею и доходами, нашла, что в актах, составленных в 1846 году о распределении церковных земель по сему благочинию, была допущена такая неправильность в определении величины участков, назначенных в надел, что не было никакой возможности определить, каким именно количеством земли жалующиеся церковнослужители владеют, или сколько требуется добавить оной для удовлетворения их, по правилам, на сей предмет изданным. Между тем, из других местностей епархии также поступили заявления церковнослужителей, жаловавшихся то на недостаток земли, следуемой им, по положению, то на недоброкачественность её, или же на отдаленность от их жительства.

Все это достаточно ясно свидетельствовало о том произволе, какой был допущен священниками и благочинными при митрополите Иосифе в отношении раздела земли и доходов, и насколько последние не оправдали того высокого мнения, какое имел сей архипастырь о воссоединенном духовенстве своей епархии. В виду такого положения дела, консистория нашла необходимым сделать точно и геометрически верное определение величины участков земли младшего причта и относительно уравнивать их с участками священников по качеству и удобству обработки. Эта необходимость вызывалась, по мнению консистории, как

положением Высочайше утвержденного 16 апреля 1869 года журнала присутствия по делам православного духовенства, вследствие которого определение на диаконские места и причетнические, где есть уже один причетник, было приостановлено, и вакантные участки земли потому остались в неопределенном положении, так и тем обстоятельством, что к некоторым церквам были уже определены псаломщики из окончивших курс семинарского образования и в пользование которых, однако, поступили только дьячковские участки, весьма незначительные для доставления им средств к такому содержанию, на каковое они имели право по своему образованию и по значению труда в исполнении возложенных на них обязанностей. Сама поверка земли, которою владели члены причтов, была возложена консисторией на комиссию в каждом благочинии, состоявшую из помощника благочинного, депутата и одного из ближайших соседей-священников, причем составленный комиссией акт, за подпиской всех членов оной и также членов местного причта, должен был доставляться местному благочинному для рассмотрения и подписи о согласии. Составленные же консисторией правила относительно раздела земли между членами причтов по разным приходам были утверждены архиепископом Макарием 9 октября 1869 года, согласно с изменениями и разъяснениями, сделанными пр. Иосифом, епископом Ковенским.

Между тем, священники епархии, привыкшие к бесконтрольному разделу земли и доходов с причетниками, конечно, остались недовольны новыми правилами, находя, с одной стороны, что, вместо прекращения раздоров и неудовольствий в духовенстве, они еще в большей степени возбуждают оные, и с другой, что они, будучи чрезвычайно тягостны для священников, поведут-де к разорению их хозяйства и представят много трудностей, неодолимых при выполнении. Посему на епархиальном съезде, состоявшемся в феврале 1870 года, депутаты оного просили пр. Макария приостановить исполнение указа консистории, дабы на благочиннических съездах проектировать раздел земли, равно справедливый и безобидный, как для священников, так и

псаломщиков. К сожалению, пр. Макарий, хотя и нашел постановление о сем съезда ни на чем не основанным, тогда как распоряжение епархиального начальства было вызвано «многочисленными вопиющими жалобами причетников епархии на свою горькую долю и тем соображением, что отныне псаломщиками имеют быть окончившие полный курс семинарского учения, которые уже не могут довольствоваться тем скудным наделом земли, каким доныне пользовались бывшие причетники», однако, согласился с желанием съезда приостановить исполнение указа с тем, впрочем, условием, чтобы духовенство епархии на первом же благочинническом съезде в том же 1870 года занялось решением итого вопроса и составлением такого проекта раздела земли между членами причтов, при участии псаломщиков, чтобы он был безобиден для последних. Как и следовало ожидать, на благочиннических съездах вопрос этот был разрешен далеко не везде одинаково.

Впрочем, состоявшееся определение св. Синода относительно порядка раздела земли и доходов между членами различного состава причтов дало возможность Литовскому епархиальному начальству устранить само духовенство епархии от разрешения животрепещущего вопроса, предписав ему руководствоваться и в этом случае определением высшего духовного начальства, хотя, и после сего, взаимные неудовольствия членов причта из-за раздела земли и доходов далеко не везде прекратились. Это засвидетельствовал в 1873 году пр. Иосиф, епископ Ковенский, который, после обозрения церквей некоторых уездов Виленской губернии, писал, что материальное положение духовенства было удовлетворительно, но пользование землею, где более 33 десятин, неравномерно между членами причтов, почему некоторые псаломщики жаловались, что священники им не выдают большей части земли, а последние, в свое оправдание, ссылались на неполучение официального распоряжения.

Относительно же раздела доходов он заметил, что, несмотря на неоднократные предписания епархиального начальства, только в некоторых приходах заведены были записные тетради для причтовых доходов, вследствие чего

было затруднительно разобрать жалобы псаломщиков на неправильный раздел оных. Насколько некоторые священники ухищрялись пользоваться только сами доходами от требоисправлений, видно из того, что они, например, договаривали прихожан за служение для них заупокойной литургии отрабатывать несколько дней на своих полях, причем псаломщики, конечно, оставались без всякого вознаграждения. Происходили споры и из-за раздела вещественных приношений, как-то: шерсти, льна, пеньки, подножек при браках, кои обыкновенно отдавались псаломщикам. «Но, вот, замечал пр. Иосиф, у брачующихся, побогаче лиц, под ноги был положен коврик аршина в 1,5 или 2, ценностью в 3 рубля, и священник берет его себе. Другой священник на жалобу, что и он не дает подножек младшему причту, оправдывался тем, что он отдает их в церковь старосте, хотя это и нельзя было доказать по книге приходов».

Полнейшее пренебрежение священников к распоряжению епархиального начальства относительно заведения записей причтовых доходов подало пр. Иосифу справедливый повод заметить, что только тогда, когда для чести самого священства заведутся тетради для записи причтовых доходов, и когда священники будут штрафуются за ослушание, оные будут распределяться законным образом. Справедливость сего мнения пр. Иосифа вполне оправдалась, так как ревизия церковью Бельского и Брестского уездов, сделанная в 1886 году пр. Анастасием обнаружила отсутствие во многих церквях записи причтовых доходов, что, конечно, служило причиною разных недоумений и споров членов причта. Однако, хотя консистория и сделала обязательное предписание всем причтам немедленно завести записные книги, а благочинным наблюдать за правильностью раздела доходов, тем не менее, ревизиями церковью, даже в последние годы, обнаружено, что в значительном большинстве причтов не было записи братских доходов, а если где эти записи и существовали, то было видимо, что большинство священников избегало подробной записи сих доходов.

В виду же возникавших между членами двухклирных причтов недоразумений относительно наименования одних священников настоятелями, а других помощниками их, а также раздела между ними средств содержания, Литовское епархиальное начальство совершенно правильно разрешило эти недоразумения в 1887 году, объявив духовенству, что в двухклирных приходах главное, заведывание и управление делами церкви и прихода должно принадлежать первому священнику, в разделе же доходов – оба священника равноправны.

Между тем, из дела, возбужденного в 1887 году о претензиях одного псаломщика к священнику на счет раздела причтовых доходов, было видно, что, как священник, так и благочиннический совет, в обиду псаломщиков, отрицали правильность претензии их на получение части причтовой аннуаты, ссылаясь на документы, установившие аннуату деньгами или натурою только одному священнику, без участия младшего причта. И в сем случае Литовское епархиальное начальство справедливо не согласилось с этим мнением, находя, что такой взгляд мог быть применим только к тому времени, когда была сделана аннуатная запись, и когда правоспособным лицом в причте признавался только священник, а младший причт не имел никаких почти прав, служа по найму и находясь в полной зависимости от священника, точно батрак его, между тем как со времени воссоединения униатов, помимо законных прав, которыми псаломщики стали пользоваться, без их участия никакое богослужение и молитвословие, требуемое аннуатною записью, не могло быть выполнено. Отсюда, естественно, вытекало и то заключение, что участниками в известной доле аннуаты, по праву, должны были считаться псаломщики, и что аннуатная сумма должна идти в дележ на общем основании.

В связи с этим определением Литовского епархиального начальства находилось и то распоряжение оно, по которому деньги, получаемые из казначейства за отошедшие в казну имения, завещанные благотворителями и ктиторами на помин души и для содержания только священника, подлежали

установленному законами для арендных поступлений дележу между всеми наличными членами причтов.

К сожалению, все эти предписания епархиального начальства относительно справедливого раздела доходов и до последнего времени вообще мало исполняются священниками, которые, например, намеренно не приглашают псаломщиков для исправления некоторых треб и в оправдание себя указывают на различные неудобства, сопряженные с этим приглашением, как-то: отвлечение причетника от хозяйственных работ, неимение свободного человека, который сходил бы за псаломщиком и т.п.²⁹⁸ И хотя консистория в 1887 году, по поводу одного следственного дела, между прочим, о причинах отсутствия подписи псаломщика на метрических и других церковно-приходских документах и в виду нередко повторяемых псаломщиками жалоб на священников за намеренное не приглашение их к исправлению треб, в особенности, таинства крещения, с записыванием, однако же, их в графу совершающих таинство, и объявила духовенству, чтобы совершение треб, за исключением молитвы родильнице, наречения имени, воцерковления и исповеди обязательно совершалось священниками с псаломщиками, и об этом отмечалось в записи в определенных графах по метрическим книгам, однако, и на сей раз священники не обратили внимания на означенное предписание консистории. Это видно из того, что в 1888 году от имени некоторых псаломщиков было напечатано заявление в Литовских епархиальных ведомостях с просьбою разъяснить печатно, законно ли псаломщику расписываться по метрическим, приходо-расходным и другим книгам, когда священники не приглашают, или же не допускают его к требоисправлению, как по церкви, так и по приходу, ради того, чтобы не дать ему части дохода из денег, хлеба, холста и других статей, а, при сдавании отчетности и книг благочинному, настоятельно требуют подписи от них и нередко просят местного благочинного заставить их расписываться по всем документам, угрожая, в противном случае, вызовом в консисторию для расписывания.

Вообще, судя по всему сказанному нами относительно дележа доходов между священниками и псаломщиками, не излишне будет пожелание Литовскому епархиальному начальству, чтобы оно, помня совет дедушки Крылова, вместо того, чтобы тратить слова по-пустому, употребляло власть, хотя бы в роде штрафов, которые бы заставили многих священников соблюдать требования закона в отношении правильного раздела доходов между членами причта.

Но, в то время, как штатное духовенство Литовской епархии было достаточно обеспечено в средствах своего содержания, материальное положение вдов и сирот духовенства и заштатных священно-церковно-служителей было далеко неутрадное.²⁹⁹

До нового положения 1872 года единственным и постоянным способом призрения было предоставление вдовам и дочерям умерших членов причта просфорнических мест, с которыми соединялось получение 24 рублей в год жалования, квартиры с дровами и надела земли в 3 десятины. Места эти считались штатными, и обязательство относительно постройки домов и отпуска дров причту признавалось и для просфорней, наравне с прочими членами оного. Кроме того, епархиальное попечительство единовременными, а иногда и постоянными, до совершеннолетия детей, пособиями отчасти призревало бедных вдов и сирот. При таком положении, не прося милостыни, воспиталось много сирот. Между тем, частные злоупотребления некоторых вдов, проживавших не на своих местах просфорнических, а у своих пристроенных детей или родственников, а также далеко не безупречное поведение их, повели к закрытию просфорнических вакансий, так что в 1872 году 240 вдов лишились своих мест, и единственным источником содержания их с детьми явилось скудное пособие из епархиального попечительства. Естественно, следовало ожидать, что духовенство Литовской епархии каким-нибудь образом придет на помощь вдовам и сиротам.

К сожалению, действительность не оправдала сего предположения, и успеха в отношении обеспечения вдов и сирот духовенства Литовской епархии не было видно и до

последнего времени, главным образом, по причине недостаточной обдуманности тех проектов, которые составлялись разными съездами относительно сего предмета. Так, например, в 1874 году 4-й епархиальный съезд положил, отчислять 2,5% от жалования духовенства на вспомоществование бедным духовного звания; но епархиальное начальство не нашло возможным согласиться с сим постановлением съезда, не без основания, приняв во внимание то, что этот проект на каждом из трех бывших раньше съездов епархиальных изображался различно, а именно: на 2-м предположено было составить капитал из 2,5% сбора, со включением получаемого процента от нынешнего наличного капитала попечительства, на 3-м – этот сбор положен был для составления вспомогательной при попечительстве кассы, а на последнем – хотя было положено отчислять 2,5% на усиление средств попечительства, но без пояснения, независимо ли от нынешнего его капитала, или же с присоединением только нарастающих и других статей дохода.

Но всего более побудило епархиальное начальство не согласиться с указанным постановлением епархиального съезда самое изложение проекта, составленное весьма необстоятельно, без приведения данных, а равно соображения исчислений, из которых можно было бы вывести заключение, что, для призрения бедных духовного звания Литовской епархии, действительно, нужно ежегодно 8 тыс. руб. и что для этого требуется взимать из окладов жалования по 2,5% и даже без указания правил, которые бы определяли свойственный сему делу порядок и предупреждали всякий произвол. И хотя духовенству было предоставлено право на будущем епархиальном съезде тщательно вникнуть во все условия и обстоятельства, касающиеся сего дела, и составить более подробный проект с соображениями и правилами, необходимыми для суждения о правильности его, однако, только в 1882 году на 6-м епархиальном съезде духовенство пожелало было сделать что-либо полезное для обеспечения вдов и сирот епархии, приняв с некоторыми изменениями проект эмеритальной кассы Саратовской епархии и сделав

постановление, чтобы каждым священником отчислялось по 1 руб., в случае смерти своего собрата, отчего семья умершего получала бы единовременно 576 руб., лишь бы только самый взнос производился всеми священниками аккуратно и своевременно.³⁰⁰ Однако, когда пр. Александр передал обсуждение этого вопроса на благочиннические съезды, это определение епархиального съезда осталось без всяких результатов.

Вопрос об эмеритальной кассе возникал и после, при архиепископе Алексии, когда решено было принять за образец проект уже не Саратовской, а Кишиневской эмеритальной кассы с некоторыми изменениями.³⁰¹ Но, вследствие неполноты в разработке проекта, вопрос сей, хотя и был представлен на рассмотрение в 1891 году в св. Синод, но не получил утверждения. И только, благодаря архиепископу Донату, учредившему в Литовской епархии погребальную кассу, из которой выдается вдове священника, по смерти мужа, единовременно 300 руб., а вдове псаломщика 100 руб., каковые деньги составляются из сбора по 1 рублю с каждого священника, по случаю смерти кого-либо из них, и 30 копеек – с каждого псаломщика, по тому же поводу, с отчислением остальных денег в будущую эмеритальную кассу, вдовы и сироты священно-церковно-служителей получили возможность иметь единовременное вспомоществование.³⁰²

Таким образом, постоянным и, можно сказать, единственным, хотя и скудным источником, из которого получают себе пособие вдовы и сироты духовенства епархии, остается епархиальное попечительство, открывшееся во второй половине 1844 года, по ходатайству пр. Иосифа, на основании правил Высочайше утвержденных в 1823 году для других епархиальных попечительств о бедных духовного звания. Из Хозяйственного Управления было прислано 500 рублей для назначения пособий, до открытия действий попечительства, и 6 тыс. рублей серебром в основной фонд оно, кои были отпущены из остатков от 360 тыс. руб. ассигнациями, Высочайше пожалованных на пособие воссоединенному духовенству, и кои были обращены во вспомогательный

запасной капитал на призрение по западным губерниям бедных из сего духовенства.³⁰³

По сему поводу, пр. Иосиф предложил консистории собрать через благочинных сведения о нуждающихся в пособии, с показанием, их лет и также источников настоящего их содержания от себя иди родственников, причем оказалось бедных фамилий 309. 6 тыс. руб. были положены в кредитное учреждение, а проценты с них должны были идти на призрение бедных, в количестве 582 руб., и на канцелярские расходы попечительства – 215 руб. 35 коп.

На основании словесной резолюции пр. Иосифа, за неимением в Жировицах достаточного числа духовенства, были назначены безотлучными попечителями протоиереи: Тупальский, Янковский и Гомолицкий, а для присутствия в важнейших случаях – Гродненский архимандрит Игнатий, Виленского собора протоиерей Попов, Супрасльского монастыря архимандрит Никодим и Березвечского – Михаил. Протоиерею Гомолицкому была поручена должность казначея, а секретарем был назначен помощник секретаря консистории Ипполит Корнилович.

Для сбора dobroхотных пожертвований были заведены прошнурованные книги, и бывшие в консистории 533 руб. 33,75 коп., а также ведомость о бедных духовного звания, были отосланы в попечительство, причем священники были обязаны завести во всех церквях, кроме монастырей, кружки для сбора во все важнейшие и храмовые праздники, а также, где можно, при крещении, бракосочетании и погребении, и деньги высыпать, по окончании месяца, в присутствии причта и церковного старосты, а, по окончании года, представлять в консисторию через местных сотрудников, коими были назначены благочинные.

В том же 1844 году пр. Иосиф пожертвовал в попечительство 1500 руб. серебром, пр. Платон два билета на 310 руб. 77 коп., архимандрит Игнатий – 301 руб. 50 коп. билетами и Супрасльский архимандрит Никодим – билет в 500 руб. серебром. В следующем году Санкт-Петербургский митрополит Серафим прислал билет в 464 руб. 37 коп., и от

духовенства поступило кружечного сбора и по листам – 600 руб. серебром, а от св. Синода было отпущено 798 руб. 11 коп. на канцелярские расходы и пособия, причем последняя сумма высылалась ежегодно включительно по 1862 год.

Что касается расходов попечительства в 1844–45 и последующих годах на пособие духовенству, то они были очень незначительны, так что попечительство имело через это возможность все сборы от духовенства и другие суммы с остаточными обращать в кредитные учреждения, а сумма этого сбора доходила 700–800 руб. серебром. В 1850 году капитал попечительства увеличился на 6 тыс. руб. серебром банковым билетом от графини Орловой Чесменской. В следующие годы, как от взносов духовенства, хотя и уменьшившихся против прежнего, так и от штрафов с духовенства и от процентов на капитал, к концу 1861 года капитал попечительства возрос до 45 тыс. руб. серебром.

В последующие годы, по 1872 год включительно, капитал попечительства увеличивался постепенно процентами и остаточными суммами ежегодно свыше 2 тыс. руб. Кроме того, в 1867 году св. Синод ежегодно высылал по 490 руб. на пособие духовенству, пострадавшему от пожаров,³⁰⁴ а в 1870 году, согласно синодальному распоряжению, из 42 тыс. руб. суммы, определенной на пособие духовенству Литовской епархии, отделено было 5 тыс. руб. серебром в фонд капитала, на уплату из процентов оного в подведомственные приказам общественного призрения больницы за больных духовных лиц. К 1 января 1873 году капитал попечительства достиг суммы 72053 руб. 26 коп. серебром и образовал по назначению 3 отделения:

- 1) специальных сумм попечительства – 64020 руб. 22 коп.;
- 2) суммы для уплаты процентов в приказы общественного призрения за больницы для больных духовных лиц – 6186 руб. 45 коп. серебром; и
- 3) суммы для вспоможения духовенству в пожарных случаях – 1840 руб. 58 коп. серебром.

Пособий от попечительства было выдано с 1844 по 1872 годы – 22218 руб. 16,25 коп.

Между тем, духовенство высказывая на некоторых благочиннических съездах неудовольствие за скупость попечительства в назначении пособий сиротствующим, в большинстве, само жертвовало очень скупое. Так, в 1871 году ничтожные пожертвования были сделаны Вилейским, Мядельским, Друйским, Молодечненским, Черевачицким и Сокольским благочиниями, тогда как обильные пожертвования были сделаны – Шавельским, Ивановским, Дрогиченским, Клецельским и особенно Ковенским благочиниями, хотя последнее состояло всего из 6 причтов.³⁰⁵ Особенно возмутительным отношением к попечительству должно признать действия духовенства Ошмянского благочиния в 1873 году, когда Ошмянский благочинный, как сотрудник попечительства, пожертвовал 18 копеек, а прочие иереи и протоиереи сего благочиния 10–15 коп. серебром.³⁰⁶

Более чем безучастное отношение духовенства к улучшению положения попечительства епархиального, а через то вдов и сирот своих, замечалось и в последующее время. Так, когда попечительство, само находя размер пособия, назначавшегося в прежнее время, вследствие изменившихся условий жизни, недостаточным, предложило в 1874 году, духовенству обсудить на благочиннических съездах и советах, какие следует произвести изменения, в видах уравнивания, увеличения или ограничения сих пособий, и вместе с сим доставить вспомоществование бедным местными способами, т.е. домами и землею от сверх 33-х десятинной пропорции, Мядельский и Бобринский благочиннические советы признали достаточными прежние пособия вдовам, а остальные, хотя признали их недостаточными и просили попечительство увеличить пособия от 12 руб. до 24 руб. и до 30 руб.; и с 24 руб. до 50 руб.; с 35 руб. до 60 и даже 90 руб., но, кроме двух благочиний, отнеслись к предложению попечительства о земельном наделе для вдов и сирот не сочувственно. Конечно, попечительство, рассмотрев в 1875 году представленные благочинными мнения благочиннических советов относительно увеличения размера пособия вдовам, не могло удовлетворить оных, так как расход на этот предмет мог превысить годовой

процентный и сборный приход, особенно, в виду закрытия просфорнических мест в епархии, коих было более 200. Когда же попечительство, по-видимому, еще не теряя надежды на сочувствие духовенства к делу обеспечения вдов и сирот, снова обратилось к нему с просьбою помочь ему или увеличением взносов, или выделением вдовам земли и т.п., то 4 благочиннических съезда отказались от обязательных взносов, предоставляя их своей воле, 17 положили жертвовать или известное количество из земельного надела и еще деньгами, или же деньгами, взамен земли, или, наконец, известный процент с более 33-х десятинного надела. Но так как большинство благочиний и до 1877 года не представили никаких требуемых от них сведений по сему вопросу в попечительство, то последнее *volens-nolens* должно было остановиться в движении вопроса об улучшении быта вдов и сирот.³⁰⁷

Мало того: духовенство не исполняло даже прямого предписания епархиального начальства относительно того, чтобы оно, согласно постановлению Главного Присутствия по делам православного духовенства, в случае смерти священников или причетников, не оставивших семейств, половину выгод с праздного места доставляло в попечительство, почему последнее вынуждено было в 1879 году через консисторию предписать духовенству в точности исполнять означенное распоряжение. Впрочем, и это напоминание консистории не имело никаких благоприятных для попечительства результатов, так как, в течение 10 лет, протекших с 1879 года, оно ни разу не упомянуло о поступлении откуда-либо означенного дохода.³⁰⁸

При таком отношении духовенства к попечительству, материальное положение последнего за последующие 10 лет не только не улучшилось, но скорее ухудшилось. В 1889 году значилось специальных сумм попечительства 71900 руб. в процентных бумагах, с каковых получалось процента в год 3186 руб. 74 коп., что и составляло первый и главный источник дохода. Другим средством для получения прибыли служили подписные листы и кружечный сбор по церквам епархии, от чего получилось в самый счастливый по сему сбору 1886 год – 1388

руб., а затем последовало уменьшение оногo, так что в 1889 год было получено только 1110 руб. 24 коп. Это обстоятельство заставило попечительство снова разослать в 1889 году подписные листы для каждого прихода, давая этим возможность священникам принести посильную помощь вдовам и сиротам духовного звания, и заштатным священно-церковно-служителям и пригласить к пожертвованиям известных им в приходе благотворителей. Третьим источником дохода попечительства служили штрафные деньги, количество которых было, впрочем, очень незначительно и неравномерно. Так, в 1885 году поступило сих денег 202 руб., а в 1888 году – 167 руб. Между тем, число лиц, нуждавшихся в пособии, с каждым годом, увеличивалось, так что в 1885 году было израсходовано на оное 5057 руб., в 1888 – 5352 руб., а в 1889 году – предвиделось еще большее увеличение сего расхода. В виду всего этого, попечительство в сем году сочло нужным сделать гласным истинное положение средств своих,³⁰⁹ надеясь, что это положение сделается предметом обсуждения на благочиннических съездах, и последние примут всевозможные меры к увеличению оных,³¹⁰ так как, в противном случае, попечительству пришлось бы отказывать почти половине лиц, ищущих пособия.³¹¹

Но, кроме недостатка материальных средств, попечительству приходилось еще считаться с небрежностью благочинных в отношении изложения тех официальных данных, по которым оно должно было выдавать пособие просившим о том. Это побудило попечительство в 1887 году предложить всем благочинным, чтобы они, при представлении прошений о пособии, непременно дополняли оные сведениями:

1) сколько лет прослужил в должности проситель или муж просительницы;

2) когда и по каким обстоятельствам лишился места;

3) сколько имеет лет от роду, при какой состоял церкви, кого оставил в семействе, сколько лет каждому члену оногo и чем они занимаются, какого поведения и в каких заведениях находятся дети и на чьем содержании, из какого звания происходит по рождению вдова-просительница, в каком

состоянии здоровье просящего пособие, не имеется ли у него близких родных, могущих оказать помощь;³¹²

4) не имеется ли у него капиталов и недвижимого имущества и нельзя ли, в силу Высочайше утвержденных правил,³¹³ предоставить в обеспечение просителя помещение и участок земли при какой-либо церкви и заслуживает ли это лицо просимого им пособия. Кроме сего, благочинным было также предложено представлять ежегодно к 15 ноября ведомость о числе призреваемых по благочинию попечительством семейств и лет каждого лица, с показанием, чем занимается и при ком состоит.

Таким образом, из всего сказанного нами о материальном быте белого духовенства Литовской епархии видно, что оно, не смотря на не редкие уклонения от исполнения положений 1842 года и последующего времени учреждений и лиц, на коих лежала обязанность способствовать обеспечению сего духовенства разными статьями содержания, было, при всем том, особенно, со времени Муравьева, достаточно материально обеспечено, по сравнению его в сем отношении с духовенством великороссийских губерний, и потому имело более возможности поусерднее служить на пользу церкви православной и отечества. По поводу же материальной необеспеченности вдов и сирот духовенства и заштатных священно-церковно-служителей, справедливость требует сделать упрек духовенству Литовской епархии за то, что оно не приложило достаточного усердия к улучшению положения их, при всей материальной возможности к тому.

Глава IV. Монастыри и монашествующее духовенство

Состояние монашества в униатской церкви. Число монастырей и монашествующих в Литовской епархии после воссоединения униатов. Общая характеристика монашества.

При рассмотрении вопроса о белом духовенстве Литовской епархии, мы должны были, в видах составления вернейшего понятия об оном, хотя вкратце, коснуться вопроса о том, что представляло из себя это духовенство до воссоединения униатов. Точно таким же путем мы должны идти при рассмотрении вопроса и о монашествующем духовенстве в Литовской епархии после воссоединения униатов, так как только, при такой постановке предмета, можно будет составить себе верное представление об оном.

До воссоединения униатов в 1839 году, первенствующее значение в греко-униатской церкви принадлежало монашествующему духовенству базилианского ордена. Целью учреждения сего ордена было стремление к распространению унии и сближению её с латинством, при помощи и руководстве иезуитов. При самом своем учреждении, этот орден принял обычаи и порядки латинских монашеских орденов, причем было разрешено папами поступать в этот орден и лицам римского исповедания. Богатые фондуши монастырей, епископий и архимандрий в самом непродолжительном времени привлекли в униатский обряд большое количество лиц из знатнейших римско-католических фамилий. Эти новые пришельцы исходатайствовали у польского правительства привилегии, чтобы на архимандрии и епископии никто, кроме дворян, не мог быть возведенным, и, благодаря сему, если не совсем вытеснили из этих мест старых своих хозяев, то, по крайней мере, сделали оные совершенно от себя зависящими. Для преобразования же униатского монашества в желаемом направлении, монастыри были исторгнуты из власти епархиальных архиереев и отданы под власть базилиан.³¹⁴ А последние, состоя под властью своих генералов, сперва

находившихся в подчинении униатским митрополитам, но потом освободившихся от сего подчинения, изменили совершенно прежнее образование униатского монашества и, кроме употребления в богослужении славянского языка, ничего почти не оставили из древнего греческого обряда. Для изменения белого духовенства считали достаточным употребить силу власти. У него отняли богатейшие фондуши, воздвигли из них монастыри, поставили монахов над ними даже в должности простых благочинных, и белое духовенство восстало под тяжестью уже не внешнего, но внутреннего, от своих братий угнетения.³¹⁵ Чтобы отнять у белого духовенства самую возможность к занятию высших должностей, на которые бы оно имело право по своему образованию, базилиане мешали открытию епархиальных семинарий, захвативши в свои руки все фондуши,³¹⁶ предназначенные для сей цели. Впрочем, где эти семинарии и были открыты, как мы уже говорили, они были настолько дурно поставлены, что носили только название семинарий.

Между тем, неоднократные жалобы представителей белого униатского духовенства на преобладание базилиан, а также доклад Государю (в 1822 году) преданного суду, по интригам базилиан, Полоцкого архиепископа Красовского относительно того, что базилиане соединились с латино-польской партией и, покровительствуемые епископами, систематически разрушают русские стихии в западном крае России, и, как воспитатели молодого поколения светского и духовного, парализуют все предначертания правительства и неизбежно ведут унию к латинству,³¹⁷ имели следствием то, что указом Высочайшим от 9 октября 1827 года запрещено было принимать в греко-униатское монашество лиц другого исповедания, в виду того, что в базилианский орден принимались лица, малосведущие в греческих обрядах богослужения, отправляемого на языке славянском, и что начальство монастырей, не занимаясь образованием детей униатского духовенства, посвящающих себя на служение своей церкви, предпочтительно заводило светские училища³¹⁸ преимущественно для латинян, и что,

вследствие этого, между белым и монашествующим духовенством возникли не согласие и взаимное недоверие.

Особенно сильный удар влиянию монашествующего духовенства в греко-униатской церкви был нанесен запиской Иосифа Семашки о состоянии униатской церкви, составленной им, по предложению директора департамента духовных дел иностранных исповеданий, Карташевского, в 1827 году и дошедшею до сведения Императора Николая Павловича. Согласно с предположениями автора записки, состоялось в 1828 году определение об уничтожении излишних базилианских монастырей и обращении их имуществ на различные потребности униатской церкви и преимущественно на учреждение семинарий и духовных училищ и о подчинении базилианских монастырей ведению епархиальных начальств, которое делало безвредным переродившееся в римлян униатское монашество и дало возможность употребить с пользою, как самих монашествующих, так и монастырские средства.³¹⁹ Между тем, в 1828 и 1829 годах снова последовало воспрещение принимать в униатское монашество лиц римско-католического исповедания, а тем униатским монахам, которые были латинского вероисповедания, было предоставлено право возвратиться в прежнее исповедание,³²⁰ и, наконец, было положено не поставлять униатских монахов в священный сан, без предварительного рассмотрения и определения консистории.

При таком, вообще вредном, умонаправлении униатского монашествующего духовенства, не могло быть сомнений относительно того, что оно далеко не сочувственно отнесется к самой мысли о воссоединении с православною церковью, так как это воссоединение должно было окончательно лишить базилианский орден всех тех прав и преимуществ, которые ему были еще оставлены преобразованиями в греко-униатской церкви, совершившимися по мысли Иосифа Семашки. И действительно, базилиане открыто пошли против распоряжений епархиального начальства. Так, в главнейшем униатском монастыре Виленско-Троицком, несмотря на распоряжение епархиального начальства, даже в конце 1836 года

богослужение совершалось по униатскому обряду. Почти все монахи сего монастыря были фанатики, ненавидевшие православных и ставившие их веру ниже еврейской и даже языческой религии, причем базилианские духовники внушали подобные мысли простому народу, запрещая ему, под угрозой анафемы, ходить в православные церкви, читать книги, написанные православными, и даже разговаривать с ними.³²¹

Наиболее враждебными к самой мысли о воссоединении были лишённые своей должности за противодействие планам пр. Иосифа бывшие настоятели базилианских монастырей. Таков был, например, бывший настоятель вышеозначенного Троицкого монастыря Виктор Босяцкий, который, за свой отказ дать подписку на готовность к воссоединению, был переведен на иеромонашескую вакансию в Бытенский монастырь. Впоследствии, после всеобщего воссоединения униатов, Босяцкий, за решительный отказ присоединиться, был сослан в один из монастырей Курской епархии.³²² Впрочем, и кроме Босяцкого, из 170 иноков Литовской епархии только 66 дали подписки на готовность присоединиться к православию, а остальные считались сомнительными и даже вовсе ненадежными, так что многим из них и не было сделано предложения присоединиться к православной церкви. Но, хотя некоторые базилиане, видя безуспешность своих действий в отношении противодействия воссоединению униатов, подали несколько прошений на Высочайшее имя относительно дозволения перейти в латинское исповедание, однако, их просьба осталась неудовлетворенною, так как пр. Иосиф находил, с одной стороны, что это увольнение в латинство некоторых униатов могло послужить примером и для других, хотя, с другой стороны, он считал почти всех тогдашних греко-униатских монахов совершенно бесполезными для православной церкви и даже бременем для епархиального начальства.

Между тем, в надежде на то, что, под начальством благонадежных настоятелей, не хотевшие присоединиться иноки, по крайней мере, будут безвредны, пр. Иосиф, в 1839 году, уже после совершившегося воссоединения, стал

постепенно перемещать в Любарский и Тригурский монастыри всех таковых монашествующих, с употреблением их к обыкновенным монастырским и черным работам.³²³ Впрочем, эта мера оказалась малодействительною, потому что в 1840 году 8 иеромонахов, заключенных по разным монастырям, снова подали прошение епархиальному начальству об увольнении их в католичество, а когда их просьба была оставлена без последствий и только предписано было настоятелям монастырей, в которых они жили, иметь за ними более строгий надзор и увещевать их к раскаянию, а одного иеродиакона Тороканского монастыря за дерзость против своего начальства и вредные внушения другим монашествующим выслать в один из уединенных монастырей Псковской епархии, эти лица подали жалобу уже самому Государю на притеснения их от духовного начальства и с просьбою о дозволении перейти в католичество. Это прошение осталось также без последствий и только подало пр. Иосифу повод предписать настоятелю Тороканского монастыря иметь за сими лицами более строгий надзор и стараться кроткими мерами вразумлять их, а равно также доставлять им все, нужное для жизни, наравне с другими монахами, в их положении находящимися, и не употреблять их к трудам и послушаниям, несвойственным их преклонным летам, а главное – наблюдать, чтобы они впредь не имели возможности писать подобные прошения. Впрочем, в 1841 году³²⁴ пр. Иосиф уже не счел более нужным требовать от 9 монашествующих Тороканского монастыря подписок о воссоединении, выставив, как предлог к сему, то, что они принадлежат к православной церкви по общему присоединению к православию, а вернее потому, что не надеялся заставить их дать требуемую подписку.

Вообще, справедливость требует сказать, что пр. Иосиф не всегда держался такого образа мыслей, чтобы упорствующих иноков вразумлять одними кроткими мерами. Выходя из того предположения, что большая часть монашествующих упорствует не по убеждению совести, а потому, что дали одни другим слово противиться совершившемуся воссоединению церковей, он находил, что «некоторое понуждение было бы для

них самым истинным благодеянием», а потому и обратился в 1840 году к Киевскому генерал-губернатору Бибикову с просьбою о командировании того же чиновника, который успел получить подписки от 15 духовных лиц в Любарском монастыре, для истребования подписок еще по трем монастырям.³²⁵ По нашему мнению, пр. Иосиф, в данном случае, был неправ в своем мнении, как о причине упорства иноков, так и о способе действий, который он рекомендовал употребить для истребования от них подписок на присоединение к православию.

В самом деле, если сам пр. Иосиф, вообще, держался того убеждения, что униатское монашество переродилось в латинское, то, всего естественнее, он должен был приписать упорство иноков, о которых шла у него речь в отношении к Бибикову, убеждению их совести, а не какому-то чувству стыда и опасения прослыть трусами и изменниками в глазах своих же собратий. Если среди белого духовенства нашлось не мало лиц, которые, по убеждению, не хотели присоединяться к православию и не соглашались даже давать формальную подписку в согласии на присоединение, по примеру многих других своих собратий, давших эту подписку с твердым намерением не исполнять ее, то, тем более, таких лиц должно было быть в числе монашествующих, состоявших в немалом количестве из католиков. Мы не знаем, в чем состояли понудительные действия генерал-губернаторского чиновника по отношению к упорствующим инокам и, притом настолько успешные, что 15 монахов Любарского монастыря дали требуемые от них подписки, но несомненно то, что пр. Иосифу едва ли следовало обращаться к гражданскому начальству с просьбою об употреблении понудительных мер по отношению к монахам, не желавшим присоединиться к православию, так как насильственное обращение в православие несвойственно духу православной церкви, какими бы политическими соображениями оно ни оправдывалось. Еще менее было надежды на добровольное присоединение к православию униатских монахинь, от которых потому и не требовали подписки о присоединении, а считали православными тех, которые

побывали на исповеди у православного духовника.³²⁶ Впрочем, почти все они остались униатками, и потому пр. Иосиф, после неоднократных перемещений и безуспешных увещаний, дал разрешение всем бывшим базилианкам оставить монастыри и жить при своих родственниках.³²⁷

Что касается до числа монастырей в Литовской епархии, то оно не всегда было одинаково. Так, в 1839 году значилось в ней 13 мужских монастырей, а именно: 1) древле православный Виленский – Святодуховский, в котором было 15 монахов и 1 церковь бесприходная;³²⁸ 2) Борунский – с одною главною церковью и тремя приписными и с 10 монахами;³²⁹ 3) Тороканский монастырь³³⁰ с 1 церковью, 25 монахами и 2 послушниками, 4) Бытенский³³¹ с приходом. В нем была 1 церковь и 1 часовня, 25 монахов и 8 послушников. 5) Гродненский³³² с 1 церковью и 15 монахами; 6) Супрасльский³³³ с приходом. В нем была 1 церковь и 1 часовня, а монахов было только 5; 7) Лещинский с приходом, 1 церковью, 3 монахами и 4 послушниками; 8) Любарский с 1 церковью, 3 часовнями, 27 монахами; 9) Мелецкий с приходом, с 1 церковью приходской и 1 приписною, 1 часовнею и с 9 монахами; 10) Загоровский с 1 церковью 11 монахами; 11) Владимирский с приходом, 1 церковью и 11 монахами; 12) Тригурский с приходом, с 1 церковью и 2 часовнями и 17 монахами; и 13) Жировицкий³³⁴ с приходом, с 1 церковью и 5 монахами.

В 6 женских монастырях епархии состояло всего 32 монахини и 3 послушницы. Между тем, с распределением церквей по епархиям в 1840 году, 6 монастырей мужских отошли из Литовской епархии, но зато причислены были к ней от Полоцкой два древле-православных монастыря – Пожайский с 7 монахами и 4 послушниками и Сурдекский с 5 монахами и 4 послушниками. В сем же году пр. Иосиф, за неблагонадежностью 4 монахинь Виленского женского монастыря и за малочисленностью оных, закрыл этот монастырь, а оставшихся четырех монахинь перевел в Вольнянский женский монастырь, предписав при сем заведовавшему Виленским женским монастырем иеромонаху Логгину, в виду ограниченности доходов Вольнянского

монастыря, послать немедленно 100 руб. из доходов Виленского монастыря бывшей настоятельнице оного, а на будущее время отпускать ей по 200 руб. в год из тех же доходов и по 50 руб. на содержание каждой из 4 монахинь, да, сверх того, жалование, «габитовым» называемое, для каждой из этих монахинь и в том количестве, какое уплачивалось каждой монахине Вольнянского монастыря.³³⁵ В 1843 году пр. Иосиф, по указанной выше причине, закрыл еще 4 женских монастыря, оставив только Мядзиольский и Гродненский, причем весь штат последнего был выписан из Могилевской епархии, а остававшиеся в сем монастыре 2 местные уроженки-базилианки, как неспособные применяться к правилам жизни новых монахинь, были переведены в другой монастырь, а затем и совсем уволены в дома своих родственников.

Впрочем, пр. Иосиф, хотя и закрыл 4 монастыря женских, по неблагонадежности монашествующих в них, однако, находил необходимым существование женского монастыря в самой Вильне, как для доставления, по временам, религиозного уединения некоторым благочестивым женщинам, так и для наставления к святому крещению принимающих православие евреек и магометанок и вообще женщин из иноверцев, и также для призрения и воспитания в монастыре сирот, девиц духовного звания, и потому еще в 1844 году возбуждал ходатайство пред св. Синодом о переводе в Вильну, в дом, прежде принадлежавший ксендзам-миссионерам, монахинь Мядзиольского монастыря. Впрочем, ходатайство это осталось без удовлетворения, а Мядзиольский монастырь просуществовал непродолжительное время и, за малочисленностью монахинь, был совсем закрыт. Таким образом, во всей Литовской епархии оставался один женский монастырь в Гродне. И только на закате дней своих пр. Иосиф увидел исполнение своей заветной думы – учреждение в Вильне женского монастыря.

Воспользовавшись тем случаем, что Муравьев закрыл в 1864 году в Вильне несколько католических монастырей, митрополит Иосиф испросил для означенной цели монастырь визиток.³³⁶ Перестроив на отпущенные Муравьевым 52 тыс. руб.

этот монастырь,³³⁷ пр. Иосиф имел утешение видеть, что новая обитель была наделена домами, землями и разными вообще арендными статьями, обеспечивавшими, как содержание самого монастыря, так и учрежденного при нем в 1868 году приюта для воспитания сирот православного духовенства и дочерей недостаточных чиновников, служащих в западном крае. Под руководством присланных Филаретом, митрополитом Московским, двух опытных монахинь Алексеевского монастыря, Флавианы и Антонии, из коих первая была назначена игуменьей монастыря, а другая казначеем,³³⁸ этот монастырь Виленский, по установившемуся в нем строю жизни, в значительной степени оправдал те надежды, которые возлагал на него, при учреждении, митрополит Иосиф, тогда как мужские монастыри епархии далеко не принесли желаемой пользы.³³⁹

Как мы уже говорили, мужских монастырей в Литовской епархии в 1840 году было 9. Но в сем же году пр. Иосиф, надо думать, по недовольству на упорствовавших монахов Троицкого монастыря в Вильне, пришел было к мысли о закрытии его, в виду того соображения, что два монастыря в Вильне были излишни, вследствие трудности наполнить даже один монастырь соответствующими своему назначению иноками, и в письме к графу Протасову выражал желание, чтобы Троицкий монастырь был обращен в помещение для епархиального архиерея,³⁴⁰ а имущества сего монастыря были отданы в аренду за 5 тыс. руб.³⁴¹ Но, через два года, в своем представлении в св. Синод пр. Иосиф изменил свой взгляд на дело и указывал уже на необходимость оставления в штате всех 9 мужских и 2 женских монастырей в епархии, как твердынь православия, нужных здесь несравненно более, чем где-либо. В виду же составления новых штатов для монастырей Литовской епархии, архиепископ в письме к графу Протасову, указывая на то, что воссоединенные иноки привыкли к хорошему столу и с воссоединением лишились почти всех доходов в униатских монастырях, полагал необходимым увеличить содержание монашествующих в третьеклассных монастырях на 25 руб. серебром против наложенных по штату 50 руб., на счет штатных вакансий по монастырям. Что касается до класса монастырей,

то он находил, что монастыри Виленские – Свято-Духовский и Троицкий следовало назначить первоклассными, Ковенский – Пожайский, Супрасльский, Гродненский и Бытенский – отнести во второй класс, а Борунский, Тороканский и Сурдекский – в 3 класс.³⁴²

Между тем, с изменением обстоятельств, изменялись и соображения пр. Иосифа относительно некоторых монастырей. Так, в виду перемещения Литовского епархиального управления и духовной семинарии из Жировиц в Вильну, пр. Иосиф в письме к Протасову от 7 марта 1844 года относительно новых штатов для Виленских – Свято-Духовского и Троицкого монастырей и переименования первого из них в Лавру, в виду назначения настоятелем оного Литовского епархиального архиерея, указывал на то, что, по изменившимся обстоятельствам, Троицкий монастырь, как потерявший свое значение через принятие унии и не имеющий никакого влияния, следует обратить под помещение епархиальной семинарии, с оставлением в нем штата только третьеклассного монастыря, вместо прежнего первоклассного, и с тем, чтобы настоятелем его был ректор семинарии.³⁴³ И это последнее предположение пр. Иосифа относительно Троицкого монастыря осуществилось вполне и в таком виде сохраняется до настоящего времени.

Что касается до содержания монастырей Литовской епархии, то оно, и после отобрания от них крестьян, было вообще достаточное, потому что, кроме положенного, по штату, жалования и вознаграждения от казны за отошедших крестьян³⁴⁴ все монастыри были наделены в большем или меньшем размере землями, домами и другими арендными статьями.³⁴⁵ Кроме того, хотя пр. Иосиф в 1842 году и писал Протасову, что у монашествующих, вследствие их положения между иноверцами, не будет доходов, однако, и после воссоединения униатов, православные монастыри продолжали привлекать к себе богомольцев, как числившихся православными, так и католиков, и преимущественно во дни так называемых фестов, т.е. храмовых праздников, причем эти богомольцы являлись в монастыри далеко не с пустыми руками. Некоторое указание на те доходы, которые поступали в

монастыри от богомольцев, находим в деле консистории, возникшем, по поводу прошения игумена Борунского монастыря Андрея, в 1845 относительно раздела между братией поступающих за молитвы доходов. Пр. Иосиф, приняв во внимание, по поводу его прошения, то обстоятельство, что по воссоединенным монастырям все вообще пожертвования приносились за молитву³⁴⁶ и обращались в общий монастырский доход, а не в пользу иноков, и что, если не определить с точностью таковых доходов по особым статьям, то все доходы могут обратиться в личную пользу иноков, не доставляя никаких экстренных средств для содержания монастырей и их церквей, поручил консистории собрать все нужные сведения и после того представить ему заключение по сему вопросу. Между тем, сведения, доставленные в консисторию от некоторых монастырей оказались настолько неполны, неточны и сбивчивы, что на них нельзя было основать никакого решения, но зато по другим сведениям оказалось, что сторонние неокладные доходы по монастырям бывали обыкновенно двух родов: 1) прибыльные деньги от продажи церковных свечей, собираемые в кошелёк, а также деньги, высыпаемые из кружек и ящиков, находящихся пред иконами, или при дверях церковных, или в часовнях, и жертвуемые благотворителями собственно на благолепие храма деньги или вещи, например, ладан, свечи, материи, металлические лампы, сосуды, кресты, привески и т.п.; 2) деньги, жертвуемые на отправление заказных обеден, панихид и молебнов, за вписание в синодики живых и умерших, за погребение и вообще за отправление различных священнослужений, по желанию усердствующих, а также деньги, получаемые за позвон по умершим, и присылаемые из кредитных учреждений проценты на капиталы, внесенные вкладчиками именно на поминовение душ живых или умерших.

На основании сих последних сведений, консистория определила, чтобы пожертвования первого рода, по общему обычаю, существующему во всех православных монастырях, составляли неотъемлемую и неприкосновенную собственность монастырей и преимущественно монастырских церквей и

употреблялись, главным образом, на поддержание и благолепие церквей и на устройство ризницы; доходы же второго рода – шли настоятелю и братии и делились между ними по третям или полугодиям так, чтобы из всей собираемой в братскую кружку суммы настоятель получал третью часть, а остальные две делились между братией и послушниками, сообразно сану, должности и усердию каждого, и выдавались им под собственноручную расписку получателя в особо имеющейся на сей предмет прихода-расходной книге. Но пр. Иосиф, хотя и соглашался с таким порядком раздела доходов по всем мужским монастырям епархии, однако, приняв во внимание то обстоятельство, что по воссоединенным монастырям Литовской епархии поступали почти исключительно пожертвования второго рода, постановил за правило, чтобы из сих последних доходов половина была отделяема и переносима к доходам первого рода, и только другая половина пожертвований второго рода шла в раздел между братией и настоятелем. И это правило, по указанию пр. Иосифа, должно было иметь силу до того времени, пока ревностью и старанием самой братии доходы первого рода приумножатся, по крайней мере, до равенства с доходами второго рода.³⁴⁷ В виду же того, что по монастырям проживало не малое количество лиц из белого духовенства, помещенных сюда на эпитимию, и содержание которых могло служить обременением для монастыря, пр. Иосиф от 24 марта 1843 года сделал распоряжение, чтобы священники-эпитимисты считались на половинной послушнической вакансии и пользовались от монастыря только помещением и столом, и чтобы они не участвовали в общей трапезе с монашествующей братией и допускались к оной только в виде исключения, по усмотрению настоятеля, за хорошее поведение, а эпитимисты-причетники и диаконы обязывались возмещать свое содержание помещением и столом от монастыря работами и прислуживанием в пользу одного. Что касается эпитимистов-монашествующих, то им пр. Иосиф запретил выдавать на руки жалование, а велел обращать оное, по усмотрению настоятеля монастыря, на их одежду.³⁴⁸

Но, несмотря на все указанные предписания пр. Иосифа, экономическая часть в монастырях находилась далеко не в

удовлетворительном состоянии, благодаря, между прочим, отсутствию подробных и определенных общих правил для заведовавших означенною частью в монастыре, которые часто бесконтрольно распоряжались монастырскими доходами. Необходимым же следствием сего была, с одной стороны, бедность и ветхость монастырских церквей и других зданий,³⁴⁹ а с другой – частые неудовольствия между настоятелем и братией из-за содержания. И сам пр. Иосиф, прежде так ратовавший за оставление всех прежних монастырей Литовской епархии, находя, что некоторым из них было трудно поддерживать здания монастырские и что самое число в них монашествующих было слишком незначительно, возбудил в 1844 году вопрос о переводе Бытенского монастыря в Жировицкий, отстоявший от него в 14 верстах, а в 1849 году – о закрытии Тороканского монастыря, с одной стороны, в виду нужды в больших суммах денег на ремонт его, а с другой – по крайней малочисленности его монахов, коих было 3 иеромонаха и вдовый иеродиакон. Первый монастырь был, действительно, закрыт, и церковь Бытенская сделалась приходскою; Тороканский же монастырь, как увидим, был закрыт только при архиепископе Макарии.

Но самой больной стороною в монастырях Литовской епархии был, с одной стороны, недостаток иноков, а с другой – положительное несоответствие их своему званию, подававшее повод иноверцам к порицанию самой веры православной. Недостаток монашествующих в епархии доходил, например, в 1842 году до того, что в 9 монастырях епархии находилось, вместо положенных по штату 153 монахов, только 85 вместе с послушниками³⁵⁰ причем некоторые из воссоединенных иноков, по преклонности лет, вовсе не могли приучиться к правильному совершению богослужения и монастырскому порядку.³⁵¹ В виду сего, пр. Иосиф просил св. Синод о перемещении из великороссийских монастырей в Литовскую, по крайней мере, 15 иеромонахов и 11 иеродиаконов, надежных по поведению и достаточно образованных. Но через год он получил от преосвященных Московского, Воронежского, Курского, Вологодского, Костромского и Новгородского уведомление, что

в их епархии не оказалось с требуемыми качествами иноков. Между тем, оскудение иноков дошло в епархии до того, что в 1849 году имелось до 20 штатных иеромонашеских вакансий, неравно иеродиаконских и даже 2 настоятельских, причем не предвиделось никаких способов к замещению оных. Удивляться такому оскудению монашества в Литовской епархии не приходится, так как это явление было естественным следствием тех причин, которые создали такое положение вещей, из которых главную причину было отсутствие, лиц из воссоединенных, желавших идти в православные монастыри, при всем снисхождении православной церкви к немощной совести воссоединенных, выразившемся, между прочим, в дозволении употребления в монастырях мясной пищи. Из великороссийских же губерний не хотели идти сюда хорошие иноки, в виду совершенного отсутствия в монастырях Литовской епархии того строгого типа монашеской жизни, который им был так известен у себя на родине.³⁵²

Что касается до жизни монашествующих в монастырях Литовской епархии, состоявших, главным образом, из базилиан, вынужденных дать подписку на присоединение, то наглядною иллюстрацией сей жизни может служить донесение пр. Иосифу настоятеля Загоровского монастыря в 1840 году о 6 монахах, которые предавались праздности, своевольничали, курили трубки, играли в карты, а также на скрипке и гармонии и соблазняли монастырских служителей, доставлявших им украдкой через забор водку за один раз по 12, 15 и 20 гарнцев.

В скором времени этот игумен, в припадке сумасшествия утопился в пруде, и пр. Иосиф в письме к графу Протасову положительно приписывал это самоубийство тому беспокойству, которое причиняли сему игумену жившие в сем монастыре иноки.³⁵³ Не лучше было поведение иноков и в последующее время. И хотя пр. Иосиф в 1842 году донес св. Синоду, что им оставлены в монастырях только монахи, получившие достаточное образование и известные епархиальному начальству своей благонадежностью в нравственном отношении, однако, справедливость такой аттестации подлежала сомнению.³⁵⁴ Достаточно указать, например, на то,

что пр. Евсевий в 1849 году изобразил жизнь монахов в Борунском и Сурдекском монастырях в очень непривлекательном виде, отозвавшись, что в Борунском не было никакого порядка. Сама братия состояла большею частью из сосланных из других монастырей за дурное поведение и предавалась пьянству; в стенах монастыря жили посторонние люди, как, например, в богадельне девки и одна вдова, имевшая незаконнорожденных детей. Один иеромонах постоянно предавался пьянству и буйству, в церковь ходил в каком-то халате, служебной чреды почти никогда не нес, по причине пьянства. И только о четырех человеках из братии пр. Евсевий отозвался, как о трезвых, но за то имевших другие какие-либо недостатки.

Не малая вина за такие беспорядки лежала на самом настоятеле монастыря, который, по отзыву пр. Евсевия, отличался слабым характером и легковерием, доходившим до суеверия, что выразилось в обращении его к ворожее для отыскания украденных денег. Вследствие нерадения настоятеля, в церкви были замечены грязь, пыль, паутина, плесень, сено, солома и много разбитых стекол. Само хозяйство находилось в упадке. Приход и расход съестных припасов не записывался в книгу; братии за столом иногда подавалась тухлая пища; причетники и послушники кормились хлебом из муки с примесью картофеля, между тем как на содержание их издерживалась вся положенная на то сумма денег. Служителям платилось жалование только отчасти, так как настоятель заставлял их покупать у монастыря холст и другие предметы и по цене, превышающей стоимость предмета. Вообще, по замечанию пр. Евсевия, настоятель и казначей более радели о собственных интересах, чем о монастыре.

Не лучше вели себя монашествующие Сурдекского монастыря. Еще в то время, когда монастырь этот находился в ведении Полоцкого епархиального начальства, благочинный монастырей, архимандрит Платон писал в 1839 году пр. Исидору о необходимости всех монахов сего монастыря перевести в другой под строжайший надзор, а на их место перевести других благонадежных, так как, в противном случае,

нельзя было и ожидать восстановления в сем монастыре спокойствия и благочестия, столь необходимого в здешнем крае для пользы православной церкви. Но, хотя пр. Исидор и вполне согласился с этим мнением архимандрита Платона, однако, ничего не успел сделать для исполнения означенного предположения, так как в следующем году Сурдекский монастырь поступил в ведение Литовского епархиального начальства, которое, впрочем, мало сделало для водворения порядка в нем, почему пр. Евсевий, побывав в 1849 году в Сурдекском монастыре, нашел его также не в должном порядке.

Как на соблазнительное явление в оном монастыре он указал, например, на то, что здесь каждый из братии отдельно нанимал для мытья белья себе женщин, которые приносили монахам водку и мясо, причем и сами монахи к ним ходили, как будто для надзора за мытьем белья... Когда же настоятель монастыря, по предложению пр. Евсевия, задумал нанять общую прачку на счет братских доходов, за неимением на то особой суммы в монастыре, то братия оказала явное неповиновение настоятелю, так что потребовалось вмешательство в это дело епархиального начальства, которое и предписало настоятелю заключить с прачкой контракт, с согласия старшей братии. Такое соблазнительное поведение иноков Сурдекского монастыря имело свою причину, между прочим, в безнравственной жизни прежнего настоятеля сего монастыря, подававшего дурной пример братии своею блудною жизнью.

В виду подобного поведения иноков Сурдекского монастыря и в последующее время, пр. Иосиф пришел было в 1864 году к мысли о снабжении сего монастыря, как настоятелем, так и полным составом братии, из Московской епархии. К сожалению, это предположение не осуществилось, по неимению годных для Литовской епархии монахов.³⁵⁵

К числу причин неудовлетворительного состояния монастырей в разных отношениях нельзя не отнести часто излишнее снисхождение Литовского епархиального начальства к проступкам настоятелей монастырей. Это видно, например, из дела, возникшего в 1850 году, по жалобе братии Жировицкого

монастыря епархиальному начальству на своего настоятеля, игумена Фавста, за неоднократные замешательства во время совершения богослужения в церкви, произведенные им в нетрезвом виде. Пока эти безобразия со стороны настоятеля происходили только в присутствии одной братии, последняя ограничивалась одними увещаниями настоятеля через духовника в минуты его трезвости. Когда же он учинил 9 августа публичный скандал в церкви, в присутствии многих частных лиц, дозволив себе, во время молебного пения, с криком выгонять из церкви певших на клиросе учеников училища и с хохотом убежать за ними из церкви, причем богослужение прекратилось к великому соблазну бывших в церкви богомольцев, братия довела и сем поступке настоятеля до сведения епархиального начальства. По-видимому, следовало ожидать, что последнее устранил вовсе от должности настоятеля игумена Фавста за подобные бесчинные и соблазнительные его действия. Но оказалось не то. Литовская духовная консистория, несмотря на то, что означенный игумен и раньше совершения им означенного проступка был подвергаем епархиальным начальством замечаниям за свои самовольные и неправильные действия и даже устранен был от должности настоятеля монастыря и (якобы) по прошению и от должности смотрителя училища, неведомо, на основании каких соображений, нашла, что в данном случае «уклонение игумена Фавста от правильного пути могло последовать от того, что он упал духом, будучи преследуем негодованием братии управляемого им монастыря», и потому ограничилась переводом его в настоятели же в Тороканский монастырь.

Еще более представляется удивительным то, что консистория, не пожелав назначить следствия по такому важному делу, якобы «из уважения к тому, чтобы не распространять вредных для духовенства слухов»,³⁵⁶ признала при сем виновною «в изветах на настоятеля, противных духу братской любви и монашеского смирения», братию монастыря. Между тем, переведенный в Тороканский монастырь настоятелем, игумен Фавст совершенно не оправдал снисходительности к его поведению консистории, так как

оказался виновным в обращении в свою пользу монастырских сумм в количестве 350 руб., за что митрополит Иосиф велел вычитать из его оклада не игуменского, а иеромонашеского, необходимую сумму денег для покрытия означенного злоупотребления монастырским имуществом. Переведенный в Гродненский монастырь, игумен Фавст снова предался запою. Когда же благочинный монастырей, архимандрит Антоний открыл еще много беспорядков в Тороканском монастыре, происходивших во время управления им сего игумена, он был уже окончательно устранен от настоятельской должности, а братия сего монастыря, прикосновенная по сему делу, была размещена по другим монастырям. Сам же игумен Фавст, переведенный на иеромонашескую вакансию в Жировицкий монастырь, в скором времени умер.

При таком низком уровне состояния монашеской жизни в Литовской епархии, за время управления митрополита Иосифа, до семидесятых годов, нисколько неудивительно, что ссылавшиеся в монастыри для исправления лица из белого духовенства, не видя около себя примеров доброй жизни, не только не исправлялись, но даже делались хуже. Так, в 1852 году состоявший на иеромонашеской вакансии в Сурдекском монастыре священник Иаков Тиминский, после того как, по представлению настоятеля монастыря, ему перестали выдаваться деньги на удовлетворение его нужд, стал часто ходить из монастыря и заниматься игрою на скрипке по домам, где собирался народ для попоек, и также, просить милостыню у проезжих и богомольцев, жалуясь при том каждому, что начальство его преследует за не согласие постричься в монашество, и, кроме того, завел связь с распутною женщиною, для которой крал хлеб из монастыря. А так как Тиминский производил еще нередко буйства в монастыре, то, по просьбе настоятеля оно, он был переведен в Ножайский монастырь на послушническую вакансию и с запрещением священнослужения. Если судить по сходству фамилий, то этот Тиминский умер в 1859 году в Березвечском монастыре от побоев, нанесенных ему находившимся здесь на иеромонашеской вакансии священником Пщолкою, который за

это преступление был лишен сана и сослан на каторжные работы. Когда же распространился слух о том, что Пщолко бежал с дороги, консистория, по просьбе настоятеля Березвечского монастыря, вынуждена была отнестись к губернатору с просьбою о принятии мер к ограждению от могущих быть со стороны Пщолки насильственных действий по отношению к монастырю.

Между тем, уже после вступления пр. Макария на Литовскую кафедру, явились случаи из монастырской жизни, подавшие ему повод жаловаться на все то не благоустройство, которое он нашел в здешних монастырях. Одним из таких случаев, по которому возникло в 1869 году дело, окончившееся уже в 1873 году, был поступок иеродиакона Сурдекского монастыря Павла, обвинявшегося в покушении на жизнь настоятеля сего монастыря и нанесении побоев настоятелю Тороканского монастыря, игумену Филарету. Ковенская палата уголовного суда приговорила сего иеродиакона к четырех месячному тюремному заключению. Но, так как он, и состоя под судом, вел себя неодобрительно, то консистория обратилась в св. Синод с представлением об удалении Павла, уже лишенного иеродиаконского сана, как неисправимого и особенно вредного среди разнородного местного населения, из пределов Литовской епархии и помещении в один из монастырей, приспособленных для удержания буйства неисправимых духовных лиц. Св. Синод, как и следовало ожидать, не счел Павла достойным носить и монашеский сан, почему и лишил его сего сана и передал в распоряжение гражданского начальства, во исполнение состоявшегося над ним приговора.

Неудивительно, после сего, что пр. Макарий, познакомившись с состоянием монастырей ближе, как по делам, возникавшим в консистории, так и на месте лично, в своем отчете св. Синоду о состоянии епархии за 1869 год о внутреннем состоянии монастырей не мог не дать неодобрительного отзыва. На настоятелей монастырей он жаловался за то, что они допускали произвол и безотчетное распоряжение монастырским хозяйством и неудовлетворительно содержали, судя по монастырским

средствам, братию. Последняя же, по замечанию пр. Макария, в свою очередь, доходила до явного своеволия.

В объяснение причин таких беспорядков в монастырях, пр. Макарий указывал, с одной стороны, на отсутствие в них правил монастырской жизни, а с другой – на поступление в монастыри большею частью не по призванию, так как изъявляли желание поступать в них овдовевшие и состарившиеся священнослужители и устранные от места преимущественно за нетрезвость, а равно мальчики, исключенные из училищ, или вовсе не учившиеся, и поступавшие сюда с целью подготовить себя к получению места причетнического в приходах, хотя, при всем том, монастыри оставались малолюдными. Особенно же неблагоприятное влияние на жизнь монастырскую оказывало соседство с миром и наиболее всего с римско-католическим, способствовавшее сохранению в памяти братии, особенно старшей по летам и положению, известных порядков униатских базилианских орденов.³⁵⁷

Для устранения беспорядков в монастырях, пр. Макарий в 1869 году преподал монашествующим правила, которые обнимали собою почти весь круг монастырской жизни. В них прежде всего указывались обязанности всех живущих в монастырях касательно церкви, по которым требовалось аккуратное посещение её, уставное совершение богослужения и приличное предстояние в храме. Далее шли правила относительно трапезы, за которою должны были присутствовать все монашествующие, за исключением настоятеля и занятых особенным послушанием иноков, или больных, причем пища должна была подаваться здоровая и в достаточном количестве, а за самую трапезою соблюдаться порядок и благочиние, при не опустительном чтении слова Божия, поучений, иди житий свитых. В правилах относительно жизни братий по кельям указывалось на необходимость содержания их в чистоте и опрятности и недопущения в них мирских людей, особенно женщин, без ведома настоятеля, или духовника, причем настоятель обязывался обзирать всякую келью и живущих в ней всякую неделю, а на случай болезни кого-либо из монашествующих, и каждый день. Точно также никто из иноков

не должен был отлучаться из монастыря, без ведома настоятеля. Кроме молитв, братия и послушники обязывались заниматься и душеполезным чтением, получая для того книги из монастырской библиотеки. Особенного внимания заслуживало предложение монашествующим вести монастырский дневник или летопись. В этот дневник должны были вноситься заметки касательно численности посторонних посетителей монастырского богослужения, а равно и того, кто и что в сем монастыре проповедовал, также – настоятельские или епархиальные распоряжения по монастырю, направленные к благоустройству оного, прибытие или выбытие кого из наличного состава братства монастырского, посещение обители знаменитыми личностями, более значительные пожертвования на обитель или утраты оной, переделки и исправления монастыря или церкви и замечательные явления и случаи в обществе и самой природе. По окончании месяца, рекомендовалось все записанное, в продолжение оного, прочесть в общем собрании братии и обсудить, что окажется достойным сохранения вечного и подтвердить то подписью старшей братии. Но, хотя составитель правил монастырской жизни, как бы в поощрение братии к писанию летописи, и указывал на то, что дневник сей должен быть неотъемлемою собственностью монастыря, и потому-де братии нет причины стесняться опасением известного содержания записей, однако, ни один из монастырей Литовской епархии не оправдал в этом отношении ожиданий составителя правил, за неимением своего Нестора-летописца.³⁵⁸ Равным образом, весьма мало соблюдалось и то правило касательно послушаний братии, по которому они должны были принимать участие в трудах полевых и работах в саду, огородах, прудах и прочих угодиях монастырских, во избежание праздности и соединенных с нею пороков.

Почти бесконтрольное распоряжение настоятелями монастырским имуществом, столь долго практиковавшееся до вступления пр. Макария на Литовскую кафедру, вызвало со стороны составителя новых правил монастырской жизни более строгие требования относительно братской кружки и вообще

экономии по монастырям. В силу этих требований, все доходы, какие поступали в монастырь от богомольцев, из кружек, или с имений, должны были приниматься и вноситься в казнохранилище настоятелем вместе с казначеем и ризничим и храниться за ключами сих лиц. В силу этого правила, ни настоятелю, ни кому другому из братии не дозволялось одному получать от благотворителей какое-либо приношение, но вменялось в обязанность каждому получателю обо всем получаемом заявлять всей братии и записывать полученное в приход безотлагательно по книге. При производстве дележа братской кружки, должно было соблюдаться то правило, чтобы в тех монастырях, в которых не архиерей-настоятель, по отделении половины кружечного дохода на церковь, из другой половины $\frac{1}{3}$ часть выделять для настоятеля; $\frac{1}{5}$ доли иеромонашеского дохода казначею, $\frac{3}{4}$ доли иеродиакону, а половину сей доли каждому послушнику. В тех же монастырях, в которых настоятелями состояли архиереи, по отчислении $\frac{1}{3}$ части всего кружечного дохода для архиерея, из остальных $\frac{2}{3}$ дохода 2 доли иеромонашеские выдавать наместнику; $\frac{1}{5}$ казначею; $\frac{3}{4}$ иеродиакону и послушнику. В случаях, когда в церковь жертвовался лен, холст, шерсть и т.п., материал этот рекомендовалось продавать сообща братией и вырученные за них деньги разделять по вышеизложенному.

Кроме того, настоятелю монастыря прямо ставилось в обязанность, без совещания со старшей братией и без разрешения епархиального архиерея, не предпринимать никаких новых построек, не отдавать в аренду монастырских угодий и не продавать монастырского имущества, а в ограничение произвола его в распоряжении монастырскими доходами, ему предоставлено было право на получение третьей части из доходов от братской кружки лишь только в том случае, когда он не пользовался монастырским столом.

К сожалению, пр. Макарий, озаботившись немедленным составлением и рассылкой правил монастырской жизни, чтобы привести монастыри в лучшее положение сравнительно с тем, в каком нашел их и, кажется, излишне положившись на не опустительное соблюдение их, отклонил предложение св.

Синода в 1869 году об учреждении общежития, хотя в некоторых монастырях Литовской епархии, как доказанного временем и обстоятельствами наилучшего способа для монастырской жизни. Опираясь на мнение консистории, настоятелей и благочинного монастырей, не хотевших, конечно, расстаться с излюбленными порядками жизни, пр. Макарий находил, что мужские монастыри Литовской епархии имеют только одно условие общежительных монастырей – общую для всей братии с послушниками трапезу, а прочих условий общежития якобы выдержать не могут.

В доказательство сего, пр. Макарий указывал, между прочим, на малочисленность братии монастырей, которая при том большею частью состояла из лиц, имевших преклонные лета и слабое здоровье, или же из малолетних послушников, вследствие чего едва можно было поддерживать надлежащее совершение церковных служб и треб богомольцев, при несении старшею братией других еще обязанностей, как-то: казначея, эконома, ризничего, уставщика, письмоводителя, а иногда и труда приготовления иноверцев к принятию св. крещения,³⁵⁹ при каковых обстоятельствах монастыри для других хозяйственных своих нужд и потребностей вынуждены были нанимать прислугу и рабочих из посторонних лиц, даже иногда не православного исповедания, по неимению вблизи православных. На умножение же числа братии и послушников монастырей епархии, как расположенных среди иноверцев, по мнению пр. Макария, нельзя было рассчитывать, в виду того, что здесь поступали в монастыри не по призванию и любви и из всех сословий, как в Великороссии, а большею частью по обстоятельствам, как-то: священники и диаконы по вдовству, а послушники – состояли из исключенных из уездных училищ детей причетников и желали только научиться церковному уставу, без всякой мысли о монашеской жизни. Вследствие сего, в монастырях Литовской епархии, по замечанию архиепископа, не было совершенного аскетического послушания, безусловно необходимого при общежитии, и, потому, одно из главных условий общежития – приобретение средств к содержанию

только личным трудом братии и послушников в здешних монастырях было невозможно.

Вообще, при таких условиях монастырской жизни, пр. Макарий находил возможным введение общежития в монастырях Литовской епархии лишь в таком только случае, если, и по введении общежития, на содержание монастырей будут отпускаться все те суммы, которые доселе отпускались не только на содержание монастырей, но и на жалование братии и послушникам, в виду недостаточности собственных средств монастырей.³⁶⁰

Относительно же монастырей Виленского Свято-Духовского, Ковенского-Пожайского и Гродненского-Борисоглебского пр. Макарий высказался положительно за оставление их в прежнем положении, в виду того, что настоятелями их состояли архиереи, и они, следовательно, были тоже, что и архиерейские дома.³⁶¹

Таким образом, вопрос об общежитии в мужских монастырях Литовской епархии остается открытым и до настоящего времени.³⁶² И в то время, как женские монастыри епархии, владея небольшим наделом земель и других угодий, в сравнении с некоторыми мужскими монастырями епархии, пользуясь общежительным уставом, процветают во всех отношениях, мужские монастыри далеко не могут похвалиться ни внутренним, ни внешним своим благоустройством.

Между тем, избыток мужских монастырей в епархии, при недостаточности братии в оных и зазорной жизни проживавших в них монахов-эпитимистов, или же лиц из белого духовенства, которых сюда привлекло вдовство или проступки, и при материальном упадке средств, главным образом, по вине настоятелей, побудил пр. Макария исходатайствовать в 1874 годц у св. Синода дозволение на закрытие мужских монастырей – Березвечского, Тороканского и Борунского, причем церкви оных с необходимым имуществом были переданы в ведение причтов ближайших церквей, именно: Березвечского – Голубичской церкви, Тороканского – Тороканской приходской церкви и Борунского – Кревской-Троицкой. Главные же монастырские каменные здания, земли и угодья, за

исключением 915 десятин леса, принадлежавшего Березвечскому монастырю, со всеми оброчными статьями, хозяйственным и всем движимым и недвижимым имуществом, находившимся в пользовании закрытых монастырей, были обращены, по представлению пр. Макария, на усиление средств трех архиерейских монастырей, а именно: угодья Борунского монастыря на Виленский Св. Духовский монастырь; Березвечского на Пожайский; и Тороканского на Гродненский-Борисоглебский. Сумма же, в количестве 6500 руб. ежегодно ассигнуемая на содержание закрытых монастырей, была обращена в количестве 4 тыс. руб. в пользу Виленского Мариинского женского монастыря и 2500 руб. на Гродненского женского, а братия упраздненных монастырей была размещена по другим монастырям Литовской епархии. Все наличные церковные суммы, оставшиеся свободными, после передачи монастырей, были оставлены за церквами оных для их поддержания, а лесную дачу Березвечского монастыря, состоявшую в Минской губернии, Борисовском уезде, положено было продать с торгов и вырученную сумму обратить на исправление монастырских церквей, приписанных к соседним приходским церквам и пришедших в такой упадок, что в церкви, например, Березвечского монастыря уже давно перестали совершать богослужение, за её ветхостью. Правда, св. Синод, незадолго до закрытия указанных монастырей, отпустил значительную сумму денег на ремонт монастырских церквей и зданий, но её оказалось, при ближайшем знакомстве с работами, далеко недостаточно.

Впрочем, присоединение церквей упраздненных монастырей к соседним приходским принесло большой вред. Причты приходских церквей очень редко совершали богослужение в монастырских церквах и вообще мало заботились о поддержании оных, через что эти церкви пришли в большой упадок. Кроме того, народ, привыкший ходить в церкви упраздненных монастырей, стал роптать на редкое совершение в них богослужения.³⁶³ Все это вместе взятое побудило пр. Алексия возбудить ходатайство об открытии Борунского монастыря, в виде отделения Виленского Св. Духовского

монастыря, каковое ходатайство в 1886 году и было удовлетворено св. Синодом, отпустившим до 10 тыс. рублей серебром на возобновление сего монастыря.³⁶⁴ Таким образом, в настоящее время в Литовской епархии 3 женских монастыри и 8 мужских.

Что касается до поведения монашествующих, то в первое время, после введении пр. Макарием правил монастырской жизни, мало было заметно улучшение одного сравнительно с предшествующим временем.³⁶⁵ Это, например, видно из того, что в 1871 году Гродненский губернатор был вынужден жаловаться епархиальному начальству на монахов Тороканского монастыря, которые предавались пьянству и вообще вели зазорную жизнь. Консистория, в виду того, что указанные в донесении губернатора лица постоянно аттестовывались с невыгодной стороны, некоторых послушников удалила, а некоторых монахов лишила права носить рясу и клобук и низвела на низший оклад жалования, а ризничего отрешила от должности, с запрещением священнослужения, и отдала под строгий надзор настоятеля и запретила им обоим отлучаться даже за ограду монастыря, и предписала по пятницам читать в церкви, после вечерни, покаянный канон Спасителю и класть по 25 земных поклонов, о чем уведомила и губернатора.³⁶⁶

В последующее время, поведение иноков в Литовской епархии улучшилось, сравнительно с прежним, так что, по отзыву пр. Алексия, сделанному им в отчете о состоянии епархии за 1889 год, оно могло быть признано удовлетворительным. Тем не менее, представляется крайне желательным в интересах дела православия и русской народности в северо-западном крае, чтобы на монашествующих здесь было обращено более строгое внимание, и чтобы особенно порочных иноков, «якобы в видах исправления», не переводили из одного монастыря в другой в своей же епархии, так как через это соблазн только распространяется и подаст повод иноверцам к укоризненным насмешкам паде православною церковью. Всего лучше отправлять таких иноков на исправление в уединенные монастыри и пустыни

Великороссийских губерний, где среди твердо установившегося строгого монашеского образа жизни, скорее можно ожидать исправления порочного монаха, нежели в монастырях Литовской епархии, к которым еще и доселе не вполне привился дух истинно монашеского направления в образе жизни.

Из всего же сказанного о монастырях и монашествующих в Литовской епархии вывод тот, что они, за исключением женских монастырей, и доселе еще не принесли той пользы для православной церкви, какую желательно было бы иметь от них, как бывших некогда «твердынями православия» в северо-западном крае.

Глава V. Религиозно-нравственное состояние паствы в Литовской Епархии

Воссоединение с православною церковью униатов и присоединения римско-католиков, Нетвердость в православии воссоединенных и присоединенных и разные причины того, а именно: самый способ воссоединении униатов и присоединения католиков, враждебное отношение к православной церкви со стороны римско-католического духовенства, поляков-помещиков и простого римско-католического населения и не всегда надлежащее отношение к его интересам и правам со стороны местной гражданской власти. Присоединения к православной церкви, на правах единоверия, раскольников и обращения из иудейства.

Как известно, воссоединение униатов в 1839 году состоялось помимо всякого участия в нем народа. По плану пр. Иосифа Семашки, простой народ был оставлен совершенно в стороне в деле такой величайшей важности, как перемена исповедания веры, на основании того соображения, что он, с одной стороны, не понимал исторического и догматического разногласия между православною и римско-католической церковью, а с другой, что он должен был последовать за своими пастырями и также сделаться православным, как и они. Посему, не признавая нужным и удобным действовать отдельно на воссоединение прихожан,³⁶⁷ пр. Иосиф считал бытие их у исповеди и св. причастия у воссоединенных священников достаточным доказательством принадлежности прихожан к православной церкви.

Неумеренные панегиристы митрополита Иосифа находят, что указанная система воссоединения униатов, выработанная сим иерархом и состоявшая, между прочим, в оставлении народа в стороне и даже скрывании от него некоторое время самого факта присоединения, из боязни возмущения, увенчалась блестящим успехом.

К сожалению, действительность далеко не оправдала тех надежд, которые митрополит Иосиф возлагал на свою систему

воссоединения. Если само духовенство униатское далеко не все добровольно дало подписку в своей готовности присоединиться к православной церкви, а после присоединения продолжало тяготеть,³⁶⁸ особенно в лице членов женского пола к своей семье, к оставленной официально унии, то тем труднее можно было ожидать, что простой народ возгорит в скором времени любовью к оставленной его предками православной вере и забудет унию. Даже более того, по справедливому замечанию г. Владимирова, воссоединение сделало то, чего напрасно добивались папы от унии столько лет: народ в огромном количестве перешел в католичество. А оставшиеся при воссоединенных церквях числились по бумагам православными, а на самом деле были тайными католиками. Здесь сбывалась поговорка: «лошадь можно подвести к воде, но заставить пить ее нельзя».³⁶⁹

Впрочем, иначе и быть не могло, коль скоро при воссоединении не было обращено должного внимания на тот психологический факт, что для простого человека религия есть все и что переводение его в другую религию, помимо его сознательного участия в сем важнейшем акте его духовной жизни, создает из него в наилучшем случае не более, как внешнего исповедника этой веры и в тоже время тайного защитника своей прежней веры. Посему ни сколько неудивительно, что в то время, как в прибалтийском крае, несмотря на всевозможные препятствия, народ во многих местах стремился к принятию православия, в северо-западном крае воссоединенные, кроме тайного уклонения от православия,³⁷⁰ бегли от церкви и не только отдельными лицами, но и целыми массами.

Правда, по официальным отчетам, составленным, главным образом, на основании донесений благочинных епархии, значилось, что дело православия и русской народности делало все больший и больший успех.³⁷¹ Точно также ревизоры, посланные пр. Иосифом в 1840 году, следовательно, всего через год после воссоединения, для обозрения Литовской епархии, в большинстве своем доносили, что народ настолько преуспел в православии, что по многим приходам читал

повседневные молитвы на славянском языке. И только протоиерей Гомолицкий не скрыл правды, указав, что в Слонимском благочинии прихожане, не только не знали молитв, но даже не умели креститься. Из последующих ревизоров пр. Игнатий, епископ Брестский, почти во всех своих отчетах показывал религиозно-нравственное состояние духовенства и прихожан в удовлетворительном виде. А в своем отчете по ревизии церквей Сокольского, Бельского и Белостокского уездов в 1850 году пр. Игнатий даже писал, что он «с душевным удовольствием увидел искреннее благочестие и усердие, народа ко храму Божию». Пр. Евсевий, при обзрении церквей Ошмянского уезда в 1849 году, принял за доказательство увеличения благочестия в народе то обстоятельство, что в тех церквях, где знали о его проезде, бывало очень много народа, причем многие встречали его на коленях и со сложенными на груди руками.³⁷²

На основании подобного же отзыва преосвященных викариев и кафедр. протоиерея Гомолицкого о состоянии осмотренных ими в 1850 году церквей, пр. Иосиф доносил св. Синоду, что «обнаруженные ревизорами недостатки имели свое основание в прежнем положении и обстоятельствах воссоединенного народа и духовенства и что они улучшаются против прежнего времени». «Что касается существенных условий единения с православною церковью, воспринятого так недавно в Литовской епархии, то, писал пр. Иосиф³⁷³ обзревавшие церкви доставили самые утешительные сведения. Они нашли вообще самые лучшие отношения между воссоединившимся народом и пастырями, нигде не заметили склонности к отступничеству, нашли, напротив, все паствы умножающимися из иноверцев, воспринимающих православие, или вступающих в брачный союз с лицами православного исповедания. Самое благоговение и усердие к вере и её делам не только не ослабевало в народе, но, заметно, против прежнего усиливалось».³⁷⁴

Касательно того, что отношения между пастырями и пасомыми в Литовской епархии далеко не были так близки и хороши, как указывал пр. Иосиф, мы уже говорили в своем

месте, причем привели отзыв митрополита Московского Филарета об этом и притом совершению противоположный отзыву Литовского архиепископа.

Со своей стороны, как на доказательство ненадлежащих отношений между пастырями и пасомыми и холодности последних к православной церкви, можем указать на жалобу в одном случае протоиерея Рыболовской церкви Маркевича в 1853 году консистории на дурное поведение своих прихожан, вызвавшую справедливое замечание митрополита Иосифа, что сему протоиерею, вместо жалобы по начальству, следовало бы самому более заботиться об исправлении недостатков своих прихожан, пастырем которых он состоял уже несколько десятков лет, а в другом – жалобу Дрогичиненного благочинного и священника Брянской церкви на своих прихожан за непосещение ими церкви, причем Литовская консистория сделала было постановление о побуждении прихожан к посещению церкви полицейскими мерами, и только митрополит Иосиф остановил приведение сей меры побуждения в исполнение, предписав жаловавшимся на холодность прихожан к посещению церкви склонять их к тому посредством духовных увещаний.

Из этой же последней жалобы нельзя не вывести и того заключения, что, если в Бельском уезде, находившемся в более благоприятных условиях относительно влияния на прихожан со стороны римско-католицизма, замечалось такое уклонение их от церкви, то тем более оно существовало в других местах епархии, где влияние католицизма было несравненно сильнее, чем в Бельском уезде; и М. Н. Муравьев, вступив в управление северо-западным краем, не мог не заметить этого.

В своем отношении к митрополиту Иосифу от 24 июля 1864 года Муравьев обращал его внимание на то, что в некоторых местах прихожане, вместо церквей, посещали костелы. Принимая же в соображение то, что уклонение от церкви поддерживалось усилиями ксендзов, при недостаточном наблюдении за сим гражданским начальства, а также слабом внушении некоторых священников приходских, Муравьев поручил губернаторам, по сношении с местным православным

епархиальным начальством, принять зависящие меры к устранению указанного уклонения от церкви, а тех из совратителей, которые будут обличены в распространении между народом польских молитвенников или внушении оному посещать для молитвы костелы, подвергать штрафу в 25–50 руб., удваивая оный во второй раз, а за третьим обличением – доносить начальнику края для дальнейших распоряжений.

И митрополит Иосиф, со своей стороны, подтверждая факт посещения православными прихожанами не церквей, а костелов, сочувственно отнесся к этому распоряжению Муравьева, находя, что указанное в отношении генерал-губернатора содействие гражданского начальства может способствовать к окончательному устранению оставшейся между некоторыми (?) из воссоединенного народа давней привычки и обыкновения ходить иногда в костелы и употреблять польские молитвенники, в тоже время вменил вновь в обязанность всем священникам Литовской епархии, у которых между прихожанами сохранялись еще указанные привычки, усугубить меры увещания, наставления и предостережения к отклонению таковых прихожан от посещения костелов и употребления молитвенников на польском языке, а уклоняющихся предоставлять действию гражданских властей.

Но самым наглядным доказательством нетвердости воссоединенной паствы в отношении православной веры служили, не говоря уже о тайных,³⁷⁵ явные совращения в католичество и притом не отдельных только лиц, но целых масс, а также возмущения прихожан против священников из-за введения тех или других православных обычаев и обрядов при богослужении, причем во всех почти подобных случаях дело усмирения прихожан не обходилось без помощи гражданской власти. Таковы были, например, совращения в 1844 году 2 тысяч прихожан села Леонполя, Дисненского уезда,³⁷⁶ и в 1859 году – 300 из Клещельского прихода.³⁷⁷ Случаи возмущения прихожан против священников были, например, в 1862 году в Опольском приходе, где многие из прихожан на третий день пасхи отказались идти за священником, распорядившимся совершить крестный ход, по православному обряду, и в

Старокорненском, в котором прихожане, недовольные тем, что, при проезде пр. Игнатия, колокольный звон производился не в размах, как в костелах, а языком, спустя три дня, после его отъезда, ворвались на колокольню и, перевязав языки, стали звонить по прежнему, а пономаря, который останавливал их, сбросили с колокольни.

Правда, прихожане, как Опольского, так и Старокорненского прихода, дали обещание впредь слушаться своих священников и не вмешиваться в дела, относящиеся до церкви, но, тем не менее, факт тяготения их к унии остается на лицо. В последние годы жизни митрополита Иосифа, по-видимому, дело православия подвинулось вперед, так как число присоединенных из католицизма значительно увеличилось.³⁷⁸ Но, к сожалению, эти новоприсоединенные оказались очень нетвердыми в православии и доставили много хлопот Литовскому епархиальному начальству уже одною только перепиской, которую пришлось ему вести с разными лицами и учреждениями, по поводу их уклонения от церкви и даже соращения в католичество.

Крайне тяжелое и грустное впечатление вынес, например, пр. Иосиф, епископ Ковенский, в 1871 году от своей встречи с такими новоприсоединенными в Виленской губернии. По его замечанию, ново-присоединившиеся тяготели к латинству, между прочим, вследствие оскорблений и притеснений со стороны соседей католиков, которые не допускали скот православных на воду и пастбища, причем православные женихи не находили себе невест, а православных невест не брали в католические дома. В Быстрицком, Островецком и Шумском приходах не желавшие оставаться в православии обступили пр. Иосифа толпами, иные со слезами, ломая пальцы на руках, иные с неистовством, требуя увольнения их в латинство. Возбужденные против православия священников не слушали, не впускали в свой дом, пугали ими своих детей, называя священника «медведем», «злою бородастою чучелой». И дети, при виде священника, или прятались, или убегали с криком ужаса. Из дела, возбужденного в 1868 году Жоснянским священником Дорошевским, видно, что упорство некоторых

новообращенных из его прихода доходило до того, что они не только не хотели исполнять обрядов православной церкви, но даже отвергали нужду крещения своих детей, остававшихся около года искрещенными. В Порозовском приходе в 1872 явно уклонились в латинство 491 из новоприсоединенных и значительное число прихожан сего прихода и по настоящее время упорствует и обращается часто за исполнением своих духовных треб к ксендзам.³⁷⁹

И хотя в отчете архиепископа Александра о состоянии Литовской епархии за 1879 год говорилось, что уклонение от православия заметно было только в новоприсоединенных приходах Виленской губернии, однако, в таковом же отчете пр. Алексия за 1889 год находим указание на явное упорство обращенных в шестидесятых годах и в Гродненской губернии, а именно, в Слонимском уезде, в Переволокском приходе, в деревне Селявичах, откуда один из агитаторов, возмущавший крестьян сей деревни против православия в течение десяти лет, был выслан в сем году в другую губернию. Насколько восприимчива оказалась почва, на которой сеялись плевелы сего агитатора, видно из сообщения г. обер-прокурора св. Синода во всеподданнейшем отчете за 1891 год об отпадении от православной церкви 180 душ прихожан из деревни Селявич, которые оказались настолько враждебными ко всему русскому и православному, что совершенно отрешились от сложившегося веками строя русской жизни и устроили свою жизнь на польских началах и католическом вероучении. Мало того: они не давали покоя своим православным соседям, притесняя их и даже угрожая их жизни, так что последние вынуждены были просить защиты у Гродненского губернатора, который назначил в Селявичи урядника для защиты их от насилий со стороны совратившихся в латинство. Отщепенцы эти, собираясь друг у друга, читали на польском языке книги и брошюры пасквильного содержания, написанные против православия и русского правительства, и запрещали своим детям посещать школу, вследствие чего в 1890–1891 годах из их семейств ходили в местную школу только 5 мальчиков, которые также вступали в постоянный спор с учителем, по поводу своего нежелания

учиться церковному пению, молитвам и прочее. Сами родители их просили учителя не учить их детей молитвам и пению, а только читать и писать, да и то по-польски. Подавали они прошение и преосвященному Литовскому с просьбою закрыть имеющуюся в Селявичах школу и разрешить учить их детей тому лицу, которое они сами выберут из своей среды. Хозяину же дома, нанимаемого под школу, отщепенцы предлагали получаемые им деньги, только бы он не отдавал помещение под школу.

Враждебное отношение их к духовенству православному выразилось в том, что они не пустили ни в один дом приходившего к ним с рождественской молитвою священника, наговорив ему много дерзостей. Когда же священник собрал отщепенцев для беседы об истинах веры, совратившиеся на все его доводы отвечали: худо ли, хорошо ли учить римская церковь, нам все равно. Мы хотим быть католиками: пусть православное духовенство поклонится папе, тогда мы пойдем в церковь, убирайте ваши книги (новый завет), а одна женщина кричала: «если бы ангел с неба сошел, то мы и тогда поверили бы только тому, чему учит каплан». Но, помимо религиозной ненависти, отщепенцы оказались пропитанными в не меньшей степени и политической ненавистью. Так, многие из них, выражая сожаление о неудаче бывшего восстания, с прискорбием восклицали: не во время тогда паны бунт сделали. Ах, если бы теперь случилось то, о чем мы теперь думаем, тогда мы все пошли бы воевать». Этот последний случай совращения со всею очевидностью показывает, насколько непрочным было присоединение католиков к православной церкви в шестидесятых годах.

Кроме явных совращений, стремление к возвращению в католичество со стороны новоприсоединенных к православию выразилось во множестве прошений о дозволении исповедовать римско-католическую религию, подаваемых с 1868 года и до последнего времени не только епархиальному начальству, но и в св. Синод и даже на Высочайшее имя. Особенно много таких прошений было при архиепископе Макарии, следовательно, в первые годы, после присоединения

к православию.³⁸⁰ Некоторые из сих прошений были уважены Литовским епархиальным начальством, как, например, просьба в 1871 году семи крестьян деревни Горлов, Гродненской губернии и уезда, которые раньше жаловались гродненскому губернатору на насильственное обращение их в православие. Дело их окончилось в 1872 году тем, что, согласно резолюции архиепископа Макария, Литовская духовная консистория освободила этих крестьян от обязанности исповедовать православную веру на том основании, что в переписке о них не имелось ясных доказательств принадлежности их к православной церкви и так как они, несмотря на все увещания местного священника, не пожелали оставить католичество.³⁸¹

Но значительное большинство подобного рода прошений, из которых многие были вызваны подстрекательством со стороны ксендзов и вообще сторонников латино-польской партии, были отклонены. Так, например, было оставлено без удовлетворения в 1876 году прошение на Высочайшее имя крестьян Виленской губернии, местечка Рубаниса, на том основании, что они значились по исповедным записям исповедовавшимися у православного священника.³⁸² На том же основании получили отказ в 1886 году в своей просьбе о перечислении в католичество 130 крестьян местечка Илии, Виленской губернии, которые первоначально подали жалобу на насильственное обращение их в православие, хотя без достаточно сильных доказательств, генерал-губернатору Виленскому в 1868 году и, затем, в св. Синод и два раза на Высочайшее имя.³⁸³ Равным образом, была отклонена св. Синодом просьба крестьянки Волковысского уезда, деревни Ятовт, Заводской, поданная первоначально еще в 1871 году³⁸⁴ Литовскому епархиальному начальству, о дозволении её дочерям исповедовать католическую религию, так как из доставленных Литовской духовной консисторией сведений оказалось, что в 1866 году, когда отец их дал подписку в присоединении к православию, они были малолетны и потому должны были следовать вероисповеданию отца и тем более, что католическая консистория, на требование Литовской консистории, сделала

распоряжение об исключении их из списков и запретила ксендзам преподавать им духовные требы.³⁸⁵

Впрочем, помимо явных уклонений в латинство, недостаточность проникновения живым духом православия воссоединенного и присоединенного населения северо-западного края сказывается в самой его жизни, в его религиозно-нравственном состоянии. Фактические данные в подтверждение сказанного находим, как в официальных отчетах преосвященных ревизоров, так и в частных сообщениях, появлявшихся нередко в разных повременных журналах и газетах.

Так, из отчетов по ревизии церквей некоторых уездов пр. Иосифа, епископа Ковенского, и пр. Евгении, епископа Брестского, за 1871 год узнаем, что воссоединенные еще находились под сильным влиянием унии, так как лишь весьма немногие из прихожан имели правильные понятия о догматах веры и сознательно разумели православное богослужение, немногие правильно осеняли себя крестным знамением и правильно произносили молитвы, а некоторые читали их на польском языке, продолжали поститься в субботу и уважать католические праздники,³⁸⁶ (зачатие св. Анны, Антония Падуанского), не понимали важности многодневного приготовления к исповеди и св. причащения, а равно не понимали значения молитв пред св. причащением и после оногo. Женщины продолжали носить шкаплеры,³⁸⁷ великий пост начинали вместе с католиками в среду, не имели понятия о том, что входить в алтарь и прикасаться ко св. престолу не всем можно. В некоторых приходах ново присоединившиеся к православию тайно исповедовались и причащались у ксендзов, многие, года по два и более, не крестили своих детей у православных священников. Были даже такие места, где православные охотно шли в костел, а в своих церквях чувствовали себя как бы посторонними и не имели доверия к священникам.

В отчете пр. Евгения за сей же год, как бы в пояснение указанной холодности народа к церкви, между прочим, отмечалось еще то, что «прихожане вообще были очень

недоверчивы ко внушениям и требованиям своих причтов», за что, по мнению сего преосвященного, скорее должно было обвинять тех, «кои привыкли действовать на прихожан более властью, чем влиянием нравственным, более внешним принуждением через начальство светское, чем убеждением и рассуждением». При сем, в подтверждение своего замечания, пр. Евгений указал на то, что в Сокольском уезде духовенство и теперь, т.е. в 1871 году, жаловалось на не деятельность правительства относительно удержания в православии прихожан, которые так или иначе попали в списки подлежащих к возврату в православие.

Отчет пр. Владимира по обозрению им церквей в 1876 году Бельского и Слонимского уездов, нужно заметить, наиболее отличающихся любовью к церкви, сравнительно с другими уездами, отмечает добрые стороны в жизни народа, как-то; глубокое религиозное чувство и понимание многими прихожанами Бельского уезда церковной службы и даже знакомство с техникой церковного пения, охотное посещение церкви, частое приступание к таинству исповеди и св. причащения, хождение во множестве по соседним церквам в храмовые праздники, частый заказ обеден по усопшим сродникам, охотное жертвование на нужды церкви. Однако же, и он указал на то, что было и в этих уездах немало приходов, прихожане которых, будучи разбросаны небольшими деревнями по лесам, оказались мало развитыми в религиозном отношении, мало сочувствующими нуждам церкви, не знавшими молитв или знавшими их только на польском языке.

Хуже было в Виленской губернии, где пр. Евгений, при обозрении церквей Виленского, Вилейского и Троцкого уездов в том же 1876 году, нашел, что, как древле-православные, так и особенно новообращенные, оказались мало сведущими в знании истин православной веры, хотя вообще были религиозны, любили часто приступать к исповеди и св. причащению, посещать храмовые праздники и собрания в честь уважаемых икон. «Но старина, замечал пр. ревизор, оставшаяся от отцов и дедов, уважается здесь более, нежели следует, так как сохранились некоторые отжившие и не сообразные с

православным учением понятия и обычаи,³⁸⁸ причем сами священники сих уездов отзывались о своих прихожанах, как о народе, крайне грубом, невежественном и неусердном, потому что мало жертвует и не заботится о поддержании церквей и причтовых домов, так что-де образованному и порядочному человеку с таким народом нельзя иметь дела».

При обозрении церквей Лидского и Ошмянского уездов в 1878 году, пр. Владимир к недостаткам паствы отнес существование почти во всех приходах униатского, или даже римско-католического обычая чтения молитв на польском языке. Из отчета пр. Авраамия о состоянии церквей Белостокского уезда за 1883 год узнаем, что сами священники в некоторых приходах делали ему заявление относительно недостатков своих прихожан, которые, между прочим, состояли в том, что являющиеся на исповедь большею частью не сознавали своих грехов, упрямствовали в обнаружении своих пороков и греховных наклонностей. В числе других недостатков, по замечанию пр. Авраамия, было и то, что в воскресные дни и табельные бывало мало народа в церкви; старики, за малыми исключениями, знали молитвы только по-польски, были мало усердны к церкви, чаще посещали костелы, а иногда вместе с латинянами отправлялись на богомолье в царство польское. Кроме того, народ был весьма расположен в разных случаях своей жизни обращаться к знахарям, минуя священников. Сей же преосвященный заметил в некоторых приходах Гродненской губернии такие суеверные обычаи в народе, как закапывание во время бедствий заставы, взятой от плотины, посреди улицы или при входе в деревню, и на хлебных полях костей мяса, освященных на пасху, держание, при крещении незаконнорожденного ребенка мужского пола, кумом при себе спрятанной в кармане конской узды, а при крещении такого же ребенка женского пола, немного льну в кармане, и, кроме того, пред отправлением из дома для крещения младенца, обхождение кумовьями с ним три раза во круг стола с хлебом. Во многих местах преосвященный заметил еще то предосудительное явление, что кумовья, после совершения

крещения, а женщины, после сорокового дня, спешили в корчму, где напивались до безобразия.³⁸⁹

Но, при всей наблюдательности некоторых преосвященных викариев Литовской епархии над жизнью народа, нельзя, однако, же, не заметить того, что, во время проезда их по обзору церквей, им представлялась по большей части лишь одна внешняя сторона этой жизни, дававшая им повод, например, вследствие множества народа, собравшегося для их встречи в известной церкви, заключать о глубокой религиозности его. Между тем, внутренняя сторона жизни народа делалась известною пр. викарию, особенно в первое время его служения в Литовской епархии, лишь по тем сведениям, какие ему доставлялись местными благочинными и священниками, в интересах которых не всегда бывало открытие настоящего положения дела. Посему, для составления более ясного представления о религиозно-нравственном состоянии народа, мы должны воспользоваться еще и теми сообщениями, и наблюдениями, которые делались разными лицами, имевшими возможность познакомиться с этой жизнью, в разнообразных её выражениях и проявлениях, более или менее самостоятельно и обстоятельно. К сожалению, в большей части этих сообщений отмечается вообще религиозная безразличность народа воссоединенного, так сказать, его тепло-хладность по отношению к делу православия и русской народности.

Так, в Церковно-Общественном вестнике³⁹⁰ указывалось на то, что религиозно-нравственное состояние белорусов Литовской епархии, за малыми исключениями, было в печальном виде, так как твердых, отчетливых религиозных убеждений, в большинстве случаев, не было видно. Были такие приходы, которые, если не «de jure», то «de facto» находились в состоянии унии. Священниками в них были или еще старички, из униатов, или же люди, хотя и новейшей формации, но понимавшие обязанности своего пастырского служения слишком просто и узко, только в совершении в известные дни богослужения и треб. Учительство, забота о религиозно-нравственном просвещении паствы, по их мнению, дело не их. Больно и обидно становится православному человеку,

зашедшему в церковь такого прихода на богослужение: все присутствующие в церкви крестятся, по обычаю латинской церкви, всею рукою, кругом раздается сильный шёпот польских молитв. Некоторые женщины, по обычаю римской церкви, расprostируются внутри храма на полу «кжижем». Если спросить у крестьянина такого прихода о различии православия от латинства, он скажет, что Бог, как в костеле, так и в церкви, один и тот же, и где бы ни молиться, совершенно безразлично, но в костеле ему приятнее, потому что там есть орган».

Известный профессор М. О. Коялович, сам уроженец Литовской епархии, которого уже ни в каком случае нельзя подозревать в намеренном сгущении темных красок при изображении религиозного быта народа в сей епархии, после своей поездки в оную в 1886 году,³⁹¹ вынес из неё то убеждение, что дело православия и русской народности еще мало подвинулось вперед. Это он прежде всего заметил из отсутствия народа простого в православных храмах г. Вильны. «В Вильне, писал он, и в эти большие Троицкие праздники, и в следующие дни за ними чувствовалась на каждом шагу, особенно в храмах, великая обида русской земли. Мы – русские сильны в западном крае России простым народом, а слабы интеллигентными силами. Простой народ выносил на своих плечах все исторические невзгоды, оставался русским и в важнейшие моменты всегда поворачивался на восток к России. Интеллигенция страны, напротив, падала пред польской силою и сливалась с нею. Между тем, теперь в православных храмах Вильны, да и в других городах западной полосы страны, представляется обратная картина: в православных храмах почти не видно простого народа, а видна лишь русская служебная интеллигенция, а костелы переполнены простым народом, закрывающим своею массою панов и паней. Православный храм, в котором так просто, так много и сильно говорит душе верующего служба Божия, чужд тамошнему русскому народу, а костелы, где так много искусственного и не понятно все, что канонически положено, переполнен русским народом, да еще этот русский народ распевает за одно с

панами по-польски добавочные части латинского богослужения».

Указав, затем, на то, что молодое поколение белорусов в церквах совсем иначе держит себя, чем старое, выросшее под влиянием остатков унии, так как стоит прямо, а не на коленях, как старики и старухи, крестится правильно, ставит привычными руками свечи и не читает про себя польских молитв, внимательно и напряжению вслушивается в церковное пение и чтение, он, тем не менее, на основании большего количества преступлений, совершаемых в настоящее время белорусами, вывел то заключение, что вся совокупность нравственного влияния на народ недостаточно сильна.

Успехи дела русской народности в северо-западном крае, по замечанию М. Осиповича, были также слабы. Как на доказательство сего, он указывал на то замеченное им в явлениях белорусской жизни обстоятельство, что христиане мещане, говорившие прежде в западной части Белоруссии по-белорусски, теперь говорят то и дело по-польски. Тоже явление М. О. заметил и в молодых крестьянах. «Вообще, говорит он, где только слабо русское влияние, там крестьяне латинского закона, а иногда и православные, выдвинувшиеся вперед своим благосостоянием, особенно купившие значительное имение, сейчас же заводят порядки жизни по образу польских панов и воспринимают речь польскую».

Но всей западной полосе Белоруссии Коялович заметил быстрое изучение народом польского языка в тайных школах, которые следовали по пятам русских православных учителей, даже в церковно-приходских школах, где иногда бывало как бы две смены учения – русская и, затем, польская, причем самое внимательное наблюдение и самые строгие взыскания не могли остановить этого зла, потому что ксендз не принимал на исповедь того, кто не знал молитв на польском языке и дурно смотрел, если кто из грамотных не читал и не пел по польским духовным книжкам, каковые и вообще народные польские книжки везде можно было достать по дешевой цене и спрос на них был такой большой, что даже русские книгоноши из внутренней России занимались продажей польских книжек.³⁹²

Не меньшего доверия заслуживает также сообщение относительно недостатков воссоединенного народа г. Мелиоранского, как стоявшего близко к народу по своей должности инспектора народных училищ в Гродненской губернии. «Известно, писал он в № 8 Литовских епархиальных ведомостей за 1887 год, что насколько вообще Гродненская губерния может быть названа лучшей представительницей в Литовской епархии православного и искони русского населения, настолько сама Гродна по составу, характеру и духу своего постоянного населения, совершенно не может быть названа представительницей своей губернии. Живя на польской границе (от Гродны лишь одна верста от Сувалкской губернии), среди поляков и евреев, местное русское население Гродны и его окрестностей не могло не воспринять на себя много чуждого и несвойственного духу своей национальности и в религиозном отношении даже уклонилась от истинного источника русского православия и носит на себе еще живую печать недавней унии или олатинения. Все это довело сельское население прихода до состояния религиозно-национальной безличности, как это с определенностью констатировано было членами совета Гродненского братства в заседании 30 марта прошлого года». «И в самом деле, замечает, г. Мелиоранский, достаточно указать здесь на тот часто наблюдаемый факт в нашем народе, что в воскресные и праздничные дни здешние крестьяне посещают костел, молясь, исповедуясь и причащаясь в нем. С тем же усердием, по временам, особенно весною, посещают и наш православный собор или, наоборот, из собора идут в костел». «Вообще, заключает он свое сообщение, местное русское население, при всех усилиях правительства, духовенства и отдельных русских деятелей в течение последнего двадцатипятилетия, еще пока не довоспиталось, как ни много сделано в этом направлении, до сознания своей самобытности».

В № 18 Церковного Вестника за 1892 года также была помещена правдивая статья «Следы латинства и унии в православном населении западного края», в которой указывалось на то, что, несмотря на прошедшие 50 лет со времени воссоединения униатов, в западнорусских церквях еще

и до сих пор сохранились следы унии и латинства, между тем как следовало ожидать, что раз католические обычаи и воззрения прививались всегда почти против воли православного населения, очищение оных должно идти вполне добровольно. К таким следам и остаткам латинства и унии автор сообщения относил католические иконы не только в домах прихожан и священников, но даже в церквях, католические кресты и медальоны, носимые на груди почти всеми крестьянами и более всего крестьянками, особенно шкаплеры, чтение молитв католических и на польском языке, чтение символа веры со словами «и от Сына», привязанность к униатским праздникам (в некоторых приходах и доселе праздновали 16 сентября – Юзефату), к «отпустам» и к религиозным обычаям, связанным с теми или другими церковными днями. Особенно он восстает в указанной статье против вредного по своему значению и по своей живучести почти повседневно в западном крае обычая совершать таинство крещения через обливание, каковое обстоятельство, по справедливому замечанию его, давало повод не только русскому крестьянину, но часто и «интеллигенту» относиться с подозрением к «обливанцам», считать их людьми, лишенными благодати, чуть не еретиками, и, в лучшем случае, людьми, олатинившимся и ополячившимся. «В существе дела, говорит он, в губерниях Виленской и Ковенской нельзя даже провести резкую грань между православными и католиками. Православное, вернее, quasi православное население, хотя формально и порвало несколько десятков лет тому назад вековую связь с Римом, однако, колеблется еще в своих религиозных убеждениях, и, нужно сказать правду, симпатии его, хотя и невольные, более на стороне костела и католичества, чем православия и церкви, и, вероятно, кроме этих двух губерний, на обширном пространстве западно-русского края найдется еще не мало уголков с подобным же составом населения и с подобным же настроением».³⁹³

Но особенно неблагоприятными чертами характеризуется даже местным духовенством религиозно-нравственное состояние тех православных прихожан, которые находятся в

услужении у поляков-помещиков и евреев.³⁹⁴ Так, прослужившие достаточно времени у панов делаются настолько неузнаваемыми, что от них остается только одно православное наименование. Во внешнем костюме они всеми силами стараются отличиться от крестьян; по примеру своих панов, они сами признают «хлопом и быдлом» тех, с коими они связаны самыми тесными узами родства и происхождения. Чтобы самое имя и фамилия не обличали принадлежности их к крестьянскому званию, они считают своим неперенным долгом исковеркать их. Посему, Корнелий превращается в Каспара, Парфений во Франца, Иван в Янка. При крещении они просят священника нарекать детей их излюбленными панскими именами, в роде Кароля, Людвига, Эдмунда, Генриха, и очень обижаются, когда при крещении услышат имя «Николай», «Трофим», и очень нередко переделывают данное имя на свой излюбленный лад. Особенно стараются изменять свои фамилии, так что «Дубина» зовется «Дембинским», «Заруба» – «Зарембским».

Посему, при выдаче им метрических записей, встречается существенное противоречие на счет фамилий с их показаниями, и они стараются подкупить священника изменить природную фамилию в документах непременно на панский лад. В церковь они являются весьма редко и обязательно только раз в году, к исповеди, и здесь видимо стесняются. Установлений православной церкви они не соблюдают, в большинстве не знают молитв православных и, взамен их, говорят польские, крестятся по-католически и держат пост в субботу. В отношении трезвости «дворяки» и «дворячки» стоят выше крестьян, но, за то, они отличаются легкостью поведения, особенно дворячки. В политическом отношении – этот элемент также очень неблагонадежен, так как о России от него часто выходят известия смутные, непокойные.³⁹⁵ Далеко также неблагоприятно для православных прихожан нахождение их в услужении у евреев. Правда, по замечанию того же священника, который засвидетельствовал неблагоприятное влияние на прихожан, состоящих на службе у панов со стороны последних, евреям-землевладельцам и арендаторам все равно, как служащие у

них дворяки молятся, на каком наречии говорят, каковы их религиозные и политические убеждения, так как на своего дворяка еврей смотрит только, как на рабочую силу, от которой требует одного важнейшего условия – крепкой мускульной силы, дабы он был возможно производительнее. Но зато, зная цену рабочего времени, которое для еврея те же деньги, он ни за что не согласится даже на пасху и храмовой праздник отпустить дворяка в церковь и даже вдвойне считает время, употребленное дворяком для великопостного богослужения. Результат получается тот, что, хотя еврейские дворяки нисколько не удаляются от народа, но, за то, они крайне невежественны в религиозном отношении. Прослужив долго у еврея, крестьянин почти забывает молиться Богу.

Отчет обер-прокурора св. Синода за 1891 год³⁹⁶ также указывает на очень вредное влияние евреев на православную среду в западном крае. «Евреи, читаем мы в сем отчете, в черте постоянной еврейской оседлости составляющие преобладающее большинство в городах и местечках, забрав в свои руки почти всю торговлю» в населенных ими местностях, производят оную, главным образом, по воскресным и праздничным дням, в ущерб религиозно-нравственной жизни православных христиан. Обыкновенно пустующие в будние дни базары оживляются и переполняются народом в воскресные и праздничные дни. А в храмах в эти дни пусто. Перенесению же базаров и ярмарок с воскресных и праздничных дней евреи всячески противодействуют. Так, Виленский губернатор несколько раз предлагал городской управе в местечке Радошковичах перенести базары с праздничных на будние дни, но евреи делали сговор: все, привезенное крестьянами в воскресные дни – раскупать, а привезенное в будние дни – не покупать, и этим заставили крестьян, оставляя воскресное богослужение, приезжать в местечко для купли и продажи. Но, помимо базаров, в руках евреев имеется постоянное и весьма действенное средство для своих целей, это патентная и беспатентная продажа спиртных напитков, через которую совершенно спаивают и разоряют народ, причем крестьяне перенимают от шинкарей-евреев разные дурные пороки и

привычки. Мало того: евреи вмешиваются в общественную и семейную жизнь крестьян и стараются возбуждать у них недовольство против священнослужителей. Влияние евреев проявляется самым заметным образом по отношению к православным, проживающим у них в домашнем услужении. Малолетние, прожив у евреев несколько лет, совсем забывают православную веру, расшатываются верования и взрослой прислуги. По субботам и воскресным дням она лишена возможности посещать православные храмы, потому что в субботу вынуждена торговать или сидеть в шинке, так как сами евреи строго соблюдают свои праздники. По воскресеньям же и праздничным дням евреи, по случаю базаров, особенно нуждаются в прислуге, почему она и не отпускается для молитв, под страхом штрафов и отказа от места. Таким образом, православные, попав в еврейскую среду, не посещают храмов Божиих, отвыкают видеть св. иконы, наблюдать христианские праздники и другие установления церкви. Работающих же на еврейских фабриках и заводах они развращают разными способами, заставляя их, между прочим, работать и по праздникам. Евреи же раскинули около фабрик и заводов сети кабаков и пивных лавок и сманивают туда фабричный народ, который увлекается в самую разгульную жизнь, пропивает евреям все заработанные деньги и, теряя здоровье, выходит оттуда искалеченным и нравственно и физически, часто неспособным к труду и не на ничто непригодным, после работы у евреев».

Несмотря на введенную недавно в крае монополию, евреи продолжают, однако, действовать развращающим образом на народ, устраивая против казенной лавки с вином, свою лавку с красным и бакалейным товаром и втихомолку торгуя пивом и водкой.³⁹⁷

Можно было бы привести еще более доказательств того, что дело православия и русской народности в Литовской епархии далеко не стоит на той высоте, на которой желательно было бы его видеть, но думаем, что и сказанного достаточно, чтобы убедиться в этой грустной правде.

Что касается причин такого положения дела, то их не мало. Первою и главнейшею причиною был, как мы уже раньше отчасти говорили, самый способ присоединения к православной церкви в 1839 году униатов, а в 1864 году – 66 римско-католиков чисто формальным образом, помимо собственного убеждения присоединяемых в правоте православия пред унией и католицизмом. Но, если такая мера присоединения униатов в 1839 году, хотя и не принеся желательных плодов, могла бы быть оправдана отчасти с политической точки зрения, так как правительство видело в этом воссоединении униатов вернейшее средство к восстановлению в них почти совсем утраченного ими русского облика,³⁹⁸ то дальнейшее применение этой меры обращения уже по отношению к римско-католикам, как со стороны гражданской власти, так и некоторых лиц из местного духовенства, было положительно вредно. Православное духовенство, подражая ксендзам и заботясь только о формальном увеличении своей паствы, как бы совсем забыло заветы пастырей древней православной церкви, которая не придавала никакой цены такому, чисто внешнему присоединению иноверцев. Принебрежены были слова св. Киприана, епископа Карфагенского, который, в звании примаса североафриканской церкви, давал такое наставление другим епископам: «мы, епископы, должны давать отчет Господу, тщательно взвешиваем и осторожно испытываем, кого следует принять и допустить в церковь. Не следует собирать в церковь такую гнилость, которая бы заразила все здоровое и цельное, и тот пастырь не будет искусным, который допускает в стадо зараженных овец». «Ты, пишет он к Корнелию, не смотри на число их».³⁹⁹

И в то время, как высшая духовная власть в России, в лице св. Синода держалась всегда сей мудрой заповеди св. Киприана, что и доказала, например, предписанием духовенству западных губерний в 1840 году присоединять к православию иноверцев не иначе, как после обучения их истинам веры православной, местное духовенство более заботилось о числе своих прихожан, нежели о достоинстве их. По нашему мнению, немаловажною причиною стремления

духовенства Литовской епархии часто к без разборчивому увеличению числа присоединившихся к православной церкви послужило то распоряжение пр. Иосифа, по которому священникам вменялось в обязанность вносить в свои формулярные списки число присоединенных ими с тою целью, чтобы можно было по сему судить об их пастырской ревности.

Особенно проявилось это нежелательное в интересах церкви православной явление в 1864–1866 годах. Как известно, вступив в управление северо-западным краем, М. Н. Муравьев пришел к тому убеждению,⁴⁰⁰ что пока будет оставаться в крае воюющее польское католичество и польско-католический костел будет стоять рядом с православною церковью, дотоле костел будет подавлять церковь. В силу этого убеждения, у него явилась мысль об очищении края от католичества, и мысль эта, по-видимому, стала осуществляться, так как последовали обращения католиков массами, целыми приходами. М. О. Коялович считал основным началом сего движения то обстоятельство, что между муравьевскими чиновниками и народом образовалось тесное единение, которое принесло богатые плоды. «Устройство крестьянского дела, улучшение положения и значения православного духовенства подняло, писал он, высоко русское знамя, русскую православную силу, а паны и ксендзы, опозоренные изменою и смутой, страшно пали даже в глазах народа латинской веры. Считавшие себя поляками стали называть себя русскими латинского закона и те из среды его, которые обладали цельностью и решительностью характера, стали признавать неестественным, неудовлетворительным такое свое положение, и устремились в православие. Вообще народ в это время целыми деревнями просил записать его на православие».

По нашему мнению, здесь находится противоречие в словах г. Кояловича. Сам он признает, что в православие устремились только те лица, которые обладали цельностью и решительностью характера, и в тоже время констатирует факт обращения в православие народа «целыми деревнями», в которых, конечно, было не мало лиц, не обладавших этими свойствами характера.⁴⁰¹ Но этого мало. Если бы М. О. не

писал серьезно, то можно было бы принять за иронию его следующие слова, по поводу того же движения народа в православие: «даже жида в это время с новою силою стали прославлять православие, поддакивали, что русская вера лучше польской, потому что во время этого движения народ массами собирался то у церкви, то у волостного правления, естественно, посещал корчмы и давал жиду больше доходов».⁴⁰² Этим последним замечанием М. О. сам подтверждает незаметно для себя тот факт, что движение в православие по местам, где, например, находились еврейские корчмы, и где евреи превозносили православие пред католичеством, было искусственное и потому неустойчивое, как увидим после. Киприанович объясняет указанное движение к православию более всего необыкновенным подъемом духа среди местного православного духовенства, хорошо понимавшего, что тогдашние обстоятельства особенно благоприятствовали возвращению в православие католиков–простолюдинов, насильно загнанных в польское католичество во времена владычества Польши. Под этим благоприятным обстоятельством он, наверное, понимает, главным образом, ту ревность, с какой муравьевские чиновники обращали народ в православие. Но ревность эта далеко не всегда была по разуму.

Нужно заметить, что сам Муравьев держался правильного взгляда на круг обязанностей гражданской власти и духовной в деле охранения православия от католицизма в крае. В известном отношении к митрополиту Иосифу касательно замеченного им посещения православным народом костела, вместо церкви, и употребления польских молитвенников он ясно указывал на то, что в сем деле указания и увещания приходскими священниками неповинующихся и непокорных должны предшествовать обличениям гражданских чиновников, так как пастырям, конечно, недуги паствы и хромающие на обе ноги лучше и вернее известны, нежели кому-либо из гражданских чиновников. Вообще, по мнению М. Н. Муравьева, деятельность приходского духовенства должна была проявляться раньше действий чиновников, которым всего было

приличнее принять вид содействия и внешнего ограждения православной церкви.

Но низшие чиновники муравьевского времени не могли возвыситься до такого взгляда своего главного начальника, не говоря уже об обещаниях темному крестьянину таких очевидных пред ним выгод, как вещественных, в смысле улучшения его материального положения, в случае согласия его дать подписку⁴⁰³ на желание его присоединиться, эти чиновники не задумывались даже над тем, чтобы иногда чисто полицейскими мерами заставлять католиков присоединяться к православной церкви. Так, из жалобы 130 крестьян м. Ильи узнаем, что за нежелание в 1866 году некоторых католиков сего местечка выдать подписки священникам на согласие присоединиться к православной церкви они были передаваемы последними полицейским, которые отправляли их в погреба или чуланы, где их стегали нагайками. И во многих других прошениях новоприсоединенных указывалось на такое же обращение их в православие. Если даже отвергнуть правдоподобность сей жалобы Ильских крестьян, однако, приходится считаться с сообщением одного военного о. протоиерея, квартировавшего в 1864 году в г. Ново-Александровске, Ковенской губернии, относительно насильственного обращения в православие римско-католиков с помощью розог,⁴⁰⁴ например, Тройским исправником-магометанином по вероисповеданию.

Между тем, и духовенство православное в лице некоторых своих членов, и далеко немалочисленных, оказалось причастным такому присоединению католиков к православию. К этому времени окончательно создан под влиянием внешних благоприятных обстоятельств далеко не симпатичный тип так называемого боевого священника, направляющего всю свою деятельность на борьбу с католическим духовенством, тайные происки коего, по его мнению, были единственною причиною выказываемого униатами, и католиками упорства. По справедливому изображению о. И. Фуделя, эти «боевые священники» представляют из себя довольно точную копию ксендзов. По крайней мере, действия их всецело исходят из положения «цель оправдывает средства». Высокомерное

отношение к своим прихожанам, подчинение их себе посредством тонко выработанной дисциплины, разжигание в них политической ненависти к своим противникам – достаточно характеризуют их».⁴⁰⁵ Борьба явная и тайная с ксендзами всеми возможными средствами, постоянные розыски лиц, отклоняющихся от православия, воздействие на них через посредство чинов полиции, постоянное хождение по судам и возбуждение дел о «совращении» занимает у этих «пастырей» все их свободное время, и результаты такой деятельности не особенно благоприятны для православия.⁴⁰⁶ К числу таких боевых священников принадлежали, судя по жалобе Ильских прихожан, местный благочинный и несколько соседних священников, которые не желавших принять православие передавали полицейским, а последние, если только верно показание сих прихожан, насильно завели их в церковь и здесь без разбора, кто пьян или выпивши, заставляли их исповедаться и св. тайн приобщаться.

К числу таких боевых пастырей, конечно, должно отнести священника Чайковского, которого в 1870 году за то, что показал принадлежащим к православной церкви одного крестьянина-католика и доставил о том подписку, без согласия и в отсутствие сего крестьянина, в чем и сам сознался, епархиальное начальство послало на один месяц в Гродненский монастырь на эпитимию, а крестьянина положило считать не принадлежащим к православной церкви. К этой же категории священников нужно отнести и священника С. прихода Г., который в 1866 году причислил к православию крестьянина М., помимо его желания. В жалобе, поданной сим крестьянином сперва в Гродненскую палату уголовного суда, а потом в сенат, указывалось еще на 20 человек, от которых были отобраны подписки против их желания, с употреблением насилий и даже побоев.⁴⁰⁷ Крестьянин сей уже только в 1880 году получил удовлетворение своей просьбы об освобождении его от исповедания православия.

И нам думается, что М. О. Коялович, защищавший печатно священника Г., действовал так в силу своего недоверия к возможности подобного поступка со стороны православного

священника, тем более, что до своей поездки в северо-западный край в 1886 году он представлял положение здесь дела православия и русской народности в преувеличенно светлом виде.

К числу подобных боевых пастырей справедливо отнести и Волковысского благочинного Куцевича, который в своем рапорте в 1869 году архиепископу Макарию довольно откровенно высказал свой взгляд на обращение католиков в шестидесятых годах. Здесь он прежде всего констатировал тот бесспорный факт, что эти присоединенные уклонялись от исповеди и св. причастия, причину чего он справедливо усматривал в том, что присоединение их совершалось по мысли и настояниям местных чиновников и, «как кажется, не без ведома и участия высших властей в крае». Что же касается до той роли, какую духовенство играло в этом деле, то Куцевич, выражая оное, утверждал, что эта роль была чисто пассивная. «Духовенство, писал он, не руководимое никакими особенными по сему делу инструкциями, и по важности самого дела, и под опасением ответственности в тогдашнее строгое военное время, должно было принять участие в присоединении подлежащих возврату латинян к православной церкви».

Тем не менее, Куцевич одобряет такое обращение латинян в православие муравьевскими чиновниками в силу той морали, которая говорит, что «цель оправдывает средства». «И хотя, замечает Куцевич, сие присоединение обошлось не без некоторых печальных увлечений, так как присоединение велось быстро и без предварительной строго обдуманной системы, однако же, оно было правильно, ибо было слабым возмездием ксендзам и полякам за бесчисленные вековые кровавые их обиды и преследования нашего исповедания в прошедшем, и, при том, результаты были достигнуты чрезвычайно важные, так как общее число православных, в течение двух только лет, по одному Волковысскому благочинию увеличилось до 11 тысяч». Но этого мало, Куцевич, вероятно, с целью склонить пр. Макария к сочувствию насильственному присоединению католиков имел смелость в своем рапорте указать своему архипастырю на невероятное явление, будто бы им замеченное,

это на то, что иноверное население, живущее по деревням, вообще склонно к принятию православия, но считает бесчестьем принять оное добровольно и нуждается только во внешнем побуждении к тому.⁴⁰⁸

Другой благочинный, священник Ш. в своем рапорте на имя архиепископа Макария в том же 1869 году, печалась на то, что, «при всесторонних расходах к цели общительности и приложения воссоединенных, довольство духовенства очень незавидно, так что материальное обеспечение священников не соответствует их миссионерским постам, так как оно бедно и скудно и в глазах иноверных смешно и даже поносно»,⁴⁰⁹ находил для духовенства утешение в том, «что полиция приняла участие в делах о принявших православие, так как через это, с одной стороны, духовенство получило более возможности предложить слово назидания совратившимся, а с другой, и потому, что считающие себя уже свободными от обязательств присоединения, видели себя в нужде вспоминать о своих обязанностях. Впрочем, с грустью замечал сей пастырь, сторонник полицейских воздействий на религиозные убеждения иноверцев, невозвратно то время, когда расстроились приходы, вследствие совершенного безучастия полиции, безучастия, последовавшего со второй половины 1867 года, после всевозможных (!) стараний и усилий оной в пользу православия в 1865 и 1866 годах».

Таким образом, из сказанного нами ясным становится, что духовенство Литовской епархии, в лице некоторых своих членов, далеко не было безучастно в том нежелательном способе обращения католиков в православие, какой иногда в указанное время практиковался со стороны гражданских властей.

Впрочем, как и следовало ожидать, архиепископы Литовские Макарий, Александр и Алексий не сочувственно относились к таковому способу увеличения числа членов православной церкви. Так, преосв. Александр, еще будучи викарием Литовской кафедры, в своем отчете по ревизии в 1866 году церковью уездов Виленского и Ошмянского заметил, что, при общем движении народа к православию, присоединение

делалось поспешно, без должного приготовления и сознательного усвоения истин православной веры со стороны присоединяемых, почему, с переменою обстоятельств, благоприятствовавших быстрому движению в народе к воссоединению с православною церковью, когда шляхетско-ксендзовская пропаганда стала действовать с особенною силою и дерзостно, употребляя все противозаконные средства к возвращению в латинство присоединенных, народ темный, неразвитой, бессознательно поддавался обману и лжи, ибо привычка к прежним обрядам слишком была сильна, чтобы вдруг ее оставить».

И уже будучи архиепископом Литовским, пр. Александр в 1879 году, указывая в своем отчете св. Синоду о состоянии епархии на то, что особых попечений требовали присоединенные в 1865–1966 годах из католичества, так как некоторые из них обнаруживали стремление к возвращению в католичество, главною причиною сего явления также полагал самый способ присоединения их, без должного приготовления и сознательного усвоения ими истин православной веры.

Что касается пр. Макария, то он в своей вступительной на Литовскую кафедру речи ясно указал, каким путем должно совершаться распространение православия в крае. «Православие, говорил он пастырям, есть чистейший свет и отнюдь не должно распространяться путями тьмы; употребляйте для итого одни только оружия света: наставление, вразумление, убеждение, кротость, любовь, собственный пример благочестивой жизни».⁴¹⁰

Между тем, эти слова архипастыря не понравились не только тем из местного духовенства лицам, которые держались того мнения, что римско-католическому духовенству следует воздавать тем же оружием, каким оно в свое время действовало, при обращении православных в унию и католичество, но даже М. О. Кояловичу,⁴¹¹ который находил в сих словах пр. Макария намек на то, что, следовательно, дело обращения до него велось неправильно.⁴¹²

При таком, далеко не всегда согласном с духом православной церкви, способе присоединения к оной, несколько

не может представляться удивительным то обстоятельство, что воссоединенные из унии и присоединенные из католичества, под сильным влиянием ксендзов, совращались из православия. При этом, ксендзы употребляли всякого рода средства для того, чтобы простереть свое влияние и на лиц, не подлежавших их попечению и пастырской заботливости.

Так, в интересах латино-польской пропаганды, ксендзы с особенным успехом пользовались отправлением богослужения в дни костельных празднеств, когда совершаемые при этом «отпусты» своею торжественностью привлекали к костелу богомольцев, как католиков, так и православных. В это время ксендзы искусно пользовались таким стечением богомольцев и, действуя на их совесть через исповедь, часто успевали увеличивать свою паству новыми членами, отторгая их от православной церкви.

Особенно ясно это открылось в деле совращения прихожан Клещельской церкви. С целью сильнее подействовать на народную массу, в видах поддержания в ней приверженности к католицизму и полонизму, почти уже накануне польского восстания, ксендзы устроили в 1859 году торжественное перенесение мощей св. Виктора из Варшавы в м. Яново. Насколько необычайна была по своей торжественности эта процессия, можно судить уже потому, что на всем расстоянии от Варшавы до Янова ее встречали повсюду крестные ходы, сменявшиеся на известном пункте и, при приближении к Янову, участвовало до 100 ксендзов, при нескольких сотнях хоругвей. Еще за несколько недель до этой процессии, ксендзы предупреждали по соседним уездам Царства Польского и Гродненской губернии народ об этой процессии и обещали дать разрешение грехов каждому, пришедшему в Яново. И старания ксендзов увенчались блестящим успехом. В назначенное время собралось столько народа, что и двадцатая часть не вмещалась в костел, так что епископ разрешил поставить 12 престолов и 12 кафедр для проповедников в недалеком расстоянии от костела, и с раннего утра до полудня совершались две службы и произносились проповеди. Столь великолепная обстановка, а также проповеди ксендзов имели тем большее влияние на

народную массу,⁴¹³ что одна толпа сменялась другою и возвратившиеся домой своими рассказами побуждали других спешить туда же, так что каждый день там перебивало до 5 тысяч человек.⁴¹⁴ В свращении порозовских прихожан так же оказался замешанным ксендз Порозовелого костела, который совершением торжественного богослужения в костеле, особенно во дни, посвященные св. Антонию Падуанскому, привлекал, по словам местного православного священника, и воссоединившихся из унии и здесь без разбора принимал на исповедь.

Иногда ксендзы заводили с целью пропаганды у себя праздники в костеле, которых не было в католической церкви, как это видно из жалобы Литовского епархиального начальства Тельшевскому католическому епископу на ксендза Трамбовского, который в день, установленный для празднования воссоединения униатов в 1839 году, завел в своем приходе празднование в честь будто бы присланного из Рима креста и, кроме того, тайным образом перенес в свой костел образ св. Параскевы из Новолоцкой церкви и учредил в оном бывший в церкви праздник. Литовское епархиальное начальство в сем поступке, не без основания, видело намерение ксендза соблазнять православных прихожан, тем более, что он выдавал один крест, якобы за чудесный, присланный от папы со св. мощами, между тем как ничего не говорил о дарственной на сей крест папской грамоте, которую следовало бы предполагать, коль скоро сей крест, действительно, был бы прислан папою и заключал в себе мощи.

Подобного же рода жалоба была принесена в 1869 году священником Олькеникской церкви Макаревским, по поводу выдавания ксендзом Олькеникского костела за действительные мощи св. Бонифация находящихся в сем костеле. Тройский благочинный, представляя эту жалобу священника М., указывал, со своей стороны, на то, что в католической церкви не считается предосудительным, для удержания и утверждения народа в католичестве, деревянные статуи и восковые фигуры выдавать пред оным за действительные мощи, каковые и были в Олькеникском костеле, представляя из себя восковую фигуру,

помещавшуюся в деревянной раке, опоясанной опекунской печатью.⁴¹⁵

Из жалобы пр. Иосифа Семашки графу Протасову видно, что, после перенесения Литовского епархиального управления из Жировиц в Вильну, католическое духовенство, во главе с своим епископом Цивинским, так сказать, на глазах самого генерал-губернатора, употребляло все меры к тому, чтобы, как можно сильнее, фанатизировать народ. Для этой цели оно более всего пользовалось известною святынею, Остробрамскою иконою Божией Матери. Сам епископ Цивиинский часто служил здесь, и служение его сопровождалось музыкой и двусмысленными проповедями.

Признавая весь вред от такой политики католического духовенства для православия, пр. Иосиф, для устранения подобного рода публичных служений, в письме своем к графу Протасову советовал перенести эту икону в Свентоянский костел, воспользовавшись тем удобным предлогом, что, во время богослужения, у Острых ворот становятся рогатки и прекращается всякое сообщение, тогда как здесь бывает самая усиленная езда. Впрочем, этот совет пр. Иосифа и доселе не приведен в исполнение, и часовня эта и по настоящее время служит, так сказать, центральным пунктом для молитвы латинян не только г. Вильны, но и всего северо-западного края.⁴¹⁶

Что ксендзы пользовались проповедью в костелах, как одним из враждебных православию средств, это, например, видим из жалобы в 1851 году пр. Игнатия Гродненскому губернатору на ксендза Ружанского костела, который во время проповеди в великий пост позволял себе оскорбительные выражения относительно православной церкви. И хотя следствие, произведенное по сему поводу чиновником губернского правления, показало только то, что ксендз старался лишь доказать превосходство католичества пред православною верою и другими религиями, и то, косвенным образом, однако, вследствие жалобы пр. Игнатия католическому епископу, в которой он просил сделать внушение сему ксендзу никогда не употреблять в проповедях выражений, оскорбительных для православного исповедания и произносить свои проповеди не

иначе, как после предварительного рассмотрения и одобрения своего начальства, католический епископ сделал строгий выговор, как местному декану, так и самому ксендзу, первому за то, что дозволил, без своего рассмотрения, говорить проповедь, а последнему – за укорительные выражения, и внушил ему, чтобы на будущее время строго соблюдал сделанное им по сему предмету распоряжение, под опасением немедленного удаления от должности, и признания впредь неспособным, и о таком распоряжении вновь подтвердил всему духовенству Виленской епархии, дабы оно не смело выходить из круга чисто христианского нравоучения, а тем более рассуждать о предметах, касающихся других исповеданий, под опасением взыскания.

Несколько раньше сего случая, сам пр. Иосиф, вследствие жалобы Пружанского благочинного на Шерешевского ксендза Л. за то, что он не только при частных встречах с прихожанами, но и во время проповеди отзывался враждебно о православии и, притом, не слушается своего декана, не позволяющего говорить ему проповеди, без его одобрения и, кроме того, поселяет явное несогласие и со всею неуместною ревностью заставляет простолудинов из православных отчаиваться в вечном спасении, обратил внимание на сего ксендза епископа Цивинского⁴¹⁷ и последний, еще до получения от него официального уведомления о сем, по одним только частным сведениям о неуместном поведении Л., перевел его к другому приходу, поручив декану иметь за ним строгое наблюдение.

К другим противозаконным действиям ксендзов по отношению к православию следует отнести, как проживание их, без надлежащего разрешения, при домашних костелах у помещиков, причем, через посредство последних, они оказывали вредное влияние на народ,⁴¹⁸ так и особенно то, что они ставили разного рода препятствия католикам, желавшим вступать в брак с православными. Так, в 1856 году возникло дело по поводу того, что Кобринское римско-католическое духовенство препятствовало лицам католического исповедания вступать в брак с православными, не выдавая им предбрачных свидетельств, по запрещению будто бы самого епископа

Жилинского, вследствие чего православное духовенство повенчало несколько лиц без надлежащих документов. Дело окончилось тем, что Жилинский, отказавшись от обвинения, возведенного на него ксендзами, предложил своей консистории сделать строжайший выговор декану и викарному ксендзу Кобринского костела со внушением, что, впредь, за подобного рода неуместные толкования, они не только будут устранены от занимаемых ими должностей, но и преданы суду, причем Жилинским было также вменено в обязанность ксендзам, при выдаче предбрачных свидетельств, с большею вежливостью излагать в оных обстоятельства, препятствующие заключению брака, и вообще стараться жить с православным духовенством миролюбиво, не наводи на себя никаких подозрений.

К сожалению, это вразумление мало подействовало на ксендзов, и они, в большинстве своем, продолжали делать препятствия прихожанам, намеревавшимся вступать в смешанный брак, так что в 1858 году пр. Иосиф вынужден был просить посредства св. Синода пред главным римско-католическим управлением, по поводу противозаконных действий в отношении православия со стороны Рудоминского ксендза Паца, который всячески старался препятствовать бракам православных с католиками, не принимая от последних лиц оглашений и угрожая, что не допустит, после брака, к исповеди и св. причастью и даже в костел, и говоря, что лучше жениться на лютеранке и даже еврейке, чем на русской, и что дети, родившиеся от этого брака, будут волчата. Этот же ксендз убеждал своих прихожан воспитывать детей от смешанных браков в католической, а не в православной вере, указывая на то, что это будто бы дозволяется по закону.⁴¹⁹

Как на наиболее резкую выходку католического духовенства по отношению к православному следует, по-видимому, указать на поступок ксендза Скрабовского, который в 1845 году остриг заехавшего к нему в гости запрещенного священника Гречиху так, что, по выражению Лидского благочинного Бренна, он походил на арестанта. По этому поводу возникло целое дело. И в то время, как Лидский земский суд, после следствия, признал, что это оскорбление представляет дело не уголовное, а только

личную обиду, Литовская духовная консистория не согласилась с этим мнением, находя в сем деле оскорбление обычаев православной церкви, и перенесла дело в Виленскую уголовную палату и просила рассмотреть это дело при депутате с духовной стороны, назначив для того протоиерея Гомолицкого. Но палата также решила дело в пользу ксендзов, признав их невинными в оскорблении Гречихи, так как последний сам признался, что один из ксендзов остриг ему волосы, по его же просьбе. По нашему мнению, консистория Литовская напрасно преувеличила дело, видя в нем намеренное желание оскорбить обычаи православной церкви. Гораздо правильнее понимал это дело пр. Иосиф, полагая, что Гречиха был пьян, так как и раньше того был за это отрешен от должности и помещен в монастырь, были пьяны и ксендзы. Поэтому, нам думается, показание Гречихи, что он сам просил об острижении его, как бы в знак сочувствия к латинству, заслуживает доверия.

Особенною враждебностью к православию и России ксендзы, как известно, зарекомендовали себя во время польского восстания 1863 года, когда большинство их были уличены в прямом или косвенном участии в мятеже, причем несколько ксендзов были казнены, по распоряжению Муравьева, за чтение возмутительных манифестов в костелах и подговаривание крестьян к восстанию. Но сего мало: некоторые ксендзы сами составляли шайки повстанцев и становились во главе их. Сам Виленский католический епископ Красинский, как один из наиболее усердных деятелей мятежа, был выслан Муравьевым на жительство в Вятку. Посему, нисколько неудивительно, что в такое строгое военное время, как при Муравьеве и Кауфмане, ксендзы, заботясь о своем самосохранении, притихли и боялись вести пропаганду между православными. Между тем, с прекращением военного положения и при новом генерал-губернаторе Потапове, державшемся полонофильской политики, ксендзы снова зашевелились и подняли свою голову. Так, например, ксендз Бояржинский открыто крестил младенцев, рожденных от православных родителей, принадлежавших к Юрьев-Гейшишской церкви, посещал дома православных и внушал им

не повиноваться православной церкви.⁴²⁰ В отношении пр. Макария к Потапову⁴²¹ в 1869 году также указывалось на несколько случаев совершения ксендзами у православных прихожан таких треб, как крещение, погребение и принятие на исповедь, причем виновными в том оказались даже ксендзы Виленских костелов св. Яна и Всех Святых.⁴²² В отчетах некоторых преосвященных викариев, по поводу состояния осмотренных ими в семидесятых и даже восьмидесятых годах церковей также указывалось на то, что ксендзы, являясь по своим обязанностям в смешанные семьи, простирали свои поучения и к тем из сих лиц, которые исповедовали православие. Особенное противодействие католическое духовенство оказывало, как и прежде, при вступлении его прихожан в брак с православными и, для предотвращения таких браков, употребляло всевозможные средства, преимущественно же запугивало страшными угрозами гнева Божия и вечными муками, которые должны постигнуть всякого, кто вступит в брак с схизматиками. Когда же ни угрозы, ни запугивания не действовали, тогда ксендзы затягивали и нередко отказывались выслать священнику необходимые предбрачные документы.

Наибольшую пользу получают ксендзы для своей пропаганды от костельных братств, члены которых, составляя как бы тайную полицию ксендзов, сообщают им все, что делается в каждом православном семействе и через то дают им возможность сообразовать свои действия по отношению к ним. Мало того: костельные братчики всеми средствами стараются совращать православных в католичество, как-то: лестью, запугиванием и прямым насилием, и преследуют православных, особенно вновь присоединившихся, насмешками, поруганиями, побоями, клеветой, поджогами и потравами их полей, и лугов и дерзким поношением православия. Так, принявшие православие в 1865 и 1866 годах в Юшковской и Шимковской волостях Гродненской губернии в следующем 1867 году возвратились было в католичество, а присланному для разъяснения сего обстоятельства чиновнику открыто заявили, что их побуждали к отступлению от «Московской веры» костельные братчики всякими средствами. Те же братчики

Порозовского костела заставляли насильно отречься от православной веры новоприсоединенных именно, связавши им назад руки, водили их по местечку с боем в костельный барабан и в конце улицы нанося им удары палкой. Наконец, братчики же иногда брали на себя роль ксендзов в исполнении треб для православных, тайно совратившихся в католичество. Ставя на головах православных распятия и осеняя их знаменем креста, они разрешали людей от исповедания православной веры, а также крестили детей православных родителей и хоронили умерших, собирали православный народ и совершали для него богослужение, конечно, по-польски, и, освящая воду на подобие ксендзов, окропляли ею народ.⁴²³

Об отношениях ксендзов к православной церкви за последнее время обстоятельные сведения дают отчет архиепископа Алексия о состоянии Литовской епархии за 1889 год и всеподаннейший отчет г. обер-прокурора св. Синода за 1890 год.

В первом отчете указывалось на то, духовенство жаловалось, по местам, на холодные и подчас враждебные отношения к нему ксендзов. «Но, естественно, замечал по сему поводу Владыка, духовенство и само не может отвечать ксендзам иными отношениями. Разница лишь в форме выражения этих отношений, в ксендзах они, вообще говоря, скрытнее и сдержаннее, хотя и напряженнее, по положению их, как духовенства, с одной стороны, политиканствующего вместе с панями-католиками, а с другой не господствующей церкви и даже якобы, по их преувеличенному представлению, гонимой. За то, всякое благоприятное обстоятельство, в особенности такое, как предстоящее назначение, католического епископа,⁴²⁴ сильно поднимает их служебную энергию. Посему, участились съезды ксендзов на фесты для более торжественных отправлений их, или скорее, под сим предлогом, для взаимных совещаний о мерах, относящихся до охраны католической паствы от переходов в православие, или от вступления в состав православных семейств через браки, а также на счет пропаганды латинства особенно между колеблющимися или упорствующими в мысли возвращения в латинство из

присоединенных в 60-х годах, а, если окажется возможным, то и в смешанных семьях католиков с православными, что через матерей католичек и не трудно. И в этом отношении замечается духовенством большая, сравнительно с прежними годами, настойчивость ксендзов, которые стали чаще посещать своих прихожан в смешанных семьях и хотят, видимо, при содействии панов побогаче и вообще прихожан, к приезду епископа показать свою ревность к устройству новых костелов или колоколен при них, или ремонта существующих в местах, иногда в них не нуждающихся, но, за то, боевых, так что Литовскому епархиальному начальству не раз приходилось отклонять ходатайства сего рода, присланные ему гражданским начальством на заключение».

В отчете г. обер-прокурора св. Синода, по поводу совращения прихожан деревни Селявич, указывалось, между прочим, как на виновников сего совращения, на ксендзов, которые в последнее время с особенною энергией стали возбуждать и поддерживать в местном населении настроение, враждебное России и православной церкви. При всяком удобном случае, они превозносят римско-католическую веру, указывая на её мнимое превосходство пред православием, и порицают православие, как веру «хлопскую». Под влиянием ксендзов, распространился в Гродненской губернии нелепый слух о том, что будто бы правительство, признав превосходство римского католичества пред православием, будет всех обращать в католичество, что в Петербурге уже многие, обратились в латинство и раньше других правительственные особы и что православными останутся только «попы да хлопы». «Подобные нелепости, замечает г. обер-прокурор, смущают народ и повергают его в недоумение. Посещая же чаще и чаще своих прихожан, ксендзы убеждают их чуждаться православных и не входить с ними ни в какие отношения, как с схизматиками, обреченными на вечную гибель».

В том же отчете пр. Алексия за 1889 год указывалось на то, что, и за последнее время, ксендзы пользовались теми же средствами, какими и раньше, в интересах латино-польской пропаганды, как, например, торжественным отправлением

богослужений во дни костельных праздников, причем собиралось в костелы множество народа, как католиков, так и православных. Ксендзы же искусно пользовались таким стечением богомольцев и часто успевали в такое время увеличить свою паству новыми членами, отторгнутыми ими от православной церкви. Вообще же, по замечанию отчета, влияние ксендзов наиболее было заметно в тех местностях, которые населены сплошными массами католиков и где живут поляки помещики.⁴²⁵

Но, говоря вообще о враждебных отношениях ксендзов к православной церкви, нельзя не упомянуть и о том, что некоторые из них приняли православие. Это явление наиболее было, заметно в первое время после воссоединения униатов, когда воссоединенные почти ничем не отличались от католиков. Несколько поданных прошений ксендзами о принятии их на лоно православной церкви в 1841 году подали было пр. Иосифу повод к объяснению этого явления в благоприятном для православия смысле, как общего стремления ксендзов к принятию православной веры. «Я давно уверен, писал пр. Иосиф в сем году Протасову, что, по крайней мере, половина белого римского духовенства подобного образа мыслей; одно несчастье, что у нас в России начальствующее римское духовенство избирается как бы иностранным правительством в духе римского двора и польской партии».⁴²⁶

К сожалению, действительность не оправдала этой уверенности пр. Иосифа. Большинство ксендзов искали присоединения по чисто житейским расчетам и, притом, иногда довольно низкого свойства, как, например, чтобы избавиться от того наказания, которому они подлежали за свои порочные действия, как от своего духовного начальства, так и иногда – от гражданского. Это, например, должно сказать о присоединившемся в 1841 году ксендзу Павле Турчинском, о разрешении принять которого на службу в консисторию просил⁴²⁷ пр. Иосиф графа Протасова, и который за растрату денег, принадлежавших Минскому епископу, за побег из монастыря католического и укрывательство под чужим именем, сенатским указом был лишен духовного сана и от дальнейшего

наказания освобожден только на основании манифеста от 16 апреля 1841 года. Таким образом, из сказанного о Турчинском видно, что он далеко не составлял ценного приобретения для православной церкви по своим нравственным чертам.

В 1842 году присоединился к православию ксендз Абрамович, который, давши при присоединении подписку в том, что не будет просить о дозволении ему остаться в священном сане, после присоединения, стал просить о том, хотя и безуспешно. В 1844 году присоединился иеромонах доминиканского ордена Гаспр Кныстовст, который также хотел остаться в священном сане, но не получил удовлетворения своего желания, как, по донесению архимандрита Пожайского монастыря Антония, часто отлучавшийся из монастыря и склонный к горячим напиткам.

Бывали случаи, когда ксендзы, подавши прошение о присоединении их к православию, в скором же времени подавали новое, с выражением своего нежелания присоединяться. Таков был, например, ксендз Куновский, который в 1857 году подал прошение о присоединении его, причем в прошении излагал, что будто бы еще с малолетства хотел присоединиться к православию, но только родители его сему воспрепятствовали: после же, присоединения, он намеревался ехать учиться в медико-хирургическую академию. Куновского, до присоединения, подвергли испытанию, причем протоиерей Немцевич донес было, что ксендз этот вполне искренно желает присоединения. Однако, в самом непродолжительном, после сего донесения, времени, Куновский подал новое прошение, в котором писал, между прочим, что «призрак наружной жизни соблазнил его и он позавидовал многим ближним, стоявшим гораздо выше его, отчего в нем зародилась страсть к почестям и власти, вследствие которой он, позабыв на этот раз свою совесть и забыв слова Спасителя, что никто двум господам не может служить, решился ложно и против внутреннего убеждения подать прошение о присоединении его». В заключение, он просил оставить его прежнее прошение без последствий, что, конечно, и было исполнено.

После сего неудивительно, что наученный горьким опытом, митрополит Иосиф впоследствии подозрительно стал смотреть на ксендзов, выражавших намерение принять православие. По замечанию его, единственно удачный пример присоединения (разумеется время до 1860 года) из латинских ксендзов представлял ксендз Антоний Петкевич, которого он уговорил в 1844 году остаться в священном сане и, продержав несколько времени при себе в Жировицах, назначил к Ковенскому собору, а после к Виленскому кафедральному собору. «Прочие же ксендзы, говорит он, присоединенные другими преосвященными и мною самим, почти без исключения выйдя в светское звание, стали укором для церкви православной. так что я впоследствии отклонял и затруднял присоединение ксендзов».⁴²⁸

Случаи боле чем единичного присоединения ксендзов встречаем уже после 1863 года, когда, по словам митрополита Иосифа, многие из католиков и даже некоторые ксендзы усомнились в собственном законе и спрашивали себя: может ли быть святая и истинная вера та, которая поощряет измену, клятвопреступление и которой пастыри позволяют себе призывать свои паствы к мятежу, или даже сами ведут их на грабеж и убийство и проливают человеческую кровь собственными руками, обыкновенно приносящими бескровную жертву Всевышнему. Таких ксендзов, присоединившихся к православной церкви, было четверо,⁴²⁹ из коих ксендз Подберезского костела Иоанн Стрелецкий своим примером содействовал обращению в православие 1500 человек своих бывших прихожан, которые, впрочем, и доселе еще недостаточно тверды в православии, равно как и прихожане Яловского прихода, который образовался после присоединения ксендза с 2500 прихожанами, из которых в последнее время до 250 человек совершенно уклонились от православной церкви. Ксендз Стрелецкий был принят в число членов Литовской епархии, с оставлением в сане священника, и долгое время состоял настоятелем Касутской церкви в Вилейском уезде, а пр. Алексием для пользы службы перемещен в Гродненскую губернию.

Если не ошибаемся, последний случай присоединения к православной церкви ксендза и, притом, с оставлением в священном сане, был уже в 1869 году, при архиепископе Макарии, когда присоединился ксендз Владислав Циолковский. Он был назначен на священническое место в м. Креве, Виленской губернии, Ошмянского уезда, с тем, чтобы здесь был под руководством священника Планового, который обязывался чрез полгода донести, насколько он успел в отношении отправления православного богослужения.⁴³⁰

Но, говоря о противозаконных поступках ксендзов против православия, не находим справедливым умолчать и о том, что само православное духовенство не всегда правильно держало себя по отношению к католическому. По нашему мнению, поступок священника Сморгонского прихода Гинтовта, на которого пожаловался епископ Жилинский пр. Иосифу в 1851 году за то, что он в день празднования католиками праздника «Тела Господня» пришел с своим крестным ходом⁴³¹ к трём устроенным ксендзом алтарям для католического крестного хода и там служил молебен, вследствие чего возник ропот в народе, заслуживал более строгого наказания, чем какому подвергло его епархиальное начальство, ограничившись одним только выговором ему.

Не мало было случаев, когда священники писали жалобы своему начальству на ксендзов, придавая их поступкам преувеличенное значение и требуя строгого наказания им. Так, например, в 1868 году Тельшевский священник Зосимович возбудил дело относительно ксендза Ретовского за то, что он не снял шапки в то время, когда он провожал тело умершего, в преднесении креста. И Литовская духовная консистория, в свою очередь, поддержала эту маловажную жалобу, отнесшись в Тельшевскую католическую консисторию с требованием наказания ксендза. Но последняя не нашла ксендза виновным, указав на то, что, по церковным правилам католической церкви снятие, шапок в похоронных процессиях не положено и оставлено на волю сопровождающих процессию. Бывали и такие случаи, когда священники, возводя жалобы на ксендзов за

их противозаконные поступки против православной церкви, оказывались сами виновными.

Так, это было в 1848 году, когда возникло дело о не дозволении ксендзом Яновского костела похоронить умершего православного крестьянина на католическом кладбище и о вмешательстве его в пределы православного прихода, причем, впоследствии, оказался виновным сам священник Кочановский, который, вопреки всякому праву, дозволил себе освятить католическое кладбище и самовольно хоронить на нем своих прихожан. Дело это окончилось уже в 1854 году и сошло вполне благополучно для сего священника, за поступлением его в монахи. Косвенным доказательством того, что воссоединенные священники, жалуясь на вмешательство ксендзов в православные приходы, сами позволяли себе иногда подобные действия по отношению к католическому населению, может служить тот факт, что еще в 1842 году Литовская духовная консистория, по поводу указа св. Синода о возвращении в православие бывших униатов, совращенных в латинство, сочла необходимым обязать священников подпиской в том, что они не будут подавать повода ксендзам жаловаться на них за принуждение отречься от католичества таких лиц, которые никогда не были в церкви, с угрозами и даже насильственным образом, при содействии гражданской власти, а также за возвращение из латинства людей потому только, что они однофамильцы бывших униатов, и, наконец, за насильственное венчание униатов с католиками и, после того, причисление сих последних также к своей пастве. Но самым ясным доказательством вмешательства воссоединенных священников в дела католических приходов должно служить поспешное обращение ими католиков в православие в шестидесятых годах, имевшее, между прочим, своею целью, как откровенно сознавался священник Куцевич, мщение ксендзам и полякам за их угнетение православной веры в прежнее время.

После католического духовенства дело православия и русской народности встречало наиболее сильных врагов в лице помещиков-поляков. При своей фанатической привязанности к католицизму и под сильнейшим влиянием ксендзов, помещики,

после воссоединения униатов, старались всевозможными средствами выразить свое нерасположение к православию и нанести вред ему. До самой отмены крепостного права помещики католики, можно сказать, были самыми ревностными миссионерами католицизма. Давая льготы крестьянам одного с ними вероисповедания, они теснили и в работах, и в оброках православных, вследствие чего из этих последних далеко не многие вынесли притеснения, а большая часть народа, уже сама по себе тяготевавшая к костелу, тем более старалась открыто высказывать свои симпатии к нему, что надеялась через это снять с себя панские притеснения и приобрести те же льготы, которыми пользовались «официальные» католики.

И во многих отчетах, ревизовавших церкви Литовской епархии, находим указание на то, что помещики и их управляющие препятствовали посещению православными прихожанами церквей в праздники, заставляя их в это время работать, и даже не пускали прихожан для говения в церкви.⁴³² Следующие два факта могут служить наглядным доказательством того, что помещики позволяли себе иногда и насильственные поступки по отношению к православным своим крепостным. Так, в 1854 году митрополит Иосиф жаловался генерал-губернатору Бибикову на управителя имения Городца Волковского, который, после венчания одно вотчинных крепостных людей помещика Вредта, на основании повеления Государя, без дозволения его, расторгнул сей брак и, взяв мужа во двор и наказав 30 ударами розог, жену отправил в деревню и при сем поносил, осмеивал и ругал православную веру, угрожал погубить священника Саковича, и, наконец, отобрал у него всех слугителей, которые были даны ему. Пр. Иосиф просил Бибикова, как о допущении к сожительству сих лиц и о вознаграждении их за перенесенные побои и притеснения, и об ограждении их на будущее время от таковых притеснений, так и об удовлетворении священника за обиду и о возвращении отнятых слугителей и, наконец, о строгом взыскании с эконома за его своеволие и насильственные поступки, чтобы это взыскание могло быть примером и для других. В данном случае, некоторым оправданием эконома Солковского может служить

отчасти лишь то обстоятельство, что повеление Государя относительно венчания браков крепостных у одно вотчинников, без их позволения, было объявлено духовенству Литовской епархии секретно.

Другой, еще более возмутительный поступок помещика в отношении к принявшему православие крепостному крестьянину, говорим, особенно возмутительный потому, что в нем принял косвенное участие православный священник и даже благочинный, имел место в 1844 году и состоял в преследовании помещиком Олдановским крестьянина Савиневича за присоединение его к православию и за несение им должности церковного старосты. Когда благочинному протоиерею Маркевичу, вследствие жалобы Савиневича, поданной митр. Иосифу, было предписано епархиальным начальством произвести дознание, то последний, допуская явную ложь, донес, что Савиневич вовсе не принимал православия, никогда в церкви не бывает и на должность церковного старосты никогда избираем не был. Относительно же притеснений Савиневича Олдановским Маркевич уклончиво ответил, что ему о том ничего неизвестно, хотя, с другой стороны, дал о сем помещику хорошую аттестацию, заметив, что он его знает давно с наилучшей стороны и потому едва ли он мог гнать Савиневича за принятие православия. Но сего мало, Маркевич, желая еще больше очернить Савиневича в глазах епархиального начальства, донес, что Савиневичу хочется быть церковным старостою для того только, чтобы выйти из-под власти помещика, и что к церковной службе он неспособен. Консистория, на основании такого донесения благочинного, оставила жалобу Савиневича без последствий.

Но последний вторично подал просьбу пр. Иосифу по тому же поводу, причем указывал время и свидетелей своего присоединения к православию, с пояснением, что его подписка была отослана местным священником Савицким благочинному Маркевичу, и что должность церковного старосты он исполнял со времени присоединения, с согласия священника и прихожан. В виду противоречия между жалобой Савиневича и рапортом благочинного Маркевича, пр. Иосиф велел расследовать это

дело протоиерею Лопушинскому, который подтвердил, как действительность присоединения Савиневича к православию, так и правдивость его показания относительно того, что помещик наказал его розгами около тысячи ударами и отобрал у него скот. Вместе с сим Лопушинский подтвердил и тот факт, что Савиневич к исполнению должности церковного старосты был допущен, как честный человек, и эту должность исполнял до последнего времени. Основываясь на сем донесении Лопушинского, консистория представила Гродненскому губернатору от имени архиепископа отзыв о присоединении Савиневича и просила его содействия к тому, чтобы помещик Олдановский его за веру не преследовал, и чтобы отобранный у него скот возвратил, а, в противном случае, поступить с ним по закону. В отношении же к благочинному Маркевичу епархиальное начальство поступило очень снисходительно, объявив ему за ложный донос только строгий выговор, с предупреждением, что, если впредь допустит подобные действия, то подвергнется законному взысканию.

С тою целью, чтобы успешнее бороться с делом православия и русской народности в крае, помещики-поляки иногда устраивали у себя школы, в которых обучение велось, конечно, во враждебном духе. Так поступила, например, помещица Пилецкая, которая открыла частное училище в деревне Счечицах, населенной православными жителями, и держала учителем в сем училище католика, не знавшего по-русски, но учившего 16 православных детей польскому чтению, пению польских гимнов и римско-католическому катехизису по польским букварям и таким же молитвенникам. В виду слухов о существовании подобных училищ и по многим другим местам, пр. Иосиф в 1858 году просил генерал-губернатора о закрытии всех подобных училищ и о возложении на обязанность местных гражданских властей строгого наблюдения за тем, чтобы впредь не учреждались подобные училища, без дозволения гражданской власти и без ведома православного духовного начальства, если открывается училище среди православного населения.

Мятежные действия помещиков-поляков во время польского восстания достаточно известны. В это время они всеми мерами старались совратить с пути истины и православных людей, смущая их ложными известиями и наущениями, распространяя мятежные воззвания, страдая верных своему долгу священников местью поляков, а простому народу обещая восстановление унии, свободу и всякие блага от восстановления Польши, и, наконец, вербуя мятежные банды и предводительствуя ими. За все это многие помещики и шляхтичи поплатились как жизнью, так и имуществом, в роде, например, сбора известного процента с него, отмененного только в 1897 году волею Государя Императора. Между тем, этот мятеж, столь опозоривший панов, и освобождение крестьян от крепостной зависимости, конечно, в значительной степени должны были послужить к освобождению крестьян и от религиозной так сказать, зависимости от помещиков, в смысле получения полной свободы в исповедании православия.

Тем не менее, неблагоприятное воздействие помещиков-поляков на православных, находящихся у них в услужении, как мы уже говорили раньше, довольно сильно и в настоящее время, и, при всяком удобном случае, помещики поляки, находясь в тесной дружбе с ксендзами, всегда готовы нанести тот или другой вред делу православия и русской народности, на что указывается и в отчете г. обер-прокурора св. Синода за 1891 год, по поводу уклонения от православия Селявичских прихожан.⁴³³

Впрочем, при общем враждебном отношении поляков-помещиков к православию и русской народности были между ними, да и теперь есть лица, расположенные к православной церкви и даже обратившиеся в православие в 1865 году – 66, каковы были князь Радзивилл, Друцкой-Любецкий и Огинский. Последний даже претерпел не мало огорчений и обид от своей матери за свое присоединение к православию, так как она достигла того, что князь Эдмунд Огинский, якобы за оскорбление её, в 1869 году был посажен в тюрьму и уже оттуда обратился к епархиальному начальству с просьбою о защите его от преследований матери. Справедливость его жалобы на мать

подтвердил и уездный предводитель дворянства, который сообщил, что, до присоединения Огинского к православию, мать одинаково обращалась с ним, как и с другими детьми, но, после сего присоединения, он стал терпеть материальные лишения и, наконец, мать довела его до 4-х месячного тюремного заключения, якобы за оскорбление её. Тем не менее, от Литовского епархиального начальства Эдмунд Огинский не получил ожидаемой им помощи, так как духовная консистория, в ответ на его просьбу о том, уведомила его, что, если высшее гражданское начальство касательно защиты его – Огинского от стеснительных действий его матери предоставило ему ведаться формою суда, то, тем более, епархиальное начальство в сем случае ни в чем не может ему пособить.

В отчете пр. Алексия о состоянии Литовской епархии за 1889 год, как на характерный случай доброжелательного отношения к православной церкви со стороны помещиков-поляков, указывается на пожертвование помещиком-дворянином Волковысского уезда Войчанским в Волнянскую православную церковь иконы Владимирской Божией Матери в память чудесного события 17 октября 1888 года.

Что касается до отношения простого народа римско-католического исповедания к православию, то его можно считать вообще неблагоприятным. Правда, по местам, заметно безразличное отношение католического населения к православной церкви, выражающееся, например, в посещении им православных храмов. В отчете г. обер-прокурора св. Синода за 1891 год указывается даже на такое сочувственное отношение римско-католиков к православию, как на оказываемое ими уважение к православным пастырям, принятие от них благословения, приглашение их к себе для освящения полей, построек и прочее, жертвование материалом и деньгами на церковные нужды, преимущественно на ремонт и постройку церквей и, наконец, на помещение своих детей в школе, с просьбою, чтобы их обучали пению и допускали до принятия участия в чтении и пении церковном. Но, как и следовало полагать, указанный отчет отмечает такое благоприятное отношение римско-католиков к православию

только в тех местностях, в которых крестьяне-католики живут далеко от ксендзов и костелов. А так как таких мест сравнительно немного, то настроение большей части католического населения в Литовской епархии по отношению к православию скорее можно назвать не сочувственным.⁴³⁴

Мы уже раньше говорили о том, какое преследование терпели присоединенные в 1864–1866 годах из католичества от своих соседей-католиков, которые наносили им укоризны, оскорбления и притеснения даже в волостных правлениях, где большинство членов были католики. Сам пр. Макарий в своем отношении к генерал-губернатору Потапову в 1869 году указывал на то, что те из обратившихся в православие, которые оставались твердыми в своем однажды принятом решении, быть православными, или которые пока колебались и смущались, весьма часто подвергались от окружающих их латинян оскорблениям и насмешкам. В 1871 году встречаем случай, конечно, не единичный, открытого возмущения против православной церкви со стороны католиков, возникшего из-за того, что, за неимением кладбища для православных, священник, испросивши, хотя и с трудом, согласие ксендза, хотел было совершить погребение на Л-м римско-католическом кладбище тела своей прихожанки. Между тем, толпа народа, когда могила была уже вырыта и тело умершей было перенесено к ограде, ворвалась на кладбище, избила копавших могилу и зарыла ее, и, вооружившись кольями и камнями, не пускала на кладбище, отказываясь при этом говорить с священником по-русски и даже признавать законы в государстве и угрожая, что если тело умершей похоронят здесь, то выбросят его из могилы. И только после ареста 5 зачинщиков приставом и разгона толпы, тело было погребено. По мнению священника, зачинщиком в сем возмущении был ксендз, который, по распоряжению Ковенского губернатора, и был удален от места. Но католическая консистория в своем отношении к губернатору настаивала на невиновности ксендза и просила о возвращении его к прежнему месту, а также и о том, чтобы православное духовенство озаботилось скорейшим устройством кладбища на отведенном ему правительством месте, в видах избежания на

будущее время повторения подобных беспорядков. Когда же дело о сем возмущении крестьян римско-католиков поступило на рассмотрение палаты уголовного суда, то ксендз был совершенно оправдан, а наказаны были только несколько крестьян, кто заключением в тюрьму на четыре месяца, кто арестом на две недели. При сем волостной старшина и писарь, католики, были также обвинены в бездействии.⁴³⁵ Другой подобный же случай был уже в 1889 году в м. Рукле, Виленской губернии, по поводу похорон на католическом кладбище православного солдата, когда понадобилась помощь исправника для вразумления католиков, не желавших и не позволявших хоронить его.

Обстоятельные сведения о современном отношении католического населения к православному в Литовской епархии дает отчет пр. Алексия о состоянии оной за 1889 год, в котором с несомненною твердостью устанавливается тот, указанный нами, факт, что латинское население в своем отношении к православному духовенству и народу руководится постоянно советами и внушениями ксендзов, хотя и не везде одинаково. Так, чаще встречается враждебность к православию в городах,⁴³⁶ нежели в деревнях, и из последних там, где католики живут сплошнее и где более политиканствующих вместе с ксендзами Панов и шляхты, все еще не теряющих мечты на восстановление католической Польши. Оттого и еще от большей темноты и невежества, усердно поддерживаемого вместе с отчуждением от русской школы, между жмудинами в Ковенской губернии латинское население фанатичнее, чем в Виленской, а в этой, сравнительно более фанатично, чем в Гродненской, где и латинян сравнительно с православными меньше, и русской грамотности больше.⁴³⁷

Справедливость указания пр. Алексия на Ковенскую губернию, как населенную более фанатичными католиками, подтвердилась, например, в 1893 году, когда в м. Кроже жмудины, собравшиеся огромною толпою, оказали сопротивление закрытию монастырского костела. А в другом селении они ночью увезли весь камень, приготовленный для фундамента ново строимой православной церкви.⁴³⁸ Указание

же на то, что население местечек и помещичьих имений, или фольварков, отличается особенною фанатичностью по отношению к православию, находим, как в рапорте благочинного Волковысского Куцевича пр. Макарию относительно состояния вверенного ему благочиния за первую половину 1869 году, так и во всеподданнейшем отчете г. обер-прокурора св. Синода за 1891 год. Куцевич констатировал тот факт, что население местечек видит в римско-католицизме привилегированное исповедание господ и вообще высших сословий, а на православие смотрит, как на религию крестьян, а г. обер-прокурор св. Синода заметил в своем отчете, что прислуга помещиков, поляков и вообще шляхты, чем невежественнее, тем озлобленнее и фанатичнее.

Таким образом, из всего сказанного нами об отношении римско-католического населения к православию в Литовской епархии необходимо прийти к тому заключению, что население это составляет еще лишний фактор, неблагоприятно отражающийся на успехах дела православия и русской народности в крае.

Наконец, к числу причин, не благоприятствовавших преуспеванию сего дела, должно присоединить по большей части пассивное, а иногда и прямо не сочувственное отношение к оному, со стороны гражданской власти в северо-западном крае, особенно в до муравьевские времена когда, по свидетельству митрополита Иосифа, ни один из четырех генерал-губернаторов Виленских, бывших до Муравьева, не стоял на высоте своего положения по отношению к защите и охранению прав и преимуществ господствующей религии и русской народности.

Так, о князе Долгоруком (управлял краем 23.03.1831–18.03.1840), с которым ему пришлось иметь дело почти во все время, как совершалось преобразование по униатской церкви, пр. Иосиф отзывался, что он, при своем влиянии на латинопольскую партию, хотя и много мог сделать добра для православия, но не сделал его, потому что совершенно был безразличен к религии, что, не стесняясь, высказывал и публично. Так, на завтраке у архимандрита Платона, настоятеля Виленского Св. Духовского монастыря, когда заспорили о

латинянах и православных, князь Долгоруков сказал: я не знаю, чья вера лучше, но кухня их лучше вашей.⁴³⁹

О генерал-губернаторе Мирковиче (1.04.1840–28.02.1850) митрополит Иосиф отзывался так, что это был человек честных правил, рассудительный, но довольно боязливый и не имевший сильной поддержки свыше, и опасавшийся, с одной стороны, поляков и латинян, а с другой – не угодить и делу православия.⁴⁴⁰ Эта боязнь латино-польской партии была причиною и его более чем холодного отношения к перенесению в Вильну епархиального управления из Жировиц и высказалась открыто в том, что он ни сам не присутствовал в кафедральном соборе на молебствии по сему случаю, ни чиновникам не позволил быть там в мундирах. При нем же, несмотря на Высочайшее повеление о передаче зданий упраздненного Кармелитского монастыря под помещение Виленского духовного училища, гражданское начальство долгое время не хотело передавать его, ссылаясь на присутствие в нем латинского духовенства, причем генерал жандармский Буксгевден внушал католическому духовенству, чтобы оно не отдавало монастыря.

Преемник Марковича Бибиков 2-й (15.03.1850–10.12.1855) находился с митрополитом Иосифом в натянутых отношениях. По свидетельству его, Бибиков также поддавался влиянию латино-польской партии и был окружен лицами, действовавшими в её пользу. В среде местного чиновничества при нем преобладающим элементом были поляки. В одном из своих писем к графу Протасову, приходившемуся родственником Бибикову, митрополит Иосиф, жалуясь на то, что Бибиков допустил замещение некоторых должностей даже в своей канцелярии поляками, враждебно относившимся к православию, заметил, что, на основании подобных действий генерал-губернатора, он пришел к убеждению, что Бибиков не может действовать на пользу православия и по принятой им системе, и по среде, его окружающей, и по самым его убеждениям, и потому он будет, необходимо, вольным или невольным орудием недоброжелателей православной церкви, которые называют его своим благодетелем и возлагают на него

большие надежды.⁴⁴¹ В своем месте мы уже указали жалобу пр. Иосифа, принесенную им в письме к тому же Протасову в 1855 году, где он указывал на преобладающее в крае число чиновников из поляков и на необходимость замены их православными, так как такое положение дела сильно отражалось на интересах православного духовенства и населения и угрожало политическому положению самого государства.⁴⁴²

О назначении на место Бибикова – Назимова (10.12.1855–1.05.1863), получившего от Государя Императора Александра Николаевича инструкцию действовать по отношению к полякам в примирительном духе,⁴⁴³ латино-польская партия стала еще более усиливаться, так что дело скоро дошло уже до открытого мятежа. Для доказательства того, какую силу имела при Назимове латино-польская партия, достаточно указать на то, что она имела возможность устроить ту чрезвычайно торжественную, можно сказать исключительную, по своей обстановке, религиозную процессию с мощами св. Виктора из Царства Польского в Гродненскую губернию, которая имела своим последствием совращение клещельских прихожан.

Совершенно одинакового мнения с митрополитом Иосифом о действиях предшествовавших ему Виленских генерал-губернаторов по отношению к делу православия и русской народности был доблестный М. Н. Муравьев, укротитель польского мятежа (17.05.1863–17.04.1865), который в своих записках говорит об этом так: «В продолжение тридцати лет не только не принимались меры в уничтожении в крае польской пропаганды, но, напротив, там давались все средства к развитию польского элемента в крае и уничтожались русские начала. Я не стану в подробности упоминать о действиях тех лиц, которые с 1831 года были главными на месте распорядителями, о их бессмысленности и неразумении положения края и польских тенденциях, о незнании ими истории сей искони-русской страны и постоянном увлечении их призраками польского высшего общества, пресмыкавшегося пред ними и выказывавшего преданность правительству, но, не только тайно, а и явно обнаруживавшего свои тенденции к

уничтожению всего русского. Но все это привлекало на их сторону генерал-губернаторов, а в особенности привлекал женский пол, жертвовавший честью и целомудрием для достижения сказанных целей». ⁴⁴⁴

Из губернаторов пр. Иосиф отзывался с похвалою только о М. Н. Муравьеве, раньше бывшем Гродненским губернатором, и Виленском Л. В. Семенове. Что касается до попечителей Виленского учебного округа, каковыми были Врангель и Грубер, с которыми у пр. Иосифа было немало столкновений ко школьным делам, и которые действовали «по течению», то едва ли может быть сомнения в том, что они были не на своем месте.

Непривлекательную, но совершенно справедливую характеристику низшего чиновначалия северо-западного края находим в записках генерала А. С. Павлова, хорошо осведомленного о том, и который писал: «комическое и жалкое зрелище представляла в то время русская государственная власть в западных губерниях: два-три ассесора (становые пристава) на уезд, с капитан-исправником во главе, а в уездном городе городничий, составляли весь персонал охранительной и исполнительной полицейской власти, комплектовавшейся преимущественно из офицеров отставных или неспособных к фронтовой службе, большею частью из местных уроженцев польского происхождения и всегда нищих духом и средствами, вечно нуждающихся и бегających за подачками. В губернском же городе губернатор, чаще всего из военных, жандармский штаб-офицер, да два-три русских чиновника, стоящих во главе отдельных управлений. Таков был состав рати, поставленной на страже русских интересов в крае, находившемся несколько столетий под давлением польского начала и католицизма; все же остальное, от убогой хижины мужика до палаца вельможного пана, от сермяги мещанина до богатого купца или модного фрака городского щеголя, и от земли до воды, составляло достояние могущественного и цивилизованного шляхетства, возбуждавшего к себе зависть и подобострастие в поставленных над ним властях. «Великое будование», по плану князя Чарторыйского, продолжало развиваться, школа продолжала служить исключительно интересам и целям

шляхетства, юрисдикция и администрация края оставались обставленными такими же малоспособными и неблагонадежными деятелями, какие встречались в крае до мятежа» (1831).⁴⁴⁵

Такие чиновники, конечно, не могли служить при Муравьеве. Первым его делом, по прибытии в Вильну в 1863 году, было устранить от должности большую часть мировых посредников и предводителей дворянства, а также некоторых чиновников, служивших в разных ведомствах, с преданием некоторых из них военному суду.⁴⁴⁶ В то же время он упразднил во всем северо-западном крае мировые учреждения, поручив ограждение крестьян от притеснения помещиков военным начальникам и уездной полиции, которую постепенно пополнял русскими чиновниками, в весьма большом количестве вызванными из внутренних губерний. Для улучшения же положения крестьян, Муравьев образовал особую поверочную комиссию, предоставив ей право переделывать так называемые уставные грамоты, которые польскими помещиками были сильно изменены. Это последнее распоряжение Муравьева так благотворно подействовало на крестьян, что они сотнями стали присылать ему благодарственные адреса, с выражением в них безграничной любви и преданности Государю.⁴⁴⁷ Почувствовав свою независимость от мятежных панов, крестьяне во многих местах, по словам самого Муравьева, принимали участие в ловле и обнаружении мятежных шаек поляков, причем не редко, поймав мятежника, сначала сами совершали над ним экзекуцию, а потом уже вручали начальству. Больше всего, конечно, доставалось тем из мятежников, которые принадлежали к панам-владельцам и им были знакомы. Крестьяне этими экзекуциями хотели, очевидно, отомстить панам за те мучения, какие они вытерпели у них, будучи их крепостными.⁴⁴⁸

Русское крупное землевладение впервые получило при Муравьеве же свое начало в северо-западном крае.⁴⁴⁹ Загнанный русский язык свободно и властно зазвучал в крае. Православная вера русского народа повсюду избавлялась от ига латинян.

В виду того вредного влияния, какое оказывали польские паны в католическое духовенство на народ, Муравьев поручил это последнее строгому наблюдению местных властей. Глубоко верующий сам, М. Н. Муравьев считал отрадным долгом способствовать восстановлению православных храмов в крае. «Один ряд новых православных храмов, появившихся в западнорусских городах и селениях, говорит близко знакомый с северо-западным краем профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии П. Н. Жукович, был видом непрерывных, красноречивых памятников о Муравьеве, о великой заботливости его об утверждении в западном крае православно-русских начал жизни. Если, увидевши среди деревянных церквей северо-западного края красивый каменный храм, поинтересуетесь узнать, когда и как он построен, почти все услышите имя Муравьева. Он или приказал, или наметил его постройку, или на изысканные им средства потом произведены постройки. Он же весьма благоприятствовал наделению православных причтов землей, сверх узаконенной нормы, и некоторые церкви наделил целыми фермами и разного рода оброчными статьями. Кроме того, он выдал из контрибуционных сумм денежное пособие многим православным священникам, пострадавшим во время мятежа, он исходатайствовал общее увеличение жалования всему западнорусскому духовенству. Дело народного образования, под ближайшим руководством лучшего сотрудника Муравьева, И. И. Корнилова, также поставлено было прочно и твердо, на началах полной солидарности в этом деле учебного ведомства и православного духовенства. Вообще Муравьев и Кауфман очень много заботились о материальном обеспечении явившихся на их зов пионеров русской народной школы в западном крае. И дальше того, что сделано в их время в заботе о народных учителях в северо-западном крае, кажется, уже и не шли».⁴⁵⁰

К сожалению, на этом светлом фоне картины, изображающей положение дела православия и русской народности в крае при Муравьеве и Кауфмане, темным пятном остается взятая на себя некоторыми чиновниками роль

миссионеров, состоявшая, как мы уже говорили прежде, в присоединении католиков к православию не только без надлежащего духовного приготовления их, но иногда и мерами принудительными. Впрочем, суждения, встречающиеся в печати по поводу принятия сими чиновниками на себя роли миссионеров, не одинаковы. И в то время, как «Русский Вестник» в октябрьской книге за 1893 год, осуждая за это чиновников, замечает, что происходившее в то время в северо-западном крае свидетельствовало о разладе между тамошнюю нашу национальную политикой и духом веры, исповедуемой русским народом, и, потому, находит, что государственной власти не следовало вторгаться в чуждую ей область, смешивая Божие с кесаревым, и поручать чиновникам распространение православия,⁴⁵¹ другие, и в числе их, к нашему удивлению, г. Владимиров, лицо, столь хорошо осведомленное о положении православия в северо-западном крае, одобряют действия муравьевских чиновников по обращению католиков в православие, как чисто государственную меру. Мало того, г. Владимиров, защищая чиновников муравьевских, «как единственных факторов» в этом деле, даже отрицает случаи насильственного присоединения католиков и говорит по сему поводу следующее: «и средства этого обращения католиков в православие не были насильственные, а основывались на убеждении,⁴⁵² или, если хотите, на зазывании, на которое зазываемые шли добровольно. Муравьевские люди только пользовались благоприятствовавшими им обстоятельствами мятежа панов и шляхты и освобождения крестьян. Сущность проповеди их к белорусам может быть кратко выражена в следующих словах: Крестьяне! Вы недавно были рабами панов, которые считали вас своим скотом, быдлом. Русский царь освободил вас от панского рабства, сделал вас опять людьми, наделил вас в вечное владение землей. Будете ли вы после этого оставаться в панской вере? Переходите в царскую веру, в веру вашего освободителя и благодетеля. И крестьяне целыми приходами переходили в царскую веру».⁴⁵³

Но приведенный нами случай убеждения Троким исправником-магометанином католиков присоединиться к православию посредством розог доказывает, что нельзя отрицать действительности насильственных обращений католиков со стороны муравьевских чиновников. Если даже согласиться с г. Владимировым, что со стороны чиновников было только зазывание католиков в православие, то, и в этом случае, нельзя было ожидать со стороны присоединяемых твердости в исповедании православия, так как самое присоединение их делалось без надлежащего удостоверения в твердости их желания присоединиться.

Кроме того, мы находим у г. Владимирова по вопросу о присоединении католиков при Муравьеве не мало противоречий себе. Так он сам говорит, что воссоединение униатов в 1839 году, состоявшееся помимо сознательного в нем участия народа, имело своим последствием лишь то, что народ в огромном количестве перешел в католичество, а оставшиеся при воссоединенных церквях только числились по бумагам православными, а на самом деле были тайными католиками.⁴⁵⁴ Такое положение дела православия, конечно, должно было показать г. Владимирову, что интересы политики далеко не всегда благоприятствуют интересам церкви православной.⁴⁵⁵ Между тем, говоря о действиях муравьевских чиновников по обращению католиков целыми приходами в православие, при помощи «зазываний», г. Владимиров находит оправдание сему образу действий чиновников в характере действия противников православия, ксендзов, которые являлись политическими агитаторами, даже предводителями мятежных банд, и для которых костел служил гнездом агитации и мятежа, вследствие чего-де и русские деятели должны были смотреть на обращение крестьян из католичества в православие прежде всего, как на политическую меру освободить народ из-под влияния опасных агитаторов. Кроме того, он умалчивает о последствии такого обращения католиков к православию, которое состояло в том, что они, в скором же времени, после своего присоединения, целыми массами устремились из православия обратно в католичество. И сам г. Владимиров находит, что результаты

успехов православной церкви в Прибалтийском крае и северо-западном значительно между собою разнятся в смысле превосходства успехов в первом крае пред успехами в последнем. И это неудивительно. Из записок бывшего священника в Прибалтийском крае о. Пospelова мы узнаем, что там присоединение к православию из лютеран стоило желавшим того многих трудов и испытаний, иногда более чем полугодовых.⁴⁵⁶ И за то присоединившиеся были, в значительном своем большинстве, «искушени якоже сребро» в отношении искренности и твердости своих убеждений.

Как известно, в скором же времени, после отбытия из края генерал-губернатора К. П. Кауфмана (17.04.1865–9.10.1866) и со вступлением в управление краем Э. Т. Баранова (9.10.1866–2.03.1868) и особенно А. Л. Потапова (2.03.1868–22.07.1874), не сочувственно отнесшегося к чиновническому способу обращения католиков и, по словам самого г. Владимирова, публично и в глаза обругавшего православное духовенство за насильственное обращение католиков в православие,⁴⁵⁷ это массовое обращение последних не только прекратилось, по началось движение возвратной волны, последовало обратное возвращение их в католичество.⁴⁵⁸ Между тем, это последнее обстоятельство повело к тому, что между духовным и гражданским начальством в Литве произошло пререкание относительно того, кто из сих властей и каким образом должен действовать, чтобы остановить это обратное возвращение присоединенных в католичество. Дело началось с того, что Потапов в скором же времени, после вступления своего в должность генерал губернатора, обратил внимание митрополита Иосифа на то, что многие из вновь присоединившихся из католичества в православие крестьян отказались исповедоваться и причаститься св. тайн у православных священников, а некоторые даже не крестили детей в надежде, что им опять дозволено будет возвратиться в католичество, и потому просил его воспользоваться последними днями великого поста и командировать благочинных или священников для убеждения упорствующих к принятию таинства св. причастия, по обряду православной

церкви. Таким образом, выходило, что гражданская власть ставила на вид духовному начальству не заботливость его относительно укрепления в православии новоприсоединенных, совершенно умалчивая о том участии, какое принимали в обращении сих католиков чиновники.

В ответ на это отношение генерал губернатора епархиальное начальство, как бы сознавая свою вину, предписало благочинным Виленского, Вилейского и Ошмянского уездов сделать распоряжение, чтобы подведомственные им священники усугубили внушения и наставления в духе христианской кротости, благоразумия и долготерпения, к обращению на путь истины колеблющихся в воспринятой ими вере, при содействии в сем и гражданских начальников, коим, в силу состоявшегося распоряжения главного начальника края, вменено в обязанность разъяснять сим прихожанам лживость злонамеренных разглашений о возможности возвращения их в католичество.⁴⁵⁹

Со вступлением на Литовскую кафедру архиепископа Макария, вопрос о том, кто и как должен бороться с упорствующими, ставится уже открыто, причем духовная власть всю вину обратного движения из православия возлагала на чиновников Потаповского времени, которые-де не хотели действовать в духе чиновников Муравьевских. Так, известный нам уже благочинный Куцевич в своем рапорте к пр. Макарию, указывая на то, что с 1868 года «произошла внезапная перемена в судьбах края, так как все чиновники, ревновавшие, быть может иногда и излишне, об успехах православия, должны были оставить край», жалуется в тоже время на заменивших их новых чиновников, оказавшихся, по его выражению, «антагонистами своих предшественников и на словах и на деле и не постыдившихся посягнуть на разрушение трудов своих же братьев, трудов, поднятых на пользу церкви и отечества». В доказательство сего он указал, между прочим, на судебного следователя Ш., который, при осмотре Дятловичской и Гудевичской церквей, будто бы принимал деньги от подлежавших возврату в православие, обещая оставить их в латинстве. «При таких обстоятельствах, замечает Куцевич,

естественно, умножились тайные происки и искушения ксендзов и необходимым следствием сего было значительное число уклоняющихся от исповеди и св. причастия, и тем более, что на все свои просьбы о помощи и содействии в разъяснении народу существующих по сему предмету узаконений правительственных, священники слышали от начальников народа только фразы: «я не миссионер», «я не пропагандист».

Пр. Макарий, как мы уже знаем, стоял в отношении к вопросу о способах обращения в православие на той надлежащей точке зрения, которая присуща всей православной церкви и резко отличает ее от католической, а именно, что нужно действовать на иноверцев только силою слова и собственным примером для того, чтобы обращение в православие стало не внешним фактом в духовной жизни человека, а внутренним, и вызывалось бы не материальными расчетами, а побуждениями духовными, так как только при этих условиях могли быть прочны обращения эти и не имели бы места отпадения. Он, конечно, сам хорошо сознавал, что чиновнический способ присоединения католиков во времена Муравьева и Кауфмана не соответствовал идеальному воззрению православной церкви на это дело, но в то же время он был вынужден считаться уже с совершившимся фактом подобного обращения. С одной стороны, выяснившееся со всей очевидностью тяжелое положение присоединенных в 1864–1866 годах, которые в церковь не шли, а ксендзы отказывались исполнять для них требы, а с другой, жалобы духовенства на то, что оно своими средствами не может удержать в православии этих лиц и само терпит от чиновников потаповского времени различные несправедливости, все это вызвало замечательную переписку между пр. Макарием и генерал-губернатором Потаповым в 1869 году, из которой узнаем, между прочим, взгляды представителей духовной и гражданской власти на меру участия той и другой в деле возвращения в православие уклоняющихся от него.

В своем отношении к Потапову пр. Макарий, указав на то, что он, при обзрении церквей в 1869 году по Виленской и Гродненской губернии, нашел большую часть приходов с

недавно присоединившимися к православной церкви в положении весьма неутешительном, и что причиною такого безотрадного явления, более и более усиливающегося, служило, по объяснениям благочинных и приходских священников, далеко не сочувственное, по-видимому, отношение к делу поддержания в означенных приходах ближайших к народу властей, сильно действующее на умы ново присоединившихся, подкрепил в то же время свою жалобу на гражданскую власть несколькими вескими доказательствами. Так, он указал прежде всего на небрежное обращение чиновников с священниками и на отсутствие у них усердия и энергии к удовлетворению просьб духовенства о починках церквей, оград вокруг них и т.д.

«При таком положении, писал владыка, когда течет сквозь крыши в домах православных священников и в самых церквях, когда отказывают в содействии даже устройству ограды вокруг православной церкви, неудивительно, если простой народ охотно и легко верит всяким слухам, как бы они ни были нелепы, в роде таких, например, что будто костелы, обращенные в церкви, возвратятся к католикам; все перевероты, т.е. присоединившиеся к православию, со стыдом должны будут возвратиться в католичество, будто не только священники, но и власти гражданские ничего не сделают с возвращающимися опять в католичество и что даже это разрешено теперь высшим начальством и т.п.». Что касается до ближайших к народу властей, то они, по замечанию архиепископа, вместо того, чтобы опровергать все подобные слухи, только молчали и самым молчанием своим как будто подтверждали, по крайней мере, по мнению народа, справедливость этих слухов. Вследствие сего, те из обратившихся к православию, которые оставались твердыми в своем, однажды принятом решении быть православными, или которые пока еще колебались и смущались, весьма часто подвергались от окружающих их латинян оскорблениям и насмешкам, будто они-де, т.е. обратившиеся в православие, обманулись в своих расчетах на покровительство со стороны гражданских властей, видя доказательство сего отчасти в том,

что, при назначениях, например, в сельские должности, православным не только не оказывалось никакого предпочтения пред католиками, но даже как будто бы они нарочно устранились в этом случае.

Между тем, подобное отношение чиновников к делу православия, как жаловался пр. Макарий, имело своим результатом еще то нежелательное явление, что латинское духовенство и смущаемый им народ не видели, по медлительности гражданских властей и безразличному отношению их к поддержанию православия, никаких законных последствий того, что первое незаконно вмешивалось в исправление духовных треб для присоединившихся к православной церкви крестьян. Когда же священники приносили на вмешательство ксендзов жалобы и просили чиновников хотя бы, например, о доставлении к ним для беседы и увещания уклоняющихся от церкви, то чиновники отвечали отказом, под благовидным предлогом невмешательства, в чуждую будто бы для них, «духовную область». «Безнаказанность же и видимая поблажка, замечал владыка, в настоящем случае – плохая поддержка для усилий православного духовенства удерживать в исполнении долга тайно волнуемый простой народ».

В заключение своего отношения к Потапову, пр. Макарий, указав на то, что, как самое присоединение ныне уклонявшихся от православной церкви было совершено не одним православным духовенством силой его проповеди, а преимущественно при содействии гражданской власти, так и удержание их в православии, по крайней мере, до полного утверждения их в нем, может и должно совершаться духовенством, только при содействии гражданской власти, он просил Потапова сделать начальственное распоряжение:

- 1) чтобы все гражданские власти поддерживали и ограждали подобающее уважение к православному духовенству со стороны латинского населения;

- 2) усерднее и энергичнее действовали в вопросах и хлопотах духовенства об устройстве и украшении церквей;

- 3) чтобы, при всяком удобном случае, разъясняли народу всю нелепость слухов о каком-то повороте правительства в

пользу латинства, в пользу свободного или произвольного перехода из православной церкви в латинскую, имея в виду, что одному православному духовенству, как стороне, заинтересованной в деле, простой народ, еще не утвердившийся в православии, в этом деле доверять не может;

4) чтобы строго преследовали насмешки и ругательства над ново присоединившимися к православию со стороны преобладающего латинского населения, и чтобы им оказывалась, по крайней мере, справедливость, если не предпочтение, при назначении на общественные должности, в разных льготах и прочее; и наконец,

5) чтобы быстро, энергично и, конечно, беспристрастно исследовались, кем должно, случаи соращения в латинство и требоисправлений латинским духовенством в семействах православных крестьян и немедленно применялись к этим случаям во всей точности требования законов».

В своем ответе на это отношение к нему пр. Макария, Потапов указывал, с одной стороны, на то, что им сделано соответственное распоряжение относительно воздаяния православному духовенству подобающего уважения и внимания со стороны чиновников, а с другой, что до настоящего случая он не получал ни от кого заявлений с жалобами по селу поводу. Что же касается до обвинения гражданской власти в недостатке усердия и энергии в отношении удовлетворения просьб духовенства о починке церквей, устройстве помещений для причтов, отводе земель и угодий им. то Потапов, не отвергая, очевидно, всей справедливости сего обвинения, ссылаясь в оправдание себя, между прочим, на отсутствие в его распоряжении тех средств, которые были предоставлены генерал-губернатору три года тому назад, по причине затруднений правительства в финансовом отношении, вследствие чего последнее озабочено отысканием местных средств для образования постоянного фонда на содержание приходских церквей, Устройство же причтовых помещений составляло, по мнению Потапова, обязанность прихожан, и к местным административным властям относилось лишь побуждение к исполнению законных требований духовенства по

сему предмету, причем, по его мнению, лучшим рычагом для побуждения крестьян к заботливости о материальном благосостоянии своих пастырей могло служить нравственное влияние на них со стороны последних, приобретенное их доверием и уважением к себе. Что же касается до обеспечения нуждающихся православных причтов дополнительными земельными наделами и угодьями, то Потапов, указав на длинную процедуру, при которой совершается удовлетворение просьб духовенства по сему предмету, так как дело о сем сперва рассматривается губернским присутствием по обеспечению быта православного духовенства, а затем, с заключением генерал-губернатора переносится на окончательное утверждение к министру Государственных Имуществ, заметил также и то, что само духовенство часто бывает виновно в медленности по удовлетворению его ходатайств о сем, так как не всегда с своими просьбами обращается в установленном порядке, через свое ближайшее духовное начальство.

Мы не будем вдаваться в разбор того, насколько был удовлетворителен ответ генерал-губернатора пр. Макарию по указанным пунктам его жалобы, а заметим только, что архиепископ должен был вторично отнестись к нему с разъяснением того, что он разумеет под содействием местных властей хлопотам духовенства об устройстве и починке церквей и причтовых помещений и наделении его разными оброчными статьями.

Для нас представляет наибольшую важность в ответе Потапова та точка зрения, которую он устанавливает на меру содействия гражданской власти в охранения православной церкви в крае. И нам кажется, что точка зрения светской власти была поставлена правильнее, чем та точка зрения, которой держалась духовная власть в лице пр. Макария и которая была установлена им в это время, конечно, под сильным влиянием взгляда на означенный предмет местного духовенства еще со времени воссоединения униатов, когда даже высшая духовная власть в крае, в лице митрополита Иосифа иногда находила полезным и даже благодетельным «некоторое принуждение» со

стороны гражданской власти по отношению к тем из униатов, которые не хотели дать официальной подписки на свое согласие присоединиться к православию. Известно, например, представление пр. Иосифа графу Протасову относительно награждения орденом чиновника Мельникова, который один своими мерами достиг того, что несколько тысяч упорствовавших в унии по Дисненскому уезду согласились присоединиться к православию. Он же выразил сожаление по поводу того, что генерал-губернатор Назимов, недовольный действиями гражданских властей при увещании совратившихся прихожан Порозовского костела, выразившимися, между прочим, в том, что Волковысский окружной начальник Новицкий допустил телесные наказания по отношению к совратившимся за их дерзость и непочтительность ко властям,⁴⁶⁰ перевел сего последнего в другую губернию на ту же должность, а местному гражданскому начальству внушил иметь строжайшее наблюдение за тем, чтобы гражданские власти отнюдь не принимали на себя в подобных делах мер судебно-полицейской расправы, содействуя духовенству лишь в тех случаях, когда последнее обратится с требованием о доставлении отшатнувшихся от церкви к исполнению христианских обязанностей.

Между тем, митрополит Иосиф выражал свое недовольство указанными распоряжениями генерал-губернатора на основании того неправильного предположения, что этими распоряжениями якобы будут только подтверждаться газетные толки о том, что будто действия в духе латинства безнаказанны, а действия, охраняющие православие, преследуются самим правительством, и что закон, обязывающий всех местных властей всеми зависящими от них средствами предупреждать и пресекать всякие действия, клонящиеся к нарушению должного уважения к вере, означенным распоряжением Назимова будет сочтен за отмену законов, охраняющих православие, и послужит только во вред православной церкви. Таким образом, выходило вообще нечто удивительное – светская власть находила противным духу православия употребление других мер, кроме увещания, для возвращения совратившихся из

православия, а духовная власть, видимо, стояла за употребление других, более осязательных мер внушения, ссылаясь в своих возражениях на политическую программу.⁴⁶¹

Нечто подобное мы видим и в переписке пр. Макария с Потаповым. Сам лично не сочувствуя тому способу присоединения католиков, который практиковался чиновниками при Муравьеве и Кауфмане и иногда совместно с духовенством, и который имел своим печальным результатом совращение сих присоединенных в католичество, пр. Макарий, под влиянием местного духовенства, в немалой своей части состоявшего из «боевых пастырей», прямо потребовал от Потапова, чтобы гражданская власть доставляла к православным священникам для наставления и убеждения тех из совратившихся, которые, в большинстве своем, принадлежали к числу тайно упорствующих, причем называл отказ чиновников от вторжения в духовную область благовидным предлогом к уклонению от своей обязанности.

Между тем, из ответа Потапова на это требование архиепископа узнаем, что он считал обязанностью гражданской власти «прекращение распространения слухов, будто бы костелы, обращенные в церкви, будут возвращены католикам, а присоединившиеся к православию должны будут возвратиться в католичество, и что это даже разрешено начальством». Равным образом он считал обязанностью светской власти устранение и преследование насмешек и ругательств над ново присоединившимися, почему, писал Потапов, им было предложено губернаторам, чтобы, «независимо от строжайшего преследования распространителей ложных толков, при всяком удобном случае, мировые посредники и полицейские власти разъясняли народу всю нелепость слухов о каком-то будто бы повороте правительства в пользу латинства», а также, чтобы приняли все зависящие от них меры коп. тому, чтобы насмешки и ругательства со стороны римско-католиков над ново присоединившимися строго преследовались и чтобы новообращенные и вообще православные, соответствующие требуемым законом условиям, не были устранимы от избрания на общественные должности, и чтобы на вмешательство

ксендзов в совершение треб для православных также было обращено строгое внимание и полицейским властям было внушено строжайше преследовать подобные действия во всех их видоизменениях. «Что же касается, писал Потапов, доставления к священникам для беседы и увещания лиц, только не отличающихся особенным усердием к делу веры, то это не разрешается законом и жалобы священников по подобным предметам должны быть удовлетворены, по моему мнению, только в тех случаях, когда это относится к явному уклонению от общения с церковью, или, когда это уклонение рассматривается, как преступление и преследуется законом».

Таким образом, из этой переписки между архиепископом и генерал губернатором видно, что духовная власть требовала вторжения власти светской в область духовно-идейную, а гражданская власть справедливо отказывалась от этого, считая совершенно невозможным вести через полицию несколько тысяч человек, так поспешно присоединенных к православию, к священникам для увещания и наставления. И, надо думать, что пр. Макарий, по своим личным убеждениям, согласился со справедливостью точки зрения Потапова на указанный предмет, потому что в последующих отношениях к генерал губернатору он не упоминает уже о необходимости привлечения упорствующих через полицию к священникам для увещания. Подтверждением нашего мнения о перемене взгляда пр. Макария может служить одно из распоряжений Литовской духовной консистории за 1873 год, в котором она, находя затруднительным привлечение, (конечно, недобровольно) лиц, подлежащих увещанию и наставлению к священникам, пришла к тому убеждению, что только на месте жительства этих лиц можно было бы достигнуть требующихся результатов, вследствие чего и предписала, чтобы священники, независимо от поучений в церкви в воскресные и праздничные дни, поочередно и попеременно посещали наиболее населенные деревни своего прихода, и там, «не прибегая к каким-либо насильственным мерам, а только ласковым обращением и указанием пользы» привлекали прихожан к слушанию поучений и бесед, содержащих объяснение учения православной церкви.

Что касается до Потапова, то, при всей его полонофильской политике в управлении краем, находим случаи, когда он, действительно, строго поступал с явно уклонившимися от православия и соблазнявшими к тому же отступлению и других. Так, например, по распоряжению его, в 1868 году некоторые крестьяне Шимковской, Тарковской и Юшковской волостей за отпадение от православия и возмущение других православных прихожан Яловской церкви были сосланы в Томскую губернию на поселение на казенных землях. Вообще же, об отношении чиновников Потаповского времени к делу православия приходится сказать, что, хотя это отношение было далеко не так сочувственное, как чиновников муравьевского времени, но и не было уже так враждебно, как обыкновенно думают о том и, главным образом, на основании того, что чиновники потаповские не продолжали деятельности своих предшественников в отношении увеличения, по большей части только номинального, числа лиц, принадлежащих к православной церкви.

Что же касается до определения отношения чиновников в северо-западном крае к делу православия, то нужно всегда иметь в виду то обстоятельство, что тесная связь интересов религиозных и политических, настолько спутавшая оружие союзников, т.е. чиновников в западном крае и пастырей церкви,⁴⁶² что чиновник распространяющий православие хотя бы и не теми способами, какие признает православная церковь, есть обычное явление в крае, равно как и священник – боевой⁴⁶³ в политическом смысле этого слова и думающий через посредство полиции успешно воздействовать на уклоняющихся от православия, служила и доселе служит причиною, по которой часто является затруднение беспристрастно решить вопрос о правильности или неправильности действия чиновников в том или другом случае по отношению к делу православия.

Между тем, вопрос относительно новоприсоединенных муравьевскими чиновниками сделался большим местом для Литовского епархиального начальства в последующее время, служа поводом к частой переписке между духовною и

гражданской властью в крае относительно средств к воздействию на уклоняющихся от православия. Так, по свидетельству г. Владимирова, преемник Потапова по управлению северо-западным краем, Альбединский (22.07.1874–18.05.1880) также обращался к пр. Макарию с просьбою изыскать средства к удержанию в православии новообращенных, на что пр. Макарий⁴⁶⁴ якобы ответил отказом, ссылаясь на то, что изысканием сих средств должны заняться чиновники, которые были так причастны этому делу присоединения римско-католиков к православной церкви при м. Иосифе. Владимирова называет этот ответ архиепископа ответом «недоброго пастыря и негосударственного человека», но согласиться с таким отзывом нельзя. Владимирову не нравится то, что пр. Макарий с неодобрением, наконец, отнесся к тому делу, которое сам он считает хорошим, так как де «возвращали православной церкви её древнее достояние, а главное, это дело (якобы) было безотлагательно нужное, чтобы скорее положить конец польским махинациям в крае, через посредство костела».⁴⁶⁵ И как пастырь и как государственный человек, пр. Макарий едва ли имел основание к тому, чтобы одобрять тот образ действий, при помощи которого совершилось это присоединение к православию католиков в 1864–1866 годах. Как пастырь, пр. Макарий не мог не знать той истины, что принятие новой веры бывает прочно только тогда, когда оно совершено сознательно, а главное дело, не по принуждению, а добровольно, пример этого он видел в своей пастве, состоявшей из воссоединенных в 1839 году, большая часть которых далеко еще не была тверда в православии и требовала о себе весьма большой попечительности со стороны епархиального начальства.

Да и как государственный человек, пр. Макарий не мог не сознавать того, что принудительная система обращения римско-католиков в православие, как посягательство на то, что дороже всего человеку – его веру, не могла не подавать справедливого повода к недоверию со стороны народа к правительству, или, по крайней мере, значительно ослабить то расположение к нему, которое было завоевано великим актом 19 февраля 1861 года.

Вообще, никогда не надо забывать той истины, что делать из религии орудие политики вредно и даже пагубно. Посему, для церкви православной нежелательны такие миссионеры чиновники, какие были в 1864–1866 годах в северо-западном крае. Достаточно того, чтобы они охраняли интересы православной церкви против покушения на них со стороны иноверия, а главное, своею жизнью, своим живым отношением к православной вере и её обрядам подавали назидательный пример народу и тем, хотя постепенно, приводили его к сознательному убеждению в превосходстве православной веры пред другими.

К сожалению, многие чиновники, как Потаповского, так последующего времени в указанном отношении далеко не всегда стояли на высоте своего призвания.⁴⁶⁶ Справедливую, хотя и наводящую на грустные размышления характеристику чиновников после муравьевского времени и вообще русской интеллигенции в северо-западном крае в отношении их к делу православия и русской народности дал М. О. Коялович, который, после своего путешествия по сему краю в 1886 году, писал: «Вглядываясь побольше и поближе в жизнь русских людей, я встретил печальное явление. Многочисленны там русские люди, это правда, и велика в них сила, сравнительно с тем, что было 20 лет тому назад. Я видел очень много и талантливых, и высокообразованных и много знающих русских людей. Но в них далеко нет того оживления, того возбуждения к выяснению и разрешению существеннейших задач западнорусской жизни, какое было 20 лет тому назад. Точно, какая-то буря пронеслась над русскими людьми западной России и ужасы её глубоко залегли в душе оставшихся там и передаются вновь прибывающим. Нас заела, говорят они, потаповщина, которая, как система, существовала гораздо дольше несчастного Потапова и продолжала работать и при Альбединском и Тотлебене. Порваны нити прекрасных многих начинаний, рассеяны хранители лучших преданий, русское гражданское чувство стало как бы преступным и жестоко убито. Мы отдаемся лишь обыденной служебной работе и, за тем, стяжанию и, как бы отраде нашей жизни, картам... В уездных

городах, в клубах все уездное веселие, а в православных церквях пустынно и уныло. Клуб собирает чуть не все наличные русские силы, а уездное церковное попечительство слабее и без жизненнее сельских. В собрании русских людей предполагается возбуждение русской мысли, а в уездном городе, ни одной книжной лавки. В русском клубе все чаще и чаще раздается польская речь и польские газеты; русский служащий женится на польке⁴⁶⁷ и тогда ксендз – домашний человек в русском доме. Вся система Муравьева и последующие заботы правительства создать в крае русскую служебную силу, русскую интеллигенцию подрываются в корне, а что касается до церкви, то довольно указать на одно, русские дети от семейных браков, приведенные в церковь без матерей, чувствуют себя уныло... Там жид сидит в более крупном имении, считающемся владением русского человека. Это заметим, от себя, достаточно наглядно характеризует местную интеллигенцию в смысле её добросовестности в отношении исполнения лежащей на ней миссии, обрусения края и утверждения православия. Тут русский помещик удалил от церкви народное училище, оказавшееся на его земле, там, у его собрата, проселочная дорога оказалась каким-то образом коммуникационной. Тут чуть ли не последние колонисты великороссы, изнемогшие в одиночной борьбе с враждебными влияниями, распродают все и уходят на восток, а на их место благополучно устраиваются крестьяне латинского исповедания, получившие подмогу от польских панов и ксендзов, и заживают уже чисто по-польски, сами говорят и детей учат говорить по-польски».⁴⁶⁸

Таким образом, из всего сказанного нами об отношениях гражданской власти в крае к делу православия, вообще нельзя не прийти к тому заключению, что это отношение далеко не всегда было благоприятствующее успехам православной церкви и дела русской народности.

Доселе мы говорили о пастве Литовской епархии, состоящей из воссоединенных униатов и присоединенных из латинства. Теперь следует сказать и о других элементах, вошедших в состав сей паствы, каковыми были обратившиеся, на правах единоверия, к православию из раскола и евреи. Что

касается раскольников, то они, принадлежа к поморской секте, еще издавна поселились частью в нынешней Ковенской губернии, а частью в смежных с Витебской губернией нынешних уездах Виленской губернии – Вилейском и Дисненском. Число раскольников в 1843 году по Виленской губернии простиралось до 13429 человек. Впрочем, нужно думать, что эта цифра была только предположительная, так как митрополит Иосиф уже в 1853 году, следовательно, через 14 лет после воссоединения униатов, на требование св. Синода сообщить сведения о числе раскольников Литовской епархии за время с 1845 по 1853 год дал ответ, что, хотя он и поручил консистории собрать указанные сведения, но не может ручаться за удовлетворительность их. В объяснение сего он указал на то, что Литовская епархия, состоящая почти из одних воссоединенных, только недавно вошла в соприкосновение с раскольниками, кои, притом, обитали почти исключительно среди католического народонаселения. где православного народа и духовенства было весьма мало, а потому последнему весьма было трудно иметь о раскольниках точные сведения, и тем более, что гражданские чиновники, через которых можно было бы собрать эти сведения, были преимущественно католики.⁴⁶⁹ По собранным сведениям, однако, оказалось, что в 1853 году число раскольников в Литовской епархии было 11369 человек, кроме, впрочем, Ковенского уезда, коего земский суд, несмотря на неоднократные просьбы Литовского епархиального начальства, не доставил сведений о числе раскольников. В отчете пр. Алексия о состоянии епархии за 1885 год число раскольников по Виленской и Ковенской губерний показано 47 тысяч.

Что касается до религиозно-нравственного состояния раскольников, то, почти до самых шестидесятых годов, они отличались крайним упорством в своих заблуждениях, чему, конечно, много способствовало отсутствие твердой православной почвы около них, так как они не признавали за православных воссоединившихся из унии, не без основания считая их скорее за католиков, нежели за православных. Между тем, отсутствие церквей вблизи поселков, где отчасти жили и

древле-православные, содействовало тому, что раскольничьи наставники пели свою пропаганду между этими, лишенными возможности пользоваться пастырскими наставлениями своего священника, древле-православными. Так, в 1839 году священник Щеглов донес пр. Исидору,⁴⁷⁰ что в Завилейском уезде совратилось в раскол 247 лиц православных, причем ему удалось с большими препятствиями возвратить в православие только 57 человек. А в следующем году тот же священник доносил, что все, кого он увещевал, остались упорны в своем заблуждении, что объяснялось, между прочим, зависимостью малолетних от матерей-раскольников и ближайшим непосредственным влиянием ересенаставников на возрастных. При сем донесении Щеглова был приложен еще список тех лиц, которые, значась находящимися в супружестве, жили блудно, без совершения над ними таинства брака. В сем же году священник Лукьянов жаловался пр. Исидору на Динабургского раскольника Акиндинова за то, что он, не довольствуясь сеянием раскола в Двинском уезде, где развращает и утверждает народ в расколе, возбраняя при сем, под угрозой проклятия, принимать оному православие, тоже делал в Курляндской и Виленской губернии, в коей, особенно по Ново-Александровскому уезду, разъезжал и исправлял требы.⁴⁷¹ Священник Суханов также донес епархиальному начальству, что 67 лиц из его Вилкомирских прихожан совратились в раскол. Таким успехам раскола, конечно, способствовало, при почти полном отсутствии, как мы уже говорили, церковей по тем местам, где жили обратившиеся из раскола, большое количество допущенных противозаконно раскольнических молелен.

Вообще раскольники, жившие в Литовской епархии, чувствовали себя свободно в отношении открытого исповедания своей веры и, конечно, не мало злоупотребляли этою свободою. Литовское епархиальное начальство тем менее обращало внимание на раскольников, будучи само поглощено борьбой с католицизмом и полонизмом и заботою об укреплении в православии воссоединенных, что руководилось по отношению к раскольникам секретным указом св. Синода от 5 апреля 1845

года, которым предписывалось сему начальству «ни под каким видом не вмешиваться в раскольничьи требы, ниже в какие-либо полицейские распоряжения о противозаконных действиях, преследование которых не есть дело духовенства, и чтобы последнее ни в каком случае не выходило из круга чисто духовных действий и входило в сношение с гражданским начальством только в обстоятельствах действительной важности и в отдельных случаях соращения из православия в раскол».⁴⁷² От такого образа действий по отношению к раскольникам Литовское епархиальное начальство⁴⁷³ не думало отступать и тогда, когда в 1852 году Виленский генерал-губернатор Бибиков потребовал усиления наблюдения со стороны духовенства за всеми раскольническими, сектами в Литовской епархии, в виду полученных им от Витебского генерал-губернатора князя Голицына и Рижского военного губернатора князя Суворова сведений о том, что тамошние раскольники, ссылаясь на предоставленную им в Виленской и Ковенской губернии полную свободу в отправлении церковных обрядов и утверждая, что якобы здешнее духовное начальство не обращает внимания на их присоединение, вследствие сего, для совершения разных запрещенных там духовных обрядов отправляются в Виленскую и Ковенскую губернии.

Между тем, не желая принимать на себя ответственность за подобные действия раскольников, Бибиков хотел сложить всю заботу по наблюдению за ними на одно православное духовенство. Посему, указав на то, что местные чиновники, отвлекаемые разными другими делами, не в состоянии следить за всеми действиями раскольников-беспоповцев по исполнению ими духовных треб и разных обрядов, касающихся открытого оказания ереси, преследование чего лежит на обязанности православного начальства, Бибиков выразил требование, чтобы от Литовского епархиального начальства всем благочинным по Виленской и Ковенской губернии было предписано усилить свои действия по наблюдению за всеми раскольническими: сектами, вразумлению упорствующих в заблуждении раскольников и присоединению их к православию, и чтобы о каждом, замеченном ими отступлении от правил о раскольниках

доносили, для принятия соответственных мер к строгому наказанию виновных и искоренению в настоящем деле дальнейшего потворства.

Как и следовало ожидать, митрополит Иосиф не нашел возможным согласиться с этим требованием генерал-губернатора, справедливо, с одной стороны, указав на то, что в распоряжении гражданского начальства находится гораздо более средств для наблюдения за раскольниками через многих полицейских чиновников, а также через палату Государственных Имуществ, в ведении которой раскольники большею частью находились, тогда как на каждый уезд, где преимущественно проживали раскольники по Ковенской и Виленской губернии, имелось только по одному, 2–3 церковных причта, а с другой, что, вообще, не в духе русского законодательства, чтобы духовная власть возмещала полицейскую. Митрополит считал обязанностью духовенства только приводить, по возможности, раскольников на путь истины и уведомлять гражданскую власть, в случаях усмотрения действий раскольников, клонящихся ко вреду православной церкви.⁴⁷⁴ В письме же своем к оберпрокурору св. Синода относительно раскольников пр. Иосиф прямо заявил, что он находит действия против них в западном крае совершенно неуместными и что он желает, чтобы православное духовенство по отношению к раскольникам поступало так, чтобы они священников православных среди римско-католического населения считали друзьями, а не чуждыми врагами. Но этого мало, он считал подобного рода образ действий по отношению к раскольникам полезным и в политическом отношении. «Еще не зажили, писал он, раны мятежа, которым кипели иноверные и инородные Ковенская и Виленская губернии в 1831 году. В этих губерниях только 30 тысяч раскольников обоего пола, тогда как здесь для правительства и для церкви есть слишком много элементов для борьбы, чтобы развлекать силы и внимание его горстью населения, все же русского и, наверно, России более сродного, нежели прочее иноверное и инородное население».⁴⁷⁵ И благодаря пр. Иосифу, раскольники и после указанной переписки между ним и генерал-губернатором Бибиковым,

продолжали жить и Виленской и Ковенской губернии так привольно, как нигде, и возбуждали к себе зависть со стороны раскольников, живших в других местностях России и даже в соседнем Прибалтийском крае.⁴⁷⁶

По, при всем том благоприятном положении, в котором находились раскольники в Литовской епархии в отношении даже открытого исповедания своей веры, лучшие, из них не могли не сознавать своего духовного убожества и потому имели желание вступить в православную церковь, на правах единоверия. Это обнаружилось уже в 1841 году, когда пожелали присоединиться к православной церкви раскольники Ново-Александровского уезда с тем условием, чтобы:

- 1) их Дегуцкая молельня была переименована в православную церковь;
- 2) чтобы им было предоставлено право избирать себе для сей церкви священников; и
- 3) чтобы было дозволено совершать богослужение по старопечатным книгам.

Но пр. Иосиф, надо думать, по малому знакомству с расколом, не пожелал присоединения раскольников на таких условиях. В письме своем к графу Протасову он говорил: «вообще я не желал бы допускать в здешнем крае, среди иноверцев, подобных исключений. Они здесь не много бы принесли пользы, а хлопот и вредных, толков было бы довольно. С другой стороны, много Дегуцких раскольников приняли уже православие прежде сего безусловно и просили меня об обращении в церковь Дегуцкой молельни, и справедливость требует скорее их удовлетворить просьбу, нежели остающихся еще в расколе». Посему, пр. Иосиф поручил архимандриту Виленского Св. Духовского монастыря Платону лично сообщить эти его мысли управляющему Виленской палатой Государственных Имуществ Калкату и, принявши от него предписание местному чиновнику ведомства Государственных Имуществ о нужном содействии, отправиться лично в Дегуцы и здесь стараться увещаниями и другими благоразумными средствами склонить подавших прошение к безусловному принятию православия и, в случае их согласия,

присоединить их к православной церкви, отслужить в Дегуцкой молельне, по надлежащем её освящении, молебен и исповедать и приобщить св. тайн присоединившихся. Вместе с тем, им было поручено архимандриту Платону навести справки:

1) относительно того, как далеко от Дегуцкой молельни и где именно проживают прописанные в прошении раскольники;

2) сколько именно в окрестностях Дегуц присоединилось прежде к православию из раскола и стоит ли для них одних открывать православное богослужение в Дегуцкой молельне;

3) все ли нужное находится в ней, на случай открытия богослужения, с преобразованием её в православную церковь; и, наконец,

4) какие средства представляют Дегуцкие раскольники на содержание испрашиваемого ими священника.

Что же касается до кандидата на эту должность, то пр. Иосиф, хотя и соглашался определить того, на кого укажут раскольники, имевшие присоединиться, но только в том случае, если этот кандидат оказался бы достойным и, если бы это определение не ставилось одним из условий, на которых хотели присоединиться раскольники.⁴⁷⁷ Впрочем, дело это затянулось до самого 1850 года, когда пр. Иосиф, согласно представлению пр. Евсевия, епископа Ковенского, принял Дегуцкую молельню в православное ведомство, с устройством в ней иконостаса и с открытием в ней богослужения. Самая церковь была приписана к Антолентской, причем священник сей последней церкви был обязан через два раза – в третий служить в Дегуцкой церкви, переноса сюда облачении и утварь из приходской церкви, впредь, до обзаведения приписной своими принадлежностями.⁴⁷⁸

Особенно сильное влияние на движение среди раскольников Литовской епархии к единению с православною церковью имело присоединение к ней недавно почившего о. архимандрита Павла Прусского. Пока о. Павел находился в расколе, живя вблизи от раскольников Виленской и Ковенской губернии, за прусской границей, он имел под своим духовным руководством почти всех беспоповцев поморского толка,

живших в означенных двух губерниях. Он и сам лично приезжал к ним для наставления, особенно же старался действовать через посредство их ближайших наставников. Посему, присоединение его к православной церкви не могло не остаться без сильного влияния на здешних раскольников, особенно тех из них, которые были ревностными проповедниками учения о. Павла о законности браков, каковыми были ближайшие к нему и наиболее влиятельные наставники: Мартемиан Тихомиров и Василий Дорендов. Несмотря на все усилия ревнителей безбрачия,⁴⁷⁹ учение о законности браков для людей, живущих в мире, было принято и быстро распространилось между раскольниками Литовской епархии.

Указанные два ученика о. Павла, убедившись в Москве через рассмотрение тех памятников древности, которыми свидетельствуется правильность внесения в старопечатные книги исправлений, способствовали тому, что, когда еще над Павлом и его учениками не был совершен обряд присоединения, 200 старообрядцев, по убеждению Перелазовского наставника Тихомирова, и столько же старообрядцев, по убеждению Каролишского наставника Дорендова, приняли православие. Между тем, просьба последнего, заявленная Литовскому епархиальному начальству, о дозволении желающим присоединиться и составить единоверческий приход, и освятить для него церковь, которую предлагал устроить из принадлежащего ему молитвенного дома, снабженного для богослужения нужными принадлежностями, не была удовлетворена, так как митрополит Иосиф и теперь, как и в 1841 году, находил неудобным открыть единоверческий приход среди католического населения и предложил Каролишским старообрядцам устроить православную церковь и открыть православный приход. Старообрядцы на это предложение митрополита Иосифа не согласились. Неудивительно, что неудача, испытанная Каролишскими просителями, произвела вообще довольно тяжелое впечатление на старообрядцев, расположенных принять единоверие, и тем более, что ревнители раскола старались придать этой неудаче особенную важность, объясняя

её в самом неблагоприятном для них смысле. Впрочем, несмотря на это, начавшееся среди раскольников движение в пользу единения с церковью не прекращалось, и преданные о. Павлу наставники всеми силами старались его поддерживать.

Между тем, когда во главе управления Литовской епархии стал пр. Макарий, отнесшийся к указанному движению среди раскольников к единению с церковью вполне сочувственно, число желающих оставить раскол по разным местам епархии стало уже так значительно, что Дорендов вместе с двумя другими наставниками решился возобновить дело об открытии единоверческих приходов в заселенных раскольниками местностях. О желании известного числа старообрядцев присоединиться к церкви они предварительно заявили, с их согласия, главному начальнику края, а, потом, в апреле месяце от имени всех ищущих присоединения отправилась депутация в Санкт-Петербург к пр. Макарию для подачи прошения об открытии у них единоверческих приходов и церквей. Этими же депутатами от имени всех уполномочивших их старообрядцев было возбуждено ходатайство о том, чтобы, для совершения над ними обряда присоединения и для большего утверждения в предпринимаемом великом деле, дозволено было прибыть о. Павлу, в это время уже настоятелю Никольского единоверческого монастыря в Москве. Пр. Макарий, приняв во внимание, что число старообрядцев, изъявивших желание присоединиться к церкви было значительно, а, со временем, должно было увеличиться еще более, не нашел препятствий к открытию единоверческих приходов в Виленской и Ковенской губернии и озаботился приисканием нужных к тому способов и средств.

Между тем, прибывший в г. Ново-Александровск о. Павел целых три недели занимался беседами с ново обратившимися из раскола и старообрядцами и, затем, целый месяц употребил на странствование по разным старообрядческим селениям и местечкам, везде открывая собеседования о вере. Число желавших присоединиться все увеличивалось, и он над всеми, изъявившими твердое желание на то, совершал обряд присоединения, причем в некоторых местах служил литургии на

антиминсе, данном из Чудова монастыря митрополитом Иннокентием. Миссионерские труды о. Павла увенчались настолько успехом, что он мог донести пр. Макарию о возможности найти среди ново обратившихся таких людей, которые могли показать старообрядцам истину православия. Вместе с тем, он указывал на необходимость для успехов единоверия в раскольничьем населении северо-западного края учреждения единоверческих приходов и церквей на первое время, по крайней мере, в главных центральных местностях, населенных раскольниками. А что это дело было первостепенной важности, в том убеждали о. Павла и его собственные наблюдения, показавшие, какое сильное действие производило на старообрядцев совершение им священнослужения, а равно свидетельства самих старообрядцев, из которых многие положительно заявили о своей готовности присоединиться к церкви на правах единоверия.

В виду такого движения к единению с православною церковью среди раскольников, св. Синодом было разрешено открыть в 1869 году три единоверческих прихода в Ковне, Ново-Александровске и Каролишках и ассигновано было 520 руб. на содержание каждого причта, состоявшего из священника и псаломщика, и единовременно 5 тыс. руб. на устройство двух церквей – в Ковне и Каролишках с причтовыми помещениями. Особенно важное значение имело устройство церкви единоверческой в д. Каролишках, о чем хлопотал настоятель и устроитель Каролишской часовни Дорендов, так как деревня Каролишки занимала центральное положение в местности, особенно густо населенной раскольниками, и, при том, для раскольников беспоповцев имела весьма важное значение, потому что в ней с давних пор, лет 100, по крайней мере, существовала беспоповская часовня и при ней кладбище, на котором, по особенному уважению к этой часовне, погребались раскольники даже из далеких мест. Понятно, что остававшимся еще здесь вождям раскола очень не нравилось учреждение единоверческого прихода, и они стали косвенными путями ходатайствовать, чтобы для церкви в Каролишках было

назначено какое-либо иное место, причем препятствием к освящению Каролишской часовни поставляли то, что она будто бы составляет общественную собственность, хотя, в действительности, была построена Дорендовым, но на общие их средства. У строителя, к счастью, сохранилась записная книга, в которую вносились все пожертвования, собранные им на построение часовни, причем, по справке, оказалось, что на долю старообрядцев, предъявивших свои права на часовню, приходилось не более 15 руб. Убедившись в неосновательности их притязаний на владение часовнею, пр. Иосиф, епископ Ковенский, принял деятельные меры к устранению этого затруднения, результатом чего и было устройство единоверческой церкви в Каролишках. Что же касается до устройства третьей – единоверческой церкви в г. Ново-Александровске, то правительством было дано для того в городе весьма удобное место, а самое построение церкви изъявили готовность принять на свой счет Санкт-Петербургские единоверцы. Кроме того, для предполагаемых церквей были пожалованы древнего письма иконы, парчевые и бархатные ризы с прочими принадлежностями и священные сосуды из числа пожертвованных для северо-западного края церковных вещей.

Этими пожертвованиями единоверцы были обязаны особенному вниманию к их нуждам жены начальника края Е. В. Потаповой,⁴⁸⁰ которая, приняв лично о. Павла, предоставила ему самому сделать выбор нужных единоверческих икон и вообще с большим сочувствием отнеслась к делу об учреждении единоверия среди раскольнических селений северо-западного края. К трем вышеозначенным единоверческим церквям, по указанию о. Павла, во священники были поставлены самые главные деятели по учреждению единоверия в северо-западном крае, старообрядческие наставники,⁴⁸¹ для Каролишской – Василий Семенов Дорендов; Перелазовской – Мартимиан Афанасьев Тихомиров и Ново-Александровской – Артемий Сухорукин.⁴⁸²

Движение к единению с православною церковью было и между раскольниками, жившими в Виленской губернии. Сам о.

Павел в письме своем к профессору Н. И. Субботину из Северо-западного края указывал, между прочим, на то, что старообрядцы деревни Страшун, Троцкого уезда, почти все желали присоединиться к православной церкви и также ожидали поставления к ним священника. Впрочем, желание их иметь у себя церковь с отдельным причтом осуществилось только в 1894 году, когда была построена в Страшунах церковь. По желанию Свенцянских старообрядцев, хотевших присоединиться к православной церкви, о. Павел в марте месяце 1872 года приезжал в Свенцяны для их наставления.⁴⁸³ В самой Вильне в 1869 году присоединившиеся из раскола возбудили ходатайство об открытии для них особого прихода при Пятницкой церкви, в видах присоединения соотечественников-раскольников. Но, когда Литовская духовная консистория потребовала именных списков, желавших присоединиться, дело об открытии прихода единоверческого в Вильне дальше не подвинулось вперед. Из более значительных движений среди раскольников к единению с св. Церковью в Литовской епархии за последнее время должно указать на присоединение на правах единоверия Лазарцевских раскольников в 1888 году, для которых была устроена церковь, освященная лично архиепископом Алексием, и открыт отдельный приход, с назначением к нему во священники их наставника. Прихожан при сей церкви значилось в 1891 году муж. пола 47 и женского 32.⁴⁸⁴

Что касается до отношения раскольников к православной церкви за последнее время, то пр. Алексей находил его более дружелюбным, чем враждебным. Так, в отчете о состоянии Литовской епархии за 1889 год⁴⁸⁵ пр. Алексей, как на основании донесений благочинных, так и своих личных наблюдений, указывал на то, что православное духовенство епархии вообще редко входило в общение с раскольниками с целью воздействия⁴⁸⁶ на них и вразумления уже по тому одному, что большинство их живет вдали от православных церквей, но принимало их детей, где только возможно, в школы и вообще относилось к ним участливо, как к русским людям. Раскольники отвечали тем же, хотя и не старались входить в религиозные

рассуждения, особенно старики. Неблагоприятными условиями для более успешного взаимного сближения была со стороны раскольников их религиозная одичалость и нравственная распущенность. На них часто местные жители и духовенство, в том числе, смотрели, как на небезопасных соседей – буйных и не уважающих прав собственности.

Причиной таких отношений между духовенством православным и раскольниками, по мнению пр. Алексии, было непонимание духовенством раскола и даже то обстоятельство, что оно не древле-православное, а, как думали и говорили о нем раскольники, «обливанцы». «Но в этих взаимных взглядах, говорил архипастырь, есть недоразумение и преувеличение. Добровольные переселенцы в здешний край, старообрядцы, не знавшие панской неволи и совсем не похожие по своему характеру на забитое местное население, «падающее до ног», и вынужденные в чуждой им по вере и духу разно-племенной и разно-верной среде стать к ней в оборонительном и при том смелом и самоуверенном положении, кажутся какой-то вольницею; их боятся даже евреи, с которыми они расправляются под час короткой своеручною расправою». «Конечно, замечал владыка, лучше было бы, если бы они, оставив заблуждение раскола, вошли в общение с православною церковью, что для них здесь менее фанатичных, чем где-либо, сделать не так трудно, как это высказалось, между прочим, по случаю собеседований с ними протоиерея Крюкова в Вильне, в церкви св. Троицкого монастыря 9 июня, в присутствии воспитанников старших классов Литовской духовной семинарии, причем впечатление от собеседований оказалось настолько сильно, что старообрядцы сами и особенно женщины просили, чтобы собеседования повторялись и не один раз и не в одной Вильне, а несколько раз и во всех центрах раскола в Виленской и Ковенской губернии. Сплоченные в тесные, изолированные общины раскольники, за исключением теряющих влияние и положение вожаков их, охотнее присоединились бы огульно, целыми общинами, вот что выразилось в этой просьбе, а некоторые старики и прямо высказали опасение, что присоединить-то их охотно

присоединят, а, потом, и оставят на произвол судьбы, т.е. без ближайшего участия со стороны духовенства к их религиозным потребностям, как это замечается, к сожалению, особенно в больших городах, где малое число духовенства слишком обременено разными занятиями, чтобы входить в какие-либо нужды прихожан подгородных из простонародия. А основывать все новые и новые единоверческие приходы с небольшим числом прихожан – дело трудное». В заключение своего суждения о раскольниках, пр. Алексей высказал предположение, которое уже и осуществилось в 1898 году, о необходимости устройства на Виленском предместье «Новый Свет» храма преимущественно для старообрядцев.⁴⁸⁷

Что касается евреев, принимавших христианство в Литовской епархии, то о большей части из них должно сказать, что они это делали по корыстным расчетам, причем иные, крестившись, в скором же времени снова отпадали в еврейство. Со всею очевидностью доказала это печальная судьба миссии, учрежденной в 1892 года в Вильне, по мысли пр. Доната, для обращения в православие евреев, миссионером в которой был назначен обратившийся из раввинов Дрейзен. Заведены были правильные публичные собеседования с евреями и нарочито подготовленные и расположенные, по известному плану, чтения. В учрежденном, для обращающихся евреев, приюте в 1892 году перебивало до 40 евреев, из коих 24 крестились. Между тем, на публичных собеседованиях евреи позволяли себе богохульство, оскорблявшее христиан, а крещенные евреи оказались, в большинстве случаев, пожелавшими принять крещение, только ради получения на обзаведение и на путевые расходы, так как почти все были приезжие из разных местностей северо-западного края, и в скором же времени, по выходе своем из миссионерского приюта и оттуда на родину, возвращались в еврейство. Вследствие сего, миссия эта была в 1895 году закрыта. Для научения же истинам веры желавших креститься евреев, в 1896 году в Вильне, Ковне и Гродне были учреждены должности катехизаторов из духовных лиц.

Были присоединения к православию и из других вероисповеданий, как-то лютеранского и магометанского, но эти

случаи были настолько единичны, что говорить о них присоединившихся, как о составных элементах православной паствы Литовской епархии, не приходится.

Глава VI. Меры правительства в Литовской епархии для борьбы с враждебным влиянием католицизма

Внешние меры, принимавшиеся правительством в Литовской епархии для борьбы с враждебным влиянием римско-католицизма и полонизма на православное население, а именно: разбирательство прихожан между православным и римско-католическим духовенством, закон о смешанных браках и ограничение права строить и починять римско-католические храмы и часовни. Недостаточность сих мер.

При том невысоком уровне, на котором находилось религиозно-нравственное состояние православного населения в Литовской епархии, благодаря указанным нами причинам, естественно было ожидать со стороны духовной и гражданской власти употребления тех или других мер, которые, с одной стороны, должны были парализовать враждебное влияние на православных латинства и полонизма, а с другой – способствовать утверждению их в истинах православия, дабы они сознательно представляли себе превосходство исповедуемой ими веры пред католическою.

В настоящей главе мы коснемся только лишь одних внешних мер, какие были принимаемы правительством для ограждения православных прихожан от нежелательного влияния на них со стороны римско-католичества, и к числу коих прежде всего следует отнести разбирательство прихожан, предпринятое для более точного определения лиц, долженствовавших числиться в списках прихожан православных церквей и римско-католических костелов, и имевшее своею целью содействовать тому, чтобы эти прихожане знали только своих пастырей и не знали гласа чуждого пастыря, а последний не вторгался бы в чужое стадо, «прелазя инуде».

В основе сей меры лежал синодальный указ с Высочайшим повелением, состоявшийся в 1842 году, коим духовенству епархии предписывалось приступить к возвращению в православие из латинства некогда совращенных в него бывших

униатов.⁴⁸⁸ Митрополит Иосиф, по представлению которого и состоялся вышеозначенный синодальный указ, делу разбирательства прихожан придавал очень важное значение и потому, когда в 1841 году возникло было предположение у правительства оставить в латинстве всех давно совращенных униатов, он в составленной им записке по сему делу указывал на необходимость предоставить власти и усмотрению местных православных преосвященных оставлять в латинстве совратившихся униатов в том случае, если они найдут это удобным и полезным, по давности совращения, или же по другим причинам. Относительно же остальных совратившихся из унии в латинство, по мнению пр. Иосифа, следовало предписать вести дело о сем в присутственных местах на общем основании о совращенных.

Вообще пр. Иосиф находил, что лучше было держать латинство в оборонительном, нежели в наступательном положении, следствием чего должно было быть то, что, занимаясь отстаиванием прежних приобретений, латиняне не могли бы стремиться к новым. Нельзя было, по мнению пр. Иосифа, оставлять в латинстве совращенных и потому, что в таком случае устремились бы в латинство все недостаточно утвердившиеся в православии воссоединенные одни под предлогом, что они пользовались требами от ксендзов, а другие – на том основании, что они еще не исповедовались и не причащались у православных священников. Предоставление же православным епископам права, по своему усмотрению, оставлять в латинстве совратившихся униатов., пр. Иосиф находил полезным и в том отношении, что подобным распоряжением было бы оказано римлянам довольно снисхождения, и что таким образом могло бы быть прекращено множество дел о совращенных в латинство и в особенности в оном утвердившихся, даже более того, были бы устранены самые щекотливые дела.⁴⁸⁹

Конечно, в видах более успешного ведения дела относительно разбора прихожан между римско-католическим и православным духовенством, пр. Иосиф, после получения указа св. Синода относительно разбирательства прихожан, в коем,

между прочим, упоминалось о жалобах ксендзов на воссоединенное духовенство за допускаемое им вмешательство в католические приходы, нашел нужным от 17 июля 1842 года сделать через консисторию секретное предложение благочинным и настоятелям монастырей и церквей, чтобы они в отношении к латинским ксендзам действовали не только без неприязни, но и с явным расположением окончить дело миролюбиво, коль скоро с их стороны будет оказана готовность к исполнению ими своего долга, причем православные священники, если бы и заметили, что латинские пропустили некоторые лица, обязывались, прежде явного обличения, указать им частным образом их ошибки и давать им возможность исправить оные или заменить весь список другим полнейшим формальным экземпляром. Даже и в случае неудовлетворения ксендзами законных требований православных священников, последним вменялось в обязанность предостерегать их о неизбежной необходимости, для приведения в исполнение по их приходам Высочайшей воли, предоставить это дело на усмотрение православного епархиального начальства, а с тем вместе предупредить их о неминуемых последствиях их ослушания.

Вместе с сим пр. Иосиф вменил в обязанность благочинным и настоятелям монастырей, чтобы они, в случае командировки их самих для увещания упорных из числа подлежащих возврату в православие, в возлагаемом на них поручении одушевлялись единственно кротким духом веры и истины, чтобы упорствующим лицам объясняли их принадлежность к церкви православной, как к церкви их отцов, излагая вместе с сим и первобытное учение церкви Христовой, неизменно от глубочайшей древности исповедуемое всеми святейшими патриархами восточными, представляя также превосходство служения вразумительного на родном языке и превосходство православных обрядов, исполненных значения, и, наконец, предваряли бы о той ответственности, которой подвергали себя упорные пред законом, и чтобы, в тоже время, в случае каких-либо соотношений с приходским латинским ксендзом, не изменяли своего миролюбивого направления, вполне

приличного православному духовенству, и давали бы всегда разуметь, что возвращение упорных к их долгу покрывает собою вину, как совращенных, так и совративших их, равно как и тех лиц, кои доселе своими внушениями удерживали их в латинстве, и чтобы, наконец, ограничиваясь убеждением упорных, не простирали бы оного к коренным римлянам. Пожелавший же из последних последовать примеру возвращающихся в православие должен был подвергаться опросу при гражданском чиновнике, через кого именно он расположился к православию, с занесением его показаний на бумагу тогда же, в предупреждение всяких нареканий с противной стороны относительно намерения якобы усиленными способами умножать православную паству. В случаях же истощения всех средств убеждения и увещания и бесполезности оных, благочинные должны были входить с представлениями о том в консисторию для продолжения производства дела об упорствующих законным порядком.⁴⁹⁰

К сожалению, это предписание пр. Иосифа мало исполнялось теми лицами, кого оно касалось, и самое разбирательство прихожан длилось более 15 лет, вызывая взаимные пререкания между воссоединенным и римско-католическим духовенством. В отношении пр. Иосифа к графу Протасову в 1845 году причина медлительности в разбирательстве прихожан возлагалась на римско-католическое епархиальное управление, которое преследовало тех ксендзов, которые показывали миролюбие и беспристрастие при разборе прихожан, вследствие чего пр. Иосиф просил ходатайства пред Министром Внутренних Дел о конфиденциальном внушении епископу Цивинскому добросовестнее удовлетворять поступающие отношения к нему по означенному делу,⁴⁹¹

Между тем, уже одно то обстоятельство, что Литовская духовная консистория вынуждена была обязать в 1842 году подпиской священников, назначаемых депутатами по следственным делам о совращениях в римско-католичество, при производстве оных светскими чиновниками, в том, что они не будут уклоняться от сего назначения, показывало, что и воссоединенное духовенство далеко не было без вины в

медлительности по делу о разбирательстве прихожан. А что были нарекания и на само Литовское епархиальное начальство со стороны римско-католического за его якобы притеснительные действия по отношению к латинству, это видно из переписки пр. Иосифа с латинским митрополитом Дмоховским, в которой он, отвергая состоятельность сих обвинений, в свою очередь, жаловался на то, что подобные обвинения им слишком часто замечаются и что они происходят не столько от пастырской ревности, сколько от влияния местного вредного духа, орудием которого делаются многие ксендзы сознательно или бессознательно, столь часто подающие повод к возбуждению против них дел за совращение и преподавание духовных треб лицам православного ведомства, а равно и за другие противозаконные поступки в отношении сего ведомства. В доказательство сего пр. Иосиф указал на дело, производившееся о нескольких лицах Антолептского православного прихода, совращенных в католичество, причем было обнаружено, что это совращение было одобрено и утверждено самим Дмоховским через миропомазание тех лиц, во время посещения им означенного местечка. «Если священники вашего ведомства, писал Дмоховскому от 5 сентября 1849 пр. Иосиф, осмелились и сумели ввести своего главного начальника в действия, к уголовным преступлениям относящиеся, то, на что не дерзнут они, когда действия их не имеют такой гласности и закрываются местным покровительством. С моей стороны, будьте уверены, что я стараюсь всеми мерами удерживать подчиненное мне духовенство от поступков противозаконных и даже неприязненных против духовенства римского и даже враждебные и незаконные действия сего последнего прикрываю постоянно снисхождением и долготерпением. Иначе вы и правительство были бы заброшены без числа справедливыми жалобами на него со стороны Литовского епархиального начальства».⁴⁹²

Желая, со своей стороны, скорее окончить разбирательство прихожан между православным и римско-католическим духовенством, пр. Иосиф на просьбу, обращенную к нему со

стороны католического епископа Цивинского от 17 июня 1852 года относительно того, чтобы, вместо доставления православным благочинным латинскими ксендзами приходских списков, по которым уже окончено разбирательство, для снятия с них копий, предоставлено было самому латинскому духовенству составить списки лиц, признанных, по разбирательству, подлежащими возврату в православие, и таковые, после поверки их деканами, препровождать тогда же к православным благочинным, ответил своим полным согласием, находя, что «для предположенной цели указанная епископом Жилинским мера была совершенно достаточна».⁴⁹³

Тем не менее, и эта мера не послужила вполне достаточным средством к скорейшему окончанию дела о разбирательстве прихожан, так что митрополит Иосиф от 25 февраля 1853 года вынужден был потребовать через консисторию от благочинных объяснения причины не окончания разбирательства по некоторым приходам с латинским духовенством спорных прихожан и, в случае виновности ответственных по сему делу лиц, представить ему свое заключение о взыскании с них и, вместе с тем, предписать им о принятии нужных мер и стараний к точнейшему исполнению сего дела, по Высочайшему повелению производящегося.⁴⁹⁴ Неприязненным отношениям, возникавшим между римско-католическим и православным духовенством из-за разбора прихожан, положен был конец только в 1857 году, когда состоялось Высочайшее повеление, по которому дела о разбирательстве прихожан между православным и римско-католическим духовенством должны были считаться оконченными.

Тем не менее, вопрос об этом разбирательстве поднимался и после того, как со стороны гражданской власти, так и самого духовенства, хотя и был отклонен Литовским епархиальным начальством, как несогласный с указанным Высочайшим повелением. Впервые этот вопрос этот был возбужден в 1867 году Виленским генерал-губернатором, по представлению Гродненского губернатора, о возобновлении в крае разбирательства прихожан между православным и римско-

католическим духовенством по правилам, Высочайше утвержденным в 1842 году. Но Литовское епархиальное начальство отказалось дать свое согласие на это разбирательство, указывая, с одной стороны, на то, что это дело сочтено уже оконченным и что, без Высочайшего соизволения, оно не считаете себя в праве возобновлять оное, и тем более потому, что означенные правила относились исключительно к возвращению из латинства бывших униатов и вызваны были обстоятельствами, не совсем подходящими к указанным Гродненским губернатором, а с другой – и на то, что возобновление сего разбирательства, кроме указанных уже причин, едва ли было бы полезно и благовременно, как по совершенной неприменимости правил оного к настоящим обстоятельствам, так и по своему процессу, который и в предшествующее время, при всех настояниях высших властей, длился почти 15 лет.

Посему Литовское епархиальное начальство, в виду возбужденного Гродненским губернатором вопроса, находило более полезным виновных в препятствовании кому-либо добровольно присоединиться к православной церкви и в нарушении ограждающих сию церковь постановлений немедленно предавать следствию и суду, на основании существующих на сей предмет законов. Точно также было оставлено без удовлетворения и на том же основании ходатайство, возбужденное в 1870 году Дрогичинским благочинническим съездом о новом разбирательстве приходских списков для открытия совратившихся из православия. Как на повод к сему ходатайству, съезд указывал на то, что в то время, как Бельским уездным комитетом по проверке народонаселения по вероисповеданиям составлены были в 1866 году о совратившихся в прежние годы списки, которые и были препровождены к настоятелям церквей для возвращения отпавших в лоно православия, (в чем священники имели успех), с 1869 году это дело было передано губернатором судебным следователям, в руках которых оно приняло совершенно другое направление. Эти следователи православных священников, при производстве следствия,

совершенно устранили от участия в оном и, за редким исключением, почти всех упорствующих показывали и оставляли в совращении. Посему-то съезд и просил о дозволении, чтобы разбирательство по Дрогичинскому благочинию о лицах, совратившихся в католичество и происходящих от смешанных браков православных с католиками, было предоставлено благочинническому совету, при участии гражданского начальства и католического духовенства, находя, что только таким путем может быть разъяснен этот важный вопрос.⁴⁹⁵

Вообще же, разбирательство прихожан, как мера, имевшая целью охранять православную церковь от посягательства на её чад со стороны церкви римско-католической, не принесло тех результатов, на которые рассчитывало правительство и митрополит Иосиф, благодаря, с одной стороны, чисто формальной постановке этого дела, а с другой – вследствие разных злоупотреблений, допущенных в этом деле чиновниками и ксендзами и даже православными священниками, которые, между прочим, как показывает рапорт священника Кривичской церкви Белозерского,⁴⁹⁶ в Литовскую духовную консисторию в 1869 году, сами иногда продавали своих православных прихожан в католичество, т.е. соглашались признавать их прихожанами известного костела якобы по давней принадлежности их к латинству.⁴⁹⁷ Впрочем, и после означенного разбирательства, записанные в списки православных церквей прихожане из бывших униатов очень часто не только для исповеди и св. причастия, но и за другими требами, обращались не в церковь, а в костел, причем ксендзы, по большей части, оставались без всякого наказания за вмешательство в дела православных приходов, оспаривая иногда самую принадлежность известных лиц к православной церкви. В доказательство сего можно указать, например, на то, что высшее Виленское католическое духовенство, с Виленским епископом Елонгевичем во главе, в 1841 году, на неоднократные требования Литовской духовной консистории об исключении из ведомства римско-католической консистории тех римско-католиков, которые перешли в православие, дало

дерзкий ответ, обещая делать запрещения своим священникам преподавать духовные требы таким лицам лишь с тем условием, если они присоединились добровольно. В таком ответе пр. Иосиф справедливо усмотрел, с одной стороны, предоставление ксендзам произвола в исполнении предписания, а с другой – прямую обиду для православной церкви и самого правительства через официальное внушение, что в России могут быть допускаемы насильственные присоединения к православию.⁴⁹⁸

Другим, по-видимому, более верным средством к увеличению числа лиц, принадлежащих к православию в северо-западном крае, должно было бы считать закон о смешанных браках, по которому дети исповедуют православную веру, если кто-либо из родителей – православный. При таком законе, должно было увеличиваться не одно только число членов православной церкви, но, вместе с тем, и успешнее совершаться обрусение края и, притом, постепенно, естественно, и без особых с нашей стороны, усилий.⁴⁹⁹ В сих видах, чтобы облегчить для духовенства исполнение сего закона, св. Синодом было разрешено в 1840 году духовенству Литовской епархии венчать иноверцев с православными, без испрашивания каждый раз разрешения епархиального архиерея, но с отображением подписки о крещении детей по православному обряду. По совершении же брака и внесении его в метрику, показание должно было немедленно представляться епархиальному архиерею, при донесении священника и причта, совершавших брак. Эти же донесения и показания, по рассмотрении преосвященным, если в них не оказывалось ничего сомнительного, имели сдаваться в консисторию для сохранения и справок. В случае же встретившегося какого-либо сомнения в делах сего рода, священники обязывались, не приступая к присоединению иноверца или к совершению брака, доносить о сем епархиальному архиерею, с объяснением причин сомнения, по рассмотрении которых, епископ или разрешал дело от себя, или же предписывал консистории произвести формальное расследование.

Между тем, несмотря на это распоряжение св. Синода и снабжение священников формами для ведения сих дел, священники отступали от соблюдения оных форм и подавали повод к возникновению сомнения относительно выдачи подписок лицами, вступающими в смешанный брак с лицом православного исповедания, о воспитании ими детей в православии. Так, пр. Платон в 1843 году нашел, что многие священники брали и представляли от иноверцев, присоединяющихся к православию и вступающих в брак с православными, такие подписки о непоколебимости их намерения пребывать в православии и воспитывать в оном детей, которые, по неграмотности их, бывали подписаны иногда одним крестьянином, а иногда причетником, а иногда, людьми, не известного звания. В виду этого, Литовское епархиальное начальство, находя, что такие подписки не имеют надлежащей достоверности и, в случае каких-либо дел, не могут служить несомненными доказательствами, внушило всему духовенству, чтобы оно впредь брало от неграмотных иноверцев такие подписки, которые были бы утверждены, по их просьбе, подписью грамотных лиц, не принадлежащих к духовному сословию, с ясным означением их звания, имени, фамилии и постоянного местопребывания, чтобы, в случае надобности, их легко можно было отыскать и удостовериться от них в подлинности подписок.

Но так как римско-католическое духовенство затрудняло совершение смешанных браков, не желая, чтобы дети от сих браков были записаны в списки православных приходов, и действовало в сем случае через помещиков, или управляющих их имениями, то, в конце декабря 1853 года митрополитом Иосифом было объявлено⁵⁰⁰ секретно каждому священнику и, притом, лично через благочинного распоряжение высшего духовного начальства относительно того, чтобы, при вступлении в брак прихожан из крепостных людей одно-вотчинников, они не требовали на это дозволения от помещика или эконома и совершали бы сей брак, если не было других препятствий, не внося сего дозволения в пред брачные документы, а, в случае жалоб, доносили о том через благочинного ему, митрополиту.⁵⁰¹

Вообще, митрополит Иосиф придавал очень большое значение смешанным бракам, и, потому, был недоволен теми священниками, в приходах которых заключалось мало смешанных браков. Так, он сделал в 1856 году строгое замечание за это благочинному Ситкевичу, в благочинии которого в течение 10 лет было только 16 таких браков, тогда как в Белостокском было 221, в Сокольском 393 и Гродненском 579, причем потребовал объяснения, происходит ли это от препятствий, делаемых к совершению сих браков со стороны римско-католического духовенства, или же от того, что при браках не получают предписанные законом подписки на воспитание детей в православной вере, или же, наконец, от того, что они не представляются епархиальному начальству. Доставленное Ситкевичем объяснение, в котором он указал, как на причину малочисленности, по официальным данным, числа смешанных браков в его благочинии на то, что он не представлял подписок с целью более привлечь к церкви иноверцев и оглашением их подписок не вооружать против них еще более ксендзов, было найдено митрополитом весьма несостоятельным, и Ситкевич, в наказание, был вызван в консисторию, где ему было внушено, чтобы он впредь не уклонялся от законного порядка относительно представления подписок епархиальному начальству.

Но, к сожалению, и на сей раз действительность не вполне оправдала все великие надежды, которые возлагались правительством на смешанные браки в северо-западном крае, как на средство к увеличению числа лиц, принадлежащих к православию, так как оказалось, что дети, происшедшие от сих браков, большею частью только формально значились православными и, не получая своевременно надлежащего воспитания в духе православия, пришедши в возраст, становились тайными католиками, а некоторые и открыто отрекались от православия. Особенно ясно такие случаи замечались в тех семьях, где отец был православный, а мать католичка.⁵⁰² Да это и понятно само собою, если принять во внимание, что воспитание детей всегда и везде находится на руках матерей, а эти матери в западном крае находятся под

сильнейшим влиянием костела. Что же касается до третьего поколения от этих смешанных браков, то оно, по справедливому замечанию о. Фуделя, представляет из себя каких-то несчастных межеумков, которые не имеют никакого понятия о православии, как не имели того и их родители, и которые в то же время не имеют права быть католиками.⁵⁰³ Правда, местное духовенство, вопреки мнению о. Фуделя, до последнего времени не могло отрешиться от преувеличенного взгляда на пользу смешанных браков, якобы способствующих тому, что третье поколение от них всегда бывает и русское и православное. По его мнению, закон о смешанных браках имел своим последствием то, что многие деревни, местечки и даже города, стали через него православными и русскими, и через то явилась возможность закрыть излишние костелы и обратить их в церковь.⁵⁰⁴

Но, не отрицая того, что единичные случаи таких счастливых смешанных браков, когда дети, действительно, воспитывались в православной вере, могли быть, тем не менее, несомненно и то, что, в большинстве случаев, дети, родившиеся от сих браков, воспитываются в духе римско-католической религии, числясь только формально православными, а потому и детям своим они не могут сообщить того, чего сами не имеют, т.е. понятия о православной вере и преданности оной. А, следовательно, третье поколение не может явиться таким православным и русским, каким предполагает его местное духовенство. Для того, чтобы из сего поколения сделать русское и православное население, для этого нужны самые счастливые условия, как-то: сильное влияние церкви и церковной школы и изолированность от влияния ксендзов. Но так как такие счастливые условия далеко не везде могли существовать, то нам представляется очень сомнительным, чтобы образовавшиеся от смешанных браков целые деревни, местечки и даже города, были действительно православными и русскими, а не числились только по спискам.

Конечно, ничем иным, как сознанием того, что смешанные браки далеко не приносят пользы делу православия и русской народности, и вызвано требование многими священниками в

Литовской епархии за последнее время от лиц римско-католического исповедания, при вступлении их в брак с лицами православного исповедания, непременно присоединения к православию, в том предположении, что оба православных супруга уже несомненно будут воспитывать детей своих в православной вере. Насколько часто духовенство стало проявлять это требование подписок на присоединение к православию от вступающих в смешанные браки, видно из того, что это обстоятельство отмечено пр. Алексием в его отчете св. Синоду о состоянии епархии за 1889 год, где он, указывая на преимущественно большее число присоединившихся из римско-католичества лиц женского пола, сравнительно с числом мужчин, объяснял это тем, что присоединения бывали более всего по случаю вступления в брак с лицами православного исповедания, когда духовенство, зная особенный вред тех смешанных браков, в которых иноверною стороною были женщины, всячески убеждало последних к присоединению пред браками, вместо взимания пред брачных подписок о воспитании детей в православии. Тем не менее, пр. Алексей был против подневольных присоединений римско-католиков к православию в подобных случаях, что и выразил в одной своей резолюции, по поводу жалобы одного римско-католика на православного священника за не венчание его последним, без присоединения к православию, с православною невестою, приказав повенчать жаловавшегося, если, кроме указанной причины, т.е. нежелания его присоединиться к православию, не было других законных к тому препятствий.

Частые случаи смешанных браков и присоединений при сем из римско-католического исповедания, естественно, должны были повести к установлению таких мер, которые более или менее могли служить препятствием к тому, чтобы присоединившиеся не могли снова зачислить себя в списки прихожан римско-католического костела. До самого 1888 года порядок, по которому велось дело исключения из костельных списков ново присоединившихся, состоял в том, что Литовское епархиальное начальство, по принятии иноверцем православия, на основании доставленных причтами сведений о

принадлежности его к тому или другому костелу, сносилось с римско-католической консисторией об исключении принявшего православие из приходских списков указанного костела. Однако, долголетний опыт показал, что приходские костельные списки, по-своему более домашнему значению и характеру, были далеко не то, что в православных церквях исповедные ведомости, и что в эти списки часто вносились лица случайные и иноприходные, почему и указанное исключение из костельных списков не достигало цели. Вследствие сего, лица, принявшие православие и вновь, по каким-либо особым побуждениям, уклонившиеся из православия в латинство,⁵⁰⁵ легко обходили это ограничение тем, что получали от ксендзов свои крестные и иногда брачные метрики, без пометки о присоединении их к православию, и, на основании сих метрик, выдавали себя за католиков, исполняли требы у ксендзов в костелах и даже получали из некоторых учреждений документы на жительство в разных местах и на перевод из одного сословия в другое, например, из крестьян в мещане. Между тем, по мнению Литовской духовной консистории,⁵⁰⁶ подобное уклонение из православия в иноверие было бы значительно затруднено, если бы церковные причты, присоединяя иноверцев к православию, требовали от них крестные метрики и, в надлежащих случаях, о бракосочетании и, если бы, кроме исключения принявших православие из костельных списков, были делаемы в костельных метрических книгах, подлинной и копиевой против актов о крещении и, где следовало, о бракосочетании присоединившихся, пометки об их присоединении, с точным указанием времени, места присоединения и имени данного (иной раз) присоединившемуся, и если бы ксендзы, при выдаче метрик, по требованию ли самого присоединившегося, или же учреждений, вносили пометку о присоединении в выдаваемые свидетельства. Руководствуясь сим соображением, Литовская духовная консистория нашла нужным, с одной стороны, предписать духовенству епархии на будущее время строго держаться, при присоединении иноверцев, указанных мер предосторожности против возможности скрятия ими своей принадлежности к православной церкви,⁵⁰⁷ а с другой –

обратиться с просьбою в Виленскую и Телышевскую римско-католические консистории о том, чтобы они сделали нужное распоряжение о надлежащем записывании ксендзами в метрики пометок о присоединении к православию известных лиц. Что касается соблюдения предосторожности в отношении возможности смешения имен в документах тех из римско-католиков, которым, при присоединении их к православию, переменялись имена, то консистория Литовская еще в 1875 году предписала духовенству епархии, чтобы оно по церковным документам, например, исповедным росписям, брачным обыскам, таковые лица писало с именами православными, а прежнее имя писало бы вслед за именем православным и в скобах, для избежания затруднений при выдаче документов и в других случаях.⁵⁰⁸

Третьей внешнею мерою в отношении ограждения интересов церкви православной в Литовской епархии от покушений на них со стороны воинствующего католицизма было предоставление православному епархиальному начальству права наблюдения за существовавшими костелами и часовнями, и ксендзами при них и разрешения строить новые костелы и часовни. Как только это право было предоставлено, министерство Внутренних Дел в 1839 году обратилось к римско-католическому духовному начальству в России за сведениями о всех приходах сего вероисповедания, как они именуются, сколько при них священников, какие к ним принадлежат филиальные церкви и часовни, в какое время в них совершается богослужение, из каких они состоят деревень и сколько в каждой прихожан сего исповедания, причем один экземпляр таковых ведомостей был передан от министерства обер-прокурору св. Синода для сообщения находящихся в них сведений Литовскому епархиальному начальству и при сем гражданскому начальству было вменено в обязанность, чтобы оно, имея таковые сведения от епархиального начальства, строгим образом наблюдало, не приезжает ли кто из ксендзов совершать духовные требы в неподлежащих его ведомству приходах и не служит ли в филиальных церквах и каплицах в дни, сверх назначенных римско-католическим начальством.

Таковые же списки католических приходов и костелов с часовнями были переданы пр. Иосифом благочинным для сведения и секретного наблюдения.⁵⁰⁹

Насколько в то время была велика сила латинства, можно судить на основании ведомости с обозначением числа костелов и часовен. Так, по сей ведомости значилось, что в Коссовском благочинии было три костела и 3 филиальных церкви; в Каменецком – 7 костелов и 3 филиальных; в Антопольском – 3 костела и 2 филиальных церкви; в Кобринском – 4 костела, 1 филиальная церковь и 2 домашних каплицы; в Слонимском – 9 приходских костелов, 3 мужских монастыря, 3 женских, 4 филиальных костела и 3 домовых часовни; в Лидском – 22 приходских костела, 1 мужской монастырь, 3 филиальных костела и 6 каплиц; в Брестском, – кроме Брестского одного, в зданиях которого, по распоряжению фельдмаршала действующей армии, была расположена здешняя православная Симеоновская церковь, других костелов не было. В Пружанском было приходских костелов 3; в Высоколитовском – 4 приходских костела, 2 монастыря и 1 каплица; в Новогрудском – 3 мужских монастыря, 1 женский и 1 упраздненный, бонифраторов, в городе Новогрудске, а в уезде – 13 приходских костелов; в Полесском – 2 приходских; в Ковенском, в городе Ковне, – 5 мужских монастырей и 5 женских, и в Ковенском уезде – 14 приходских костелов, 17 филиальных, 13 монастырей, 6 упраздненных костелов и 3 монастыря; в Россиенах – 1 приходский костел, 1 филиальный, 1 упраздненный бывший кармелитский монастырь; в Волковысском 9 приходских костелов, 1 монастырь, 5 филиальных церквей; в Гродненском – в городе Гродне – 2 приходских костела, 6 каплиц, 1 упраздненный костел и 1 упраздненный Францисканский монастырь; в Скидельском – 7 приходских костелов и 4 филиальных и 2 каплицы; в Виленском – 30 приходских костелов, 8 монастырей, филиальных костелов 4, каплиц 28; в Белостокском – 27 приходских; в Любчанском благочинии – 3 приходских костела и 2 каплицы. В самой Вильне было 25 приходских костелов и монастырей.⁵¹⁰ В Ошмянском благочинии было 15 приходских костелов, 5 монастырей, 4 филиальных

костела и 4 каплицы: в Каменецком – 5 приходских костелов и 1 каплица; в Бельском – 10 приходских костелов и 3 каплицы; в Дрогичинском – 4 монастыря, 12 приходских костелов и 2 филиальных; в Свенцяном, в самом городе, – 1 приходский и 1 филиальный костел; по Завилейскому уезду – 26 приходских костелов, 1 монастырь кармелитов, 19 филиальных костелов и 7 каплиц филиальных; в Ново-Александровском 23 приходских костела, 12 филиальных и 2 упраздненных монастырских; в Вилкомирском – в самом городе 1 приходский и 1 монастырский костелы и в уезде – 26 приходских, 27 филиальных и 2 монастырских. В сем числе каменных 13 костелов и 42 деревянных. В г. Тельшах – 1 филиальный и 1 монастырский костелы, и в уезде – 23 приходских, 27 филиальных и 3 монастыря: в г. Шавлях – 1 приходский и 1 филиальный и в уезде – 27 приходских и 22 филиальных; в Поневежском, в самом городе – 1 филиальный и 1 упраздненный монастырский и в сем уезде – 25 приходских, 13 филиальных и 1 монастырский (из коих 11 каменных и 28 деревянных). Всего в Вилкомирском благочинии было 101 приходских костелов, 89 филиальных и 6 монастырских. Таким образом, из приведенного списка костелов видно, что нынешняя Ковенская губерния составляла, как и теперь, главную силу католицизма.

Впрочем, пр. Иосиф, получив право наблюдения за постройкой римско-католических костелов и часовен и духовенством при них, не считал эту охранительную меру особенно сильною, справедливо полагая, что она могла доставить только некоторую пользу, но не могла положить пределов прозелитизму латинского духовенства.⁵¹¹ Да это и не удивительно, если обратить внимание, например, на число костелов в Вилкомирском благочинии, в котором одному благочинному слишком трудно было усмотреть за деятельностью многочисленного латинского духовенства, направленной ко вреду дела православия и русской народности. Но та сторона указанной охранительной меры, которая поставляла разрешение православного епархиального начальства, как необходимое условие для постройки нового или ремонта старого костела или часовни, волей-неволей, ставила

латинское духовенство в зависимость от православного и через то напоминала ему о том, что римско-католическое исповедание в северо-западном крае было только дозволенною религией, но не господствующей, по крайней мере, юридически. Что на этой почве, т.е. на зависимости католического духовенства от православного в отношении постройки новых церквей и починки старых, а также ограничении нрава местопребывания при оных ксендзах, возникали пререкания, это, например, видно из переписки, возникшей в 1848 году между пр. Иосифом и епископом Цивинским из-за постройки костела в м. Крeve. Началось дело, вследствие донесения Ошмянского благочинного своему епархиальному начальству о том, что построение Кревского костела, часть которого была уже отделана, должно было иметь нежелательные последствия для православных, так как костел находился в близком расстоянии от церкви, и, тем более, что совращенные из унии в латинство, коих в Крeve было более 100 человек, еще не возвратились в православие. В виду сего донесения, пр. Иосиф сначала не согласился на постройку костела в Крeve.

Впрочем, после неоднократной переписки с Цивинским по сему делу, пр. Иосиф, согласился на эту постройку, предписав предварительно Ошмянскому благочинному Червяковскому, совместно с Кревским священником, сделать на месте разбор прихожан сей церкви, долженствовавших возвратиться в лоно православной церкви из римско-католицизма. Точно также митрополит Иосиф согласился, только по настоятельной просьбе епископа Жилилского в 1853 году, на постоянное пребывание ксендза при филиальной погребальной часовне в Дисненском уезде, в имении князя Друцкого-Соколинского, и, притом, лишь с тем условием, чтобы назначение ксендза было возобновляемо ежегодно епископом Жилинским, по предварительном, каждый раз, удостоверении православного духовного начальства, что от пребывания сего ксендза не открылось никакого вреда православию. Наиболее всего приходилось Литовскому епархиальному начальству иметь строгое наблюдение за деятельностью ксендзов и за находившимися костелами и особенно филиальными часовнями

при имениях помещиков по Дисненскому уезду, где особенно сильна была пропаганда со стороны ксендзов среди воссоединенного народонаселения. Посему, в 1845 году пр. Иосиф предписал Дисненскому благочинному, протоиерею Стукаличу, секретно, чтобы он доставил ему ведомость о всех римских каплицах и состоявших при них ксендзах, с присоединением своего мнения о тех каплицах, которые признаются им наиболее вредными для окрестных православных прихожан, и по каким причинам.⁵¹²

По поводу каплиц сего же уезда, пр. Иосиф в 1852 году просил графа Протасова о подтверждении гражданским властям строжайше смотреть за тем, чтобы, вопреки закону, не были стройны новые католические каплицы и не были определяемы ксендзы туда, где их прежде не было. Это подтверждение он считал необходимым для возбуждения внимания гражданских начальств к обузданию частного местного своеволия и к охранению самих католических епископов против домогательства в сем отношении помещиков и римско-католического духовенства. В своем же рапорте св. Синоду, по тому же поводу, митрополит Иосиф писал, что, хотя, по Высочайшей воле, и была составлена римско-католической духовной коллегией в 1841 году ведомость о существовавших тогда на лицо римско-католических приходских и приписных церквях, а также каплицах, с пояснением, при которых из сих последних положено быть священникам и при каких нет, и к какие дни назначено будет в них богослужение, и вместе с тем вменено в обязанность гражданскому начальству строго следить за точным исполнением Высочайшего указа по сему предмету, тем не менее, по Дисненскому уезду оказалось, вследствие противодействия, возбужденного тамошними помещиками, совращение из православия в латинство слишком 2 тыс. крестьян помещицы Лопацинской.

В объяснение же причины особого неурейства по Дисненскому уезду, он указывал на то, что уезд сей принадлежал постепенно епархиям: Полоцкой, Минской и Литовской, вследствие чего и самое перечисление его, в короткое время, к трем епархиям, необходимо, действовало на

его расстройство. В этом же рапорте св. Синоду митрополит Иосиф, указывая, с одной стороны, на то, что, несмотря на предоставленное епархиальному начальству право наблюдения за постройками или починками костелов и часовен, в одном Дисненском уезде были противозаконно построены 4 костела и назначены к ним отдельные ксендзы, не без вредного намерения против православного духовенства, в то же время находил, что для православного епархиального духовенства вообще было весьма затруднительно иметь об означенном нарушении закона полные и определенные сведения отчасти потому, что приходское духовенство не легко решалось выступать с доносами о сем, опасаясь преобладания помещиков и римского духовенства, отчасти же и потому, что оно не могло иногда знать, с дозволения ли надлежащего начальства, или без оно, сооружается новая каплица или костел и определяется туда ксендз. Вследствие сего, по мнению митрополита Иосифа, те причины, по которым секретным указом св. Синода от 5 апреля 1845 года воспрещалось православному духовенству вмешиваться в какие-либо полицейские распоряжения о противозаконных действиях раскольников, в такой же и даже в большей степени должны были относиться к римско-католикам. Посему, он находил весьма основательным, чтобы православное духовенство было, по возможности, избавлено от надзора за действиями сих последних, противными общим определительным гражданским законам. Но, прося в то же время св. Синод возбудить ходатайство о подтверждении надлежащим гражданским властям иметь деятельное и неременное смотрение за исполнением общих законов и особого предписания министерства Внутренних Дел о строении новых костелов и каплиц и не определении ксендзов, как к ним, так и к прежде существовавшим, где ксендзов не было положено, пр. Иосиф, однако, справедливо выражал сомнение в зоркости сего надзора, в виду того, что гражданские чиновники, по выборам, почти без исключения, принадлежали к римско-католическому исповеданию.

Но если противозаконные поступки со стороны римско-католического духовенства допускались относительно постройки новых костелов и каплиц, при существовании закона, предоставлявшего разрешение оных, между прочим, и православному епархиальному начальству, то, тем более, должно было явиться случаев, нарушающих интересы православия, когда постройка сих костелов и часовен, в силу нового Высочайшего повеления, была⁵¹³ предоставлена разрешению только одного гражданского начальства, помимо всякого ведения о том епархиальной власти, которая, например, по поводу донесения Ошмянского благочинного в 1862 году о том, что в Цицине возобновлена римско-католическая часовня, могла уведомить сего благочинного только о том, что она, в силу нового закона, не имеет никакого касательства к делу постройки новых и возобновления старых костелов и каплиц. Впрочем, польское восстание в 1862–1863 годах имело своим последствием, между прочим, то, что Муравьевым, на основании предоставленной ему полной власти, было, после усмирения сего восстания, закрыто много римско-католических монастырей, замешанных в мятеже, и снова ограничено право римско-католического духовенства на постройку костелов и назначение ксендзов к должностям, без разрешения местного начальства.⁵¹⁴ Для преграждения же римско-католическому духовенству возможности противодействовать постановлениям правительства, за ним был учрежден строжайший надзор, причем за каждое преступление следовало немедленное взыскание.⁵¹⁵

Между тем, наставшая с 1868 года для римско-католического духовенства большая свобода в отношении устройства новых костелов снова была ограничена в 1886 году, когда, в виду очевидных злоупотреблений, допускавшихся означенным духовенством сею свободой, была восстановлена сила действия статьи 247 строительного устава относительно постройки иноверческих храмов, причем и Виленский генерал губернатор сделал от себя предложение Виленскому, Ковенскому и Гродненскому губернаторам о должном наблюдении за исполнением закона относительно ремонта

костелов и плебальных строений. Это восстановление прежнего закона дало возможность Литовскому епархиальному начальству, по свидетельству пр. Алексия, дать отказ ревности не по разуму некоторых ксендзов, которые, при содействии панов побогаче и вообще прихожан, в виду ожидаемого приезда нового своего епископа, хотели настроить новых костелов или колоколен при них, или же, наконец, отремонтировать существующие в местностях, иногда в них не нуждающихся, но, за то, боевых.⁵¹⁶ Точно также было обращено в 1889 году внимание правительства на значительное увеличение числа фестов в римско-католических храмах, сравнительно с прежним временем, особенно в Ковенской губернии, где число этих фестов доходило до 300 в год. Посему, министр Внутренних Дел предложил местным губернаторам наблюдать за тем, чтобы, на будущее время, всякие религиозные торжества, сопровождаемые съездом католического духовенства, совершались не иначе, как с особого на каждый раз разрешения, и в присутствии представителей местных административных властей.

Но, к сожалению, все указанные внешние меры правительства, сопровождавшиеся иногда и удалением ксендзов от занимаемых ими приходов, оказались, по разным причинам, далеко недействительными в отношении оберегания интересов православной церкви.⁵¹⁷

Глава VII. Церкви

Положение церковно-строительного дела в Литовской епархии до Муравьева. Не сочувственное отношение к устройству церквей со стороны помещиков-поляков и чиновников-иноверцев, Успехи церковно-строительного дела при Муравьеве и Кауфмане, Отношение к устройству церквей в последующее время со стороны правительства, а также местных церковно-приходских попечительств и церковно-строительных присутствий. Внутреннее устройство церквей. Остатки униатства в украшении церквей и другие недостатки в сем отношении, Скудость церковной утвари и причины сего. Ведение церковного хозяйства. Значение церковных старост в епархии. Охрана церквей. Ведение церковно-приходских документов, Общее суждение о благоустройстве храмов в епархии.

Как мы уже сказали в предшествующей главе, одних внешних мер оказалось слишком недостаточно не только для утверждения в православии воссоединенных из унии и присоединенных из латинства, но даже и для одного оберегания их от соращения в иноверие. Для достижения сих целей нужны были еще меры чисто духовного характера и, прежде всего, привлечение народа, воссоединенного к усердному посещению православного богослужения – этого важнейшего воспитательного элемента в жизни народа. В видах сего привлечения народа в православный храм, высшая духовная и гражданская власть приняли на себя, прежде всего, заботу о приведении церквей в Литовской епархии в надлежащее положение через устройство новых или перестройку и починку старых и через снабжение их необходимою утварью.

Главным виновником, побудившим надлежащие власти заняться энергичнее делом устройства церквей в западном крае, был Император Николай I, который, посетив в 1842 году юго-западный край, был поражен бедственным состоянием православных церквей в воссоединенных униатских приходах, которые, при польском владычестве, не подвергались не только

украшениям, но даже и ремонту, и повелел приступить к постройке новых на правительственные средства в казенных имениях, а относительно частных имений повелел помещикам, владеющим православными прихожанами, принять на себя поправку и перестройку церквей в своих имениях. Впрочем, помещики-католики остались немы к царскому повелению, ссылаясь на свою несостоятельность, в чем находили нередко поддержку в местной гражданской власти. Так, в 1851 году Виленский генерал-губернатор, по поводу устройства 5 новых церквей в Литовской епархии на счет местных прихожан, неоднократно указывая пр. Иосифу на недостаточность местных средств на одно поддержание сих церквей, по несостоятельности местных прихожан и по значительности причитающейся с них на сей предмет суммы, по числу душ платежных, находил необходимым, чтобы было выдано пособие сим прихожанам на устройство церквей из сумм духовного ведомства, с чем, однако, не нашел возможным согласиться архиепископ. А в следующем году митрополит Иосиф счел прямо необходимым просить Бибикова о побуждении владельца Леонпольского имения Лопацинского относительно починки тамошней церкви, указывая на то, что столь богатый помещик, как Лопацинский, имея одну церковь на 2 тысячи душ обоего пола прихожан, очень легко может удовлетворить лежащей на нем обязанности в отношении церкви, и что крайняя его небрежность в сем отношении заставляет предполагать, что это делается, по недоброжелательству его к православию, с целью охладить чувства своих крестьян к прародительскому вероисповеданию.⁵¹⁸

Правда, в некоторых местах помещики принимали на себя лежавшую на них повинность строить или починять церкви принадлежавших им православных прихожан. Но, зато, они исполняли это обязательство самым небрежным образом. Примером сего может служить постройка Мостовлянской церкви, Гродненского уезда, описание устройства которой, кроме того, имеет интерес еще в том отношении, что знакомит нас со всей той длинной и сложной процедурой, с которою сопряжено было устройство церквей православных в

помещичьих имениях и особенно в приходах смешанных, т.е. где часть прихожан была помещичья, а часть принадлежала казне. Из сего описания узнаем, что в 1840 году возникла переписка епархиального начальства с Гродненским губернским правлением и местною палатою государственных имуществ только о починке сей церкви на 57 руб. 15 коп., которая и была отнесена на счет прихожан казенных и помещичьих. После продолжительной официальной переписки, заботу о починке этой церкви взял на себя от предводителя дворянства один из помещиков, который приставил к работе двух немцев, от курения которых церковь сгорела совсем. После сего, 10 июля 1841 года местный помещик обратился с просьбою к Литовскому епархиальному начальству о закрытии Мостовлянского прихода и причислении его к соседнему (очевидно, не желая строить на свой счет церковь), но получил в том отказ, причем епархиальное начальство просило губернское правление произвести формальное следствие о сожжении церкви.

Однако, следствие производилось так долго, что один немец успел уже умереть, а другой выбыл в свою страну. Между тем, постройкой новой церкви, по предложению губернского правления, должен был распорядиться опять тот же предводитель дворянства. План и сметы первоначальная и дополнительная составлены были гражданским инженером-католиком,⁵¹⁹ не справлявшимся, сколько могут пожертвовать на свою церковь прихожане. Положено было собрать с 680 душ Мостовлянского прихода на сей предмет 2227 руб. 62 коп., т.е. более чем по 3 рубля с души и более 13 рублей с дома. Сбор денег производился по смете, несмотря на то, что подряд был отдан еврею за 999 руб. и что палата государственных имуществ за казенных крестьян, по счету, составленному согласно с первоначальною сметою, внесла в Гродненское губернское правление 769 руб. 73 коп. Не удивительно, после того, что, при сборе этих денег, взыскиваемых полицией и вносимых без квитанций, а потому и бесконтрольно, предводителю дворянства, православному народу приходилось не один раз переносить насмешливо-сострадательное

напоминание разных иноверцев о несчастьи этого народа принадлежать к православию и за то платить свою последнюю копейку, тогда как римско-католики молятся Богу в великолепных костелах, построенных помещиками. Между тем, еврей, положивши в казенную палату 167 руб. залога, скоро выстроил церковь, причем фундамент положил из полувыжженного кирпича на глине, стены вывел из 4 вершковых брусьев, на палочках поместил крышу, намостил несколько досок без прибавки, вместо пола; карнизы, наличники и даже некоторые стекла в окнах считались им излишним украшением, а потому их и не было. Несмотря на все это, гражданский инженер в 1845 году донес начальству о совершенном окончании этой церкви, готовой для сдачи в духовное ведомство.

Но осматривавшие постройку церкви чиновники и местный благочинный нашли, что цоколь начал уже разваливаться, стены коробиться, отчего и вся церковь клонилась к разрушению, а потому и не приняли ее в духовное ведомство. Несмотря на все это, Гродненское губернское правление выдало подрядчику, сверх взятых им уже 300 руб., остальную сумму, с удержанием нужного количества денег на исправление. На сем основании, подрядчик получил еще 300 руб. и свой залог, а, потом, уже оказался несостоятельным и исчез. Тогда окончательное устройство церкви было поручено тому же гражданскому инженеру и тому же помещику, который с немцами починял после сгоревшую церковь. В составлении на это устройство новых смет, раскладок и взысканий денег с прихожан время тянулось до 1860 года, когда священник убедил прихожан просить начальство о выдаче собранных с них же денег 551 руб., хранившихся в Гродненском приказе общественного призрения, и на эти деньги разобрать построенную евреем церковь, а из этого старого материала, с добавкой нового, подложив прочный фундамент, возвести вновь всю постройку церкви и произвести её внутреннее устройство. Недостающее обещали доставить, по новой раскладке, прихожане. Просьба их была исполнена, и, в продолжение одного года, церковь была

перестроена, покрыта гонтом, покрашена масляною краской, купол и крест обиты белою жостью.

Вообще, достаточно наглядное изображение положения церковно-строительного дела в Литовской епархии, начиная со времени воссоединения униатов и почти до самого времени польского восстания в 1863 году, можно найти в донесении митрополита Иосифа св. Синоду в 1857 году, которое им было представлено ему, вследствие требования от него соображений по сему делу, так как Государь Император на всеподданнейшем рапорте Виленского генерал-губернатора, подчеркнув слова, что «внешнее состояние православных храмов, сравнительно с католическими, не достигло еще той степени благолепия, на которой желательно было бы видеть их», написал: «обратить на это особенное внимание и принять меры для приведения церквей в должное благолепие».

Собрав через консисторию необходимые по сему вопросу сведения,⁵²⁰ пр. Иосиф донес св. Синоду, что требовалась новая постройка 22 приходских сельских церквей, сгоревших, запечатанных или совершенно обветшавших, и капитальная починка или перестройка 290 церквей. Указывая, при сем, на то, что такое скудное и неблагоприятное и бедственное положение церквей поражало всякого, особенно вновь прибывшего в северо-западный край, как оно поразило Гродненского губернатора и самого генерал-губернатора, так что они довели о сем до сведения Государя, митрополит, в объяснение такого печального положения церквей выставил не мало причин, из коих первую служило то обстоятельство, что православное население Литовской епархии состояло почти исключительно из одних крестьян, не могших поддерживать своих церквей по бедности и, отчасти, по крепостной зависимости от помещиков, принадлежавших к другому исповеданию, и к коему почти исключительно принадлежали также и разного рода управители в помещичьих имениях.

Другая причина заключалась в том, что помещики, по силе крепостного владения, неся разные обязанности в отношении своих крестьян, несмотря на Высочайшие повеления от 26 декабря 1835 года, от 15 ноября 1851 года и 17 июня 1852 года,

коими было возложено на гражданское начальство приглашение помещиков к постройке и поддержанию церквей в их имениях⁵²¹ уклонялись от того. Вследствие сего, произошло то, что в то время, как в казенных имениях с 1835 до 1856 годы было построено новых церквей 12, по помещичьим – их было сооружено только 8. Починка же церквей производилась настолько небрежно и непрочна, что они вскоре требовали новых работ и новой переписки. По основательному мнению митрополита Иосифа, такое отношение помещиков к делу построения церквей, между прочим, происходило, как от употребления в Высочайшем повелении слова «и приглашать помещиков к постройке и починке церквей», которое показалось помещикам и гражданским властям не довольно обязательным и решительным, так и от того, что эта мера считалась только временною, а, потому, каждый старался замедлить дело, чтобы выиграть время, в ожидании перемены обстоятельств, а главное – от принадлежности здешних помещиков к не православному исповеданию, вследствие чего они, естественно, не могли иметь усердия к поддержанию православных церквей и даже желали бы упадка оных, по религиозному предубеждению, а также от непринадлежности к православному исповеданию, за малым исключением, здешних чиновников, обязанных блюсти за исполнением сказанной правительственной меры,⁵²² и, наконец, от не участия местного православного духовенства в соображениях и исполнении по постройке и починке церквей и даже отстранении оною. «Но, какие бы, впрочем, ни были причины, писал пр. Иосиф, не успешности прежних мер к поддержанию православных церквей в здешнем крае, очевидно, по указанию 20-ти летнего опыта, что они недостаточны и, если это дело оставить на прежнем положении, то, по всей вероятности, церкви православные будут приходить час от часу еще к более бедственному положению».

Посему, по мнению митрополита, требовалась наибольшая определительность и настойчивость, а особенно прочность навсегда в прежней мере, по которой обязанность поддерживать церкви должна быть возложена на помещиков,

или отнесена на другие лица и средства. В первом случае, находил архипастырь, непреложное и постоянное обязательство побудило бы помещиков, в видах собственной пользы, изыскивать возможно экономические средства, совместно с их крестьянами, и поддерживать церкви своевременно, для избежания, впоследствии, большего убытка. Во втором же случае, по его мнению, не было другого средства, как поддерживать православные церкви на счет общественных повинностей и возложить это дело на уездных предводителей дворянства и земских исправников с участием по казенным имениям чиновников сего ведомства. «Да и почему бы, прибавлял владыка, храмов Божиих не отнести к общественным зданиям, в числе коих считаются дороги, мосты, магазины, присутственные места и другие строения до самых полицейских будок».

Но, возложив обсуждение вопросов об устройстве православных церквей на обязанность гражданского начальства, пр. Иосиф в тоже время находил, с одной стороны, необходимым, чтобы духовная власть выказала настойчивость относительно допущения к делу постройки и починки церквей православного духовенства, в виду того, между прочим, что здешние помещики и чиновники, за малым исключением, принадлежали к не православному вероисповеданию, а потому, при постройке, могли бы отступить даже от существенных правил церкви православной, а с другой стороны, чтобы материальное участие в сем деле было оказано и самим духовным ведомством.

В виду сего, пр. Иосиф просил ев. Синод, в случае отказа правительства в средствах вполне удовлетворительных для приведения сельских церквей Литовской епархии в положение, хотя сколько-нибудь соответственное необходимой потребности, об оказании на сей предмет экстренного пособия из сумм, в его ведении находящихся, ежегодно не менее 25 тысяч рублей серебром, в течение 10 лет. А для того, чтобы эта сумма принесла вполне удовлетворительные плоды, по мнению пр. Иосифа, следовало употребление оной ограничить следующими правилами:

1) распоряжение суммою, отпущенною из св. Синода, предоставить вполне епархиальному начальству, которое учредит постоянный строительный комитет и, соответственно надобности, будет назначать местных духовных для исполнения поручений оного;

2) этому комитету предоставить совершенно, с утверждения архиерея, распоряжаться постройками, перестройкой и починкой сельских церквей, а также, устройством иконостасов, по его усмотрению, без предварительного представления высшему начальству планов⁵²³ и смет;

3) ограничить отношения комитета к высшему начальству только представлением св. Синоду ежегодно точного отчета о деньгах, израсходованных и остающихся, а также соблюдением правил об устройстве церквей в западных епархиях, изданных в облегченном виде;

4) означенную сумму 25 тысяч рублей, как недостаточную для покрытия и третьей части предстоящих расходов по вышеозначенной потребности, считать только временно вспомогательною и, потому, не освобождать ни помещиков, ни прихожан от обязанности строить и поддерживать местные церкви;

5) предоставить епархиальному начальству разрешать постройку и починку церквей на счет означенной суммы прежде всего там, где помещики и прихожане окажутся более других нуждающимися в пособиях деньгами, материалами или работами, за исключением местностей, где, по убеждению этого начальства, нужно поспешить поддержанием церкви, с малым пособием от казны, или даже без пособия;

6) обеспечить влияние и содействие гражданских начальств в обязанности помещиков и прихожан к означенному вспомоществованию, а, в крайнем случае, определить оное известною суммою с ревизской души, например, по одному или по два рубля серебром, что не будет обременительно, так как были примеры требования в подобных случаях 10–20 рублей серебром с души и, наконец,

7) для облегчения и ускорения дела предоставить комитету, вместо постройки или починки церквей без посредственно,

назначать определенное денежное пособие из сказанной суммы помещикам и прихожанам для произведения ими условленной постройки или починки церквей, под наблюдением местного или другого священника.

В заключение своего донесения в св. Синод, по поводу отпуска 250 тысяч рублей, пр. Иосиф писал: «св. Синод не может не видеть, что на испрашиваемую мною сумму для сельских церквей Литовской епархии 250 тысяч рублей, почти по 500 руб. на церковь, в течение 10 лет, нельзя ожидать какого-либо блистательного успеха. По, судя по прежнему положению дел, этот путь обещает более верный успех, разумеется успех относительный, по жалкому нынешнему положению церквей в здешней стране, только бы вывести храмы сии из-запустения, и народ воссоединенный будет благословлять попечение о нем Православной Церкви и отеческую заботливость Государи Императора».⁵²⁴

Между тем, это ходатайство митрополита Иосифа пред св. Синодом об отпуске 25 тыс. руб. ежегодно на постройку и починку церквей в Литовской епархии было уважено, причем св. Синод снесся с Министерством Внутренних Дел и Государственных Имуществ относительно составления правил, обязывающих помещиков в западных губерниях и управление Государственных Имуществ строить в имениях их новые и поддерживать починками старые церкви. Впрочем, и после сего отношения св. Синода, Министерство Внутренних Дел не приняло никаких решительных мер к ускорению устройства и починки православных церквей в помещичьих имениях, так что митрополит Иосиф в 1859 году вынужден был просить обер-прокурора св. Синода о его посредстве пред Министерством Внутренних Дел по сему предмету. Но в то время, как Министерство Внутренних Дел очень мало сделало в отношении исполнения Высочайшего повеления касательно благолепного устройства православных храмов в Литовской епархии, Министерство Государственных Имуществ, со вступлением в управление оным М. Н. Муравьева в 1857 году, приступило к постройке на счет казны 36 простых, небольших, но приличных церквей и к исправлению 56, находившихся в казенных

имениях, под наблюдением губернаторов и управляющих казенными имениями. В тоже время Муравьев обратился к митрополиту Иосифу с просьбой о принятии с его стороны мер к тому, чтобы выстроенные и исправленные на счет сумм Министерства Государственных Имуществ в казенных имениях Литовской епархии церкви были, по возможности, поддерживаемы старанием местного духовенства.⁵²⁵

Со вступлением в управление северо-западным краем М. Н. Муравьева, Положение церковно-строительного дела значительно подвинулось вперед. В течение первого же года своего служения в Вильне, он отпустил на постройку и ремонт церквей в одной Гродненской губернии 178.143 рублей. В виду же, вообще, крайне неудовлетворительной постановки церковно-строительного дела в епархии, Муравьев передал оное учрежденным им церковно-строительным советам, которые имели своею целью, по замечанию самого Муравьева, способствовать, под ближайшим руководством пастырей, успешному разрешению благого дела, с которым были тесно сопряжены интересы православной церкви и русской народности в северо-западном крае, т.е. благолепному устройству церквей. Советы эти были введены, в виде временной меры, на первый раз только в тех приходах, где производились работы по постройке новых церквей и обновлению существующих. Ведению церковного совета подлежали вопросы, касавшиеся движимого и недвижимого имущества церкви, а равно причтовых зданий, устроенных не на собственный счет членов причта. Кроме того, в тех приходах, где существовали при церквях разные школы, старшины и члены советов, при содействии священника, обязывались прилагать старание о возможно большем распространении между прихожанами грамотности и о доставлении всех материальных средств для поддержания школ в должном порядке,⁵²⁶ с представлением строгой отчетности в своих действиях, по истечении каждого года, губернскому и епархиальному начальству.

В местах, имевших уже церковные братства, составленные по правилам, Высочайше утвержденным 8 мая 1864 года,

церковным советам предоставлялось право войти в состав братств, но с сохранением прав старшинства или высшего разряда братчиков, нисколько не ослабляя своей преимущественной и исключительной заботливости о церкви и её хозяйстве, и при сохранении устава своего обязательным во всех своих пунктах и в полной силе своей. Что касается до состава сих советов, то, в него должны были войти, под председательством местного священника, по избранию прихожан, лучшие хозяева из них, в числе 4–8, кои не имели уже права уклоняться от возложенной на них, по избранию, должности, хотя бы проходили и другие должности по сельскому управлению, а также волостной старшина, церковный староста и сельский учитель, где было училище. Выбор членов производился на три года, а утверждение выбранных принадлежало губернатору.

С каким, вообще, вниманием Муравьев относился к делам о постройке православных церквей и какое доверие он имел к церковным советам, видно, например, из того, что он, рассмотрев 24 октября 1864 года проектируемые постройки и починки православных церквей по Дисненскому уезду и найдя составленные по сему предмету сметы непомерно высокими, послал в Дисненский уезд члена губернского по устройству православных церквей комитета и архитектора, предложив им, по прибытии на место, подробно осмотреть каждую из церквей, предположенных к перестройке или нуждающихся в починке, и, сообщая с священниками и членами церковных советов, составить акт о потребных расходах на постройку и починку, уменьшив эти расходы до крайней возможности и объяснив подробно, как те пособия, которые примут на себя крестьяне, так равно и то, какие имеются к тому местные средства. При этом, командированные лица обязывались, кроме того, осмотреть самую местность для предполагаемой постройки церкви, избирая для оной, по соглашению с епархиальным начальством, преимущественно центр приходов и самое видное и лучшее место в селении и имея в виду преимущественно постройку не деревянных, а каменных церквей из булыжника.

При сем, Муравьев потребовал, чтобы все сведения по вышеизложенным предметам были кратки, точны и выражены в цифрах по каждой церкви особо. Свое большое доверие к деятельности церковных советов М. Н. Муравьев выразил особенно в том, что, на запрос митрополита Иосифа относительно того, следует ли продолжать открытие церковных советов, в виду состоявшегося правительственного распоряжения об учреждении приходских попечительств, дал на то ответ утвердительный, находя, при исключительном положении края, более удобным продолжать открытие означенных советов на прежнем основании, особенно же в виду того, что эти советы, по его мнению, в короткий срок своего существования, принесли очевидную пользу. И митрополит Иосиф, со своей стороны, вполне согласился с этим и в таком смысле сделал представление в Высочайше учрежденное присутствие по делам православного духовенства.⁵²⁷

Впрочем, позволительно усомниться относительно того, что деятельность церковных советов дала заметные результаты в церковно-приходской жизни северо-западного края, с одной стороны, по причине их кратковременного существования, с заменою их в скором же времени попечительствами, а с другой – потому, что входившие в состав сих советов представители от прихожан, только что вышедших из крепостной зависимости и, вообще, даже и в настоящее время, в большинстве своем отличающихся недостаточно развитым сознанием своего значения в церковно-приходской жизни, как подчиняющихся влиянию не только священника, но иногда⁵²⁸ и еврея-корчмаря, могли играть в этих советах, по большей части, только пассивную роль. Это подтверждается, между прочим, и слабым развитием деятельности приходских попечительств, заменивших собою церковные советы и действующих по настоящее время, о чем скажем в своем месте.

При преемнике Муравьева, К. П. Кауфмане, на положение церковно-строительного дела также обращалось должное внимание. Это видно, например, из того, что генерал-губернатор в 1865 году исходатайствовал отпуск 500 тысяч рублей из государственного казначейства на возобновление старых и

починку новых церквей в Литовской епархии по тому примеру, как подобная сумма была отпущена на церкви по Витебской и Могилевской губернии. При нем же было обращено внимание на более целесообразное действие уездных церковно-строительных комитетов, учрежденных Муравьевым, которые действовали настолько неоднобразно, что одни считали себя в праве распоряжаться отпущенными в их заведывание суммами совершенно бесконтрольно, основываясь на том, что постройки должны производиться хозяйственным способом; другие же, напротив, стесняясь составленными сметами и данными чертежами и тем, что существует губернский комитет, отвергали всякую самостоятельность в работах и возбуждали бесчисленное множество вопросов даже по таким предметам, по которым могло быть дано положительное разрешение на месте. В виду сего обстоятельства, Виленский губернский церковно-строительный комитет в 1865 году определил более или менее точно и подробно обязанности уездных комитетов и степень участия в церковно-строительном деле церковных советов и духовенства, причем освободил от всякой денежной ответственности по наблюдению за церковными постройками церковные советы, как в виду не давности их существования, так и по непривычке крестьян к самодеятельности.

Между тем, безучастное отношение церковных советов к церковно-строительному делу повело к тому, что Министерство Внутренних Дел решило в 1866 году через генерал-губернатора побудить церковные советы и попечительства к более энергичному проявлению заботливости о поддержании, по крайней мере, в исправности и благолепии храмов, указав на то, что правительство, жертвуя огромные суммы на сооружение новых и перестройку ветхих православных церквей в западных губерниях, предоставляет самим прихожанам заботу о поддержании вновь сооруженных или возобновленных, а также признанных прежде исправными, храмов, особенно, в виду того, что, при свободном труде, прихожане очень легко могут уделять на то посильные пожертвования. Но это обращение правительства к прихожанам в большей части приходов осталось гласом вопиющего в пустыне. Крестьяне достаточно

уже привыкли к тому, чтобы казна давала деньги на постройку церквей, а потому часто отклоняли от себя и всякое участие в ремонте их, тем более, что имели пред собою примеры недобросовестной постройки церквей разными строителями.

Не успешнее пошло церковно-строительное дело в Литовской епархии и с изданием в 1868 году новых правил для устройства православных храмов в 9 губерниях западного края, по которым заведывание этим делом было сосредоточено в губернском церковно-строительном комитете, в состав которого, между прочим, входил один из членов от духовенства, и на обязанности которого (т.е. комитета) лежало рассмотрение заявлений о сооружении, восстановлении и починке православных церквей и разрешение оных, хотя и не иначе, как в присутствии епархиального архиерея, или по соглашению с ним. Причиной такого положения церковно-строительного дела в епархии служила, прежде всего, недостаточность сумм, отпускавшихся правительством на этот предмет.⁵²⁹

На последнее обстоятельство указывал пр. Макарию генерал-губернатор Потапов, обратившийся к нему в 1869 году с просьбою о том, чтобы, в виду не удовлетворительного состояния финансов в стране, епархиальное начальство озаботилось со своей стороны изысканием местных средств для образования постоянного фонда на содержание приходских церквей. К сожалению, эта переписка между гражданским и епархиальным начальством никаких практических результатов для дела не имела, потому что пр. Макарий, основываясь на донесениях благочинных, нашел возможным учреждение постоянного фонда на поддержание церквей только при 9 церквях, в виду бедности прихожан и самих церквей, в которых хотя и было до 26 тыс. руб. капитала, преимущественно в процентных бумагах, но распределен был оный по церквам настолько неравномерно, что в некоторых из них едва хватало денег на самые необходимые при богослужении предметы, как-то: ладан, воск, вино и прочее.

Вообще, по мнению пр. Макария, постоянный фонд на поддержание церквей в надлежащем порядке мог бы образоваться при многих из них не иначе, как только при

пособии правительства. Что касается до попечительств, которые заменили собою церковные советы, и от которых правительство ожидало помощи в церковно-строительном деле, то, и они мало удовлетворяли сим ожиданиям и не только в то время, когда шла указанная нами переписка между Потаповым и пр. Макарием, но и во все последующее время. Правда, в некоторых приходах, благодаря стараниям и посильным пожертвованиям членов попечительстве, образовывалось иногда достаточно капитала при церкви, но таких приходов было очень немного, а в значительном большинстве их попечительства существовали только номинально, не принося никакой помощи церкви.

Подтверждение сказанного нами можно находить, между прочим, в отчетах некоторых преосвященных ревизоров. Так, пр. Иосиф, епископ Ковенский, в 1872 году, при обзоре епархии, заметил, что попечительства в некоторых приходах существовали только номинально, причем членам оных даже неизвестно было, для какой цели и на сколько лет они избраны, когда должны быть собрания, кто должен наблюдать за приходом и расходом денег. И хотя консистория, по поводу сего замечания пр. Иосифа, поставила в обязанность благочинным, при обозрении церквей, вникнуть в отношения членов попечительств к священнику и лежащим на них по сему званию обязанностям и установить порядок, где такой нарушен, разъяснив цель и обязанности сих лиц, существующие правила и порядок исполнения оных, однако, и после сего, деятельность попечительств не стала заметнее. Посему, при обозрении церквей в 1876 году викарными преосвященными, опять было найдено, что церковные попечительства, за малыми исключениями, для церквей как бы не существовали и не приносили особенной пользы, причем члены сих попечительств иногда выражали свое участие в делах церкви только тем, что стояли около свечей, пока староста прислуживал в алтаре. В отчете о ревизии церквей за 1886 год также указывалось на то, что, по заявлению самих священников, попечительства, по большей части, существовали только по имени и пользы церкви и приходу не оказывали. По местам, они состояли из 5 и даже 3

человек бедных крестьян. В Дисненском, например, уезде из 36 попечительств 22 оказывались бездейственными.⁵³⁰

После того, насколько не удивительно, если некоторые храмы в Литовской епархии пришли в такую ветхость, что вызывали нарекания и насмешки со стороны иноверцев и еще более способствовали уклонению от церкви слабых в вере чад её. Выдающийся пример ветхости и вообще не благоустройства представляла, между прочим,⁵³¹ церковь в м. Кривичах, Вилейского уезда, где до самого 1881 года была церковь деревянная, по местному преданию, перевезенная из Могилевской губернии еще в 1740 году и предназначавшаяся для униатов. Понятно, что такая ветхая церковь, с 1840 года не ремонтированная и только подпертая кольями, не могла хорошо сохраниться. Целые потоки дождя, ничем не сдерживаемые, стекали прямо на престол и птицы небесные вили себе гнезда в ней, потому что и стекол на половину не было в церкви. В виду такого положения церкви православной, против которой возвышался величественный костел, не уступавший в этом отношении даже многим Виленским костелам, местный священник Белозерский в 1869 году возбудил, было, ходатайство, поддержанное и епархиальным начальником и даже Виленским губернатором Шестаковым, о закрытии Кривичского костела и обращении его в православную церковь; но генерал-губернатор Потапов не дал на то согласия, сославшись на многочисленность прихожан сего костела. Между тем, церковь обветшала настолько, что в 1881 году пришлось в ней закрыть богослужение и обратить под церковь с самого 1881 года и по 1888 год убогий, покрытый соломой дом, в 2-х саженьях от волостного правления, занимавший всего одну комнату с простенком, длиною в 16 аршин и шириною в 10 аршин.⁵³² Прихожане этой церкви, по своим религиозным убеждениям скорее наклонные к римско-католицизму, совершенно равнодушно относились к такому положению своей церкви, находя себе духовное утешение в величественном костеле с громогласным органом, и лишь только благодаря особенной энергии священника, на месте этой церкви явилась новая, каменная.

Поступивший в 1882 году в Кривичи молодой священник из Калужской губернии, не видевший на своей родине таких убогих церквей и возмущенный насмешками римско-католического населения над православными прихожанами Кривичской церкви, по поводу её убожества, отважился хлопотать об устройстве новой церкви, для каковой цели ему пришлось съездить в Вильну несколько раз и долгое время безуспешно, потому что в церковно-строительном присутствии ему прямо объявили, что постройка церкви в Кривичах для не большего числа прихожан не может скоро состояться. Не имел он успеха и у епархиального начальства, которое посылало его снова в то же церковно-строительное присутствие.⁵³³ Тогда священник возымел смелость обратиться лично к генерал-губернатору И. С. Кохонову, который, узнав всю историю многострадальной церкви, сделал надлежащее распоряжение, результатом которого явилась ассигновка, в самом непродолжительном времени, тем же церковно-строительным присутствием 17 тысяч рублей на постройку в Кривичах новой церкви и, притом, каменной, которая и была освящена в 1888 году, и по своему наружному виду довольно величественна. Что касается до прихожан сей церкви, то они и в деле постройки новой церкви высказали равнодушие к ней. На неоднократное убеждение священника следить за постройкой церкви и, в случае замеченной неисправности в работах, давать ему знать, они отвечали отказом, говоря, что им нет до того дела, «казна де церковь выстроила, она же даст деньги и на ремонт её».

Во имя той же справедливости, необходимо заметить и то, что церковно-строительные присутствия были не мало сами виновны в таком отношении прихожан к нуждам и потребностям своих церквей, вследствие нередкого допущения большой медлительности относительно постройки церквей⁵³⁴ в тех местах, где они были положительно необходимы и, притом, тогда, когда на постройку были уже ассигнованы от правительства денежные средства, и особенно, вследствие больших злоупотреблений, которые допускались, при постройках церквей, теми лицами, которым оные были поручаемы сими присутствиями. Наглядным доказательством

медлительности церковно-строительных присутствий относительно постройки церквей может служить, например, тот факт, что, несмотря на состоявшееся еще в 1867 году постановление Гродненского церковно-строительного присутствия о постройке новой каменной церкви в м. Скидле, на что были составлены планы и сметы, которые и были утверждены, однако, и в 1892 году постройка этой церкви не начиналась, между тем как внутри церковной ограды находилось уже много камней, свезенных сюда помещиком – прихожанином, в виду предполагавшейся стройки. Существовавшая же в Скидле церковь была деревянная и для 3500 прихожан малопоместительная и, кроме того, как построенная еще в 1650 году, на столько ветхая, что уже в нескольких местах покосилась.

Что касается до недобросовестной постройки некоторых церквей, то сообщения об этом находим, как в столичных органах печати, так и местных. Так в Новом Времени в 1884 году писалось: «На будущий год испрошен кредит в размере 320 тысяч рублей на сооружение православных церквей и помещений для причтов. С 1863 году на этот предмет уже израсходовано свыше 6 миллионов рублей, каковая сумма служит лучшим доказательством того, что интересы православия в этом крае находят себе сильную и энергичную поддержку со стороны высшего правительства. Но церкви эти гниют, полы в них проваливаются, потолки рушатся, живопись исчезает, наружная штукатурка обваливается и богослужение во многих из этих храмов прекращено и перенесено в нарочно устроенные часовни. И вот, когда эти церкви совсем разрушатся, тогда можно будет сказать положительно, что от деятельности графа Муравьева в этом многострадальном крае не осталось и следов».⁵³⁵

Покойный профессор М. О. Коялович, после своей поездки в северо-западный край в 1886 году, также неблагоприятно отзывался в Церковном Вестнике, по поводу постройки здесь церквей. «Тут, писал он, не так давно построенная церковь уже ветшает, почернела, украшения отвалились, колокольня погнулась на бок, и крыша в ней продырявилась, а недалеко от

церкви красуется обновленный или даже вновь выстроенный костел».

Но, если в этих сообщениях о положении церковно-строительного дела говорилось обще, за то, в местных органах печати указывались с положительной определенностью те злоупотребления, которые допускались при постройке церквей в Литовской епархии. Так, в № 8 Литовских епархиальных ведомостей за 1885 год писалось, что новая Поречская церковь, построенная в 1877 году с подряда рижским купцом Ломоносовым, представляла печальное зрелище, возмущающее душу. Она построена была из материала недоброкачественного и непрочного. Крыша вскрылась от ветра вскоре, после построения, и течь шла внутрь здания; купол гнил и от сырости внутри почернел; стены обезображены были потоками, штукатурка, за неимением водосточных труб, во многих местах обвалилась, крыльцо входное и боковое были уже ветхи, пол в церкви шатался и начинал гнить. В алтарном своде находилась трещина, сквозь которую во время дождя просачивалась вода. Вообще, была большая опасность, что церковь внезапно рушится. Между тем, эта церковь строилась в ведении Виленского церковно-строительного присутствия.⁵³⁶

Другая корреспонденция, сообщавшая об отступлениях церковно-строительных присутствий от прямого и ясного предписания Муравьева, направленного к возвеличению достоинства православных церквей в крае, была помещена в № 103 Виленского вестника за 1888 год. В ней сообщалось, что церковь, построенная в 1880 году в м. Ковыльниках, Свенцянского уезда, находилась в совершенно не соответствующем для неё месте, вблизи жилых крестьянских и еврейских домов, около самой грязной улицы, и до 1884 года не имела даже ограды и ничем не отделялась от жилых домов. Весною и осенью около церкви была непроходимая грязь, бродили свиньи и другие домашние животные. Вообще, церковь была в запустении, и эта запущенность производила неприятное впечатление на человека даже с самым скромным религиозным чувством. Впечатление это еще более усиливалось, при взгляде на костел, который, удалившись от

местечковой грязи, возвышался на красивом холме и тонул в вековых кленах, ясенях и липах. Посему, при сравнении живописного вида костела с невзрачною обстановкой церкви, невольно являлся вопрос: почему строители и лица, которым был поручен выбор места для церкви, не нашли более приличного места для храма, тогда как, построив церковь в уголке тесном, они придали ей вид удрученности, в сравнении с широко раскинувшимся костелом.⁵³⁷

При таком, иногда небрежном отношении церковно-строительных присутствий в Литовской епархии к делу своему, невольно приходится удивляться тому, почему Литовское епархиальное начальство, со своей стороны, не всегда обращало должное внимание на дела, касавшиеся постройки или починки церквей, соглашаясь, например, на постройку церкви в таком не подходящем месте, как в Ковыльниках, и принимая от строителей такие церкви, как в Поречье⁵³⁸ и, тем более, что оно само же в 1871 году предложило духовенству епархии к руководству и неременному исполнению особые правила приема церквей, составленные, по соглашению епархиального начальства с генерал-губернатором, которыми предписывалось, чтобы вновь открываемые или капитально исправленные церкви принимать в духовное ведомство от производивших постройку или починку церквей не иначе, как комиссией, состоящей из членов местного церковного попечительства, мирового посредника, специально для этой цели назначенного епархиальным начальством местного благочинного или ближайшего священника и командированного от губернского церковно-строительного присутствия техника, не участвовавшего в постройке или починке церкви, причем, в случае капитальных недостатков в постройке, духовенству было предоставлено право пояснять о сем в составленных актах и представлять свои замечания епархиальному начальству, и через то являлась полная возможность не принимать от строителей недобросовестно произведенные постройки.

Нет, конечно, сомнения, что если бы Литовское епархиальное начальство с надлежащею строгостью⁵³⁹ относилось к тем лицам, которым оно от себя поручало прием

ново-построенных церквей, и само тщательно вникало в составляемые планы на постройку их, тогда указанные печальные явления по делу церковно-строительному не имели бы места совсем или же, по крайней мере, были бы очень редкими.

По нашему мнению, на Литовском же епархиальном начальстве лежит не малая доля вины за дозволение строить приписные церкви.

Дело в том, что, если многие приходские церкви в Литовской епархии далеко не отличаются внешним благоустройством, подобающим храму Божию, то приписные церкви, существующие чуть не при каждой приходской, и построенные, по обещанию, самими прихожанами, без всякого участия церковно-строительного присутствия, своею грубою работою и своим наружным и внутренним видом положительно не соответствуют достоинству православной церкви. О большей части приписных церквей и в клировых ведомостях говорится, что они ветхи. Так, между прочим, из этих ведомостей за 1891 год узнаем, что Александро-Невская церковь, приписная к Массальянскому приходу, была с большими трещинами и что внутренность её, при отсутствии иконостаса, представляла жалкий вид, а кладбищенская церковь, при Озерском приходе, была ветха и покрыта соломой. О приписной церкви в Деречинском приходе пр. Иосиф в 1892 году в своем отчете заметил, что она имела вид крайне жалко-убогий. Более 18 лет в ней не было богослужения. Иконостас представлял из себя простые доски с наклеенными на них изображениями. Крыша была соломенная, ветхая. Такое неприличное состояние приписных церквей обратило на себя внимание пр. Макария, который высказывался против сих церквей, устроенных и устрояемых, по его мнению, частными лицами, а иногда и обществами, частью под влиянием сохраняющихся в крае преданий латинства, всегда усердного в умножении разных филиальных костелов и каплиц, частью же, по суетному желанию тех и других прихожан устроить и иметь свою церковь, основанному на побуждениях не вполне чистых с православной точки зрения.

При этом, пр. Макарий справедливо находил, что склонность к умножению приписных церквей, в которых, притом, богослужение совершалось иногда только раз или два в год,⁵⁴⁰ вела к тем, например, существенным неудобствам, что приходские, или самостоятельные храмы часто оставались без поддержки, и дело благоустройства их предоставлялось одному правительству. Кроме того, эти церкви, быв устроены усердием тех или других лиц, часто потом оставались не только без благо-украшения и поддержки, но даже и без всякого присмотра, нередко, притом, вдали от селений, что подвергало их в стране разнoverия опасности профанации и даже святотатства. В виду всего этого, пр. Макарий циркулярно внушил духовенству, чтобы оно, со своей стороны, направляло усердие прихожан – храмо-создателей по преимуществу на церкви приходские.

К сожалению, ни приходское духовенство, ни Литовское епархиальное начальство не приняли к надлежащему исполнению этого распоряжения пр. Макария, и приписные церкви, почти без всякого препятствия, разрешаются к постройке и в настоящее время. Духовенство, конечно, не отговаривает прихожан от постройки приписных церквей потому, что находит в том материальный расчет, так как увеличение числа праздников или фестов в приходе соединено с увеличением доходов его.⁵⁴¹ Что же касается Литовского епархиального начальства, то оно, по-видимому, и само хорошо сознавая, насколько неблагоприятно отзывается постройка приписных храмов на благоустройстве приходских, однако, снисходительно разрешает эти постройки.

Что касается до внутреннего устройства церквей, то оно по большей части, гармонирует с наружным видом, отличаясь бедностью, а в некоторых церквях и прямо убожеством. Особенною бедностью и не благоустройством поражали православные церкви, конечно, в ближайшее время, после воссоединения униатов, когда в них еще далеко не все было устроено, согласно с порядком православного богослужения, а если что и было сделано, то поражало своею примитивностью. Посему, посланные в 1840 году пр. Иосифом для обозрения

церквей члены консистории Литовской, а также архимандрит Игнатий, соборный протоиерей Иоанн Гомолицкий и Гродненский благочинный протоиерей В. Попов, нашли значительное число церквей ветхими, нуждавшимися в починке или перестройке, а внутреннее устройство церквей, по большей части, в весьма бедном положении. Иконостасы в некоторых церквях, хотя и были,⁵⁴² но безобразные, представлявшие собою ни чем непокрашенную перегородку из досок и не имевшие ни одной иконы. Кроме того, в некоторых, храмах были еще старинные престолы боковые с стоящими на них подсвечниками. В Массальянской церкви, вместо жертвенника, стояла простая скамейка, с раскинутыми ножками, покрытая полотном. Бедность некоторых церквей была так велика, что престол и жертвенник были без облачений и не было дарохранительниц, вместо которых стояли на престоле пушки,⁵⁴³ а также икон и мирниц. Самая живопись на иконах, по большей части, была безобразная, не соответствовавшая святости изображенных лиц. К числу неблагообразных атрибутов по некоторым церквям относились стоявшие на горнем месте статуи в доминиканском костюме, изображавшие святых римской церкви, а также множество занавесок перед иконостасом. В несравненно лучшем, во всех отношениях, виде были церкви по казенным имениям.

По поводу этой весьма бедной обстановки в церквях, светская власть в крае, в лице генерал-губернатора князя Долгорукова и Минского губернатора Сушкова, выражала справедливую жалобу на недостаточное снабжение церквей богослужебною утварью. Но причиною сего служило отчасти то обстоятельство, что правительство могло отпускать только по 5 тысяч рублей ежегодно для всех бывших униатских церквей на приобретение необходимых богослужебных принадлежностей, тогда как один круг богослужебных книг, по расчёту пр. Иосифа, стоил около 200 руб. С другой стороны, хотя Литовское епархиальное начальство и довольно часто обращалось к гражданской власти с просьбою о «приглашении» помещиков к снабжению церквей богослужебными книгами и другою утварью, основываясь на общей возложенной на них обязанности

содействовать к устройству храмов по правилам православной церкви, но результатов, благоприятных для дела от сего обращения, это начальство не видело, вследствие нерасположения помещиков-католиков к православной церкви.⁵⁴⁴ Посему, несмотря на постепенное снабжение церквей необходимою утварью на счет 5 тысяч рублей, отпускавшихся правительством, нужды церквей были еще так велики, что, по словам самого митрополита Иосифа, их было затруднительно исчислить.⁵⁴⁵

При таком положении дела, естественно, что и последующие ревизии церквей Литовской епархии продолжали свидетельствовать об отсутствии надлежащего благоустройства и благолепия по многим церквам. Общие недостатки в этом отношении, по указанию отчета, представленного ревизовавшими церкви в 1850 и 1851 годах, состояли в том, что внутреннее устройство церквей, по большей части, было весьма бедно и неполно, особенно в отношении иконостасов некоторых церквей, кои оставались прежние, наскоро устроенные во время преобразования униатских церквей, далеко не соответствующие приличному во храмах Божиих благолепию и ставившие, как бы в упрек, священникам и прихожанам не заботливость их об украшении своих церквей.⁵⁴⁶

Таковая же небрежность была замечена и по другим предметам и утвари. Так – стены и потолки некоторых церквей оставались не покрашены в не побелены, в богослужебных книгах переплет был изорван и оставался без исправления, св. сосуды испорчены ржавчиной, по причине вытертой внутри позолоты и неопрятного содержания оных, что особенно и почти повсеместно было замечено в медных ящиках от дарохранительниц и сосудах от дароносиц, которые совершенно почернели и сделались негодными к употреблению, лжицы и копыя были не форменные и неприличные. Весьма немногие церкви имели мирницы⁵⁴⁷ и брачные венцы такого рода, какой принят православною церковью и, вместо них, употреблялись неудобные – прежние.

Кроме того, хотя и было предписано, чтобы престолы и жертвенники не форменные были переделаны или исправлены,

и, чтобы к оным были сделаны приличные облачения и пелены, но это в некоторых церквах не было еще исполнено. Аналои и столики для требоисправлений также не везде были устроены прилично, а в некоторых церквах даже вовсе не было клиросов, вместо которых употреблялись прежние, весьма неудобные и неприличные скамьи, и, наконец, облачения и церковная утварь хранились, по большей части, весьма невыгодно, отчего все ломалось и подвергалось пыли. В самом украшении иконостаса и церквей было замечено не мало неприличных и не соответствующих духу православия надписей на польском и латинском языках, а также изображений святых, не принадлежащих к православной церкви, как, например, Антония Падуанского, Иоанна Непомука, Иосафата и других, причем местные священники не только не устраняли этих несообразностей, но даже иногда умножали новыми, как, например, это было найдено в одной церкви, для которой священник устроил на счет церковной суммы 2 штандарта, тогда как на эти деньги можно было сделать настоящие хоругви с образами.⁵⁴⁸ Между тем, остатки униатских украшений по церквам вызвали справедливое неудовольствие гражданской власти, которая, в лице генерал-губернатора Кауфмана, обзревавшего в 1865 году Гродненскую губернию, обратила внимание на стоявшие во многих церквах статуи святых и ангелов, а также кресты с католическим распятием, хранившиеся в ризницах и на хорах и над входными дверьми, кои и приказано было отправить в Литовскую духовную консисторию. По поводу сего распоряжения Кауфмана, митрополит Иосиф, согласно мнению пр. Игнатия, велел те из сих изображений, которые по своему характеру несомненно принадлежали к римской церкви, уничтожать негласным образом самим священникам на местах, под наблюдением благочинных. Те же изображения, принадлежность которых к римской церкви была сомнительна, велел представить в консисторию для распоряжения с ними, по её усмотрению.

Однако, и после сего распоряжения митрополита, остатки латинства сохранились еще по многим церквам Литовской епархии,⁵⁴⁹ как, например, это видно из того, что пр. Иосиф,

епископ Ковенский, в 1870 году нашел в Русско-сельской церкви, Свенцянского уезда, на стене чугунную дощечку с польской надписью «здравайся Мария», которую умерший в 1840 году священник Пархомович просил 3 раза прочитывать за его душу. Тот же преосвященный в Дисненском уезде нашел в некоторых церквях статуйные резные изображения, помещенные на самых видных местах, в иконостасе, на горнем месте, а в одной церкви – употребление стеариновых свечей при богослужении. Пр. Макарий велел удалить эти изображения исподволь, пользуясь, например, починкой или покраской церкви, и снимать их бережно, с почтением, и также воспретил возжигать пред иконами при богослужении иные вещества, кроме восковых свечей и елея.⁵⁵⁰

К числу не благообразностей во внутреннем украшении храмов во многих ревизорских отчетах преосвященных викариев уже за последние тридцать лет было отнесено отсутствие почти во всех вновь устроенных или переделанных церквях, на северной и южной стороне, икон, что производило неблагоприятное впечатление. Кроме того, во многих вновь устроенных церквях иконы были размещены, как попало, причем попадались иконы латинского письма, а также взятые из прежней церкви, старые и безобразные. В большей части церквей Гродненской губернии, по обычаю римской церкви, храмовые иконы помещались на горнем месте, причем из сих икон особенно невзрачностью нередко отличалась икона Покрова Пресвятыя Богородицы, на которой предстоявшие во Влахернской церкви изображались одетыми в польские кунтуши. В Щ. церкви, на горнем месте, в нише, стояло резное изображение Спасителя, сидящего на тумбе, в венке и багряной ризе, с тростью в руке. На этом же раскрашенном изображении находились еще три изображения сердца из жести.⁵⁵¹ Неблагоприятное впечатление производили также, по замечанию пр. Евгения, устроенные в некоторых церквях, по сторонам, подставки для братских свечей это толстые, сосновые доски, без всякой отделки, с продолбленною дырою, в которую вставлялись грязные, толстые с наклепками, безобразные свечи, десятка по два-три с каждой стороны.

Наглядным доказательством внутреннего не благоустройства церквей Литовской епархии служит, между прочим, бедность многих из них в отношении утвари. Так, в С. церкви, Ошмянского уезда, по замечанию пр. Владимира, бывшего епископа Ковенского, потиры были до того малы и убоги, что скорее напоминали собою большие рюмки, чем чаши, а облачения были стары и убоги. Пр. Иосиф, бывший епископ Брестский, уже в недавнее время, при обзоре епархии, встречал немало таких церквей, в которых, вместо лжицы употреблялась чайная ложка, вместо ковшика для теплоты, на металлическом или же чайном блюде, чайная чашка и, вместо восковых свечей, стеариновые, а вместо купели – кадушка. Судя по клировым ведомостям за 1892 год, нужда в церковной утвари в некоторых церквах, а именно, в Кердеевской, Виленского уезда и Вишневской, Свенцянского, была настолько велика, что в первой не было плащаницы, потира с полным прибором и брачных венцов, а во второй – дароносицы, водосвятной чаши, купели, брачных венцов, а из книг – служебника, требника и облачений на престол и аналой. Вообще, по клировым ведомостям за указанный год в Виленской губернии было 40 церквей, нуждавшихся в утвари, в Ковенской – 6 и в Гродненской – 40. Нужно, при сем, заметить, что клировые ведомости не показали действительной недостаточности многих церквей утварью, из опасения навлечь на настоятелей оных замечание от епархиального начальства за их «не усердие и не заботливость о благолепии вверенных им церквей».

Но, если таким внутренним не благоустройством отличались многие приходские храмы, то относительно приписных и кладбищенских церквей, по всей справедливости, можно сказать, что значительное большинство их, при своем внешнем не благоустройстве, поражало и своею внутреннею обстановкой. Во многих из них вся внутренность церкви отдавала унией. Иконостасы представляли из себя простую досчатую перегородку, нередко с униатскими на ней изображениями. Так, в некоторых церквах, на дверях иконостаса изображались св. Василий Великий и Григорий Двоеслов – в митрах латинских Опекунов, с таковыми же

жезлами; в других – на иконе св. апостолов Петра и Павла, над ними был изображен ангел в небесах с папской тиарой и крестом латинского достоинства. Кроме того, многие из статуй, вынесенные, по приказанию епархиального начальства, из приходских церквей, нашли себе приют в приписных церквях или около них. Так, например, в Д., приписной к Б., церкви еще в самое недавнее время, за оградой церкви, против алтаря, стояло под большим деревянным навесом весьма большое, в полный рост самого большого человека, резное изображение Спасителя, изнемогающего под тяжестью креста. И, несмотря на то, что неё эта огромная фигура, выточенная из дерева, раскрашенная и одетая в хитон, на свежего человека способна была произвести ужасающее впечатление, здесь ежегодно, в день праздника св. Акилины в приписной церкви, бывает огромное стечение народа, причем не только вся статуя, но и ограда бывает заполнена припасами поселян, особенно женщин, ставящих, вместо свечей пред статуей, плашки с маслом и салом. Что касается до церковной утвари в приписных церквях, то её, можно сказать, почти нигде не было, и богослужение могло совершаться в них только при условии доставления оной из приходской церкви.

Что касается причин такого не благоустройства во многих церквях Литовской епархии, то, в первое время, после воссоединения униатов, одною из них был, как мы уже говорили раньше, недостаток правительственного пособия на этот предмет, при незначительности пожертвований на церковь со стороны прихожан. Как известно, у униатов не было в обычае ставить свечи пред иконами. Посему, после воссоединения, во многих местах епархии еще долгое время не было продажи свечей при церквях а если где она и существовала, то давала очень небольшие доходы, как, например, это можно видеть из того, что в 1845 году было доставлено в Литовскую духовную консисторию свечного сбора от всего Свенцянского благочиния только 1 руб. 70 коп., от Слонимского – 1 руб. 98 коп.; Скидельского – 1 руб. 20 коп., Вилейского – 6 руб.; Друйского – 2 руб. 43 коп.; Белостокского – 10 руб. 25 коп.; Бельского – 23 руб. 92 коп.; Ковенского – 189 руб. 62 коп., (от благочинного

протоиерея Мироновича); Гродненского – 109 руб. 91 коп., (благочинного протоиерея Полова) и Вилкомирского – 48 руб. 49 коп. (священника Суханова).

В некоторых церквях Свенцянского благочиния, как, например, в Бреславльской, существовал даже такой обычай, нарушавший интересы церкви, по которому местные прихожане и приезжавшие продавали в собственную пользу церковные свечи и восковые фигуры, что побудило консисторию в 1843 году отнестись в Ковенское губернское правление с просьбою о воспреещении сего обычая. Даже в 1849 году, во время обзора церквей Лидского и Ошмянского уездов, пр. Евсевий нашел свечную продажу очень незначительною, причем в некоторых церквях она или совсем не была введена, или же свечи покупались у посторонних лиц по 90 копеек и по 1 рублю за фунт.⁵⁵² Недостаток свечной и кошельковой суммы в Лидском благочинии⁵⁵³ в это время отчасти восполнялся взиманием с прихожан за крещение, брак и погребение по 5 копеек серебром и более, кои записывались в приходо-расходные книги под теми названиями.

Тем не менее, если принять во внимание, с одной стороны, то обстоятельство, что, спустя 20 лет, после воссоединения униатов и особенно в позднейшее время, главные нужды церквей Литовской епархии уже могли быть удовлетворены благодаря пособиям со стороны правительства и добровольным пожертвованиям благотворителей из центральной России, особенно же из Москвы, а с другой стороны, что и пожертвования на церковь местных прихожан значительно увеличились против прежнего времени, то, главною причиною замечаемой и доселе скудости во многих церквях Литовской епархии мы должны признать, как нерадение причтов⁵⁵⁴ о благолепии своих храмов, так и особенно неправильное ведение церковного хозяйства. Так, в отчетах пр. викариев по ревизии церквей Литовской епархии можно найти нередко указания на то, что духовенство мало заботилось о надлежащем благолепии своих церквей, или же ограничивало эту заботливость одною перепиской даже в тех случаях, когда нужды церкви могли быть удовлетворены местными

средствами. В пример сего ставился, между прочим, священник С. церкви Ошмянского уезда К., который, имея возможность устроить на церковные деньги приличное облачение и приобрести такой же потир, довольствовался одним заявлением в клировых ведомостях, что «в церкви не было жаровни и рукомойника», вероятно, ожидая, как справедливо заметил пр. Владимир, что и эти вещи будут ему присланы правительством. Другой священник, могший легко докончить постройку остававшейся, по недостатку материала, менее нежели четверти ограды, около церкви, но не сделавший того, не преминул наговорить пр. Евгению о своих неимоверных усилиях убедить прихожан докончить ограду и об отказе последних сделать его, отчасти по грубости и не усердию, а отчасти – по бедности, между тем как, по приблизительному расчету, всего материала следовало докупить на 6 или 8 рублей, да и прихожане отозвались пред преосвященным, что они давно бы окончили ограду, да батюшка не благословляет. К нерадению причтов и самих благочинных нужно, конечно, отнести и то обстоятельство, что они умалчивали иногда пред епархиальным начальством о действительных и важнейших нуждах вверенных им церквей с той, как предполагала Литовская духовная консистория, целью, чтобы дать понять епархиальному начальству, что находящиеся в их заведывании церкви всем обеспечены, и только тогда понимали свою ошибку, когда в церкви соседних благочиний поступали богатые и щедрые пожертвования.

Точно также, важною причиною скудости многих церквей служило неправильное ведение по многим местам церковного хозяйства, которое почти повсеместно находилось в руках одних священников, позволявших себе иногда даже злоупотребление церковным достоянием. После воссоединения униатов, священники во многих приходах долгое время не хотели заводить прихода-расходных книг, а если где и заводили их, то вели их неумело и даже, умышленно, небрежно, с целью скрыть действительную доходность церкви. Так, еще в 1846 году пр. Платон заметил неумелое ведение прихода-расходных книг в осмотренных им церквях, причем священники, в свое

оправдание, ссылались на то, что их никто не наставлял в этом деле, почему консистория и преподавала им надлежащее, наставление, вменив при сем в обязанность к подписке по приходо-расходным книгам приглашать не только всех членов причта, но и церковного старосту.

А для того, чтобы при церквях мог образоваться хотя небольшой запасной капитал, консистория сделала распоряжение, чтобы в тех из церквей, в которых сумма доходов не достигла 30 руб., покупка свечей, вина, просфор и прочих необходимых предметов для богослужения, производилась на средства священников и прихожан. Когда же в 1851 году ревизией было обнаружено неисполнение сего распоряжения консистории, последняя, с одной стороны, определила взыскать со священников, виновных в том, недостающую сумму денег и, притом, в таком количестве, которое израсходовано на церковные потребности со времени объявления, состоявшегося посему предмету постановления епархиального начальства, а с другой стороны, вменила в обязанность благочинным, при ежегодной проверке денег, иметь в виду это обстоятельство, и, потому, если где окажется, что расход произведен или неправильно, или из суммы, не достигшей 30 руб., заставлять священников израсходованное количество оной суммы пополнять на свой счет. Но, делая такое распоряжение, консистория, по-видимому, упустила из виду то обстоятельство, что по многим церквям, как было обнаружено ревизией в 1849 и 1851 годах, не заведены были еще приходо-расходные книги и, следовательно, благочинные не имели возможности контролировать ведение церковного хозяйства.⁵⁵⁵

При таком положении вещей, несколько не удивительно, что пр. викарии иногда заявляли в своих отчетах подозрение относительно присвоения священниками церковных денег, как, например, это было заявлено в 1860 году пр. Игнатием; а в 1872 году пр. Иосифом и Евгением, причем последний, во время своей ревизии в 1876 году по уездам Виленскому, Тройскому и Вилейскому, нашел, что церковное счетоводство велось по однажды установленной форме и норме, с наблюдением лишь некоторого соответствия между приходом и

расходом, при полной, однако, невозможности видеть что-либо действительное в документах церковных, вследствие допущения в каждой книге своеобразностей и, притом, ни на чем не основанных. Особенно крайне небрежно и неверно оказалось по этой ревизии ведение прихода-расходных книг по Вилейскому благочинию, где записи делались огулом, без всяких подробностей, с самыми ничтожными цифрами прихода, несмотря иногда на их очевидную несообразность, причем в некоторых местах свечной приход записывался также огулом.⁵⁵⁶

С особенною ясностью открылось неправильное ведение церковного хозяйства по многим церквам Литовской епархии, со времени введения св. Синодом взимания, взамен свечного сбора, известного процента с доходов кружечного, кошелькового и свечного на потребности учебной части духовного ведомства,⁵⁵⁷ когда оказалось, что свечной сбор весьма многих церквей епархии в 1870 году был весьма разнообразен и не согласен с годовым кошельковым доходом и остающимся к 1871 году наличным капиталом оногo.

По сему поводу, консистория, выходя из того предположения, что приходскому духовенству более и лучше известны денежные сборы церквей своего благочиния, предложила духовенству на майских благочиннических съездах вывести среднее число общей суммы денежного дохода свечного, кошелькового и кружечного по каждой церкви за 10 лет, каковые сведения доставить в консисторию не позже 15 июня.⁵⁵⁸ Между тем, получив эти ведомости, консистория, при всей своей снисходительности, не могла не обратить внимания на скудость доходов церквей Дятловичского и Дрогичинского благочиний, каковая скудость, по мнению консистории, вызывала предположение или о неверном ведении счета сих доходов, или о недостаточном усердии со стороны духовенства о благолепии вверенных им церквей. Посему, она назначила для проверки счетных книг по церквам означенных благочиний Лидского благочинного и Бельского и, вместе с сим, подтвердила всем причтам с церковными старостами, чтобы они не ослабевали в своем усердии к увеличению церковных и

в том числе свечных доходов,⁵⁵⁹ и чтобы свидетельствовали оные ежемесячно и правильно.⁵⁶⁰

Между тем, жалобы на более чем неправильное ведение церковного хозяйства в Литовской епархии проникали иногда и в печать и, притом, далеко не в смысле каких-либо только слухов. Так, уже в 1879 году, следовательно, после того, как консистория ограничилась весьма легким наказанием священников, ведших неправильно прихода-расходные книги, под тем предлогом, что, со введением нового порядка счетоводства церковного, эти беспорядки устранятся, появилась в «Церковном Вестнике» корреспонденция, в которой говорилось, что все эти неправильности происходили, как от несвоевременного записывания доходов и расходов, так и от недобросовестности священников, вследствие чего замечалось, что в приходах очень многолюдных,⁵⁶¹ с двуклирным причтом, даже с чудотворною иконою в церкви, привлекавшей, потому, очень большое число богомольцев из разных уездов, показывали доход в четверо менее церкви другого бедного прихода, не имевшего никаких особых источников церковного дохода, и с населением, меньшим первого. А от этого происходило неправильное взимание процентного сбора с церквей на разные нужды и кражи старостами денег церковных, как незаписанных своевременно в книгу.⁵⁶²

В другом сообщении⁵⁶³ указывалось на то, что в церквях с чудотворными иконами, вообще, было принято замаскировывать правду и придавать им, елико возможно, скромный, почти убожеский вид, дабы блеском внешней обстановки не дать повода к нежелательным заключениям и к выводам о действительном богатстве сих церквей. В доказательство справедливости сего сообщения можем указать от себя, например, на 3. церковь Пружанского уезда, которая, по указаниям клировых ведомостей за 1891 год, была «весьма бедна утварью», несмотря на то, что при сей церкви была часовня на том месте, где в 1822 году якобы явилась Божия Матерь, и где находится камень с замеченными на нем тремя человеческими ступнями, а около часовни колодезь, из которого собирающиеся в весьма большом количестве богомольцы берут

воду, имеющую, по народному преданию, силу излечивать, болезни, особенно головную и глазную.⁵⁶⁴

Нет сомнения относительно того, что разного рода злоупотребления по ведению церковного хозяйства со стороны причтов встречались бы гораздо реже, если бы церковные старосты являлись не фиктивными только представителями прихода в сем важном деле, а принимали в нем более активное участие. Впрочем, ненормальное положение старост церковных в Литовской епархии не есть явление случайное, а образовалось, как результат давних порядков. Как известно, во времена унии, в приходско-церковной жизни вся власть олицетворялась в священнике и ктиторе-пане. Последний обеспечивал церковь и священника разными потребностями, вникал в нужды, нередко отнимал и разорял одною рукою, а другою давал. Несколько иначе стояло дело там, где церковью заведовали братства, или где церкви находились в королевских имениях, или других знатных вельмож, так как здесь, благодаря далекому отсутствию колляторов, влияние народа на церковные дела, проявлялось сильнее. Здесь были уже старшие братчики, которые отличались особым усердием к церкви, собирали для неё приношения, прислуживали священнику при богослужении, строили и чинили церкви и прочее, нередко делая это без ведома священника, и даже влияли на выбор его. Между тем, с воссоединением униатов, когда власть панов-колляторов, оставшихся в католичестве, само собою уничтожилась, и когда приходы, даже в лице своих братчиков, не могли представить авторитет, равный священническому, управление делами церкви, её хозяйственную частью и т.п. принял на себя один священник.⁵⁶⁵

Правда, высшая духовная власть в России, т.е. св. Синод, заботясь о правильной постановке церковного хозяйства в Литовской епархии, предписала пр. Иосифу распорядиться о выборе по всем церквам епархии старост, с освобождением их от общественных нарядов и работ, во время прохождения ими сей должности. Однако, из ответа, данного архиепископом в 1841 году, видно, что избрание церковных старост состоялось далеко не везде, так что в половине церквей епархии их не

было. Он объяснял это разными препятствиями, какие ставили выбору на эту должность из крестьян помещики-католики, отказывавшие им в освобождении от работ.⁵⁶⁶ Но, кроме враждебности помещиков к православной церкви, у них были и другие побуждения к тому, чтобы часто не соглашаться на выбор в церковные старосты тех или других лиц, избравшихся по букве закона, хотя по меньшей мере 2/3 хозяев всего прихода, но, на самом деле, одними священниками, которые, не заботясь о том, чтобы уяснить избранным их права и обязанности,⁵⁶⁷ нередко старались извлечь из избрания старост лишь свою практическую пользу, выбирая или лиц многосемейных, могущих, при случае, служить помощью для хозяйственных целей священника, или почему-либо особенно выслужившихся у него и, потому, ему не бесполезных.

При этом, сами выборы производились нередко не по правилам инструкции, а келейным образом, причем избранные мало понимали свои обязанности по отношению к церкви и приходу, смешивая их со службою священнику.⁵⁶⁸ Полный произвол со стороны многих священников в отношении выбора старост состоял, между прочим, в том, что лица, излюбленные ими, продолжали проходить должность старосты и по окончании трех лет, а лица, не правившиеся им, устранялись от должности и ранее трехлетнего срока службы и, притом, без разрешения епархиального начальства, по причине «якобы их неаккуратности и нетрезвости», а всего больше – вовсе без обозначения в выборных актах поводов к новым выборам. На это обратила внимание консистория уже только в 1873 году, разъяснив духовенству, что, как утверждение в должности церковных старост принадлежит епархиальному архиерею, так и устранение их, до окончания срока службы, также подлежит власти его, и, вместе с тем, вменила духовенству в обязанность, чтобы в выборных актах об избрании новых лиц в церковные старосты прописывало и побудительные причины к производству новых выборов, и чтобы подписи за неграмотных избирателей были заверяемы официальным лицом и чтобы, наконец, в случае нежелания церковного старосты продолжать службу, в акте о новом выборе требовать от него письменного о

том удостоверения.⁵⁶⁹ Тем не менее, и это распоряжение консистории далеко не везде принято было к исполнению духовенством, которое и доселе еще не вполне отрешилось от панского воззрения на церковных старост,⁵⁷⁰ и не возвысилось до правильного понимания своих обязанностей по отношению к надлежащему исполнению тех правил инструкции, которые касались церковных старост. Это видно уже из того, что в самое недавнее время, а именно в 1893 году, Литовская духовная консистория вынуждена была снова подтвердить благочинным, чтобы они обращали должное внимание на инструкцию о церковных старостах и на бывшие, по сему поводу, распоряжения епархиального начальства.⁵⁷¹

К числу причин, способствовавших скудости многих церквей в отношении приличной утвари необходимо, конечно, отнести и частые случаи краж из оных, причем вина за это лежит, как на настоятелях церквей и прихожанах, так и гражданском начальстве, вообще, не прилагавших должного внимания и заботливости об охране церквей от злоумышленников. Вопрос об охране церквей от краж через учреждение при них ночного караула возбуждался еще при митрополите Иосифе, по поводу, например, донесения Вилкомирского благочинного Суханова в 1842 году о необходимости иметь церковных сторожей около городских церквей, и в 1853 году, по поводу таковой же нужды в сторожах церковных в помещичьих имениях. В обоих случаях дело ограничилось одною перепиской между Литовской духовной консисторией и подлежащими начальствами о побуждении кого следовало немедленно учредить около церквей караулы.

Это видно, например, из того, что, хотя Гродненское губернское правление в 1845 году и сообщило консистории о сделанном им предложении уездным предводителям дворянства учредить при церквях ночные караулы, однако, церкви продолжали, по-прежнему, обкрадываться. В таком положении находилось дело охранения церквей до 1869 года, когда пр. Макарий обратился к Виленскому генерал-губернатору с просьбою о подтверждении всем полицейским управлениям относительно obligations ими прихожан церквей охранять

караулами от похищения церковную собственность, под ответственностью их за могущие быть случаи покражи из них. И действительно, генерал-губернатор обязал всех подведомственных ему губернаторов, а последние – мировых посредников и полицейские управления относительно того, чтобы волостные правления, в видах охранения православных церквей от ограблений, распорядились немедленно учредить при них ночные караулы из самих прихожан, по очереди, или из сторожей, нанимаемых прихожанами.

Со своей стороны и гражданская власть, в лице гродненского губернатора, просила Литовскую духовную консисторию обязать православное духовенство епархии, чтобы и оно имело надлежащее наблюдение за аккуратным отбыванием ночных караулов при церквях, и, в случае замеченных неисправностей в сем отношении, обращалось по сельским приходам к мировым посредникам, а по прочим – в местные полиции для принятия зависящих мер к восстановлению аккуратного отбывания сих караулов, и, в случае неисполнения сего, сообщало через благочинных губернатору. Тем не менее, и после сего, случаи краж из церквей ни мало не уменьшились, потому что, как полагала Литовская духовная консистория, распоряжения гражданской власти касательно охранения церквей приводились в исполнение местными властями не всецело, а лишь на половину, в смысле лишь сделанного, и без особой настойчивости, предложения волостным правлениям учредить ночные при церквях караулы, тогда как дальнейшей половины дела, назначения соответствующего и определенного сбора на наем сторожей и даже желания настоять над взысканием уже заслуженного сторожами и обещанного, по приговорам крестьян, вознаграждения не было видно, и даже, напротив того, отсутствие прямых на то узаконений понималось мировыми посредниками в смысле полной непричастности их к сему делу, так что на просьбы некоторых священников о взыскании административным порядком жалования, в виде хлеба, сторожам, встречался резкий отказ со стороны этих посредников. Вследствие, сего, сторожа, получая в некоторых

приходах жалование весьма неисправно от прихожан и, притом, в очень ограниченном размере, а иногда и вовсе не получая заслуженного вознаграждения, по недобросовестности прихожан, часто меняли места.⁵⁷²

При таком положении дела относительно охраны церквей, кражи в церквях к 1890 году приняли почти повальный характер. В самом небольшом промежутке времени были ограблены три церкви, и, притом, не в селах, а в уездных городах – Свенцянах, Дисне и Ново-Александровске. В первой церкви были похищены все утварные серебряные вещи, в числе коих была и дарохранильница со св. Дарами всего на сумму около 400 рублей, причем вор проник в церковь через наружную входную дверь, запиравшуюся двумя замками. Охранялась же Свенцянская церковь общим ночным сторожем 7–8 домов Виленской улицы, прилегающей к церковной площади. Через 20 дней, после сего, была ограблена Дисненская Воскресенская церковь и еще с большею наглостью, чем Свенцянская. Из неё было унесено положительно все, что имело какую-либо ценность и, между прочим, со св. Дарами дарохранильница, серебро-вызолоченная – дар Цесаревича (впоследствии Императора) Александра Александровича на вечное поминовение Великого Князя Николая Александровича. Всего было украдено на 1500 рублей серебром, причем воры проникли таким же образом, как и в Свенцянах.

А через 4 дня, после этой кражи, была ограблена соборная Ново-Александровская церковь через пробурывание входных западных и других, ведущих из притвора в церковь дверей, причем было похищено 13 неодинаковой ценности утварных предметов и в том числе также дарохранильница со св. Дарами. И во всех трех случаях воры не были обнаружены. Эти грабительства чрезвычайно возмутили пр. Алексия, и он от 8 ноября 1890 года, следовательно, за 2 дня до своей кончины, предложил консистории, без замедления, составить обстоятельную записку об обстоятельствах ограбления церквей в Свенцянах, Дисне и Ново-Александровске для представления её с просьбою к гражданскому начальству относительно энергичного с её стороны содействия к охранению церквей, как

в уездных городах, так и повсюду, и вместе с тем «немедленно и настоятельно подтвердить настоятелям церквей, чтобы святой долг хранения церкви и её сокровищ исполнялись с неослабной ревностью и заботливостью, не ссылаясь на равнодушие прихожан, против которого они должны принимать надлежащие меры заблаговременно, а не после того, как церкви будут обокрадены». При этом, владыка пригрозил настоятелям церквей ответственностью за беспечность в сем деле. В исполнение сего предложения архиепископа, консистория обратилась с просьбою к Виленскому генерал-губернатору о принятии мер к более энергичному содействию в деле охранения церквей со стороны гражданской власти, через предписание в уездных городах чинам полиции учредить в тех местах, где находятся церкви, полицейские посты и посты ночных городских сторожей, с обязанием городских и сторожей города в ночное время отдельно, или совместно с церковным сторожем, караулить церковь, а касательно охранения сельских церквей предписать мировым посредникам предложить волостным правлениям непременно учредить за вознаграждение от крестьян особых ночных сторожей и назначить им определенный сбор с крестьян и принять на себя труд распорядиться производить и самое взыскание сего сбора тем же путем, каким производится сбор с сельских старост и других должностных лиц, от крестьян поставляемых.

Результатом сего настойчивого обращения пр. Алексия к гражданской власти по указанному предмету было то,⁵⁷³ что губернаторами трех губерний северо-западного края, входящих в состав Литовской епархии, было вменено в обязанность мировым посредникам наблюдать за повсеместным наймом сельскими обществами церковных сторожей и принять меры к обеспечению более успешного выполнения существующими в деревнях караулами обязанностей к охранению церквей. По отношению же к охранению городских церквей было предложено исправникам и полицеймейстерам располагать ночные полицейские посты вблизи храмов, вменив, притом, постовым в обязанность иметь особенное наблюдение за церквами, находящимися в районе их постов. Вместе с сим, и

городским головам было также предложено привлечь существующих в городах ночных сторожей к охранению храмов.⁵⁷⁴

Говоря о ведении церковного хозяйства духовенством Литовской епархии вообще и, в частности, прихода-расходных книг, как одной из причин не благоустройства церквей, по близкой связи между собою предметов, скажем о ведении и других церковно-приходских документов, как-то: церковных описей и летописей, а также метрических и клировых ведомостей. И в этом случае приходится констатировать тот же печальный факт, что очень многие священники вели указанные документы неисправно и небрежно. Духовенство, как будто бы, не понимало или не хотело понять всей важности указанных документов и особенно метрических книг в юридическом и других отношениях.

Необходимость заведения описей церковного имущества в Литовской епархии прежде всего сознал пр. Михаил, епископ Брестский, викарий сей епархии, который в 1840 году представил свое мнение архиепископу Иосифу относительно заведения сих описей в Кронской, Юрбургской и Кейданской церквях по образцу, составленному Полоцкой консисторией. В последующее время, ведение церковных описей, по-видимому, было наблюдаемо и в других многих, хотя и не во всех, приходских церквях. По крайней мере, в то время, как Свенцянский благочинный в 1845 году доносил консистории о том, что в осмотренных им церквях его благочиния описи церковные были везде, но только на польском языке, в половине церквей Довилейского благочиния сих описей не было еще и в 1850 году, как это было обнаружено ревизией. Впрочем, в 1853 году последовало общее распоряжение св. Синода по всем епархиям относительно принятия мер к охранению церковного имущества и об единообразном составлении описей оногo, по приложенной форме, которые стали составляться в Литовской епархии только с 1855 года, и то, только по монастырям, соборам и древнейшим и значительнейшим церквам, с поручением составления их особым комиссиям из трех лиц.⁵⁷⁵ Впоследствии, хотя церковные описи и были

составлены по всем церквам, однако, велись, вообще, небрежно, так как священники далеко не всегда внимательно следили за внесением в оные новых вещей и исключением из них устаревших и сделавшихся негодными к употреблению.⁵⁷⁶

Еще меньшим успехом сопровождалось ведение духовенством церковных летописей, которые предложено было завести ему в 1867 году, начав оные с сего года. Желавших исполнить это предложение, как из белого, так и монашеского духовенства оказалось очень мало, да и те лица, которые взялись было за него, как обнаружилось впоследствии, отнеслись к делу или слишком поверхностно, или же вовсе прекратили его. Между тем, в отчете о ревизии церквей в семидесятых и восьмидесятых годах разных уездов преосвященными викариями была снова выражена мысль о необходимости завести, по примеру других епархий, церковные летописи, в которых бы наряду с текущими событиями приходской жизни обозначались церковные службы и поучения, если были таковые. Это замечание преосвященных консистория прописала в указах, как наставление и внушение духовенству, чтобы оно еще более озаботилось об исполнении лежащего на нем долга в отношении богослужения и чтобы при самостоятельных церквах, по мере возможности, были ведены церковные летописи, в которых настоятели обязательно записывали бы события из приходской жизни своего прихода, а также и особые происшествия и явления в соседних приходах и других местностях Литовской епархии, которые имели или могли иметь влияние на прихожан, а также – случаи богослужения, когда и какое совершалось, проповеди и поучения в церкви или вне церкви, с указанием тем, действия и выдающиеся случаи по предмету просвещения прихожан, распространения между ними знания церковного пения и привлечения к православию иноверных и, наконец, собственные мысли, взгляды и предположения духовенства по церковным предметам местного прихода.

Но, так как духовенство равнодушно отнеслось к сему предложению епархиального начальства, то архиепископ Александр в 1880 году, со своей стороны, предложил

консistorии, во внимание к тому, что летописи церковные, как памятники современной жизни, нравов и обычаев, могут быть, при надлежащем их ведении, впоследствии, полезными для церкви и отечества, неотложно составить программу для составления летописей, обязав духовенство вести их с начала 1880 года. Консistorия, действительно, составила программу и, объявив ее духовенству, предписала благочинным наблюдать за исполнением предписания епархиального начальства относительно составления летописей. В общем, программа летописи для церквей Литовской епархии, не отступая от программы, принятой и практиковавшейся в других епархиях, была дополнена вопросами, вызванными историческими данными на пространстве трех губерний, составляющих Литовскую епархию, причем самое составление описей было возложено на всех состоящих в штате лиц, в тех видах, чтобы и те члены причта, кои сами были неспособны к ведению летописей, по крайней мере, не отказывались бы хотя от какого-нибудь содействия тем, которые будут заниматься составлением оных.

Между тем, этот указ консistorии о заведении летописей, с приложенной к нему инструкцией с массою вопросов, был встречен духовенством очень не сочувственно, и по откровенному признанию одного священника, произвел на оное угнетающее впечатление и вызвал, уже при самом своем появлении, намерение обойти его. Так, в некоторых причтах совсем не находили человека, способного и желавшего заняться составлением сих летописей, и, потому, это дело поручалось – семинаристу или академику-сыну кого-либо из членов причта, отчего, впрочем, автор заметки сей, не ожидал добрых результатов для самого дела, в виду малого знакомства сих юных составителей с приходом.⁵⁷⁷ Некоторые же причты решили этот тягостный для них вопрос о составлении летописей более простым способом: не стали совсем составлять их, так что ревизия преосвященных викариев в 80-х и даже в 90-х годах констатировала отсутствие сих летописей во многих церквах.

Но, если ведение церковных летописей могло еще казаться духовенству излишнею роскошью, то, необходимость ведения

надлежащим образом таких важнейших документов, как метрические книги, по-видимому, должна была хорошо сознаваться им. Тем не менее, и в сем отношении замечалось очень много несообразностей и нерадения со стороны лиц, обязанных следить за правильным составлением указанных документов. Неудовлетворительное ведение церковного писмоводства было замечено ревизией, например, по Вилейскому уезду еще в 1850 году, причем оно выражалось в том, что при церквях не было других экземпляров метрических книг, а также не было на них надлежащей скрепы и посвидетельствований, даже имен и прозвищ тех лиц, которые совершали таинство, и подписаны были они не собственноручно, а теми, кто подал метрику. Исповедные росписи также не имели скрепы и посвидетельствований и, к тому же, в некоторых оказались пропущенными дети лиц православного исповедания, вступивших в брак с иноверцами, а документы, имевшиеся при брачных обысках, не были облечены законною формальностью и не были поверены и скреплены благочинным.

Из отношения Виленского генерал-губернатора Назимова к пр. Иосифу в 1857 году, в котором он указывал на то, что, по случаю новой общей народной переписи, некоторые лица податного сословия, во избежание занесения в ревизские сказки своих новорожденных детей, оставляли их без крещения, или же, после совершения крещения, эти дети не вносились священниками в метрические книги для скрытия следов, при проверке переписи, видно, что священники допускали иногда положительно противозаконные поступки в деле ведения метрических книг, так что митрополит Иосиф, по сему поводу, обязал всех благочинных секретно потребовать от священников подписок относительно всевозможного отстранения от себя подобных подозрений, под опасением строжайшего взыскания. Впрочем, не лучше велись церковно-приходские документы и в последующее время, на что указал в 1876 году пр. Владимир в своем отчете о ревизии церквей, отмечая тот факт, что события за несколько месяцев в метрики записывались за один присест.⁵⁷⁸

Небрежное ведение метрических книг составило предмет особого доклада архивариуса консистории присутствию оной в 1882 году. Найденные им неисправности в сих книгах состояли, между прочим, в пропусках имен младенцев, не записывании лет жениху и невесте, а также восприемников при крещении и поручителей при браке, причем у одного священника браки были записаны венчанными 10 апреля (пятница страстной недели) и 12 апреля (первый день пасхи), а у многих других, накануне Двенадесятых праздников, во вторник, четверг и субботу. Но, несмотря на то, что консистория поставила эти неисправности на вид духовенству и даже оштрафовала 88 священников, а благочинным сделала внушение строже следить за исправным ведением документов,⁵⁷⁹ духовенство и на сей раз не обратило должного внимания на предписание епархиального начальства, и 55 причтов, по донесению того же архивариуса в 1886 году, оказались виновными в допущении тех же неисправностей в метрических книгах за 1884 и 1885 годы, какие были им найдены в 1882 году.⁵⁸⁰

Еще больше неисправностей замечалось в ведении духовенством клировых ведомостей, где, кроме небрежности, по местам, замечался хитростный расчет провести епархиальное начальство и скрыть от него то, открытие чего было не в интересах причта известной церкви. Первый, кто обратил внимание на неправильное составление сих ведомостей был пр. Макарий, который в своем предложении консистории от 21 октября 1869 году указал ей на то, что клировые ведомости многими причтами писались неполно, так как в некоторых из них не показывалось, сколько получается дохода от оброчных статей, иногда совсем пропускалось показание дополнительного надела причту или священнику; в других ведомостях не упоминалось ничего о том, что священники или другие члены причта состоят законоучителями или учителями в учебных заведениях Министерства Народного Просвещения или других ведомств, и, затем, не обозначалось получаемое за это вознаграждение.

Кроме сего, он указывал еще и на ту неправильность, что благочинные делали аттестации не о каждом члене причта. О

неправильном ведении клировых ведомостей пр. Макарий счел необходимым упомянуть и в отчете св. Синоду о состоянии епархии Литовской за 1869 год. Между тем, поступивший на службу в консисторию в 1870 году новый секретарь Ф. К. С., прочитав клировые ведомости за 1869 году, нашел в них несообразностей еще более, чем заметил пр. Макарий. В указе консистории, разосланном духовенству епархии, поставлялось на вид благочинным и священникам следующие неправильности в клировых ведомостях:

1) то, что в ведомостях о церквах названия приписных и кладбищенских церквей своим разнообразием затрудняли счет их, так как некоторые из них назывались прямо церквами, а некоторые – каплицами: о некоторых из сих богослужебных зданий писаны особые добавочные ведомости, а о некоторых лишь вскользь упоминалось в ведомости о самостоятельной церкви, причем часто не обозначалось каменное или деревянное то или другое здание богослужебное;⁵⁸¹

2) в показании о состоянии церковной утвари во многих ведомостях просто говорилось, что церковью утварью недостаточна, или не вполне достаточна, но в чем именно недостаток – не показано;

3) в показании о количестве церковной земли лишь весьма немногие причты обозначали итоги всей церковной земли, а писали только по частям – пахатной, усадебной и прочее, причем земли, находящиеся при приписных церквах, не показывались в общем счете причтовой земли, а писались отдельно. Кроме того, в некоторых ведомостях итоги земли выставлялись несообразно с частными цифрами, и самый счет земли показан был не на десятины, а на морги, уволоки и пренты;⁵⁸²

4) содержание причтов в некоторых ведомостях было обозначено только по штатам 1842 года, а о дополнительном ни слова не упомянуто, тогда как все причты получают его с 1864 года;

5) еще чаще не обозначалось в клировых ведомостях число писанных и не писанных листов в обыскных книгах, а оставлены лишь пробелы для цифр.

К небрежности в составлении клировых ведомостей была отнесена консисторией и крайне спешная и неразборчивая переписка оных, как, например, ведомости Переволокской церкви, Слонимского уезда, написанной на серой бумаге, полубелыми чернилами.⁵⁸³

Что касается до формулярных списков духовенства, то главным недостатком оных было то, что в них почти ни в одном не было обозначено, против кого следует, сведений о бытности под судом и штрафах, каковая отметка должна была делаться за все годы службы каждый раз, а не за один только истекший год. Другими недостатками в сих списках было опущение лет и отметок поведения, и, наконец, неподлежащее обозначение в составе семейств тех или других лиц из детей духовенства, давно поступивших на места и не состоявших на содержании отцов.

К сожалению, эти и подобные им недостатки замечались в клировых ведомостях и в последующее время. Так, пр. Алексием было также обращено внимание духовенства в 1886 году на неоднобразное ведение клировых ведомостей, состоявшее в том, что лишь некоторые причты помещали в сих ведомостях сведения о числе способных из прихожан читать и петь на клиросе, о числе церковно-приходских школ и школ грамотности, с обозначением селений, где школы находятся, и с сведениями о личности наставников. Кроме того, у одних из причтов замечалось желание и старание сообщить более или менее обстоятельные сведения о том, когда и кем церковь построена, когда и как была возобновлена и в каком состоянии находится ныне, нуждается ли в ремонте и в каком именно, есть ли на это средства, у многих же других причтов эти сведения были крайне недостаточны, особенно о приписных церквях, о каковых во многих ведомостях решительно ничего не было сказано, в каком состоянии они находятся.

Точно также было замечено, что в некоторых ведомостях были сделаны неточные показания о количестве принадлежащей церкви земли, из-за чего были недоразумения и возникали дела, и что не было надлежащих сведений о заштатных и сиротствующих лицах из духовенства. Наконец, в

отношении отметок поведения членов клира была замечена та неправильность, что причетник, хотя бы и был известен отличным поведением и исправностью по должности, но отметку по поведению получал нередко ниже, чем священник, замеченный в чем-либо предосудительном. «Примерными» почти никогда не отмечались псаломщики, кроме окончивших курс в семинарии, тогда как у некоторых благочинных почти все священники были отмечены «примерными».⁵⁸⁴ Замечена была и та ненормальность, что псаломщики, которых благочинные год и два отмечали только «порядочного» поведения, или «довольно хорошего», каковые отметки, как известно, даются людям с выдающимися недостатками и пороками, не тревожась ничем, продолжали творить обычное им, так что нехорошая отметка по поведению сходила для них, по-видимому, без всяких последствий. Впрочем, хотя епархиальное начальство, по сему поводу, снова сделало замечание благочинным и духовенству и предписало вести клировые ведомости тщательнее, тем не менее, и на сей раз духовенство не вняло гласу консистории, и все отмеченные раньше неисправности в них продолжали повторяться и в начале девяностых годов, что мы лично заметили, пользуясь клировыми ведомостями для составления изданной нами книги «Статистическое описание православных приходов Литовской епархии». 1893 г. Вильна.⁵⁸⁵

В заключение нашего трактата о ведении духовенством Литовской епархии церковно-приходских документов, не можем не упомянуть о весьма рациональном определении консистории, утвержденном архиепископом Алексием 23 ноября 1887 года, относительно хранения церковных документов, состоявшемся, по поводу рапорта Свенцянского благочинного Кузнецова о необходимости сохранять древние церковные документы в более безопасных местах, чем приходские церкви. Консистория, согласившись с мнением благочинного и находя, что сохранение сих документов в приходских церквях не всегда бывает надлежащее, особенно при частой смене священников, которые или мало интересуются церковью и тем, что имеется в церковном архиве, или же просто не обращают внимания на документы и смотрят на них, как на хлам, коему место в

дырявом сундуке, свободном для мышей и моли и удобном для помещения в сыром углу, причем не мало погибло документов и от непредвиденных случаев и даже от злонамеренности заинтересованных ими лиц,⁵⁸⁶ – назначила местом для хранения старинных церковных документов архив консистории.

Вместе с сим, консистория предписала благочинным приложить все заботы к тому, чтобы к 1 октября 1888 года по всем церквам были приведены в известность и составлены описи всем старинным XV–XVIII веков церковным документам, подлинным или в копиях, а также имущественным записям, инвентарям, описям и визитам, с указанием их содержания, целости самых актов, печатей, даты подписей, приписок на оных, и чтобы копии с таких описей были представлены в консисторию для просмотра и назначения к высылке в архив её тех из них, которые имели более существенное и историческое значение для церкви и прихода. В том же случае, если бы снятие копии представлялось для причта затруднительным по ветхости самого документа или же по особенности почерка пера, причт обязывался выслать сей документ в консисторию, которая уже от себя имела обращаться с просьбою в Виленскую археографическую комиссию об оказании содействия в снятии копии. Мало того, епархиальное начальство дало обещание, по получении древних документов, озаботиться составлением краткого извлечения из оных, и эти извлечения, а некоторые документы и в полном виде, для общего сведения духовенства и для ознакомления любителей старины печатать в Литовских епархиальных ведомостях.⁵⁸⁷

Таким образом, из всего сказанного нами о внешнем и внутреннем устройстве церквей в Литовской епархии, в связи с ведением церковного хозяйства и церковно-приходских документов, очевидно, что, как ни много сделано до настоящего времени в сем отношении и светской и духовною властью, тем не менее, предстоит еще много сделать, чтобы церкви православные, как во своему внешнему виду, так и по внутреннему благоустройству, соответствовали вполне своему высокому назначению быть «домом Божиим», привлекающим к себе народ, и не вызывали своим не благоустройством

укоризненных насмешек со стороны иноверцев на самое дело православия и русской народности в северо-западном крае.

Глава VIII. Богослужение

Значение православного богослужения в жизни народа вообще. Влияние римско-католицизма на богослужение в униатской церкви, Состояние общественного богослужения в Литовской епархии после воссоединения униатов. Сохранившиеся в оном следы униатства и римско-католицизма и другие недостатки. Чтение и пение церковное и меры, принимавшиеся к улучшению оных. Наиболее заметно сохранившиеся следы униатства и римско-католичества в богослужении частном в совершении некоторых таинств и обрядов, а также в религиозных верованиях и обычаях православного населения епархии. Общее суждение о состоянии церковного богослужения и Литовской епархии.

В предыдущей главе мы сказали о внешнем и внутреннем устройстве церквей в Литовской епархии.

Предметом же настоящей главы послужит изображение состояния в оной самого богослужения, этого важнейшего, по взгляду правительства, средства к перевоспитанию воссоединенного народа в духе православия и русской народности. Доказывать справедливость сего взгляда правительства на важное значение церковного богослужения в воспитательном отношении нет надобности, потому что едва ли кто решится оспаривать тот факт, что, как во всей христианской церкви, так и, в особенности, в нашем отечестве, церковное богослужение для большинства православных всегда служило единственным училищем веры и благочестия, благодаря которому русский народ, не изучая уроков закона Божия и не слушая церковной проповеди и вне богослужебных собеседований, при всем том, сохранил в чистоте православную веру и до настоящего времени пребывает в детском послушании церкви и проявляет в своей нравственности добрые христианские начала.⁵⁸⁸

Но, с другой стороны, нельзя отрицать и того, что такое важное воспитательное значение церковного богослужения для народа в значительной степени обусловливается, как внешнею

обстановкой в храме, так и благолепием самого богослужения, особенно хорошим чтением и пением. И католицизм хорошо понял это. Посему, зная, что темный сельский люд более, чем классы образованные, эстетически развитые, способен пленяться всем величественным и блестящим, он не пренебрегал никакими средствами для воздействия на простой народ в этом отношении, начиная от костельной обстановки и многолюдных процессий церковных, до громоносных проповедей, где главную роль нередко играет не содержание, а тон, которым они произносятся. После сего, не удивительно, что воссоединенное население Литовской епархии, находясь под сильным влиянием латинства, далеко нередко шло охотнее в костел, чем в православную церковь, которая часто, по своей малости и небогатой обстановке и особенно вследствие отсутствия надлежащего благолепия и торжественности в самом богослужении, в глазах восприимчивого, впечатлительного сельского люда поставлялась ниже костела.

Как и естественно, наиболее всего недостатков в самом совершении богослужения замечалось в первое время, после воссоединения униатов, когда воссоединенное духовенство, с одной стороны, вследствие незнания, а с другой – вследствие привычки, не могло хорошо освоиться с богослужебным чином православной церкви и примешивало к оному особенности, свойственные униатской и римско-католической церкви. Нужно заметить, что, хотя, при введении Брестской унии, и предоставлена была греко-униатам свобода отправлять свое богослужение по прежнему чину православной церкви, однако, с течением времени, особенно в начале настоящего столетия, влияние римско-католицизма сильно отразилось и на богослужебном обряде униатской церкви. Оно выразилось, между прочим, в том, что по многим церквам не стало иконостасов, вместо внятного богослужения для народа – были заведены мши,⁵⁸⁹ вместо громогласного пения – органы. Сам славянский язык, в богослужении употребляемый, сильно искажался, и некоторые священники даже просили своих епископов позволить им служить обедню на польском языке, а в

поучениях к простому народу и в обучении его молитвам, по большей части, этот язык и употребляли.

Правда, пр. Иосиф, сделавшись самостоятельным епископом и подготавливая воссоединение униатов, сделал надлежащее распоряжение не только об устранении в богослужебном чине униатской церкви означенных примесей, несвойственных богослужению церкви православной, но и о вызове в Жировицы для научения правильному богослужению и для снабжения московскими служебниками священников и самих благочинных, тем не менее, как самое очищение церквей от украшений, свойственных католической церкви, продолжалось долго и после воссоединения униатов, так и самое богослужение многими священниками совершалось более чем с сомнительною точностью в отношении соблюдения богослужебного чина прав, церкви.

Наглядным доказательством того, как совершалось богослужение униатскими священниками, может служить отправление в 1840 году литургии, в присутствии Лидского благочинного Бренна и трех священников, священником Протасевичем. Последний входные молитвы пред литургией читал настолько скоро и непонятно, что, по замечанию Бренна, едва можно было разобрать первое и последнее слово в каждой молитве, причем, вместо «Христос воскрес»⁵⁹⁰ он читал «Царю Небесный». Во время проскомидии, Протасевич, в виду сухости просфоры, предназначенной для агнца, поливал ее водою, причем не кадил воздухов и вообще совсем не употреблял кадила. Пред началом литургии, он опять читал, вместо «Христос воскрес», «Царю Небесный» и затем служил читанную мшу, причем стоявшие в алтаре священники едва могли слышать одно или два слова из ектеньи и громко произносимых им только «помолимся и предадим». На великом входе Протасевич произнес очень скоро и не внятно царскую фамилию, и местного архиерея, и, по входе, царских врат не затворял до причащения. Символ веры только начало – «верую» и потом «будущего века» – произнес во всеуслышание. Причетник же, стоя на коленях, отзывался на произносимые священником ектеньи – «Господи помилуй» и «подай Господи»,

а символ веры, по незнанию, не произносил. После возгласа «Твоя от Твоих», священник молитвы не читал, а только кладя спешно на себе крест, говорил: «Господи, иже не отыми от нас», и, начавши молитву «Отче наш», произнёс ее так скоро, что ничего нельзя было слышать, кроме «от лукаваго», а причётник, не зная сей молитвы, не произносил её, так же, как и народ. По возгласе «Святая Святых» и по вложении частицы Св. Агнца с надписью «Иисус» в потир, Протасевич не вливал теплоты, хотя кувшин с водой стоял на жертвеннике.⁵⁹¹ После причащения, благодарственной молитвы он не читал, но, кивая над престолом св. потиром несколько раз вокруг, начал: «со страхом Божиим». Вместо «Христос воскрес» – читал «видехом свет». Пред возглашением «благословение Господне» – назнаменовал большим пальцем правой руки крест над престолом и благословлял народ. После обедни, читал пред брачные молитвы на польском языке и, стоя на коленях, пел «под твою Милость». По примеру служащих, и весь народ, в продолжение целой обедни, стоял на коленях.

Как на очень неблагопристойное явление, имевшее место при совершении литургии Протасевичем, благочинный указал на то, что, во время освящения даров, когда священник говорил: «приимите, ядите», два сына его дрались около престола, причем младший пошел с жалобой на старшего к матери, которая с какою-то женщиною стояла на коленях в ризнице. После же обедни, одна женщина входила в алтарь.

Другой благочинный – заметил также отступление от богослужебного чина литургии в Изабеллинской церкви, где вовремя совершения обедни, дьячок пел ее в алтаре, при жертвеннике, причем ковшик для теплоты не употреблялся и был найден, после обедни, благочинным в плетении⁵⁹² вместе с крупами. К числу несообразностей, допущенных священником сей церкви во время богослужения, благочинный справедливо отнес и то обстоятельство, что он говорил, после литургии, проповедь на польском языке и, при целовании креста прихожанами, пел вместе с дьячками по-польски псалмы, чем остались недовольны некоторые древне-православные прихожане, особенно же офицеры.

Что указанные нами два примера незнания священниками православного богослужебного чина литургии и употребления польского языка при богослужении не были единственными⁵⁹³ об этом можно судить, между прочим, уже по тому одному, что Пружанский благочинный, протоиерей Бобровский, был, вообще, далеко не высокого мнения о священниках своего благочиния в отношении умения их совершать богослужение, так как они допускали много несообразностей в совершении даже литургии и церковных таинств, почему и советовал епархиальному начальству снова обратиться к тому средству, которое практиковалось раньше, во время унии, а именно, к собиранию духовенства по несколько раз в год к местным благочинным для наставления священников в знании устава церковного, по чину православной церкви, а также – православного катехизиса.

И пр. Иосиф принял этот совет, распорядившись в 1844 году, чтобы священники Свенцянского благочиния, не знавшие, по дошедшим до него сведениям, точности богослужения и совершавшие оное без благоговения, являлись по очереди к Свенцянскому благочинному и, под его собственным наблюдением и руководством, служили от 3–4 дней, по мере их усердия и способности. Что касается до вызова священников для обучения богослужению в Жировицы, к кафедральному собору, то Бобровский был против этого, и не без основания. Непрерывные вызовы, и в большом количестве, лиц для обучения их здесь богослужению, естественно, должны были утомить членов консистории, обязанных обучать не умевших, следствием чего явилась небрежность их самих в отношении отправления богослужения, даже в праздничные дни.⁵⁹⁴ Впрочем, и вызов для изучения богослужению священников к благочинному, за что стоял Бобровский, также не всегда мог служить ручательством за успех дела, потому что одни из благочинных, как мы уже говорили в своем месте, и сами придерживались униатских обычаев, а другие – не прочь были за известную «мзду» дать нужную аттестацию в отношении, например, знания богослужения лицу, не заслуживавшему того, а, после того, нисколько не обращать внимания на этот предмет, что, по мнению почти всех ревизоров по епархии, и было

причиною сохранения даже до последнего времени в силе многих униатско-католических обычаев при богослужении.

Самая посылка по епархии особых духовных сановников с целью, между прочим, ближе ознакомиться с совершением богослужения священниками началась с первого же года, после воссоединения униатов, т.е. с 1840 года. Из отчетов, представленных сими ревизорами пр. Иосифу относительно исполнения ими возложенного на них поручения, наибольшего внимания заслуживает таковой отчет протоиерея Виктора Гомолицкого, так как он осматривал церкви Слонимского благочиния, ближайшего к тогдашнему центру епархиального управления и, следовательно, наиболее других долженствовавшего отличаться благоустройством во всех отношениях и, потому, могшего служить мерилom для суждения о других благочиниях епархии относительно большей или меньшей степени их благоустройства, хотя бы в отношении совершения богослужения. Оказалось, по отзыву Гомолицкого, что священники совершали богослужение с сомнительною точностью, а семь священников по причине, как их малого образования, так и не старательности, почти никакого богослужения не могли совершать. Во всех церквях Слонимского уезда священники продолжали служить читанные обедни, с открытыми царскими дверями, на одном агнце, без проскомидии, причем утрени, вечерни и часы служились «приватно». Дьячков и другой церковной прислуги не было при 11 церквях. Впрочем, где дьячки и были, они знали церковное пение только по прежнему напеву. В некоторых церквях, после обедни, пелись гимны на польском языке. Как бы в дополнение к сему отзыву протоиерея Гомолицкого о совершении богослужения в церквях Слонимского благочиния, другой ревизор – архимандрит Игнатий, посланный обозревать церкви Бельского и Белостокского благочиний, в своем отчете, сверх найденных и отмеченных Гомолицким недостатков, указал еще на небрежное отношение многих священников к святыне, которое выражалось в дозволении мирянам отворять и затворять царские двери, в употреблении сальных свечей, а

также в поставлении на престол очков, табакерок и привешивании к нему утиральников.

К сожалению, более или менее важные отступления от богослужебного устава продолжали замечаться и в последующее время. Так, пр. Евсений в 1849 году, при обозрении церквей Лидского и Ошмянского уездов, заметил во многих местах употребление священниками для евхаристии белого вина, при возможности иметь красное, не вливание в положенное время в чашу теплоты и не отправление в церкви ни вечерни, ни утрени, вследствие неумения.⁵⁹⁵ Что касается до монастырей, куда епархиальное начальство нередко посылало приходских священников для научения правильному совершению богослужения, то и здесь это богослужение, кроме литургии, как доносил в 1852 году благочинный монастырей, совершалось по книгам униатской печати, а потому едва ли посланные сюда священники могли научиться правильно совершать службу. И, несмотря на снабжение церквей Литовской епархии в 1853 году богослужебными книгами из синодальной типографии, протоиерей Гомолицкий уже в 1856 году, при ревизии церквей Кобринского уезда, нашел 16 униатских служебников, по которым священники продолжали служить, причем один священник положительно отказался выдать униатский служебник Гомолицкому, за что и был вызван в Вильну на эпитимию. Даже и после сего, некоторые священники продолжали служить по книгам униатской печати, на что обратил внимание митрополита Иосифа в 1865 году обер-прокурор св. Синода, предложив ему, при сем, прислать необходимые богослужебные книги из синодальной типографии.

По смерти митрополита Иосифа, на упорядочение совершения богослужения было обращено не малое внимание со стороны епархиальных преосвященных, из коих пр. Макарий в скором же времени, по вступлении своем на Литовскую кафедру, сделал распоряжение по епархии, чтобы богослужение совершалось стройно, неспешно и согласно церковному уставу, и чтобы искоренять униатские и суеверные обычаи,⁵⁹⁶ и, наконец, чтобы в сельских церквах утренья совершалась не с вечера, а утром для того, чтобы прихожане имели возможность

присутствовать на ней. Тем не менее, недостатки в совершении богослужения продолжали замечаться и во все последующее время. Так, преосвященными викариями Евгением и Иосифом, при обозрении церквей разных уездов Литовской епархии, была замечена вообще неосновательность в знании священниками и псаломщиками богослужебного порядка, а также произвол, допускавший изменения и сокращения в вечернях, утренях и некоторых требоисправлениях.

Наиболее безобразно совершалось чтение псалтири. Не успевал один произнести пять слов из псалма, как другой певец затягивал – «слава и ныне». Тоже было и при чтении канона. Кроме того, некоторые священники преждеосвященных обеден не служили, частью – по неумению, частью – по другим извинениям, как, например, или петь некому, или же не для кого, и, вместо сих литургий, служили литургию св. Иоанна Златоустаго. Пр. Владимир, по поводу своего обзора церквей некоторых уездов епархии, заметил, что он, присутствуя при совершении литургии, а иногда и за вечернею, был удивлен своеобразием и отсутствием определенной системы и вообще недостатками при совершении богослужения и особенно литургии многими священниками. Как наиболее общие недостатки в сем отношении им были указаны следующие: неделание поклонов в положенное время, а также не целование Евангелия, антиминса и престола; не указывание десницею, при произношении слов: «примите, ядите» – на дискос, а при словах: «пийте от нея» – на потир. Замедление, без нужды, богослужения, с одной стороны, поклонами почти на каждом прошении ектеньи, а с другой, слишком медленным чтением молитв, так что, вследствие сего в общем выходило нетвердое и несановитое служение, причем в каждом действии служащего проглядывала неуверенность в правильности совершения оного.

Относительно служения всенощного бдения было замечено, кроме того, что священники при начале службы, ни на входе не делали поклонов и не целовали престола, а также ещё то, что положенные на вечернем богослужении стихиры не пелись, а читались,⁵⁹⁷ так что псаломщики, когда им было велено петь их,

от непривычки пели очень дурно. Наконец, относительно приготовления запасных св. Даров, как пр. Иосифом и Евгением, так и пр. Владимиром, было замечено, что многие священники не умели делать того, так что во многих церквах на св. Дарах почти не было заметно св. крови, хотя священники уверяли, что напоение это было, «но выцвело». Пр. Сергием, бывшим епископом Ковенским, кроме других недостатков, замеченных во время совершения богослужения, было указано еще на то, что священники, во время всенощного бдения, вынеся Евангелие для целования народу, затворяли царские двери, как бы не сознавая великого значения священной книги – Евангелия, находящейся на престоле, и того, что они через это как бы разрывали связь между Евангелием и алтарем. По справедливому мнению пр. Сергия, обычай не затворять в это время алтарь особенно должен был поддерживаться в западном крае, в виду того, что у римско-католиков алтарь совсем не отделяется преградою и они относят это к преимуществу своей церкви пред православною.

Но самым существенным недостатком, замечавшимся всеми ревизорами в богослужении и отвлекавшим простой народ от посещения православных храмов, было отсутствие во многих церквах Литовской анархии хорошего чтения и пения. По замечанию пр. Авраамия, чтение во многих приходских церквах совершалось невнятно и неотчетливо, так как чтецы, по большей части, читали только для себя и своим глухим и поспешным выговором не давали возможности народу слышать раздельное и внятное чтение, почему и предлагал сделать обязательным для псаломщиков чтение, например, шестопсалмия посреди церкви.⁵⁹⁸

Что оденется церковного пения, то необходимость улучшения постановки оногo в приходских церквах обуславливалось особенно тем, что в некоторых костелах заведено было общее пение духовных песней, весьма нередко привлекавшее в костел и православных. Хорошо сознавало эту необходимость и Литовское епархиальное начальство, которое в 1871 году, по поводу замечания пр. Евгения, что плохое чтение и пение по церквам производило неблагоприятное

впечатление на прихожан и даже нерасположение к посещению храма, также высказалось за то, что благолепие богослужения и его влияние на сердца молящихся обусловливается, между прочим, и церковным пением, особенно при участии в нем народа, почему и предписало всем благочинным епархии обсудить на благочиннических съездах средства и способы к развитию по церквам общенародного пения.

Тем не менее, особенных результатов это распоряжение не принесло. Правда, в отчетах пр. ревизоров указывались некоторые местности Литовской епархии, где было достаточно, по-видимому, развито хоровое пение при богослужении, как, например, во многих приходах Бельского и Брестского уездов, где в народе хорошо сохранились, по мнению пр. Евгения, древние православные напевы, Киевский и Болгарский, и особенно в Клещельском благочинии, где во многих церквах пели по древнему напеву и всею церковью. Однако, пр. Авраамий в 1883 году нашел, что это участие народа в общенародном пении в Клещеях, столь успешно привитое к народу в прежнее время, в последнее время сильно упало.⁵⁹⁹ Вообще, по замечанию сего преосвященного, общее и хоровое пение в церквах находилось еще в зачаточном состоянии, выражаясь в участии в сем пении небольших хоров, составляемых из учеников местных народных школ, взрослых крестьян, а иногда, любительниц-девиц-дочерей священников и псаломщиков, причем пение сих хоров было всегда партесное, отличавшееся, кроме того, по справедливому замечанию пр. Евгения, громогласием и, потому, не возбуждавшее молитвенного духа народа. Что же касается состояния церковного пения в большей части церквей Литовской епархии, то, как мы уже сказали, после предписания епархиального начальства, состоявшегося в 1871 году, о принятии духовенством епархии надлежащих мер к возвышению церковного пения, улучшения в оном не последовало, частью, по вине псаломщиков, кои оказывались или слабогласными, или малоискусными, не могшими, по замечанию пр. ревизоров, пропеть и прочитать все необходимое; частью же, по вине священников, которые, по замечанию ревизорского отчета за

1872 год, равнодушно относились к церковному пению, как бы к предмету, их не касающемуся, тогда как для исправления псаломщиков достаточно было указать на то, что в пении было неприлично, а для развития в прихожанах любви к церковному пению, сделать только наставление и поощрение.

Между тем, более участливое отношение священников к делу церковного пения через руководство поющих или непосредственно, или через псаломщика и учителя в школе, могло бы оказать большую пользу в отношении устройства общенародного пения, так как, по наблюдению пр. Сергия, там, где раз установилось общее пение, благодаря способному человеку-руководителю, там оно продолжалось и по выбытии его и продолжалось прихожанами. Вообще же, по справедливому мнению сего преосвященного, для улучшения постановки пения в приходских церквях епархии следовало, между прочим, обратить особенное внимание на способность к пению определяемых на псаломщические места и на знание ими пения; в случае же затруднительности отыскания достаточного количества людей, способных к управлению хором, особенно в бедных селах, по крайней мере, хотя в виде опыта, образовать должность учителя общего церковного пения, избрав для сего на первый раз способного к сему человека, который бы в известном приходе обучал общему пению, доколе оно там не установится удовлетворительно, а, потом, отправлялся бы в другой приход для того же дела.

Пр. Авраамий, также поддерживая эту мысль пр. Сергия о назначении особенных руководителей пения и о посещении ими, по временам, приходов, в благоприятное для их целей время, чтобы поддержать и направлять общее пение, и указывая на недостаточное сознание причтами важности церковного пения, особенно общенародного, справедливо писал: «если бы местные причты вполне уяснили для себя всю важность и благотворность этой меры, а с нею, неизменное преимущество православной церкви, призывать всех верующих сынов своих к живому, разумному и словесному участию в служении Богу, и, проводить её с надлежащей энергией и настойчивостью, несмотря на некоторые неизбежные при этом трудности, тогда

от одной этой меры можно было бы ожидать большего привлечения народа в православные храмы в воскресные и праздничные дни и сильнейшего отвлечения его от костёлов.»⁶⁰⁰

Впрочем, в последнее время желание преосвященных ревизоров о распространении общенародного пения в церквях Литовской епархии, по-видимому, близко к осуществлению, потому что на помощь к устройству сего пения пришли церковно-приходские училища,⁶⁰¹ и, наконец, особая школа в Вильне, открытая в 1897 году, благодаря высокопр. Иерониму, бывшему Литовскому архиепископу, с целью приготовления псаломщиков и учителей церковного пения в возрасте 16–18 лет и 21–23, предварительно выдержавших испытание в знании курса двухклассных церковно-приходских школ и, притом, обладающих музыкальным слухом и даром голоса, в числе на первое время 15, при двухгодичном курсе, которые, познакомившись в сей школе с искусством церковного пения, могли бы быть, в некотором смысле, реорганизаторами оного в приходе. Будущее, конечно, покажет успеху сего училища. Тем не менее, и в настоящее время нельзя не приветствовать появления сей школы, которая, при надлежащем руководстве, несомненно должна принести посильную помощь тому делу, которое так долго не имело о себе надлежащей заботливости,⁶⁰² несмотря на все свое великое значение для успехов православной церкви в столь окатоличенном и ополяченном крае.

Доселе мы говорили о недостатках, замеченных в богослужении общественном и отчасти объясняющихся ещё не отжившим влиянием католичества и унии. Но с особенной живучестью сохраняются следы сего влияния в богослужении частном – требах, а также в поддержании среди народа церковного почитания множества своеобразных святынь, в устройстве разного рода религиозных процессий и, наконец, в религиозных обычаях народа. В совершении таинства крещения самым существенным отступлением от устава церкви православной и подражанием обучаю церкви римской следует, конечно, считать обливание крещаемого, вместо погружения его.

Как на важное отступление от устава православной церкви, стали указывать на крещение через обливание ревизорские отчеты по Литовской епархии собственно только со времени вступления на Литовскую кафедру архиепископа Макария. Так, пр. Евгений и Иосиф указывали в своих отчетах за 1870–1872 годы, что таинство крещения во многих местах, даже в Слонимском, Бельском, Кобринском и Волковысском уездах, совершалось через обливание, и что причина сей неправильности скорее лежала в самих пастырях, нежели в пастве и, что, кроме того, это крещение совершалась вне церкви, в людской, или в кухне священника.

Такое важное отступление от устава православной церкви послужило даже поводом к справедливому порицанию за это священников на страницах печати. Так, по поводу крещения через обливание, в Церковном Вестнике за 1892 год писалось: «правда, крещения через обливание требуют прихожане от своего священника, особенно в Виленской и Ковенской губернии,⁶⁰³ где особенно силен католический элемент и где ксендз часто оказывается имеющим большое влияние на овец православного пастыря, причем другим местным условием, влияющим на способ совершения таинства крещения и на место совершения его, является повсеместный почти в западном крае обычай крестьян привозить для крещения детей в поздний вечер, а иногда и в полночь, но, тем не менее, от священника и его нравственного влияния на паству зависит вывести эти обычаи. Все дело основывается скорее на нерадении священника, находящего для себя более легким и удобным обливать, чем погружать, и при этом иногда приводящего в свое оправдание тоже основание в пользу обливательного способа крещения, каковой приводят и католики».

Устойчивость такой практики в некоторых местах автор заметки довольно основательно объясняет аристократизмом священников, тем панским духом, вследствие которого священники не желают «пачкаться» ради мужика. Не менее справедливо и то замечание, западнорусса, автора сей заметки, что никакие предписания епархиального начальства не помогут,

если они, по прежнему, будут парализоваться ленью и упрямством тех, кто должен их выполнять и что, пока само духовенство не убедится в необходимости и не захочет твердо стоять на страже православия, и обливание и другие католические обряды надолго сохранят свою силу, а вместе с ними в сознании народа будут удерживаться те или другие католические воззрения, связанные с этими обрядами.⁶⁰⁴ Вместе с обливательным крещением у некоторых священников Литовской епархии, несмотря на запрещение епархиального начальства, сохранилось обыкновение давать имена ново крещенным римско-католические или, хотя и православные, но чрезвычайно редко употребляющиеся и положительно недоступные для правильного произношения их простым народом, что, между прочим, служило причиной недовольствия на священников и со стороны прихожан.⁶⁰⁵

При совершении браков, даже в шестидесятых годах, некоторые священники делали то отступление от чина бракосочетания по обряду православной церкви, что требовали, по униатскому обычаю, присяги от новобрачных.⁶⁰⁶ В последующие времена этого отступления, по-видимому, уже не было, но зато священники продолжали по местам венчать браки в дни постные и подпраздничные и даже в один день 10–23 браков, одновременно по несколько пар, с возложением на брачующихся, за недостатком венцов, икон и даже венков из цветов, причем, конечно, для скорости, допускалось значительное сокращение богослужебного обряда и неизбежно происходили в церкви разного рода беспорядки.⁶⁰⁷

Относительно исповеди и св. причастия должно заметить, что влияние католицизма сказалось здесь в очень частом приступании к сим таинствам со стороны прихожан. Крестьяне не только великим постом бывают у исповеди, но большинство их, особенно женщины, во все посты, а некоторые почти каждый месяц. Православное духовенство северо-западного края указывает на это обстоятельство, как на доказательство своего влияния на прихожан «отличающихся-де таким благочестием». По-нашему же мнению, частое приступание к исповеди и св. причастию прихожан в сем крае считать доказательством их

благочестия и приверженности к православию можно только с большой осторожностью. Дело в том, что в весьма значительной части случаев, прихожане приступают к исповеди и затем ко св. причастию не подготовленными к сим таинствам.⁶⁰⁸ По общему признанию священников, говение в том смысле, с каким соединяется понятие о нём в православной церкви, очень туго прививается в народе, даже в таких местностях, как Бельский уезд, Гродненской губернии, где разве только в Великий пост иной прихожанин попостится дня 2–3, а громадное большинство ограничивается воздержанием от пищи с вечера и в Церковь является только прямо к исповеди. Особенно любят крестьяне исповедоваться и причащаться⁶⁰⁹ в церквах во дни храмовых праздников, для чего собираются в весьма значительном количестве из разных соседних приходов.

Этой обычай привлекает в таковые места и соседних священников, присутствие которых здесь вызывается многочисленностью собравшегося народа, удовлетворить религиозные потребности которого было бы не под силу одному местному священнику. Нередко число желающих исповедоваться достигает в эти дни до нескольких сотен. Понятно, конечно, что даже несколько священников не в состоянии бывают надлежащим образом выслушать исповедь кающихся и преподать им вразумление, в котором они так нуждаются.⁶¹⁰ В результате выходит, что не подготовивший сам себя говением прихожанин и не получивший духовного утешения от священника на исповеди – приступает неподготовленным к принятию св. тайн.

Впрочем, даже и в то время, когда прихожанин приступает к исповеди в своей приходской церкви в воскресные и праздничные дни, он нередко не получает должного вразумления и наставления от исповедующего его. Это происходит от небрежного отношения к делу исповеди самих священников, на что жаловался пр. Евгений, в 1872 году, указывавший на тот факт, что многие пастыри, особенно молодые, будучи далеки от жизни своих прихожан и пастырской о них заботливости, не сознавали всей важности исповеди, не старались дать ей религиозно-нравственно-воспитательный

характер т не думали через неё возвысить свой авторитет перед прихожанами. Напротив того, их поспешная небрежность и нескрываемое чувство досады охлаждали усердие прихожан, следствием чего было то; что новообращённые после исповеди в церкви, шли в костел.⁶¹¹

В отчете о достоянии церквей Виленского, Вилейского и Троцкого уездов за 1875 год также указывалось на то, что много отталкивала прихожан церквей этих уездов от посещения церкви разница между исповедью в церкви и костеле. Тогда как ксендз выслушивал с терпением самые мельчайшие подробности, давал ответы на самые маловажные вопросы, отчётливо раскрывал сущность и значение вопросов и недоумений важных, с надлежащим именно сему, а не другому грешнику, приличным наставлением, многие священники спешили как можно скорее отделаться от исповедника, и часто, не вслушавшись и не дослушав исповеди, отпускали. Для всех у них был один прием, одна речь, иногда сопровождаемая нескрываемой досадой и суровостью. К тому же, по замечанию пр. Евгения, говеющие часто не знали времени исповеди.

Таинство елеосвящения почти нигде не совершается над больными в Литовской епархии, по обычаю римско-католиков. К числу унаследованных от римско-католицизма обычаев нужно, конечно, отнести очень часто наблюдаемое самовольное погребение прихожанами покойников, без участия в том священника. Впервые на это было обращено внимание консистории в 1852 году ревизорскими отчетами преосвященных викариев по церквам Пружанского, Волковысского, Дисненского, Глубокского и Ковенского благочиний.⁶¹² Консистория причину указанного явления признала на сей раз одно только то обстоятельство, что почти в каждой деревне было свое кладбище, а священнику, по многочисленности оных, не было возможности иметь надлежащего за сим наблюдения. Став на эту одностороннюю точку зрения на самовольное погребение прихожанами покойников, консистория от 4 февраля 1853 года циркулярно вменила, было, в обязанность всем благочинным и священникам внушить всем прихожанам, чтобы они, без разрешения священника, не хоронили умерших⁶¹³ и, кроме, того

обязала благочинных представить свои соображения на счет того, которые из кладбищ, за их ненадобностью, могли бы быть закрыты.

Между тем, когда эти соображения были представлены, сама консистория, вопреки своему первоначальному предположению закрыть излишние кладбища, приняла оные как бы под свою защиту, отказавшись закрывать их под тем предлогом, что якобы в законе не имеется прямых предписаний о закрытии излишних кладбищ и что это закрытие могло бы послужить поводом к ропоту прихожан. После того, вопрос о самовольном погребении прихожанами покойников оставался открытым до 1887 года, когда пр. Алексей обратил на это внимание и предложил консистории войти в обстоятельное суждение о мерах для прекращения этого важного нарушения церковных правил.

На этот раз консистория обсудила этот вопрос со всех сторон и нашла не мало причин, способствовавших самовольному погребению покойников. Так, по мнению консистории этот незаконный и чуждый уставам церкви обычай происходил прежде всего от того, что прихожане не редко требовали от священников похорон покойников или в сам день смерти или же на другой день, не обращая внимания ни на известный закон, ни на дни праздничные, в которые погребение до определенного времени не допускается, и потому, встретив со стороны священников отказ в удовлетворении подобных их незаконных требований, погребали покойников самовольно, а для записи умершего в метрические книги выбирали для себя более удобное время и тогда уже приглашали священников для совершения панихиды или отпевания погребенного.

Другую причину указанного явления служило отсутствие во многих приходах общего кладбища, находящегося около церкви и под наблюдением причта. Несмотря на все удобство устройства таких кладбищ в приходах тесно сплоченных, упрямство и невежество народа и считали для себя унижительным устройство и содержание таких кладбищ, почему пригорок или песчаная площадка у деревни для жителей представлялись удобным кладбищем, где и погребали

покойников, при участии причта, а чаще, если деревня была расположена вдали от церкви, без участия одного. Третьею причиною самовольного погребения прихожанами умерших консистория считала существование в народе заимствованного у католиков убеждения, что при похоронах для покойника важно не то, чтобы он был погребен священником, а то, чтобы был погребен на избранной и освященной молитвами церкви и святою водою земле для кладбища.⁶¹⁴

Не умолчала, впрочем, консистория и о том, что нередкое самовольное погребение прихожанами покойников, без участия причта, вызывалось иногда настойчивым требованием причтами известной платы за погребение, что представлялось для родственников умершего непосильным и даже вымогательством и возбуждало их неудовольствие против причта. Но какие бы то ни были причины самовольного погребения покойников прихожанами, однако, оно влекло за собою большие затруднения для самих крестьян и по записям актов погребения в книги и по получению о том метрических свидетельств, так как священники нередко отказывались, согласно закону, вписывать в метрические книги акты погребения таких умерших, кои были погребены самими крестьянами. Отсутствие же этих записей имело нередко своим последствием весьма значительный ущерб для родственников умершего по делам о правах на наследство, о льготах по воинской повинности, по семейному положению, по освобождению от денежных окладов и натуральных повинностей и во многих других отношениях.

В виду сего, консистория предписала духовенству епархии, чтобы оно приложило все заботы к искоренению в народе обычая самовольного, без христианского отпевания, погребения умерших, убеждая к тому и в церковных беседах и в домашних беседах и при других случаях и указывая на то, что такое деяние противно правилам христианской церкви и несогласно с законами государства и что оно дает полное право священникам не записывать в метрики погребенных, без священнического отпевания, вследствие чего возникает для родственников последних много хлопот и материальных убытков и даже возможность быть привлеченными к

ответственности за то, и чтобы само избегало, при случаях платы за погребение, таких действий, и требований, которые могли вызвать неудовольствие прихожан и побудить их к самовольному, без участия причта, погребению покойников.

В то же время от имени архиепископа Алексия Литовское епархиальное начальство обратилось с просьбою к Виленскому генерал-губернатору о том, чтобы на общий обычай у римско-католиков погребать покойников, без чина погребения, совершаемого ксендзом, было обращено надлежащее внимание, так как, без прекращения сего обычая, нельзя было ожидать, чтобы православное население, смешанное с католическим, оставило обычай погребения умерших, без участия причта и христианского отпевания, а к губернаторам Виленской, Ковенской и Гродненской губернии – о том, чтобы они сделали распоряжение, как об устройстве при церквях, на основании закона, общих кладбищ на общественных или приобретенных приходами землях, где мог бы быть надлежащий контроль со стороны духовенства над погребаемыми умершими, так и о закрытии и об ограничении количества частных кладбищ при деревнях, иногда открываемых без ведома полиции.

Как на остатки униатства нужно указать и на то еще, что в большей части приходов Литовской епархии, вообще, не в обычае совершение молебнов и панихид, а также чтение Псалтири по умершем и поминовение усопших в положенное церковью время, как-то, в девятый и сороковой день, а также поминальные субботы и подача просфор для поминовения. Взамен сего, обыкновенно дают на обедню за живых и умерших, предварительно дав на запись их у священника 15–20 копеек, причем подача этих записей приурочивается наиболее всего к большому празднику в приходе или фесту, по обычаю римско-католической церкви, в которой закупные мши или обедни совершались отдельно по каждой записке, на одном и том же престоле и по несколько раз в один день, особенно в большие праздники, чтобы занять собравшийся народ непрерывным богослужением.⁶¹⁵

К глубоко сохранившимся в жизни православного населения северо-западного края следам униатства должно отнести также

необыкновенно сильную привязанность народа к разного рода религиозным торжественным собраниям или празднествам и, притом, не только в церквах, по и костелах. А число таких праздников очень велико. Это объясняется тем, что во времена унии почти в каждом приходе было одно или несколько святых мест, как-то: «кринички», «колодези», «каплички», не говоря уже о чудотворных иконах. Каждая из указанных святынь имела свою историю, мало разнящуюся от других. Почти все эти места ознаменованы явлением на нем или иконы, или необыкновенного огня, или другим каким-либо чудом. Особенным искусством в объявлении таких чудесных мест отличались униатские монахи.

Между тем, и по уничтожении унии, воссоединенное духовенство, по местам, продолжало поддерживать веру в народе в эти чудотворные предметы и, главным образом, потому, что это приносило ему большие доходы, вследствие множества богомольцев, стекающихся в эти места. Мало того, находились священники, которые сами распространяли в народе суеверные сказания о разных чудесах, как поступил, например, в 1852 году священник Токарского прихода Б., совершавший необычайные богослужения у одного креста, доверившись рассказу одной женщины о чудесном явлении ей на сем месте.⁶¹⁶

Подобного же рода случай, только более важный, имел место в том же году в Вильне, следовательно, на глазах самого митрополита Иосифа, и состоял в том, что настоятель Николаевской церкви и в тоже время член консистории, протоиерей Корсакевич, дозволил себе самовольно открыть в церкви этой для почитания тело под названием «Иоанна пресвитера» и устроил над ним раку с балдахином и надписью над пей: «Святой преподобный пресвитер Иоанн», причем было заведено служение ему молебнов и поминание его имени на отпустах.⁶¹⁷

Впрочем, и до последнего времени причастность некоторых священников к поддержанию в народе суеверного почитания разных мнимых святынь не прекращалась, вызывая неудовольствие против священников, имевших в своем приходе

какую-либо из этих святынь, привлекавшую к себе массу богомольцев, со стороны соседних священников, не имевших у себя такой святыни. Но всего не извинительнее то, что некоторые священники поддерживали в народе почитание святынь, принадлежавших к католической церкви. Так, в Молчадской церкви, Слонимского уезда, до 1865 года в часовне стояла якобы чудотворная статуя Антония Падуанского, величиною в рост человека, которая продолжала чествоваться православными прихожанами. В честь сего католического святого отправлялось в православной церкви торжественное богослужение, на которое стекалось множество богомольцев, доставлявших щедрые дары здешнему духовенству.

И хотя в 1865 году, надо полагать, по распоряжению гражданской власти, была удалена эта статуя и на место её в часовне поставлена икона пр. Антония, однако, это не мешало народу собираться, по-прежнему, сюда массами⁶¹⁸ и почитать Антония Падуанского. Уже в недавнее время, а именно в 1882 году, в № 38 Литовских епархиальных ведомостей была помещена заметка относительно появления в последнее время многих рассказов о разных чудесных событиях, как-то: открытии целебного источника, отражении стопы на камне, или явлении иконы на придорожном дереве, как было, например, в Велико-Берестовицком приходе, где одна женщина⁶¹⁹ объявила, что видела двух женщин, окруженных сиянием и велевших ей три раза в сутки приходить на место видения и молиться здесь. В доказательство же действительности бывшего ей видения женщина эта ссылалась на данное ей предсказание, что она, в течение недели, будет нема и что видение всем откроется на третий день, после праздника св. апостолов Петра и Павла, и будет сопровождаться чудесами. Между тем, молва о сем видении из Велико Берестовиц, где тогда была ярмарка, распространилась настолько, что 2 июля на месте явления было до 5 тысяч человек, которые, по обыкновению, клали на оном месте холст и деньги и в таком количестве, что бывали дни, когда собиралось денег ежедневно до 300 рублей. Дело окончилось тем, что полиция отправила эту женщину в Гродну, а местный священник и ксендз были приглашены обратиться к

народу с увещанием не верить мнимому чуду; деньги же, собранные в количестве 4500 рублей и записанные, было, в книги Велико-Берестовицкой церкви, были отправлены в Гродненское губернское правление.⁶²⁰

Наиболее часто употребляемою внешнею формою выражения почитания народною темною массою того или другого, по его взгляду, святого места, служила постановка крестов на оном. Тому, кто проезжает по селениям в северо-западном крае, приходится весьма часто встречать деревянные кресты, поставленные не только при везде и выезде из деревни, но часто и в разных местах, в самой деревне.⁶²¹ Обычай этот ставить кресты чисто римско-католический, усвоенный бывшими униатами, которые, подобно римско-католикам, совершали свои религиозные процессии с чтением евангелий у сих крестов. Как чуждый православной церкви и в то же время служивший причиною различного рода недоразумений⁶²² и даже беспорядков, обычай этот неоднократно вызывал распоряжения гражданского начальства, направленные к уничтожению его. Так, уже в 1842 году последовало предписание Министерства Внутренних Дел о не дозволении выставлять на полях и дорогах и вне костелов каких-либо священных изображений, в роде, например, крестов, так как они нередко обращались в орудие корыстолюбивых видов неблагонамеренных людей. Означенное распоряжение министерства было тем более целесообразно, что было, между прочим, направлено к прекращению споров между православным и римско-католическим духовенством из-за крестов, так как первое нередко приносило жалобу на последнее за то, что оно отклоняло православных и особенно вновь присоединившихся из римско-католичества от православной церкви, пользуясь для того крестными ходами к крестам, выдаваемым за чудотворные.⁶²³

Между тем, М. Н. Муравьев, вступив в управление северо-западным краем, и от себя сделал распоряжение, чтобы не ставили самовольно крестов, так как поляки обращали их в памятники политических событий, а католическое духовенство совершало к ним торжественные ходы. Вскоре последовали

новые два циркуляра, первый от 8 августа 1864 года, по поводу якобы воспрещения означенному духовенству в некоторых приходах ставить кресты даже на кладбищах, каковое превратное толкование первого указа делалось для возбуждения неблагоприятного впечатления в народе, а второй от 23 сентября того же года, по поводу излишнего усердия полицейских чинов в исполнении указанного распоряжения, выражавшегося в воспрещении поставления крестов даже на кладбищах. Последним циркуляром предписывалось уездным начальникам полиций доводить до сведения начальства только о тех крестах и священных изображениях, которые воздвигались римско-католическим духовенством вне кладбищ и, притом, с политической целью.

И, тем не менее, гродненский губернатор, имея, надо полагать, в виду и распоряжение Министерства Внутренних Дел, последовавшее относительно постановки крестов в 1842 году, отнесся к пр. Игнатию с просьбою об исполнении сего циркуляра и православным духовенством. Преосвященный же, со своей стороны, опираясь на букву последнего циркуляра генерал-губернатора, ответил ему в том смысле, что у православных нет никаких политических целей при поставлении крестов, а только религиозные. Когда же он донес о сем митрополиту Иосифу, последний потребовал от консистории заключения по возбужденному вопросу о крестах. Но она, почему-то, замедлила исполнить распоряжение митрополита, и только уже через 5 лет, при архиепископе Макарии и, притом, после неоднократных отношений Гродненских губернаторов к пр. Игнатию касательно наказания священников за самовольную постановку крестов, сделала предписание духовенству, чтобы оно, без крайней нужды, не ставило крестов и не допускало других делать это на дорогах и полях, кроме кладбищ, в крайнем же случае, просило разрешения у начальства и заботилось о сохранении поставленных крестов в подобающем благолепии, не допуская, чтобы они покрывались мхом, а в случае неблагоприятности крестов, употребляло их на печение просфор.

Восстанавливать же разрешалось только те кресты из пришедших в ветхость, которые имели свое историческое значение, или же к которым народ питал «особое, невымышленное благоговение», с испрашиванием на то разрешения епархиального начальства через благочинных. А чтобы не ослаблять в прихожанах религиозного чувства, выражающегося в их желании ставить кресты с целью принести Богу посильную жертву, консистория вменила в обязанность духовенству внушать им, чтобы они, вместо крестов, иногда дорогостоящих, приобретали в свои дома благолепные иконы, которых у многих совсем не было, или же направлять их усердие на украшение своих храмов. При сем, консистория взяла на себя обязанность доводить до сведения гражданского начальства о крестах, поставленных с её разрешения.⁶²⁴

Однако, и после сего распоряжения консистории, священники продолжали ставить, без разрешения своего начальства кресты, и тем вызывать жалобы на себя со стороны гражданского начальства, как, например, это было в 1871 году, когда консистория, на основании жалобы Гродненского губернатора на некоторых священников, поставивших самовольно кресты, по случаю холеры, одного из сих священников оштрафовала, а другим сделала замечание, Тоже повторилось и в 1873 году, когда консистория оштрафовала, по жалобе опять Гродненского губернатора, двух священников одного на 10 рублей за освящение, без разрешения начальства, креста, а другого на 12 рублей также за своевольное освящение и дозволение крестьянам водрузить крест, и притом, с латинской надписью, близ Зельвянского православного кладбища.

Тем не менее, несмотря на все указанные распоряжения консистории относительно постановления крестов, униатские обычаи столь еще твердо сохранились в народе, что и в 1892 году Литовское епархиальное начальство, в виду частого поступления к нему, особенно в последнее время, просьб, как отдельных лиц, так и целых деревень, о разрешении им постановить придорожные и при их деревнях кресты, на основании указа св. Синода 1870 года относительно сего

предмета, снова должна была рекомендовать причтам церковей располагать своих прихожан, вместо распространенного обычая ставить кресты на открытых местах, выражать свои чувства преданности воле Божией каким-либо соответствующим случаем пожертвованием в приходский храм.⁶²⁵

К остаткам униатства и католицизма нужно отнести еще, конечно, и сильную привязанность народа к разного рода религиозным процессиям, особенно же крестным ходам.⁶²⁶ Последние совершаются, как около храма, так и у крестов, поставленных при дорогах, и настолько часто, что без них не обходится почти ни одного праздничного богослужения, особенно же во дни храмовых праздников в церкви⁶²⁷ или чествования какой-либо местной святыни, почитаемой чудотворною и привлекающей, потому, сюда массу народа. Обыкновенно, после литургии, при пении тропаря, крестный ход идет кругом церкви, причем священник, идущий с крестом, останавливается на каждой стороне и осеняет народ крестом со словами: «Господу помолимся, рцем вси», на что певчие отвечают пением: «Господи помилуй». Если в ходу несколько священников, то один из них окропляет народ, при осенении крестом, св. водою, а в других местах, кроме того, на каждой стороне храма читается по зачалу из 4-х евангелистов, причем в летнее время тут же, около церкви, произносится одним из священников «казание», т.е. проповедь. В некоторых местах праздничное богослужение обязательно заканчивается вечерней, на которой, после «ныне отпускаеши», иногда опять бывает крестный ход около церкви.⁶²⁸

Между тем, самый обычай посещения народом и священниками тех мест, где совершаются или храмовые праздничные богослужения, или в честь какой-либо иконы, имеет свои не выгодные стороны. Не отрицая, конечно, того, что прихожане видят здесь более торжественное богослужение, а помощь соседних священников бывает необходима для удовлетворения религиозных требований собравшегося в большом количестве народа, тем не менее, нельзя, однако, оставлять без внимания и того обстоятельства, что частое посещение народом храмовых и других праздников и не только

по соседним церквям, но и костелам, с целью только увидеть более торжественное богослужение,⁶²⁹ как справедливо жаловались некоторые священники, сопровождается равнодушием народа к своему приходскому храму, выражаемом в редком посещении одного и в скудости жертв на благоуукрашение его.

С другой стороны, священники, ради посещения соседних храмовых праздников, оставляют свои церкви без службы даже в такие великие праздники, как Троицын день, и, таким образом, лишают оставшихся дома своих прихожан возможности быть за богослужением и через то вызывают справедливый ропот последних и еще более охлаждают их по отношению к посещению своего приходского храма. На это последнее обстоятельство было обращено внимание консистории преосвященными викариями Иосифом и Евгением в 1871 году. Тем не менее, консистория отклонила от себя окончательное решение вопроса относительно обычая посещения прихожанами и священниками других церквей во время праздников впредь, «до всестороннего разъяснения сего обстоятельства», и ограничилась одним только предписанием благочинным иметь неослабное наблюдение за таковым обычаем, предупреждая зависящими мерами, чтобы в важнейшие праздники церкви не оставались без богослужения и чтобы священники не пребывали на этих праздниках в соседних церквях долгое время. В таком неопределенном положении остается этот вопрос и по настоящее время.⁶³⁰

Но в то время, как указанные униатские обычаи продолжают еще сохраняться и доселе, некоторые обряды и обычаи православной церкви не только не поддерживались, но даже как бы совершенно игнорировались самим Литовским епархиальным начальством. Это прежде всего должно сказать относительно такого величественного и внушительного для иноверцев обряда, как обряд православия. После митрополита Иосифа, совершившего сей обряд в Виленском кафедральном соборе в 1858 году с двумя своими викариями, обряд этот как бы был предан забвению до самого 1887 года, когда пр. Алексей 22 февраля, в неделю православия, возобновил его

совершение и тем положил конец распускавшимся в обществе слухам, даже среди самого православного духовенства, что исполнение сего обряда воспрещено в Вильне из политических соображений. Этот же архипастырь, имея в виду, с одной стороны, ту пользу, которую принесло бы прихожанам близкое знакомство священников⁶³¹ с их нуждами и потребностями духовными и через то сблизило бы между собою пастырей и пасомых, а с другой – ввести древний прекрасный обычай русской Православной церкви, сделал распоряжение относительно посещения прихожан священниками в праздники Рождества Христова, св. Пасхи и Богоявления, а также в храмовые праздники, и не только по Вильне, но и по всей епархии, с крестом. И там, где это распоряжение было приведено в исполнение священниками, главным образом, великороссами, в 1888 и 1889 годах в праздник Пасхи священники уже ходили, по примеру великоросских приходов, по многим деревням даже с иконами, каковое шествие от одной деревни до другой, сопровождаясь общенародным пением тропаря «Христос воскресе», представляло умиленное зрелище и производило не только на православный народ, но и на иноверцев, впервые еще видевших таковое, сильное впечатление.

К сожалению, означенное распоряжение архипастыря в громадном большинстве приходов не было приведено в исполнение, между прочим, вследствие укоренившегося во многих сельских приходах униатского обычая, чтобы в праздник Рождества Христова и св. Пасхи обходили прихожан одни псаломщики по «спеванке». Сами же священники обходят лишь только в некоторых местах своих прихожан с молитвою и окроплением св. водою их жилья в рождественский и великий посты, а также, наблюдая католический обычай освящения пасхального стола, приготовляемого очень часто за несколько дней до самого праздника, объезжают в последние дни страстной седмицы для освящения сих столов дома своих прихожан, оставляя через то церковь без богослужения в такие великие дни.⁶³²

Таким образом, из всего сказанного о состоянии церковного богослужения в Литовской епархии нельзя не вывести того заключения, что оно еще далеко не достигло надлежащей степени благолепия и уставности, в православном смысле сего слова, так как продолжает еще сохранять во многом следы влияния униатства и католичества. Посему, нельзя не согласиться с справедливостью замечания, сделанного автором писем из северо-западного края (см. книгу Странника за октябрь 1896 года) относительно настоятельной необходимости придать должное благолепие церковному богослужению в сем крае и через то дать осязательно почувствовать его удивительную красоту и торжественность забитой и, потому, иногда апатичной душе здешнего простолюдина, который, хотя и набожен и почтителен к духовенству, но у которого все-таки нет того, что с первого взгляда бросается в глаза у великороссов – это любви к своему приходскому храму и того душевного тяготения к нему, которое наблюдается в приходах великоросских.

Причин такого явления, конечно, не мало, но, во всяком случае, не последнее место среди них занимает и отсутствие истового, благоговейного богослужения, которое влекло бы народ к храму и содействовало перевоспитанию его в духе православия и русской народности.

Глава IX. Состояние церковной проповеди в Литовской епархии

Обучение прихожан молитвам в церкви. Вне богослужебные собеседования. Благочиннические и церковные библиотеки. Церковно-приходские и народные школы. Общества трезвости. Братства. Богадельни.

После собственно церковного богослужения, служащего первым и главным средством религиозно-нравственного воспитания народа, очень важное значение в этом отношении имеет назидание народа пастырями, как в храме, так и вне оно, посредством живого слова истины, а также учреждение такого рода просветительных и благотворительных заведений, как библиотеки, школы, общества трезвости, братства и богадельни.

Что касается до проповеднической деятельности духовенства, то св. Синод, сознавая важное значение проповеди для народа, всегда требовал от епархиальных преосвященных, чтобы они прилагали особенные заботы об усилении проповедничества в своих епархиях. В виду сего, св. Синод в скором же времени, после воссоединения униатов, предписал духовенству западных губерний читать, по возможности, в церквях в воскресные и праздничные дни проповеди на простом общепонятном языке, или изъяснять, в виде бесед, катехизис. Пр. Иосиф, в исполнение сего предписания св. Синода, со своей стороны, предложил духовенству Литовской епархии, чтобы менее опытные священники в отношении проповедничества, в случае какого-либо недоумения, обращались за советом и наставлением к своим собратям, более сведущим в духовных науках и в знании простонародного языка,⁶³³ а св. Синоду, по сему поводу, донес, что более точные и подробные наставления по настоящему предмету еще не могли быть даны духовенству от епархиального начальства, как по новости самого предмета, так и по разнообразию наречий и состава самого духовенства Литовской епархии. В тоже время Литовским епархиальным

начальством предписано было всем благочинным иметь неослабное наблюдение за священниками в отношении преподавания ими в воскресные и праздничные дни катехизических поучений, с обязательством ежегодно, в декабре месяце, представлять сведения об успехах поучающих.

Между тем, как и следовало ожидать, священники, в значительном большинстве, оказались неспособными к ведению катехизических поучений на общепонятном народном наречии, так как знали хорошо только язык польский. Посему, когда Пружанский благочинный Бобровский, в исполнение указа консистории, потребовал от духовенства своего благочиния доставления ему собственного сочинения бесед, применительно ко введенным в катехизисе, и написанных на общеупотребительном языке, все священники единогласно отказались исполнить это требование, заявив, что они, не видя подобного распоряжения ни в одном из соседних благочиний и не имея случая слышать где-либо таковые поучения или воспользоваться примерным образцом, к которому могли бы следовать в сочинении подобных бесед, не могут, без очевидного затруднения, приступить к сему делу, тем более, что, по указу консистории, таковые беседы учреждались только в некоторых церквах, и, притом, городских. Вообще, из всего Пружанского благочиния только один священник Курганович составил беседу на языке, который он употреблял при словесном объяснении с своими прихожанами во время говения. Впрочем, Бобровский и сам находил, с одной стороны, что народ лучше всего понимал польский язык, а с другой, что для духовенства было затруднительно говорить ему, как на простонародном наречии, которое почти во всяком приходе было неодинаково, так и на русском языке, на котором писать могли только очень немногие из священников, а прихожане еще меньше понимали его. Посему, он просил Литовскую духовную консисторию обратить на это обстоятельство свое внимание и снабдить духовенство необходимыми указаниями.

Не лучше стояло дело проповедничества и в других благочиниях, так как почти все благочинные епархии заявили епархиальному начальству, что лишь только очень немногие в

их благочиниях священники, окончившие, притом, курс в Литовской духовной семинарии, могли говорить свои проповеди, и что для не учившихся следовало дать уже готовые поучения.

Правда, в последующее время формальные донесения Литовского епархиального начальства св. Синоду представляли дело проповедничества в епархии в благоприятном виде, в смысле, например, заведения к 1851 году катехизических поучений уже по всем церквам, хотя и не одинакового достоинства, однако, из донесения некоторых благочинных ясно можно было видеть, что дело проповедничества, вообще, было поставлено в епархии очень плохо и, потому, не приносило никаких полезных результатов. Так, из донесения в 1847 году Селецкого благочинного значилось, что, хотя в некоторых церквах благочиния и читались народу катехизические поучения и в большинстве из книжек, но, вообще, успех в назидании народа был очень слаб. Причиной того сей благочинный считал помещиков, не отпускавших в церковь по праздникам своих крестьян, и сам народ, который, будучи угнетаем своими помещиками во всю неделю работами, думал более угодить им, нежели о спасении своей души, и, потому, редко собирался в церковь в праздничные дни, употребляя оные на отдых, так что едва который из прихожан 2–3 раза бывал в течение года в церкви. При таком положении дела, Селецкий благочинный находил, что вовсе не было никакой нужды и пользы в преподавании катехизических поучений народу, редко посещавшему церковь и потому, мало понимавшему эти поучения.

Другой благочинный, также подтверждая безуспешность катехизических поучений священников, причиной того считал произношение сих поучений по пространному катехизису, без предварительного ознакомления с кратким, которого при церквах не было.⁶³⁴ Третий благочинный прямо обвинял в не успешности поучений священников за то, что многие из них, хотя достаточно знали простонародное наречие, однако же, дорожа более блеском слова, приобретающимся, по их мнению, от произнесения поучений высокопарным языком, и не заботясь

о пользе прихожан, вовсе не хотели употреблять простой язык в катехизических поучениях. Свенцянский благочинный счел себя вынужденным даже жаловаться пр. Иосифу на духовенство своего благочиния за то, что оно, несмотря на строжайшие предписания епархиального начальства, мало прилагало усердия к чтению катехизических поучений, так что он нашел необходимым отмечать ученых священников и произнесенные им проповеди только на основании тех, которые были ему представлены на рассмотрение, причем ссылаясь на опыт нескольких лет, убедивший его в том, что голословным донесениям священников о произнесении ими проповедей не всегда можно было доверять.⁶³⁵

Что касается донесений ревизоров, посылавшихся для обзора церквей, о состоянии дела катехизического обучения народа, на что им было поручено пр. Иосифом обратить особенное внимание, то, по большей части, и они также отмечали факт неудовлетворительной постановки катехизации, указывая на то, что только некоторые священники прочитывали катехизические поучения с объяснением их, а другие – ограничивались одним прочтением их, ни мало, не заботясь о том, насколько они были усвоены прихожанами. Впрочем, кроме лености многих священников по отношению ведения катехизических поучений, не малою причиною не успешности сего дела было отсутствие подходящих к населению Литовской епархии сборников катехизических поучений, причем, хотя и были попытки со стороны некоторых священников епархии составить подобного рода сборники, но они оказались совершенно неудовлетворительными.⁶³⁶

От катехизических поучений, которые духовенство Литовской епархии должно было, согласно предписанию высшего духовного начальства, произносить по своим местным церквам, по возможности, за каждым воскресным и праздничным богослужением. необходимо отличать проповеди, которые духовенство должно было поочередно произносить при одной из церквей благочиния, после предварительного представления их цензору и получения от него одобрения оных. Мысль о заведении такого рода проповедничества в Литовской

епархии принадлежала уже известному нам, Брестскому благочинному Соловьевичу, который в 1846 году донес пр. Иосифу, что он находит возможным и полезным, для утверждения прихожан в православии и послушании законному правительству, завести в Брестской Симеоновской церкви очередное проповедание слова Божия, стараясь всячески поучения приспособлять к понятиям и потребностям местных слушателей, с тем, чтобы, как градские, так и сельские окрестные священники, составленные ими самими поучения представляли на рассмотрение благочинного или нарочито назначенного для того цензора. Консистория, прежде чем обсудить предложение Соловьевича, имея в виду то обстоятельство, что из священников прежнего образования не все могли быть способными к проповеди слова Божия, предписала благочинным доставить сведения о том, кого из своих священников они находят соответствующими сей цели. Когда же эти сведения были доставлены, то консистория, нашедши полезным предложение Соловьевича, положила порядок назначения проповедей в самой Вильне оставить, как и прежде, в зависимости непосредственно от самого пр. Иосифа, и только обязала священника Тройской церкви Стояновича, по близости расстояния, произносить очередные проповеди в Вильне, с предварительным представлением их на просмотр цензору, ректору семинарии, архимандриту Евсевию.

Что касается до других церквей, то консистория назначила для каждого уезда, как церковь, в которой духовенство должно было говорить очередные проповеди, так и особого цензора для них. Вместе с сим, консистория составила, было, и самое расписание проповедей на 1848 год, применительно к сведениям, доставленным благочинными о священниках, признанных способными к проповедничеству, со включением в это расписание всех благочинных, смотрителей духовных училищ, а также священников, ново поступивших в приходы. Впрочем, это определение консистории относительно очередного проповедничества, представленное митрополиту Иосифу, до самого 1858 года не было им утверждено, так как он

каждый раз откладывал это утверждение до следующего года, имея, вероятно, в виду не успешность катехизации в епархии.

Вообще, дело проповедничества в Литовской епархии, за время управления оной митрополита Иосифа, находилось настолько в неудовлетворительном положении, что пр. Макарий в своем отчете св. Синоду о состоянии Литовской епархии за 1869 год не преминул указать на то, что и катехизация не была заведена по церквам Литовской епархии, и что, вообще, дело проповедничества было поставлено плохо, между тем как это обстоятельство, по мнению его, имело вредные последствия для дела православия, особенно в виду постоянной проповеди в костеле. Такой свой взгляд на состояние проповедничества в Литовской епархии пр. Макарий высказал и представителям духовенства на епархиальном съезде в 1869 году. Некоторые благочиннические съезды, в числе 8, приняли во внимание это замечание нового своего архипастыря и постановили усилить церковную проповедь,⁶³⁷ и в пособие для проповеднической деятельности выписать беседы пр. Евсевия, пр. Феофана, протоиерея Путятин и некоторых других русских проповедников, доступные народу.

Большинство же съездов вовсе не коснулось вопроса о состоянии проповедничества в епархии, а один, Каменецкий, даже прямо заявил, что и богослужение, и проповедь, и народное образование, и церковное благолепие находятся в епархии настолько в удовлетворительном состоянии, что не стояло необходимости в принятии каких-либо мер к их возвышению и улучшению. На эту уклончивость большинства благочиннических съездов в отношении принятия мер, поместным обстоятельствам, к успешнейшему назиданию прихожан в вере и нравственности обратила внимание и консистория, по поводу замеченных преосвященными ревизорами в 1870 году нестройностей и недостатков религиозных познаний в прихожанах, но ограничилась одним только строжайшим подтверждением благочинным о наблюдении за священниками, чтобы они в праздничные и воскресные дни не опустительно говорили поучения.

Между тем, прошло пять лет со времени этого распоряжения консистории и, однако же, улучшения в постановке проповеднического дела в епархии не было замечено. Так, ревизия церквей преосвященными викариями в 1875 году отметила, что проповедничество духовенства не удовлетворяло требованиям воспитания прихожан в вере и нравственности, как потому, что, вообще, поучения преподавались без системы и без надлежащей обработки и обдуманности, так и потому, что лишь только при немногих церквях и у немногих священников имелись печатные проповеди и другие руководящие в деле проповедничества книги, и что священники вообще равнодушно относились к религиозному образованию своих прихожан.

В доказательство сего один пр. викарий указал на тот факт, что прихожане, собравшиеся для богослужения в церковь, по несколько часов, до начала службы, проводили время праздно, в церковной ограде, между тем как священники имели возможность назидать их чем-либо полезным, как, например, чтением Четий-Миней, или житий святых в русском переводе, тем более, что прочесть могли бы псаломщики и даже грамотный прихожанин, заблаговременно подготовленный к этому священником.⁶³⁸

Последующие ревизии многих церквей, произведенные, например, в 1883 году, также показали, что духовенство вообще мало произносило в церкви поучений, несмотря на то, что, по справедливому замечанию пр. Сергия, все священники могли читать по книге проповеди, избирая для прочтения хорошие, удобопонятные поучения, или небольшие жития святых на русском языке, и особенно весьма пригодные для народного просвещения изданные Московским Обществом Любителей Духовного Просвещения беседы с 1874 по 1883 годы.

Пр. Авраамий, со своей стороны, также, считал необходимым, чтобы священники пользовались всяким случаем сказать, что-либо доброе, относящееся к вечному спасению вверенных их водительству душ человеческих и не опустительно говорили хотя бы краткие поучения народу, несмотря на малое число присутствующих, и произносили их,

как можно отчетливее и выразительнее, чего не доставало, по его замечанию, священникам, за небольшими исключениями, чтобы всякий присутствующий в храме мог слышать и понять речь священника. Предметом же собеседования, по мнению сего преосвященного, следовало избирать, кроме объяснения очередных евангелий, с надлежащим приложением, темы, близкие к духовным и бытовым потребностям народа, например, посещение народом костела, обучение детей грамоте и молитвам на польском языке, пьянство, семейные разделы без основательных причин, знахарство и т.п. Особенно слабо было поставлено, по замечанию пр. Авраамия, проповедничество в соборах уездных городов Гродненской губернии, куда народ собирался в большом количестве и где, по его мнению, следовало бы завести очередное, понедельное собеседование с народом в воскресные и праздничные дни.

Правда, большинство священников епархии, в оправдание своей не заботливости относительно ведения катехизических поучений, обыкновенно ссылалось на то, что народ редко посещает церковь и что, следовательно, эти поучения невозможно было вести систематически и последовательно, однако, едва ли можно сомневаться в том, что своею настойчивостью в проповеди священники могли бы достигнуть благих результатов в отношении исправления народа от многих пороков и недостатков. В этом случае добрым примером для духовенства мог бы послужить, по указанию пр. Авраамия, священник Чижевского прихода, прихожане которого до 1880 года, приходя в церковь, имели обыкновение разговаривать и придерживаться старинного и безобразного обычая, «полоскать зубы» в первые дни великого поста. Но священник сказал целый ряд живых и сильных поучений, употребил напряженные усилия к искоренению этих недостатков, и плодом такой энергической и настойчивой деятельности священника было то, что с 1880 года народ благоговейно стал вести себя в церкви и прекратил посещение кабака во время великого поста, а некоторые из прихожан и совершенно прекратили употребление спиртных напитков.

Впрочем, не только катехизические поучения подавали справедливый повод преосвященным жаловаться на недостаток усердия у священников в отношении церковной проповеди, но даже поучения очередные, которые, будучи назначаемы по расписанию консистории далеко не всегда составлялись священниками и представлялись ими, кому следовало. Так, несмотря на то, что, по поводу отчетов о ревизии церквей за 1882 год пр. Сергия и Авраамия, консистория, между прочим, предписала духовенству епархии, назначенные, по расписанию, на каждый год проповеди составлять возможно ближе к складу понятий и религиозно-нравственным потребностям народа и аккуратно подавать оные для просмотра цензорам, которые, в свою очередь, обязывались доносить по третям года о не подавших к сроку проповедей, пр. Авраамий в 1883 году вынужден был жаловаться снова на то, что духовенство, несмотря на сделанное ему начальством напоминание обратить на эту часть пастырского служения должное внимание, не делает того, так что из проповедей, назначенных консисторией, ему в 1883 году для просмотра подано было только восемь.

К числу других мер, которые, помимо катехизических поучений и проповедей в церквях собственно, по мнению Литовского епархиального начальства, могли оказать благотворное влияние на народ, в смысле ознакомления его с учением православной церкви и с её обрядами, относились обучение прихожан молитвам на славянском языке и вне богослужебные собеседования с ними. Впервые, распоряжение относительно обучения молитвам сделано было пр. Иосифом в 1846 году и касалось собственно детей священно-церковно-служителей. В виду же того обстоятельства, что ревизия церквей в 1850 году обнаружила незнание молитв на церковно-славянском языке даже многими причетниками, пр. Иосиф потребовал от благочинных сведений:

1) относительно того, все ли уже лица, принадлежащие к семействам священно церковнослужителей, знают исправно молитвы на славянском языке, а если не все, то, кто именно еще не знает и по каким причинам;

2) в каких приходах сами прихожане знают молитвы на славянском языке и в которых, по-прежнему, на польском языке, какие священники сами обучают своих прихожан молитвам на славянском языке, и на сколько в сем успели, и которые остались небрежными.

При сем архиепископ предупредил благочинных, что они подвергнутся строгой ответственности за доставление неверных сведений. Между тем, по рассмотрении последних, оказалось, что в 12 благочиниях были еще такие лица из священно-церковно-служительских семейств, которые не знали молитв на славянском языке и, большею частью, по нерадению, а обучение молитвам прихожан хотя и было заведено по всем приходам, но успех в сем деле было вообще настолько мал, что нельзя было положительно определить, сколько прихожан знали молитвы на славянском языке, и сколько произносили их на польском или на употребляемом разговорном языке. В виду сего донесения благочинных, консистория предложила, как руководственное правило священникам в деле обучения прихожан молитвам:

1) завести во все праздничные и воскресные дни, после отпуста литургии, пред катехизическими поучениями, чтение на славянском языке молитв вслух, с расстановкой, так, чтобы прихожане могли повторять каждое слово из оных;

2) не иначе венчать, как после совершенного удостоверения, что будущие супруги действительно знают молитвы;

3) в свободное время от полевых работ посылать причетников по деревням обучать молитвам прихожан, строго наблюдая за исполнением причетниками сего дела особенно в семействах, состоящих из лиц разных исповеданий.

Впрочем, это распоряжение консистории, не встретило сочувствия среди духовенства, частью по трудности возлагавшейся на него обязанности, а частью по нерадению, так что консистория была вынуждена признать в 1851 году тот факт, что духовенство, по-прежнему, мало заботилось о знании прихожанами догматов веры и молитв на славянском языке. Как бы в оправдание священников, Каменецкий благочинный в 1858

году слагал вину на не успешность в деле обучения прихожан молитвам, с одной стороны, на помещиков, которые не увольняли крестьян от барщины без зачета для говения великим постом на целую неделю, когда всего удобнее было бы их обучать молитвам, и на самих прихожан, которые в воскресные и праздничные дни, по большей части, отправлялись на базары; а с другой стороны – на диаконов и причетников, которые, вместо того, чтобы обучать по деревням прихожан молитвам, проводили большую часть времени, особенно зимою, в без известных отлучках и не помогали священникам даже в письмоводстве.

Другой священник не нашел возможным безусловно обвинять одних диаконов и причетников за неуспех в обучении прихожан молитвам. Указывая на то, что духовенство всегда заботилось об обучении своих прихожан молитвам, почему, например, при браках смешанных, жениху и невесте вменялось в неременную обязанность знание молитв православных, а по многим приходам в каждый воскресный и праздничный день, пред богослужением и после оно, неспешно, читались псаломщиками вслух всего народа молитвы, которые прихожане должны были повторять буквально, а также делались внушения при исповеди, священник В., однако, находил, что все эти средства делали и делают едва заметный успех против застарелой привычки, главным образом, вследствие того, что они носили официальный характер. Новобрачные, например, в большинстве случаев, после брака опять принимались за польские молитвы и, конечно, забывали то, что выучили пред браком, а слушающие молитвы в церкви раз в неделю, тоже не много сохраняли в своей памяти, тем более, что богомольцы бывали неаккуратно каждую неделю в храме.

Что касается до обучения прихожан молитвам в их домах, что было возложено епархиальным начальством на обязанность причетников, под наблюдением священников, то и это средство, по замечанию священника В., оказалось малодействительным, так как причетники, при своих материальных обстоятельствах, туго исполняли подобные поручения начальства и большинство

их, если и бралось за это дело, то, неохотно, кое-как, считая это своею второстепенною обязанностью, или же вовсе отказываясь, то, по не имению времени, то по хозяйству, или же, наконец, по слабости здоровья. Священники же, видя их бедность, смотрели на это сквозь пальцы, будучи покойны тем, что механический труд обучения молитвам принадлежит не им.⁶³⁹

В таком положении находилось дело обучении прихожан молитвам к приезду в край в 1863 году М. Н. Муравьева, который, борясь с польско-католической пропагандой, не мог не обратить внимание на то, что православное население ходило в костел и употребляло для молитвы польские молитвенники, как дома, так и в церкви. Это печальное, обстоятельство заставило его обратиться к митрополиту Иосифу с энергичным представлением о необходимости усилить меры к уничтожению сего ненормального явления и предложить, со своей стороны, заготовить в большом количестве молитвенники на славянском и русском языках.

Митрополит Иосиф, надо полагать, остался не доволен тем, что гражданская власть указывала ему на недуги пасомых. Правда, он предписал духовенству, чтобы оно не допускало в своей семье польской речи, и чтобы принимало польские молитвенники от добровольно отдающих их прихожан и предавало их сожжению, но в то же время, как бы в укоризну гражданской власти, просил Виленского губернатора обязать подчиненных ему православных чиновников, чтобы они аккуратным посещением церкви подавали добрый пример народу, а относительно заготовления молитвенников в большом количестве дал ответ отрицательный, сославшись на то, что масса православного населения вообще безграмотна, а употребляющие польские молитвенники не знают еще русской и славянской грамоты. Впрочем, последнее указание митрополита нельзя назвать вполне основательным. Многие, например, из семейств самих священников знали русский язык; однако, по привычке, ходили в костел и молились по польским молитвенникам.

Конечно, получив строгое предписание на счет изъятия польских молитвенников из рук народа, духовенство во многих местах отобрало их и сожгло. Но, во всяком случае, и эта мера не могла иметь каких-либо особенно благотельных результатов, потому что, с одной стороны, осталось несравненно больше таких молитвенников в руках прихожан, а с другой – особенно потому, что в самом народе сохранялось еще неодолимое желание молиться по польским молитвенникам. На это последнее обстоятельство указал, между прочим, в своем рапорте в 1869 году пр. Макарию уже известный нам, Волковысский благочинный Куцевич, заявив о том, что, хотя прихожане его благочиния и знают молитвы на славянском языке, однако же, не только неправильно читают их и полагают крестное знамение, но не забывают и польских молитв, при чем смотрят на церковные, как на что-то официальное, стараясь, с одной стороны, не забывать их, как будто бы для того, чтобы не подвергаться обличениям своего священника, а с другой стороны, вместе с сими молитвами усердно произносят и свои, как нередко выражались, «материнские молитвы», т.е. по-польски, которым научились от матери.

При архиепископе Макарии и его преемниках вопрос относительно обучения молитвам прихожан был неоднократно возбуждаем и рассматриваем, как самим духовенством, так и епархиальным начальством. Так, Сокольский благочиннический съезд в 1870 году постановил для обучения прихожан повседневным молитвам точно соблюдать правила относительно требования от вступающих в брак знания молитв, а также внятно читать оные после часов, после всенощного бдения или вместо причастного стиха. Шавельский съезд, кроме того, находил полезным поездку псаломщиков в зимнее время для той же цели по деревням, причем для поощрения их в сем деле – постановил об особенно усердных доводить до сведения епархиального начальства, с ходатайством о возведении их, по возможности, в диаконский сан, а Бельский съезд даже проектировал, было, не допускать к св. причащению тех из прихожан, которые не знали молитв, по нерадению своему.

Впрочем, все эти рассуждения благочиннических съездов имели более академический характер и мало приводились в жизнь, вследствие чего консистория в 1871 году по поводу замечаний относительно слабой постановки дела обучения прихожан молитвам преосвященных викариев, обозревавших церкви некоторых уездов, вынуждена была сделать предписание, чтобы духовенство, по крайней мере, поддерживало заведенный по некоторым церквам в сельских приходах порядок чтения, по окончании литургии или в другое время, необходимых молитв и безотлагательно ввело бы его по тем церквам, где сего не делалось, употребляя все способы к выведению польских молитв из употребления прихожанами, преимущественно – через старание поощрять их к изучению для соответственного пения тропарей и кондаков, помещенных в сокращенных молитвословах, и, кроме того, снова вменила в обязанность только не псаломщикам, а самим священникам, ездить по деревням для обучения прихожан молитвам.⁶⁴⁰

К сожалению, духовенство, и после того, иногда настолько небрежно относилось к исполнению предписаний начальства относительно испытания прихожан в знании православных молитв, что допускало нередко записывание оглашения, не видевши жениха и невесты, каковое обстоятельство, с одной стороны, подавало повод к ропоту прихожан на более внимательных к своему долгу и более требовательных священников, а с другой – вело к тому, что вступающие в брак, не исправивши ошибочного и неправильного чтения молитв и исполнения обрядов, например, крестного знамения по уставу православной церкви, передавали свои ошибки, свое незнание из поколения в поколение и приучали детей к безразличию в делах веры. Это обстоятельство побудило Литовскую духовную консисторию сделать снова напоминание духовенству епархии, чтобы оно строже относилось к исполнению пред брачных требований в точности, и чтобы брачующиеся были допускаемы к венцу не иначе, как по испытании их в знании молитв, и чтобы при этом не было нареканий на притеснения со стороны причтов, внушила последним, как можно чаще и заранее делать в церкви объявления прихожанам о необходимости

брачующимся знать важнейшие молитвы и уметь правильно креститься и читать молитвы на церковно-славянском языке.⁶⁴¹

Что касается до вне богослужебных собеседований священников с прихожанами, то на этот предмет епархиальное начальство обратило особенное внимание только в семидесятых годах, вследствие донесений преосвященных викариев о замеченных ими разного рода религиозных недостатках в прихожанах. Впервые, предписание означенного начальства духовенству о заведении вне богослужебных собеседований с народом состоялось в 1873 году, когда консистория, ознакомившись с ревизорскими отчетами пр. викариев и находя, что разного рода недостатки в религиозном отношении в прихожанах зависели от незнания, привычек и «более всего от нерадения священников», пришла к тому заключению, что только на месте жительства прихожан, подлежащих исправлению, можно было бы достигнуть желаемых результатов, а потому и предписала духовенству, чтобы священники, независимо от обязанности поучения в церкви, в праздничные и воскресные дни поочередно и попеременно посещали наиболее населенные деревни вверенного им прихода и там, не прибегая к «каким-либо насильственным мерам», а только ласковым обращением и указанием пользы привлекали прихожан к слушанию поучений. Содержанием же оных должно было служить изложение учения православной церкви, объяснение значения частей православного богослужения и повседневных молитв и наставления относительно исполнения христианских обязанностей и обычаев православных. Вместе с сим, благочинным было предложено на благочиннических съездах обсудить, сообразно местным обстоятельствам, подробности, касающиеся сего дела, и настоять, чтобы оно непременно исполнялось.

Некоторые священники отозвались на это предписание епархиального начальства сочувственно и поставили дело вне богослужебных собеседований умело и достигали благоприятных результатов. К числу таких пастырей должно отнести священника Леонида Колосова, который держался

такого способа ведения вне богослужебных собеседований. Занимаясь обучением детей, для чего они приходили к нему за 3–4 версты вечером, он, когда собирались к нему и взрослые прихожане для беседы, читал им Евангелие с разъяснением прочитанного, причем чтение прерывалось, для избежания утомления, пением, под руководством псаломщика, из знакомых им тропарей и молитв. Так Колосов поступал еще до указа консистории о заведении вне богослужебных собеседований с прихожанами. Получивши же сей указ, он собрал на сход своих прихожан и, объявив им указ и разъяснив его пользу, предложил выбрать в каждой деревне прихода помещительную избу для убежища, в случае дурной погоды, и сообщил, что будет заблаговременно уведомлять о времени своего приезда для беседы в ту или другую деревню. На собеседования эти, когда оные открылись, собиралось всегда много народа, и беседа, по желанию слушателей, продолжалась иногда до глубокой ночи. Сами беседы происходили таким образом: для каждой избирался какой-нибудь предмет, который и раскрывался с возможною полнотою, как, например, главные праздники и посты православной церкви. Затем, следующая беседа шла о том, как проводить должно праздники. Вслед за раскрытием предмета собеседования, если замечалось утомление слушателей, предлагалось, под руководством псаломщика, пропеть знакомую молитву или тропарь. Далее следовало чтение из Евангелия или других священных книг, с объяснением прочитанного. Для чтения избирался отрывок из какой-либо священной книги, имеющей отношение к предмету собеседования или к ближайшему, по времени, празднику. И пр. Авраамий справедливо нашел этот способ ведения собеседований настолько целесообразным, что, через напечатание о нем в местных⁶⁴² епархиальных ведомостях, рекомендовал его всему духовенству епархии. И результат сих трудов почтенного о. Колосова был плодотворный. Народ слушал его беседы с удовольствием и, вместо того, чтобы идти в кабак, оставался дома.

К сожалению, большинство священников не позаботилось о ведении вне богослужебных собеседований с прихожанами, так

что преосвященные Сергей и Авраамий, обзревавшие в 1883 году церкви Дисненского, Тройского и Белостокского уездов нашли, что духовенство вообще слишком мало обращало внимания на почти ежегодные предписания консистории относительно ведения собеседований с народом, так как, за исключением весьма немногих церквей осмотренных уездов, совсем не производило их, частью потому, что, по объяснению священников, в воскресные и праздничные дни они обременены трудами, как-то крещениями, браками и т.п., частью – и потому, что народ после обедни расходится по деревням и собрать его, после того, невозможно, особенно, если близ самой церкви нет большого села. Не мало было священников, которые жаловались, в объяснение причин, по которым они не вели собеседований с прихожанами, на отвлечение последних базаром зимою, а летом – полевыми работами, а также на отдаленность деревень от местожительства причта. Насколько мало обращали внимания на вне богослужебные собеседования сами благочинные, можно судить, например, по тому одному, что пр. Алексей в своем отчете о состоянии епархии за 1889 году указал только на 4-х благочинных Виленской губернии и 3-х Гродненской, упомянувших в своих рапортах о заведении сих собеседований в своих благочиниях, тогда как остальные 36 благочинных вовсе не упомянули о том.

В тесной связи с положением проповедничества в Литовской епархии находилось состояние церковных библиотек здесь, которое было вообще неудовлетворительное. Несмотря на то, что еще с начала 1840-х годов епархиальное начальство то рекомендовало духовенству выписку известных книг, то само непосредственно выписывало оные и рассылало по церквам, как, например, «Слово католического православия к римскому католичеству», за что было взято по 10 копеек с каждого священника, по официальным данным оказалось в 1867 году, что при многих церквах имелось лишь только некоторое число книг и журналов духовного содержания, составлявших церковную собственность, причем и эти собрания, по своей незначительности, не имели никакого права на название

библиотек, тем более, что, кроме местного причта, они никому не были доступны.

Посему, епархиальное начальство, имея в виду, что одно учреждение, а тем более одно лицо, при всей своей готовности, не всегда может жертвовать в пользу других и что средств отдельно взятых лиц недостаточно для более или менее общественного дела, от 25 сентября 1867 года пригласило приходское духовенство епархии учредить церковные библиотеки, хотя по одной, в каждом благочинии. Местом для сего было положено избрать или ту церковь, которая имела уже некоторое собрание книг духовного содержания, или же церковь в местожительстве благочинного, как наиболее центральную, причем самая необходимость видеть благочинного должна была особенно содействовать духовенству в частом посещении места учреждения библиотеки и пользовании её книгами.

Во исполнение сего распоряжения епархиального начальства, была назначена 41 местность для сих библиотек, причем не было найдено возможным впредь, до времени, учредить библиотеки, как в Тройском благочинии, где было только 6 причтов, по причине значительных расстояний между церквями, так и в Ковенской губернии, по уездам Россиенскому, Вилкомирскому, Поневежскому, Тельшевскому и Шавельскому, в которых находилось по одному причту, кроме недавно открытых приходов. При церквях же указанных городов было найдено достаточным число имевшихся при них произведений духовной литературы, и священнослужители оных представлялись для своего начальства «любопытными и упражняющимися в возвышении своего образования».⁶⁴³ Митрополит Иосиф утвердил основные правила для существования библиотек, составленные консисторией, и, имея в виду, что по обстоятельствам Литовской епархии было бы весьма желательно и благотельно осуществление в возможной скорости учреждения церковных библиотек, назначил 28 сентября того же 1867 года в единовременное пособие духовенству для основания в показанных местностях 2500 рублей серебром из суммы 42 тысячи рублей, пожалованной в этом году духовенству, и предложил консистории на эти деньги

приобрести для этих библиотек важнейшие книги на русском языке богословского и церковно-исторического содержания, по выбору членов консистории и под руководством пр. викария. По составленному консисторией списку было показано 73 названия книг на сумму 169 руб. 40 коп. серебром для каждой библиотеки. Но пр. Александр, имея в виду, что из 2500 руб. приходилось на каждую из предположенных библиотек, в числе 41, не более 60 руб. 96 коп., выбрал 39 названий книг, ценностью на 60 руб. 60 коп. для каждой библиотеки, что составило сумму 2484 руб. 60 коп., а остальные 15 руб. 40 коп. предложил оставить на пересылку книг, или же, если таковая будет взята авторами или книгопродавцами на их счет, обратить вместе с могущею быть уступкой против цен, объявленных в каталогах, на покупку других книг для более недостаточных или новых библиотек, могущих открыться впоследствии.

Когда же вновь составленный список книг, равно как и все дело относительно учреждения библиотек, были представлены на рассмотрение архиепископу Макарию, последний утвердил его, заменив только книгу «Жития русских святых» Муравьева – книгою «Русские святые» архиепископа Филарета. В числе книг, приобретенных в библиотеки, между прочим, значились все сочинения пр. Макария, который уступил по 20% с каждого рубля, а также «Литовская церковная уния» Кояловича, «Сведения о польском мятеже 1863 года» Ратча, в двух томах. При сем пр. Макарий предписал, чтобы о состоянии церковных библиотек ему доставлялись ежегодно благочинными сведения в их рапортах.⁶⁴⁴

Между тем, в скором же времени обнаружилось, что благочиннические библиотеки или существовали только номинально, или же, по своему положению, не приносили особенной пользы духовенству,⁶⁴⁵ так как, за исключением немногих, находились в плохом состоянии. Так, книги, присланные консисторией в фонд библиотек, предлагались всякому по несколько раз, о выписке же новых книг в библиотеки вовсе и не думали. В некоторых благочиниях, хотя духовенством и собрана была порядочная сумма денег, но книг в библиотеке было также очень мало и, при сем, отчета

духовенству библиотекари не думали давать. В иных же благочиниях библиотеки пополнялись книгами без разбору, даже совершенно изорванными, или же выписывавшимися по одному желанию библиотекаря, без соображения со списком рекомендованных книг и желанием духовенства.⁶⁴⁶ Необходимым следствием такого состояния библиотек было то, что духовенство не сочувствовало благочинническим библиотекам, как не приносящим ему пользы, и, потому, в некоторых благочиниях их и совсем не было.

В виду такого положения благочиннических библиотек, епархиальное начальство вынуждено было обратить внимание на них, почему и предписало в 1874 году, чтобы все благочинные в декабре месяце представляли списки всех книг, находящихся в благочиннических библиотеках, за подписью библиотекарей и со свидетельствованием благочинных, которые должны были при сем пояснять, какие из сих книг были разосланы консисторией, какие пожертвованы частными лицами и какие приобретены самим духовенством благочиния. Но и это распоряжение консистории не новело к заметному улучшению состояния благочиннических библиотек. Неутешительное сведение о них находим, между прочим, в отчете пр. Алексия св. Синоду о состоянии Литовской епархии за 1889 год, где он указывал на то, что из 43 благочиний⁶⁴⁷ только в 18 библиотеках последовало пополнение их книгами, а 11 остались с прежним числом книг; об остальных же благочиннических библиотеках сведений не было доставлено.⁶⁴⁸ «Впрочем, замечал пр. Алексий, в некоторых благочиниях эти библиотеки перестали существовать вскоре, после их основания в 1869 году.»⁶⁴⁹

Что касается до собственно церковных библиотек, которые должны были находиться при каждой церкви и помогать священникам в деле церковного учительства, то оные или совсем не существовали при многих церквях, или находились, вообще, в неудовлетворительном состоянии. До 1872 года сведения о сих библиотеках благочинными не представлялись. Да и в сем году некоторыми благочинными были представлены неопределенные сведения о сих библиотеках и их размерах. Так, Радошковичский благочинный донес, что при всех церквях

его благочиния библиотеки церковные состояли из самого незначительного количества книг, а именно: библий ветхого и нового завета, пространного катехизиса и епархиальных ведомостей, хотя в благочинии находилась одна общая благочинническая библиотека с довольно большим количеством книг.

Кроме того, по рапорту сего благочинного, оказывалось, что некоторые священники имели собственные библиотеки. В других некоторых благочиниях, как, например, Шумском, церковных библиотек вовсе не существовало. Подоросский благочинный, в оправдание скудости церковных библиотек его благочиния, ссылаясь на скудость средств духовенства и церквей. В большинстве церковных библиотек находились книги, или выписанные по обязательной подписке, или же высланные епархиальным начальством. В Зельвянской церкви, при которой настоятелем состоял сам благочинный Куцевич, значилось книг до 93 томов на сумму 78 руб., и на нее ежегодно поступало до 10 рублей. В Самуиловичской же церкви было до 146 книг на 190 руб., и на нее ежегодно поступало 10–15 рублей. В Песковской церкви было 125 томов сочинений духовного содержания на 113 рублей, и эта библиотека поддерживалась единственно на средства местного священника. В Виленском благочинии была только одна библиотека при Николаевской церкви – приходская, помимо небогатой – церковной, состоявшая из 110 разного наименования сочинений и брошюр религиозно-нравственного содержания.

Кроме денежных пожертвований на эту библиотеку, простиравшихся до 100 рублей, поступали в нее пожертвования и книгами. Сама библиотека помещалась в приличном шкафу, на видном месте, в паперти церковной, и состояла в ближайшем заведывании одного из псаломщиков, который выдавал книги любителям религиозно-нравственного чтения и обратно получал их. Впрочем, по замечанию благочинного Виленского благочиния, особенно усердных чтецов в сей библиотеке не замечалось. В некоторых церквях Бездежского благочиния в библиотеках находились, судя по донесениям благочинного, и такие серьезного содержания книги, как

догматическое богословие архимандрита Антония, пастырское богословие архимандрита Кирилла, история христианской церкви профессора Чельцова, «дни богослужения» – протоиерея Дебольского; «об унии» Бантыш-Каменского, и в некоторых церковных библиотеках – «Православный Собеседник», а в Кобринском благочинии, еще кроме того «Современный листок»; слова митрополита Московского Филарета; «Новая скрижаль» – архиепископа Венеамина; Догматическое богословие архиепископа Макария.⁶⁵⁰ К сожалению, эти сведения, представленные благочинными о церковных библиотеках, значительно расходятся с теми данными, которые мы извлекаем из ревизорских отчетов по епархии преосвященных викариев за последующее время и которые, вообще, представляют положение сих книжных сокровищниц далеко не в удовлетворительном виде.

Так, пр. Авраамий в своем отчете о состоянии церквей в осмотренных им в 1882 году уездах Гродненской губернии Бельском и Кобринском отметил, что он только у немногих священников встретил более или менее достаточный запас простонародных проповеднических изданий, как необходимых пособий в деле пастырского учительства, и что они почти вовсе не выписывали пособий по преподаванию закона Божия, хотя те и другие по цене и по частям могли бы быть приобретены без всякого для настоятелей обременения. «Правда, замечал по сему поводу пр. Авраамий, обязать к этому нельзя, по рекомендовать следует, так как без побуждений ничего не делается». Этот же преосвященный в следующем году нашел, что, хотя при некоторых из осмотренных им церквей и находились библиотеки, но они были бедны по количеству находившихся в них изданий, причем священники, в оправдание себя, обыкновенно ссылались на недостаток средств, хотя этот предлог мало заслуживал доверия, так как в домах некоторых из них можно было встретить целые кипы музыкальных светских нот и почти ни одного издания по части пастырского собеседования

Еще обстоятельнее изображает хаотическое положение церковных библиотек пр. Сергей в своем отчете о ревизии

церквей в 1882 году Ошмянского и Лидского уездов. «Церковные библиотеки, писал он, весьма бедны, а в некоторых местах их и совсем нет, и потому руководства и пособия у священников в деле проповеди весьма скудны, а без пособий к проповедничеству трудно ожидать хороших проповедей. Во многих местах, особенно в Щучинском благочинии, книга церковных библиотек не внесены в описи церковного имущества. Вообще, на библиотеки церковные не было обращено никакого внимания. Видно, что по всем церквам были рассеяны, по временам, разные сочинения; в одних церквах они есть и записаны в церковные описи, и других же церквах их нет и в описи они не значатся, а в иных церквах не имеется никаких богословских и церковно-исторических книг и, вообще, духовных, кроме богослужебных. В некоторых церквах, вопреки положению, книги были внесены не в церковную опись, а в частную, которая, как не требуемая правилами, легко может быть утрачена».

Посему, пр. Сергей справедливо считал необходимым обратить на это дело внимание благочинных, замечая, что, если бы не упускали этого из виду прежде, то в церквах имелись бы уже порядочные библиотеки, как например, в Голдовской, где было до 70 названий книг, тогда как в иных было только по 3 или по 4 названия.

В виду таких отзывов преосвященных викариев о состоянии церковных библиотек, консистория, наконец, обратила внимание на них, и в 1883 году предписала благочинным на первом же благочинническом съезде обсудить меры к устранению означенных беспорядков приведением в исполнение, как бывших в прошлых годах распоряжений епархиального начальства, так и изысканием соответствующих способов к упрочению и приращению библиотек, а также ведением описей по существующей на то форме. Вместе с тем, в виду замечания пр. Сергия, что духовенство, вообще, не заботится о поддержании своего образования через выписку книг, которые бы служили для возобновления в памяти того, чему священники учились в семинарии, и для дальнейшего усовершенствования,⁶⁵¹ поставила в обязанность благочинным

выписать в каждую церковь на счет церковных сумм, по меньшей мере, следующие книги: Догматическое богословие архимандрита Антония или пр. Макария, или архимандрита Иустина, церковную историю Евграфа Смирнова, пособие к изучению устава Никольского, «Новую скрижаль», «Дни богослужения» Дебольского, «Пространный катехизис» митрополита Филарета, и обратить внимание на библиотеки благочиннические, пересмотреть и пополнить их недостающими книгами, по указанию, сделанному епархиальным начальством в прежние годы, особенно в 1869 году, составить им описи и, на будущее время, пополнять их, по указанию епархиального начальства, по выбору и с общего согласия на благочиннических съездах. По отчету о состоянии епархии за 1889 год значилось церковных библиотек, имевших 50–100 книг – 90; имевших свыше 100 – 32, считая в том числе и книжные склады для чтения и продажи при Гродненском Софийском соборе и Пухловской церкви. При остальных же церквях имелось или менее 50 книг, или же одни епархиальные ведомости.⁶⁵²

После церкви, великое значение в жизни народа имеет школа, как воспитательница молодого поколения в известном духе и направлении. Неудивительно посему, что и гражданская высшая власть и духовная прилагали посильные заботы об устройстве училищ в северо-западном крае, которые бы содействовали проведению в среду воссоединенного простого народа и утверждению в нем духа православия и русской народности.

Уже на первых порах существования новой православной епархии мы находим различие между школами, существовавшими в ней, так как одни школы были собственно правительственные, казенные, а другие частные – при церквях и в помещичьих имениях. Некоторые данные относительно училищ мы находим в донесении пр. Иосифа св. Синоду, сделанном, вследствие требования последним от пр. архиереев сведений о числе училищ при монастырях и церквях для обучения церковно-служительских и поселянских детей, причем св. Синодом предлагалось преосвященным позаботиться об умножении сих училищ и о надлежащей постановке в них

учебного дела, в виду того, что успехи в сих училищах, кроме других причин, много зависели от деятельности самого духовенства, как в образе управления ими, так и в старании располагать к оному умножению училищ местные гражданские власти и помещиков. По доставленным в консисторию благочинными сведениям оказалось, что в Ковенской губернии было 11 школ, из коих одна при Пожайском монастыре, в которой с половины 1845 года было 21 учеников, а предметами преподавания были: русское чтение, нотное пение, катехизис и чистописание. Учителями в сей школе состояли 2 певчих из архиерейского хора, а содержалась она на средства монастыря. Остальные 10 были по казенным имениям с 323 учениками. Учителя в них получали по 85 руб. и состояли из 6 семинаристов, 2 священников и 2 дворян. По Гродненской губернии – по казенным имениям было 23 школы и 4 в имениях помещиков. Большинство из школ были открыты в 1845 и 1846 годах и только два – в Бездеже и Волне – в 1844 году, а в Заблудовском помещичьем имении – в 1839 году. Всех учеников было 622.

В казенных училищах преподавались предметы, положенные по программе сих училищ, а именно: начальные основания закона Божия, чтение по-славянски, по-русски и по-польски, арифметика и счетоводство. В частных училищах: в Заблудовском – преподавалось одно славянское чтение и пение; в Бытенском, кроме сего, еще чистописание; в Богородичах и Дрогичине – еще молитвы. Учителями в означенных училищах, кроме четырех, состояли бывшие воспитанники Литовской духовной семинарии, священники или диаконы и дьячки, под наблюдением священников. В помещичьих имениях жалования учителям не давалось. В Виленской губернии было всего 5 казенных училищ и 2, в помещичьих, в Николаеве, у графа Замойского и в Залесье, у князя Осинского. Из всех этих училищ только одно Сморгонское было основано в 1843 году, а остальные в 1845 году. Всех учеников было 273. Учили в них повседневым молитвам, чтению, письму и арифметике. В Меречском училище был учителем семинарист, а в остальных учили священники, при

помощи дьячков. В Креве и Николаеве училище содержалось на средства священников, а в Залесье – на половину – священника и на половину – помещика. Впрочем, в сих ведомостях, доставленных благочинными, не были помещены сведения о многих училищах, как потому, что они состояли в ведомстве Министерства Народного Просвещения, так и потому, что Литовскому епархиальному начальству неизвестен был указ св. Синода от 12 мая 1837 года, руководствующий к учреждению училищ, вследствие того, что Литовская епархия в то время состояла в ведении Белорусско-Литовской духовной коллегии. В 1850 году значилось уже 37 церковно-приходских школ по епархии с 1211 учеников и 56 учителями; в 1853 году училищ по казенным имениям было 41 и учеников 1300 и в школах Министерства Народного Просвещения – 27 училищ с 546 учеников.⁶⁵³ Из сего числа училищ бросается в глаза малочисленность школ по казенным имениям. Протоиерей Виктор Гомолицкий, при обозрении в 1850 году церковью Вилейского уезда, нашел в сих имениях только два училища для народа – в г. Вилейке и м. Миделе с 20 учащимися, причем в Вплейском училище учителем состоял священник. По мнению Гомолицкого, причиною такой малочисленности училищ было отчасти нерадение палаты Государственных Имуществ, а отчасти – бедность крестьян казенных и опасение их, чтобы на них не были возложены издержки на содержание училищ, и чтобы, после обучения, начальство не отняло детей их для канцелярии.

Что касается до пользы, какую принесли все эти училища, существовавшие в Литовской епархии до времен Муравьева, то едва ли она могла быть велика, с одной стороны, по малочисленности училищ, а с другой, по мало способности, нерадению и даже политической неблагонадежности многих учителей. Несмотря на то, что священники были обязаны распиской в аккуратном исполнении своих законоучительских обязанностей еще в 1842 году, однако, в 1858 году находим жалобу митрополиту Иосифу от управляющего Виленской палатой Государственных Имуществ на священника Мядзиольского прихода за то, что он, как по многочисленности

прихожан, так и по занятию хозяйством, плохо занимался в школе, и был удален от учительства. А таких случаев, конечно было не мало. Что касается дьячков, то они, по своему низкому образовательному цензу, конечно, не могли быть хорошими учителями.⁶⁵⁴

Еще меньше могло быть пользы, а скорее вреда, от тех учителей, которые принадлежали к римско-католическому исповеданию и которых было не мало по училищам. Из жалобы того же управляющего палатой Государственных Имуществ и в том же 1858 году митрополиту Иосифу на окончившего курс семинарии Окулича за то, что он часто отлучался из училища и заменял себя католиком и, вообще, плохо занимался, видно, что сами православные учителя искали себе иногда помощи у поляков-католиков в своих школьных занятиях. Насколько велик был контингент лиц католического исповедания среди учительского персонала в Виленском учебном округе ко времени прибытия Муравьева в край, видно из того, что в 1863 году из числа учителей гимназий, прогимназий, уездных и приходских училищ, православных было лишь 115, а католиков 271 и 60 человек других исповеданий.⁶⁵⁵ На это обратил свое внимание М. Н. Муравьев, вступив в управление краем, и вместе с попечителем округа Корниловым стал призывать из Великороссии на учительские должности, главным образом, семинаристов из высшего и среднего отделения, которым были предоставлены многие преимущества по службе и из которых многие после поступили во священники в Литовской епархии. Вместе с тем, от 19 октября 1864 года он предложил всем губернаторам края лично в подробно осмотреть свои губернии и, при сем, обратить особенное внимание на городские и сельские школы, соответствуют ли они, при настоящем своем устройстве, или личном составе наставников, предположенной правительством цели, и особенно наблюсти, чтобы народные училища там, где нет к тому особенных препятствий, находились непременно под ближайшим наблюдением местного православного духовенства и чтобы в школах отнюдь не было допускаемо обучение польскому языку и чтобы, вообще, были приняты все меры к прекращению польской пропаганды и к

утверждению в крае русской народности.⁶⁵⁶ Нельзя также не указать на весьма целесообразное распоряжение Муравьева от 9 января 1864 года относительно того, чтобы помещения для сельских волостных правлений, а также сельских училищ, устраивались близ приходских церквей.

Между тем, еще до вступления Муравьева на пост Виленского генерал-губернатора, вследствие ревизорского отчета по Витебской губернии сенатора Щербинина, подтвердившего факт уклонения православных в латинство, что происходило, между прочим, от устройства помещиками-католиками во многих местах своих школ с польским учителем и преподаванием, куда принимались и дети православных, св. Синод, в видах предупреждения уклонения православных в католицизм, предписал митрополиту Иосифу озаботиться заведением при церквях большего числа училищ, для обучения детей поселян чтению, письму, молитвам и начаткам катехизиса, с вознаграждением учащихся из местных епархиальных сумм, а в случае недостатка оных, из сумм св. Синода. Митрополит Иосиф, со своей стороны, сочувственно отнесся к учреждению сих училищ, так как видел в них довольно твердый оплот против латинской пропаганды среди воссоединенного народа, и в своем рапорте св. Синоду от 22 сентября 1859 года указывал на свою надежду относительно того, что благое дело, предпринимаемое св. Синодом, подвинет на добрый подвиг многих из священнослужителей Литовской епархии, большая часть которых и даже церковно-служителей, по его мнению, способна была обучать мальчиков грамотности в скромных пределах, указываемых св. Синодом, в зданиях, занимаемых или причтом, или от водимых для того прихожанами, и при самых скромных издержках на книги и учебные материалы.⁶⁵⁷

Впрочем, в своем рапорте св. Синоду, по поводу сделанных им распоряжений об открытии церковно-приходских училищ, пр. Иосиф указал на то, что заведение сих училищ встретило в Литовской епархии не мало затруднений, вследствие бедности прихожан православного исповедания, состоявших из одних крестьян, и также, вследствие принадлежности к другому

исповеданию и другой народности их помещиков, так что православное духовенство могло питать лишь малую надежду на участие образованной и зажиточной публики в заведении сих училищ.⁶⁵⁸

Тем не менее, в 1860 году к 8 ноября, по официальным донесениям благочинных, значилось церковно-приходских училищ в епархии уже 159 с 1695 мальчиками и 14 девочками. В некоторых школах обучали; первоначальной грамоте, повседневным молитвам и церковному пению, а в других – еще славянскому чтению, чистописанию и арифметике, а в Воложинской – еще и отечественной истории. Между тем, консистория продолжала и в 1861 году строго требовать, чтобы священники открывали церковно-приходские школы, и, потому, сделала, замечание священнику церкви в м. Попине, не открывшему здесь училища, под тем предлогом, что помещик не хотел распорядиться о высылке в училище мальчиков, по вернее, как не безосновательно предполагала консистория, или по недостатку влияния местных священников на прихожан, или по нежеланию их заняться обучением и, при сем, обязала местного благочинного, в случае неустройства здесь училища в следующем году, немедленно донести о том до её сведения, дабы можно было устранить сих священников от места за не заботливость о благе своих прихожан.

Приняв же во внимание то обстоятельство, что эти училища в некоторых местах или вовсе не могли быть открыты, по недостатку помещений, или хотя и были заведены, но были очень малочисленны, и, в тоже время не находя средств ни в ведении епархиального начальства, ни местных – по церквям, ни у самого духовенства, к распространению образования между крестьянами, консистория положила просить губернаторов трех губерний северо-западного края о том, не найдут ли они уместным, в видах содействия в деле устройства блага крестьян, сообразно новому положению, возложить на обязанность мировых посредников, чтобы, по соглашению с местными благочинными и помощниками их, при церквях, где имеются деревни или местечки, или же в больших деревнях, находящихся в не далеком расстоянии от оных, были построены

особые домики для училищ, вмещающие 20-ю часть прихожан обоого пола, на землях, судя по удобству, или церковных, или же помещичьих, или же, наконец, отведенных крестьянам, из материалов, какие даны будут помещиками или трудами крестьян, вверив постройку и поддержку сих школ сельским обществам.

К сожалению, это предложение консистории не везде было встречено с сочувствием и, потому, в то время, как Гродненское губернское правление в скором же времени уведомило консисторию о том, что им через предводителей дворянства предложено мировым посредникам привести в исполнение означенное предположение консистории, Ковенский губернатор в 1862 году дал ответ уклончивый, указав на то, что малочисленность православных прихожан в Ковенской губернии, дети коих могли бы обучаться в церковно-приходских школах, лишает мировых посредников всякой возможности приискывать частные средства на постройку домов для помещения церковно-приходских училищ, которые, притом, в виду последовавшего Высочайшего повеления о немедленном открытии в здешнем крае народных училищ для поселянских детей всех вероисповеданий, окажутся излишними.

При таком отношении к церковно-приходским школам высшей администрации в крае, не удивительно, что мировые посредники, из которых многие были католики, вместо содействия открытию церковно-приходских школ, в некоторых местах положительно противодействовали тому, заводя школы антинационального характера. Так поступил, например, в 1863 году мировой посредник помещик Гечевич, открывши в Вязненском приходе училище при канцелярии волостного правления, с поручением волостному писарю обучать детей польской грамоте по розданным им мальчикам поселянским, и в том числе православным, польским букварям, вследствие чего они оказались не знающими ни молитв на славянском языке, ни даже правильно креститься. Такого рода школы оказались и по многим другим приходам⁶⁵⁹ и даже при костелах, где учили органисты польской грамоте. По отзыву пр. Александра, осматривавшего в 1863 церкви Дисненского уезда, в

Голомысльском приходе мировой посредник даже оказывал прямое противодействие обучению народа русской грамоте.

Между тем, в силу Высочайшего повеления об открытии народных училищ в западном крае, таковых в пределах Литовской епархии было открыто в 1863 году – 100, причем попечитель округа просил митрополита Иосифа относительно выбора учителей преимущественно или из учеников Литовской семинарии, как ближе знакомых с бытом крестьян и простонародным языком и другими местными условиями, или же из церковнослужителей, приобретших в приходе влияние и занимающихся успешно преподаванием при церковно-приходских училищах, с жалованием 150 руб. и помещением.⁶⁶⁰ Но, хотя, по предложению пр. Иосифа, некоторые из учеников Литовской семинарии высшего и среднего отделения и поступили в учителя народных школ, однако, как мы уже, говорили, в числе учителей школ оставалось еще не мало поляков, которые были удалены от должности только Муравьевым. Между тем, в том же 1862 году, когда состоялось вышеозначенное Высочайшее повеление относительно открытия народных школ, консистория, в силу указа св. Синода, вменила в обязанность священникам употреблять благоразумные меры для выведения из употребления между прихожанами польских букварей и учебных книжек, заменяя отнимаемые, если окажется надобность, благовидным образом, букварями и книгами русскими. А так как, при раздаче букварей, должно было приниматься в соображение число учащихся только в училищах, учрежденных при церквях, то потребовала, вместе с тем, через благочинных от местных священников сведений, как о числе обучающихся частным образом в домах прихожан, так равно и о том, сколько учащихся в частных училищах, кем они учреждены и содержатся, кто в них обучает, а также сколько потребуется букварей для снабжения, как ныне обучающихся сторонним образом, так и имеющих обучаться в нынешнем году.

Посильную помощь в деле снабжения церковно-приходских училищ книгами оказал, как митрополит Иосиф, пожертвовавший из своей библиотеки в 1863 году книг на

русском и славянском языке 136 названий в 955 экземплярах, так и попечитель Виленского учебного округа Корнилов, приславший в 1864 году 200 экземпляров «исторического чтения из книг Ветхого завета» (церковной печати); 50 экземпляров краткой священной истории Ветхого и Нового заветов; 100 «изъяснений воскресных и праздничных Евангелий»; 150 «чтений из 4-х Евангелистов и Деяний Апостольских»; 50 руководств к арифметике Буссе; 600 букварей русских; 50 нравоучительных повестей; 100 русских грамматик Востокова; 10 таблиц взаимного обучения арифметики Буссе; 50 прописей русских на 5 листах Бергмана. Этот подарок г. попечителя, кроме своей ценности, был тем более дорог, что служил наглядным выражением его сочувствия к церковно-приходским школам.

К 1 января 1865 года значилось всего в Литовской епархии училищ 414 с 11856 учениками и 946 ученицами, цифра, показывавшая значительное увеличение, числа учащихся и числа школ против предшествующего 1864 года, когда училищ значилось 341, учеников 7592 и учениц 413. В 1868 году значилось сельских училищ в Литовской епархии 506, в том числе учрежденных округом 100; духовенством и содержимых на местные средства 183; учрежденных духовенством и пользовавшихся пособием от учебного округа 222. Собственно же церковно-приходских училищ в сем году было 107 с 2100 учащихся.⁶⁶¹

После вступления на Литовскую кафедру пр. Макария, консистория в 1871 году потребовала от благочинных уже более подробных сведений относительно церковно-приходских школ и их отделений, находящихся по приходам, в их благочиниях, с показанием местонахождения их, числа учащихся в каждой из них мужского и женского пола, преподавателей в сих школах и того, на чей счет они содержались и в каком состоянии находились, как в материальном, так и учебном отношениях, причем констатировала тот факт, что в прежнее время благочинные в своих сведениях смешивали церковно-приходские школы с школами⁶⁶² Министерства Народного Просвещения. Вместе с сим, консистория, чтобы не дать

возможности и на сей раз благочинным представить неверные сведения о числе училищ церковно-приходских, обратилась в Дирекции народных училищ Виленской, Ковенской и Гродненской губернии с просьбою сообщить ей именные списки подведомых ей школ и отделений при них, с показанием числа учащихся. После таковой поверки, оказалось церковно-приходских школ по епархии всего только 69 с 1685 учащихся мальчиков и 139 девочек, причем в некоторых благочиниях не было ни одной церковно-приходской школы. Народных школ было в Виленской губернии 169 и 114 отделений училищ с 7666 учащихся мальчиками и 272 девочками; в Гродненской 428 училищ с 14803 мальчиками и 1702 девочками.

Что касается до состава учителей в церковно-приходских школах в это время, то значительное большинство их составляли местные священники или псаломщики, а содержались они или на средства от прихожан, или местного духовенства. С течением времени, число школ церковно-приходских сократилось еще более, так что в 1875 году их было уже 14 с 248 учащихся, а в 1879 только 6 с 82 учащимися.⁶⁶³ Учителями в них состояли, как и раньше, или сами священники, или псаломщики, или же грамотные крестьяне. Почти во всех школах изучалось русское и славянское чтение, с объяснением прочитанного, повседневные молитвы и св. история Ветхого и Нового завета, в простых рассказах, а также церковное пение и арифметика. Успеху обучения мешала, между прочим, частая смена учителей почти во всех церковно-приходских училищах.

Между тем, сравнительная малочисленность учащихся в низших школах в Литовской епархии не могла не обратить на себя внимания, как духовного, так и светского начальства. Посему, пр. Макарий от 17 сентября 1869 года сделал предложение консистории, в котором, указывая на доходящие до него слухи о малом числе поступающих учиться, как в народные, так и в церковно-приходские школы, сравнительно с общим числом народонаселения, счел необходимым сделать напоминание всему духовенству Литовской епархии, чтобы оно, согласно Высочайшей воле, выраженной в указе св. Синода от 20 июня 1866 года, и по самому убеждению в благодетельности

народного образования, старалось в церковных поучениях и в домашних беседах не опустительно располагать прихожан своих к отдаче детей в училища, внушая им, при этом, всю пользу, какую может принести для них образование. На обязанность же благочинных пр. Макарий возлагал наблюдение за точным исполнением подведомым им духовенством настоящего предписания, равно как и за успешным преподаванием ими закона Божия, учебных предметов и церковного пения в означенных училищах, и доставление сведений, как о числе учащихся в каждом училище, так и о духовных лицах усердных и неусердных в этом отношении. Со своей стороны, и попечитель Виленского учебного округа, сознавши крайнюю недостаточность существующих школ и происшедшее, через то, распространение тайного обучения по деревням, счел необходимым обратиться в 1878 году к духовенству с просьбою о содействии относительно распространения между прихожанами сведений касательно условий, на которых может быть открыто народное училище в известном месте.⁶⁶⁴

Но, кроме ограниченности числа народных школ, делу народного просвещения вредило и то обстоятельство, что далеко не все учителя православного исповедания и законоучители в сих училищах оказались на высоте своего призвания. Либеральные веяния шестидесятых и семидесятых годов коснулись и учителей и, конечно, не могли не сопровождаться вредом для учащихся, что иногда замечалось духовенством. Так, в 1871 году Лидским благочинническим съездом было заявлено в его протоколах относительно того, что учителя народных училищ, не духовного звания учили в школе только читать по-русски и петь светские песни и нигде не обучали славянскому чтению, закону Божию и церковному пению, а в некоторых училищах – даже молитвам, не посещали церковь, по несколько лет не бывали на исповеди и публично высказывали свои антирелигиозные убеждения. Всего нагляднее подтверждает указанный факт отношение, последовавшее в 1880 году от директора народных училищ в Гродне к пр. Донату, епископу Брестскому, в котором он просил

содействия духовенства, особенно законоучителей к тому, чтобы ученики народных училищ посещали церковь в праздничные дни, и чтобы они наблюдали за религиозным направлением школы, в виду того, что в одном 1879 году было уволено 47 учителей за неблагонадежность в политическом отношении.⁶⁶⁵

Что касается законоучителей, то многие из них оказались небрежными в исполнении своей обязанности и, потому, виновными в не успешности учеников по закону Божию.

Правда, причиною слабости знаний по сему предмету, по объяснению законоучителей, служил недостаток времени для обучения – одно зимнее время и отвлечение трудами, особенно великим постом, а также не заботливость сельских властей относительно отопления школ, вследствие чего бывали случаи, когда ученики расходились на целые недели по домам; однако, при всей правдоподобности сих объяснений священников-законоучителей, нельзя отрицать и того, что некоторые из них слишком нерадиво относились к своим законоучительским обязанностям, так что сам редактор Литовских епархиальных ведомостей в своем новогоднем пожелании духовенству епархии в 1886 году отметил тот факт, что в некоторых школах Министерства Народного Просвещения, по Литовской епархии преподавание закона Божия едва ли не занимало последнего места, благодаря или не посещению законоучителями школы и значительному количеству пропущенных уроков, или же предоставлению законоучителями исполнения своих обязанностей наставникам училищ, причем иногда через волостные правления наводились справки о ревности законоучителей.⁶⁶⁶

На это нерадение законоучителей обратил внимание архиепископа Алексия в 1888 году сам обер-прокурор св. Синода, вследствие чего, виновные законоучители были оштрафованы 30 рублей каждый, а одного священника, на которого Гродненская дирекция народных училищ пожаловалась пр. Алексею за то, что он, в течение двух лет, получая жалование, уроков закона Божия не посещал, поручая это учителю и, притом, без всякого вознаграждения, пр. Алексей

отрешил от места в с. Миловидах, предоставив ему право или искать места, где ему не необходимо быть законоучителем, или же совершенного увольнения за штат. Вместе с тем, благочинным было предписано обращать должное внимание на исполнение священниками своих законоучительских обязанностей. Неаккуратность же законоучителей послужила поводом к тому, что попечитель Виленского учебного округа в 1886 году обратился к пр. Алексею с просьбой об учреждении постоянной инспекции со стороны епархиального начальства за преподаванием закона Божия в народных, приходских и уездных училищах. Эта просьба попечителя была исполнена, причем обязанность инспектора в г. Вильне была возложена на ректора семинарии, а по другим городам и селам на благочинных, которые, были обязаны посещать всякие школы, даже и церковно-приходские, не менее двух раз в год, а в городах, где имелось несколько училищ, смотря по надобности, и чаще, вникая, при сем в то, достаточно ли законоучитель объясняет предмет, насколько усвоено учение, заботится ли законоучитель, чтобы учащиеся не опустительно читали повседневные молитвы, ходили в воскресные и праздничные дни в церковь, приучались к пению и чтению в церкви и, с надлежащим приготовлением, бывали у исповеди и св. причастии.

Впрочем, несмотря на указанные недостатки в народных школах Литовской епархии, происходившие иногда от неудовлетворительного состава учителей и законоучителей и нередко от холодного отношения к ним сельских властей, однако, нельзя не отметить и того, что они принесли большую пользу делу православия и русской народности в крае, хотя бы, например, тем одним, что, благодаря этим училищам, по местам, было заметно улучшение церковного пения. Во многих отчетах пр. викариев о состоянии осмотренных ими церквей прямо указывалось на то, что более или менее удовлетворительное пение по церквам было обязано народным училищам. Так, пр. Сергей, епископ Ковенский, в своем отчете о ревизии церквей за 1882 год по Лидскому и Троцкому уезду заметил, что училища суть главные проводники знаний о вере и

церковности в народе, потому что молодое поколение, если и знало славянские молитвы, то, главным образом, из школы, и если где было хорошее пение, то оно обязано было училищу или церковной школе. Многие из учителей заботились о церковном пении, обучали сему учеников и сами принимали в нем участие в церкви, хотя было довольно учителей и особенно учительниц к этому делу неспособных. «Жаль только, прибавлял сей архипастырь, что учащихся в сих школах, сравнительно с народонаселением, было мало, как мало и самих училищ». Посему, пр. Сергей совершенно справедливо полагал, что, при малочисленности народных училищ в Литовской епархии, для ослабления темных сторон церковно-приходской жизни Литовской паствы, не могло быть лучшего средства, как возможно широкое открытие церковно-приходских училищ и не только там, где не было народных училищ, но и там, где они были, и привлечение в эти училища девочек.

Это желание высокоуважаемого архипастыря, ныне Владимирской паствы, исполнилось. В силу последовавшего в скором времени Высочайшего указа о церковно-приходских школах, открылись и по многим местам Литовской епархии эти школы,⁶⁶⁷ причем училищный совет при Виленском Св. Духовском братстве признавал особенно нужным открытие оных в тех местах, где были немногочисленные православные семейства, или небольшие селения находились среди сплошного иноверного населения, вдали от православной церкви и священников, с тою целью, чтобы, с одной стороны, оградить православное население от неблагоприятных влияний иноверческой среды, а с другой, и в тех видах, чтобы дети, обучаясь в русской православной школе, усваивали себе русские воззрения и без вражды относились после к православию и православным.

А для того, чтобы религиозно-нравственное воспитание не ограничивалось только школою и церковью, но продолжалось постоянно и в семейных домах, как для детей, так и для взрослых, для этого советом в 1886–1887 учебном году было признано полезным усилить распространение, в возможно большем количестве, между крестьянскими семействами

назидательных книг для чтения не только религиозно-нравственного содержания, но и русско-исторических и, независимо от сего, предположено было издать на средства братства сборник для народного чтения. В видах же привлечения детей иноверцев в церковно-приходские школы и сокращения тайных польских школ, св. Синод, по ходатайству преосвященных западного края, разрешил в 1887 году епархиальным училищным советам допускать к испытаниям на льготу по воинской повинности всех учеников церковно-приходских школ, без различия исповеданий. Для большего же ознакомления крестьян с успехами обучения детей в церковных школах, Виленский училищный совет предложил настоятелям церквей приглашать к годичным испытаниям родителей учащихся и, для придания этим испытаниям большей торжественности, также мировых посредников, становых приставов, учителей соседних народных училищ, волостных старшин и писарей, сельских старост и, вообще, более или менее влиятельных среди сельского населения лиц.

Всех школ церковно-приходских в Литовской епархии за 1887 год было 146 и 646 школ грамотности, в коих обучалось 13948 мальчиков и 1618 девочек, в числе коих было 1176 мальчиков-католиков и 65 девочек, 45 мальчиков и 5 девочек старообрядцев, 34 мальчика и 24 девочки еврейского закона, 3 мальчика – лютеранского и 5 мальчиков из магометан.

Между тем, с 1887 года материальное состояние церковно-приходских школ улучшилось, так как было ассигновано из земских сумм трех губерний в пособие им по 10 тысяч рублей в год. Благодаря сему, училищный совет в самом же начале 1887 года из 146 школ, именовавшихся дотоле церковно-приходскими, утвердил таковое название только за 51 школою. Всего школ было в этом году 68, из коих три – двуклассных. Вновь открылось 82 школы грамотности и закрылось 72, причем главною причиною сего обстоятельства был отказ крестьян от содержания учителей, или же назначение ими крайне скудного вознаграждения за учение, а 24 школы закрылись, вследствие перехода учителей в ближайшие церковно-приходские школы, или в народные училища, для продолжения обучения. В сем

году, как и в предшествующем, не было открыто совсем школ в благочинии Шумском и Троцком, в виду того, что малочисленное здесь православное население было частью рассеяно среди католиков, враждебно относившихся к православной церкви и церковной школе, а частью потому, что оно имело у себя по близости народные училища, в которых и обучало своих детей.

Что касается до результатов обучения в церковно-приходских школах молодого поколения, то они не замедлили сказаться. По наблюдению преосвященных ревизоров, инспекторов народных училищ и мировых посредников, довольно многие школы были найдены поставленными удовлетворительно в учебном отношении и, по заявлению пр. викария Брестского, экзаменовавшего в 1887 году учеников 5 школ грамоты Голынского прихода в церкви, в присутствии множества народа, бойкое чтение учеников по-славянски и по-русски и толковые ответы по закону Божию производили сильное впечатление на народ. В отчете мирового посредника Захарьина также говорилось, что церковно-приходские школы, независимо от своего значения истинных рассадников духовного просвещения и воспитания народа, имеют в северо-западном крае еще иное, чрезвычайно важное значение – в смысле действительного противодействия тайным польским школам, имеющимся здесь во множестве, и преимущественно, в тех селениях и местечках, где нет церковно-приходской школы.⁶⁶⁸

Наглядным доказательством важного значения церковно-приходской школы в крае может служить Виленская одноклассная школа, открытая в 1887 году в предместье г. Вильны «Новый Свет», где до последнего времени живут раскольники федосеевского толка и находится их молельная с кладбищем, около которой группируется многочисленная семья раскольников. Сознывая нужду в открытии среди ново-светских раскольников школы особого типа, в которую бы они посылали своих детей учиться, один из местных православных жителей, бывший некогда сам раскольников, мещанин Букин возбудил пред епархиальным училищным советом от лица нескольких

старообрядцев, живших на Новом Свете, ходатайство об открытии там церковно-приходской школы, с допущением в оную книг издания Московской единоверческой типографии и с разрешением детям старообрядцев обучаться по сем книгам, что и было разрешено. В 1888–1889 учебном году в этой школе обучалось уже 55 мальчиков и 14 девочек, из коих 46 было детей раскольников и 10 католиков. По отчету г. обер-прокурору св. Синода чиновника особых поручений при нем, г. Клирикова, результат обучения в сей школе уже во втором году её существования оказался удовлетворительным.

Но более всего заслуживало внимания в этом отчете то место, где говорилось о влиянии этой школы на родителей учеников-старообрядцев. «В начале это отношение к школе было подозрительное и даже недружелюбное, но после, когда они увидели, что их детей насильно в школе к церкви не присоединяют, а только, как выражаются, они, «учат уму-разуму», то стали относиться к школе вполне доброжелательно и с полною охотою посылать своих детей в нее. Такое отношение родителей раскольников к школе зависело от общей постановки обучения их детей: ничего резко-обличительного, полемического, порицательного не допускается, а лишь в положительной форме обучаются эти дети всему православному религиозному учению, обрядам и богослужению, с большею лишь подробностью и требовательностью знания по общим пунктам отделения раскольников от православной церкви. Такая постановка дела благотворно влияла на раскольничьих детей; незаметно для них самих, без шума, совершается в душах их, а через них и в душах их родителей, переворот; ненависть и нерасположение к церкви и раскольническое предубеждение ко всему православному начинает исчезать; православное настроение и воззрение, как, например, о необходимости священства, всех таинств и принадлежности к церкви и т.п. сродняется с их душою. Некоторые раскольничьи дети, обучающиеся в школе, по своей доброй воле, начинают ходить в церковь и один из них подошел уже ко св. чаше, многие начинают поговаривать, что, когда они вырастут, станут большими, то непременно присоединятся к

церкви, а все они начинают, некоторым образом, стыдиться своего, сектантского положения и своего попа-наставника».⁶⁶⁹

По смерти Государя Императора Александра Александровича, Виленское св. Духовское братство, при щедром пожертвовании пр. Иеронима, в ознаменование памяти почившего царя-миротворца, построило в этом предместье города церковь, соединив ее со школой мужской и женской. И нет сомнения, что плоды от этой церкви-школы будут весьма обильны, в смысле воздействия её в духе православия на раскольниковое население здесь.

Вообще, говоря о церковно-приходских школах в Литовской епархии, необходимо приходишь к тому убеждению, что в них вся будущность православия и русской народности в крае. На это указывалось, между прочим, в отчете г. обер-прокурора св. Синода за 1888–1889 (стр. 150), где говорилось, что «на ряду с православными храмами высокой цели распространения православия служат церковно-приходские школы, за которыми все преосвященные западного края единогласно признают громадное значение, как религиозно просветительного средства, парализующего губительное влияние католичества и еврейства».

Нет сомнения, что церковно-приходские школы с их школами грамотности по деревням в руках надежного учителя и священника, относящихся к своему делу не формально, а искренно, окажут правительству, между прочим, большую поддержку и в борьбе с тайными школами, возникшими, главным образом, вследствие недостаточности народных школ в крае и очень слабого развития по деревням отделений сих училищ. Пусть только будет в епархии побольше таких самоотверженных деятелей на почве народного образования, как священник о. Е. Филиппович, который еще в 1877 году, когда не было и речи о церковно-приходских школах, открыл в своем доме, в м. Носилове, Вилейского уезда, эту школу и занимался обучением детей со своею женою (они люди бездетные), которая, между прочим, обучала детей церковному пению. По переходе же своем в 1888 году в с. Рацевичи, Свенцянского уезда, на место своего умершего отца,⁶⁷⁰ о. Евгений Ф. дал дарственную запись на имя здешней церкви, пожертвовав

купленный им на свои средства дом за 300 рублей с сараем и фруктовым садом под помещение женской церковно-приходской школы, каковая открылась с 21 ноября 1892 году и в ней обучалось 54 девочки православного исповедания.

Если же духовенство епархии Литовской не отнесется с должным вниманием и усердием к исполнению возложенной на него обязанности просвещать молодое поколение в духе православия и русской народности в церковно-приходских школах, то, вне всякого сомнения, это нерадение отразится весьма неблагоприятно на успехах православной церкви в северо-западном крае.⁶⁷¹

Говоря о тех мерах, какие принимало духовное начальство в Литовской епархии с целью ослабления в жизни народа разных недостатков религиозно-нравственного свойства, считаем нужным упомянуть о возникших, было, в конце пятидесятих годов обществах трезвости. Появление этих обществ среди православного населения епархии объясняется, но нашему мнению, ничем иным, как подражанием католикам. У последних эти общества трезвости возникли в конце пятидесятих годов, с папского благословения, в Виленской, Ковенской и Гродненской губернии. Видимая цель сих обществ была благая – уничтожение пьянства в народе. Главными деятелями в обществе были духовные лица, особенно два епископа Виленский – Красинский и Ковенский – Волончевский. Общества имели свои права, объявление которых было публично произведено во всех костелах и монастырях означенных губерний, причем народу было объявлено, чтобы он безусловно повиновался приказаниям своего духовенства, а, в противном случае, угрожалось ему папскими проклятиями и вечным мучением в загробной жизни. Сами правила были составлены настолько искусно и хитро, что касались не одного только порока пьянства, а обнимали всю жизнь и деятельность католика и подчиняли его в сем отношении абсолютному контролю католического духовенства, которое и направляло эту деятельность в ту или другую сторону, по своему усмотрению, а всего больше – против русского правительства.⁶⁷²

Между тем, и православное духовенство, как бы в противовес католическому духовенству, стало заводить во многих местах, на сходных началах, общества трезвости, за что и получило в 1860 году от митрополита Иосифа благодарность. Впрочем, эти общества трезвости не стояли на твердой почве, по крайней мере, среди православного населения и существовали во многих местах более на бумаге, чем в действительности. Правда некоторые благочинные, как например, Высоко-Литовский, донесли Литовскому епархиальному начальству, что в их благочиниях число лиц из прихожан, записавшихся в общество трезвости, было очень значительно, однако, многие благочинные откровенно указали на тот факт, что даже некоторые из причетников не сдержали своего обещания не пить вино, а из прихожан лишь одна треть прекратила пить водку. Молодечненский же благочинный положительно заявил, что число воздерживавшихся в 1859 году от употребления водки значительно сократилось к 1860 году.

Причиною сего служило, с одной стороны, то обстоятельство, что проповеди и увещания духовенства прихожанам относительно трезвости, с течением времени, стали менее плодотворны, чем в первое время и, тем более, что пример оставшихся упорными в употреблении напитков соблазнял многих, уже отказавшихся, было, от этого, по внушению пастырей, а с другой стороны, внушение земской полиции народу, что от него не требуется совершенного воздержания от вина, а только умеренное употребление оно. Содержатели же откупов во многих местах гласно говорили народу о необдуманности подвига воздержания от водки, которая, по их словам, всегда была целебным лекарством от многих в простонародье болезней, и даже употребляли разного рода средства к тому, чтобы заставить народ пить водку. Так, в м. Зельве, вовремя ярмарки, местный тысяцкий, по распоряжению будто бы полиции, с барабанным боем публично оглашал народу, что-он, по воле правительства, свободно может употреблять водку, соразмерно желаниям и склонности. Равным образом, и помещики, имевшие у себя большой запас вина, также склоняли народ к пьянству, особенно во время

полевых работ, а один из них в храмовой праздник поставил против церкви харчевню и, для привлечения туда народа, устроил здесь разные игры и забавы и продавал народу водку по самой дешевой цене.

Но в то время, как духовенство жаловалось на противодействие разных лиц в деле распространения трезвости среди прихожан, последовали жалобы и на само духовенство за то, что оно употребляло насильственные меры при этом. Такова, например, была жалоба в консисторию от Гродненского губернского правления на священника и благочинного Чернавчицкой церкви П. за то, что он решительно воспрещал прихожанам пить водку (на это жаловался Брестский уездный откуп), и что в праздник Успения Пресвятой Богородицы допустил насильственные меры и неприличные духовным увещаниям действия для привлечения прихожан к обществу трезвости.

Правда, в данном случае, консистория, получивши объяснение от сего священника, нашла его не только не виновным, но даже заслуживающим похвалы, тем не менее, из отношения Гродненского губернатора на имя митрополита Иосифа видно, что некоторые священники позволяли себе обставлять принятие в общество трезвости прихожан разными обрядами, например, принуждением целовать крест, очевидно, по подражанию ксендзам. «Но, хотя, писал по сему поводу, губернатор, воздержание от пьянства, как лучшее средство к сохранению здоровья и добрых нравов в народе, заслуживает полного поощрения от местного начальства, и по статье 407 т. II свода законов попечение об этом составляет одну из важнейших обязанностей губернатора, однако, для соблюдения надлежащего в сем отношении порядка, я имею честь покорнейше просить ваше высокопреосвященство сделать соответственное распоряжение, чтобы духовенство Литовской епархии, при поощрении народа к воздержанию от употребления спиртных, напитков, кроме назиданий, исключительно духовных, основанных на убеждении, никаких других вещественных форм и обрядов не допускало».

И митрополит Иосиф должен был согласиться с сим требованием губернатора и, потому, указывая духовенству на то, что «ежечастные поучения и наставления лучше и прочнее руководствуют к добру, нежели обещания, вынуждаемые минутным увлечением и утверждаемые легкомысленным употреблением священных обрядов, предложил в тоже время консистории сделать соответственное предписание духовенству.

В деле учреждения обществ трезвости в Литовской епархии особого внимания заслуживает то обстоятельство, что, в то время, как на северо-западе России и католическое и православное духовенство стали с поспешностью, достойною лучшего приложения, заводить эти общества, митрополит Московский Филарет отнесся к сему стремлению, со свойственною ему предусмотрительностью, недоверчиво и критически. «Общество трезвости, распространение трезвости в России, писал он, красные слова, у которых надобно спросить о добром намерении. Похвально быть трезвым; но истинная добродетель трезвости утверждается на основании христианства и нравственности. Но если находят, что сего недовольно, что надобно обществу трезвости, устав, присяга, мирской приговор, угроза с денежными взысканиями, то здесь нет добродетели, нет добровольного расположения к трезвости; здесь хитрость и сила составляют соумышление и не излишне осторожность внимательно наблюсти, не скрываются ли за широко распускаемым знаменiem трезвости люди, которых главная цель – произвести расстройство в одной из отраслей государственного дохода. Если же ксендзы, как открывает наблюдатель, за непринятие присяги трезвости страшат народ церковными наказаниями, не крестят младенцев, не хоронят, не преподают треб болящим, водят непослушных по базару на аркане, держат под арестом на хлебе и воде, в церковных подвалах, где одна женщина и умерла, то неужели правительство может бездейственно смотреть на такие тиранства ксендзов, закрывая себе глаза словом *трезвость*».⁶⁷³

Это предубеждение приснопамятного святителя против заводимых на западе России ксендзами обществ трезвости

вполне оправдалось. Оказалось, что эти общества были средством для завлечения простого народа в готовившийся польский мятеж. Посему-то католическое духовенство настолько крепко держалось за эти общества, что Ковенский епископ, на требование Виленского генерал-губернатора Назимова закрыть эти общества, решительно отказался исполнить оное. И только М. Н. Муравьев, после усмирения польского мятежа, энергично, было, взялся за закрытие этих обществ, издав циркуляр, которым строго запрещалось католикам участвовать в собраниях общества трезвости, объявленных запрещенными, причем ослушникам угрожало строгою ответственностью.⁶⁷⁴ Тем не менее, по местам, эти общества уже с именем братств оставались и в 1865 году, во время присоединения католиков к православию при К. П. Кауфмане, когда они всеми силами старались удержать католиков от присоединения и не безуспешно. По крайней мере, ксендз Виленского Ивановского костела Деревинский открыто утверждал с амвона, что эти братства трезвости остановили народ в его движении к православию.⁶⁷⁵

Что касается обществ трезвости при православных церквях в Литовской епархии, то они, благодаря своему искусственному появлению, прекратили свое существование уже в начале шестидесятых годов, не оставивши никаких заметных результатов своей деятельности.

В деле распространения и охранения православия и русской народности в Литовской епархии несомненно большую пользу оказали братства, во главе которых стояло Виленское св. Духовское. Начало Виленских православных братств относится еще к XV и следующим столетиям. Целью этих братств, как и других, существовавших по разным городам великого княжества Литовского и другим областям западного края, было, главным образом, скрепление союза православных, в виду опасности, угрожавшей православию со стороны латинства, а также, поддержание церквей и дела благотворения. Братства эти были учреждены в Вильне при Виленском св. Троицком монастыре в числе 8, по количеству различных профессий в городе, а именно: 1) дворянское; 2)

Виленской городской думы; 3) купеческое; 4) шляпников; 5) сапожников; 6) портных; 7) скорняков и 8) Росское (получившее свое название от церкви и госпиталя в предместье города – Россы). Особенною известностью между ними пользовалось купеческое, имевшее свое училище и типографию. Когда сделалось известным, что в Вильне будет введена уния и что Троицкий монастырь будет отдан униатам, то те из Виленского православного духовенства и братчиков, которые не хотели соглашаться ни на какие сделки с поляками и папами, около 1590 года приобрели участок земли против Троицкого монастыря, через улицу, на котором построили церковь и монастырь, сперва деревянные, а потом – каменные во имя св. Духа, и образовали при них в 1609 году одно Свято-Духовское братство,⁶⁷⁶ которое и действовало до своего закрытия в 1797 году. Это братство имело весьма большое значение не только для северо-западного края, но и для всей западнорусской церкви. При посредстве 10 обителей, подчиненных Виленскому Святодуховскому монастырю, братство это оказывало влияние на Литву и Белоруссию. Существовавшая при братстве типография издала целый ряд книг в защиту православия и обличение унии.

Восстановление Виленского Святодуховского⁶⁷⁷ братства, послужившего прототипом всех существующих в России православных братств, последовало в 1865 году. Самая мысль об устройстве братства, по возможности, на тех началах, на которых оно существовало во время унии, явилась еще в 1863 году, но, в то время, как возбуждено было ходатайство об утверждении устава братства, последовало Высочайшее повеление о порядке учреждения братств, вообще, в Империи. Согласно с сим повелением, был вновь составлен выработанный устав братства Святодуховского, благодаря инициативе попечителя округа И. И. Корнилова, по предварительному соглашению с пр. викарием, епископом Ковенским Александром, а также проживавшими в Вильне православными деятелями на разных поприщах. После утверждения устава братства митрополитом Иосифом, 6 августа последовало самое открытие оного во дворце генерал

губернатора, причем ректор семинарии, архимандрит Иосиф, прочитал грамоту на пергаменте, данную некогда Константинопольским патриархом Иеремиею Виленскому св. Троицкому братству, продолжать деятельность которого и взялось возобновленное Святодуховское братство.

Восстановление сего братства было встречено весьма сочувственно русским обществом; пожертвования в него присылались изобильно и участие в оных принимали Высочайшие особы, и братский капитал уже во втором году его существования равнялся 17 тысячам рублей. Восстановленное братство, имея своею главною целью – служение нуждам и пользам православной церкви и русской народности в северо-западном крае и содействие к распространению духовного просвещения в народе, прежде всего направило свою деятельность на благоустройство храмов, находившихся в убожестве, жертвуя, главным образом, богослужебными предметами, и в первое десятилетие своего существования израсходовало на сей предмет более 60 тысяч рублей. К сожалению, деятельность братства с 1868 года значительно ослабела, так что общая цифра расходов по всем статьям сократилась до 4 и даже 3 тысяч рублей (в 1872–1873 и 1873–1874).

Главною причиною того послужило уменьшение пожертвований из внутренней России после 1868 года, а также совершенное прекращение сборов и пожертвований по сборным братским книжкам. По справедливому объяснению г. Владимирова, немаловажною причиною уменьшения и даже почти совершенного прекращения пожертвований в пользу братства за это время было также учреждение в Вильне женою генерал-губернатора Потапова общества «доброхотной копейки», отвлекшего много крупных чиновников из братства, тогда как характер сего общества был космополитический, причем из его благотворительности была почти совершенно исключена русская народность и православие, и она простиралась почти исключительно на польскую народность и католичество.⁶⁷⁸

Между тем, в 1869 году появилось еще общество «ревнителей православия», которое, преследуя цели, почти одинаковые с братством, не могло, однако, не содействовать уменьшению средств последнего. Поводом к учреждению сего общества послужило, с одной стороны, намерение помочь некоторым, православным братствам северо-западного края, которые нередко встречали препятствия к осуществлению своих благих предприятий, по незначительности имевшихся у них денежных средств и по ограниченности самого круга действия, а с другой, скудость некоторых церквей, недостаточная обеспеченность приютов и других благотворительных заведений в сем крае, и, наконец, затруднительное положение лиц, которые, приняв православие, лишились поддержки своего общества и семейств.

В апреле 1869 году общество это открыло свои действия. Число членов его за сей год доходило до 261. В Москве и Гродне были открыты комитеты сего общества, причем членов Московского комитета было 10, а Гродненского – 25. В начале, деятельность сего общества была очень плодотворна так, что в 1872 году оно удовлетворило нуждам 38 церквей в утвари, некоторым приходским школам доставило бесплатно, или, по возможно дешевым ценам, необходимые учебные пособия и книги и разослало 600 икон, пожертвованных почетным членом общества Егоровым для раздачи православным поселенцам Ковенской и Виленской губерний. В виду же настоятельной потребности в православных иконах, приличного письма, не только для народа, но и для приходских церквей, общества ревнителей учредило от себя стипендию при рисовальной школе Виленского учебного округа – для специального изучения одним из учеников православной иконописи и выписало из Москвы значительное число икон различной величины, финифтевых образков и крестиков с тем, чтобы открыть возможность православным приобретать их при приходских церквях. Не мало также было оказано сим обществом пособий лицам, принявшим православие.

Между тем, постепенное уменьшение числа членов сего общества, а, вместе с тем, и сумм оногo, побудило сие

общество в 1882 году слиться с Виленским Св. Духовским братством и передать в оное оставшийся наличный капитал в количестве 871 руб. 95 коп., а также, больше чем на 1 тысячу рублей икон и других богослужебных предметов. Впрочем, слияние общества ревнителей с Виленским Св. Духовским братством не дало каких-либо особенно благоприятных для деятельности последнего результатов, так как число членов братства в семидесятых и восьмидесятых годах сократилось и колебалось между 100–150. Соответственно средствам братства, уменьшилась и благотворительно-просветительная деятельность оного, так что она почти исключительно ограничивалась высылкой св. сосудов, облачений и книг в ту или другую из беднейших церквей. По уставу, благотворительная деятельность братства должна была направляться, главным образом, на ново крещеных, присоединившихся и на лиц, оказавших услуги русскому делу в крае. В первое десятилетие было израсходовано на ново крещеных и присоединившихся 8534 рублей, т.е. 16% общей суммы расхода за означенное время.

Но с конца 1870-х годов расход по этой статье значительно сократился, не смотря на то, что на усиление своих средств братство получило, благодаря содействию генерал-губернатора, графа Баранова, дом, принадлежавший упраздненному католическому монастырю Бернардинов, в котором были устроены на средства братства квартиры для сдачи по уменьшенным ценам беднейшим православным семействам, а также приют для малолетних сирот православного исповедания:

Содействие братства религиозно-просветительному делу выражалось:

- 1) в устройстве и поддержании народных школ;
- 2) в содержании на братский счет стипендиатов в учебных заведениях Вильны;
- 3) в издании и приобретении книг и брошюр для распространения в народе. Содействие братства только что начинавшимся и устраивавшимся народным школам, не имевшим ни книг, ни учителей, постепенно увеличивалось в материальном отношении, так что за первые 10 лет всего

израсходовано было на это 9814 рублей т.е. 18% всего расхода. Но, затем, учреждение трех учительских семинарий, обеспечивших учителями школы, а также устройство и снабжение народных школ учебными пособиями, содействовало понижению расходов на этот предмет с 1875 года. Когда же в 1884–1885 вышло положение о церковно-приходских школах, совет братства принял на себя обязанности епархиального училищного совета, отпустив в то же время на содержание их из своих средств в 1885–1887 около 4 тысяч рублей. Впрочем, с 1888 года деятельность братства по заведыванию церковно-приходскими школами епархии значительно сократилась, за отходом школ Гродненской губернии в ведение самостоятельного Гродненского отделения училищного совета, под председательством пр. епископа Брестского, а в 1892 году от совета братства и совсем был отделен Виленский епархиальный училищный совет, в виду неудобств, происходивших от совместного их действия.

Что касается до основного капитала братства, то он в 1872–1873 годах равнялся только 12591 рублем 50 коп., а с присоединением к нему общества ревнителей – достиг 22741 рублей в 1883 году. В последнее время, денежные суммы братства настолько возросли, что в 1889–1890 годах капитал одного равнялся 33891 рублем 47 коп. Вместе с увеличением материальных средств, стала оживленнее и деятельность сего братства, устав которого в 1894–1895 годах был исправлен и дополнен, и самое братство удостоилось принятия под Высочайшее покровительство Государя Императора. Из своих средств братство дало в 1889 году 800 рублей на постройку храма в Лазарцах, среди присоединившегося бывшего раскольничьего населения, а в 1892–1893 годах – на постройку церкви-школы на предместье города Вильны, Снипишках, в 1896 году – церкви-школы на другом предместье г. Вильны, Новом Свете и, наконец, в 1897 – 1500 рублей на содержание новооткрытой, школы учительской для приготовления искусных в пении псаломщиков.

Не менее благотворною следует считать деятельность Св. Духовского братства, направленную к содействию духовно-

нравственному просвещению народа, через приобретение и продажу для распространения в народе пригодных и полезных для него книг и брошюр, а также священных изображений на бумаге и других предметов религиозного чествования. В первые 10 лет существования братства, на это было израсходовано 1057 рублей, в следующие 20 лет – более 6 тысяч рублей, не считая пожертвованных частными лицами для раздачи народу. Впрочем, до последнего времени, это распространение и раздача книг для чтения не были правильно организованы. Только с 1894 году братство стало рассылать по церковно-приходским школам составленные по известному плану библиотеки, стоимостью каждая в 50 рублей.⁶⁷⁹ Сверх того, братство в последнее время приобретало и старопечатные книги для противо-раскольнических библиотек. С открытием своей типографии в 1895 году, братство получило возможность составлять и рассылать пригодные для народа книги по более дешевой цене и с большим приспособлением к потребностям и понятиям народа.⁶⁸⁰ В этом случае, братство пошло на встречу осуществлению сделанного пр. Сергием в 1883 году, по поводу ревизии церковей некоторых уездов, замечанию, что следовало бы скорее решить дело о распространении по церквям продажи дешевых брошюр религиозного содержания, особенно анти-католического, и в начале, для развития в народе любви к чтению, даром распространять эти брошюры, через что, по мнению архипастыря, достигалась бы двойная цель – утверждение веры и русской народности.

Особого внимания заслуживает также деятельность братства в отношении продажи свечей, масла и вина для богослужения, которая послужила не малым рычагом, побудившими духовенство епархии позаботиться об учреждении по разным местам церковных складов для продажи религиозно-нравственного содержания книг и брошюр, а также необходимых предметов для богослужения. Дело началось с того, что Виленское Св. Духовское братство, открыв в своей лавочке, в Вильне, торговлю восковыми свечами и деревянным маслом, в 1877 году через консисторию обратилось с приглашением ко всем причтам Литовской епархии брать свечи из его склада,⁶⁸¹ в

виду их доброкачественности в сравнении с теми, какие дотоле приобретались духовенством из разных лавок, и, большею частью, еврейских.⁶⁸² Но, несмотря на это приглашение, духовенство пока продолжало, по прежнему, игнорировать братскую лавочку в Вильне и без участия относиться к самому братству. Это засвидетельствовала сама Литовская духовная консистория, по поводу представления в нее священником Флором Сосновским,⁶⁸³ в видах увеличения средств на содержание церковно-приходских школ, проекта об устройстве свечного завода, с продажей других церковных предметов, в Вильне, с отделениями по уездным городам, на 2750 пудов ежегодно свечей, которая констатировала тот факт, что из всего духовенства Литовской епархии братчиками Виленского Святодуховского братства из иногороднего и сельского духовенства состояло только 2–3 лица, причем даже и те священники, которые ежегодно приезжали в Вильну на съезды и по другим разным обстоятельствам, лишь весьма редко, да и то не все, заглядывали в братскую лавочку, открытую с благотворительною целью, а забирали все предметы необходимости для их церквей и всегда предпочитали ей лавки, по преимуществу, еврейские, в ближайших к приходу местностях или городе, где для них был открыт кредит на все предметы. Тем не менее, в последнее время духовенство, наконец, пришло к убеждению в необходимости иметь хорошие свечи в церкви, вследствие чего, хотя проект духовенства об устройстве своего свечного завода в Вильне в 1895 году и не осуществился, за недостатком денег на то, но, зато, вместо маленькой лавочки при братстве, был открыт центральный склад для продажи свечей в церкви с 17-ю отделениями по епархии.

Точно также, благодаря деятельности Св. Духовского братства, найдено было в 1883 году полезным учредить, для распространения в народе книг и брошюр религиозно-нравственного содержания, склады центральные в каждой благочинии и приходские при каждой церкви, причем, для приобретения в эти склады книг и для поддержания достаточного запаса оных, от каждой церкви положено было

вносить на первый раз по 8 рублей, а, затем, нужное для сего количество денег.⁶⁸⁴

Но, отмечая, вообще, плодотворную деятельность Виленского Св. Духовского братства для церкви православной и русской народности в северо-западном крае, мы, однако же, не можем скрыть и того, что оно в конце шестидесятых и начале семидесятых годов заметно отклонилось, было, в некоторых своих предприятиях от прямой своей задачи и своего устава, преследуя коммерческие цели, хотя иногда и со вредом материальным для своего скромного бюджета.

К числу подобного рода предприятий братства нужно отнести прежде всего открытие им со второго же года своего существования ссудо-сберегательных касс в новоприсоединённых приходах Виленской и Ковенской губерний, в числе более 10, с затратою на устройство их до 3 тысяч рублей. Правда, совет братства, при этом, по-видимому, преследовал чисто благотворительную цель, оказание кредита крестьянам, особенно в летнее время,⁶⁸⁵ и через то освобождение их от ига евреев, ссужавших им деньги на весьма тяжелых условиях. Но действия братства в сем отношении, с одной стороны, были не предусмотрены уставом братства, а с другой стороны – повели к расстройству материальных средств братства, так как оказалось, что крестьяне, разобрав кассовые суммы, нисколько не заботились об их возвращении, причем, с переменою священников в приходах, где была заведена касса, терялась и самая память о ней.⁶⁸⁶

Имея в виду подобные случаи, совет братства на заседании своем 6 августа 1876 года признал за лучшее удерживаться впредь от выдачи денег в ссуду, сознавшись при сем в том, что в уставе братства не было «ясного указания на это», и что, следовательно, совет братства доселе действовал произвольно.⁶⁸⁷ Еще менее соответствовало уставу и достоинству братства принятие им на себя адвокатуры, с получением в свою пользу известного процента со взыскиваемого капитала. Так, из протоколов совета братства за 1872 года видно, что оно получило 108 рублей процентов с капитала в 1300 рублей с процентом, взысканного, по его

ходатайству, с помещика Снитки в пользу священника Иказненской церкви Котлинского.

В сем же году, присоединившийся из латинства в православие князь Эдмунд Огинский просил совет братства о заступничестве и содействии к получению им наследства от умершего брата, причем соглашался дать в пользу братства 5% с наследуемого наследства, и совет принял на себя, предварительно возбуждения дела о сем, собрание сведений через исправников Ново-Александровского и Дисненского относительно имущества умершей сестры просителя и его брата, а также и о том, где это имущество находилось.

Точно также в 1873 году совет братства возбудил ходатайство пред Виленским управлением Государственных Имуществ о взыскании 100 руб. с Лесничего Попова в пользу священника Ильской церкви Корниловича по его просьбе и удержал в свою пользу 20 руб. из общей суммы уплаченного долга. Впрочем, в одном случае, вероятно, по сознанию безнадежности получить что-либо в свою пользу от ведения судебного процесса, совет братства отклонил просьбу вдовы священника Окулича о ходатайстве пред Виленским управлением Государственных Имуществ об уплате ей 360 руб. за все время пользования её мужа землею, в бытность его священником при Светлянской церкви, хотя эта вдова соглашалась уплатить в пользу братства 5% со взыскиваемой ею суммы. Кроме того, у братства в 1872 году возник, было, проект, Впрочем, не приведенный в исполнение, об устройстве им рыбного рынка на берегу реки Вилейки.⁶⁸⁸

После Виленского Св. Духовского братства, особого внимания заслуживают братства Ковенское – св. Николаевское и Софийское – Гродненское при соборных церквях сих городов, деятельность которых более или менее простирается на все приходы сих губерний. Ковенское братство открылось 6 декабря 1864 году, имея своею целью заботиться о благолепии храмов губернии и употреблении собираемых сумм, вообще, на дела христианской любви и благотворительности. Деятельность братства наиболее была развита в начале семидесятых годов, когда, кроме обычных членских взносов, оно стало получать с

1874–1875 годов пособие из хозяйственного управления при св. Синоде в пользу братской школы в размере 248 руб. 68 коп. и пользоваться значительными сборами, в замен праздничных визитов – на Рождество и Пасху, и 232 руб. 20 коп. от Ковенского городского общества, и, наконец, до 1877 года безмездным помещением для школы, а с сего времени по 1880 год, денежным пособием от Ковенской городской управы на этот предмет в количестве 250 руб. Но с 1876–1877 года дела братства изменились к худшему. Поступления на братскую школу сократились значительно, между прочим, вследствие войны, почему совет братства нашел для себя непосильным продолжать обучать детей в школе ремеслам, портняжному и переплетному. В 1878 году прекратились постоянные и единовременные пособия, а в 1879–1880 годах сократился и штат учеников школы до 10. В 1881 и 1882 годах братство не знало, что делать со своей школой, находя ее, с одной стороны, весьма полезною и необходимою, а с другой – не находя средств на содержание её. Впрочем, в последующее время⁶⁸⁹ финансовые обстоятельства братства несколько поправились, так что братство могло построить дом для школы на бесплатно отведенной городом земле и увеличить число самих воспитанников.⁶⁹⁰

Братство в Гродне открылось при соборе в 1882 году под именем Софийского в память Императора Александра II, с целью укрепления и возвышения в местном населении духа православия и русской народности путем распространения духовно-нравственного просвещения и развития в нем честного трудолюбия. К концу года братство имело уже 20 почетных, 23 постоянных и 250 годовых членов. Деятельность его в первый год была, вообще, разнообразна. Оно содержало в Гродне на свои средства начальное училище для приготовления детей христиан обоего пола к поступлению в гимназию, для чего в центре города наняло квартиру и снабдило ее полною школьною обстановкой. В училище поступило до 50 детей, из коих бедные обучались бесплатно, а достаточные – с ежемесячною платою за обучение по 3 руб. 50 коп.

Приобретение же учебных пособий и содержание служащих и прислуги было принято братством на свои средства.

Затем, братство открыло в деревнях соборного прихода 5 отделений братского училища для первоначального обучения детей грамотности и закону Божию, в какое отделение поступило свыше 70 детей православного и католического исповедания. В видах распространения духовно-нравственного просвещения среди возрастного поколения, братство устроило склад книг религиозно-нравственного содержания, а также икон и св. изображений, для продажи и безмездной раздачи, приступило к учреждению при соборе братской библиотеки и издало в количестве 7500 экземпляров пожертвованные в пользу братства автором поучения, в трех выпусках, пр. Доната.

Наконец, в братские праздники производило в соборе безмездную раздачу народу книжек и брошюр религиозно-нравственного содержания, пожертвованных с этой целью почетным председателем братства, епископом Авраамием. В следующем 1883 году этот преосвященный уже мог констатировать факт благотворного значения Гродненского Софийского братства, которое, между прочим, выразилось в том, что открытый им при Гродненском соборе центральный склад для всего Гродненского благочиния, в течение одного года, успел распространить по всему благочинию до 8 тысяч книжек, листов и т.п., и что открытая сим же братством школа с 5 разветвлениями по деревням заключала в себе до 120 учащихся и распространяла в местной среде русскую грамотность, начала православия и дух единения, производя, в общем, благотворное влияние на местное население.

Из других братств Литовской епархии, имевших свои уставы и действовавших с более или менее видимою пользою, следует упомянуть о Брест Литовском – Николаевском и Друзгенинском, из коих первое имело своею целью служить нуждам и пользам православной церкви, содействуя украшению церквей, распространению и утверждению просвещения в народе и поддержанию принявших православие, а Друзгенинское, кроме поддержания благолепия своей церкви, также имело целью оказывать, по мере возможности, вспомоществование

неимущим больным всех христианских вероисповеданий, приезжавшим пользоваться Друзгеникскими минеральными водами, и содействовать распространению между окрестным сельским населением просвещения в духе православия и русской народности. Впрочем, кроме сих братств, к 1872 году существовало при церквях еще до 15 других, имевших устав и ограничивавшихся узким районом деятельности исключительно только в своих приходах.

Несравненно больше было таких братств, которые не имели своих уставов и действовали по установившемуся исстари обычаю и не вели отчетности в своих действиях. Подобного рода братства появились издавна. Правда, пр. Иосиф, в 1847 году в ответе своем г. обер-прокурору св. Синода, на требование его о доставлении ему сведений от Литовского епархиального начальства относительно того, существовали ли при церквях сей епархии братства из мирских людей, имевшие целью поддержание церковного благочиния и удовлетворение духовных нужд неимущих братий, как это было в католической церкви, отрицал существование сих братств. Однако, едва ли можно признать этот ответ митрополита, соответствующим действительности. М. О. Коялович, ездивший в 1862 году в западный край с целью познакомиться с положением церковных братств, нашел их в епархии в числе 150, причем большинство из них хотя жило только обрядовою жизнью, тем не менее, по замечанию Кояловича, в этих обрядах сохранилось еще много мысли и жизни, пробивавшейся сквозь них, и не редко очень явственно и сильно, и напоминавшей времена и дела древних братств. В чем выражалось это замеченное явление в жизни братств, Коялович не разъяснил, тем не менее, упоминание его о многочисленности сих братств и о довольном развитии их жизни дают нам основание заключать, что братства эти существовали в Литовской епархии издавна, еще со времен унии, по примеру католических братств. Да и сам митрополит Иосиф, вопреки своему донесению, сделанному в 1847 году Протасову относительно отсутствия в Литовской епархии сих братств, в 1864 году признал существование оных при многих

церквах и, притом, нередко с уставом братств, находившихся при костелах.

В своем предложении, сделанном в сем году консистории, по поводу издания Высочайше утвержденных правил братств всей империи, он обращал внимание на то обстоятельство, что бывали случаи, когда братства отказывались от поддержания своих приходских церквей, под предлогом исключительных обязанностей, лежащих на них, а также и на то, что множество церковных братств образовалось еще во времена унии, с утверждения униатских архиереев, вследствие чего уставы сих братств и по духу и по смыслу представляли подражание братствам при латинских костелах⁶⁹¹ и иногда выражались по отношению к православной церкви неприязненным образом.

В виду всего этого, он указывал консистории на необходимость, с одной стороны, замены братских уставов, неприязненных православной церкви, новыми, а с другой – внесения в устав вновь учреждаемых братств того положения, что вступление прихожанина в братство не освобождает его от прямых обязанностей по отношению к своей приходской церкви, если только поддержание сей церкви не принято братством по особому пункту устава.⁶⁹²

Между тем, в сем же 1864 году обратило внимание на братства, существовавшие в Литовской епархии, Министерство Внутренних Дел. Поводом к этому послужило внесение в проект братства при Голдовской церкви такого пункта, по которому на членов братства возлагалась обязанность не только самим исправно посещать церковь, но и за другими смотреть и даже подвергать их, по общему приговору, церковной епитимии, в присутствии священника, а также смотреть за нравственностью прочих прихожан и, после священнического увещания, в случае послушания, подвергать их церковной епитимии или штрафу в пользу братства, (если обвиняемый член одного), и, затем, по исключении из братства, вносить имя его в штрафную книгу волости, по приговору мирового схода, а с прочих прихожан взыскивать по усмотрению. В виду сего пункта, несогласного с уставами всех вообще братств, министр Внутренних Дел поручил Виленскому генерал-губернатору строго следить за

тем, чтобы в проекты уставов братств не было допускаемо что-либо подобное, как несогласное с общим уставом Высочайше утвержденных в 1864 году всех братств, вообще, по которому цель оных определялась – служением нуждам и пользам православной церкви для противодействия посягательству на её права со стороны иноверцев и раскольников, а также, для созидания и украшения православных храмов, для цели христианской благотворительности и утверждения духовного просвещения.

В силу того же устава, каждое братство должно было учреждаться при церквях и монастырях не иначе, как с разрешения епархиального архиерея и ведома губернатора, иметь свой устав и действовать не иначе, как на основании и в пределах оного, с сохранением, впрочем, по возможности, при учреждении братств, в составляемых для них уставах, употребляемых в древних церковных братствах наименований, правил и местных обычаев, но без внесения в эти уставы таких правил о взыскании или принудительных мерах, которые могли бы быть приводимы в исполнение не иначе, как с содействием правительственной власти, а также – без причисления к предметам ведомства или занятий братств таких дел, которые выходили из круга их деятельности, определенного уставом.

Впрочем, несмотря на это распоряжение Министерства Внутренних Дел, значительное большинство братств, бывших в Литовской епархии, и после издания новых правил относительно устройства оных, продолжало жить в епархии, как заметил в 1872 году пр. Макарий, без уставов, действуя по установившемуся обычаю и не ведя никакой отчетности в своих действиях. Сама организация личного состава братств, вообще, неодинакова. Так, в некоторых приходах все прихожане, начиная с семилетнего возраста, приписываются к братству и с той поры ежегодно отдают в братскую кассу определенный денежный взнос и, таким образом, все прихожане, кроме младенцев, становятся братчиками.⁶⁹³ В некоторых же приходах в братство вступают только домохозяева, а в иных – в состав братства входят большею частью женщины, которые называются «братчицами».⁶⁹⁴ Есть даже такие приходы, где

каждая деревня имеет свое особое братство, с своею отдельною кассою и братскими свечами.⁶⁹⁵ Но более обычно – одно приходское братство, составленное не из всех прихожан и не из всех домохозяев, а только из тех лиц мужского пола, которые пожелали приписаться. Где существует правильный контроль братских сумм, там бывают сбережения и образуются запасные суммы, хотя и не большие, рублей 100–200.

Но такой контроль бывает далеко не везде, причем не везде разумно избираются и старшие братчики, заведующие братскими суммами. Так, иногда старшими братчиками избирают молодых парней и девушек, вследствие чего происходит полная бесконтрольность в расходовании братских сумм,⁶⁹⁶ которые, притом, в некоторых братствах все расходуются на одни только братские свечи, не только не доставляя через то никакой пользы церкви, но скорее вред, служа тормозом при развитии свечной продажи.

Впрочем, в некоторых приходах братства дают некоторую помощь в церковном хозяйстве, жертвуя или часть своих денег в пользу церкви, или известное количество воска и свечей, причем некоторые братства берут на себя расход по освещению церкви, в течение целого года, а в некоторых местах от братчиков поступают и весьма значительные пожертвования. Так, например, в Вистицах в 1884 году на устройство цементного пола в церкви братство дало 360 рублей. Каменец-Литовское круглый год освещало церковь своими свечами, сколько бы их ни было израсходовано, вследствие чего вся выручка от продажи свечей составляла чистый церковный приход, а все деньги, остававшиеся после закупки братских свечей, братство жертвовало в церковь, благодаря чему в нее было приобретено не мало ценных вещей.

Как видно из сказанного, деятельность частных приходских братств, а тем более братств в каждой деревне, в большей части приходов необширна и одностороння, на что указывал в своем донесении св. Синоду в 1872 году и пр. Макарий. О деятельности же сих братств на пользу бедных собратьев по своему приходу или даже деревни ничего не слышно почти. Это

обстоятельство подало повод в 1875 году к появлению сообщения в Литовских епархиальных ведомостях⁶⁹⁷ с жалобой на малую деятельность братств, которая ограничивается только взносом известной лепты в братскую кассу, держанием свечи в известное время, при богослужении, да здоровой выпивкой, но не меду, как было в старину, а сивухи в общественных собраниях братчиков, тогда как о прежнем религиозно-нравственном влиянии братств, об оказании помощи церкви, моральной и материальной помощи бедствующему собрату редко слышно.⁶⁹⁸ Автор сего сообщения желал бы, чтобы из братских сумм выдавалась под процент ссуда нуждающимся крестьянам. Как бы подтверждением справедливости жадоб сего автора на недостаточную деятельность братств послужило сообщение в том же году в Литовских епархиальных ведомостях относительно церковных богаделен, где указывалось на то, что число последних с каждым годом все уменьшается, тогда как в прежнее время, при латинских костелах и униатских церквах и монастырях – почти при каждом была богадельня, на которую были ассигнуемы деньги тем или другим помещиком, а иной раз сообща и всем приходом; также были выделены на содержание их земли и огороды, или же давалась ссыпка хлеба зерном от помещиков и крестьян. С переходом же монастырских и костельных зданий, а следовательно, и богаделен в ведение православных причтов, означенные источники содержания прекратились, призреваемые почти все разбрелись, богадельни закрылись, а богаделенные дома, по усмотрению новых хозяев, получили другое назначение.

Наглядной иллюстрацией к сему сообщению могло послужить действительное положение призрения бедных в епархии, которое выражалось в числе богаделен и средствах содержания их. Так, в 1875 году богадельни находились в Ошмянском уезде при церквах Беницкой, Сморгонской – Преображенской и Св. Михайловской, при Михаловщицкой, Кревской – св. Троицкой, Юратишской, Трабской, Воложинской – св. Иосифовской и Константино-Елененской, Довбенской, Словенской, Дубинской и, наконец, Забреской. В Беницах богадельня была отстроена попечительством приходским в 1873

году на церковной земле, и призреваемые пользовались небольшим огородом, подаванием от прихожан и 7 руб. 50 коп. процента с капитала в 150 руб., завещанного одним помещиком. При Сморгонских обеих церквях было по дому на церковной земле, где жили в одном 4, а в другом – 5 нищих, пользуясь подаванием от прихожан. При Михаловщицкой церкви существовал также дом для нищих на церковной земле, в котором находились только 2 человека призреваемых на подавания от прихожан. При Кривской – св. Троицкой церкви богадельня, находившаяся на церковной земле, с 1875 года обратилась в помещение для псаломщика, равно как и в Юратишском приходе. При Трабской церкви, в доме, находившемся на церковной земле, жил один нищий; при Воложинских обеих церквях находилось по дому, из коих в одном находилось 4 нищих, а в другом 6. При церквях в приходах Довбенском, Словенском, Дубинском и Забрезском, в домах, на церковной земле, жило в первом приходе 2 нищих, при втором – 4, третьем – 2 и последнем – 4. При всех этих церквях дома были устроены на церковной земле прихожанами, при заботливости причтов, причем призреваемые содержались на добротные подавания.

В Вильне богадельня находилась при Виленском кафедральном соборе, на кладбище, в устроенном для того доме, где жили призреваемые женщины, получавшие определенное содержание и пользовавшиеся подаванием. В Виленском уезде находилась только одна богадельня при Шумской церкви на 4 нищих, живших на добротные подавания. По Вилейскому уезду богадельня была при Молодечненской церкви, Марковской и Радошковичской, из коих в первой было 3 нищих, во второй – 1 и в третьей – 2. Все они жили, частью, собственным трудом; частью, добротным подаванием прихожан хлебом, мясом и деньгами – в праздничные дни. По Дисненскому уезду богадельня была лишь при одной Дисненской – Воскресенской церкви на 4 женщин, живших на добротные подавания.

В Гродненском уезде была построена новая богадельня при Радивонишской церкви, на содержание которой шли проценты с

1400 рублей, завещанных бывшим владельцем Мушинским, причем часть процентов шла в пользу причта на поминование вкладчика, а другая, за неимением богаделенных, в последние годы выдавалась на руки бедным, хотя никакой специальной записи почти при сем не было ведено. При Верцелишской церкви, где, впрочем, помещения для богадельни не было, из имения, по завещанию Свечина, отпускалось ежегодно 75 рублей на 4-х престарелых женщин.⁶⁹⁹ В Волковысском уезде богадельня была при Яловской Александро-Невской церкви – с 2 нищими, жившими на пособия от прихожан; в Белостокском – при Заблудовской церкви, построенной на церковной земле, с 5 нищими, содержащимися на dobroxotnye даяния, особенно в поминальные дни; в Бельском уезде при Бельской св. Михайловской церкви – на 7 человек, содержащихся на счет аренды, принадлежавшей богадельне, а равно процентов с капитала, который к 1 января 1874 года состоял из 1 тысячи рублей билетами и 135 руб. наличными; в Пружанском уезде – при Шерешевской богадельне содержалось 5 нищих; в Слонимском – при Коссовской церкви (на сколько человек, не показано); в Ковенском уезде при Александро-Слободской на 5 человек. Богадельня здесь была учреждена в 1865 году 6 декабря по приходскому мирскому приговору, в этот день состоявшемся, по которому каждый домохозяин обязан был вносить ежегодно муки ржаной 45 ф., капусты по 4 кочана, картофеля – 12 гарнцев, круп гречневых или ячменных – 12 ф., на соль – 6 копеек, на постное масло 4,5 коп. и на сало – 6,75 коп. Впрочем, в последнее время домохозяева не стали выполнять добровольно принятых на себя обязанностей и ничего не давали на содержание сей богадельни. Между тем, в последующее время, дело призрения нищих в богадельнях при церквях еще более ухудшилось, и по отчету пр. Алексия о состоянии епархии за 1889 год всего богаделен значилось в епархии 29 с 79 призреваемыми. Таким образом, из всего сказанного о богадельнях в Литовской епархии видно, что благотворительность в епархии, направленная к призрению престарелых и больных прихожан, здесь мало развита, что,

конечно, не может служить к пользе церкви православной в крае.

Заключение

Таким образом, из всего сказанного нами о состоянии православной церкви в Литовской епархии со времени воссоединения униатов становится очевидным, что это состояние находится далеко не на той степени высоты, на которой было бы желательно видеть его, и причин тому, как мы видели, не мало, и в числе их чуть ли ни самую главную должно считать то обстоятельство, что самая местность, при которой живет православное население, благоприятствует более успехам римско-католичества, чем православия. «Живи, справедливо замечает г. Владимиров, воссоединенные и обращенные где-нибудь в глубине России, окруженные со всех сторон православною массою, они были бы ассимилированы православием; но живя на окраине государства, где они соприкасаются с массою польско-католического населения, даже на самом месте своего жительства перемешанные с польско-католиками, где польское католичество, кроме других средств, имеет бытовые традиции и привычки, где орудуют польские патриоты, справедливо считающие костел единственным польским учреждением в крае, а религиозную почву единственным местом успешной борьбы с Москвой, в такой местности и при таких условиях не только не удивительно, что «обращаемые» и «воссоединяемые» не ассимилируются православием, но было бы удивительно, если бы они ассимилировались. А в виду прошедшего и остающихся неизменными бытовых отношений и условий края, мы и в будущем не можем разумно и логично ждать лучшего успеха для православия в крае»,⁷⁰⁰ если, конечно, заметим от себя, местные духовные и гражданские власти не приложат более энергичного содействия к осуществлению всех тех мер и средств, какие св. Синод и высшая гражданская власть неоднократно рекомендовали, как наиболее способствующие успеху православия и русской народности в северо-западном крае, как, например, увеличение числа церковно-приходских

школ для воспитания и образования молодого поколения в православно-русском духе.

Да! Духовная жатва в Литовской епархии еще велика. Да пошлет же Небесный Домовладыка на эту ниву побольше усердных и энергичных деятелей в духе православной церкви и русской народности, которые могли бы принести Ему обильные плоды от своих трудов хотя к столетнему юбилею со времени воссоединения униатов северо-западного края с православною церковью.

Приложение

В виду того немаловажного значения, которое имеют статистические данные в научных трудах, подобных настоящему, считаем необходимым привести эти данные за несколько лет из прошедшего пятидесятилетнего периода времени существования православной Литовской епархии, заимствуя оные из всеподданнейших отчетов обер-прокуроров св. Синода.

	1842	1849	1859	1869	1880	1888
Число мужских монастырей Литовской епархии	9	10	10	10	7	7
Число женских монастырей	2	2	2	2	2 (один из них заштатный)	2 (один заштатный)
Положено по штату монашествующих мужском монастыре	160	115	115	115	88	88
Состояло на лицо монахов	78	79	74	82	71	69
Состояло на лицо послушников	22	49	76	61	21	65
Положено по штату монашествующих женском монастыре	27	25	25	11	11	11
Состояло на лицо монахинь	9	23	18	23	11	9 и за штатом 15 монахов
Состояло на лицо послушниц	—	16	17	15	7	60
Число соборов	8	6	6	8	13	13
Число монастырских церквей	10	12	12	13	10	11
Число приходских церквей	441	456	457	485	489 (из них 3)	495 (из них 4)

						единовер.)	единовер.)
Число кладбищенских церквей	7	117	143	156	174		198
Число упразднённых или приписных церквей.	59	78	80	167	213		203
Число часовен	187	124	93	52	66		72
Положено по штату протоиереев	3	12	11	10	13		13
Состояло на лицо протоиереев	3	8	10	23	34		31
Положено по штату священников	447	495	499	533	567		569
Состояло на лицо священников	425	483	489	529	529		528
Положено по штату диаконов	61	70	70	77	18		18
Состояло на лицо диаконов	15	58	58	61	31		33
Положено по штату причетников	716	804	1 126	1 168	628		625
Состояло на лицо причетников	333	644	899	919	603		594
Число заштатных протоиереев священников	и 82	45	26	38	15		18
Число заштатных диаконов	10	–	–	1	3		2
Число заштатных причетников	133	102	94	–	25		30
Число лиц православного исповедания мужского пола	329 523	340 166	334 235	440 020	515 232		567 771
Число лиц православного	313 196	334 130	343 427	438 848	505 074		555 402

исповедания женского
пола

	1843	1850	1860	1870	1881	1889
Количество кружечного кошелькового дохода	3 и 524,43 руб.	11 57,79 руб.	12 15,79 руб.	35 48,73 руб.	42 25,47 руб.	45 784 руб.
Количество дохода с имений	2 607,68 руб.	843,37 руб.	1 311,92 руб.	6 734,26 руб.	22 870,72 руб.	42 722,51 руб.
Число больниц на казенном монастырском иждивении	на 2 и 18 лиц	на —	—	—	—	—
Число больниц на иждивении частных лиц	на 1 и 36 лиц	на 1 лица	на 21 лица	на 2 —	—	—
Число богаделен при церквях на казенном и церковном иждивении	49 на 102 лица	30 на 71 лицо	31 на 72 лица	на 1 лица	на 2 —	—
Число богаделен на иждивении частных лиц и обществ	на 1 лицо	на 14 33 лица	на 13 32 лица	на 20 78 лиц	на 28 лиц	23 на 79 лица за 1888— 1889 год
Число школ при монастырях церквях	и 2	—	175	105	10	848
Число учащихся них мужского пола.	в 140	—	1 917	3 266	185	всего за 1888—
Число учащихся них женского пола.	в —	—	118	164	5	1889 год 16526
Число церковно- приходских попечительств	—	—	—	149	475	473
Количество пожертвований	от —	—	—	—	28971,27 руб.	15374,27 руб.

них

Число библиотек	—	—	41	41	38
благочиннических					
Число библиотек при церквях	—	—	—	36	86

При сем считаем не излишним привести статистические данные о числе иноверцев, населяющих Литовскую епархию, заимствуя эти данные из книги г. Киприановича, «Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии в Литве с древнейшего до настоящего времени», г. Вильна, 1895 год.

К 1895 году значилось по Виленской губернии православных — 384651; раскольников — 25519; католиков — 774110; протестантов — 3061; евреев — 206274; караимов — 608; магометан — 3021; костелов — 182; один женский монастырь с 18 монахинями и 235 ксендзов.

По Гродненской губернии православных — 865451; раскольников не было; католиков — 409218; протестантов — 12218; евреев — 295471; магометан — 3280; костелов — 93; один мужской монастырь с 4 монахами; 2 женских с 11 монахинями и 111 ксендзов.

По Ковенской губернии православных — 41696; раскольников — 26622; католиков — 1192159; протестантов — 59769; евреев — 317815; магометан — 1563; костёлов — 344; один мужской монастырь с 9 монахами; 2 женских с 30 монахинями и 604 ксендза.

Алфавитный указатель личных имен, упоминаемых в книге

Абрамович Иоанн – протоиерей, благочинный Владимирский.

Абрамович – бывший католический ксендз.

Авраамий (Летницкий) – епископ Брестский после епископ Тобольский, Саратовский.

Акиндинов – раскольнический наставник.

Александр II – Император Всероссийский.

Александр III – Император Всероссийский.

Александр (Добрынин) – епископ Ковенский, Минский, архиепископ Донский, Литовский.

Алексий (Лавров-Платонов) – архиепископ Литовский.

Альбединский Петр Павлович генерал-адъютант, генерал-лейтенант, Виленский генерал-губернатор.

Анастасий (Опоцкий) – епископ Брестский, Сарапульский, Чебоксарский, Туркестантский, ныне – Балахненский.

Андрей (Савич) – настоятель Борунского монастыря.

Антонин (Державин) – епископ Ковенский, Полоцкий, ныне – Псковский.

Антоний (Амфитеатров) – архимандрит, после архиепископ Казанский, автор книги «Догматическое богословие».

Антоний (Зубко) – епископ Брестский архиепископ Минский.

Антоний – архимандрит благочинный монастырей.

Антония-казначей ныне – игуменья Виленского Мариинского монастыря.

Ахматов Алексей Петрович – обер-прокурор св. Синода.

Бантыш-Каменский – автор книги «История об унии».

Баранов Эдуард Трофимович – генерал-адъютант, генерал-лейтенант, граф, Виленский генерал-губернатор.

Барановский Иоанн – священник, благочинный Свенцянский.

Барановский Петр – священник, благочинный Дрогичинский.

Бергман – составитель русских прописей.

Бедрицкий Стефан – священник Княгининской церкви.

Бернацкий – римско-католический ксендз, после становой пристав.

Бибилов Дмитрий Гаврилович – Киевский военный губернатор, Подольский и Волынский генерал-губернатор.

Бибилов Илья Гаврилович – Виленский военный губернатор управляющий и гражданской частью, Гродненский, Минский в Ковенский генерал-губернатор.

Бирюкович – священник, благочинный Друйский.

Бобровский Михаил – протоиерей, благочинный Пружанский.

Босацкий Виктор – настоятель Виленского Троицкого монастыря.

Бояркинский – римско-католический ксендз.

Брен Самсон – протоиерей, благочинный Лидский.

Брохес Янкель – еврей-портной.

Будилович Антоний – протоиерей, благочинный Высоколитовский.

Будилович – священник, настоятель Покрской церкви.

Бунин К. Ф. – Виленский мещанин.

Буксгевден Петр Федорович – граф, начальник жандармского округа.

Буссе – составитель руководства к арифметике.

Буткевич Даниил – священник, Овручский благочинный.

Буткевич Стефан – протоиерей, благочинный Радомысльский.

Белозерский Савватий – священник Кривичской церкви.

Василий (Лужинский) – архиепископ Полоцкий.

Вениамин (Румовский) – архиепископ Нижегородский, автор книги «Новая скрижаль».

Витгенштейн – князь-помещик.

Владимиров А. – писатель по истории северо-западного края.

Владимир (Никольский) – епископ Брестский, Ковенский, ныне Нижегородский.

Володкевич – помещик.

Волончевский – Ковенский римско-католический епископ.

Востоков – составитель руководства по русской грамматике.

Войчанский – помещик-католик.
Врангель барон Георгий Петрович – попечитель Виленского учебного округа.
Вредт – помещик-католик.
Гагпонович – священник Гутовской церкви.
Гербович – помещик-поляк.
Гереминovich – заштатный священник.
Гереминovich – священник.
Гечевич – мировой посредник, поляк.
Гильдебрандт – действительный статский советник, справщик в Санкт-Петербургской Синодальной типографии.
Гинтовт – священник Сморгонской церкви.
Главинский Самсон – священник, благочинный Ратненский.
Гноинская – помещица Слонимского уезда.
Гоголевский Онуфрий – протоиерей Клецельской церкви и благочинный.
Годачевский – поручик арендатор имения.
Голицин Андрей Михайлович – князь, генерал-лейтенант, генерал-губернатор Витебский, Могилевский и Смоленский.
Гомолицкий – священник Свислочской церкви.
Гомолицкий Виктор Иванович – член Литовской Духовной консистории и Виленский кафедральный протоиерей.
Гомолицкий Иоанн – соборный протоиерей, благочинный Новогрудский.
Горбачевич Феодор – протоиерей, благочинный Антопольский.
Гречиха – заштатный священник.
Григорий (Полетаев) – епископ Ковенский, ныне Омский.
Гриневецкий – Виленский римско-католический епископ.
Грубер Еварест Андреевич – попечитель Белорусского учебного округа.
Дебольский Г. С. – протоиерей автор книги «Дни богослужения».
Деревинский – ксендз Виленского, Ивановского костела.
Дмитревский – протоиерей преподаватель Литовской Духовной семинарии, член Литовской духовной консистории, после ректор Рижской духовной семинарии.

Дмоховский Казимир – исправляющий должность председателя римско-католической духовной коллегии, епископ-суффраган Курляндский.

Добрянский – священник в Галиции.

Долгоруков Николай Андреевич – князь Виленский, военный губернатор и Гродненский, Белостокский и Минский генерал-губернатор.

Донат (Бабинский) – епископ Брестский, Ковенский, Рижский, Подольский, архиепископ Литовский.

Дорендов Василий – раскольниковый наставник, после единоверческий священник при Каролишской церкви Ковенской губернии.

Дорошевский – священник Жоснянской церкви.

Дрейзен Павел Иоанникиевич – раввин еврейский, после православный миссионер среди евреев.

Друцкий-Любецкий – князь, присоединившийся к православию.

Друцкий-Соколинский – князь помещик-католик.

Евгений (Бажанов) – епископ Минский, после архиепископ Карталинский, Астраханский, Псковский.

Евгений (Шершилло) – епископ Брестский, Ковенский, Минский, Астраханский, Ставропольский, Могилевский.

Евсевий (Ильинский) – епископ Ковенский, Подольский архиепископ, Карталинский, Тверской.

Евсевий (Орлинский) – архиепископ Могилевский.

Егоров – московский купец.

Жилинский Венцеслав – Виленский римско-католический епископ.

Жукович Платон Николаевич – профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Заводская – крестьянка Волковысского уезда.

Замойский – граф, владелец имения в с. Николаеве.

Захаревич Стефан – секретарь Литовский духовной консистории.

Захарьин Иван Николаевич – мировой посредник.

Зосимович – священник Тельшевской церкви.

Зенкович Лев – священник вице-благочинный Ошмянский.

Ивановский Михаил – священник Молодечненской церкви и благочинный.

Иванов – дворянин.

Игнатий (Железовский) – архимандрит Гродненского Борисоглебского монастыря епископ Брестский.

Игнатович Иоанн – священник Головчицкой церкви благочинный Новоград-Волынский.

Иннокентий (Вениаминов) – митрополит Московский.

Исидор (Никольский) – епископ Полоцкий, Могилевский, экзарх Грузии, митрополит Киевский, после Санкт-Петербургский и Новгородский.

Ианнуарий (Вознесенский) – епископ Брестский, после Балтский.

Иеремия – патриарх Константинопольский.

Иероним (Экземплярский) – архиепископ Литовский, ныне Варшавский.

Иоаким – епископ Брестский.

Иосиф (Дроздов) – епископ Ковенский, после Смоленский.

Иосиф (Соколов) – епископ Брестский, ныне Острогожский.

Иосиф (Семашко) – архиепископ Литовский, митрополит Литовский.

Иустин (Полянский) – архимандрит, ныне епископ Уфимский, автор книги «Догматическое богословие».

Калинский Фома – священник, после протоиерей Долгиновской церкви.

Калкатин Иван Степанович – управляющий Виленской палатой Государственных Имуществ.

Камашко Иаков – священник, благочинный Свирский.

Каранчевский – иезуит составитель учебника по нравственному богословию.

Карташевский Григорий Иванович – директор департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Кауфман Константин Петрович – генерал-адъютант, генерал-лейтенант, Виленский генерал-губернатор.

Киприанович Григорий Иаковлевич – преподаватель Литовской Духовной семинарии.

Киприанович – священник Крайской церкви.

Кирилл (Орлов) – епископ Ковенский.
Кирилл (Наумов) – архимандрит, после епископ Мелитопольский автор книги «Пастырское богословие».

Клириков – Действительный статский советник, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода.

Клодницкий – священник Старо-красносельской церкви.

Клонгевич Андрей – Виленский римско-католический епископ.

Кныстовст Гаспр – иеромонах доминиканского ордена.

Ковалевский – становой пристав Мозырского уезда.

Ковганко – крестьянин.

Когачевский – причетник Городокской церкви.

Колосов Леонид – священник в Слонинском уезде.

Константин Николаевич – Великий Князь.

Концевич – протоиерей Ново-Александровской церкви.

Корнилов Иван Петрович – попечитель Виленского учебного округа.

Корнилович Андрей – священник Ганутской церкви.

Корнилович – священник Ильской церкви.

Корнилович Ипполит – помощник секретаря Литовской духовной консистории.

Корсакевич Михаил – протоиерей Виленской Николаевской церкви.

Костыцевич Адам – протоиерей, благочинный Бельский.

Котлинский – священник Иказненской церкви.

Коханов Иван Семенович – генерал от артиллерии, Виленский генерал-губернатор.

Кочановский – священник.

Коялович Михаил Иосифович – профессор Санкт-Петербургской духовной академии.

Краевский Стефан – священник, благочинный Луцкий.

Крамеров – штабс-капитан, участковый заседатель.

Крапоткин – князь, Гродненский губернатор.

Красинский – Виленский римско-католический епископ.

Красовский Иоанн – Полоцкий униатский архиепископ.

Крашановский Иаков – священник, благочинный Кременецкий.

Крониковский Даниил – священник Мядзиольского женского монастыря.

Круковский Павел – протоиерей, благочинный Каменецкий.

Крючков – протоиерей, синодальный миссионер среди раскольников.

Кубарко – учитель народного училища.

Кудржицкий – священник, благочинный Махновский.

Кулчицкий – столоначальник Литовской духовной консистории.

Куновский – ксендз.

Курганович – священник Пружанской церкви.

Куцевич Григорий – протоиерей, член Литовской духовной консистории.

Куцевич – священник, благочинный Волковысский.

Кушевич – аптекарь.

Кузнецов – протоиерей, Свенцянский благочинный.

Лабейковский Виктор – священник, благочинный Каменец-Подольский.

Лаврентий – архимандрит, сверхштатный член Литовской духовной консистории.

Лев XIII – папа Римский.

Леонтий (Скибовский) – архимандрит Тригурского монастыря.

Логгин – иеромонах, заведующий Виленским женским монастырем.

Ломоносов – Рижский купец, подрядчик по церковно-строительному делу.

Лопацинская – графиня, Леонпольская помещица.

Лопацинский Игнатий – помещик-поляк.

Лопушинский – заштатный священник.

Лопушинский Франц – протоиерей, вице-благочинный Бельский.

Лукьянов – священник.

Любимов Василий – священник Бытенской церкви.

Люткевич – писец Литовской духовной консистории.

Макаревский Иоанн – священник Олькеникской церкви.

Макарий (Булгаков) – архиепископ Литовский, после митрополит Московский.

Малишевский – священник, Друйский вице-благочинный.

Малишевский Феодор – священник, благочинный Каменоширский.

Мильдельштам – еврей, Ковенский купец.

Маркевич Лев – протоиерей, благочинный Белостока, и после Бельский.

Маркевич – пономарь.

Маслов – судебный следователь.

Матусевич Василий – священник, благочинный Виленский.

Машкевич – ксендз.

Мелиоранский – инспектор народных училищ в Гродненской губернии.

Мельников Георгий Васильевич – чиновник особых поручений при Виленском губернаторе.

Миклашевский Франц – причетник Тиховольской церкви.

Миронович Петр – протоиерей, благочинный Ковенский.

Михаил – епископ Ковенский.

Михаил (Голубович) – епископ Брестский, после архиепископ Минский.

Михаил (Шелепин) – архимандрит Березвечского монастыря.

Миркович Феодор Яковлевич – генерал-лейтенант, Виленский генерал-губернатор.

Можайский – священник, благочинный Свислочский.

Можаров – городничий.

Мостивский Эдуард Осипович – граф, Виленский губернский предводитель дворянства.

Муравьев Андрей Николаевич – бывший чиновник в синодальной канцелярии, камергер, член Академии Наук и писатель в области церковно-исторической и богословской.

Муравьев Михаил Николаевич – генерал от инфантерии, граф, Гродненский военный губернатор, Министр Государственных Имуществ, Виленский генерал-губернатор.

Мухин Афанасий Феодорович – Виленский купец, китор Виленского кафедрального собора.

Мушинский – помещик в Радивоничском приходе.

Назимов Владимир Иванович – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, Виленский генерал-губернатор.

Никанор (Клементьевский) – архиепископ Минский, Волынский, Варшавский, митрополит Санкт-Петербургский.

Никодим (Марциновский) – архимандрит Супрасльского монастыря.

Николай Павлович – Император Всероссийский.

Николай Александрович – Цесаревич.

Николай – архимандрит, настоятель Супрасльского монастыря.

Никольский Константин – протоиерей в Санкт-Петербурге, автор книги «Пособие к изучению устава богослужения православной церкви».

Новицкий Каэтан Осипович – Волковысский окружной начальник.

Немцевич – протоиерей.

Огинский – князь владетель Залесского имения.

Огинский Эдмунд – князь, перешедший в православие.

Окулич Фабиан – священник, благочинный Довилейский.

Окулич Константин – окончил курс семинарии, учитель.

Окулич – вдова священника Светлянской церкви.

Олдановский – помещик, поляк.

Орлова-Чесменская Анна Алексеевна – графиня.

Орлов Петр – священник Виленского женского монастыря, после Борковской церкви.

Орловский Филарет – священник Словенской церкви.

Павел (Прусский) – архимандрит настоятель Московского Никольского единоверческого монастыря.

Павел – иеродиакон Сурдекского монастыря.

Павлов А. С. – генерал, автор записок по истории северо-западного края.

Паньковский – священник, благочинный Дзенциольский.

Панютин Стефан Феодорович – Виленский губернатор.

Пархомович – священник Русско-сельской церкви.

Пац – ксендз Рудоминского костела.

Пашкевич Александр – священник, благочинный Любчанский.

Пашкевич Иоанн – священник Чернавчицкой церкви.

Петкевич Антоний – священник (из ксендзов) Ковенского, после Виленского кафедрального собора.

Пилецкая Елена – помещица (полька) Гродненского уезда.

Плавский Константин – священник, благочинный Скидельский.

Плавский – священник Кревской церкви.

Платон (Городецкий) – архимандрит Виленского Св. Духова монастыря, епископ Ковенский, архиепископ Рижский, Донской, Херсонский, митрополит Киевский.

Плескацевич Фаддей – священник Великорытской церкви.

Плятер Адам – граф, помещик.

Победоносцев Константин Петрович – статс-секретарь, действующий тайный советник, Обер-Прокурор св. Синода.

Полисадов – протоиерей, известный проповедник.

Попов Василий – протоиерей, благочинный Гродненский, после Виленский кафедральный протоиерей.

Попов Владимир – протоиерей, благочинный Ковенский.

Попов – лесничий.

Порфирий (Успенский) – архимандрит, начальник миссии в Иерусалиме, епископ Чигиринский.

Поспелов Иван Григорьевич – священник в Рижской епархии, ныне кафедральный протоиерей в г. Костроме.

Потапова Екатерина Васильевна – жена Виленского генерал-губернатора.

Потапов Александр Львович – генерал-адъютант, генерал-лейтенант, Виленский генерал-губернатор.

Прокопович – священник Суражской церкви.

Протасевич В. – священник, благочинный Волковысский.

Протасевич Иустин – священник Турейской церкви.

Протасов Николай Александрович – граф, обер-прокурор св. Синода.

Пузина – князь, помещик.

Пусловский – Виленский губернский, предводитель дворянства.

Путятин Родион – протоиерей г. Рыбинска, известный проповедник.

Пщолко Антоний – протоиерей, член Литовской духовной консистории.

Пщолко – священник, эпитимист.

Радзиванский – ксендз Рафаиловского костела.

Радзивилл – князь, католик, принявший православие.

Райский – псаломщик Сычевской церкви.

Ральцевич Каллист – священник Девятковской церкви.

Рапакский Роман – священник Котранской церкви.

Ратч – автор книги «Сведения о польском мятеже».

Ретовский – ксендз Тельшевского костела.

Розенберг – солдат из евреев отступник от православия.

Розенталь – Виленский купец.

Рубан – еврей.

Савиневич – крестьянин.

Савицкий Кирилл – священник, благочинный Уманьский.

Савицкий – священник.

Савич Людвиг – священник, благочинный Колесницкий.

Сакович Иосиф – священник Городецкой церкви.

Свечин – помещик в Верцелишском приходе.

Семенов Алексей Васильевич – Виленский гражданский губернатор, сенатор.

Серафим (Глаголевский) – митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский.

Сергий (Спасский) – доктор богословия, епископ Ковенский, епископ Могилевский, архиепископ Владимирский.

Сингелевич Иоанн – священник, благочинный Староконстантиновский.

Ситкевич – священник, благочинный.

Скабалланович – священник Нарочской церкви.

Скрабовский – ксендз.

Скирмунт Александр – помещик Кобринского уезда.

Скоробогатов – Ковенский раскольник беспоповской секты.

Смарагд (Троицкий) – иеромонах, смотритель Виленского духовного училища, после епископ Ковенский.

Смирнов Евграф – действительный статский советник, директор Полоцкой учительской семинарии, автор учебника «Всеобщая церковная история».

Смирнов Флегонт Кузьмич – коллежский советник, секретарь Литовской духовной консистории.

Смолич – священник Юрбургской церкви.

Снитко – помещик.

Снитко Фаддей – священник Спягельской церкви.

Соботковский – заштатный священник.

Соботковский Алоизий – сын заштатного священника.

Солконский Каспер – управитель имения Городца.

Соловьевич Василий – протоиерей, благочинный Брестский.

Соловьевич Иосиф – протоиерей, благочинный Слонимский.

Соловьевич Прокофий – протоиерей, благочинный Полесский.

Соловьевич Феодор – протоиерей, благочинный Дисненский.

Сосновский – священник Васильковской церкви.

Сосновский Антоний – соборный протоиерей, настоятель Клещельской церкви.

Сосновский Флор – священник Пухловской церкви.

Станкевич Мартен – протоиерей, благочинный Ошманский.

Стоянович Сильвестр – священник Тройской церкви.

Стравинский Иосиф – помещик.

Страшкевич – священник Покрской церкви.

Страшкевич – священник Шавельской церкви.

Строганов Александр Григорьевич – граф, управляющий Министерством Внутренних Дел.

Стрелецкий Иоанн – священник (из ксендзов) Касутской церкви.

Стукалич Михаил – протоиерей, благочинный Друйский, после причетник.

Субботин Николай Иванович – тайный советник, бывший ординарный профессор Московской духовной академии.

Суворов-Рымникский Александр Аркадиевич – граф, князь Италийский, Рижский военный губернатор.

Суханов Захария – священник, благочинный Вилкомирский, протоиерей Ковенского собора и благочинный.

Сохорукин Артемий – Ново-Александровский, единоверческий священник.

Сушков Николай Васильевич – Минский гражданский губернатор.

Щепуро – священник, благочинный Радошковичский.

Теодорович Иосиф – протоиерей, благочинный Домбровицкий.

Тиминский Иаков – священник.

Тиминский Иосиф – писец.

Титов Феодор Иванович – священник доцент Киевской духовной академии.

Тихомиров Мартимиан Афанасьевич – раскольнический наставник, после единоверческий священник в Перелазах.

Тотлебен Эдуард Иванович – граф, генерал-адъютант, инженер-генерал, Виленский генерал-губернатор.

Трамбовский – ксендз.

Тупальский Антоний – соборный протоиерей Жировицкого кафедрального собора и председатель Литовской духовной консистории.

Турцевич – священник.

Турчинский Павел – присоединившийся к православию ксендз.

Фавст (Михневич) – игумен Жировицкого монастыря.

Феодор – игумен Сурдекского монастыря.

Феофан (Говоров) – бывший епископ Владимирский, писатель-богослов.

Филарет (Гумилевский) – епископ Рижский, архиепископ Черниговский.

Филарет (Дроздов) – митрополит Московский.

Филарет (Малишевский) – епископ Ковенский, Уфимский, Нижегородский.

Филарет – игумен настоятель Тороканского монастыря.

Филиппович Иоанн – священник Русско-сельской церкви.

Филиппович Евгений – священник Носиловской, после Русско-сельской церкви.

Фирасевич Лев – протоиерей, благочинный Ковельский.
Флавиана – игуменья Виленского Мариинского монастыря.
Фляк – мещанин г. Соколки.
Харлампович Василий – протоиерей, благочинный Кобринский.
Ходкевич Григорий – гетман.
Христофор (Смирнов) – епископ Ковенский, ныне Екатеринбургский.
Хруцкий – священник.
Центковский Стефан – протоиерей, благочинный Коссовский и Слонимский.
Цивинский Иоанн – римско-католический епископ Тройский, суфраган Виленской епархии.
Чайковский – священник.
Чарторыйский Адам – князь, попечитель Белорусского учебного округа.
Чельцов – профессор Санкт-Петербургской духовной академии.
Черваковский – священник, благочинный Ошмянский.
Шадловский – причетник.
Шарковский – становой пристав Лидского уезда.
Шелепин – священник.
Шеметилло – священник.
Шестаков – контр-адмирал, Виленский губернатор.
Шолковский Владислав – священник (из ксендзов) Кревской церкви.
Шостаковский – священник, благочинный.
Шугаевский – автор статьи «Католическое и православное духовенство юго-западного края России».
Щеглов – священник.
Щербинин Михаил Павлович – сенатор, тайный советник.
Ювеналий (Половцев) – архиепископ Литовский.
Янковский Плакид – соборный протоиерей, член Литовской духовной консистории.
Янковский – священник.
Ячиновский Лев – протоиерей, благочинный Пружанский.

Используемая литература

- Записки митрополита Иосифа.
Дела Литовской духовной консистории.
Литовские епархиальные ведомости.
Архив Литовской духовной консистории.
Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета.
История Литовской духовной семинарии.
Письма митрополита Филарета к Высочайшим особам и разным другим лицам.
Дела из архива св. Синода по судебному отделу из архива архиепископа Литовского.
Церковный Вестник.
Прибавление к «Церковным Ведомостям».
Литовские епархиальные ведомости.
Христианское чтение.
Церковные ведомости.
Киприанович, «Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западнорусских униатов с православною церковью в 1839 году».
Г. Владимиров. «О положении православия в северо-западном крае».
Брянцев. «История Литовского государства», 1889 год, Вильна.
Московские Ведомости.
Священник Фудель.

Примечания

¹ - См. книгу: «Торжество пятидесятилетия воссоединения униатов с православной церковью. 8 Июня 1889 года в Вильне и других местах Западной России». Г. Вильна. 1889 год.

² - Такова, например, книга г. Киприановича: «Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западнорусских униатов с православною церковью в 1839 году».

³ - История – учитель жизни (лат.)

⁴ - Записки другого деятеля при воссоединении униатов, архиепископа Полоцкого Василия Душинского (см. Православный Собеседник 1884–1885 года) отличаются еще большим субъективизмом, так что не мало подрывают доверие к тому, что автор говорит о положении дела православия в северо-западном крае, вообще, и в Полоцкой епархии, в частности. Такова, например, стр. 423.

⁵ - Из одного архива Литовской духовной консистории нами пересмотрено более 2200 Дел.

⁶ - Литовские епархиальные ведомости, 1894 год, № 42. Статья г. С. Рункевича.

⁷ - О митрополите Иосифе смог, подроб. у Киприановича «Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского», 1893 год, Вильна; и нашу книгу «Высокопреосвященный И. Семашко, митрополит Литовский и Виленский», 1889 год, Вильна

⁸ - В то время, как самая личность митрополита Иосифа одними писателями представляется в идеальном свете, у пр. Порфирия Успенского находим о нем такой отзыв, сделанный после личного свидания его с пр. Иосифом в 1841 году «Архиепископ Иосиф кажется не столько умен, на сколько хитр, не столько любочестив, насколько честолюбив. У него хвост лисий, а зубы волчьи.» Книга моего бытия, т. 1., стр. 5.

⁹ - Подробная биография митрополита Макария составляется доцентом Киевской духовной академии свящ. о.

Ф. Титовым и печатается по частям в трудах Киевской духовной академии и в отдельных книгах. Доселе напечатана его биография до вступления па Литовскую кафедру. О его же деятельности по управлению Литовской епархией см. нашу статью В Христианском чтении за январь и февраль 1898 года

¹⁰ - Архив св. Синода. 1809 год, Дело № 306.

¹¹ - Из слов и речей, произнесенных пр. Макарием за все время его служения в г. Вильне образовался отдельный том его поучений.

¹² - Так, например, по поводу обвинения становым приставом священника Г. в вымогательстве за требы и оправдания его благочинническим съездом, пр. Евгений на журнале консистории написал: не будет ли со стороны епархиального начальства слишком поспешно признавать, с одной стороны, показания ставов, пристава клеветою и акт, составленный им, незаконным, а с другой – акт благочиннического съезда вполне беспристрастным. Факты, указанные становым приставом, не опровергаются благочинническим съездом. Статью эту пересмотреть». Но консистория, сославшись на то, что дело рассматривалось съездом, все-таки оправдала священника. Дело Литовской Духовной консистории 1870 год, № 475.

¹³ - О нём подробнее см. нашу книгу: «Высокопреосвященный Алексей, архиепископ Литовский и Виленский», Москва. 1896 год.

¹⁴ - После него епархиальными архиереями в Вильне состояли пр. архиепископ Донат (Бабинский) с 13 декабря 1890 по 30 апреля 1894, а с сего времени по 7 марта 1898 архиепископ Иероним (Экземплярский), и с 14 марта сего года архиепископ Ювеналий (Половцев).

¹⁵ - В 1897 название первого викария предоставлено епископу Брестскому Иоакиму, надо думать, в виду только того, что он по летам службы своей старше теперешнего пр. Ковенского епископа Михаила.

¹⁶ - В это время имел пребывание в Вильне пр. Антонин, епископ Ковенский.

17 - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 611.

18 - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1255.

19 - То обстоятельство, что в этой губернии находится большее число церквей и приходов православных и вообще православие преобладает пред католицизмом в отношении количества исповедующих православную религию, вызывало неоднократно, особенно при архиепископе Александре, рассуждения в печати об отделении сей губернии в церковном отношении от Вильны, с образованием в Гродне самостоятельной епархии. В пользу сего проекта можно указать только надо, что, с принятием его, дела епархиального управления стали бы идти быстрее, чем теперь. Но во власти Литовского архиепископа всегда может найтись средство заставить обращаться быстрее механизм той машины, которая называется консисторской канцелярией. Необходимо также для ускорения хода дел предоставить Брестскому викарию более самостоятельности по делам Гродненской губернии. Между тем, против отделения Гродненской губернии в церковном отношении от Виленского архиепископа, можно указать 1) на то, что духовенство Гродненской губернии по прежнему тяготело бы к Вильне, в которой помещается и духовная семинария и женское духовное училище, 2) что, при том большом числе железных дорог, которые построены в Гродненской губернии и соединяют ее с Вильною, доступ для духовенства даже самых отдаленных уездов Гродненской губернии в сношениях с епархиальным управлением не может быть особенно затруднительным, 3) что учреждение отдельной епархии и отдельной консистории с духовно-учебными заведениями потребовало бы от правительства весьма больших денежных расходов, при гадательной только целесообразности оных, особенно в виду того, что, при сохраняющемся объединении действий гражданской и военной власти в трех губерниях северо-западного края в лице Виленского генерал-губернатора, важно сохранить оное объединение и в церковном отношении в лице Виленского архиепископа.

20 - Ставим его первым по времени существования одного, так как оно было открыто еще до воссоединения униатов,

называясь «Пинским», а с 1840 переименовано в Брестское.

²¹ - В одном из писем своих к обер-прокурору св. Синода, графу Протасову, митрополит Иосиф отзывался о пр. Антонии, как человеку честном и прямодушном, помогавшем ему более других по униатскому делу, но в то же время находил, что он был более способен действовать под распоряжением другого, нежели самостоятельно, и был несколько мечтателен и не любил срочной правильной работы особенно. Записки митрополита Иосифа, т. 1, 141.

²² - В одном из писем своих к графу Протасову пр. Иосиф писал: «пр. Игнатий, кажется, полюбился всем. Он не с высокими способностями, но имеет качества истинно святительские. Он уже годен и для древле-православной епархии». Записки митрополита Иосифа, т. 2, 379. Между тем в 1857 митрополит сделал официальное замечание епископу Игнатию за то, что в Гродненской губернии и даже в самой Гродне, чаще, нежели в других местах, происходили обстоятельства между духовенством и по церквам, обнаруживавшие некоторое нестроение, тем более заметное, что происходили на его глазах. Посему он поручил пр. Игнатию: 1) посещать монастыри и церкви по «сему Гродненскому уезду во всякое удобное для него время; 2) замеченные неисправности исправлять наставлениями и указаниями; 3) виновных в неисполнении таковых наказаний подвергать исправительной эпитимии от 3–7 дней; 4) при более важных проступках – доводить до его сведения, для принятия более строгих мер; 5) незнающих хорошо богослужения священно-церковно-служителей вызывать для обучения к собору или архиерейскому дому; 6) делать также распоряжение относительно внутреннего устройства церквей, где это может быть осуществлено местными средствами; 7) наблюсти в особенности за исправным ведением прихода и расхода, а также прочего письмоводства по этим монастырям и церквам. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1186. Отчасти это нестроение могло объясняться тем, что в Гродненской губернии среди духовенства у пр. Игнатия было много родственников.

²³ - После него епископом Брестским был Иосиф Соколов, из ректоров Литовской духовной семинарии, с 17 ноября 1891 по июнь 1897, когда был назначен епископом Острогожским, викарием Воронежской кафедры. Ныне епископом Брестским состоит Иоаким, из викариев Балтских.

²⁴ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 153.

²⁵ - Известный ученый, пр. Порфирий Успенский, в бытность свою в Вильне в 1841, заметил, что «отец Платон (в то время еще наместник Виленского Св. Духовского монастыря) был уважаем и любим в Вильне». Книга моего бытия. Т. 1. 1894 год. стр. 3.

²⁶ - Почтивший своим присутствием в 1889 праздновавшийся в Вильне пятидесятилетний юбилей воссоединения униатов с православною церковью, митрополит Платон, на торжественном обеде, устроенном 8 июня сего года архиепископом Алексием в покоях Виленского архиерейского дома, вспоминая свое первоначальное служение в Литовской епархии, так засвидетельствовал факт существования уже в то время любви и расположения к нему со стороны даже иноверцев. «Вот в этом самом доме, сказал он, купленном мною, когда я еще был архимандритом Св. Духовского монастыря, для Литовских архиереев у графа Мостовского, на этом самом месте, где мы сидим теперь, граф и графиня Мостовские обращались ко мне со словами: отчего, ты, отче, не наш? Почему ты не родился в нашей среде? Как мы все тебя любим. Вот как они, да и не одни они любили меня». Как бы в наглядное доказательство той любви, которую питали иноверцы к пр. Платону, ковенские евреи устроили ему торжественное приветствие, когда он, после юбилейного торжества, прибыл в Ковну, где положено было начало его святительской деятельности, и, вспомнив, в лице старожил, его служение здесь 40 лет тому назад, поднесли ему хлеб-соль и адрес, написанный на пергаменте, в изящном переплете

²⁷ - Митрополит Иосиф высоко ценил пр. Евсевия, когда он был еще ректором Литовской духовной семинарии, что видно из его письма к графу Протасову от 12 апреля 1845, в котором он писал: «новый наш ректор поставлен уже в Жировищах на той

степени, да которой видеть его было желательно. Едва ли бы еще можно было найти другого архимандрита из великорусских, столь соответственного здешним обстоятельствам. Смею уверить что он будет украшением церкви, на каковом бы месте не был поставлен» (Записки митрополита Иосифа, т. 2, стр. 290). Как известно, пр. Евсений вполне оправдал это мнение о нем.

²⁸ - После него викариями Ковенскими состояли: Григорий Полетаев, из цензоров Санкт-Петербургского духовно цензурного комитета, с 26 января 1891 по 21 ноября 1892 (ныне епископ Омский) Христофор Смирнов, с 19 декабря 1892 по май 1897 г, (ныне епископ Екатеринбургский) и Михаил, из ректоров Могилевской духовской семинарии, с июня 1897 года.

²⁹ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 156.

³⁰ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 161.

³¹ - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 747–53.

³² - В 1854 консистория была переведена в новое помещение во флигеле при кафедральном соборе и в части архиерейского дома, в каковом здании помещается и поныне.

³³ - Об одном из таких номинальных членов консистории Литовской, еще до перенесения её в Вильну, протоиерее Ипполите Гомолицком, товарищ его, протоиерей Плакид Янковский, в своих воспоминаниях о нем передает, что, хотя он и следил за течением епархиальных дел, во бумаг никаких не подписывал, не имея при том в своем заведывании отдельного стола. Однажды же, когда к нему особенно настойчиво стали приставать другие члены, чтобы он, хотя для памяти, подписал какую-либо бумагу, он ответил: «ради Бога, не понуждайте и не губите, авось и мне суждено, как судье Крылова, таким же образом быть в раю». Литовские епархиальные ведомости, 1863, № 15.

³⁴ - В 1889 году, по случаю двухмесячного отпуска по болезни кафедрального протоиерея Гомолицкого, обязанности члена консистории были возложены на ректора семинарии архимандрита Иосифа.

³⁵ - В 1893 году открыт пятый стол в консистории с особым членом и чиновниками.

³⁶ - Брошюра его «К предстоящему 50-летию воссоединения западно-русских униатов в 1839 году», Стр. 41.

³⁷ - По смерти его, пр. Иосиф выразил внимание к его памяти в не одобрительной с православной точки зрения форме, приказавши художнику сохранить черты покойного протопресвитера в лице ветхозаветного первосвященника Аарона, изображенного на северных дверях архиерейской домашней церкви в загородном доме, (Киприанович, «Жизнь митрополита Иосифа». 1893, стр. 213)

³⁸ - До сего года все члены Литовской консистории носили униатское название «Заседателей».

³⁹ - Записки митрополита Иосифа, Т. 2, 114.

⁴⁰ - Деспотизм Гомолицкого дошел до такой степени, что ни одно духовное лицо не считало себя в праве являться к митрополиту, а тем более к викарному епископу, не побывавши прежде у кафедрального протоиерея. На такое властное положение Гомолицкого жаловались пр. Иосифу и из других епархий. Так можно заключать по одному письму его к архиепископу Рижскому Платону от 6 октября 1850, которое было им написано, по поводу отказа его в увольнении в Рижскую епархию Первенцева, «как нужного для Литовской епархии», а не потому, чтобы «близкий к нему человек» двигал Первенцева и других его расположения. Записки митрополита Иосифа, Т. 2-й, 436.

⁴¹ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1043.

⁴² - Ibid, т. 1, 272.

⁴³ - Архив св. Синода. Дело с отчетами о состоянии епархий за 1889.

⁴⁴ - В биографии м. Иосифа, составленной г. Киприановичем, тенденциозно не указано значение Гомолицкого в деле епархиального управления, как всевластного зятя митрополита.

⁴⁵ - Впоследствии это было возложено на попечительство о бедных духовного звания.

⁴⁶ - Он в непродолжительном времени был уволен от этой должности за нетрезвость. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 812, 1075.

⁴⁷ - Фундуш – в старопольском праве обозначает дар в пользу какого-нибудь учреждения, чаще всего в пользу костела или монастыря.

⁴⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1124–1126.

⁴⁹ - Точно также консистория в 1854 взялась было взыскать 850 рублей долга по векселю виленского купца Розенталя с ковенского купца Мандельштама, так как Розенталь обещал из этой суммы долга пожертвовать на Виленский и Ковенский соборы 250 рублей сер. Дело тянулось до 1875, когда оно прекратилось по безнадежности взыскания. Дело консистории за 1854 год, № 731.

⁵⁰ - Архив св. Синода. 1869 Дело № 306.

⁵¹ - За свадьбу брал 3 и более рублей деньгами, кроне работ и съестных припасов, за выдачу метрик 2–4 рубля, за похороны 2–7 рублей, за освящение нового дома не менее 5 рублей и пуд хлеба.

⁵² - Дело Литовской духовной консистории 1874 год, № 604.

⁵³ - Дело касалось освобождения св. Синодом помещиков Гербовича и Гноинской от постройки православных церквей в их имениях.

⁵⁴ - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 1172.

⁵⁵ - Как известно, в католической церкви подобные браки дозволены.

⁵⁶ - Резолюция № 1530 за 1890 год, из архива Литовского епархиального архиерея.

⁵⁷ - Он принял во внимание его экстренные труды по управлению монастырем и его хозяйственной частью. Вернее же, надо думать, поступил так потому, что сознавал всю несправедливость, которую консистория проявила в ведении сего дела.

⁵⁸ - Пр. Иосиф в своем объяснении по неводу сего дела писал, что Крониковский напрасно жаловался на Гомолицкого, так как это один из отличнейших и усерднейших служителей

церкви и исполнял здесь только свой долг. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1041–1044.

⁵⁹ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 539.

⁶⁰ - В одном из таких прошений на Литовское епархиальное начальство, поданном в 1869 году и при том не прямо в св. Синод, а на имя председателя Государственного Совета, Великого князя Константина Николаевича, священником Шелепиным, указывалось на то, что митрополит Иосиф, по своей старости и болезни, поручил управление епархией протоиерею Гомолицкому, своему родственнику, который преследует все духовенство Литовской епархии так, что, кроме его родных и приближенных друзей, «едва ли найдется хотя одна убогая хижина, вмещающая духовных, которая бы не огласилась воплем сирот». В конце своего прошения Шелепин, впадая в пафос, так писал: «позвольте Ваше Императорское Величество у стоп царских просить мне великодушное прощение в том, что я убогий священник, слабый червь, ничтожная пылинка, недостойная праха, отрясаемого подножием царских ног, осмелился беспокоить моею просьбою в отчаянии того, кого вся Россия обожает, Палестина гордится покровительством и гордый «мазольманин» в глубоком смирении трепещет». Прощение его, впрочем, было оставлено ев. Синодом, куда оно было сдано, без удовлетворения, как не основательное, с воспрещением впредь писать прошения Высочайшим Особам. Дело Архива св. Синода. 1869 год. № 407, по 2 ст. 6-го отд.

⁶¹ - Дело о священнике М. Архив св. Синода. 1877 год. № 22, по суд. отд. В 1876 году последовало замечание консистории от св. Синода за то, что она поручила произвести дознание о священнике руб., вопреки общих правил судопроизводства, его родному брату, благочинному руб. Архив св. Синода 1876 год. По судебному столу № 20.

⁶² - Архив св. Синода. 1881 № 28. Дело по судебному отд.

⁶³ - Постоянные жалобы консистории Литовской на недостаток канцелярских средств и просьбы об увеличении их посредством добровольных пожертвований со стороны

настоятелей монастырей нашли сочувствие к себе у пр. Алексия, который разрешил от 24 июля 1887 настоятелям оных производить из штатных монастырских сумм известное отчисление на указанный предмет, впредь до изыскания постоянных источников на усиление средств консисторской канцелярии, от Виленского Св.-Духовского и Мариинского женского монастыря и Гродненского Борисоглебского по 300 руб., а от остальных монастырей по 100 руб. от каждого, всего от всех монастырей 1500 рублей. Другую же половину потребной на усиление средств консисторской канцелярии суммы он счел нужным просить отпустить из капитала духовенства западного края, иди разрешить покрывать оную прибавкой цены за пробельные диеты по одной копейке на каждый лист.

⁶⁴ - При составлении настоящего труда по архивным документам консистории, нам приходилось встречаться с курьезными оглавлениями дел, в роде, например, «дело о якобы самовольном погружении в воду и не выходе из неё» и т.п. Но, во всяком случае, нельзя не отдать чести настоящему секретарю консистории за то, что он своими личными трудами привел архив в такое положение, что, при отыскании нужных дел из одного, не представляется никаких затруднений. Можно только посетовать на то, что в то время, как одним лицам, имеющим нужду в пользовании документами, хранящимися в консистории, позволяется брать оные и на дом, мы этого доверия не удостоились, несмотря на то, что, при составлении нами «Истории Литовской духовной Семинарии», семинарское начальство, принимая во внимание, как нашу добросовестность в отношении охранения взятых документов, так и особенно то, что мы, по роду своих занятий в Вильне, могли разбирать эти документы только вечером на дому, разрешило брать оные на дом.

⁶⁵ - В Полоцкой епархии были еще начальники над благочинными в уездах, которые назывались протопресвитерами, а округа их ведомства – протопресвитериями. (Православный Собеседник, 1884 год, июнь, стр. 185)

⁶⁶ - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 89.

⁶⁷ - К сожалению, эти отчеты благочинных, представляемые епархиальному преосвященному, очень нередко изображают положение дела в их благочиниях далеко не в настоящем виде, на что указал, в своем отчете св. Синоду за 1879 арх.

Александр, заметив, что благочинные почти вовсе не говорят в своих рапортах о неблагоприятных проявлениях и чертах жизни и деятельности духовенства.

⁶⁸ - Гродненское – с благочинным протоиереем Василием Поповым (в последствии – Виленским кафедральным протоиереем, впрочем, умершим через год, после назначения на эту должность), Скидельское – с благочинным священником Константином Плавским, Брестское – протоиереем Василием Соловьевичем, Высоколитовское – протоиереем Антонием Будзиловичем, Каменецкое – протоиереем Павлом Круковским, Пружанское – протоиереем Львом Ячиновским, Антопольское – протоиереем Феодором Горбачевым, Слонимское – священником Иосифом Соловьевичем, Полесское – протоиереем Прокофием Соловьевичем, Коссовское – протоиереем Стефаном Центковским, Кобринское – протоиереем Василием Харламповичем, Новогрудское – соборным протоиереем Иоанном Гомолицким, Лидское – священником Сампсоном Бренном, Волковысское – священником Василием Протасевичем, Любчанское – священником Александром Пашкевичем, Колесницкое – священником Людвигом Савичем.

⁶⁹ - Белостокское – с благочинным соборным протоиереем Львом Маркевичем, Бельское – протоиереем Адамом Костыцевичем и Дрогичинское – священником Петром Барановским.

⁷⁰ - Ошмянское – с благочинным протоиереем Мартином Станкевичем, Виленское – священником Василием Матусевичем, Ковенское – протоиереем Петром Мироновичем, Свенцянское – священником Иоанном Барановским и Вилькомирское – священником Захарией Сухановым.

⁷¹ - Луцкое – со священником Стефаном Краевским, Ратненское – священником Сампсоном Главинским, Ковельское – протоиереем Львом Фирасевичем, Каменоширское – священником Феодором Малишевским, Владимирское – протоиереем Иоанном Абрамовичем, Овручское – священником Даниилом Буткевичем, Дембровицкое – протоиереем Иосифом Теодоровичем, Новоград-Волыньское – священником Иоанном Игнатовичем, Староконстантиновское – священником Иоанном Сингелевичем и Кременецкое – священником Иаковом Крашановским.

⁷² - Сквирское – со священником Иаковом Камашко, Махновское – священником Кудржицким, Радомысльское – протоиереем Стефаном Буткевичем, Уманьское – священником Кириллом Савицким.

⁷³ - Благодичные из воссоединенных священников получали некоторое время по 50 руб. из сумм, состоявших в ведении Белорусско-Литовской коллегии. Записки митрополита Иосифа, т. 2, 145.

⁷⁴ - Таковы были: 1) Виленская Благовещенская с одним протоиереем и 2 священниками, 2) Ковенская Александроневская с одним протоиереем, 3) Подубисская, 4) Видзская, 5) Ново-Александровская, 6) Евейская, 7) Кронская, 8) Вилькомирская, 9) Юрбургская. Всех древле-православных прихожан в Виленской губернии было не более 1500 человек, кроме чиновников и военных в Вильне и уездных городах. Киприанович, «Жизнь И. Семашки», стр. 157.

⁷⁵ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 525.

⁷⁶ - До конца 1842, когда, по представлению пр. Иосифа св. Синоду, было назначено два благочинных над монастырями, а именно: архимандрит Платон – над монастырями – Виленским св. Духовским и св. Троицким, Борунским, Пожайским и Сурдекским, а архимандрит Игнатий – над монастырями мужскими Супрасльским, Бытенским, Тороканским и женскими – Гродненским и Вольпяньским, с производством им жалования до 400 руб. сер. в год, сих благочинных не было, а монастыри находились под непосредственным ведением консистории, с

самого упразднения звания провинциалов, бывших прежде в униатских монастырях, между тем как ближайший надзор за надлежащим в них благочинием был необходим для постепенного преобразования монашества и особенно для наблюдения за правильностью расходования штатных сумм монастырей.

⁷⁷ - Сомнительно, впрочем, чтобы короткий период времени, прошедший со введения выборного начала в Харьковской епархии пр. Макарием, давал ему основание признавать оное наиболее надежным.

⁷⁸ - Архив св. Синода. Дело за 1869 № 306.

⁷⁹ - Впрочем, когда на Мироновича в 1840 году поступил анонимный донос, в котором его обвиняли в строптивости, пр. Иосиф не обратил на него внимания, заметив, что, по его правилам, не следует принимать таковых доносов. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 591.

⁸⁰ - Дело Литовской духовной консистории, 1847 год, № 355.

⁸¹ - Дело Литовской духовной консистории, 1844 год, № 758.

⁸² - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1079.

⁸³ - Этот же благочинный еще в 1839 растратил деньги, отпущенные на производство починов в некоторых церквях его благочиния, каковые и были с него взысканы, причем он, однако, не был уволен от занимаемой им благочиннической должности.

⁸⁴ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 208–209.

⁸⁵ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 963.

⁸⁶ - Нужно думать, что распоряжение о доставлении подобного рода сведения в Минской епархии было сделано в 1833 году, по поводу мятежа польского 1831 года.

⁸⁷ - Как Соловьевич, так и Можайский были из древле-православных священников.

⁸⁸ - Надо думать, родственника члена консистории Гомолицкого.

⁸⁹ - В 1870 консистория оштрафовала многих благочинных выборных за то, что они несвоевременно доставили, а иные и

совсем не доставили ведомостей о церковно-приходских школах, причем некоторые благочинные смешали школы Министерства Народного Просвещения, с собственно церковно-приходскими, и консистория представила св. Синоду отчет о них по прошлогодним сведениям.

⁹⁰ - Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета, т. V, ч. II., стр. 809.

⁹¹ - Резолюция от 19 августа 1885 года. Епархиальный архив за сей год.

⁹² - Когда же на одного благочинного последовал анонимный донос пр. Алексею, в котором указывалось на то, что он, по слепоте, не может исполнять своей обязанности, архиепископ отослал сей донос к обвиняемому для того, чтобы он дал по поведи его объяснение.

⁹³ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 744. В 1845 пр. Иосиф просил (хотя и безуспешно) Протасова, в виду, с одной стороны, обременения благочинных, после введения нового порядка получения жалованья из казначейств, большею против прежнего отчетностью, а с другой – для предотвращения предлога к вымогательствам, назначить им или особое жалованье, или отчислять в их пользу 2% из жалованья всех подчиненных им священников и причетников, подобно тому, как это было сделано в пользу римско-католических благочинных. Записки митрополита Иосифа, т. 2, 299.

⁹⁴ - Однако, это не мешало члену консистории Гомолицкому получать не малую долю из прогонных денег, отпускавшихся ревизорам по епархии.

⁹⁵ - За исключением, впрочем, просфорней.

⁹⁶ - Между тем, и, после сего, некоторые благочинные требовали от причтов, состоявших из двух священников и двух псаломщиков – 20 руб. вноса на канцелярию, тогда как на самом епархиальном съезде в 1893 некоторые благочинные заявили, что совершенно достаточно вноса на канцелярию их 3–5 руб. Литовские епархиальные ведомости, 1898 год, № 11.

⁹⁷ - Впрочем, выборы духовников в Литовской епархии стали производиться еще с 1841 года.

⁹⁸ - Нужно заметить, что Литовское епархиальное начальство еще в 1866 году ходатайствовало пред Виленским генерал-губернатором о дозволении восстановить, и виде опыта, собрания духовенства, вод именем собориков (униатские конгрегации), но получило отказ, под предлогом несвоевременности сего, по тогдашним обстоятельствам.

⁹⁹ - Литовские епархиальные ведомости, 1870 № 1.

¹⁰⁰ - Литовские епархиальные ведомости, 1870 № 5.

¹⁰¹ - Это было сделано в 1874 году.

¹⁰² - Наша книга: История Литовской духовной семинарии, стр. 473.

¹⁰³ - Так в 1870 году, Дрогичинский благочиннический совет подал жалобу пр. Макарию на священника С. церкви Л. за оскорбление его, которое, по описанию членов совета, состояло в том, что, после прибытия их для своих заседаний в дом сего священника, в 6 час. вечера, в среду, явилась сюда же музыка, а за нею толпа лиц разного пола и слоев местного общества и вероисповеданий, причем судебный следователь М., поздоровавшийся с некоторыми членами совета, оказал полное неуважение к председателю одного, священнику Р. – благочинному, а хозяин дома не предложил следователю извиниться пред благочинным. В этом члены совета усматривали явное и преднамеренное действие хозяина, нарочно собрать на это время гостей и войти в уговор со следователем. Этот не в меру самолюбивый благочиннический совет оставил дом Л., прекратив заседание, и просил епархиальное начальство «для поддержания достоинства ново-организованного благочиннического совета» обоих виновных, по его мнению, т.е. следователя Маслова и священника Л. подвергнуть законной ответственности. Между тем, один из членов сего же совета, священник коп., подал по сему же поводу особую жалобу в консисторию на следователя Маслова за то, что он, на замечание его, коп., «почему он не поклонился благочинному, с которым знаком», ответил ему: «это мое дело; если же ты в другой раз в, доме о. Иулиана будешь рекомендовать чужих людей, то я заеду тебе в физику». В

заключение своей жалобы коп. указывал на то, что это оскорбление нанесено в доме православного священника с очевидным намерением унижить священнический сан пред латинянами, лютеранами и евреями, и есть «явное следствие скептицизма малообразованного чиновника». Консистория, разобрав эту жалобу, пришла к тому справедливому заключению: 1) что гости собрались в дом священника, по случаю семейного праздника, а не для каких-то непристойных увеселений и забав; 2) что священник Л. не приглашал музыкантов, но они явились в дом его, по приглашению других (что очень правдоподобно, потому что здесь в обычае поздравления в подобных случаях сопровождать музыкой, которая имеет значение поздравительного концерта.); 3) что в поступке священника Л., допустившего гостей в день, назначенный советом для разбирательства дел неотложных, не было преднамеренности с целью оказать совету пренебрежение, а только была одна непредусмотрительность, происшедшая отчасти по оплошности самого совета, не определившего точно и письменно времени и места собрания. На основании сего заключения, консистория священнику Л. поставила на вид его означенную непредусмотрительность и заметила ему, что отправление пиров, особенно в постные дни, в доме православного священника не одобряется правилами церкви. По обвинению же его касательно поведения, как хозяина дома, в деле неприличного столкновения членов совета с судебным следователем, консистория не нашла нужным входить в суждение. Что же касается просьбы совета о предания суду следователя Маслова, то она была оставлена без последствий, как занесенная в не надлежащее присутственное место. Точно также оставлена была без удовлетворения просьба священника коп. и по той же причине, причем консистория оштрафовала сего священника за написание прошения на простой бумаге 1 руб. 60 коп. и 10 руб. в пользу попечительства о бедных духовного звания за допущенный им в прошении на имя архиепископа тон заносчивости, которая и была первой причиной неприятного столкновения духовных лиц с судебным следователем и

неудовольствия их к священнику Л. Не остался без наказания и благочинный Р. Консистория, приняв во внимание то, что благочиннический совет описал указанное происшествие в тоне раздражения, а частью в неприличных выражениях («пестрая праздная толпа», «скандальный, нахальный гость»), причем, по справке, оказалось, что благочинный Р. оскорбил судебного следователя Маслова неприличными выходками в официальных бумагах, что и подало повод сему следователю не пожать руку благочинному, а также – и то, что члены совета возбудили шумную ссору при многочисленных разнородных и иноверных свидетелях и не постеснялись таковую неприличную ссору сделать предметом официального рапорта и жалобы по начальству, всем членам совета поставила на вид их не миролюбие, а благочинного Р., как лицо ответственное в редакции неприличного рапорта, и как уже судившегося прежде за несдержанность, оштрафовала 10 руб. в пользу попечительства о бедных духовного звания. Дело Лит. д. коп. 1870 № 676.

¹⁰⁴ - Литовские епархиальные ведомости, 1870 год, № 13.

¹⁰⁵ - Архив Литовской духовной консистории, 1870 год, № 922.

¹⁰⁶ - Литовские епархиальные ведомости, 1870 год, № 13.

¹⁰⁷ - Литовские епархиальные ведомости, 1873 год, № 22.

¹⁰⁸ - Таковы, например, вопросы об обращении внимания на евреев, заставлявших православную прислугу работать в праздники, о наблюдении за присоединившимися к православию, о соблюдении ими постов православной церкви, в виду осуждения их раскольниками (это на Шавельском съезде), об установлении говенья прихожан не менее двух дней, о выписке разных печатных пособий для проповеди, о вознаграждении благочинных, об увеличении сборов в пользу бедных духовного звания, об устройстве общих трапез для учеников народных училищ и об открытии частных отделений в оных, как могущих, по заявлению Щучинского благочиннического съезда, успешнее содействовать делу народного образования, и прочее.

¹⁰⁹ - Литовские епархиальные ведомости, 1873 год, № 39.

¹¹⁰ - Литовские епархиальные ведомости, 1880 год, № 20.

¹¹¹ - Мих. О. Коялович, говоря об отношениях духовенства к училищам, заметил, что многие священники нерадиво и даже своекорыстно относились к училищам, между тем как иные прекрасные священники, без всякого повода устранялись от училищ. Церковный Вестник. 1882 № 44.

¹¹² - Духовенство, однако, почему-то умолчало, что, за последнее время, благодаря Муравьеву и Кауфману, оно не только стало получать больше жалования, но и, в значительной степени, было наделено арендными статьями и прочим.

¹¹³ - Насколько односторонне было это объяснение духовенства, будет сказано, впоследствии, в отделе – о ведении церковного хозяйства в Литовской епархии.

¹¹⁴ - В истории окружных училищных съездов не безынтересен был один эпизод, относящийся ко времени полного преобладания среди съездов по епархии излюбленного выборного начала и свидетельствующий о том, как, при существовании сего либерального начала, могли устраиваться неприятные сюрпризы тем лицам, которые не нравились заправителем съездов. Случай этот имел место с Виленским кафедральным протоиереем Гомолицким, лицом столь известным и потому исключительному положению, которое он занимал при митрополите Иосифе, и по тому высокому посту, который ему принадлежал и ври архиепископе Макарии, по званию его – как настоятеля кафедрального собора и первенствующего члена консистории, и которого на окружном училищном съезде Виленского училища в 1873, помимо его ведома и согласия, избрали в члены такой неважной комиссии, как строительный комитет по ремонту зданий Виленского духовного училища. В этом избрании Гомолицкий, не без основания, усмотрел оскорбление себя и потому отказался от принятия на себя этой обязанности. Между тем, в официальном рапорте по сему делу председателя училищного съезда священника коп. дело было представлено в таком виде, что Гомолицкий нанес, оскорбление съезду духовенства, не приняв

это избрание, и самому председателю съезда – на улице, уже после закрытия заседаний съезда. Сам же Гомолицкий, надо полагать, не без основания, приписал это свое избрание в члены нежелательной для него комиссии председателю съезда коп., вследствие чего возникло громкое дело, осложнившееся, главным образом, из-за личных пререканий, происходивших, на улице между Гомолицким и священником коп. из-за этого выбора. Так как пр. Макарий, по случаю своего отъезда в Санкт-Петербург, не имел возможности и желания разбирать это кляузное дело, то он поручил сделать это первому своему викарию пр. Иосифу, епископу Ковенскому, с тем, впрочем, чтобы он настоял на примирении враждующих. На потребованное пр. Иосифом объяснение от коп. и Г. последовали разноречивые показания. Священник коп. находил себя обиженным тем, что Г., встретив его шедшего вместе с депутатами съезда от пр. Иосифа по улице, обратился к нему, с гневным выражением лица, с вопросом о получении от него бумаги с отказом от участия в строительной комиссии при училище, и, на отрицательный ответ с его стороны, сжав кулаки и потрясал руками, стал кричать на него, как он смел избирать его в члены, не испросив согласия на то, и приписал этот выбор злобе и ненависти коп. против него. Свое объяснение священник коп. заключил выражением того мнения, что протоиерею Г., как лицу высокопоставленному, члену консистории, следовало быть, образцом приличия и порядка. Гомолицкий в свою очередь жаловался на коп. за то, что он к нему был всегда недоброжелателен и что он направил против него выбор его членом, без его согласия, тогда как другие депутаты хотели избрать другого, и не пожелал произвести вторично выбор и переменить протокол после того, как члены съезда предложили ему это, и что описываемое им на улице происшествие включает много несообразностей и обижает его, и что он, коп., запятнал его, опубликовав в № 39 епархиальных ведомостей протокол съезда с мотивами его отказа, не обращая внимания на то, что епархиальные ведомости, как орган епархиального управления, не могут служить личным целям о. коп. Пр. Иосиф, получив эти объяснения и исполнял

желание архиепископа, предложил протоиерею Г. и священнику коп., как служителям религии мира и любви, примириться между собою. Но они отказались, не считая себя обидчиками один другого. В своем рапорте, по поводу сего дела, на имя архиепископа Макария, пр. Иосиф указывал на то, что, хотя он и не мог узнать о том, как произошла сцена обращения Г. и коп. на улице, так как депутаты съезда разъехались, а Г. и коп. разноречат в своих показаниях, но, во всяком случае, претензию Г., что его выбрали в члены строительной комиссии, без его предварительного согласия, он не мог признать справедливою, хотя деликатность избирателей могла бы внушить это уважение к служебному положению кафедрального протоиерея. Относительно же священника коп. пр. Иосиф находил, что он не снял с себя тени приписываемых ему протоиереем Г. интриг против него, написав в рапорте на его имя (т.е. пр. Иосифа) от себя, как председателя съезда, что протоиерей Г. якобы не дорожит честью и доверием духовенства, не принимая избрания съезда, чего сам съезд, не имея в записке Г. данных на это, не имел бы права сказать в своем протоколе, а напечатание упомянутого рапорта целиком в епархиальных ведомостях с вышеозначенными отзывами еще более сгущает вышеуказанную тень, так как помещенный в рапорте отзыв о внутренних побуждениях протоиерея Г. отказаться от предложенного ему членства, побуждениях неблагоприятных представлялся скорее личным отзывом о. коп. Указав затем на то, что он, в видах чести самого редактора епархиальных ведомостей о. коп., не позволил бы напечатать означенный протокол съезда о мотивах отказа о. Г. от членства, если бы ему предварительно было доложено о намерении напечатать оный, пр. Иосиф выразил твердое намерение стараться о примирении враждующих, предоставляя самому архиепископу дать официальный ход сему делу. Пр. Макарий, согласившись с мнением пр. Иосифа и находя, что как протоиерей Г., так и священник коп., судя по приложенным их объяснениям, оба неправы друг пред другом, хотя и не в равной степени, предложил им помириться между собою, а в случае, если этого примирения не последует, разобрать консистории это

дело судебным порядком и представить ему свое заключение, предварительно исполнив 1-й пункт статьи 234-й консисторского устава. После этого враждующие стороны подали заявление о своей готовности примириться. Пр. Макарий, получив заявление это, положил такую резолюцию: «Очень рад, что желаемое мною примирение последовало». Дело Литовской духовной консистории, 1873 год, № 362.

¹¹⁵ - Эмеритальные кассы – в дореволюционной России, страховые кассы служащих, учреждаемые для обеспечения участников и членов их семей пенсиями и пособиями (прим. ред.)

¹¹⁶ - Предписание св. Синода, относительно предварительного составления вопросов, подлежащих обсуждению съезда, для представления их на усмотрение епархии преосвященного, не всегда строго соблюдалось.

¹¹⁷ - Между тем, в настоящее время духовенство сей епархии высказывается положительно против принятия инословных учеников в духовные училища.

¹¹⁸ - А между тем, во что обошлись духовенству эти съезды?

¹¹⁹ - Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета, т. V, ч. II., 809.

¹²⁰ - За отказом ректора семинарии архимандрита Евгения от редактирования их, по сложности занятий.

¹²¹ - Резолюция № 1837 от 1888 года из архива Литовского епархиального архиерея.

¹²² - Так, один священник, сообщал в епархиальные ведомости о той безнравственности, какой отличаются православные, живущие в услужении у поляка-помещика, вследствие чего, в его приходе было много случаев рождения незаконнорожденных детей от одного помещика, и в похвалу, вероятно, своих действий, направленных к устранению сего явления, писал: приходится тут действовать православному священнику, в смысле противодействия злу, исключительно, при помощи своей настойчивости: один священник, наскучив крестить привезенных со двора одного помещика уже пятого

панского «дителя», прижитого с одною и тою же православною дворянкой, сыграл с ним такую историю: окрестив дитя, он, на глазах кумовьев, записал в метрику и приказал объявить им папу, что он записан отцом сейчас крещенного ребенка. Пан ужаснулся, услышав это, приехал к соседнему священнику, хорошо ему знакомому, прося его заступничества, причем за успешное ходатайство по сему делу разрешал отпуск из своего леса 20 возов леса в пользу обоих священников, нуждавшихся в оном. При свидании же сих священников, выяснилось, что метрика для острастки пава была написана не в метрической книге, а, для виду, на особом листе». В заключение этого своего сообщения священник писал, что дрова были получены, а пан с той поры совсем потерял охоту подвергать себя ответственности.

¹²³ - История Литовской духовной семинарии, стр. 217.

¹²⁴ - Преждевременная кончина пр. Алексия послужила причиною того, что он не привел в исполнение свое твердое намерение передать это дело корпорации Литовской духовной семинарии.

¹²⁵ - Священник И. Фудель, «Наше дело в северо-западном крае». 1893 год, Москва, стр. 2.

¹²⁶ - Учитель (лат.)

¹²⁷ - Например, г. Владимирова. «О положении православия в северо-западном крае». Москва, 1893 год.

¹²⁸ - Священник И. Фудель, «Наше дело в северо-западном крае». 1893 год, Москва.

¹²⁹ - На это указывает в своей вышеозначенной брошюре и сам г. Владимирова. стр. 5.

¹³⁰ - Это особенно должно сказать о труде Киприановича: «Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени». 1896 г. Вильна.

¹³¹ - Потомков воссоединившихся униатов в восточной Белоруссии и юго-западных губерниях Волынской и Подольской в конце прошедшего столетия.

¹³² - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 722.

¹³³ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 960.

¹³⁴ - Нужно заметить, что, в виду недостатка дьячков в униатской церкви из одного духовного звания, ещё в 1835 году было испрошено Высочайшее разрешение принимать в униатское духовное ведомство способных людей и из других сословий.

¹³⁵ - Это обстоятельство пр. Алексей отметил в своем отчете св. Синоду о состоянии епархии за 1889 год.

¹³⁶ - Архив Литовск. арх. Резол, от 11 янв. 1890 года за № 89.

¹³⁷ - О сем подробнее сказано в нашей книге: «История Литовской духовной семинарии». 1892 год, г. Вильна, стр. 2–13.

¹³⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 17–20.

¹³⁹ - В отчете пр. Макария св. Синоду за 1869 год указывалось, что из священников – 4 получили образование в главной семинарии, 3 – в гимназии, 12 – в дух. академии, 480 окончили курс в семинарии и 60 было устаревших, с недостаточным образованием.

¹⁴⁰ - По поводу сего отчета, консистория сделала постановление о приобретении библий и снабжении или всех священников.

¹⁴¹ - В отчете по осмотру церквей епархии одного из преосвященных викариев Литовской епархии, даже за самое последнее время, указывалось на то, что духовенство было вообще очень туго на выпуску духовных книг и журналов и настолько мало интересовалось чтением, что даже Синодальные церковные ведомости и Литовские епархиальные оставались по несколько номеров не вскрытыми с почты.

¹⁴² - История Литовской духовной семинарии, стр. 133.

¹⁴³ - Мы считаем положительно голословным утверждение Киприановича, что из сего училища было выпущено 150 «хорошо подготовленных дьячков», Киприанович, «Жизнь Иосифа Семашки», стр. 106.

¹⁴⁴ - История Литовской духовной семинарии, стр. 134.

¹⁴⁵ - Между тем, последние сами были мало образованы и не сведущи в тех предметах которым должны были обучаться

причетники.

¹⁴⁶ - При некоторых церквях были даже дьячки из крестьян, вольнонаёмные прихожанами, и которым в 1846 году пр. Иосифом было дозволено пользоваться церковною землею, выделенною для дьячков, до определения на сии места штатных дьячков. По замечанию М. О. Кояловича, в некоторых местностях Западной России существовали самобытные корпорации, в которых изучение церковного пения было делом целого поселения и переходило из рода в род. Таково было местечко Клещели, Бельского уезда, и титул «Клещелевец» был лучшей рекомендацией кандидата во дьячки. Церк.-Общ. Вест. 1880 год, № 108.

¹⁴⁷ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 963–964.

¹⁴⁸ - Так был принят во псаломщики к Тиховольской церкви, после довольно продолжительной переписки между консисторией и Гродненской казенною палатою, Пружанский мещанин Франц Миклашевский, коего отец в 1864 году принял православие, представивший епархиальному начальству свидетельство из Пружанского уездного училища о своем образовании и после испытания его в знании предметов, относящихся к его должности, Пружанским благочинным. Когда же, в сем году, дьячок Тельшевской церкви просил об увольнении его от должности, после девятилетнего служения его дьячком, для определения в учителя к Тельшевскому училищу, консистория отказала ему в том, сославшись на то, что некого будет определить на его место. В следующем же году были приняты из Смоленской епархии 2 дьячка, с выдачею им на проезд по 20 руб. из 42 тыс. руб., отпускаясь на воспоменение духовенству Литовской епархии, а один воспитанник Тульской семинарии – Райский, состоявший учителем народного училища, был определен, вместе с тем, и псаломщиком при Сычевской церкви, после предварительной проверки его знания местным благочинным.

¹⁴⁹ - Пр. Макарий в своем отчете св. Синоду за 1869 указал, что псаломщиков, окончивших полный курс семинарии, было только 5, а остальные – малообразованные.

¹⁵⁰ - Впрочем, со введением нового устава 1884 года в духовных семинариях, значительно способствовавшему развитию духа церковности в воспитанниках оных, и, при большем количестве оканчивающих курс в Литовской семинарии, воспитанники оной довольно охотно идут во псаломщики, конечно, на время.

¹⁵¹ - Так ревизией в 1895 года было найдено, что некоторые псаломщики не могли назвать всех двенадцатых праздников и перечислить все таинства, причем они выражали недоумение, по поводу спрашивания их пр. ревизором из катехизиса и умения петь по нотам.

¹⁵² - Брошюра. «К предстоящему пятидесятилетию воссоединения западно-русских униатов в 1839 году» стр. 44.

¹⁵³ - Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета, т. V, ч. II., 613–614.

¹⁵⁴ - Письма митрополита Филарета к Высочайшим особам и разным другим лицам. Ч. II., 218.

¹⁵⁵ - Дело Литовской духовной консистории, 1869 год, № 686.

¹⁵⁶ - Из 53 воспитанников Литовской духовной семинарии, окончивших курс в академии с 1873 по 1892 годы, состоят священниками в Литовской епархии только 6.

¹⁵⁷ - В числе других обязательств, требуемых при определении на должность священнослужителей в Литовской епархии, с 1853 года берется, от сих лиц особая подписка, согласно распоряжения м. Иосифа, о не употреблении табаку, сделанная в видах искоренения среди духовенства этой неприличной привычки.

¹⁵⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 655.

¹⁵⁹ - О том, что Литовское епархиальное начальство не всегда было хорошо осведомлено относительно священников, уже неспособных к продолжению своей должности, видно из донесения Муравьева в 1864 году пр. Александру о том, что в г. Видзахи священник был разбит параличом, и службы здесь не было 8 месяцев, а также и о том, что в м. Брацлаве священник имел уже 70 лет и служил, по слабости, очень редко и плохо,

тогда как там было более 800 прихожан. Вследствие сего донесения, консистория обязала этих священников в течение года найти себе помощников в лице своих зятьев.

¹⁶⁰ - В 1870 консистория объявила духовенству, в виду поступивших в нее, с одной стороны, жалоб на невыполнение обязательств, принятых духовными лицами, при поступлении на приходы, а с другой – просьб с новыми обязательствами, что, на основании Высочайше утвержденного положения Государственного Совета в 1867 году, никакие обязательства со стороны лиц, поступивших в священно-церковно-служители, касательно выдачи предместникам их или их семействам какого-либо пособия не будут признаваться действительными, и никакой переписки по оным не будет производиться в консистории.

¹⁶¹ - При нем, например, получил священническое место в приходе, имеющем более 2500 душ бывших униатов, Р., из дворян, не учившийся даже в духовном училище, а поступивший из послушников в иподиаконы к Виленскому кафедральному собору.

¹⁶² - Обь осмотрительности, при определении даже во псаломщики, пр. Алексии можно судить по отказу, данному им священническому сыну, который, «прошедши разные грады для отыскания светской службы и нигде не утвердившись», представлялся ему неблагонадежным к поступлению на церковную службу. Архив Лит. арх. резолюция от 20 октября 1889 года.

¹⁶³ - Дело Литовской духовной консистории, 1871 год, № 543.

¹⁶⁴ - В отчете о состоянии Литовской епархии за 1879 год пр. Александр отметил это явление. Архив св. Синода. 1879 год. Дело № 1, т. 2.

¹⁶⁵ - Дело архива св. Синода за 1879 год по судебному отд. № 102.

¹⁶⁶ - В отчете пр. Евгения за 1871 указывалось, что даже псаломщики из окончивших курс семинарии не имели голосов, еще реже умели петь, а иногда с трудом и читали. Консистория,

во поводу сего отчета, ограничилась только тем, что предписала благочинным принять зависящие от них меры к побуждению псаломщиков, не имеющих голоса, приискивать желающих из прихожан, одаренных лучшими головами, и обучать их пению, а не имеющих достаточных познаний – к оставлению занимаемых ими мест.

¹⁶⁷ - См. нашу книгу: Высокопреосвященный митрополит Иосиф Семашко, стр. 30–31.

¹⁶⁸ - И теперь есть не мало священников в Литовской епархии, допускающих пострижение волос и бороды

¹⁶⁹ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 678.

¹⁷⁰ - Дело Литовской духовной консистории 1863 № 449.

¹⁷¹ - Последующая судьба сего священника была печальная. В 1865 году он был переведен в Гродненский монастырь, а в следующем году, несмотря на просьбу пр. Игнатия об освобождении Скабаллановича, пр. Иосиф отказал на том основании, что он призван виновным военно-гражданской властью и был еще 30 лет тому назад прикосновен к политическому делу. Тогда Скабалланович подал прошение на имя Государя о возвращении его к Нарочскому приходу. По св. Синод, куда было, передано его прошение, отказал ему в просьбе, приняв во внимание всю его прежнюю службу. Пр. Макарий, хотя и соглашался дать ему место в приходе, во Потапов не согласился на это. Также было ему отказано и в проживании где-либо за штатом, за неимением возможности для духовного начальства иметь за ним строгий надзор, под каковым только условием Потапов соглашался на последнюю его просьбу.

¹⁷² - Между тем, г. Киприанович согласен признать протоиерея Гоголевского ревностным православным пастырем, несмотря на тот соблазн, который подавала прихожанам его собственная семья и несмотря на уличение его самого в вымогательстве. См. его «Жизнь Иосифа Семашки», стр. 290.

¹⁷³ - Собрание мнений и отзывов. Т. 1V, 438–441.

¹⁷⁴ - Уже пр. Макарий в 1869 году обратил внимание консистории на то, что в семействах священно-церковно-

служителей, по небрежности священников и благочинных, лица женского пола часто носили имена латинские.

¹⁷⁵ - В 1852 священника Ганутской церкви Андрея Корниловича и Спягельской – Фаддея Снитку за то, что они ездили в понедельник и вторник первой недели поста в гости к помещику поляку и там ели мясо, а жены их танцевали, пр. Иосиф наказал однедельною эпитимией при кафедральном соборе и обязал подпиской, что впредь не будут дозволять себе подобных поступков, а Корниловича, как состоявшего духовником в своем благочинии, отрешил от сей должности.

¹⁷⁶ - Литовские епархиальные ведомости, 1863 № 1 и 2.

¹⁷⁷ - На это указывал, как мы уже говорили, и М. О. Коялович.

¹⁷⁸ - Архив Литовского архиепископа. Резолюция от 20 октября 1889 года.

¹⁷⁹ - Консистория ограничилась, по сему поводу, только тем, что поставила это обстоятельство на вид всему духовенству Литовской епархии.

¹⁸⁰ - Один из наших учеников выпуска 1890 года из Литовской духовной семинарии, уже в сане священника, передавал вам, что он не стесняется говорить по-польски в домах помещиков-поляков, которые его за то особенно любят.

¹⁸¹ - Это особенно нужно сказать относительно несоблюдения духовенством постов, что заставило в 1893 году Литовскую духовную консисторию циркулярно предписать духовенству подавать своим прихожанам в этом отношении пример. Впрочем, это предписание не помешало одному священнику в Петровский пост, после литургии 24 июля и после проповеди, произнесенной им народу, в которой он указывал на св. Иоанна Предтечу, как на образец поста, осмелиться предложить преосвященному ревизору скромное угощение в своем доме, при многочисленном собрании присутствующих. А в другом месте также священник предложил пр. ревизору скромное угощение и Успенский пост.

¹⁸² - Точно также, по наблюдению одного пр. ревизора, у многих священников не было икон в передней, а у одного даже

и в гостиной, отлично благоустроенной разными картинами, даже из области балетной, а у некоторых священников икона помещалась прямо на комод, или столе, рядом, например, с туалетом и разною домашнею утварью.

¹⁸³ - Архив св. Синода. Дело за 1879 год, № 1, т. 2.

¹⁸⁴ - В одном из отчетов по ревизии церквей пр. Евгения указывалось на то, что некоторые священники допускали странности в костюме: вместо обыкновенной, общепринятой прически, делали пробор волос на боку, носили высокие светские шляпы и брюки на выпуск и не застегивали ряс.

¹⁸⁵ - В отчете пр. Евгения по ревизии церквей в 1872 году говорилось о священнике С. церкви З., что он своими громадными хозяйственными операциями и пренебрежительным отношением к священническому сану и к пастырским обязанностям производил очень неприятное впечатление.

¹⁸⁶ - Церковный Вестник, 1882 год, № 42 и 44.

¹⁸⁷ - Пр. Владимир, при обозрении церквей некоторых уездов Гродненской губернии в 1875 году, заметив, что богослужение в православных церквях совершалось очень редко, почти только по воскресным и праздничным дням, справедливо относил это к увлечению духовенства материальными заботами. «Когда костельный звон, писал он, ежедневно, в продолжение всего года, не раз призывает к себе чад своих, а православный храм, иногда стоящий в соседстве с костелом, бывает заперт по нескольку дней сряду, то это не может не вызывать упреков духовенству в том, что оно более заботится о своем хозяйстве, чем о церкви, что священники скорее паны и чиновники, чем пастыри церкви. А это не может не сопровождаться вредом, хотя и не всегда уловимым для наблюдения, для самого православия. Впрочем, замечал пр. Владимир, многие священники и сами сознавали необходимость частого или ежедневного совершения богослужения, как, например, в Пружанах и Волковыске, где священники, хотя и были обременены должностями, однако, совершали богослужение ежедневно.

¹⁸⁸ - Дело архива св. Синода с отчетами о состоянии епархий за 1889 год.

¹⁸⁹ - «Вера и Разум». 1887 год, № 9, 18, 19. См. статью г. Шугаевского: «Католическое и православное духовенство западного края России».

¹⁹⁰ - Мы знали некоторых священников, которые, унижая свое достоинство, позволяли себе целовать руки у виленских влиятельных протоиереев.

¹⁹¹ - Гродненский благочинный протоиерей Попов, из древне-православных еще в 1840 указывал Литовскому епархиальному начальству на то, что священники употребляли в Гродненском уезде дьячков на собственные работы, как крепостных, и обижали их при дележе доходов. Посему он советовал наделить дьячков землею, по примеру великоросских епархий, и открыть сельские училища, где могли бы учиться дети и священно-церковно-служителей.

¹⁹² - В своем отчете св. Синоду о состоянии епархии за 1869 пр. Макарий также указал на то, что низшие члены причта находились в совершенном принижении пред высшими. Посему причетники пользовались только тем, что им давали священники.

¹⁹³ - Так, по описанию одного из священников, одежду псаломщиков нового типа составляло «нечто в роде фрака или пиджака, с большими вырезками полы впереди, а сверху пальто; на носу было надето пенсне, или больших размеров золотые очки, блестящие позолотой, (причем о таких псаломщиках крестьяне якобы иронически замечали, что у них четыре глаза), с боку виднелся портсигар, шея была украшена величественным жабо, на боку висела блестящая цепочка с ключиком, который псаломщики беспрестанно вертели, стоя на клиросе, и сапоги, при каждом движении, издавали раздражающий нервы скрип. Впрочем, по замечанию сего священника, в случаях ревизии и при представлениях высшему начальству, псаломщики удаляли признаки своего обычного франтовства, облекались чуть не в разодранные ветхие одежды, снимали с носов пенсне, становились тихходами и

таким притворством вводили в заблуждение даже преосвященных ревизоров, которые оказывали великодушное денежное вспомоществование вовсе не бедным псаломщикам. Что касается до умственного развития и запаса сведений таких псаломщиков, из коих некоторые даже давали свои руки для целования прихожанам, и последние звали их панами или панычами, то, по мнению автора заметки о псаломщиках, многие крестьяне, окончившие курс в приходских и других училищах, превосходили их. В отношении к священнику такие псаломщики оказывались, по жалобам священников, непослушными и в исполнении своих обязанностей небрежными, позволявшими при том писать на священников лживые жалобы и даже подговаривать против них прихожан.

¹⁹⁴ - Литовские епархиальные ведомости, 1885 № 33.

¹⁹⁵ - По поводу отчета за 1872 год о ревизии церковей пр. Иосифа, епархиальное начальство постановило отправить замеченных им священников в гордости и неуживчивости с прихожанами на три дня к местному духовнику для внушения им правил кротости, воздержания и приличного обращения с прихожанами».

¹⁹⁶ - Литовские епархиальные ведомости, 1880 № 20.

¹⁹⁷ - В отчете пр. Иосифа, епископа Ковенского, о ревизии церковей в 1872 году Лидского, Свенцлянского и Дисненского уездов Виленской губернии говорилось, между прочим, что не малою причиною охлаждения усердия прихожан к церкви служило существование во многих местах обычая посещения матушками в великий пост прихожан за разными повинностями.

¹⁹⁸ - Уже в 1842 духовенство Литовский епархии, после назначения новых штатов содержания, было обязано подпиской не вымогать за требы. См. дело Литовской дух. консистории 1842 год, № 864. В 1867 г св. Синод снова строго воспретил сему духовенству требовать от прихожан деньги за требы.

¹⁹⁹ - Дело Литовской духовной консистории, 1868 год, № 1079.

²⁰⁰ - А что своеручные расправы священников с прихожанами, доходившие до побоев последним, были в ходу и

раньше шестидесятых годов, видно из дела, возникшего в 1849 году, по жалобе Кобринского земского суда, на священника Ч. церкви А. коп. за нанесение им побоев одному крестьянину и при том на столько жестоких, что он умер от них. Впрочем, дело это сошло благополучно для сего священника, так как консистории, в виду того, что якобы следствие не подтвердило сей жалобы, ограничилась одним предупреждением ему, чтобы впредь не подавал повода к подобным на него жалобам. Иначе сему священнику угрожал уголовный суд. В своем месте мы уже говорили о том, что сей священник, уже в сане протоиерея, после вступления на Литовскую кафедру пр. Макария, был вынужден удалиться за штат, подвергшись суду, но жалобе прихожан, за вымогательство.

²⁰¹ - В 1853 году возникло дело, по жалобе одного однодворца на Жоснянского священника М. за то, что он велел своим крестьянам высечь его 10 ударами розог за ссору на луге. Консистория положила было наказать его эпитимией при кафедральном соборе, но М. пожаловался на нее в св. Синод, и последний предписал произвести следствие по сему делу надлежащим образом. Тогда они помирились. Дело Литовской духовной консистории, № 283.

²⁰² - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1190–1191.

²⁰³ - Митр. Иосифом в 1857 году было, по сему поводу, предписано духовенству, чтобы оно охраняло свои паствы от нелепых слухов, рассеиваемых злоумышленниками, предваряя о том полицию и помещиков, а им самим внушало повиновение помещикам и начальству, с предупреждением, что священники, не исполнившие своего долга в сем отношении, будут подвергнуты взысканию и даже отрешены от места.

²⁰⁴ - Некоторая зависимость духовенства от помещиков, по местам, существовала до 1888 года в отношении устройства причтовых помещений.

²⁰⁵ - Между тем, сама эта власть требовала от священников уведомления её, у кого из помещиков крестьяне терпят голод, якобы для законного принуждения их к прокормлению оных, в чем пр. Иосиф справедливо видел умысел уклониться всем

полицейским властям в этом деле и сложить ненависть на православное духовенство.

²⁰⁶ - За смертью Протасова, записка эта была представлена сперва Императору Николаю Павловичу и уже, после смерти его, Его преемнику.

²⁰⁷ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 542–547.

²⁰⁸ - Дело Литовской духовной консистории, 1853 год, № 502.

²⁰⁹ - Дело Литовской духовной консистории, 1844 год, № 495.

²¹⁰ - Вследствие отношения Муравьева, по сему поводу, митрополит Иосиф сделал соответствующее распоряжение и внушение духовенству.

²¹¹ - Насколько несправедливо такое изображение взаимных отношений между духовенством и народом до Муравьева, можно судить уже по тому отзыву, который был сделан относительно сего М. О. Кояловичем, и который мы привели в своем месте.

²¹² - Наглядным доказательством сего была высылка Потаповым в 1868 году смотрителя Виленского духовного училища, иеромонаха Смарагда, в Санкт-Петербург с жандармами в 24 часа за его проповедь, сказанную 14 апреля в св. Духов. монастыре и показавшуюся Потапову затрагивающею поляков-католиков.

²¹³ - Дело Литовской духовной консистории, 1871 год, № 19.

²¹⁴ - Дело Литовской духовной консистории, 1871 год, № 48.

²¹⁵ - См., например, дела из архива си. Синода за 1869 год по 2 столу, 6-го отд. № 407.

²¹⁶ - Мф.5:16.

²¹⁷ - Что разумел Потапов под этой неловкостью, неизвестно.

²¹⁸ - Дело Литовской духовной консистории, 1871 год, № 555.

²¹⁹ - Местный официальный орган печати Литовской епархии выставляет этих священников, как пострадавших за свою

особенную стойкость в деле охранения православия. Литовские епархиальные ведомости, 1893 № 20.

²²⁰ - Дело из архива св. Синода по судебному отд. 1876 год, № 20.

²²¹ - От 20 июля 1885 года. См. архив архиепископа Литовского за сей год.

²²² - Сам пр. Иосиф в прошении своем Государю от 30 октября 1851 года указывал на то, что он не привык к обычаям православной церкви, нравам и самим постам. Записки митрополита Иосифа, т. 2, 449.

²²³ - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 135.

²²⁴ - В чем состояли эти претензии, пр. Иосиф не указал.

²²⁵ - В состав духовенства Литовской епархии древле-православных священников вошло до 30.

²²⁶ - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 143.

²²⁷ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 446–447.

²²⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 539.

²²⁹ - Как это несправедливо, можно судить уже потому, что нами сказано относительно общей характеристики воссоединенного духовенства.

²³⁰ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 522–524.

²³¹ - Этот сенатор был послан в Витебскую губернию в 1858, по поводу совращения целого прихода в католичество, и донес, что главною причиною совращения было само воссоединенное духовенство, которое не имело влияния на народ.

²³² - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 633–638.

²³³ - Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета, т. 4, 438–441.

²³⁴ - Русская Старина 1884 год, 11, 577.

²³⁵ - Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета, т. 5, ч. 2., 614.

²³⁶ - Чтения в обществе любителей духовного просвещения 1882 год, декабрь, 311.

²³⁷ - Даже в недавнее время один из священников Литовской епархии, уроженец Смоленской губернии, пробывши

долгое время в северо-западном крае» вынужден был перейти на родину.

²³⁸ - М. О. как бы совершенно забывал признанную способность русского человека приспособляться ко всевозможным условиям быта и быстро осваиваться с чужим языком и нравами.

²³⁹ - Литовские епархиальные ведомости, 1882 № 17.

²⁴⁰ - Церковный Вестник, 1882 год, № 42.

²⁴¹ - Мы говорим это, имея твердые основания для того.

²⁴² - В 1893 году скончался от тифа священник Бытенской церкви Василий Любимов, уроженец Псковской губернии, получив означенную болезнь вследствие желания, во время своей болезни, удовлетворить настойчивое требование прихожан совершить крестный ход на Иордан в день Богоявления.

²⁴³ - Дело с отчетами епархиальных архиереев. Архив св. Синода. 1886 год, №1332.

²⁴⁴ - Эту мысль также проводил раньше М. О. митрополит Иосиф.

²⁴⁵ - Церковный Вестник, 1886 год, № 49.

²⁴⁶ - До чего доходит он, видно из того, что на одном училищном съезде депутаты разделились на две партии – великороссов и западно-руссков. Кличка одним была – москаликацапы; кличка другим – поляки-униаты.

²⁴⁷ - Церковный Вестник, 1886 год, № 49.

²⁴⁸ - О положении православия в северо-западном крае. 83.

²⁴⁹ - Аннаут (лат., от annus – год). Пожизненный годовой доход с капитала, отданного в рост на вечные времена или, вообще, всякий пожизненный доход (прим. ред.)

²⁵⁰ - Прибавление к «Церковным Ведомостям», 1888 год, № 47, стр. 1312.

²⁵¹ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 185–193.

²⁵² - Пр. Иосиф, однако, упускал из виду то обстоятельство, что хозяйство в обширных размерах много мешало занятиям

духовенства церковью и паствою, на что указывали его приемники по Литовской кафедре.

²⁵³ - Прибавление к «Церковным Ведомостям», 1888 год, № 47, стр. 1312.

²⁵⁴ - По смыслу Высочайшего подтверждения в 1853 году, о не взимании платы за требы сельским духовенством, под сими требами разумелись: молитва после родов, крещение, исповедь, причащение, брак, елеосвящение, погребение и присоединение иноверцев, а за исполнение других треб должно было довольствоваться от усердия прихожан, не допуская вымогательства.

²⁵⁵ - Капитал этот в 1843 году равнялся 576.711 руб. 33 коп.

²⁵⁶ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 397–399.

²⁵⁷ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 674–678.

²⁵⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 950–951.

²⁵⁹ - 29 марта 1840 состоялся именной Высочайший указ об отпуске отопления тем священникам уездных городов западных губерний, у которых считалось не более 200 прихожан.

²⁶⁰ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1035–1036.

²⁶¹ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 662.

²⁶² - Гарнец – польская мера жидкости, около нашей четверти (Википедия даёт, что 1 четверть (= 209,912 литров) = 64 гарнцам, прим. ред.). Горячее вино – простая водка.

²⁶³ - Фаска – кадка, впрочем, неодинаковой величины.

²⁶⁴ - Копа – 60 штук.

²⁶⁵ - Т.е. сала.

²⁶⁶ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1279.

²⁶⁷ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 353–354.

²⁶⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 405–407.

²⁶⁹ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 298–299.

²⁷⁰ - При таком делении, священникам в приходах 1 класса приходилось из 66 десятин земли по 15,5 десятин каждому, при 2-классных приходах – 17; 3-кл. – 12; 4 и 5-кл. – из 33-х десятин – 14; и при приходах 6 и 7-кл. – 25 дес.; причем, получая

большее количество земли, они получали меньшее жалование против священников других классов.

²⁷¹ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 738–740, 785–789.

²⁷² - Нужно заметить, что, согласно указа св. Синода, пр. Иосиф входил в сношение с преосвященными Минским, Могилевским и Полоцким относительно такого раздела земли, и они согласились с ним.

²⁷³ - Ревизия церквей в 1851 году открыла, что праздные участки церковной земли, за некомплектom членов причта, очень часто не отдавались в аренду, в течении нескольких лет, и не засеивались наличными членами, вследствие чего земля теряла свою производительность.

²⁷⁴ - Нужно заметить, что воссоединенной духовенство в 1839 году получило правительственное пособие в размере от 100–300 руб. ассигнациями на каждого священника. Записки митрополита Иосифа, т. 1, стр. 138.

²⁷⁵ - 1 кубическая сажень=9,71 мЗ.

²⁷⁶ - Литовские епархиальные ведомости, 1873 № 7.

²⁷⁷ - При сем духовенству ставилось на вид еще то обстоятельство, что на его обязанности лежало располагать прихожан к исполнению установленного церковного обычая возлагать венчики и листы разрешительной молитвы на усопших, без всякого, конечно, принуждения.

²⁷⁸ - Волей-неволей (фр.)

²⁷⁹ - Нужно заметить, что, еще раньше сего, сам митрополит Исидор, как председатель Высочайше утвержденного присутствия по обеспечению православного духовенства, в виду замедления по Литовской епархии разрешением вопроса об образовании запасного фонда на возобновление и исправление церковных домов в сельских приходах, полагая, что это замедление в исполнении распоряжении не иначе могло быть объяснено, как недоразумением со стороны духовенства, нашел нужным обратить внимание пр. Макария на то, 1) что правительство, сняв в 1870 году с приходов лежащую на них обязанность строить и исправлять церковно-приходские дома, вместе с тем сделало распоряжение, чтобы во всех сельских

приходах западного края церковные дома были сданы духовному ведомству в совершенной исправности и 2) назначив духовенству, в замен этой, равно как и других отмененных приходских повинностей, ежегодное денежное пособие, оно, таким образом, возложило лежавшую на приходских обществах обязанность строить и исправлять церковные дома на духовное ведомство, или иначе сказать, на сумму, ассигнованную на этот предмет в воспособление духовенству. А для того, чтобы сильнее подействовать на духовенство Литовской епархии, пр. Исидор, упомянув о том, что получаемые оным духовенством оклады жалования назначены только временно, впредь, до составления нового росписания приходов, а потому, при утверждении оно, могут быть в размерах сих окладов сделаны изменения, с отнесением пожертвований духовенства сей епархии на означенный предмет на остатки той суммы, которая ныне отпускается на Литовскую епархию, и которые имеют образоваться от сокращения состава причтов, вместе с тем сделал предостережение духовенству Литовской епархии, что, в случае отказа его от добровольного отчисления известного процента на образование строительного капитала, Высочайше утвержденное по делам духовенства присутствие будет поставлено в необходимость привить по этому делу особые меры.

²⁸⁰ - Вообще же постройке должны были возводиться из того материала, из которого в известном месте были построены лучшие сельские обывательские здания, так, чтобы, ни при постройке оных, ни, впоследствии, при ремонте, не могло встретиться особых затруднений в заготовлении материалов.

²⁸¹ - Литовские епархиальные ведомости, 1872, № 14.

²⁸² - Литовские епархиальные ведомости, 1877, № 48.

²⁸³ - Ревизии церквей уже в последние годы показали, что духовенство во многих местах не заботилось даже, например, о том, чтобы покрыть соломою со своего поля свое помещение, ожидая, что это сделают или прихожане, или же казна.

²⁸⁴ - Прибавление к «Церковным Ведомостям», 1888 год, № 47, стр. 1314.

²⁸⁵ - В Литовской духовной консистории в 1832 году открылся особый стол для заведывания сим делом.

²⁸⁶ - Желающих ближе и подробнее ознакомиться с этим вопросом отсылаем к составленной нами книге: «Статистическое описание православных приходов Литовской епархии», г. Вильна. 1893 год.

²⁸⁷ - Литовские епархиальные ведомости, 1888 год, № 4.

²⁸⁸ - Литовские епархиальные ведомости, 1882 год, № 31.

²⁸⁹ - При этом, архипастырь, имея в виду, что священник З. затруднялся охранением данного причту леса, предложил консистории спросить его, дает ли оно обязательство охранять местную дачу в том виде и целости, в каких она была принята, при поступлении его на место, и, если он такового обязательства не дает, иметь суждение о том, не будет ли удобнее назначить в С. такого священника, который данное правительством причту имущество беречь сумеет и обязуется, а благочинному предписать иметь тщательное наблюдение за охранением лесной дачи, принадлежащей С. причту.

²⁹⁰ - Это засвидетельствовал, между прочим, М. Н. Муравьев в 1864 году в своем отношении на имя преосв. Александра, епископа Ковенского, в котором указывал на необходимость устройства церкви на 150 человек в м. Красногорске, отстоявшем на 35 верст от приходской церкви в Браславе, вследствие чего прихожане только раз в году бывали в церкви и больше посещали костел, а некоторые уклонились в раскол.

²⁹¹ - Литовские епархиальные ведомости, 1876 год, № 24.

²⁹² - Литовские епархиальные ведомости, 1870 год, № 21.

²⁹³ - На сколько это не соблюдалось, видно из того, например, что в Вязовецком приходе, состоящем из 15 селений, были две деревни, из коих одна в 15 верстах от церкви, а другая – в 18, тогда как некоторые селения соседних приходов Рогатненского и Накрышского отстояли от Вязовецкой церкви в 2–3 верстах, почему жители оных селений ходили в эту церковь и обращались с требами. Точно также в Ольшанском приходе бывший благочинный Гомолицкий, без согласия причтов и самих

прихожан, сделал такое распределение деревень, что одна из них, состоящая в 3 верстах от Ольшанской церкви, была перечислена к Здитовскому приходу, за 7 верст, причем, при разливе рек и болот, посещение её жителями приходской церкви было положительно невозможно, между тем как сообщение с Ольшанской) церковью всегда доступно.

²⁹⁴ - Литовские епархиальные ведомости, 1884 год, № 10.

²⁹⁵ - В Бытенском приходе в 1895 году числилось 8 тыс. прихожан, а священников было только 2 и церковь одна.

²⁹⁶ - В 1870 Литовское епархиальное начальство воспретило духовенству злоупотребление эпигимистами-прииждивателями, состоявшее в том, что священники удерживали в своих домах лиц, предаваемых, по распоряжению сего начальства, церковному покаянию при своих церквях, употребляя их безмездно на работы по своему хозяйству и удаляя их, таким образом, от своих семейств и занятия собственным хозяйством, тогда как назначаемая им епитимия состоять должна была из усердного посещения церкви и отлучения, на определенное время, от причащения св. Таин.

²⁹⁷ - Сама обстановка, при которой иногда поступают в пользу духовенства, действительно, добродетельные пожертвования, производит неприятное впечатление на нового человека, нося на себе отпечаток униатского суеверия. Мы испытали это на себе, при виде, как в одной из сельских церквей Виленской губернии, в воскресный день, во время утрени, крестьянин, выпустив из мешка поросенка, старался гнать его к алтарю, причем поросенок издавал пронзительный визг до тех пор, пока сторож не поймал его и не отнес в дом священника.

²⁹⁸ - Один священник Литовской епархии на наш вопрос, почему он не приглашает псаломщика к совершению крещения младенцев, ответил, что делает это, не желая обременять его лишним трудом, при незначительном вознаграждении, которое приходилось бы на его долю.

²⁹⁹ - Необеспеченность заштатных псаломщиков заставляла их иногда наниматься за ничтожную плату к еврею в пастухи,

как, например, это было замечено в Белавичском приходе в 1895 году.

³⁰⁰ - Впрочем, депутаты съезда не нашли возможным поручиться за это.

³⁰¹ - В 1851 году пр. Иосифом был представлен в св. Синод проект обеспечения пенсией заштатных священников Литовской епархии, оказавших по службе особенные заслуги. Но, так как этот проект создавал исключительное, привилегированное положение духовенства сей епархии, сравнительно с другими, и требовал от правительства не малых расходов, то он остался без исполнения. Записки митрополита Иосифа, т. 2, 514–516.

³⁰² - Устав сей вспомогательной кассы утвержден св. Синодом в конце 1897 года. В силу того, в первые пять лет действия сей кассы должен существовать взнос и на единовременное пособие семействам умерших священников – по 1 рублю и псаломщиков по 30 копеек, по прежнему порядку. Литовские епархиальные ведомости, 1898 год, № 8.

³⁰³ - Краткий очерк истории Литовского епархиального попечительства о бедных духовного звания. Литовские епархиальные ведомости, 1874 год, № 3.

³⁰⁴ - С января 1897 года эта высылка прекращена навсегда. Литовские епархиальные ведомости, 1898 год, № 9.

³⁰⁵ - В письме в редакцию Литовские епархиальные ведомости (Литовские епархиальные ведомости, 1874 год, № 10.) один священник жаловался на то, что некоторые благочинные не высылали в попечительство денег, собранных для сей цели с духовенства.

³⁰⁶ - Литовские епархиальные ведомости, 1898 год, № 8.

³⁰⁷ - Литовские епархиальные ведомости, 1877 год, № 43.

³⁰⁸ - 9 февраля 1898 года Литовское епархиальное попечительство просило консисторию обратить надлежащее внимание на исполнение означенного распоряжения. Литовские епархиальные ведомости, 1898 год, № 10.

³⁰⁹ - Литовские епархиальные ведомости, 1889 год, № 48.

³¹⁰ - В 1892 году попечительство, в виду недостаточности своих средств, предложило духовенству, чтобы священники

вносили в оное ежегодно не менее 2 руб., а диаконы и псаломщики – 60 коп.

³¹¹ - К 1 января 1898 года сумм попечительства значилось 117667 руб. 37 коп. Литовские епархиальные ведомости, 1898 год, № 10.

³¹² - К сожалению, само попечительство не всегда строго держалось этих правил, предоставляя, например, вдове, имеющей одного сына в военном, высоком чине и других нескольких сыновей и зятьев, занимающих видные и обеспеченные материально места, большее пособие, нежели вдове священника, оставшейся с малолетними детьми.

³¹³ - Правила эти были напечатаны в Литовских епархиальных ведомостях, 1873 год, № 29.

³¹⁴ - В начале XIX столетия было в России 83 базилианских монастырей с 688 монахами, владевшими обширными поместьями с 11 тыс. душ крестьян. Киприанович, «Жизнь Иосифа Семашки», стр. 37.

³¹⁵ - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 331–332.

³¹⁶ - Т.е. имения.

³¹⁷ - Киприанович, «Жизнь Иосифа Семашки», стр. 33.

³¹⁸ - Таковых школ было 14, при 12 монастырских новациатах. Киприанович, «Исторический очерк православия, католичества и унии», стр. 170.

³¹⁹ - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 60.

³²⁰ - Этим правом воспользовалось более 50 монахов.

³²¹ - Киприанович, «Жизнь Иосифа Семашки», стр. 118–119.

³²² - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 487.

³²³ - В 1840 была, закрыта, по совету пр. Иосифа, Курская временная обитель потому, что, как оказалось, содержащиеся в ней упорствующие иноки поддерживались в своем намерении монахами, жившими в ней, кои восхваляли свое пребывание здесь, и упорствовавшие были после того размещены по сельским монастырям и пустыням. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 530.

³²⁴ - В сем же году 5 воссоединившихся иеромонахов пожелали уволиться в светское звание, причем пр. Иосиф испросил им у св. Синода пособие, так как они, после воссоединения, были часто перемещаемы из одного монастыря в другой и через то потерпели убытки. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 557.

³²⁵ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 532.

³²⁶ - Киприанович, «Жизнь Иосифа Семашки», стр. 202.

³²⁷ - Тем не менее, со стороны латино-польской партии было пущено в французскую газету «Le Siècle» известие, что пр. Иосиф замучил истязаниями множество монахинь, не желавших присоединиться. Записки митрополита Иосифа, т. 2, 335.

³²⁸ - Дохода с имений им получалось 7969 рублей и фундушевых крестьян состояло 2028.

³²⁹ - Дохода с недвижимых имений им получалось 2555 рублей, а фундушевых крестьян было 474.

³³⁰ - Дохода с недвижимых имений 4395 рублей и фундушевых крестьян было 2961.

³³¹ - Дохода с недвижимых имений 4657 рублей и фундушевых крестьян 814.

³³² - Дохода с недвижимых имений 1056 рублей и фундушевых крестьян 263.

³³³ - Дохода с недвижимых имений 3307 рублей, а фундушевых крестьян не имел.

³³⁴ - Дохода с недвижимых имений 1781 рублей и фундушевых крестьян 3906.

³³⁵ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 522–524.

³³⁶ - В сем же году, по поводу предположения Муравьева учредить женское духовное училище в Слониме, пр. Иосиф, отклонив это предположение, просил Муравьева об устройстве второклассных монастырей женских в Слониме и м. Глубоком на известные ему материальные средства, а монахинь вызвать из Новгородской и Московской губернии.

³³⁷ - Дело Литовской духовной консистории, 1864 год, № 692.

338 - Ныне игуменья сего монастыря.

339 - По мысли архиепископа Алексия, в 1894 году открыт в м. Антолентах, Ковенской губернии, новый общежительный монастырь с училищем при нем для девиц и таким числом монахинь, какое по своим средствам обитель может содержать.

340 - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 151–152.

341 - Желание пр. Иосифа было исполнено, и он был назначен в 1840 году священно-архимандритом Троицкого первоклассного монастыря.

342 - Впрочем, он находил основания для того, чтобы Супрасльский монастырь отнести к 1-му классу, а Борунский ко второму, указывал на то, что оба эти монастыри находились в местах, где содержание обходилось дорого, и в обоих их – церкви и монастырские здания, по их огромности, требовали больших издержек для своего поддержания, особенно же в Супрасльском, который был некогда ставропигиальным, зависевшим от Константинопольского патриарха, и заключал в себе церковь, весьма большой величины и редкой, замечательной архитектуры, построенную за 350 лет до сего Ходкевичами. Записки митрополита Иосифа, т. 2, 178–188.

343 - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 247.

344 - Первоклассным монастырям Виленскому Св.-Духовскому и Пожайскому положено было выдавать по 3185 руб. ежегодно; на второклассные – Супрасльский, Гродненский и Бытенский по 2220 руб.; на третьеклассные – Борунский, Тороканский и Сурдокский по 1540 руб.; на второклассный Гродненский женский монастырь 2155 руб. и на третьеклассный Волнянский женский монастырь 1455 руб.

345 - См. о сем, например, «Виленский Св.-Троицкий монастырь» – Щербицкого, стр. 167. изд. 1886 г. и «Виленский Св.-Духов монастырь» – Смирнова, стр. 324 и 332. изд. 1888 года.

346 - Нужно заметить, что с 1853 года консистория, по жалобе священника Гельванской церкви на настоятеля Борунского монастыря, обязала настоятелей монастырей, находившихся в соседстве с приходскими церквами, в случае

особой нужды, отпускать иеромонахов для совершения крещения и причащения над прихожанами сих церквей с тем, чтобы сведения о каждой совершенной требе немедленно доставлялась местному священнику. Между тем, впоследствии, от такого разрешения иеромонахам последовали жалобы со стороны приходских священников на то, что иеромонахи не только крестили и приобщали прихожан, но и совершали по деревням крестные ходы и освящения домов и вообще все требы, кроме браков, без всякого сношения с причтами.

³⁴⁷ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 823–825.

³⁴⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 738.

³⁴⁹ - Дело Литовской духовной консистории, 1857 год, № 440.

³⁵⁰ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 935.

³⁵¹ - Сомнительный образ мыслей и самого поведения монахов Виленских монастырей побудил пр. Иосифа в 1847 году потребовать от благочинного монастырей сведения относительно иеромонахов сих монастырей, принимавших к себе на исповедь прихожан Виленского собора, дабы можно было определить, кому из них дать дозволение на будущее время принимать на исповедь и кому воспретить Записки митрополита Иосифа, т. 3, 911–912.

³⁵² - Как факт, достойный внимания, следует отметить прошение, поданное иноками древле-православного Пожайского монастыря в конце декабря 1839 года, следовательно, уже после совершившегося воссоединения униатов, на имя пр. Исидора, епископа Полоцкого (ум. 8 сентября 1892 в сане митрополита Санкт-Петербургского), в котором они, ревнуя о строгом соблюдении устава православных монастырей в отношении пищи, просили сего архипастыря дозволить им употребление в трапезе рыбной пищи, вместо мясной, несмотря на значительную дороговизну первого рода пищи пред последнею. И пр. Исидор, имея в виду, что и прежние настоятели сего монастыря не препятствовали братии оного в употреблении рыбной пищи, вместо мясной, как более дешевой, положил на рапорте о сем наместника

монастыря, архимандрита Парфения резолюцию от 20 декабря сего года, согласную с желанием братии. Впрочем, по мере поступления в сей монастырь, перешедший в ведение Литовского епархиального начальства, базилианских монахов, причисленных к православию, а равно и лиц из белого духовенства, бывшего униатского исповедания, это благочестивое намерение иноков Пожайского монастыря не на долгое время получило осуществление, и мясная ниша пошла скоро в употребление и в сем монастыре. И до последнего времени, когда в мужских монастырях Литовской епархии уже не стало монахов из базилиан, пища братии там все-таки была мясная, между тем как в женских монастырях давалась пища, вполне соответствующая уставам монастырей православной церкви. Впрочем, в настоящее время архиепископ Ювеналий воспретил мясную пищу во всех монастырях епархии.

³⁵³ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 575.

³⁵⁴ - При сем, как бы в похвалу себе, пр. Иосиф заметил, что и те иноки, которые прежде отличались неодобрительным поведением, после принятых епархиальным начальством мер, исправились.

³⁵⁵ - Митрополит Филарет от 16 мая 1865 года писал митр. Иосифу, что мужские монастыри в Московской епархии скуднее людьми, нежели женские, а особенно людьми образованными и способными к деятельности, какой требуют обстоятельства северо-западного края. «Чтения в обществе любителей духовного просвещения». 1878 год, VI, 216.

³⁵⁶ - Нужно заметить, что на этот благовидный предлог консистории очень нередко ссылалась, при возбуждении таких дел, которые влекли за собою строгое, по закону, наказание виновных.

³⁵⁷ - Архив св. Синода. Дело за 1869 год, № 306.

³⁵⁸ - Приятным исключением из сего явился труд настоятеля Супрасльского монастыря архимандрита Николая «Супрасльский монастырь» 1892 год. Описание же Виленского Троицкого и Св.-Духовского монастырей принадлежит перу светских лиц.

³⁵⁹ - Этот последний труд настолько редко возлагается на монашествующих, за их неподготовленностью к нему, что едва ли пр. Макарию следовало упоминать о нем.

³⁶⁰ - Неудобства введения общежития в монастырях Литонской епархии пр. Макарий доказывал еще теми соображениями, что братия монастыря будет более требовательна в отношении удовлетворения её одеждою и пищею и, потому, всякое ограничение своих требований будет считать для себя лишением.

³⁶¹ - Дело Литовской духовной консистории 1869 год, № 1204.

³⁶² - Между тем, в Волынской епархии, по представлению архиепископа Модеста, в 1898 году разрешено св. Синодом открыть в г. Житомире православный мужской общежительный монастырь с таким числом монашествующих, какое обитель будет в состоянии содержать, и с припиской его к Почаевской лавре.

³⁶³ - Лишь только в 1897 году был открыт при церкви упраздненного в 1874 году Тороканского монастыря, бывшего приписанного к соседнему приходскому храму, самостоятельный причт, с учреждением в зданиях двухклассной церковно-приходской школы (как и в Борунском монастыре).

³⁶⁴ - В 1890 году, 29 июня, в день храмового праздника в сем монастыре, мы были свидетелями торжественного богослужения, совершенного пр. Алексием, при стечении многочисленной толпы народа, в прекрасно возобновлённой церкви сего монастыря.

³⁶⁵ - В 1874 уволенный от должности за беспорядки игумен Сурдеского монастыря Феодор осмелился даже жаловаться Государю на Литовское епархиальное начальство. Архив св. Синода. 1874 год, № 245. по 2 ст. 6 отд.

³⁶⁶ - Дело Литовской духовной консистории, 1871 год, № 545.

³⁶⁷ - Он прямо отклонил, например, предложение Подольского архиепископа действовать отдельно на воссоединение униатов, каковым путем были присоединены

последние в некоторых областях западного края в конце 18 столетия. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 138. Несомненно, что пр. Иосиф предпочел свой способ воссоединения униатов, в видах скорейшего окончания сего дела.

³⁶⁸ - Винить его за то не приходится, потому что слишком трудно человеку, особенно пожилому, отказаться от того, о чем свыкся с детства.

³⁶⁹ - Владимирова. «О положении православия в северо-западном крае». 1893 год, стр. 48.

³⁷⁰ - Протоиерей Бобровский, во время ревизии церквей, открыл не мало лиц, секретно державшихся унии и перешедших из унии в католицизм. Дело Литовской духовной консистории, 1840 год, № 63.

³⁷¹ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 299–301.

³⁷² - В настоящее время, во многих местах, в Гродненской губернии, при проезде православного архиерея по известной деревне, народ встречает его таким образом: почти у каждого дома стоит стол, покрытый белой скатертью и с хлебом солью на нем, а также и св. иконою, а за столом стоят домохозяева с семейством и многие на коленях, набожно крестясь, а в церкви, обычно всюду, церковный староста с хлебом солью, братчики со возжженными свечами и девочки с цветами. Даже деревни с чисто католическим населением, при проезде православного архиерея, по местам, встречают его с хлебом-солью и с поклонами, крестясь до своему.

³⁷³ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 966.

³⁷⁴ - Между тем, епископ Рижский (в последствии архиепископ Черниговский) Филарет, бывший в Вильне на хиротонии пр. Платова, епископа Ковенского, 8 сентября 1843 года в своем письме к Московскому митрополиту Филарету отметил отсутствие духа истинного православия в недавно воссоединенных униатах. «Довелось мне быть, писал он, в самом их (т.е. воссоединенных униатов Литовской епархии) священном месте – в Жировицком монастыре. Есть нечто, близкое к душе – чудотворный образ Божией матери. Но это не Москва, даже и не Ростов, даже не Ярославль или Владимир.

Нет, что-то есть чужое, не русское во всем, на что ни довелось смотреть. Стараются вводить русское православие, и относительно внешности во многом успели. Но... недостает самого важного – духа благочестия русского. Папство так испортило дух русский, так исказило русскую душу, то смешными обрядами, то скрытою холодностью к вере, что много еще нужно времени, много нужно ревности к русскому благочестию, чтобы внешний русский край был русским не по одному имени». Христианское чтение, 1898 год, август, стр. 272.

³⁷⁵ - Сколько оставалось тайных католицизма приверженцев из воссоединённых из унии и присоединенных из латинства, этого, пожалуй, не откроет и самая тщательно составленная статистика.

³⁷⁶ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 331–334.

³⁷⁷ - После сего, едва ли можно согласиться со справедливостью того замечания митрополита Иосифа, что, при последнем воссоединении униатов в 1839 года, и 2 тыс. из них не совратилось в латинство. Записки митрополита Иосифа, т. 1, 51.

³⁷⁸ - В одном только 1866 году общее число лиц, оставивших латинство, доходило до 25 тысяч.

³⁷⁹ - Комиссия, назначенная для разбора сего дела, нашла, что все эти прихожане должны по букве закона считаться православными, ибо все они в 1866 году выдали подписки на присоединение к православию и все были на исповеди и у св. причастия в 1866–1867 годах, как то было видно из исповедных росписей Порозовской церкви, и почти каждое из сих семейств совершило по несколько духовных треб в Порозовской церкви и в каждом году по несколько душ были у исповеди и св. причастия в великий пост. Тем по менее, приняв во внимание, что из 491 упорствующих 27 человек, хотя и показывали себя приверженными к католицизму, но, при необходимости совершить духовную требу, возвращались в православие, без всяких пререканий и сожалений, положила остальных 464 упорствующих оставить в том же состоянии, в каком они находились, не объявляя, впрочем, им о том официально.

«Время-де сделает свое, стерев с них фанатизм и недоверие к православному духовенству; если им они и останутся в латинстве, (так рассуждала комиссия) то этот факт, оставшийся без огласки, не будет служить соблазном для нетвердых в убеждениях». Местного же священника комиссия обязала вести списки и этим упорствующим и иметь за ними тщательное наблюдение. И консистория согласилась с этим мнением комиссии. (Дело Литовской духовной консистории. 1872 год, № 524).

³⁸⁰ - На это указывал и пр. Макарий в своем отчете о состоянии Литовской епархии за 1869 год.

³⁸¹ - Дело Литовской духовной консистории. 1872 год, № 271.

³⁸² - Архив св. Синода 1876 год. Дело № 211.

³⁸³ - Архив св. Синода 1885 год. Дело № 706.

³⁸⁴ - Дело Литовской духовной консистории. 1871 год, № 236.

³⁸⁵ - Из отчета г. обер-прокурора св. Синода за 1880 видно, что число лиц, открыто заявивших себя католиками в Литовской епархии, доходило до нескольких сот, причем, по мнению архиепископа Александра, причиной сего было, кроме поспешности в присоединении некоторых лиц в шестидесятых годах, без должной подготовки их, еще и то обстоятельство, что в то время вместе с взрослыми в большом числе были присоединены и малолетние и несовершеннолетние, которые, пришедши в возраст, главным образом, и искали возврата в католичество, конечно, под влиянием латино-польской пропаганды.

³⁸⁶ - Эти же недостатки замечены по некоторым приходам Гродненской губернии ревизией в 1895 году, причем еще было указано на то, что Хорошевский костел с 6 тысячами прихожан оказывает настолько сильное влияние на православное население, что последнее празднует католические праздники, а в свои православные работает.

³⁸⁷ - Так называются суконные квадратные лоскутики с изображениями Креста, святых и с вышитыми словами молитв,

которым усвояют значение и силу каких-то амулетов.

³⁸⁸ - Ревизией церковей в 1895 году отмечены с худой стороны прихожане А. церкви Слонимского уезда, которые, не смотря на свою многолюдность, 2500 душ и тесноту своей церкви, отказались еще в 1888 году от складчины на постройку новой церкви, несмотря на увещания пр. Анастасия. Но отзыву местного священника, прихожане его очень редко посещают церковь, склонны к разгулу, пьянству и даже к поджогам, за что в 1893 году 10 человек были сосланы в северные губернии и до 10 посажены в тюрьму. Отрадное исключение в этом приходе представляли, как в религиозном, так и нравственном отношении, колонии великороссов, работавших на стеклянном заводе, в пределах прихода.

³⁸⁹ - В отчете пр. Иосифа отмечается, как хороший обычай в Лашанском приходе что брачующиеся, пред отбытием в церковь на венчание, ходят по селению и испрашивают благословения у всех, земно кланяясь всякому встречному и целуя при сём руки. Между тем, во многих приходах, вместо выезда жениха и невесты из дома родителей к венчанию с иконами, как благословением родителей, бывал выезд с музыкою, а после венчания, новобрачные отправлялись в кабак, где, вместо отца и матери, их встречала еврейка, осыпавшая их зернами ржи и подносявшая в рюмках водку.

³⁹⁰ - 1883 год, № 31.

³⁹¹ - Церковный Вестник, 1886 год, № 49.

³⁹² - Церковный Вестник, 1886 год, № 50.

³⁹³ - В 1886 году было сообщение в Литовских епархиальных ведомостях из села Порплища, Вилейского уезда, относительно того, что этот приход, хотя и считается вполне православным, но что почти все прихожане молятся по-польски, по польским молитвенникам, усопших хоронят без участия священника, при пении «здравась Марие» и чтении литаний и стихов на польском языке.

³⁹⁴ - Литовские епархиальные ведомости, 1881 № 51.

³⁹⁵ - Во всеподданнейшем отчете г. обер-прокурора св. Синода за 1891 и 1896 годы также указывалось на то, что в

религиозно-нравственном быту православного населения западных епархий немало причиняют вреда католические помещики и шляхтичи. Православные крестьяне, прожив несколько лет сряду у помещиков в услужении и слыша от них нередко отзывы, неблагоприятные о православии, заимствуют от своих хозяев привычки, противные духу православия, нарушают установленные церковью посты и праздники (помещики ревниво штрафуют тех, кто не станет на работу в праздничные дни) и становятся менее привязанными к своей церкви и духовенству. По возвращении же домой, своим образом жизни вредно влияют на домашних, особенно молодых, еще не утвердившихся в преданности православию. Церковные ведомости, 1898 год, № 32, стр. 315.

³⁹⁶ - Нужно заметить, что Литовское епархиальное начальство еще при архиепископе Макарии обращалось к генерал-губернатору Альбединскому, а в 1884 году к генерал-губернатору Коханову относительно обязанности евреев, у которых находятся в услужении лица православного исповедания не препятствовать последним исполнять обряды их религии, а за исполнением евреями сего обязательства иметь неослабное наблюдение местным полицейским властям, и генерал-губернатор Коханов сделал надлежащее распоряжение по всему краю. Литовские епархиальные ведомости, 1884 № 33.

³⁹⁷ - Странник. 1898 год, август, стр. 547.

³⁹⁸ - Конечно, несомненна та истина, что единство веры в народе ведет к его слиянию и объединению в смысле государственном, но несомненно и то, что присоединения бывают, прочны только тогда, когда они совершаются путем убеждения и влиянием на сердце, а не по принуждению.

³⁹⁹ - Письмо к Корнелию о Фортунате. Творения св. Киприана в рус. переводе т. 1; 266. изд. 2.

⁴⁰⁰ - Владимирцов, «О положении православия», стр. 51.

⁴⁰¹ - На это указывает, между прочим, Киприанович, который, говоря об обратном движении присоединенных в католичество замечает, что всего труднее было удержать в православии бывших грамотных католиков, которые при

массовом воссоединении присоединялись как-то неохотно, говоря: «коли все, то и мы будем православными». По мнению его, это происходило от того, что они не могли забыть своих излюбленных кантычек (песни духовного содержания, прим. ред.) и своих рожанцев (чётки, прим. ред.); их, по-прежнему, тянуло в костел, где они, важно восседая на скамьях рядом с сурдутовою шляхтою, громогласно распевали разные польские гимны под звучание костельного органа. Киприанович, «Жизнь Иосифа Семашки, 1893 год, стр. 364.

⁴⁰² - Церковный Вестник, 1881 год, № 12.

⁴⁰³ - Киприанович, признавая естественным движение католического народонаселения в православие, вследствие тогдашнего положения дел в северо-западном крае, не скрывает и сам, однако, того важного фактора в этом движении, это – системы правительственных поощрений, в виде наделения безземельных крестьян землею и денежных пособий нуждающимся. «Жизнь Иосифа Семашки», стр. 357.

⁴⁰⁴ - Церковно-Общественный вестник, 1880 год, № 148.

⁴⁰⁵ - Нужно заметить, что еще в 1841 году архимандрит Порфирий Успенский, будучи в Вильне, по поводу замечания пр. Иосифа относительно духовных особ католического исповедания, отсутствовавших у него за завтраком, что им же будет хуже, удивлялся обоюдному злорадству. «Книга моего бытия», т. 1, стр. 5.

⁴⁰⁶ - «Наше дело в северо-западном крае», стр. 7. При сем о. И. Фудель заявляет, что он знает одного священника, на весь уезд славившегося своею боевою деятельностью и восстановившего против себя даже действительно православных прихожан и никогда из дома не выходящего без револьвера.

⁴⁰⁷ - В 1870 году, после следствия по сему делу, священник Г. был, по требованию Потапова, лишен прихода и некоторое время оставался без места, а после получил лучшее место в Слонимском уезде.

⁴⁰⁸ - Полагаясь на сообщения местного духовенства, М. О. Коялович в 1881 году писал нечто, подобное сему, а именно, что

люди, боявшиеся мести панов и ксендзов за принятие православия, доходили даже до того в это время, что тайком обращались к русским властям с просьбой высечь их за упорство, чтобы потом говорить своим сильным врагам, что они приняли православие насильно.

⁴⁰⁹ - Это выражение св. Ш. было подчеркнуто пр. Иосифом, епископом Ковенским, причем на полях было им поставлены знаки?! И №. На столько оно показалось ему странным и непонятным.

⁴¹⁰ - В своей речи, сказанной 12 января 1869 года в церкви Виленского Св. Троицкого монастыря, при вступлении на Литовскую кафедру, пр. Макарий, разъясняя то, что должно разуместь под православием, между прочим, говорил: «что такое православие? Это совершеннейшая правда в христианстве, как прямое следствие чистейшей истины и совершеннейшей любви. Истина всегда указывает и может указывать нам одну правду, а любовь никогда не допустит нас совершить никакой неправды. Уважать права других, не обижать никого ни словом, ли делом, воздавать всем должное – этого требует от нас и закон природы, и законы гражданские и, наконец, божественный закон Евангелия, заповедующий нам: «держися правды, веры, любви» (2Тим.2:22); «вся, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им». (Мф.7:12). Правда – главное основание для порядка во всех человеческих обществах, какого бы рода они ни были, и главное условие для их существования, благоденствия и процветании. Строгою правдою мы должны отличаться и в делах земных, житейских, при всяком сношении с ближними, а тем более в делах высшего порядка, нравственных, религиозных, касающихся совести ваших ближних и их священнейших убеждений. Мы называем нечестным человека, который, для достижения своих личных выгод, употребляет ложь, обман, хитрость, коварство, насилия, не можем назвать честным и благородным гражданина и общественного деятеля, когда он, увлекаемый честолюбием или другими страстями, приносит в жертву себе право ближних и заставляет их терпеть разные притеснения. Как же назовем христианина, будет ли он простой мирянин, или пастырь церкви,

если он, ревнуя, по-видимому, о славе Божией и успехах своего исповедания, не устыдится действовать обманом, оболещением, насилием и вообще неправдою? Эта неправда может унижить не только действователя, но и самое дело, для которого ею пользуются. Ревнуйте о славе Божией, об истинной вере Христовой, о спасении ближних, но помните, что православие есть чистейший свет и отнюдь не должно распространяться путем тьмы. Употребляйте для этого одни только оружия света (Рим.13:12): наставление, вразумление, убеждение, кротость, любовь, собственный пример благочестивой жизни. Если другие христиане держались иногда или и доселе держатся правила, даже в делах веры, будто цель освящает средства, такие христиане для вас не пример, напротив, мы, как православные, как носители чистой истины Христовой, должны служить примером для других. Аще не избудет правда ваша, сказано истинным последователям Христовым, паче книжник, и фарисей, не внидете в царствие небесное. (Мф.5:20)». Слова и речи Макария, бывшего архиепископа Литовского и Виленского, 1880 год, Петербург, стр. 7–9.

⁴¹¹ - Сказав об удалении, по требованию Потапова, от места нескольких священников, Коялович замечал: «к вящшему злополучию и с церковной кафедры раздалось властное слово (арх. Макария), которое было понято так, что в западной России до того времени не так, как следует, понимали православие и что нужно жить со всеми мирно». Церковный Вестник, 1882 год, № 42.

⁴¹² - Сознательное, конечно, обращение в православие со стороны присоединенных в 1864–1866 годах из католичества предполагал и Император Александр II, который, в бытность свою в Вильне в 1867 году, сказал крестьянам Виленской губернии, допущенным для поднесения ему хлеба-соли, и из которых некоторые были принявшие православие: «Очень рад видеть вас православными; я уверен, что вы перешли в древнюю веру с убеждением и искренно. Знайте, что раз принявшим православие я ни под каким видом не позволю и не допущу возвратиться в католичество. Знайте это и скажите это

от меня всем своим. Слышите ли? Повторяю, рад вас видеть православными». Речь эта Государя, по напечатании её, была разослана по всем волостным правлениям. Текст её был, между прочим, сообщен в 1896 году, в июле месяце, в редакцию Московских ведомостей Минским губернатором, князем Трубецким, «по случаю, как он выражается, особенно обострившегося за последнее время в печати вопроса о жителях северо-западного края, принявших православие в шестидесятих годах».

⁴¹³ - Это торжество имело своим следствием совращение из православия 300 прихожан Клещельской церкви.

⁴¹⁴ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 685.

⁴¹⁵ - Впрочем, жалоба Макаревского осталась без удовлетворения, потому что, хотя архиепископ Макарий обратился, с своей стороны, к Виленскому губернатору с просьбою о прекращении соблазна от указанных вымышленных мощей и о взыскании с виновных, но генерал-губернатор Потапов, усмотрев из представленного ему дела, что находящиеся в Олькеникском костеле мощи признаны действительными папою Пием VII и приняв во внимание также и то соображение, что, по давности укоренившегося в католическом населении убеждения в действительности сих мощей, прикосновение к этой, хотя может быть и мнимой святыне католиков, не принесет пользы православным, могло бы привести в раздражение католическое население и послужить к большему возбуждению религиозного фанатизма, признал нужным оставить это дело без последствий.

⁴¹⁶ - Православному духовенству, проходящему чрез Острые ворота, во время католического богослужения в часовне, приходится нередко подвергаться со стороны фанатичной массы глумлениям, состоящим в насмешках и даже оплеваниях.

⁴¹⁷ - Нужно заметить, что сам пр. Иосиф находился с этим епископом в хороших отношениях и отзывался о нем пред графом Протасовым с одобрительной стороны.

⁴¹⁸ - В 1847 пр. Иосиф жаловался на это проживание ксендзов по докам помещиков самому генерал-губернатору и просил его вытребовать от управлявшего епархией католического прелата Жилинского список приписных и дворовых каплиц, при которых положено состоять особым священникам, и список этот передать в уездные земские полиции для наблюдения. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 413–414.

⁴¹⁹ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 646–649.

⁴²⁰ - Киприанович, Жизнь Иосифа Семашки, стр. 362.

⁴²¹ - Наша брошюра. «Некоторые черты деятельности митрополита Макария по управлению Литовской епархией», стр. 17.

⁴²² - Далее архиепископу Алексию пришлось жаловаться гражданскому начальству на ксендза Машкевича за венчание им в костеле с католиком девицы, которой было отказано в её просьбе исповедовать латинство, и при том еще без надлежащих документов.

⁴²³ - Г. Владимиров. «О положении православия», стр. 62–63. Муравьев и Кауфман, осознавая вес вред, приносимый сими братствами, поднимали было вопрос об уничтожении их, но они сами были скоро отозваны, а братства эти остаются и доселе.

⁴²⁴ - Пример Виленского епископа Гриневецкого, открыто и упорно отказывавшегося исполнять законное требование правительства и, за то, сосланного в Ярославль, вызвал не мало себе подражателей в лице ксендзов.

⁴²⁵ - В этом отношении на первом месте должна быть поставлена Ковенская губерния, а за тем Виленская, и, наконец, уже Гродненская.

⁴²⁶ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 164.

⁴²⁷ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 724.

⁴²⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 175.

⁴²⁹ - В 1865 году, по поводу присоединении ксендза священником, без ведома епархиального начальства, было воспрещено это на будущее время.

⁴³⁰ - Насколько вообще ксендзы в это время были неискренны в мотивах своих побуждений к присоединению к православию, видно, например, из обращения ксендза Бернацкого, который, если верить сообщению священника Свислочской церкви, присоединился к православию потому, что был замешан в польском мятеже, а после, сделавшись становым приставом, никогда со всею семьей не посещал церкви.

⁴³¹ - Этот крестный ход был установлен св. Синодом в 1840 году, по представлению Полоцкого епископа Василия Лужинского, в воспоминание воссоединения униатов в 1839 году, причем самое празднование сего события было отнесено на первый четверток в Петровском посту. Из боязни, что воссоединенные скорее увлекутся крестным ходом из костелов, по случаю римско-католического праздника в сей день «Тела Христова», пр. Иосиф сперва разрешил совершать крестный ход, кроме Виленского Св.-Духовского монастыря, еще в Жировицком соборе, Бытенском и Борунском монастырях, в соборных церквях г. Бельска, Кобрина и Каменецка и приходских церквях Пружанской и Клецельской. При сем консистории было предоставлено право входить к архиепископу с ходатайством о разрешении крестного хода в сей день и в других местах, в случае желания на то прихожан. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 572.

⁴³² - Впрочем, обвинение помещиков в сем отношении со стороны православных священников не всегда было основательно, вследствие неодинакового взгляда их самим, на важность того или другого праздника православной церкви. Это обстоятельство, по мнению Свенцянского благочинного, изложенного в рапорте консистории в 1844 году, с одной стороны, вселяло недоверие к духовенству в самих прихожанах, а с другой, давало справедливый повод иноверцам-помещикам и арендаторам и даже экономам не обращать должного внимания на справедливые требования священников и служить причиною холодности по отношению к ним. Литовская духовная консистория, получив разъяснение от сего благочинного относительно того, что разномыслие между священниками

происходило из-за праздников 30 ноября, 8 мая, 24 июня, 24 июля, 6 августа, 29 и 30 августа, 26 сентября, 22 октября и 21 ноября, предложила сему благочинному руководствоваться в сем случае ясным указанием закона.

⁴³³ - Что касается польской интеллигенции, говорится в этом отчете, то она, находясь большею частью под влиянием ксендзов, удаляется от общения с православным духовенством и держится по отношению к православным высокомерно и заносчиво.

⁴³⁴ - Во всеподаннейшем отчете обер-прокурора св. Синода за 1894–1895 годы замечено, что под влиянием Латинского духовенства, помещиков и шлихты, в некоторых местностях, с наиболее преобладающим католическим населением, усматриваются проявления фанатической вражды католиков к православию и всему русскому, причем усилению этой вражды в последние годы весьма много способствуют тайно распространяемые из заграницы брошюры, в которых поносятся русское правительство, хулился воспитание в церковных школах и рекомендуется, в случае ожидаемых врагами России политических осложнений, прежде всего священников заключать в тюрьму, а церкви запечатывать и обращать в костелы. В Волынской и Литовской епархии было несколько случаев публичного порицания православной веры со стороны католиков. Церковные ведомости, 1898 год, № 32, стр. 314–315.

⁴³⁵ - Дело Литовской духовной консистории. 1871 год, № 346.

⁴³⁶ - В 1841 был сослан в Сибирь на поселение мещанин г. Соколки Фляк, занимавшийся истреблением бродячих собак, за то, что повесил на собаку, вместо звонка, икону св. Николая.

⁴³⁷ - В доказательство того, какими инсинуациями, клеветали или баснями иногда поддерживается враждебность латинян к православию, пр. Алексей привел следующий факт. Один из уклоняющихся от православной церкви, служащий в войсках в Туркестане, между прочим, с полнейшим убеждением высказал увещевавшему его полковому священнику, что папа в кармане своем носит ключа от царствия Божия и ежедневно

утром под подушкой у себя находит письмо от Самого Господа Бога. Один экземпляр такого рукописного на русском языке «листа или письма», посланного на землю от «Самого Господа» папе Льву XIII, с обещанием за чтение его (общего характера) ежедневного отпущения грехов, был представлен Коссовским благочинным, а ему был поднесен учениками его школы в классе, с просьбою объяснения его.

438 - Русское Обозрение. 1896 № 5, стр. 238.

439 - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 262.

440 - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 262.

441 - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 534–536.

442 - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 544.

443 - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 263.

444 - Русская старина. Ноябрь 1882 года.

445 - Киприанович, «Жизнь Иосифа Семашки», 211.

446 - Преданы были сему суду те лица, которые были замешаны в мятеже и которые в своей просьбе об увольнении их от должности, между прочим, говорили, что будто бы само русское правительство возбуждает крестьян против помещиков и подготавливает, галицкую резню, почему-де они признают не приличным служить такому правительству, как русское.

447 - Брянцев. «История Литовского государства», 1889 год, Вильна, стр. 647–648.

448 - Московские Ведомости, 1897 год, № 269.

449 - Это произошло, между прочим, вследствие водворения в крае русского элемента, через поселение здесь крестьян и продажу имений русским всех сословий.

450 - Церковный Вестник, 1892 год, № 10.

451 - «Русское Обозрение», 1896 год, июнь, стр. 568.

452 - Киприанович также находит, что приемы, употреблявшиеся для убеждения крестьян-католиков, отличались кротостью и простотой, как со стороны священников, так и чиновников, хотя в другом месте, говоря об обратном движении в католичество, причинами того поставляет, между прочим, самый способ присоединения, состоявший, по

местам, в уклонениях от строгой чистоты в действиях, что, в свою очередь, объясняет отсутствием единства убеждений в ревнителях присоединения и руководящего направления.

«Жизнь Иосифа Семашки», 356, 363.

⁴⁵³ - «Русское Обозрение», 1896 год, июнь, стр. 570.

⁴⁵⁴ - Г. Владимиров. «О положении православия в северо-западном крае», стр. 88.

⁴⁵⁵ - Для примера, достаточно указать на конкордаты, заключавшиеся русским правительством с папами.

⁴⁵⁶ - Для присоединения лютеран к православию в Прибалтийском крае в 1845 году был установлен, но Высочайшему повелению, 6-ти месячный срок, отмененный только в 1865 году, причем о. Пospelов, во избежание малейшей тени подозрения, что ведет пропаганду между лютеранами, желавшими присоединения, говорил последним, что они через это не получают никакой земной выгоды. «Богословские Вести», 1893 год, октябрь, стр. 125 и 1894 год, июль, стр. 121.

⁴⁵⁷ - Г. Владимиров. «О положении православия в северо-западном крае», стр. 51.

⁴⁵⁸ - Начало этого движения последовало еще раньше вступления Потапова, в управление краем, а между тем, вся вина в этом слагается на него, конечно, без сомнения, потому, что он открыто осуждал обращение латинян в православие и даже, если верить М. О. Кояловичу, сказал членам Минской духовной консистории: не зачем обращать их в православие, они (т.е. латиняне), пожалуй, лучше вас». Литовские епархиальные ведомости, 1881 год, № 14.

⁴⁵⁹ - Дело Литовской духовной консистории. 1868 год, № 49.

⁴⁶⁰ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 603.

⁴⁶¹ - В своем отношении, по поводу сего дела, к Назимову м. Иосиф положительно выражал свои недовольство тем взглядом его, по которому содействие гражданской власти по делам отступничества от православия должно было ограничиваться одним доставлением отступников к духовенству

через полицию для увещания. Записки митрополита Иосифа, т. 2, 655.

⁴⁶² - О. Фудель: «Наше дело в северо-западном крае», 1893 год, стр. 7.

⁴⁶³ - Некоторые из таковых пастырей находили повод к обвинению даже архиепископа Алексия в том, что он будто бы не всегда твердо отстаивал интересы православной церкви, отклоняя иногда ходатайство православного духовенства о закрытии костела в известном месте, как, например, ходатайство о сем причта Кузнецкой церкви, когда пр. Алексий не только не согласился на закрытие костела в сем приходе, но и сделал еще внушение причту Кузнецкой церкви «чаще и с полным благоговением совершать богослужение и в образе жизни являть пример истинно православного клира, назидаящего свою паству своим поведением». Эту свою резолюцией архипастырь выразил тот совершенно правильный взгляд на дело, что для устранения неблагоприятного влияния иноверия на православие, далеко не всегда бывают успешны одни такие чисто внешние меры, как закрытие костела, и напротив, более полезною мерою должно считаться надлежащее исполнение православным духовенством своих пастырских обязанностей и благоповедение.

⁴⁶⁴ - Полагаемся в данном случае на Владимирову, свидетельствующую, что он видел автограф этого письма в канцелярии Виленского генерал-губернаторского управления Г. Владимиров. «О положении православия в северо-западном крае», стр. 87.

⁴⁶⁵ - «О положении православия в северо-западном крае», стр. 88.

⁴⁶⁶ - Так, из времен управления краем Альбединского, разделявшего, подобно Потапову, полонофильские воззрения на задачи правительственной деятельности в крае, нельзя не отметить весьма характерного случая препирательства между Литовским епархиальным начальством и Ковенской палатою уголовного суда, отказавшеюся ведать дело о явно отступившем от православия отставном рядовом Розенберге,

который предварительно находился на увещании у православного духовенства, и предоставившею ведение дела о сем отступнике духовной консистории. Дело окончилось, впрочем, не к чести палаты, потому что Правительствующий Сенат, куда последовала жалоба из Св. Синода на отказ её, нашел неправильным действие последней.

⁴⁶⁷ - При Муравьеве это было строго воспрещено.

⁴⁶⁸ - Церковный Вестник, 1886 год, № 46.

⁴⁶⁹ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1156.

⁴⁷⁰ - Впоследствии митрополит Санкт-Петербургский, умер 8 сентября, 1892 года.

⁴⁷¹ - Дело Литовской духовной консистории. 1839 год, № 534.

⁴⁷² - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 580.

⁴⁷³ - По поводу, самовольного присоединении к православию в 1853 году Друйским протоиереем Стукаличем одного единоверца и принуждения к тому же и его семейства, митр. Иосиф сделал Стукаличу строгий выговор и объявил всему духовенству, чтобы оно самовольно не осмеливалось ни склонять, ни принимать в свои паствы лиц, присоединившихся из раскола. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1112.

⁴⁷⁴ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 577–579.

⁴⁷⁵ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 579.

⁴⁷⁶ - Конечно, это обстоятельство не мало должно было способствовать успеху раскольничьей пропаганды среди древле-православных, живших вместе с раскольниками.

⁴⁷⁷ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 594.

⁴⁷⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 955–956.

⁴⁷⁹ - В 1873 году один из Ковенских раскольников беспоповской секты Скоробогатов употреблял всевозможные сродства к развращению старообрядцев своими грубыми наставлениями, не допуская присоединиться к православию, хотя многие того желали. Дело Литовской духовной консистории. 1873 год, № 36.

⁴⁸⁰ - Сам Государь Император пожертвовал для сих церквей 3 иконы.

⁴⁸¹ - Из статьи профессора Н. И. Субботина, напечатанной в «Современной летописи» в перепечатанной в Литовских Епархиальных Ведомостях, 1870 год, № 14 и 16.

⁴⁸² - 19 марта 1877 было утверждено мнение Государственного Совета о расходе на содержание и разъезды единоверческих священников в Литовской епархии.

⁴⁸³ - Дело Литовской духовной консистории. 1872 год, № 844.

⁴⁸⁴ - Церковь эта находится в Виленском уезде.

⁴⁸⁵ - Архив св. Синода. Дело с отчетами о состоянии епархий за 1880 год.

⁴⁸⁶ - От 30 марта 1892 года состоялось Высочайше утвержденное определение Государственного Совета относительно расхода на содержание и разъезды миссионера по обращению раскольников в Литовской епархии.

⁴⁸⁷ - Конечно, пр. Алексей, проводя такой свой взгляд на раскольников, живших в пределах Литовской епархии, имел в виду общее отношение их к православной церкви, не отрицая возможности и случаев, доказывающих и исключение из оногo, на что указывает отчет епархиального миссионера по Литовской епархии за 1895 год, сообщающий, что раскольники Дисненского уезда, сравнительно с другими местностями Виленской губернии, отличаются особенною враждебностью к православной церкви. Этот же миссионер жаловался и на ближайших блюстителей закона, т.е. разных чиновников, которые, вследствие положительного незнания жизни раскольников, но только не обращали на них должного внимания, но даже не советовали прибегать к миссионерству по отношению к ним, находя, что они безвредны для церкви и государства, и сами придут в живое общение с православною церковью, причем, как на факт, доказывающий слишком большое доверие со стороны гражданской власти к раскольникам, этот же миссионер указывает на то, что в некоторых местностях, населенных преимущественно

раскольниками, полицейскими урядниками были заядлые раскольники, не признававшие, но своему вероучению, ни святости присяги, ни обязательности молиться за Царя и властей. Литовские епархиальные ведомости, 1896 № 32.

⁴⁸⁸ - В отношении применения к делу сего Высочайшего повеления пр. Иосиф находил полезным, чтобы, при производстве дел о совращенных в латинство бывших униатах, не допускать участия депутатов со стороны католического духовенства, которое должно было только доставлять все нужные по сим делам сведения, по требованию гражданских чиновников, производивших сии дела, и чтобы депутат со стороны римского духовенства был приглашаем только тогда, когда, при розыске, оказалось бы, что местный ксендз обвиняется в совращении кого-либо в латинство или в противодействии возвращению в православие, т. е. когда преступление падало уже на само римское духовенство, а не лично ни прихожан. Это свое мнение пр. Иосиф в отношении к графу Протасову от 14 мая 1840 году мотивировал отсутствием беспристрастия в депутатах со стороны латинского духовенства. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 519. И действительно, в 1842 году состоялось Высочайшее повеление, согласно с мнением пр. Иосифа, об освобождении ксендзов от обязанности, при разбирательстве прихожан, отмечать по спискам лиц, подлежащих возврату в православии, о чем пр. Иосиф уведомил секретно Литовскую консисторию только в 1850 году.

⁴⁸⁹ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 195–196.

⁴⁹⁰ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 659–661.

⁴⁹¹ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 351.

⁴⁹² - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 423–426.

⁴⁹³ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1028.

⁴⁹⁴ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1116.

⁴⁹⁵ - Между тем, в 1868 году Гродненский губернатор, жалуюсь на священников, просил пр. Макария, чтобы он предписал священникам Дрогичинского благочиния о скорейшем доставлении ими сведений судебному следователю

относительно дела, начавшегося еще в 1836 году, о лицах, перешедших из унии в православие и католичество.

⁴⁹⁶ - Наша брошюра «Печальная страница из истории православия в северо-западном крае», Москва, 1894 год, стр. 3.

⁴⁹⁷ - Что некоторые священники поступались иногда в пользу ксендзов интересами и правами православной церкви, открыла, например, ревизия церквей в 1849 году, когда ревизорами было указано на несколько примеров «небрежности или недобросовестности» (как выражался сам пр. Иосиф) священников, состоявшей в том, что дети, рожденные от смешанных браков с лицами римско-католического исповедания, крестились ксендзами и записывались в их метрические книги, Записки митрополита Иосифа, т. 2, 476. Точно также в 1850 году, по поводу жалобы в св. Синод аптекаря Кушевича на Литовское епархиальное начальство якобы за неправильной разлучение его с женою, открылось, что священник К., взявший на себя венчание сего брака, вместо священника М., коему поручено было это пр. Иосифом, сам не венчал Кушевича, а дозволил сделать это ксендзу и при сем дал от себя ложное удостоверение о совершении сего брака, сделав ложно метрическую запись о сем в книгах Bloshnikovskogo prikhoda. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 954. Наконец, уже в 1873 году Гродненский губернатор жаловался пр. Евгению на священника К., взявшего 45 руб. с ксендза Сосневичского костела за недонесение о незаконном венчании им крестьянина православного исповедания с крестьянкой-католичкой.

⁴⁹⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 545.

⁴⁹⁹ - Священник Фудель, «Наше дело в северо-западном крае», стр. 15.

⁵⁰⁰ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1118.

⁵⁰¹ - От 11 мая 1891 года состоялось Высочайшее повеление, которым разрешено было совершать браки между православными и католиками без свидетельства ксендзов, до одному удостоверению полиции.

⁵⁰² - В отчете пр. Иосифа о ревизии церквей в 1892 году по Гродненской губернии указывалось, что смешанные браки были не безвредны в религиозно-нравственном отношении, так как через них нередко целая семья ополячивалась, особенно дети; в противном же случае, между супругами происходили раздоры. Крестьянин, женившийся на католичке, обыкновенно перестает ходить в церковь.

⁵⁰³ - Священник Фудель, «Наше дело в северо-западном крае», стр. 16.

⁵⁰⁴ - Литовские епархиальные ведомости, 1889 № 50.

⁵⁰⁵ - Таких случаев уклонения из православия в латинство особенно много оказалось в семействах, присоединившихся в 1864–1866 годах.

⁵⁰⁶ - Литовские епархиальные ведомости, 1888 № 43.

⁵⁰⁷ - Литовские епархиальные ведомости, 1875 № 6.

⁵⁰⁸ - Это распоряжение Литовской духовной консистории, между прочим, доказывает то, что духовенство православное не всегда вело надлежащим образом документы, касающиеся до присоединившихся в православие римско-католиков, и потому давало католическому духовенству справедливые поводы жаловаться на него. Это видно, например, из отношения в 1865 году Виленского губернатора к Литовскому епархиальному начальству, в котором указывалось на то, что католические ксендзы, будучи обвиняемы в преподавании духовных треб лицам, присоединившимся к православию, а также детям от смешанных браков, оправдывали себя тем, что особенно в последние два года не велись списки тем лицам из католического исповедания, которые бракосочетались с православными. – Посему, губернатор просил консисторию вменить в обязанность православному духовенству Виленской губернии своевременно уведомлять католическое духовенство о каждом лице, присоединившемся из католицизма в православие, а также о всяком лице католического исповедания, вступившем в брак с лицом православного исповедания. Между тем, консистория, по-видимому, оскорбившись этим отношением гражданской власти, вместо

того, чтобы, согласно указанному замечанию Виленского губернатора, предписать духовенству аккуратнее вести списки лицам, присоединившимся из католичества в православие и вступившим в смешанные браки, сделала только не соответствовавшее делу распоряжение через благочинных, а именно, чтобы они немедленно справились и донесли, нет ли в приходах вверенных им церквей таких смешанных по вероисповеданию супружеств, которые, будучи венчаны в течение последних двух лет, крестили детей своих в латинской вере и в воспитании оных поступали против своих пред брачных обязательств, и, если окажутся, то указать ксендзов, которыми неподлежаще совершено их крещение, и обо всем прочем, нужном к уличению виновных в их противозаконных поступках, а также, нет ли совратившихся в латинство из православия и выдавших подписки на непоколебимое в нем пребывание, и, если окажутся таковые, то, где удовлетворяются духовными требами, и кто виновен в отвлечении их от православия. Этот случай служит также достаточным подтверждением раньше указанных вами не всегда надлежащих отношений между светской властью в северо-западном крае и духовною, и, притом, на сей раз не без вины со стороны последней.

⁵⁰⁹ - В 1859 году, по требованию митрополита Иосифа, была составлена ведомость о церквях Литовской епархии, с указанием ближайших к ним костелов.

⁵¹⁰ - Костел Иисуса, при монастыре Тринитариев; 2) Св. Петра при монастыре ксендзов-каноников – приходский; 3) костел св. Станислава; 4) св. Франциска при монастыре Бернардинов – приходский; 5) св. Иоанна – приходский; 6) св. Михаила – филиальный; 7) ксендзов-Августинов – при главной семинарии; 8) сестер милосердия – монастырский; 9) св. Терезы при монастыре кармелитов-босоногих при Острых воротах; 10) ксендзов миссионеров на горе Спасителя – монастырский, приходский; 11) Сердца Иисусова – монахинь-визиток; 12) св. Иосифа – монахинь-кармелиток босоногих; 13) Всех Святых при монастыре ксендзов-кармелитов, древних нравов, приходский; 14) св. Стефана, монахинь-мариониток, приходский; 15) св. Николая – приходский, по ветхости закрытый; 16) Пресвятые

Богородицы – ксендзов-францисканцев; 17) св. Духа – ксендзов-доминиканцев; 18) св. Екатерины – монахинь-бенедектинок; 19) св. Креста – ксендзов-бонифраторов; 20) св. Юрия – при семинарии, прежде принадлежавший кармелитам; 21) св. Иакова на Лукишках – монахов-доминиканцев; 22) св. Рафаила на Снипишках – занятый под цейхгауз; 23) ксендзов-каноников для покаяния – на Заречье, во имя св. Варфоломея; 24) св. Марии-Терезы, за рекой Вилией, – занятый под укрепление, и 25) один костел, закрытый по ветхости.

⁵¹¹ - Записки митрополита Иосифа, т. 1, 140.

⁵¹² - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 799.

⁵¹³ - С 1854 по 1863 годы в Северо-западном крае было построено 399 новых костелов, из коих многие были достроены там, где, кроме ксендза и пана, не было католического населения. Брянцев. «Польский мятеж», стр. 145.

⁵¹⁴ - В продолжение одного 1864 года Муравьевым было закрыто более 30 римско-католических монастырей и произвольно устроенных филиальных костелов, и ненужных приходов, причем некоторые костелы были обращены в православные церкви. Русская старина 1883 год, 1., 139.

⁵¹⁵ - Так, в 1866 году было воспрещено органистам костелов развозить пред праздниками Рождества Христова и Пасхи по домам прихожан облатки, в виду того, что они заезжали с этою целью в дома православных прихожан.

⁵¹⁶ - См. отчет его св. Синоду о состоянии Литовской епархии за 1889 год.

⁵¹⁷ - Достаточным доказательством сего из последнего времени может служить случай в Шавельской гимназии, имевший место 20 августа 1897 года и стоявший в связи со съездом ксендзов, собравшихся, по случаю праздника.

⁵¹⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1050.

⁵¹⁹ - Должность епархиального архитектора для Литовской епархии была учреждена еще в 1840 году.

⁵²⁰ - В 1839–1860 годах были построены один деревянный и один каменный соборы, 2 каменных монастырские церкви, 26 каменных приходских и 24 – деревянных; 6 – ружных

деревянных и 4 каменных кладбищенских, 2 каменных при казенных заведениях и одна деревянная, 5 каменных домовых церквей, 6 каменных часовен и 17 – деревянных.

⁵²¹ - Дело относительно постройки или починки православных церквей в помещичьих имениях начиналось с донесения местного причта епархиальному начальству о сем, а последнее сносилось с губернским правлением, которое уже от имени губернатора предлагало уездному предводителю дворянства озаботиться этим делом.

⁵²² - Пример отношении чиновников к сему делу можно видеть из жалобы Литовской духовной консистории в 1863 года на пристава 4-го стана Лидского уезда Шарковского, который, без депутата с духовной стороны, осмотрев одну церковь, отнесся к местному предводителю дворянства с уведомлением, что она довольно прочна и потому не требует исправления, тогда как раньше чиновник Министерства Финансов признал нужным её ремонт.

⁵²³ - В 1853 году, по поводу плана для церквей, приложенного при указе св. Синода, пр. Иосиф нашел, что эти планы пригодны только для постройки церквей по казенным имениям, где они соразмерны с средствами Министерства Государственных Имуществ, и вполне зависят от его распоряжений, для помещичьих же имений, в которых приходы состоит менее чем из 1 тысячи душ прихожан обоего пола, следовало бы разрешить постройку церквей возможно простой архитектуры и невысокой ценности, для скорейшего обеспечения их храмом. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1111.

⁵²⁴ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1192–1199.

⁵²⁵ - Пр. Иосиф, в ответ на это отношение к нему Муравьева, указывал, с одной стороны, на то, что Литовское епархиальное начальство неоднократно обращало внимание духовенства на поддержании церквей по казенным имениям, а с другой – и на то, что эта обязанность, возложенная на духовенство, была затруднительна для него, вследствие того, что прихожане состояли почти исключительно из одних бедных

крестьян, зависящих почти исключительно от помещиков-иноверцев и в казенных имениях – от чиновников также, по большей части, иноверцев, а следовательно, и не могших давать важные пожертвования на церковь. При этом, митрополит не преминул указать на случаи недобросовестной постройки церквей и в казенных имениях, имевшие своим следствием почти постоянный ремонт и починку, непосильные иногда для прихожан. Так, в одном месте пр. викарий, при посещении только что отстроенной церкви, нашел в ней пол совершенно мокрым к всюду расставленную посуду для принятия течи сквозь гонтовую крышу. Но особенно негодовал пр. Иосиф на постройку церкви в Дубне, стоившей казне 48 тысяч рублей серебром, и в которой не была окрашена крыша. «Не знаю, замечал, по сему поводу, митрополит, по каким причинам построена столь многоценная церковь для бедного сельского прихода. Но каждый беспристрастный сознает, что приход, имеющий церковного дохода только 30–40 рублей на все потребности церкви и богослужения, не может никаким образом ремонтировать церковь, стоящую 48 тысяч рублей серебром. Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1228–1232.

⁵²⁶ - Для поощрения членов советов к усердному прохождению ими своей должности, им предоставлялось право носить обложенный галуном кафтан, как на время службы, так и после, при похвальном прослужении трех трехлетий; личное увольнение на время службы от натуральных повинностей и, наконец, награждение за постоянное, в продолжение двух и особенно трех трехлетий, усердие в должности, по представлению местного священника и по усмотрению губернатора, серебряными медалями «за усердие» для ношения в петлице и на шее, равно и другими преимуществами, смотря по важности заслуг.

⁵²⁷ - Литовские епархиальные ведомости, 1864 год, № 22.

⁵²⁸ - Это видно, например, из того, что даже в 1861 году, несмотря на правительственное воспрещение отдавать постройку церквей евреям, последние продолжали строить оные и иконостасы, склоняя прихожан водкой к отдаче им подрядов на эти работы. Даже в весьма недавнее время ремонт

церкви в Д. приходе Гродненской губернии был сдан церковным попечительством еврею.

⁵²⁹ - Об этом можно судить уже по тому одному, что Виленское губернское церковно-строительное присутствие, на ходатайство Литовского епархиального начальства об открытии кредита для постройки 9 новых церквей и поправлении старых, вынуждено было 27 августа 1875 года ответить отказом, ссылаясь на то, что, в виду ежегодно повторяющегося ограничения церковно-строительных смет в Государственном Совете, с предоставлением даже права Министерству Внутренних Дел приостановить, по его усмотрению, начатые работы, это министерство не решилось включить испрашиваемую для сих построек сумму в ведомость, представляемую в Государственный Совет при смете на текущий год, и ограничилось одним обращением внимания церковно-строительных присутствий на необходимость привлечения прихожан к возможно большему участию в деле построения ими церквей, особенно и приходах многолюдных.

⁵³⁰ - В 1889 году церковно-приходских попечительств в Литовской епархии было 473, а всех пожертвований от них 15374 руб. 27 коп., т.е. около 35 руб. на каждое попечительство.

⁵³¹ - О том, что и теперь есть не мало церквей ветхих в Литовской епархии, можно заключить на основании ревизорского отчета пр. Иосифа, бывшего епископа Брестского, который заметил в 1894 году, о приходской Хоробровической церкви, что стены её, хотя и были еще довольно крепки, однако, снабжены подпорками. Крыши почти не было совсем, балок – тоже. Пол представлял собою гнилушки. Вследствие сего, прихожане ходили больше в Козловичскую церковь, в которой своих прихожан было до 5 тыс. человек.

⁵³² - Мы сами имели случай быть в этой церкви и в подробностях знаем всю историю построения новой церкви... 1 аршин=0,71 м. 16х10 аршин = 11,4х7,1 м (прим. ред.).

⁵³³ - Архиепископ Александр в это время был уже в болезненном состоянии.

⁵³⁴ - На эту медлительность церковно-строительных присутствий жаловался еще в 1869 году пр. Макарий Потапову.

⁵³⁵ - В отчете пр. Алексия о состоянии епархии за 1885 год указывалось также на то, что казённая постройка церквей последних 20 лет нередко оказывалась непрочною и скоро требовала ремонта, и что, по и местам, поддержка церквей, особенно переделанных из костелов, была не под силу прихожанам, а отпускаемые суммы на ремонт весьма ограничены, тогда как на возведение 77 новых церквей, поддержание и ремонт 103 уже существующих, по приблизительному расчету, требовалось еще свыше миллиона рублей.

⁵³⁶ - В 1884 году было констатировано, что кража в церквях Верховлянской и Цветинской произошла через окна, вследствие крайней небрежности в устройстве решеток, так как в одной церкви решетка не достигала до верха на пол аршина, а в другой – сквозь решетку можно было проникнуть в церковь.

⁵³⁷ - В № 15 Литовских епархиальных ведомостей за 1895 год указывалось еще на то, что во многих церквях не было продушин, отчего через 2–3 года, после постройки новой церкви, пол в ней гнил, утварь и иконостас портились. В этой же заметке выражалось желание, чтобы иконостасы и живописные работы выделялись из сферы работ подряда, иконы писались бы в значительном количестве и на это назначались бы деньги в достаточном размере, тогда как подрядчики и из этой статьи выжимали себе значительный процент и нередко заказывали работы, где подешевле, и лишь бы сбыть с рук, причем в роли сих подрядчиков являлись иноверцы или раскольники.

⁵³⁸ - Интересно также знать, почему была принята в епархиальное ведомство недавно устроенная церковь в Беловежском приходе, в которой, как найдено ревизией в 1894 году, входные внутренние двери отворялись во внутрь.

⁵³⁹ - В № 15 Литовских епархиальных ведомостей 1895 год, по сему поводу, замечено было, что член церковно-строительного присутствия от духовенства не имел времени и средств следить постоянно за производством церковных зданий

на месте. Но, если так, то зачем было назначать для наблюдения за этим важным дедом такое лицо, которое не имело даже времени рассмотреть план для устройства церкви в Кобыльниках.

⁵⁴⁰ - При Слонимском соборном храме находятся 2 приписных церкви, из коих одна в 15 верстах, тогда как при соборной церкви одноклирный причт, обязанный, конечно, ежедневно служить здесь.

⁵⁴¹ - По поводу корреспонденции из м. Красного, редактор Литовских епархиальных ведомостей справедливо заметил, что «все внимание, как прихожан, так и священников, обращено на церкви приписные и кладбищенские, которых у них много, в ущерб главной приходской церкви, особенно, если они имеют счастье прослыть «отпустовым местом», а простой народ, водимый религиозным чувством, несет сюда свои дары, не разбирая, действительно ли это место чудотворное, или же слывет оно таким, благодаря ловкости и говору, пускаемому в народе, а пастыри духовного стада, имея отсюда прибитки, привязываются всеми своими помыслами к таким церквям, упуская из виду приходскую, и что, таким образом, средства раздробляются и уменьшаются, часто оставляя следы на благоустройстве и состоянии приходских церквей. Литовские епархиальные ведомости, 1878 № 19.

⁵⁴² - Нужно заметить, что, по распоряжению греко-униатской коллегии, в 1834 году было начато устройство в униатских церквях иконостасов и престолов, по чину православной церкви, вместо бывших у стены, по обычаю католиков, а также к упразднению исповедален.

⁵⁴³ - Т. е. сосуд, сделанный на подобие пушки, и служивший в униатской церкви местом для хранения св. Даров.

⁵⁴⁴ - Справедливость требует заметить, что некоторые лица из, духовенства, как, например, Слонимский благочинный – Центковский и священники Кревской, и Бакшатанской церквей отпущенные им деньги на внешнее и внутренне благоуукрашение их храмов – растратили в свою пользу.

⁵⁴⁵ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 800.

⁵⁴⁶ - В 1849 году пр. Евсевий в некоторых церквях Ошмянского уезда нашёл полы земляные, а протоиерей Гомолицкий в 1850 году нашел Марковскую церковь Вилейского благочиния покрытую соломой, при возможности на церковные средства устроить приличную крышу.

⁵⁴⁷ - Так, пр. Евсевий во многих церквях Дисненского и Свенцянского уезда нашел, что св. миро сохранялось не только в старых деревянных сосудах, но даже в вате, пропитанной им.

⁵⁴⁸ - По поводу ревизии церквей за 1855 год, обнаружившей неопрятность во многих церквях, пр. Иосиф обязал подпиской настоятелей церквей наблюдать за чистотой в них.

⁵⁴⁹ - Особенно это, конечно, можно сказать о тех церквях, которые редко посещались преосвященными ревизорами и даже совсем не посещались, как, например, Волькообровская церковь Бытенского благочиния, расположенная среди озер и болот, куда, за трудностью пути, до 1885 года не заезжал никто из архиереев.

⁵⁵⁰ - При посещении нами в 1887 году одной из церквей Вилейского уезда, мы видели статую Спасителя, лежащего во гробе, статую – в чисто католическом вкусе, находившуюся на хорах, и около которой стояло не малое число плошек с салом.

⁵⁵¹ - Несмотря на распоряжение пр. Евгения, бывшего викария Брестского, чтобы это изображение было закрыто наглухо в своей нише, оно, по временам, вынимается и привлекает в церковь массу богомольцев даже из дальних мест.

⁵⁵² - Преосвященный, по сему поводу, находил полезным для прибыли церквей выписывать свечи из Москвы или Санкт-Петербурга в Вильну, к кафедральному собору или в консисторию, откуда и рассылать их по церквам. К сожалению, этот полезный совет преосвященного не был принят.

⁵⁵³ - И лишь только в 1860 году митрополит Иосиф сделал распоряжение о заведении продажи по церквам свечей на тех же основаниях, как и в древле-православных епархиях.

⁵⁵⁴ - В письмах из Северо-западного края, помещенных в октябрьской книге «Странника» за 1898 год, этот недостаток ставится прямо в вину священникам.

⁵⁵⁵ - Даже в 1872 году пр. Евгением было найдено, что в Пасынковской церкви, Бельского уезда, священник не завел прихода-расходных книг.

⁵⁵⁶ - Консистория, по поводу сего отчета, ограничилась одним выговором благочинному и священникам, полагаясь добродушно на то, что, со введением нового порядка счетоводства, беспорядки эти должны ограничиться.

⁵⁵⁷ - С Литовской епархии было положено сего сбора 2700 руб.

⁵⁵⁸ - Литовские епархиальные ведомости, 1871 № 8.

⁵⁵⁹ - Пр. Алексей в своем отчете о состоянии епархии за 1883 год, на основании донесения пр. Анастасия, также указывал на то, что священники во многих церквях мало заботились об умножении церковных сумм.

⁵⁶⁰ - Что касается до кафедрального собора и монастырей, то консистория освободила их от взноса процента сбора на том основании, что они до 1871 года не представляли свечной прибыли.

⁵⁶¹ - Так, ревизией церквей по Гродненской губернии в 1894 году было найдено в одной церкви, почти с пяти тысячным числом прихожан, ежегодного дохода только 27 рублей. При М. церкви было замечено, с одной стороны, отсутствие записи пожертвований от многочисленных богомольцев льном, холстом и прочим, а с другой – весьма малое поступление кошельковых сумм, в иные месяцы лишь несколько копеек.

⁵⁶² - Впрочем, последнее обвинение церковных старост едва ли можно считать вполне основательным, в виду того фиктивного участия, какое вообще принимали они в ведении церковного хозяйства. Да и сам редактор «Литовских Епархиальных Ведомостей», состоящий членом консистории, и которому, следовательно, должны быть хорошо известны эти дела, не нашел возможным сложить прямо вину на церковных старост в этом отношении и, потому, по поводу означенной корреспонденции, только заметил, что «церковное хозяйство находится в застое и что многие книги ведутся небрежно,

отчасти же с хитростью, с известною долею опытности в том, чтобы скрыть концы в воду».

⁵⁶³ - Литовские епархиальные ведомости, 1879 № 32.

⁵⁶⁴ - См. нашу книгу «Статистическое описание православных приходов Литовской епархии». 1893 год, стр. 160.

⁵⁶⁵ - Литовские епархиальные ведомости, 1873 № 34.

⁵⁶⁶ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 595.

⁵⁶⁷ - В 1871 году ревизией церковей было найдено, что церковное хозяйство только формально лежало на старостах, а, в действительности, велось самими священниками, причем в некоторых местах церковные доходы, а также значительные пожертвования льном, полотном и прочим весьма редко и весьма неаккуратно записывались, а старосты не только ничего этого не знали, но даже и того, кто за них расписывается по книгам.

⁵⁶⁸ - Между тем, преднамеренные выборы многосемейных крестьян в церковные старосты подали повод к жалобам в 1848 году в Гродненское губернское правление со стороны некоторых помещиков на то, что церковные старосты, избранные из более семейных крестьян и освобожденные от повинностей, следуемых двору, удерживали все выделенные им угодья, а прихожане не исполняли подлежащих со старост нарядов и работ, и потому просили разрешения об отнятии у старост данных им угодий, и о побуждении прихожан к выполнению таковых повинностей, а вместе с тем, и о разрешении вопроса о том, освобождаются ли церковные старосты лично от рекрутской повинности, во время службы с своим семейством. Губернское правление, разрешив этот вопрос в том смысле, что сами старосты лично, во время прохождения ими сей должности, освобождаются от рекрутской повинности, но семейства их лишены сего права, вместе с тем, просило консисторию о том, чтобы, при выборе церковных старост, не опустительно соблюдались указанные законом условия, и чтобы вместе с избирательным актом представлялся всегда и проект относительно порядка в удовлетворении помещиков повинностями, падавшими на избранного в старосты.

⁵⁶⁹ - Это распоряжение Литовского епархиального начальства вызвало появление на страницах «Литовских епархиальных ведомостей» замечания относительно пользы сего распоряжения, которое должно было устранить те вольные и невольные недостатки, которыми сопровождался выбор и служебная деятельность церковных старост, заставив причты, до сих пор легко или же свысока относившиеся к церковным старостам, сознать их действительное значение в приходе и в делах церкви и, на основании инструкции, выбирать на эти места людей достойных и преданных интересам православной церкви. В этой же заметке выражалось желание, чтобы благочинные, при открытом избрании этих лиц, разъясняли прихожанам права и обязанности старост и снабжали избранных печатною инструкцией. Литовские епархиальные ведомости, 1873 № 34.

⁵⁷⁰ - По мнению духовенства, старосты существовали, главным образом, для прислуживания в алтаре во время богослужения и для некоторых, вообще, поделок в церкви, причем и свечи они продавали, в виде послушания.

⁵⁷¹ - Литовские епархиальные ведомости, 1893 № 17.

⁵⁷² - Впрочем, один из преосвященных ревизоров в недавнее время заметил по Гродненской губернии то обстоятельство, что и там, где были церковные сторожа, они худо исправляли свою обязанность, потому что состояли обыкновенно работниками у священников и, уставши за день, спали ночью.

⁵⁷³ - Литовские епархиальные ведомости, 1891 № 22.

⁵⁷⁴ - Часто повторяющиеся случаи ограбления церквей и в последующее время свидетельствуют о том, что и это предписание надо исполняется, кем следует. Это обстоятельство подало повод архиепископу Иерониму в октябре 1897 года подтвердить снова духовенству, чтобы оно заботилось об охране церковного имущества, под опасением ответственности за нерадение. Литовские епархиальные ведомости, 1897, № 46.

⁵⁷⁵ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1149.

⁵⁷⁶ - Так, ревизией церкви в 1895 году было замечено, что описи церковного имущества далеко не везде велись аккуратно.

⁵⁷⁷ - Литовские епархиальные ведомости, 1880 № 24.

⁵⁷⁸ - В некрологе священника Каллиста Ральцевича с рельефностью изображалось, вообще, небрежное ведение церковно-приходских документов некоторыми священниками. В этом некрологе говорилось, что предшественник Ральцевича по Девятковскому приходу вел так метрики и другие церковные документы, что по ним трудно было доискаться правды. Нередко случалось, что многих метрических записей о рождении и крещении вовсе не было в книгах, и они большею частью хранились у родителей на клочках бумаги, выданных при крещении за подписью лица, совершившего таинство. Что же касается до записей умерших, то, так как погребение допускалось совершать местному или чужому дьячку, или же местному народному учителю, без участия священника, то метрик о погребении многих покойников вовсе не оказывалось по книгам. Литовские епархиальные ведомости, 1880, № 34.

⁵⁷⁹ - Виновность некоторых благочинных в сем деле засвидетельствовала, например, ревизия церквей по Гродненской губернии в 1892 году, показавшая, что повсюду не было подписи благочинного в метрических, обыскных и других церковно-приходских документах, причем в метрических книгах Д. церкви не было посвидетельствования благочинного с 1867 года.

⁵⁸⁰ - Между прочим, один случай, имевший место уже в 1885 году, показал со всею очевидностью, насколько вредно отзывалось на интересах прихожан неправильное ведение многими причтами Литовской епархии метрических книг. Случай этот состоял в том, что метрическая выписка, данная в 1864 году причтом Белицкой церкви, Лидского уезда, о рождении сына одного отставного унтер-офицера, без обозначения в ней названия епархии, губернии и уезда, в которых находилась эта церковь, и понадобившаяся в 1885 году одному из высших правительственных учреждений для проверки её с подлинною книгою, хранящеюся в консистории, и, вдобавок, имевшая на себе сургучную церковную печать, от времени истершующаяся до

невозможности прочесть слово, бывшее на оттиске, долгое время должна была странствовать по России. Так, сперва она была послана наугад в Тульскую консисторию, где имеется город Белев; но эта консистория возвратила выписку приславшему учреждению, рекомендуя направить требование в Кишиневскую епархию, так как в ней находился город Бельцы. И только случайно узнавши, по получении сего ответа, что Белицкая церковь находится в Литовской епархии, учреждение прислало означенную выписку в Литовскую духовную консисторию.

⁵⁸¹ - В ведомости о Свислочской церкви, Волковысского уезда, было сказано, что она окончена «при помощи небес».

⁵⁸² - Старинные меры длины 1 прент=4,32 м; 30 прентов=1 морг (прим. ред.)

⁵⁸³ - На это обратил внимание и пр. Иосиф, епископ Ковенский, заметив, что приход этот богатый и потому священник мог бы достать получше бумаги и чернил.

⁵⁸⁴ - Что благочинные, по нерасположению своему к известному члену причта, давали о нем и даже о его жене плохую аттестацию, видно из клировой ведомости В. церкви В. уезда за 1889 год, в которой ныне покойный благочинный написал о священнике, что он поведения «хорошего», тогда как он ни в чем предосудительном раньше не был замечен, а о жене его, что она «глупая, злая, заносчивая и непочтительная».

⁵⁸⁵ - В 1896 году один из преосвященных викариев Литовской епархии обратил внимание на то, что некоторые священники показывали себя в клировых ведомостях окончившими курс по первому разряду в семинарии, тогда как они принадлежали ко второму, что и было поставлено на вид духовенству.

⁵⁸⁶ - Так, при крепостном праве и особенно при воссоединении униатов, некоторые помещики, предки которых были фундаторами церквей и церковных имуществ, обязанные определенными взносами в пользу находящихся в их имениях церквей и причтов, а также и другие лица, под благовидным предлогом, вытребовали от священников документы и более не

возвращали их церквам. Были даже и такие случаи, что в глазах же священников потомки фундаторов бросали акты в горевшую печь. Вследствие сего, возникло много дел, оставшихся без последствий. Отсюда же существовали в разных приходах земельные участки в границах помещичьей земля, носившие название церковных, и на которые доселе указывали, как на отнятые помещиками у церквей, по отсутствию документов.

⁵⁸⁷ - К сожалению, это прекрасное, по своей цели, распоряжение епархиального начальства осталось, кажется, без исполнения чуть ли не по всем церквам епархии.

⁵⁸⁸ - Духовный Вестник, 1898 год, № 47.

⁵⁸⁹ - Т.е. читанные обедни.

⁵⁹⁰ - Дело происходило вскоре, после Пасхи.

⁵⁹¹ - В некоторых церквах Литовской епархии мы сами видели, что, вместо теплоты, в потир вливается холодная вода.

⁵⁹² - Т.е. причтовое помещение.

⁵⁹³ - Уже эти два примера привязанности священников в Литовской епархии к прежним обрядам в богослужении дают нам основание считать преувеличенную жалобу пр. Иосифа на Минское епархиальное начальство, которое он обвинял, в виду сильного тяготения к латинству народонаселения новоприсоединенных уездов к Литовской епархии от Минской, в недостаточной заботливости, между прочим, относительно обучения духовенства правильному совершению богослужения, тогда как Минское епархиальное начальство также довольно строго наказывало священников за это. Это, например, видно из того, что священник Крайской церкви Киприанович за совершение проскомидии на одной просфоре, приобщение народа, по-прежнему, и служение по старому служебнику, при имении нового, и за дозволение дьячку брать крест с престола и давать лобзать народу и, наконец, за пение песней из польских кантычек, был наказан двухнедельною эпитимией в монастыре.

⁵⁹⁴ - Это видно из того, что пр. Иосиф, основываясь, как на своем личном наблюдении, так и наблюдении викарного епископа Михаила, в 1841 году сделал замечание кафедральному протоиерею и первенствующему члену

консистории, протоиерею Тупальскому, за то, что члены консистории оказались ленивыми и небрежными в отношении отправления богослужения в Жировицком кафедральном соборе и, притом, несмотря на неоднократные им замечания и внушения с его стороны. В виду сей неисправности, пр. Иосиф распорядился, чтобы члены консистории и ректор семинарии никак не увольнялись от богослужения и воскресные и праздничные дни, а служили бы поочередно, кроме случаев болезни или других уважительных обстоятельств, и, притом, не иначе, как с разрешения архиерея и под условием назначения кого-либо из важнейших духовных чиновников, прибывших из епархии в Жировицы.

⁵⁹⁵ - Некоторые священники, на предложение ревизоров отслужить вечерню или всенощное бдение, отказывались от того, под предлогом болезни.

⁵⁹⁶ - В самой Вильне пр. Макарий установил звон к поздней обедне в воскресные и праздничные дни во всех церквях в 10 часов утра, и по будням – в 9 часов, чтобы он начинался везде, как к литургии, так и для вечерни и утрени, отнюдь не прежде удара в колокол в кафедральном соборе. Дяконам было предписано; кроме времени великого входа, при совершении литургии, и других положенных по уставу случаев, не входить в алтарь царскими дверями, а также вести себя в церкви чинно и благоговейно, под опасением строгой ответственности за ослушание.

⁵⁹⁷ - Это отступление от устава замечалось нами и во всех Виленских церквях, кроме Св. Духовского и Мариинского монастырей, по вступлении на Литовскую кафедру архиепископа Алексия.

⁵⁹⁸ - Литовская духовная консистория, по поводу указанных замечаний пр. ревизоров относительно недостатков в совершении богослужения, в разное время делала предписания духовенству, чтобы оно приобрело на церковные деньги типиконы и пред каждым богослужением справлялось с порядком совершения оного, а на благочиннических съездах устраивало «примерное богослужение» для общего назидания, а по поводу ревизии церквей пр. Владимира – распорядилась

составлением в своей канцелярии сборника всех распоряжений епархиального начальства, бывших по поводу ревизий церквей, с тем, чтобы, по отпечатании его, разослать во все церкви епархии для руководства. Тем не менее, несмотря на все эти распоряжения Литовского епархиального начальства, значительного улучшения в совершении богослужения было мало заметно, между прочим, вследствие отсутствия в некоторых церквах (как это заметил в 1883 году пр. Авраамий) таких необходимых книг, как типикона и даже месячных миней и большего требника.

⁵⁹⁹ - Нужно заметить, что и М. О. Коялович, после своей поездки в 1886 году в Гродненскую губернию, также нашел значительное ослабление общенародного пения в Клещельском благочинии.

⁶⁰⁰ - В другом случае, по поводу положения церковного пения в епархии, пр. Авраамий дал совет, чтобы «для большего оживления чувства православного народа употреблялся в свободное от работ время, в противовес употребляемым латинянами разным стихотворным гимнам, богогласник, с переложением на ноты православных напевов, уцелевших в оном». Но, так как некоторые псаломщики стали употребить богогласник даже в церкви, то пр. Алексей решительно воспретил это, указав, что богогласник назначен для употребления «благочестивым людям не в церкви, и не при богослужении».

⁶⁰¹ - Заметное улучшение в церковном пении и чтении по некоторым церквам Гродненской губернии заметил пр. Иосиф, бывший епископ Брестский, который справедливо видел в сем одно из важных доказательств благотворного влияния на народ церковно-приходской школы.

⁶⁰² - Нельзя, конечно, отрицать того, что Литовское епархиальное начальство, в лице консистории, неоднократно делало разные распоряжения, направленные, по её мнению, к улучшению состояния пения в приходских церквах, но, к сожалению, эти распоряжения отличались нередко более бюрократическим характером, нежели практическим. Таково, например, распоряжение консистории, сделанное, после

ревизии 1872 года, и требовавшее от священников ежегодного доставления через благочинных сведений о том, «сколько прихожан и какого пола знают и могут петь в церкви, сколько поют и сколько вновь тому обучены». Конечно, причт мог писать, какое угодно число прихожан, якобы знающих церковное пение, так как хорошо знал, что ни благочинный, ни консистория не в состоянии проверить действительное число сих прихожан. Впрочем, и сама консистория в 1876 году, по поводу отчета о ревизии церквей в 1875 году, не скрыла того, что это распоряжение её осталось без действия и, между прочим, потому, что благочинные, обязанные доставлять особые сведения о состоянии церковного пения при богослужении, «повидимому, для закрытия нерадения своих подчиненных, не все это исполняли». По поводу же отчетов пр. Сергия, Авраамия и, наконец, Анастасия, консистория предписала благочинным «избрать способнейших из диаконов, если они имеются в благочинии, или псаломщиков, и поручить им устроить в каждой церкви общее пение, обязав при сем, для сохранения единообразия в церковном пении, все церкви немедленно приобрести обиход, ирмологион, октоих и праздники – нотного пения и «пение на Божественной литургии», назначенное для духовных училищ и церковно-приходских школ и неопустительно руководствоваться ими в практике по обучению церковному пению, и, кроме того, вменила в обязанность благочинным, при полугодичных обозрениях церквей, экзаменовывать младший причт в здании церковного пения и наблюдать, чтобы таковое производилось по указанным руководствам и согласно голосовым средствам». О том, что и это последнее распоряжение консистории мало исполнялось благочинными, которые вообще редко, где объезжали два раза в год церкви своего благочиния, видно, например, из того, что псаломщики, будучи спрашиваемы пр. Иосифом, бывшим епископом Брестским, из катехизиса и петь по нотным цветам, положительно терялись от сих вопросов, настолько они были для них неожиданны.

⁶⁰³ - Впрочем, ревизии церквей в последние годы отмечают тот факт, что крещение через обливание вообще обычно и в

Гродненской губернии, особенно где священниками состояли престарелые лица, хотя купели имелись во всех церквях.

⁶⁰⁴ - Церковный Вестник, 1892 год, № 18.

⁶⁰⁵ - Так из донесения архивариуса Литовской духовной консистории за 1882 и 1885 года видно, что священники называли новорожденных такими именами: как, «Станислав», «Магдалина», «Кароль» и другими чисто католическими именами, или же такими неупотребительными, как, например, «Гали», «Милий», «Злата», «Добрыня», «Еввула», «Лупп», «Римма», «Дросида», «Ясон» и «Ариадна».

⁶⁰⁶ - Мы слышали, что в некоторых приходах Литовской епархии и доселе в некоторых случаях священники употребляют при требоисправлениях требники униатской печати, в виду, вероятно, того, что в униатском требнике Львовской печати содержится перечень разного рода заклинаний, соответственных народному поверью, как, например, чин благословения «млека чародейного» и т.п.

⁶⁰⁷ - Нужно еще заметить, что среди православного населения Литовской епархии и доселе еще сохраняется взгляд римско-католической церкви на дозволенность браков в такой степени родства, как брак двух родных братьев на двух родных сестрах, причем само епархиальное начальство, имея в виду означенный взгляд народа на эти браки, снисходительно относится к таким бракосочетаниям. Так, при пр. Макарии, дело о нескольких таких браках восходило в св. Синод и к самому Государю, который соизволил не расторгать оных, как происходивших 15–20 лет тому назад. Даже такой глубокий знаток канонического права, как пр. Алексей, по поводу венчания подобного брака, ограничился одним замечанием повенчавшему и наложением епитимии на повенчанных.

⁶⁰⁸ - Это мы сами заметили, нередко совершая таинство исповеди в сельских церквях Виленской губернии, во время летних каникул.

⁶⁰⁹ - Что касается до детей, то их весьма редко приобщают здесь, в чём также видно влияние католицизма.

⁶¹⁰ - Пр. Иосиф, бывший епископ Брестский, вообще неодобрительно отзывался о сем обычае исповеди в фесты, без всякого говения, ради только одной торжественности в храме, справедливо указывая на то; что этот обычай имел своим основанием римско-католическое отпустовое богослужений.

⁶¹¹ - Консистория, по сему поводу, поставив на вид это замечание пр. Евгения священникам, обязала всех их приобрести из синодальной лавки «книжицу последования об исповедовании» и руководствоваться ею, при совершении исповеди, и в тоже время запретила брать за исповедь какую-либо плату от прихожан.

⁶¹² - В 1856 году даже священник заштатный Сobotковский был погребен без церковного отпевания, по распоряжению его сына Алоизия Сobotковского, не спросившего на то разрешения и у местного священника. Дело о сем тянулось до 1872 года и окончилось ничем, так как сей Алоизий оказался совратившимся и от духовных увещаний не известно куда скрывшимся.

⁶¹³ - Нужно заметить, что во многих местах в Литовской епархии гробы простых смертных ставятся прямо на полу в церкви и так отпеваются.

⁶¹⁴ - Это убеждение заимствовано у католиков, у которых окропление гроба св. водою имеет главное значение и нередко служит основанием того, что более равнодушные к вере или страдающие материальными недостатками считают лишним беспокоить причт приглашением для погребения, предоставляя последнее только людям богатым. Вследствие сего, у католиков образовался почти общий обычай погребать покойников, без участия ксендзов, которые только в особых случаях и только у богатых людей совершают погребение, а в остальных случаях все дело похорон ограничивается одним позвоном и справкой костельного служки, или донесением братчиков о смерти того или другого прихожанина, для внесения в книги, причем погребение совершают нередко сами же миряне с пением набожных песней. Этот обычай весьма соблазнительно действует и на православных, в особенности же на тех, которые, хотя и присоединились к православной церкви, но не окрепли в правилах и обрядах церковных и которые иногда

стесняются обнаруживать себя православными пред своими родными и знакомыми католического исповедания. Посему, бывали случаи, когда совращенные упорно не желали приглашать священника к погребению и даже, при появлении его для отпевания покойника, заявляли свой протест, не переставая петь польские похоронные гимны и, притом, несмотря на положенное священником начало к отпеванию, или что ещё хуже, делали священнику заявления относительно того, что такой-то умер и погребен, чтобы исключить его из списков, а, между тем, этот мнимоумерший продолжал жить и считаться католиком.

⁶¹⁵ - В некоторых приходах Гродненской губернии «поминальные» субботы перед постами, осенью, зимою и песнею, довольно развиты, причем в домах, в Лашанском приходе, наблюдается в эти дни такой обычай, что устраивается ужин из 5–7 блюд, непременно нечетного числа, остатки которого не убираются, а остаются на ночь в таком виде, как осталось, при выходе из-за стола; при выносе же покойника из дома, ударяют гроб о порог его, в знак прощания с ним покойника. В Бельском уезде крестьянин, заказавший заупокойную литургию, приезжает в церковь с компанией родных и знакомых, которые, во время чтения апостола, берут братские свечи и становятся попарно пред солией, перед которой находится аналой с лежащими на нем 2 ржаными и 1 пшеничным хлебом, чашкой с кутьей, а на ней 2 или 4 яйца – в скоромные дни, а в постные – селедкой (все это после службы идет причту). На аналое, кроме того, ставится крест, а на углах подсвечники. Все служение оканчивается пением стиха «Владычице приими молитвы раб твоих», причем первую половину молитвы поет священник, а вторую – псаломщик. После обедни, отправляются трапезовать с своими припасами в дом священника, а главное пиршество или, так называемая, консуляция, идет в доме хозяина, куда собираются родные и знакомые.

⁶¹⁶ - Дело окончилось тем, что священник этот был подвергнут за, свой проступок ответственности, а собранные в весьма значительном количестве разного рода приношения от

народа были отобраны в пользу попечительства о бедных духовного звания.

⁶¹⁷ - Узнав о таком самовольном поступке причта, митрополит велел немедленно восстановить уничтоженную часть иконостаса над ракою, богослужение на время работы перенести в кафедральный собор и на все это время воспретил настоятелю церкви служение за «недобросовестное и самовольное нарушение церковных правил» и, сверх того, вменил ему в обязанность двухнедельной молитвою у гроба св. Виленских мучеников очистить свою совесть, а местному благочинному сделал замечание за допущение означенного самоволия и недонесение ему.

⁶¹⁸ - В № 7 Литовских епархиальных ведомостей за 1894 год сообщалось, что народ и теперь, на третий день праздника св. Троицы, стекается сюда в честь Антония Падуанского, от статуи которого, привезенной еще во времена унии и поставленной на месте нынешней часовни, якобы происходили исцеления. Народ с благоговением смотрит в окошечко, ведущее в склеп кладбищенской церкви, где совершается в этот день обедня, и через которое видны куски статуи, и нередко бросает туда деньги. Автор сей корреспонденции справедливо замечает, но сему поводу, что местному православному духовенству необходимо, как можно чаще разъяснять и напоминать крестьянам, кого они должны чествовать в этот день, так как, только при частом повторении, возможно устранение тех понятий, которые привиты были здесь во времена унии.

⁶¹⁹ - По медицинскому исследованию, женщина эта оказалась нервнобольною от излишнего употребления вина.

⁶²⁰ - Автор сего сообщения совершенно справедливо заметил, по сему поводу, что подобная мера, т.е. отбирание денег, собранных путем поддерживания таких суеверных рассказов, и применяемая ко всем подобного рода, случаям, была бы рациональною мерою против возможности появления и распространения молвы о подобного рода видениях и чудесах.

⁶²¹ - Архимандрит Порфирий Успенский, проезжая еще в 1841 году по западному краю заметил, что жители оного любят ставить на дорогах деревянные высокие кресты, так что ему приходилось видеть 3–8 крестов, особенно там, где сходились две или три дороги. «Книга моего бытия», т. 1, стр. 10.

⁶²² - В 1858 году возникло целое дело, тянувшееся до 1864 года и восходившее в св. Синод и Сенат относительно креста, очутившегося на участке земли, купленном одним евреем у прежнего его владельца, православного, поставившего раньше здесь крест. Литовская духовная консистория первоначально истребовала сноса дома еврея, ссылаясь на ропот православных на то, что дозволено еврею так близко поставить дом свой к кресту, к которому в торжественные дни православные ходили с крестным ходом. Однако, впоследствии, когда св. Синод, вследствие жалобы, поданной евреем в Сенат, потребовал от консистории обстоятельного изложения сего дела, консистория, имея в виду, с одной стороны, то, что крест этот был воздвигнут усердием частного человека и потому не составлял какого-либо священного памятника, а с другой, что принуждать еврея переносить дом, построенный им на приобретенном месте, значило бы ограничивать его в распоряжении своим имуществом, положила оставить крест на прежнем месте впредь, до разрушения.

⁶²³ - Так, например, когда ксендз Наровского костела поставил крест в пределах Бельского православного прихода, около самой дороги, и для поставления ещё одного креста освятил сосну, предоставив крестьянам сделать из неё крест, Литовская духовная консистория выразила протест против сего поступка ксендза, и Гродненское губернское правление распорядилось, вследствие сего, о перенесении сего креста на приходское православное кладбище. Впрочем, православное духовенство и само нарушало означенное распоряжение Министерства Внутренних Дел, как это, например, видно из дела о священнике Токарского прихода, который самовольно поставил крест на месте, якобы ознаменованном чудесным явлением одной женщине, и у сего креста служил молебствия, собирая обильные приношения.

⁶²⁴ - Св. Синод в 1870 году признал это распоряжение Литовского епархиального начальства правильным, предписав только, чтобы форма крестов была правильная и не имела бы сходства с формой крестов католических.

⁶²⁵ - Как на остаток униатства в обычаях народа, должно указать на обхождение крестьянами около храма трижды на коленях, целование пола в нём, складывание рук пред собою ладонями и шептание «пацера» или «отче наш», под каковым названием разумеются повседневные молитвы «Царю небесный», «Пресвятая Троица», «Отче наш», «Богородице Дево», «Под Твою милость», Символ веры, 10 заповедей и «Боже милостив буди мне грешному».

⁶²⁶ - В отчете г. обер-прокурора св. Синода за 1888 год (стр. 142) указывалось на то, что крестные ходы, устраиваемые ксендзами в Гродненской губернии, с разрешения местных властей, во всякое время, соблазняли не утвердившихся в православии и поддерживали упорство совратившихся.

⁶²⁷ - Литовские епархиальные ведомости, 1887 год, № 1–2.

⁶²⁸ - Конечно, крестный ход совершается при колокольном звоне, который здесь вообще редкий, унылый, даже и в великие праздники, видимо остающийся одним из тяжелых наследий от унии.

⁶²⁹ - По поводу сих отпусков в Подольских епархиальных ведомостях за 1898 год указывалось на то, что они далеко не везде благочинны и потому не могут питать религиозного чувства богомольцев. «Посетите отпуск, пишется здесь, и войдите в церковь. Если только не идет всенощная или литургия, в разных местах храма приглашенные настоятелем священники совершают различные молитвословия. Случается, что и во время всенощной и лаже литургии, отправляются другими священниками разные молитвословия в притворе и на погосте, кругом церкви. В то же время церковный староста и доверенные от него и причта лица ходят с колокольчиками между толпой и собирают деньги. Везде шум и гам». Автор сей заметки выражает желание, чтобы на отпусках обращалось побольше внимания на церковную проповедь, которая должна

произноситься не только в церкви, но и на погосте, и по содержанию касаться близко народа и по языку быть вразумительной, особенно в виду того, что на такое значение общественных молений давно обратили внимание ксендзы и умело пользуются этим средством. Церковный Вестник, 1898 год, № 30.

⁶³⁰ - Ревизией церковью Гродненской губернии в последнее время замечено оставление священниками своих церквей, ради «престолов» в соседних приходах, даже в такие праздники, как Вознесение, Крещение и даже храмовой праздник в своей церкви.

⁶³¹ - По ревизским отчетам о состоянии церковей некоторых уездов протоиерея Гомолицкого замечено было о том, что священники ни разу не посещали своих прихожан в продолжение года.

⁶³² - Об этом, например, было замечено в ревизорском отчете о состоянии осмотренных пр. викариями церковей в 1870 году, где говорилось, что в некоторых местах в великую субботу плащаница не обносится вокруг церкви и даже не бывает обедни, так как священники уезжают по деревням для освящения пасхи, и только кое-где в понедельник, на Фоминой неделе, собирался народ к богослужению, и, при пении «Да воскреснет Бог», носил плащаницу около храма.

⁶³³ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 496.

⁶³⁴ - Вследствие сего, по предписанию пр. Иосифа, было выписано консисторией 1654 книжек краткого катехизиса.

⁶³⁵ - Были, конечно, и такие священники в епархии, которые усердно и с успехов преподавали народу катехизические поучения. Таков, например, был священник Филарет Орловский, о котором пр. Филарет в 1858 году, после объезда церковей Ошмянского и Свенцянского уездов, отзывался с похвалой за то, что он рачительно обучал прихожан, как в церкви, так и по деревням, на простонародном наречии, и с замечательным успехом преподавал катехизис, причем награждал успевающих мальчиков и девочек при обучении бронзовыми крестиками.

⁶³⁶ - Так, например, в 1852 году благочинный протоиерей Стукалич представил, было, митрополиту Иосифу составленные им наикратчайшие катехизические вопросы, направленные (по его мнению) к пониманию простого народа и написанные на польском языке, как на самом понятном для народа наречии, но ректор семинарии, архимандрит Александр, которому поручено было рассмотреть этот литературный труд Стукалича, нашел, что оный, по своей неполноте и отсутствию в нем всякого порядка в изложении истин веры, не заслуживает быть напечатанным, тем более, что Стукаличем были употреблены польские буквы смешанно с славянскими, для выражения нечистого белорусского наречия, что, по мнению архимандрита Александра, могло послужить поводом к распространению и увеличению в народе безграмотности, об уменьшении которой заботилось правительство, Точно также и по той же причине, не был признан годным к напечатанию представленный в 1865 году священником Гереминичем его составления катехизис.

⁶³⁷ - Волковысский съезд, находя, что все известные дотоле катехизисы были приспособлены только для школьного употребления и, по своей обширности, не были пригодны для обучения всего народа, который, между тем, по состоянию своих религиозных понятий несомненно нуждался в простом, сокращенном изложении главнейших истин веры, а катехизических бесед не имел возможности выслушивать, вследствие непостоянного посещения богослужения в воскресные и праздничные дни, признал полезным поручить опытнейшим из своей среды священникам составить краткий общедоступный катехизис для обучения по оному народа и, по составлении, представить таковой на рассмотрение епархиального начальства. Впрочем, практического осуществления это постановление съезда не имело.

⁶³⁸ - По поводу сих замечаний преосвященных ревизоров, консистория от 23 сентября 1877 года предписала благочинным вразумлять священников быть верными своему призванию и не опустительно действовать в духе св. веры для блага церкви и народа, просвещая темную массу народа и руководя ее в христианской и нравственной жизни. Для сего, по мнению

консистории, священники должны были стать ближе к народу, изменив панское и горделивое обращение с прихожанами, и поставить себя в такое положение, которое не ограничивалось бы одним совершением богослужения и требоисправлениями, а заключало бы в себе ревность к распространению и утверждению среди народа царства Божия через обучение народа молитвам, указывание главнейших христианских обязанностей, изъяснение православного богослужения и обычаев православной церкви и через заботливость об уничтожении среди прихожан бессмысленных и часто предосудительных обычаев старины.

⁶³⁹ - Литовские епархиальные ведомости, 1874 год, № 1.

⁶⁴⁰ - Сравнительно большее распространение грамотности среди народа не могло не повести к облегчению труда духовенства в обучении молитвам прихожан, через поручение, например, грамотным в свободное время собирать в один дом неграмотных и обучать их, каковой способ обучения был замечен пр. Сергием в 1882 году в Городиловском приходе Ошмянского уезда и рекомендован консисторией всему духовенству епархии, с предложением, чтобы молитвы, которые поются в церкви, пелись и в этих собраниях.

⁶⁴¹ - Между тем, некоторые священники, не употребляя особенных усилий в обучении брачующихся молитвам, прибегали к такой оригинальной, хотя и предосудительной, мере, как obligation брачующихся внести для богатых из них до 30 рублей, а бедным 10 рублей в качестве залога, в обеспечение того, что они через две недели, после брака, выучат необходимые молитвы. Это обстоятельство побудило в 1883 году Литовское епархиальное начальство призвать эту меру действием неправильным, несвойственным пастырскому достоинству, безуспешным к достижению намеченной цели и дающим повод к жалобам на вымогательство духовенства и на захват ими церковной собственности, а потому строжайше воспретить духовенству требовать при браках денежных залогов.

⁶⁴² - Литовские епархиальные ведомости, 1882 № 51.

643 - Основными положениями для учреждения и содержания церковных библиотек были признаны следующие: 1) все протоиереи и священники известного благочиния обязывались жертвовать на библиотеку 2–3 рубля ежегодно из своего содержания, диаконы 75 копеек – 1 рубль и причетники 30–50 копеек ежегодно. При сем принимались и большие пожертвования, как деньгами, так и книгами. Обязательное же возвышение платы могло быть сделано только по добровольному приговору большинства священнослужителей в благочинии; 2) посторонние, светские лица, желавшие пользоваться чтением книг из библиотеки, обязывались платить за право чтения столько же, сколько и священники, и, сверх того, представлять, по усмотрению наведывающего библиотекою, некоторое количество денег, в обеспечение возврата получаемых для чтения книг; 3) деньги должны были вноситься благочинному или заведующему библиотекой по полугодиям, вперед; 4) книги и периодические журналы, преимущественно духовного содержания, должны были выписываться, по соглашению между собою большинства священно-служителей, причем указания епархиального начальства о необходимых и полезных книгах должны были приниматься к сведению и исполнению, по мере средств; 5) заведывание библиотекой поручалось благочинному или местному священнику, по доверию большинства священнослужителей в благочинии, причем и склад библиотеки мог быть переносим от одной церкви благочиния к другой, по усмотрению того же большинства, хотя и без употребления на это средств, принадлежащих библиотеке; 6) при библиотеке должны были иметься две книги со скрепою благочинного, из коих в одной должен был записываться приход и расход жертвуемых на библиотеку денег, а в другой – записываться все книги, составляющие библиотеку и вновь приобретаемые; 7) за целость и порядок в библиотеке отвечал заведующий ею, причем для ревизии библиотеки в конце каждого года должен был назначаться или благочинный, или доверенный от духовенства, по определению самого духовенства, который обязан был о последствиях ревизии записывать сведения по

обеим книгам. Установление более подробных правил, в случае надобности, предоставлялось самому местному духовенству благочиния, с утверждения местного благочинного; епархиальному же начальству доводилось о сем только до сведения и испрашивалось разрешение лишь в случае особенной важности и недоумения.

⁶⁴⁴ - Дело Литовской духовной консистории. 1867 год, № 961.

⁶⁴⁵ - В письме в редакцию Литовских епархиальных ведомостей один священник указывал на то, что надежда митрополита Иосифа на благочиннические библиотеки не оправдалась, потому что сии библиотеки, существуя узко четыре года, не приносили никакой пользы духовенству, почему некоторые из депутатов IV епархиального съезда заявляли о необходимости закрыть их и открыть на место их церковные библиотеки. Причиной такого положения благочиннических библиотек этот священник справедливо считал, главным образом, равнодушие духовенства к своему самообразованию и беспорядочность в заведывании сими библиотеками. «Мне кажется, писал сей священник, что церковные библиотеки, которые предполагалось открыть, вместо благочиннических, существовали бы также только по имени, ибо духовенство еще не охотнее жертвовало бы на них, как по тому, что имело бы меньше внешних побуждений, так и потому, что ничтожное пожертвование приносило бы и ничтожные плоды». По мнению сего священника, в видах доставления сими библиотеками пользы духовенству, следовало: 1) поставить дело так, чтобы оно находилось в руках лиц, избранных самим духовенством, а не лиц, так или иначе захвативших в свои объятия библиотеку, как свою собственность; 2) чтобы библиотекари имели точную инструкцию и ею строго руководствовались. Литовские епархиальные ведомости, 1874 год, № 10.

⁶⁴⁶ - Духовенство Шавельского благочиния в 1870 году, учреждая свою библиотеку, выписку для оной отдельных сочинений предоставило усмотрению библиотекаря, который должен был только в особых случаях испрашивать мнения и согласия духовенства.

⁶⁴⁷ - По рапортам благочинных за 1886 год в 26 благочиннических библиотеках имелось книг от 52, в самой меньшей и до 75 в самой большой. Из них 17 библиотек в сем году пополнились такими книгами, как 12 томов русской истории пр. Макария, словарь нового завета Гильдебрандта, слова митр. Филарета, протоиерея Полисадова, акты Виленской археографической комиссии и другие.

⁶⁴⁸ - Ревизией церковей в 1895 году было засвидетельствовано, что в Бытенской благочиннической библиотеке, хотя было 84 книги, но она уже 7 лет бездействовала, потому что никто не брал из неё книг, кроме одного священника, и с 1889 года никто денег не вносил на нее.

⁶⁴⁹ - Говоря о библиотеках, нельзя, впрочем, не заметить и о том, что Литовское епархиальное начальство само иногда в рассылке книг по библиотекам действовало неосмотрительно, принуждая приобретать такие книги, которые не заслуживали доброго отзыва. Так, это было с книгою кафедрального протоиерея Гомолицкого: «Объяснение Божественной литургии», которая в 1883 году была разослана через благочинных епархии в количестве 10 экземпляров на каждую церковь. Между тем, оказалось, что эта книга была почти буквально описана с книги Галичского священника Добрянского, напечатанной на славяно-малорусском языке во Львове, каковая подделка была обличена публично в Церковном Вестнике за 1883 год, № 9.

⁶⁵⁰ - Дело Литовской духовной консистории. 1872 год, № 275.

⁶⁵¹ - Ревизией церковей в 1895 году по Гродненской губернии также был отмечен тот факт, что духовенство епархии было вообще туго на выпуску духовных периодических изданий.

⁶⁵² - В 1897 году по инициативе и при материальном участии архиепископа Иеронима, духовенство епархии собрало 1069 рублей, на которые было положено учредить 19 библиотек при церквях, полагая на каждую по 70 рублей, 9 – по Гродненской губернии и по 5 в Виленской и Ковенской – имени К. П.

Победоносцева, по случаю исполнившегося пятидесятилетия его службы.

⁶⁵³ - В двух школах число учеников не было обозначено.

⁶⁵⁴ - Если уже в 1887 году священник Флор Сосновский в своем отчете о состоянии церковно-приходских школ во 2-м округе Бельского благочиния жаловался на то, что псаломщики, как большею частью неучи и невежды, нигде почти ничему не научившиеся, не могут быть помощниками священникам в деле обучения, то, тем более, это приложимо к дьячкам времени митрополита Иосифа.

⁶⁵⁵ - Московские Ведомости, 1864 год, № 24.

⁶⁵⁶ - Литовские епархиальные ведомости, 1864 № 24.

⁶⁵⁷ - Записки митрополита Иосифа, т. 2, 672.

⁶⁵⁸ - Записки митрополита Иосифа, т. 3, 1255.

⁶⁵⁹ - Особенно сему удивляться не приходится, если принять во внимание, например, то, что при Изабелинской церкви сам священник Л., бывший здесь в 1868–1872 годах, завел школу с обучением по-польски.

⁶⁶⁰ - Дело Литовской духовной консистории. 1866 год, № 521.

⁶⁶¹ - К сожалению, приходится отметить тот факт, что число церковно-приходских школ по Литовской епархии показывалось иногда не верно. Так, в св. Синод в 1862 году был представлен отчет о числе сих училищ, на основании сведений прежнего времени, вследствие того, что благочинные, несмотря на неоднократные предписания, или замедлили доставлением о том сведений, или же и совсем не представили. При сем еще обнаружилось, что некоторые священники показали ложно и число учеников в школах.

⁶⁶² - Из этого становится очевидным, насколько сомнительна была цифра, показывавшая число церковно-приходских школ, открытых при м. Иосифе.

⁶⁶³ - Не этим ли сокращением числа церковно-приходских школ объясняется появление сообщения в № 26 Литовских епархиальных ведомостей за 1873 год, перепечатанного из Русского Мира, в котором отмечалось более чем равнодушное

отношение духовенства Гродненской губернии к образованию детей, из боязни, что крестьяне, сделавшись грамотными, менее будут расположены к церкви и менее будут заботиться о поддержании приходского духовенства и, вообще, об удовлетворении приходских нужд.

⁶⁶⁴ - Литовские епархиальные ведомости, 1878 № 33.

⁶⁶⁵ - Литовские епархиальные ведомости, 1896 № 31.

⁶⁶⁶ - Литовские епархиальные ведомости, 1886 № 1.

⁶⁶⁷ - Сведения, сообщаемые при сем, о церковно-приходских школах с 1884 года, излагаются, главным образом, на основании годичных отчетов Виленского епархиального училищного совета.

⁶⁶⁸ - Отчет Виленского православного Св. Духовского братства за 1887–1888 годы, стр. 31.

⁶⁶⁹ - Отчет Виленского православного Св. Духовского братства за 1888–1889 годы, стр. 51–52.

⁶⁷⁰ - О нём пр. Филарет, бывший епископ Ковенский, дал в 1858 году весьма похвальный отзыв, указав на то, что он отличался примерною набожностью, хорошо учил народ в церкви и воспитывал своих детей, читал полезные книги, выписывая их на свои средства, и обращал на себя внимание ученым пчеловодством и пользовался уважением и доверием не только своих прихожан, но и окрестных жителей.

⁶⁷¹ - Нет сомнения, что духовенству придется много потрудиться в этом деле, так как еще многие, из крестьян упорствующих, враждебно настроены против школ церковно-приходских. Наглядною иллюстрацией сего может служить факт, имевший место в 1886 году г. в деревне Клепачах, Белостокского уезда, где крестьяне обратились к учителю церковно-приходской школы, только что открытой, с просьбою учить детей их в до обеденное время по-русски, а после – по-польски, причем поселяне обещали посылать тогда не только мальчиков, во и девочек. Дело окончилось тем, что учителю, не согласившемуся на просьбу крестьян, пришлось закрыть школу, за неимением учеников.

⁶⁷² - Брянцев. «История Литовского государства», стр. 654.

⁶⁷³ - Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета, т. 1V, 439.

⁶⁷⁴ - Брянцев. «История Литовского государства», стр. 654.

⁶⁷⁵ - Владимиров. «История располячения». Русское Обозрение, 1896 год, май, 307–308.

⁶⁷⁶ - Г. Владимиров. «О положении православия в северо-западном крае», 1893 год, стр. 35.

⁶⁷⁷ - Сведения о деятельности Виленского братства, главным образом, заимствованы из братских отчетов за разные годы.

⁶⁷⁸ - Г. Владимиров. «О положении православия в северо-западном крае», 1893 год, стр. 37.

⁶⁷⁹ - Таких библиотек в 1897 году было уже 10.

⁶⁸⁰ - Братство же, в последние годы, устроило от себя бесплатные религиозно-нравственные чтения со световыми картинками на предместьях Вильны, – Снипишках и Новом Свете.

⁶⁸¹ - В первые 10 лет торговые обороты братской лавочки были очень малы, так что расход едва не покрывал доходов, но за последние 15 лет стало получаться чистой прибыли 1200–1400 рублей в год.

⁶⁸² - Относительно недоброкачества всякого рода предметов для церковного употребления, приобретаемых в еврейских лавках, кроме нашего собственного, личного наблюдения за сим во время посещения некоторых сельских церквей Виленской губернии, свидетельствует и корреспонденция, помещенная в № 37 Литовских епархиальных ведомостей за 1885 год из Кобринского уезда, в которой указывалось на тот печальный факт, что почти все священники сего уезда покупали означенные предметы не в русской лавке, а у евреев, не смотря на то, что пуд свечей у последних стоил 26–28 рублей, тогда как в русской лавке Мухина 24 рублей. Вино и мука также у евреев были несравненно дороже и худшего достоинства. Писавший эту корреспонденцию священник заявлял при сем, что он не раз покупал, в ближайшем местечке, при истощении у него запаса, вино, вместо кавказского-

церковного, – самый простейший Антопольский настой черники на водке, разведенный водою. В еврейской, так называемой крупчатой муке тоже не раз приходилось находить примесь молотой кукурузы и другого. Причиной же того, что священники покупали эти продукты все-таки у евреев, по заявлению автора той же корреспонденции, была боязнь потерять в еврейской лавке кредит для забора себе необходимых продуктов.

⁶⁸³ - Он завел в 1884 году при своей церкви отделение епархиального склада, где продавались восковые свечи, парча, кресты, иконы, ладан, красное вино, крупчатая мука для просфор, и был большой выбор книг учебников, учебных пособий и прочего. Литовские епархиальные ведомости, 1884 № 8.

⁶⁸⁴ - К сожалению, отчет пр. Алексия о состоянии епархии за 1889 год свидетельствовал о том, что склады, сделанные епархиальным начальством, для поддержания в народе религиозного настроения, из книжек, образков и т.п., торговали, вообще, не особенно успешно. В 13 благочиниях из центральных складов и по церквам было продано разных предметов всего на 330 руб. 71 коп. Другие же благочинные или не представили цифр, говоря неопределенно о продаже, или прямо заявляли, что продажи не было, хотя предметы продажи и наличные деньги для приобретения запасов имелись. Причиной сего явления, по мнению преосвященного, были или вялость и нераспорядительность продающих, или конкуренция разносчиков, с обменом книжек и других предметов на сельские продукты, или же, наконец, бедность народа, частая даровая раздача и непривычка к чтению, вместе с недосугом. И только Пухловский церковный склад за 7 лет своего существования через продажу и отчасти через даровую раздачу распространил до 11 тысяч книжек.

⁶⁸⁵ - Проценты взымались с каждого рубля за ссуду в размере от 1–1,5 коп.

⁶⁸⁶ - Так, когда совет братства потребовал от священника Ш. церкви В. сведений о положении ссудной кассы, основанной при сей церкви еще в 1866 году с капиталом в 200 руб., последний ответил, что эта касса предшественником его, Ш., ему не была

передана, и он положительно ничего не знает о ней. Когда же потребовали объяснения по сему вопросу от священника Ш., он донес, что в ссудной кассе в 1870 году состояло 60 руб. и в ссуде – 145 руб., в 1870 году было выдано ссуды 14 руб. и возвращено 10 руб. и процентов – 1 руб. К 1871 году состояло на лицо 57 руб. 16 коп., а в ссуде было 149 руб. При этом священник Ш. заявил, что касса, вообще, не может достигнуть благоприятных результатов, так как взявшие по несколько рублей в ссуду еще в 1866 году не в состоянии были возвратить оную и даже уплатить проценты, вследствие (якобы) неурожая и бедности.

⁶⁸⁷ - Впрочем, на такое определение совета братства, кажется, более всего повлияло не сочувственное отношение архиепископа Макария к этому коммерческому предприятию братства.

⁶⁸⁸ - Главным сторонником сего проекта был кафедральный протоиерей Гомолицкий, который, впрочем, не мог осуществить его, так как на общем собрании братства сей проект большинством голосов был отклонен.

⁶⁸⁹ - В недавнее время, в Ковне открылось новое «Петропавловское братство» при военном соборе. В отчете его за 1897 год говорилось, что оно, возникнув, в виду существенных потребностей местной разнообразной в племенном и религиозном отношении жизни, на первых же порах своего существования стало на довольно твердую почву, так как пользуется симпатиями во всех слоях местного общества. Братская деятельность направлена, по словам отчета, на религиозное просвещение народа и благотворительность (Церковный Вестник, 1898 год, № 11). Но, при всем сочувствии к цели учреждения сего братства, едва ли можно сомневаться в том, что, через открытие нового братства в Ковне, Николаевскому братству придется еще более сократить и, без того, не широкую деятельность, в виду отлива жертвователей и пожертвований в новое братство.

⁶⁹⁰ - В 1892–1893 отчетном году общий капитал братства был 4206 руб. 77 коп. (из коих билетами – 3750 руб.); расход был 245 руб. 37 коп.; капитал братской школы составлял 2600

руб., а расход – 1535 руб. 28 коп. Строительный капитал братства – 1990 руб. 24 коп. и другие капиталы – 1243 руб. Большую часть своих средств братство употребило на содержание школы, причем, с закрытием помещавшейся в братском доме церковно-приходской школы, призреваемые дети стали посещать Воскресенскую церковно-приходскую школу. Всех детей в братском доме к 1893–1894 годам было 9 мальчиков и 8 девочек.

⁶⁹¹ - Так, например, в Комотовском приходе братство существовало еще в 1806 году с уставом, писанном на польском языке.

⁶⁹² - Литовские епархиальные ведомости, 1864 год, № 18.

⁶⁹³ - В Велико-Берестовицком приходе братство, по уставу, состоит из прихожан, постигнутых горем от потери детей или других несчастий, или же, хотя и наделенных благами, но впавших в какой-либо тяжкий грех, и, наконец, из лиц, давших по какому-либо обстоятельству в жизни обет Богу. Как в здешнем братстве, так и в некоторых других, при вступлении в число братчиков, наблюдается тот обычай, что вступающий – сперва исповедуется и причащается и, затем, заказывает молебен, за которым стоит с возженною свечою из желтого воска, причем священник иногда говорит ему речь, указывая на сущность устава братства.

⁶⁹⁴ - Так, например, в Васильковском приходе в 1885 году образовалось братство из одних женщин и девиц, которые обязывались вести трезвую жизнь и быть для других примером лучшей жизни. В храмовые и двенадесятые праздники и в первые воскресенья, после новолуния, эти братчицы стоят с зажженными свечами против солеи, полукругом.

⁶⁹⁵ - Из купленного желтого воска братчики, обыкновенно, сами выделывают свечи, которые, по окроплении их св. водою, остаются в церкви с тем, чтобы одна часть их употреблялась для освещения храма, в продолжение года, а другая – хранилась в самой деревне и употреблялась при всяких церковных торжествах, как-то, при крестных ходах около полей, совершении молебнов, при отпевании и проводах покойников, и

при освящении домов. В большей части приходов братчики стоят с своими свечами и при богослужении в церкви.

⁶⁹⁶ - Так, при К. церкви братство должно было прекратить свое существование еще в 1860 году со смертью старшего братчика, причем погибли и суммы братские и книги приходо-расходные.

⁶⁹⁷ - Литовские епархиальные ведомости, 1875 № 23.

⁶⁹⁸ - Нужно заметить, что в западной России для призрения бедных и больных существовали особого рода богадельни, носившие название шпиталей. Эти шпитали возникали большей частью по частному почину благотворителей и получали некоторые права от государства, как например, привилегии на записываемые на них фондушии и ограждение целости их движимых и недвижимых имений. На этих учреждениях сосредоточивали, между прочим, свою благотворительную деятельность и древле-западно-русские братства.

⁶⁹⁹ - Ревизия церквей в 1892 году открыла, что, хотя с 1 января 1879 года был положен в Гродненской казначейство капитал Свечина – 1500 руб., но куда шли проценты с него, неизвестно;

⁷⁰⁰ - Русское Обозрение 1896 сентябрь, стр. 165–166.